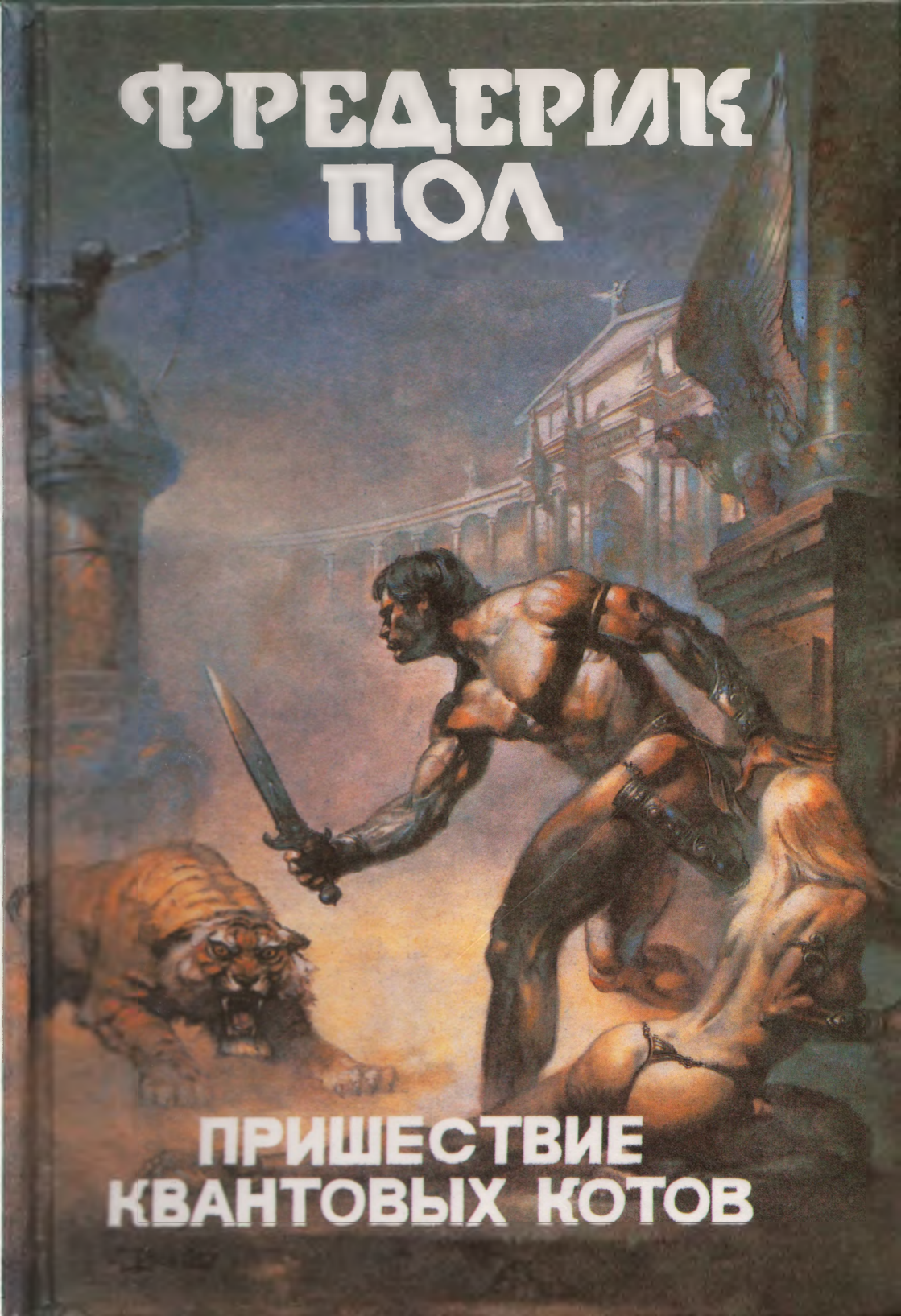
МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

10

ФРЕДЕРИК ПОЛ



ПРИШЕСТВИЕ КВАНТОВЫХ КОТОВ

МОСКВА
ГФ «ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1993

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
10

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ПРИШЕСТВИЕ КВАНТОВЫХ КОТОВ

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ФРЕДЕРИК ПОЛ
ПРИШЕСТВИЕ КВАНТОВЫХ КОТОВ

Прорыв в квантовой физике разрушил границы между альтернативными мирами. История в хаосе из-за столкновения миллиардов возможных будущих.

Армия захватчиков вторглась в соседние реальности — рискуя жизнью, герои обороняют множество миров.

Захватывающий саспенс с великолепной научной теорией — «Пришествие Квантовых Котов» Фредерика Пола — есть триумф воображения, Хьюго плюс Небьюла, завоеванные грандом научной фантастики.

«Пришествие Квантовых Котов» — это удивительный роман о параллельных мирах и о том, что могло бы быть, с поразительно жутким концом...

(Дэвид Брин)

Редактор, футурист, лауреат премий — Фредерик Пол является одним из самых известных мастеров фантастики. Он автор более чем тридцати романов и сборников произведений — включая «Длен», «Человек-плюс» и трилогию «ВОРОТА». Среди его наград 5 ХЬЮГО и 2 НЕБЬЮЛЫ, а также приз Джона Кэнебелла, премия Эдварда Смита и приз «Апполон».

Некоторые выражения могут слегка шокировать отдельных граждан.

ISBN 5-85550-005-5

В оформлении обложки использованы работы американского художника Бориса Валежи
© ТОО «Транспорт»

ПРИШЕСТВИЕ КВАНТОВЫХ КОТОВ

Жесткая фантастика по Фредерику Полу

ДВОЙНИК

Когда его привели, он не смотрел на меня. Думаю, он знал, что подняв глаза, взглянет в свои собственные. Или мои... Наши.

Он имел мое лицо, такой же цвет волос, даже маленькую родинку вверху. Но были и небольшие отличия: он был легче меня фунтов на шесть или на восемь и носил другую одежду. Это был комбинезон из цельного куска блестящей зеленой материи, с карманами на груди.

Я сказал сам себе: «Доминик! Взгляни на меня!» — Молчание. Другой Доминик не ответил.

Я попробовал снова: «Доминик! Ради бога, скажи, что случилось!»

Тогда он поднял глаза — но не на меня — он взглянул на настенные часы, что-то подсчитал в уме. Затем повернулся ко мне и сказал: «Доминик! Ради бога, я не могу!» — И исчез...

АВГУСТ, 16 1983 г. время: 20.20 Ники ДеСота

Когда раздался звонок, я держал одну руку на баранке руля, готовый рвануть, а другую высунул в окно, показывая левый поворот. Мое внимание было приковано к уличному регулировщику, который раздражающе много болтал, забыв про дорожное движение на Мичем-Роуд. Моя голова опухла от регулировки закладных, условий и приемлемых заемов джи-ай — так или иначе, я еще должен искупаться после ужина со своей подружкой. Был вторник — а значит, самое время для купания. Ведь иногда в будни, после наступления темноты, водные спасатели смотрят на купающихся без одежды сквозь пальцы.

Звонок разнес все вдребезги.

Я не переносил трезвонящий телефон — и рискнул. Убрав руку с руля, я поднял трубку: «Говорит Доминик ДеСота! Я вас слушаю!» — Только я это сказал, как коп вспомнил про дорожное движение и властно махнул рукой.

Это произошло так неожиданно.

Водитель междугородного трамвая видел, что я медлил, и поехал через перекресток как раз в тот момент, когда я дал газу. Телефонистка на другом конце линии сказала что-то похожее на китайский или язык индейцев чокто. Это не было ни одним из этих

языков — просто связь была неточно настроена — вы же знаете, как они работают к концу смены! Устало и немного неряшливо, они без всякого сожаления врезаются в ваши частоты. Я не понял ни единого слова. Мне было плевать на это, потому что двадцатитонная масса вагона преградила мне дорогу. Водитель не мог развернуть трамвай, и оставался только один путь, где я мог избежать столкновения. К несчастью, в центре этого пути стоял полицейский...

Я не сшиб его — но в этом была только его заслуга. Он успел отскочить в сторону. Всего-навсего в сторону. Так что я слегка подпортил его ботинки, но не задел пальцев.

Я не сержусь на него за вручение повестки. На его месте я поступил бы так же и даже хуже. Я не имел бы к нему претензии, если бы он дал сдачи — но коп не сделал этого. А просто задержал меня на три четверти часа, приказав остановиться на обочине у лесопарка вместе с другими штрафниками. Он был абсолютно спокоен — попросил лицензию и внимательно изучил ее. Потом ушел распутывать дорожный беспорядок. Вернулся и спросил другое — чем я занимаюсь, долго ли живу около Чикаго и знаю ли я, что автомобиль должен уступать дорогу трамваю...

В промежутках между вопросами, я пытался возвращаться к звонку. В моем бизнесе вы живете телефоном: кто-нибудь звонит вам и просит закладную, а если вы не окажете эту услугу, он обращается к конкурентам. Кроме того, отдельные звонки вызывали тревогу. Это было отчаянием. Несомненно, вы никогда не держали в своем автомобиле сразу два телефона. Единственное, что мне приносило удовлетворение от этих причудливых вещичек — это то, что они прекращали звонить, как только я был связан с абонентом.

Когда я отозвался, на другом конце были шокированы: «Вы не представляете себе, мистер Доминик,— сказал женский голос,— сколько мне пришлось звонить, чтобы найти вас!»

«Наверное, около миллиона,— предложил я,— пока не наткнулись на другого. Это не мистер Доминик, а мистер ДеСота. Доминик ДеСота.»

Выпад не дал никакого отпора. Вместо этого она возмущенно сказала: «Вы ошибаетесь — частота правильная!» Обманув ее ожидания, я подключился на ее частоту.

«Вызов мог быть совсем для другого!» — «Однако, полагаю, с моим именем!» — предположил я, но в этот момент вернулся коп и спросил, были ли мои родители иностранными подданными и не болен ли я заразными болезнями.

Он раздраженно ушел, увидев, что я болтаю по телефону — вместо того, чтобы раскаиваться в грехах. «Не принимайте это близко к сердцу!» — сказал я телефонистке. Взял повестку в суд. Битые полицейские ботинки. (метафора!) Обещание, что это никогда не повторится. (пылкое!) Поехав со скоростью тридцать две мили в час, я желал, чтобы остаток дня прошел более удачно.

Этого не произошло, хотя в дороге не было никаких признаков. Грета не ответила на звонок — наверно, ушла в супермаркет за покупками или еще куда-нибудь. Она должна прийти на пляж лесопарка Мехтаб-ибн-Баузи ближе к ночи. А я еще не договорился насчет некоторых закладных и даже не попросил вернуть рекламные проспекты.

И я удивился, поистине удивился — когда совершенно скрипуче и пронзительно в прерванном звонке я услышал — я почти был уверен в этом — слово «ФБР».

Я начинал как торговец... Истинная правда! До окончания колледжа я занимался настоящей торговлей. Потом перешел в кредиторы.

Если я говорю кому-либо, что маклеры живут более интересной жизнью, чем агенты по продаже недвижимости, на меня пялят изумленные глаза. Тем не менее, это действительно так! У кредиторов масса хлопот. Вы делаете явью людские грезы. Вы видите, что нет более интересного народа, чем мечтатели. Временами меня совсем не трогают их мечты, потому что лишь немногие из фантазеров — трогательные молодожены. Я не знаю, понимают ли они, что приходят с выгодным тарифом — 5,5 (иногда 5 и 5—8 процентов) — но они получают нужную сумму. Занимают тысячи долларов, платят года 2 или 3 — получив увитый виноградной лозой коттедж своих снов. И я один из тех, кто помогает им осуществить свою мечту. Полагаю, это более подходящий выход, чем занимать где-нибудь в большом банке у чиновника. Около Чикаго этого не происходит, если только вы не родственник какой-нибудь шишки, и этот магнат, разумеется, не итальянец. В банковском деле это арабы. Необычно не это — много ли банков в Америке, которые не субсидируются арабами? Конечно, не очень много из них процветает и расширяется. В банковском деле у меня нет будущего — но арабы не беспокоятся об обслуживании так, как маклеры-кредиторы.

Быть может, причина в том, что (как и большинство людей), они не знают о маклерах. Я один из тех, кто беседует с клиентами, помогает выбрать необходимую постройку, покончить с налогами, кто управляет клиентами с помощью анкет, улаживает разногласия и удерживает от отказов каждого, кто нуждается в собственном доме. Это жизненная и интересная работа. Я знаю, что этим, возможно, я убеждаю самого себя. Это мне высказала моя девочка Грета — когда я сам не рискнул признаться. Она убежденная сторонница постоянной работы — только не в банке — пока мы не поженимся. А мы собирались сделать это в один из ближайших дней! Работа позволяла это.

Один из ближайших дней...

Между тем, что еще интересней, я говорил так по крайней мере три раза — и это давало мне свободное время. Его я обычно провожу с Гретой. В нашей компании есть правило, согласно которому каждый коммивояжер может проводить пять часов в неделю

«этажное время» — там, в агентстве — чтобы позвонить или встретиться с клиентами. Когда Грета в отъезде (а она стюардесса), я много работаю. Когда дома — стараюсь проводить время с ней. Мне действительно нравится, что она имеет работу, она... нет, это неправда. Я ревную ко всем парням, которых Грета встречает между Чикаго и Нью-Йорком, тревожусь, где осталась переночевать. Несомненно, ее сопровождает Маленькая Фатима... но ведь компаньонки могут ускользнуть. Грета и я знаем все. Я не хочу вспоминать о том, что я научил ее, как это делать в Чикаго — а она использует это умение с кем-нибудь другим в Нью-Йорке. Я не хочу думать об этом!

И стараюсь не вспоминать...

И после всего — этой ночью я иду с ней купаться. Как только вернусь домой, стяну с себя всю одежду, спущу шторы и закрою двери, возьму в потайном шкафу под лестницей бутылку пива. Пока оно охлаждается в холодильнике, я попытаюсь проверить таинственный звонок. Конечно, это безнадежное дело. Мой прерванный звонок погружен под часами многих других. Но когда я сел с ароматной холодной бутылкой — запотевшей по бокам, телефон зазвонил снова. Грета! «Милый Ники? Сегодня пойдем купаться?»

Конечно, несомненно! Я допил пиво так быстро, что захрустели зубы, надел костюм и был уже в воде в то время, когда она только добралась сюда и прыгнула ко мне.

В этот час в бассейне было много людей, тем не менее, когда Грета спрыгнула в воду, глаза всех мужчин были нацелены на нее. Грета прелестна. Она — зеленоглазая блондинка с тонкой талией, ее рост 5 футов и 8 дюймов. Мужчины часто заглядываются на нее. Она в купальном костюме до бедер и юбке — наша пляжная охрана сделалась необходимостью, поскольку мужчины понесли всякую чепуху, как часто делал я сам.

Я уволок ее в темный конец пляжа и поцеловал. Здесь не было освещения — из-за экономии электричества освещался только купальный павильон. Мы стояли в воде — по плечо мне и до подбородка Грете — покачиваясь на кончиках пальцев. Я старательно поцеловал ее, затем крепко обнял и снова прикоснулся губами.

Она поцеловала меня в ответ — довольно долго. Потом выскользнула из объятий и захихикала, пропустив между нами прохладную воду. Когда я снова протянул руку, она сказала: «Ах, милый, ты испепелишь меня!»

Я сказал: «Я хочу...» — но она остановила меня.

— Я знаю, чего ты хочешь. Может быть, я сделаю это — а быть может, и нет!

— Кругом никого.

— Знаешь, Ники, не в этом дело. Что, если я... ты меня понимаешь... влипла?

— Это не очень красиво... — реакции не последовало.— Во всяком случае, можно сделать одну штуку...

— Нет, Ники! Нет, если ты хочешь сказать а... Я никогда не позволю разрушить жизнь моего ребенка. Во всяком случае, такие места нелегко найти — и потом, кто знает, не убьют ли тебя и не испортят ли жизнь?

Она была права — мы оба знали это. Не было дня, который обошелся бы без полицейских рейдов по подпольным абортариям. Людей как преступников тащат в полицию и в камере заключения все пациентки стараются спрятать лицо от посторонних глаз. Мы, конечно же, не хотели оказаться на их месте.

Теперь почти все покинули озеро. И, кажется, никто не обращал внимания на то, что мы не плаваем. Грета успокоенно приблизилась ко мне и не сопротивлялась, когда я поцеловал ее снова.

— Ники! — прошептала она в ухо.

— Что, милая?

Слабый смешок, затем шепот — такой низкий, что я едва разобрал слова: «Как насчет того, чтобы раздеться?»

Я огляделся вокруг. В стороне от пары пожилых мужчин, играющих в шашки, был только спасатель — он читал газету при слабом свете.

— Почему бы и нет? — сказал я.

Теперь вы вспомнили, что купаться обнаженным по пояс — не такое уж большое преступление. В городских законах это называется проступком 3 класса. Значит, вас никогда не арестуют за это — просто оштрафуют, как и за парковку в неположенном месте. Штраф не может быть больше 5—10 долларов, и судья вряд ли приговорит вас к тюремному заключению. Как правило, на первый раз купающихся топлесс просто предупреждают. Так что я никак не мог ожидать того, что произошло. Я не рассчитывал, что на пляже могут внезапно включить свет. Игроки в шашки удивленно вскрикнули, когда кто-то пробежал между ними, подбросив в воздух шахматную доску. Это был кто-то один, но были и другие — бежавшие со всех сторон — из туалета, из женских кабин для переодевания, даже из-за забора — и все они направлялись ко мне.

Грета стояла по горло в воде и удивленно пялила глаза, испуганная и смущенная не меньше меня.

Мир закружился и не переставал вертеться, пока они не загнули меня над капотом машины, стоявшей за ограждением. Металл был горячим — машина подъехала сюда недавно и было заметно, что ее подогнали еще ближе. Они широко раздвинули мои ноги в сторону, гадко недружелюбные руки копа пробежали по мокрому заду плавок — разыскивая оружие. Зачем, Господи? Здесь стояло еще два автомобиля с направленными на меня фарами, находилось, как минимум, с полдюжины человек — следящих за мной — а я находился в самом центре.

И я хотел сказать только одно: «Слушайте, все, что я захватил с собой — это моя проклятая башка!»

Обнаружились странности — вопросы оставались без ответа.

Почему жители Лос-Анджелеса стали жаловаться на то, что их ароматный апельсиновый воздух испортился ядовитыми газами?

Что заставило 20 тыс. мирных царских подданных внезапно замаршировать через деловую часть Киева, выкрикивая революционные лозунги?

Почему в психиатрические клиники стало поступать с диагнозом «паранойя» и, «шизофрения» так много людей, убежденных, что за ними наблюдают невидимые глаза?

Почему внезапно стали происходить странные вещи?

АВГУСТ, 17 1983 г. время: 01.18 Ники ДеСота

Я ездил по магистрали Дейли в город тысячи раз — но не так, как сейчас. Никогда ранее при сиренах и вспышках света на кабине устрашающе большого «Кадилака». В час ночи на дороге было мало машин, но все они удирали с нашего пути, как только замечали мигалку патрульной машины Чикагского отделения полиции. Мы ехали 21 минуту — быстрее, чем просто ехали. Но это были самые длинные минуты моей жизни. Никто не отвечал на мои вопросы — «Зачем вы меня тащите?» — «Заткнись, Доминик!» — «Что я сделал?» — «Там узнаешь!» — «Почему вы мне ничего не говорите?» — «Слушай, сынок, последний раз говорю — заткнись! Шеф-агент Христоф скажет тебе все, что хочешь — и даже больше!»

«Сынок» — так он назвал меня. В моем понимании сам он был гориллой — мокрый насквозь из-за возни на пляже, и, по крайней мере, года на два моложе. Но между нами была большая разница: я был пленником, а он — одним из тех, кто знал все, но не отвечал на вопросы.

На здании офиса в Уобаш, куда меня привезли, не было никаких опознавательных знаков, но охранник без слов пропустил нас внутрь. На дверях двадцатого этажа не было никаких фамилий, в приемной никого не было и до сих пор никто не сказал мне ни слова. Но по крайней мере, на один свой вопрос я получил ответ — увидев на стене портрет, я сразу узнал давно почитаемое лицо — важное и строгое, как кайманова черепаха, непреклонное, как лавина.

Дж. Эдгар Гувер.

Телефонный звонок не был случайностью: я находился в лапах ФБР...

Если вы тонете, вся жизнь до этого момента кажется светлой. Следующие несколько минут я пытался вспомнить все уголовно наказуемые вещи, которые я совершал когда-либо. Не только купание обнаженным по пояс или покушение на Чикагского полицейского. Я вернулся к началу жизни и начал с того момента, когда помочился около стены пресвитерианской церкви Оливет в Архингтоне. Тогда мне было девять лет, и я опаздывал в воскресную школу. Я совершил мошенничество на вступительных экзаменах в колледж — когда (вместо сгоревшего) я представил фальшивое заявление. Когда в общежитии сгорело мое имущество — кровать и пружинный матрас, я заявил, что в этом виноват мой приятель Альфа Капа Ню. Я даже припомнил, как у меня исчезли зачатки совести — одно время я действительно скрывал неприятности с арабами. Это не было гордостью моей памяти. Мой приятель по высшей школе Тим Карасуритис и я выпили три бутылки нелегального пива, чтобы доказать, что мы — мужчины. Плохо было не то, что я открестился от этого, а то, что сделал это на углу Рандольфа и Вакера, около самой большой и богатой мечети Чикаго. И когда я выпил все это прямо на улице, настала очередь Тима. Подняв глаза, я увидел стоявшего неподалеку хаджи с белой бородой и в зеленом тюрбане, который разглядывал нас бешеными негодующими глазами. Скандал! Я понял, что он наверняка сделает это — но считал, что даже арабский хаджи имеет детей. Он не сказал ни слова — только долго смотрел на нас, затем повернулся и вошел в мечеть. Возможно, он вернулся с арабским подобием копов, но мы в то время были уже далеко — во всяком случае, покончив с пивом, мы убежали.

О, я вскрывал глубины моей памяти! Я обшаривал каждый подсудный или порицательный поступок и даже просто неприятные воспоминания, но не находил ничего, что могло бы оправдать приход ФБР в середине ночи.

Минут через десять я набрался достаточно смелости высказать это, но уже никого не было. Они оставили меня одного в небольшой комнате, где было мало мебели. Мой разум чист и ясен. Я был одет в костюм для купания — он, конечно, сохнет долго — но где-то в офисе были открыты окна, и из-под двери дул холодный Мичиганский бриз. Дверь была закрыта снаружи — это я узнал, когда дотронулся до нее.

Забавно, что хотя на мне почти ничего не было, они тщательно обыскали меня. Полагаю, меня не случайно арестовали именно в тот момент, когда я не мог иметь при себе оружие и напасть на одного из них или убить себя (в припадке раскаяния от чудовищности моих преступлений, чтобы утаить хоть одно из них), нарушив тем самым их планы.

Тупицы, я не думал, чтобы что-нибудь в моем прошлом стоило смерти. Затрудняло то, что я не знал, за что арестован — но я не совершал ничего такого. Более того, я ничего не делал. Не только потому, что дверь была закрытой, но и вообще в этой комна-

те мало что можно сделать. Здесь имелся репродуктор, из которого доносилась музыка — в основном, звук скрипки: серьезная вещь. Здесь был стол — конечно же, пустой — а что в ящиках, я не знал. Из-за закрытой двери у меня дергались нервы. За столом находилось вращающееся кресло, перед ним — простой деревянный стул. Я не знал, сколько времени пробуду один — во всяком случае, выбрал деревянный. Я сидел, обнявшись от холода руками, и думал.

И тут дверь без предупреждения открылась и вошла шеф-агент Христоф.

Это была женщина.

Шеф-агент Найла Христоф была не просто одной из тех, кто вошел через эту дверь, но и — без всякого сомнения — важной шишкой. Она была боссом. Все, кто вошел вместе с ней, подчеркивали это языком тел.

На какое-то время я удивился. Конечно же, все знают, что недавно в ФБР начали набирать и женщин — но их никто не видел. Вы знаете о существовании женщин — врачей или водителей такси — поскольку видели их в кинохрониках или фильмах. С агентами ФБР такого произойти не может. В недельных кинохрониках вам никогда не покажут лица агентов. Если хоть один оператор попробует это сделать, рискуя раскрыть правительственный секрет, криминальные последствия для него неминуемы. Тогда он будет дрожать за свою жизнь в комнате допросов.

Как я...

Во всяком случае, она вошла. Перед ней зашел громадный парень, открывший дверь, после нее — толстая стенографистка и другой парень — закрывший двери. Когда она вошла, то рассеянно взглянула на меня, словно в этой комнате я был частью мебели. Я смотрел на нее с большим вниманием. Найла Христоф была хорошенькой девчонкой определенного типа — хорошо сложенной и спортивной. Ее волосы связаны сзади в прическу «конский хвост», и еще она имела бледно-голубые глаза. Она держала руки за спиной, входила в стиле британских адмиралов эпохи парусников — и командовала как адмирал. Два сиплых слова: «Привяжите его!». Толстуха пыхтела за столом и растягивала стенографию: «Запись от Августа 17, год 1983. Шеф-агент Найла Христоф провела допрос Доминика ДеСота».

Мне:

— Не торопитесь. Вы должны говорить только правду и отвечать на все вопросы. Тогда мы кончим через 20 минут. Перед началом допроса принесите клятву.

Это было не так хорошо. Клятва означала, что дело довольно серьезно, и то, что я скажу, будет не просто информацией к расследованию — это послужит показаниями. Стенографистка встала и подошла ко мне с книгами, хрипло попросив повторять за ней. Я протянул руку с Библии на Коран, прикоснувшись к нему

большим пальцем, и поклялся говорить правду, одну только правду и ничего кроме правды — и да поможет мне в этом Бог милосердный, всевидящий и карающий!

«Прекрасно, Доминик!» — сказала Христоф, убрав мою правую руку. Она скользнула по ней взглядом — как бы наблюдая, хотя на самом деле раздумывала, о чем мы будем говорить эти двадцать минут.

— Теперь расскажите мне, зачем вы проникли в Долилаб?

Я изумленно выкатил глаза: «проник... куда?»

— В Долилаб,— терпеливо повторила она.— Что вы там высматривали?

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — сказал я.

Это был не тот ответ, который ожидала услышать агент Христоф. «Дерьмо! — крикнула она сердито.— Я надеялась, что вы будете благоразумным, а не притворяться, что ничего не знаете о Долилабе!» — «Я на самом деле не знаю!»... Все знают о существовании Долилаба — или хотя бы то, что к юго-западу от Чикаго находится секретная военная лаборатория. Дюжины раз я проезжал мимо... «Но, мисс Христоф!» — «...Агент Христоф!» — «...агент Христоф, я действительно не понимаю, что вы имеете в виду — я никогда не был в Долилабе. И, конечно же, не пытался пробраться туда».

«О, святая Фатима!» — сложив руки вместе, со стоном сказала она. Это было неожиданностью! У шеф-агента могли возникнуть затруднения — потребуй кто-нибудь от нее принести клятву. На обеих ее руках не было больших пальцев...

Конечно, люди без больших пальцев не являются редкостью. Это стандартный приговор за вторую попытку кражи, за автоубийство и прелюбодеяние. Но в самом деле поразительно,— подумал я,— встретить без больших пальцев агента ФБР.

Разумом я постиг отсутствие больших пальцев на руках Христоф — но мои собственные были по-прежнему связаны веревками.

— Агент Христоф! — с возмущением сказал я.— Я не знаю, откуда у вас выпала эта идея, но это еще надо доказать. Это невозможно! В последний раз я был близко от Долилаба месяц назад...

Она взглянула на двух копов, затем снова на меня. «...Невозможно...» — повторила задумчиво.

«Это невозможно. Этого не могло быть...» — снова отозвалась она. Затем протянула руку.

Один из полисменов передал досье. Первой вещью внутри была фотография. Христоф взглянула на нее, убеждаясь, что это та самая, затем показала мне. На фото был изображен человек у дверей здания — и это был... я!

Это был я, но одетый в костюм, какого у меня никогда не было — типа комбинезона — как у Уинстона Черчилля, ставшего известным во время второй мировой войны. Но это был я —

верно... «Снимок сделан,— бесцветно сказала Христоф,— камерами наблюдения в Долилабе позавчера ночью. Есть другие...» — она расправила их веером. Не все они были сделаны из этой же камеры — задний план заметно отличался. Но на всех них было то же самое, хорошо знакомое лицо, в этой незнакомой одежде. «И здесь, — сказала она, вытащив из папки кусок картона,— отпечатки из вашего досье в колледже Северо-запада. Они полностью совпадают с найденными в лаборатории».

На картонном бланке под широкими 10 полосами было только 4 отпечатка — я предложил, что все они были получены на месте происшествия. Но даже дилетант мог увидеть, что спирали и канавки на большом и среднем пальцах правой руки и оба указательных очень походили на отпечатки из моего досье.

— Это неправда! — завопил я.

— Вы опять за свое? — недоверчиво спросила Христоф.

— Но это же не я — потому что я не делал этого!

— О, Дьявол! Доминик,— вздохнула она.— Я думала, вы более благоразумны! — закинула руки за спину и посмотрела на пол. Она не давала своим помощникам никаких знаков, но они прекрасно знали свое дело и подошли ко мне.

Били меня не очень много. Вам же известны слухи о том, как они обращаются с подозреваемыми. По этим сплетням, пускают в ход кулаки. Я был уверен, что это не просто слухи — потому что однажды писал вексель на одного бармена, а затем того арестовали по подозрению в продаже крепких напитков человеку моложе 35 лет. После этого ему никогда не потребовалось векселей. Вдова прошептала мне на ухо, в каком состоянии вернули для захоронения тело — это может основательно вывернуть ваши кишки.

Со мной, к счастью, такого не произошло.

Я получал легкие шлепки. Но это было унизительно. Это было унизительно вдвойне, потому что я был связан и не мог дать сдачи. Хорошо, на моем месте вы не сделаете этого — даже не сможете парировать удары руками, а не головой. Моя голова звенела от этих оплеух — открытая ударам. Они останавливались каждые несколько минут, когда агент Христоф задавала вопросы.

— На фото изображены вы, Доминик. Не так ли?

— Откуда я знаю? Это... ой!.. немного смахивает на меня.

— А отпечатки?

— О них я ничего не могу сказать...

— О, Дьявол... продолжайте, мальчики!

Скоро им надоело бить мою голову. Или, возможно, они заметили, что я с беспокойством стал прислушиваться к Христоф — во всяком случае, меня начали бить в живот и спину. Так как я до сих пор был одет только в плавки, то был беззащитен. Это было очень больно. Но бить в спину им нравилось не очень — они могли причинить боль собственным рукам — и делали это без особого восторга. Часто делали передышку. «Измените взгляды, Доминик?» — «Мне нечего менять, черт побери!»

И они снова лупили мой живот. Это было больно. Меня выворачивало наизнанку, в глазах двоилось, и я едва слышал, что говорит агент Христоф.

И я чуть было не пропустил мимо ушей, когда она сказала: «Сопляк! Вы по-прежнему продолжаете отрицать, что были в Долилабе в субботу, 13 августа?»

Я задыхался: «Подождите!» — собственно говоря, они не останавливали попытки сделать из моего живота хороший пунш. «Пожалуйста... нет!» — молил я, и Христоф остановила их. Я сделал два глубоких вздоха и сумел сказать: «Вы имеете в виду прошлую субботу, тринадцатое?»

— Вот именно, Доминик! Когда вас засекли в Долилабе.

Я приподнялся и выпрямился: «Но я не мог там быть, агент Христоф! — сказал я. — Поскольку в прошлую субботу я был в Нью-Йорке. Со мной была моя невеста — она подтвердит. Честное слово, агент Христоф! Я не знаю, кто был в Долилабе, но только не я!»

Ладно, все было не так просто. Я получил еще пару крепких ударов, прежде чем они убедились (или не убедились), но прекратили меня бить. Для подтверждения моего рассказа они подняли с постели Грету. И она рассказала им по телефону все, что помнила. Они проверили. Я не так часто уезжал с Гретой в Нью-Йорк, поэтому она не сомневалась в дате.

Развязав руки, они позволили мне встать и отпустили домой. Один из них даже одолжил мне плащ, чтобы я надел поверх плавок. Думаю, им это было очень неприятно. К тому же, агент Христоф не проронила ни слова — она склонила голову над досье и бешено кусала губы. Один из тех, кто бил меня, сказал, что я могу убираться ко всем чертям. — «Но не очень далеко, ДеСота! Ясно? Без всяких там поездок в Нью-Йорк — только туда, где мы сможем найти тебя в случае необходимости».

— Но я же доказал свою невиновность!

— ДеСота! — огрызнулся он. — Ты еще ничего не доказал! У нас есть все необходимые доказательства — фотографии следящих камер и отпечатки твоих пальцев. Даже этим мы можем засадить тебя на сто лет...

— Но тем не менее, там был не я! — сказал я, и больше ничего, потому что Найла Христоф оторвалась от досье и посмотрела в упор.

Они отпустили меня прогуляться домой только для соблюдения приличий — но я не думал, чтобы это стоило томительного ожидания. Я с трудом поймал такси и таксист подождал снаружи, пока я не вынесу бумажник и не заплачу за проезд 12 долларов. Это мой дневной заработок — но я еще никогда не оплачивал счета с большей радостью.

Заместитель шеф-инспектора Уильям Брзоляк пришел в местный полицейский участок с автоматом 45 калибра в руках, заявил, что стрелял и убил свою жену и пятерых детей, потому что они слишком пристально смотрели ему в спину. «Они хотели бросить меня одного!» — сказал он репортерам.

Купающиеся Юга стали жаловаться на то, что присутствие скользких темно-коричневых шаров, плавающих в воде, делает купание непривлекательным и, возможно, представляет опасность для здоровья.

Летняя буря в пригородах Нью-Йорка в течение 5 часов сбросила 3—4 нормы осадков, что описывается метеорологами США как «метеорологический сюрприз». Это не было связано ни с одной известной фронтальной системой или областью низкого давления. Повреждения имущества в Квинсе и Ричмонде оцениваются в миллионах долларов.

АВГУСТ, 18 1983 г. время: 11.15 Ники ДеСота

Днем спустя все казалось не так уж и плохо. «Простая ошибка!» — убеждал я Грету, когда она позвонила попрощаться — снова уезжала в Нью-Йорк.

— И даже отпечатки?

— Не обращай на это внимания! — сказал я, посматривая на шефов (они задумчиво наблюдали за мной, а часы, висевшие за ними, говорили, что через два часа меня ждут в дорожном суде).

— Ты же знаешь, где я был той ночью?

«Конечно!» — сказала она, вздохнув, хотя больше не была в этом уверена. Полагаю, молодчики из ФБР уже интересовались об этом. Я услышал, как она зевнула. «Ради Бога,— извинилась она.— Я так на это надеюсь... Этот шум прошлой ночи...»

«Какой шум?» — я ничего не слышал: это редко бывает, когда я сплю.

— Словно рев, свист... Разве ты совсем не слышал? Словно гром... Только здесь ведь не было грозы? Извини! — она что-то сказала, прикрыв микрофон рукой. Затем: — Извини, милый, но меня зовут. Я должна идти! Увидимся через пару дней...

— Я люблю тебя! — но говорил уже в мертвый телефон. Кроме того, ко мне подошел мистер Руперт, и я быстро добавил: — Как бы я хотел иметь еще дюжину таких клиентов, как вы. Берусь за это дело и жду вас в офисе.

Я повесил трубку, вежливо взглянул на шефа и быстро перевернул листок бумаги. В дни переговоров я всегда держу их наготове. В тот день у меня действительно была работа — я подготав-

ливал расчеты для клиентов из шести муниципалитетов. Так как у каждого клиента были собственные противопожарные правила и техника безопасности и они владели страховкой, и поскольку в условиях кредита стояла различная сумма, у меня было добрых два часа работы со счетной машиной. Я надеялся на хороший ленч по дороге в Барингтон, но возле магистрали случайно купил бодрящего пива и горячих собак, выиграв на этом две минуты. Я думал, что опоздаю на полчаса, но подоспел вовремя. Да и судья попался неуравновешенный — держал не менее четверти часа, как и все судьи. Многие, кто находились здесь дольше, показывали повестку и получали номер. Я узнал свой — на заседание суда было вызвано 52 человека, и я был сорок вторым.

Я сел и подсчитал в уме. Номер 42 — в лучшем случае, дело слушается полторы минуты. Значит, судья доберется до меня менее, чем через час. Это не так уж плохо — успокоился я — поскольку у меня с собой портфель, набитый чеками и кредитными отчетами. Я мог сидеть в заднем ряду и заниматься бумажной работой.

Я достал кейс, наполненный полдюжиной папок и огляделся по сторонам. Любому, кто никогда не был в дорожном суде, это может показаться занятным. Судья располагался в маленькой штуковине типа детского манежа с двумя флагами по сторонам: слева — старый звездно-полосатый (48 звезд, сияющих на синем фоне), справа — белый флаг штата Иллинойс. Между ними... Между ними на стене висел знак. Там говорилось:

НЕ КУРИТЬ!
НЕ ЕСТЬ!
НЕ ПИТЬ!
НЕ ЧИТАТЬ!
НЕ ПИСАТЬ!
НЕ СПАТЬ!

Так что полдень никак не мог быть продуктивным, как я надеялся.

Я попытался незаметно открыть портфель на коленях — попытка провалилась. Между рядами бродил толстяк в униформе Барингтонского отделения полиции и наблюдал за моими действиями. Кажется, здесь не запрещалось иметь на коленях материалы для чтения или записи, и он не приказал убрать их. Но вы можете понять, что он просто ожидает повода придраться — один маленький взмах ручкой, одно лишь слово, подсмотренное краешком глаз — и все...

Я одарил толстяка снисходительной улыбкой и повернулся к соседу. «Здесь очень жарко, не правда ли? — спросил я у него.— Вам не кажется, что помещение не проветривают?»

— Наверно, неисправны вентиляторы,— шепнул сосед. Это было все, что он сказал. В правилах ничего не было насчет разговоров — но, на всякий случай, он прикусил язык. Голос сзади пояснил:

— Они прекрасно работают — просто последний счет за электричество оказался слишком высоким! — Я оглянулся. Мне улыбался энергичный молодой человек, одетый в шикарный белый костюм — на ближайшем стуле лежала белая панама. Одет очень вызывающе — подумал я.

— Трудно сдержаться, чтобы не уснуть! — прибавил он.— Особенно после того, как шум всю ночь не давал заснуть...

И снова шум! Я опять сказал, что ничего не слышал — и оба они — франт и парень из моего ряда, были рады поделиться подробностями. Понимаете, похоже, он раздавался с неба. Нет, это был не самолет — когда летит самолет, вы слышите звуки мотора — а здесь не было ничего подобного. Это было похоже на что-то ревущее — хотя, да, наверное, вы правы — приходится думать именно так — они раздавались где-то неподалеку от аэропорта. На полпути? Нет — там еще находятся небольшие частные поля Олд Орчард — некоторые хотят переименовать их в О'Хэйр. И, мальчики, этот шум был НЕЧТО НЕПОНЯТНОЕ. Все согласились с этим — и через полчаса я бы, возможно, тоже — если бы служитель не объявил: «Его Честь Тимоти П. Маграан! Всем встать!»

И мы встали. Его Честь вошел, покрываясь потом в своей девяносто восьми долларовой черной мантии, и посмотрел на нас как бухгалтер — без всякого удовольствия. Когда нам разрешили сесть, он глубоко вздохнул и прочитал небольшую мораль:

— Леди и джентльмены! Сегодня многие из вас обвиняются в мелких дорожных проступках. Я не знаю, как вы себя чувствуете, но мне все это представляется весьма значительным. Дорожные проступки — это не такие вещи, которые не имеют существенного значения. Совсем наоборот! Нарушение правил дорожного движения — это преступление против движения! А преступление против движения на дорогах — это преступление против чудесного народа, который сделал возможным наше передвижение — против наших друзей с Среднего Востока, включая самого Мехтаба-ибн-Баузи! Преступление против наших друзей с Среднего Востока есть преступление против самих принципов религиозной терпимости и демократической дружбы между народами!..

Для меня уже не было неожиданностью, когда щеголеватый завсегдатай в белоснежном костюме прошептал в ухо, что судья Маграан выдвинут на перевыборы в ноябре. В это же самое время судья говорил нам, что преступление против Корана — это преступление против религии в целом, включая и наше собственное христианское вероисповедание. Я начинал постигать, что дорожный штраф оказался более серьезным — и мои надежды на относительно безнаказанное снятие штрафа оправдались бы только в том случае, если бы вызвавший меня офицер не появился в суде. Но этого не произошло... В зале суда была отдельная скамья, на которой сидели пять-шесть человек (несколько — в полицейской форме штата, остальные — из других муниципалитетов), среди

них и мой добрый приятель с Мичем-Роуд. Он, конечно же, знал, что я на месте, но не улыбнулся и не кивнул — время от времени я чувствовал на себе его глаза.

Перед судьей предстало первое дело — перепуганная молодая женщина с ребенком в коляске (ехала со скоростью 68 миль в час в зоне с ограничением скорости в 60 мл/ч) — она получила штраф в 25 долларов и полгода испытательного срока. Второе было значительно хуже — водитель находился под воздействием алкоголя, это было его третье нарушение, и он ехал, подвергая опасности жизнь людей, не замечая дорожных знаков. Этому человеку было не более двадцати лет, и ему уже не пришлось покинуть здание суда по своей воле. Один из офицеров немедленно надел наручники и стал ожидать вынесения приговора. Когда парня выводили из суда, я заметил его тоскливый взгляд на свои большие пальцы, которые он больше не рассчитывал иметь такими длинными.

Я выпрямился и убрал свой портфель — многие в комнате сделали то же самое. Оказалось, что политическая стратегия судьи Маграана была такой: отпущенных с возмещением судебных издержек должно быть меньше осужденных — таким образом, он создавал себе репутацию бесстрашного крестоносца дорожного движения.

Я понял, это делалось из тех соображений, что многие ожидающие приговора прибыли из других муниципалитетов — иные решения были бы неинтересны. Так я прождал с полчаса, наблюдая, как правосудие распределялось по обвиняемым — одним за другим. Я решил, что мой месяц еще не настал. Шеф-агент Найла Христоф была довольно плохой женщиной, но оправдаться перед ней (в отличие от этого судьи) — было гораздо легче. Я заметил, что парень в белом костюме беспечно прошел по комнате заседания, подобно другу семьи на загородном пикнике, остановился около скамьи свидетелей. Когда он наклонился и шепнул что-то в ухо вызвавшего меня полицейского, я насторожился. Когда коп посмотрел на меня и кивнул, я выпрямился. Через пару минут оба, продолжая говорить, вышли из зала; я хотел проследить за ними — но служитель суда, внимательно наблюдавший за мной, стоял в конце ряда и ожидал моего штрафа. И, какое-то время, я продолжал сидеть. Когда спустя несколько минут любопытство все же взяло верх, было слишком поздно. «Здесь есть туалет?» — шепнул я служителю; он кивнул головой. Я пошел туда, куда он указал — но нигде не увидел ни копа, ни человека в белом...

Через полчаса клерк, в прошлом носивший мое имя, заметил, что судья перешептался с каким-то чиновником и огорченно нахмурился. «Мистер ДеСота! — сказал он затем. — Обвиняющий вас офицер был вызван в полицию по неотложному делу и не может, таким образом, свидетельствовать против вас. Согласно закону, мне остается отпустить обвиняемого. Вы свободный человек, мистер ДеСота — и, могу добавить, очень счастливый!»

Я полностью согласился с ним. Я был так рад покинуть зал за-

седаний, что лишь на полпути домой понял: звонит телефон. Остановившись около бензоколонки, я вызвал абонента — тем временем высококачественный бензин вливался в баки... На этот раз линии соединили точно, и оператор разборчиво прочитал текст сообщения, окончательно сбившего меня с толку. Тщательно произнесенное слово в слово, оно говорило: «Вы не должны знать мое имя, почему я помогаю вам, каким образом мне это стало известно, и тому подобное. Но если вы нуждаетесь в защите от беспалой леди, то сегодня в шесть часов вечера вы должны заказать многослойный салат из тунца по адресу: «Карсон, Пири, кофейная лавка Скота».

— И это все? — удивился я.

— Да, сэр! — очень вежливо ответил оператор.— Может, повторить? Нет? Тогда позвольте заметить, сэр, что подобные сообщения делают работу весьма занятной штукой! Спасибо, мистер ДеСота, большое спасибо!

— Не стоит благодарности!..— сказал я и озадаченно смотрел на ветровое стекло, пока в окно не постучался заправщик. «Простите, задумался!» — сказал я и протянул деньги — 69 центов за галлон. Если бы я заранее посмотрел цены, то никогда бы не остановился здесь.

Но в голове у меня не было отделения, думающего об этом — я слишком задумался над посланием. И над ошибочным опознанием в ФБР, легким спасением в суде... И вообще над всеми странностями, переполнявшими мир и мою жизнь... В обычных обстоятельствах я бы проигнорировал приглашение. Это была штука как раз того самого шпионского сорта, от которой благоразумный человек держался бы подальше. Как минимум, она отнимет время от моих основных дел. Босс будет недоволен... И в целом это приглашение вызывало подозрение — спокойно можно было отказаться от этой затеи, но я рискнул.

Естественно, пошел на встречу.

Однажды я и Грета читали роман, где один из персонажей говорил что-то подобное: «Она вошла в универмаг — в одно из тех мест, куда с радостью готовы забежать женщины — и лишь немногие из мужчин осмеливаются зайти следом». Грета сказала тогда, что по ее мнению, это унижает женщину. «Женщины вовсе не любят магазины,— сказала она.— Им просто приходится посещать их. Они покупают бакалейные товары, домашнюю обстановку и прочие вещи для семьи».— «Но ведь не они покупают машины!» — заметил я.— «Конечно! Они не покупают также и очень дорогостоящие вещи,— согласилась она.— Но вы делаете это только раз в несколько лет. А все потребительские товары, изо дня в день, покупают женщины. Если женщина и тратит много времени на покупки, то лишь потому, что это ее работа — сопоставлять цену и значимость каждой вещи. Этим она экономит семейные деньги — не имеет значения, нравится ей это занятие или нет. Она вынуждена делать это».

— Полностью согласен, милая! — усмехнулся я.

Она не любила насмешки: «Нет, Ник, я серьезно! Ты должен говорить не то, что женщина обожает магазины — а то, что в этом заключается ее работа».

— Грета! — разумно сказал я. — Ты просто хочешь так думать. Как ты выразилась, сказать кому-либо, что он любит свою работу — унизительно для него? Я, например, люблю свое дело...

— Но это не то же самое! — сказала она и сменила тему разговора. Она добрая и не является одной из ваших суфражисток. Тысячи раз она признавалась мне: если она что-нибудь предлагает, то потом сама не знает, что с этим делать. Но самое главное — что она имела хорошую работу стюардессы, и это делало ее мало... Хорошо, я не хочу выразиться по-мужскому или как-нибудь подобно. Вовсе не из-за предубеждений... И в этом заключалась вся беседа; даже если я задавал вопросы, я знал, что она ответит.

Когда-нибудь мы поженимся — это не более, чем просто странная идея.

Теперь я мало беспокоился об этом.

Раньше меня волновало больше... Что заставило меня вспомнить об этом — это то, что оглядевшись в кофейной лавке «Карсон», я понял, что линия из романа била прямо в мишень. По большой комнате (зеленая обстановка веранды, столы и стулья, везде выставлены декоративные растения) рассыпана тысяча покупателей, и девятьсот пять из них были женщинами. Здесь не было одиноких мужчин или вместе с приятелем — только супружеские пары; мужчины, как правило, пожилые и всегда с виноватым взглядом: «Боже мой! Кажется, я по ошибке попал в дамский туалет!»

Я предполагал, что Таинственный Доброжелатель мог оказаться женщиной — и это оправдывало мои догадки.

Прошло 20 минут, за это время ко мне три раза подходили пожилые официантки и принимали заказ. Через треть часа принесли салат из тунца.

Еще минут через двадцать — когда я справился с одной половиной блюда и пытался покончить с другой — я почувствовал, что кто-то быстро подошел сзади. Когда я поднял глаза, мужчина уже сидел за моим столом.

Я узнал его — теперь он не был одет в белый костюм, но был тем, кого я видел не так давно.

— Хэллоу! — сказал я. — Насколько я догадываюсь, это вы?

Рядом вертелась официантка — он посмотрел на нее пристально и многозначительно нахмурился мне.

«Хэллоу, ну надо же!» — сказал он тоном, каким разговаривают при случайной встрече два старых деловых знакомых, не менее неожиданно разбегающихся в стороны. Он не прибегал к моему имени, хотя и знал его. Это было: «Давно не виделись!», «Ну как ты там?» и прочие бессмысленные пустяки без ожидания ответов. Когда, приняв заказ, официантка отошла, он сказал обыч-

ным разговорным тоном: «В этой забегаловке за нами не следят, и мы можем говорить спокойно».

Здесь было так много тайны, стерпеть которую я уже не мог. Размешивая оставшуюся половину салата, я получше рассмотрел своего доброжелателя — парень был года на два или три моложе меня. Открытое лицо с веснушками, рыжеватые волосы — парень по соседству был одним из тех, в котором вы уверены, он никогда не совершит подлость и не струсит. Здесь он был просто осторожен. «О чем мы будем говорить? — промямлил я ртом, набитым тунцом и хрустящими гренками. — И как мне вас называть?»

Он сделал резкий жест: «Зовите меня ...скажем, Джимми — имя совершенно неважно. Важно другое — что вы пытались сделать в Долилабе?»

— Ах, Джимми! — сказал я упавшим голосом и оставил в покое свой салат. — Это большая глупость с вашей стороны. Возвращайтесь назад и передайте шеф-агенту Найле Христоф, что трюк не сработал.

Он нахмурился и замолчал, когда официантка принесла ему ветчины и сэндвич с сыром. Потом сказал: «Это не трюк!»

— Не вижу здесь ничего иного, Джимми! Я близко не подходил к этому Долилабу — и вы с Христоф прекрасно знаете это.

— Не держи меня за сопляка! — сказал он. — У них есть фотографии.

— Фальшивые!

— А отпечатки — они тоже поддельные?

Я сказал с уверенностью: «Они могут достать все, что угодно! И то, что в субботнюю ночь я пытался проникнуть в Долилаб — сфабриковано от начала до конца... потому что я не мог находиться там».

Он медленно разжевывал свою ветчину с сыром и с сомнением смотрел на меня. Я, в свою очередь, изучал его. Он был не просто моложе меня, но и выше, казался более привлекательным, намного лучше одевался. Белый костюм, который он носил в полдень, был слишком ярким — этот не бросался в глаза, но был сшит из настоящей английской ткани и стоил, самое меньшее — 75 долларов. Ботинки соответствовали костюму и изготовлены были вовсе не на фабрике Тома МакЭна — таких я еще не видел. Он вдруг сказал: «А Найла считает, что алиби ложное и свидетели лгут».

Я размешивал остатки салата — и снова остановился: «Откуда вы знаете, что думает Найла Христоф, если вы не из ФБР?»

— Мы с ней друзья! — пояснил он. — У меня много друзей и в полиции — не только в ФБР. Еще что-нибудь интересует?

— Я не знаю, чем вы занимаетесь, — сказал я, — и почему взялись за это дело.

— Почему бы мне не заняться любимым делом, если так хочется? — уклонился он. — Вернемся к показаниям. Они ложные?

— Нет! Даже если бы это и было так, разве я признался бы в этом? Но они — истинная правда!

Джимми молча дожевывал остатки сыра и ветчины, по-прежнему не сводил с меня глаз, словно изменение выражения моего лица могло решить все его проблемы. Я дал ему время на размышления — покончив с салатом и допив кофе, я подозвал официантку и попросил еще кофе, мой сосед легко постучал пустой чашкой — тоже повторил заказ. Когда она удалилась, он сказал: «Собственно говоря, я и не сомневался в их правдивости». «Рад слышать это...» — «Не гони высокомерную чепуху, Доминик! Тебе трудно валять дурака — ты знаешь это?»

Я не знал... «Христоф сказала, что я могу убираться домой!» — возразил я.

— При чем здесь это? Если ты попытаешься покинуть город, тебе не удастся — она еще не покончила с тобой!

— Почему же, черт побери?

— Потому что,— объяснил он,— фотографии и отпечатки не могут лгать!

— Но я не был там!

Он медленно произнес: «Готов поклясться, что ты со своей подружкой — тяжелый случай! Думаю, вы можете пройти даже через Детектор Лжи».

— Почему бы и нет? Мы говорим правду!

— О, Дьявол, Доминик! — взорвался он.— Разве ты не понимаешь, что тебе нужна помощь?

— И ты готов помочь? — спросил я.

— Я... тебе? Нет! — сказал Джимми.— Но я знаю того, кто может. Расплачивайся по счету, Доминик — и поедем прогуляться.

В это время солнце не заходит часов до восьми, но когда мы вышли, было уже темно. Выехав из пригородов Чикаго, мы направились на юг — машин на дорогах было мало. Мы проезжали мили кукурузных полей и дюжины городков. И когда я спрашивал Джимми, где мы проезжаем — он только отмахивался: «Чем меньше ты будешь знать, тем меньше хлопот!»

— Тогда хотя бы скажи, скоро ли приедем? Я не ночная сова, Джимми; а утром меня ждут на работе.

— Что тебя должно беспокоить,— терпеливо сказал он, как бы оттягивая до рассвета,— так это твои проблемы с ФБР! И, пока ты не уладишь с этим, другое не имеет значения.

— Это верно, Джимми, но...

— Но кончай свое нытье! — приказал он.— Мы уже почти приехали — это слева за этим городком.

«Этот городок» — согласно дорожному указателю, назывался Диксон (шт. Иллинойс, 2250 населения, Клуб деловых людей каждый четверг и пятницу устраивает вечеринки в отеле «Холидэй»). Мы свернули с главной магистрали на площадь с 75 мм. пушкой времен II мировой войны, установленной на маленьком зеленом

клочке, проехали несколько кварталов — затем Джимми, скрипя шинами своей машины, резко свернул влево, на частную дорогу.

Кто владел этой дорогой, не объявлялось — был только маленький неоригинальный знак: «Добро пожаловать в земли Хиденвел!» — без имени, ничего определенного, ничего приветливого. Напротив! Что отличало трассу от других — так это то, что первый же поворот перекрывал разводной шлагбаум. Рядом с воротами стоял маленький деревянный муляж часового — за ним прислонился к стене большой недеревянный охранник. «Пропуск!» — приказал он. Джимми что-то протянул ему — что именно, не знаю, но это удовлетворило часового. Ладно, этого для него оказалось почти достаточно. Облизнув губы, он внимательно оглядел нас, затем набрал номер и переговорил с кем-то по телефону. И лишь затем — поднял шлагбаум и махнул нам рукой, пропуская дальше. Следующие четверть мили дорога раздваивалась, петляла вокруг лужайки с фонтаном. Мы сделали круг и остановились около здания с громадными белыми колоннами. Я видел такое раньше — кажется, в фильме «Унесенные ветром». Из него вышли слуги, словно бы тоже из этого фильма. Из главного входа выбежал молодой негр, весело кивнул головой и припарковал машину Джимми за яблонями. Из другой секции дома выплыла полная негритянка средних лет и повела нас в помещение. Она не приветствовала по имени Джимми и не обращала на меня никакого внимания. Она не задавала вопросов, не подсказывала, куда направляться. Список того, что она не делала, конечно же, очень длинный. Что она делала — так только то, что провела нас сквозь гигантское трехэтажное фойе по покрытой ковром лестнице, изогнувшейся ко входу, через проходы, мимо маленькой жилой комнаты с камином, тахтой и удобными креслами — везде было пусто — в конце концов, к стеклянным дверям гибрида теплицы и спортзала. Вне его было достаточно жарко, внутри — жарко вдвойне. Зал был переполнен тропическими растениями, тянувшимися к застекленной крыше, деревьями, увитыми виноградной лозой — все это напоминало джунгли, пахло загнивающими растениями и влажной почвой.

В центре зала находился длинный и узкий бассейн, в котором купался совершенно обнаженный пожилой мужчина. Погруженный в воду, он казался более тощим — но его это не волновало. Тяжело дыша, он дергал коленями — и в нашу сторону летели брызги. «98!» — он поплыл в дальний конец бассейна австралийским кролем. «99!» — сделал последние усилия и поплыл к нам на большой скорости, изящно скользя руками возле седых волос и энергично вспенивая воду. «100!» — сказал он, задыхаясь, и уцепился за край бассейна. Еще один молодой негр — скорее серьезный, чем бодрый — протянул полотенце. Старик вытер лицо и улыбнулся.

«Вечер добрый, джентльмены!» — сказал он.

Я сказал ему что-то — это было не совсем «добрый вечер!», но вполне вежливо. Джимми сделал еще лучше — спустился к бассейну, взял скользкую мокрую руку старого пловца и энергично потряс ее.

— Рон! — сказал он сердечно (во всяком случае, это звучало искренне).— Я уж и не говорю, как мы рады вас видеть!

— Пожалуйста, не стоит так, Лари...— скромно сказал старик.— В конце концов, я лишь исхожу из важнейших гражданских прав!

— Да, я понимаю! — задорно сказал «Джимми», не подсматривая из осторожности, подцепил ли я имя.— Сейчас я насчет Доминика. У него возникла несколько необычная проблема с ФБР: они заявили, что видели, как он пытался проникнуть в секретное правительственное учреждение, у них есть фото и отпечатки пальцев — но он имеет свидетельницу с безупречной репутацией, давшую показания, что как раз в то время он был за тысячи миль оттуда.

Рон полностью вылез из бассейна и обтерся полотенцем. Ему было лет 70 — но когда я взглянул на его суживающийся торс и открытую взору талию, я захотел быть таким же семидесятилетним. Он не только прекрасно сохранился, но и казался знакомым. Обтершись, мужчина бросил полотенце на кафельный пол и с помощью негра облачился в белоснежный халат. «Я больше не участвую в детективных фильмах, Лари!» — сказал он, оскалив зубы. И я вдруг понял, почему он показался знакомым — это был киноактер — по крайней мере, раньше. Он был не звездой, а одним из тех, кого вы узнаете (даже если забыли сами), пока помнит ваше подсознание. Кажется, с ним произошел какой-то скандал... Скандал? По крайней мере, неприятности — я не помню деталей, но его за это уволили. Не только с работы — его выгнали и из индустрии... Возможно, это касалось политики.

Но, чем бы это ни было, это было давно — после второй мировой, когда я еще только готовился появиться на свет. Теперь старый Рон более-менее был свободен и прекрасно сохранился — даже не принимая в расчет тонкую талию, квадратные плечи, приятную улыбку и белоснежный локон волос, свисающий к глазам.

Именно так он выглядел.

Старик Рон не стал задерживаться в бассейне, а сразу прошел в комнату с кушеткой и креслами. Минут через пять туда прошли и мы. За это время кто-то развел огонь в камине и вытащил из серванта бутылку и фужеры. Им, наверное, был третий чернокожий, предложивший нам выпить — пока хозяин сидел в кресле около камина и согревал ноги. Вы помните, что дело было в августе? Могу предположить, что этим ножкам было холодно — но со-

греть их лучше таким образом, чем полностью отапливать проклятую комнату.

Когда мы немножко выпили, Рон поднял свой бокал, живо сглотнул половину и затем одарил меня и «Джимми» очаровательной улыбкой. «Ладно, Лари! — сказал он. — Какое безнадежное дело ты принес мне на этот раз?»

Коммутатор Дабл-Джи-Эн был наводнен срочными звонками. Каждый звонок был вопросом — одним и тем же. В конце третьего периода изображение сменилось на футбольный матч. Вопросы были скорее любопытными — ну кто же в мире смотрит футбол сейчас, в августе?

АВГУСТ, 19 1983 г. время: 21.15 Лари Дуглас

Человек моего образа жизни всегда должен держаться с осторожностью. Не каждую неделю я владею деньгами — много недель у меня большой жирный нуль или приходится подтягивать минус. Поэтому, как только мелькнет удача, я делаю бизнес.

Когда Найла рассказала мне о незадачливом простаке, пойманном прошлой ночью (а временами она рассказывает очень дельные вещи), я решил присмотреть за ним. Я почувствовал свой шанс — хотя и не совсем был в этом уверен.

Жизнь всегда найдет повод подсунуть удачу — если вы ее ищете — и все это очень просто. Для меня было сущим пустяком зайти на слушание дорожного суда и заключить небольшую сделку со старым офицером Паппом: «Раз вы просите, Лари, то с ним — все о'кей!»

— Конечно.

— Тогда я могу заявить этим чинушам, что меня вызывают по долгу службы. Но предупредите своего приятеля, что ждет его на следующий раз!

— По рукам! — сказал я и во время рукопожатия незаметно сунул 20 долларов — для меня это просто нормальная деловая плата. При моем образе жизни вы очень нуждаетесь в дружеских отношениях с копами. Это может стоить им разжалования — но, по крайней мере, они будут стараться.

Как говорила мэм, я очень похож на дедушку Джо. Прежде, чем он приехал в Америку и сменил имя, он был налетчиком на банки. Несомненно, он использовал пушку — я не занимаюсь подобными вещами. Но иногда, когда всякие тупицы доверчиво оценивают только что купленное безупречное бриллиантовое кольцо на углу улицы или вкладывают деньги в нефтяные акции с двойной гарантией, им приходится погоняться за мной. И, пока я состою в близости с Найлой Христоф, самое большее, что со мной могут сделать — это простое предупреждение. Все это время мне приходится называть ее милой и дорогой — и получать взамен поистине хорошее...

Я придерживаюсь милых арабов, хотя иду не совсем той же дорогой. Есть места, где я изгибаю линию, более того... Ладно, сейчас они любят более молодых мальчиков — что моложе меня, это точно! Иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы я поступал правильно — но я живу в этом мире — и этого не изменить.

Пока я смотрел, как этот обыватель с вздохновением запуты-

вал Рона. Я любезно держался с ним, рассчитывая, что рано или поздно настанет время расчетов. Когда он оскорбил эту зануду ДеСоту, я понял, что все рассчитал правильно. Видите ли, старый ворчун Рони действительно трудная натура — но если вы узнаете, как им управлять, он может сделать почти все. А я знаю, как держать его в руках. «Рон! — сказал я серьезно и без предубеждения.— Вы правы. Я сам возьмусь за это».

Он подмигнул мне, смешно приподняв одну бровь. «Насчет чего я прав, Лари?» — спросил он. Это было поистине прекрасное мгновение! Он научился этому давно — когда рассчитывал получить звание генерал-майора, еще до того, как спутался с профсоюзами и тому подобными. Вам не следует слишком сильно полагаться на подмигивание или улыбку — потому что улыбка сходит, подобно ставням пушечных амбразур на корабле адмирала Нельсона, а затем резко кричит вам смертельным ядром.

«Вы правы,— сказал я,— что Ники ДеСота получил промашку с ФБР, а я не прав, приведя его с собой в поисках поддержки».

Разумеется, ДеСота говорил об озадачивающих обстоятельствах, и болтовня Рона имела значение. Это выступало наружу: глаза его прищурились, на лице застыл стальной взгляд маршала, который выслушивает человека вне закона, не имеющего права покидать город.

— Я думаю,— сказал он уверенно,— что вам следует рассказать мне с самого начала и позволить мне самому принять решение.

— Я не хотел причинить вам беспокойство...

— Тут нет никаких хлопот, Лари,— возразил он, и я заметил его попытку поймать собственное отражение на французской двери.

Что я мог сделать? Конечно же, то, что надо: «Вы совершенно правы, Рон!» — сказал я и начал прорабатывать детали. Это требовало времени — Рон не из тех, кто схватывает все на лету (как и ДеСота!). Краем глаза я видел, как он сердито уставился на пол, не поднимал глаз и молчал.

Ни на что не жаловался и Рон, пока я рассказывал свою историю. Я объяснял ему, что это явная ошибка — несмотря на то, что обнаруженный в Долилабе человек являлся двойником Доминика — настолько сходились их внешние облики. Затем я сделал небольшую паузу, когда Рон дал сигнал для следующего бокала и вникал в сущность сказанного.

— Этот другой парень выглядел точно так же? — уточнил Рон.

— Да, совершенно верно!

— И у него были такие же отпечатки?

— Вот именно, Рон!

— Но, тем не менее, это был не Доминик?

Я кивнул.

— И к тому же,— настороженно подвел он итоги,— как я могу видеть, это явная ошибка...

Я в восторге кивнул головой, мельком взглянул на Доминика и слегка подтолкнул его, чтобы он сделал то же самое. Ника это не устроило — он ничего не сказал, но взгляд его был леденяще холодным. Доминик ДеСота не радовал меня — но он просто не знал, как обращаться со старым Рони.

Рон поднялся. «Лари! — сказал он.— Ники и вы, конечно же, останетесь поужинать?»

Несомненно, время перевалило за десять вечера, и только бывшие киноактеры могут задерживаться до этих часов. «Не спешите — я пока накину одежду, ладно? Если вы любите музыку, скажите Хираму, чтобы он включил стерео».

И он ушел одеваться. Я не думал, что «не спешить» было легкой задачей.

— Какого дьявола вы тянете? — спросил ДеСота, как только старик вышел за пределы слышимости.

Я успокоил его: «Теперь его легко подцепить! Вы не поняли, что я делал?»

— Кажется, нет.

— Я заманивал его на вашу сторону — только и всего,— пояснил я.— Видите ли, Рон большой либерал. Непоколебим. Раньше он находился в черных списках Голливуда за профсоюзную деятельность, но...

Я замолчал — в комнату вернулся молодой негр. «Немного музыки и комплименты от хозяйки»,— прожурчал он и снова исчез. Из спрятанных динамиков не слишком громко раздалась интеллектуальная музыка. Я обрадовался: это уменьшало шансы, чтобы кто-нибудь подслушал наш разговор. «Во всяком случае, ему повезло: он вложил всю прибыль от своих фильмов в недвижимость штата Иллинойс, в результате чего разбогател».

Доминик нахмурился: «Вы сказали, он — либерал?»

— Да, Ники, но в его случае это в порядке вещей — он богат! Никто не остерегается богатых людей с розовыми взглядами — всем ясно, что они пальцем не шевельнут против устоявшегося строя.

— Зачем он нам в таком случае? — поинтересовался он.

— Потому что, если вы заинтересуете Рони, он может во многом вам помочь. Или есть другие предложения?

Он мрачно пожал плечами.

Я покончил с темой и не назвал еще одну причину, по которой обратился именно к Рону: никто не боялся левизны Рона и никто не боялся таких розовых — кто много говорит, но ничего не делает. Каким и был Рон.

Но я не собирался раскрывать это Доминику ДеСота.

— А это,— галантно сказал Рон,— моя дорогая супруга, Джейн.

— Очень приятно! — произнесла она после того, как Доминик

и я сказали, как рады познакомиться с ней. Затем она вместе с Рони повела нас в комнату для ужина. Комната не была большой — большая рассчитана, как минимум, на двадцать человек. Она была просто огромной — и могла служить столовой для всей Великой армии республики... Вокруг нарастала музыка.

Я сказал Доминику через стол: «Как вам нравятся эти звуки?». Он повертел головой, как все люди, никогда не слышавшие стерео. «Это новая система, — пояснил я. — Вслушайтесь в музыку — какие восхитительные звуки скрипки с одной стороны, и мелодия оркестра с другой... Эта штука у Рони уже больше года!»

«Наверное, скоро такой будет у каждого, — скромно сказал Рон. — Но пока таких стереопроигрывателей выпускается не так много, а Джейн очень любит музыку». Он улыбнулся жене, сидевшей в дальнем конце стола. Прежде, чем завести разговор, она позвала негра — раскладывать салат.

— Полагаю, мистеру ДеСота нравится подобная музыка, — сладко предположила она. — Не так ли? Вы явно получаете истинное наслаждение от скрипичного концерта Бетховена...

Но Доминик не принял игру.

— Это то, что сейчас? — спросил он. — По правде говоря, это та самая музыка, под которую меня допрашивала шеф-агент Найла Христоф.

Рон уронил с вилки салат: «Найла Христоф? Лари, почему ты не сказал мне, что здесь замешана она?»

— Я и не предполагал, что это так важно! — сказал я с сокрушенным видом. — Какая разница?

— Разница? О Боже, Лари, я непременно займусь этим делом!

— Больше она не причинит тебе зла! — сказала Джейн.

— Я беспокоюсь не об этом! Мне так хочется отплатить ей той же монетой! Найла Христоф... — он повернулся к Доминику. — Это одна из самых неприятных агентов ФБР. Вы заметили, у нее не хватает больших пальцев?

— Ну еще бы! — ответил Доминик. — Я еще удивился, как это могло произойти...

— Я расскажу, как это случилось, — сказал Рон. — Магазинная кража, потом — наркотики. Ее признали виновной трижды — до наступления 21 года, а на третий раз присудили отсечение больших пальцев — она это заслужила. Тогда она была студенткой и занималась музыкой, но после того, как Найлу поймали на убийстве, ей пришлось изменить свои привычки.

— И она ушла в ФБР? — спросил Доминик, то ли от удивления, то ли от возмущения раскрыв глаза.

— Она ударилась в религию! — захохотал Рон. — И пошла в местный офис, предварительно забинтовав руки. Поговаривали, что она родилась заново и желала пересадить всех торговцев травкой, переворошить все известные ей притоны... И уж поверьте мне, она знала их множество. Первый год ее продержали сыщиком по мелким кражам, потом старый шеф бюро, Федерман —

дал спецзадание — проникнуть в группу профсоюзных лидеров Далласа. Пятьдесят человек были приговорены — и в этом была ее заслуга!

— Во всяком случае, Рон,— заметил я,— довольно впечатляет, чтобы кто-то подобный ей сделался шеф-агентом.

— Потому что она уголовница? Черт побери, Лари, откуда же они тогда получают большинство своих новобранцев?

— Нет! Я имел в виду совсем другое — она женщина! — сказал я.

«Да? — пробормотал Рон,— Ладно!» — здесь он задумался. Я знал причину — Джейн являлась сторонницей равноправия женщин и всего того, что понимала под этим. «Хорошо,— сказал он,— что теперь она неотъемлемая часть той шайки, которая называется ФБР. Когда-то подобные ей сфабриковали против меня дело. Теперь такие же Руки-в-Перчатках и Арабы объединились в одну компанию...»

Здесь его прервал Доминик. Я мог бы перебить Ники, ведь Рон говорил то, что я надеялся услышать. Но Доминик не ждал. «Что я и говорю! — закричал он.— С тех пор, как Арабы и Духовное Могущество собрались вместе, время потекло вспять. Почему они позволяют врываться полиции штата на частный бассейн и устраивать облаву? Любой, пойманный без купального костюма, получает пятидолларовый штраф».

Рон забавно взметнул глазами на свою жену.

— Увидели бы нас пару лет назад в Голливуде, а, Джейни? Мужчины и женщины (порой из самых высот!), купаются в одних лишь плавках — а иногда и более чем без...

— Теперь, Рони,— покраснев, произнесла она,— попробуем сконцентрироваться на проблемах мистера ДеСоты!

Я с благодарностью сказал: «Спасибо! — затем повернулся к Рону и задал вопрос: — Что вы думаете об этом, Рон? Я считаю, что все это серьезно, хотя и запутано. Я не надеялся, что вы рискнете...»

Он изобразил благородство.— «Это серьезно! — продекламировал он.— И запутано... Я решил помочь вам, Доминик!»

— Вы хотите помочь? — воскликнул ДеСота.

— Безусловно! — добродушно сказал Рон.— Первым делом я напишу письмо в «Нью-Йорк Таймс». Потом... минуточку... Как ты думаешь, Джейни? Может быть, попробуем устроить демонстрацию? Пригласим твоих друзей и помаршируем перед штаб-квартирой ФБР в Чикаго?

— Если ты хочешь этого, Рон,— сказала она.— Хотя многим из них пора на тот свет — я не уверена, захотят ли они в тюрьму!

Доминик засомневался: «Не знаю, пойдет ли кто-нибудь в тюрягу ради меня!» — сказал он.

— Мммм! — размышлял Рон.— А как насчет этого — обратиться с петицией? Доминик возьмет щит с плакатом

и складной стул, побродит-попетляет где-нибудь и соберет подписи народа под требованием, чтобы ФБР... Что именно вы бы хотели от них? — спросил он.

— Как раз этого я и не знаю! — сказал Дом.— Я хочу, чтобы с меня сняли обвинение!

— Но они допрашивали, зверски избивали...

— Да, это верно — но за это их не обвинить: у них есть фото и отпечатки.

Этот человек был чересчур рассудительным в моем понимании... или Рона. «Вы защищены от них! — сказал Рон.— Справедливость восторжествует! Все это хорошо — но не надо доходить до глупых крайностей. Они по-прежнему остались фашистами!»

Теперь было то, что надо — я закашлял.

— Когда вы сказали «фашисты», Рони,— уточнил я,— Вы имели в виду...

— Я имел в виду, что ФБР стало точной копией гестапо и КГБ,— произнес он.

— Значит, вы против?

Он приподнял брови: «Ах, Лари! — сказал он, помогая зажаривать себя как барана.— Я не только против них, но и считаю, что каждый истинный американец должен противостоять им!»

— Вы подразумеваете сборы подписей и демонстрации?

— Если этого будет достаточно! — храбро заявил он.— Если нет, любыми необходимыми средствами. Я думаю...

Но Джейн не дала ему высказаться до конца: «Рон, дорогой! — нежно проворчала она.— Ты задерживаешь Сета. Почему бы тебе не взять немножко картошки и отпустить его?»

— Разумеется, дорогая! — сказал Рон, и тема разговора изменилась. Но это уже было неважно! Как только мы покончили с основным блюдом, я обнаружил, что минуло 11 часов ночи и начал собирать ДеСоту в обратный путь.

— О нет, Рони! Не надо десерта! Нет, спасибо, даже кофе! Вы знаете, Доминику утром на работу! Да, ужин был прекрасным, спасибо вам! И большое спасибо за поддержку, Рон... и, если можно, выведите мою машину!..

— Вы ничего не забыли? — гостеприимно спросила Джейни, отыскивая взглядом шляпу или кейс.

Я помотал головой. «Я получил здесь все, что хотел!» — заверил я, и это было действительно так!

Я подбросил ДеСоту до междугородной станции. Он протестовал от негодования, потому что поезд придет через час — или около того, но я обратил его внимание, что уже поздно, а я не предполагал спасать тупого осла всю ночь. Было уже два часа, когда я подъехал к развилке шоссе Лейк-Шор и поставил машину в подземный гараж, быстро прошел охрану и зашел в лифт. Я думал о Роне: «Бедный старик!» Рон не сталкивался с современными политиками Америки. Он был немножко чокнутым, сентиментален,

как Франклин Д. Рузвельт или кто-то там еще... он просто не понимал, что делает.

Я стараюсь помнить, что я никогда не был розовым, как мой дедуля. Он придерживался своих идей даже когда приехал в Америку из России, где был революционером и взломщиком банков. Когда там стало слишком жарко, он приехал на остров Эллис — по-прежнему извлекая выгоду от налетов на банки, но бросив революционные идеи. Так появилась фирма «Дж. Дуглас & сыновья», платившая мне деньги на обучение в Иельском университете. Но думал ли дед бросить рубли и удрать из страны ни с чем, кроме как с множеством наполовину выпеченных идей — как его приятель по кличке Ленин? И что меня могли выгнать из университета без хороших курсов политэкономии?

Прямой как тетива, я зашел в большую квартиру на пятнадцатом этаже. Свет не горел — но шторы были широко раскрыты, и свет, просачивающийся с улицы, достаточно освещал мой халат и узкую белую полоску на кровати. Я обнял рукой чаши грудей моей девочки и шепнул ей в ушко: «Найла, любимая!»

Как всегда, она проснулась легко и быстро. Ее голос даже не казался хриплым, когда она спросила: «Как прошло дело?»

— Это,— сказал я, протягивая другую руку,— ты решишь сама, когда прослушаешь запись на проволочном магнитофоне.

Она повернулась ко мне, прижалась к шее.

— Ты проиграешь для меня запись?

— Конечно, милая! Но сначала займемся другим делом — если не возражаешь, я сбегаю в ванну...

Она ослабила объятия. «Не нужно! — сказала она.— Все это делается осторожно... и я вижу, ты слишком готов!» Так оно и было — после того, как скользнул под покрывало. Недостающая пара больших пальцев не была помехой Найле Христоф в постели, или где-нибудь еще...

Это было плохое время для восточной Айовы: после наводнений и засухи, фермеры столкнулись с новым бедствием. От Маската, на протяжении 20 миль и более, небо на горизонте было покрыто серо-зелеными тучами. Когда облака приблизились, три четверти миллиона акров отборной кукурузы и сои оказались покрыты плотным ковром саранчи. Саранча! Никто в Айове не видел ее раньше... Когда стаи саранчи снова пустились в полет, остались только коротко остриженные стебли.

АВГУСТ, 21 1983 г. время: 16.50 Ники ДеСота

Если вы кредитный маклер, у вас не бывает выходных. В воскресные дни, когда освобождаются ваши клиенты, у вас появляется самый лучший шанс найти источник существования. Это был прекрасный день — с кудрявыми белыми облаками, проплывающими над деревьями лесопарка Мехтаб-ибн-Баузи и пляжем, сверкавшим, когда я проезжал мимо. Но в этот день у меня нет купания, нет церкви и нет времени посмотреть игру юниоров — только подсчет платы и передача Торенс документа на право владения собственностью; уже почти пять часов, а я даже не просмотрел воскресные газеты. В 16.38 около Елк-Гроув я успел купить газету, и, когда поезд тронулся, десять минут потратил на действительно важные новости — знаете, в разделе спортивных известий: об играх юниоров, о преимуществе Носков перед Бруклинскими Хитрецами. За месяц до окончания сезона юниоры провели десять с половиной встреч. Ситуация вовсе не невозможная, нет. Но это не оправдывало большое время, затраченное на изучение материала. Вскоре я перевернул раздел основных новостей.

Конечно же, я не забыл сумасшедшую поездку в Диксон. Я считал, что раньше беспокоился о своем собственном положении несерьезно. Испугался — да! Но вам не поможет испуг, когда вас схватило ФБР. Я не волновался, потому что я не был в Долилабе и имел множество свидетелей. Но, в некотором отношении, хвастливое обещание Рона помочь мне начинало тревожить. Я ожидал телефонных звонков, когда несколько радиорепортеров из Голубой сети Эн-Би-Си, или еще откуда-нибудь, спросят меня, что я думаю по поводу демонстрации в Чикаго?

Ладно, звонков не было. Не было также и демонстрации — наконец, в этот день не было того, что обычно заполняло первую пару страниц «Трибюн». Она печатала большую статью о президенте Доли, посетившем Чикаго для основания новой библиотеки. (Маленькая колонка ниже рассказывала о возобновлении боев между Литвой и Россией; Лига Наций обвиняла в агрессии русских.) Была также статья об ужасно громком и пронзительном шуме в небе поблизости Олд Орчард (ВВС категорически заявляет, что

ничего не знает о его причинах). И, когда мы уже приближались к петле, на седьмой странице я увидел заголовок:

«АРЕСТОВАН БЫВШИЙ КИНОАКТЕР—
ПРОТИВ НЕГО ВЫДВИНУТО ОБВИНЕНИЕ В КЛЕВЕТЕ НА
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ & ФБР».

Так был схлопнут старый Рон.

И не только он... Потом, когда я более внимательно перечитал статью, я понял, что Рейгана обвиняли в том, что он называл ФБР «фашистами», заявлял, что гражданский долг американцев «противостоять» им — как раз в тех вещах, о которых он говорил в моем присутствии.

За столом было только четверо. Я не думаю, чтобы Рон подкапывался под себя, или это сделала его жена, я точно знал, что и я не делал этого.

К этому приложил руку мой таинственный приятель Лари Дуглас.

Он умышленно привел меня туда — нет, это началось еще раньше. Он разыскал меня и сделал признательным. Затем взял с собой, чтобы устроить неприятности старому Рону Рейгану. Почему? Я не мог об этом догадываться и уже не беспокоился об этом. Несомненно, Лари Дуглас был для меня плохой новостью.

«XX век, лтд» ожидался ровно в 6 часов вечера — именно так! Я встречал его множество раз. На этот раз приехал почти последним, потому что около Рандольфа проревели сирены, и я остановился, когда шесть машин внезапно перекрыли дорогу. Сердце вдруг подкатило к горлу.

Они приехали не за мной и не за кем-либо еще. Они просто выполняли обязанности телохранителей знаменитостей и богачей — охраняли лимузин серебряного покрытия на расстоянии длины футбольного поля.

Араб — несомненно, Большой Араб! Я даже подумал, что это мог быть сам Мехтаб-ибн-Баузи, хотя едва ли он показывался на публике. Нет, это был его перворожденный сын, Фэйсал-ибн-Мехтаб. Фэйсала легко узнать по рубину величиной с яйцо, который он носил на шее, и по шестерке твердоносых телохранителей, никогда не смыкающих глаз. Между телохранителями и Фэйсалом сновали беспокойные городские копы — они сдерживали любопытных зевак, пока Фэйсал, в белоснежной мантии и феске, не пройдет по алому бархатному ковру в новый гигантский сверхтуалет — он участвовал в официальной церемонии открытия. Это поднимало настроение — в конце концов, он владел их обширной сетью. Почтительно отводя глаза, радиорепортеры бережно совали микрофоны к августейшим губам, засверкали фотовспышки камер; сидевшие в грузовике музыканты заиграли попурри из самых жизнерадостных песен... золотыми ножницами под эту музыку Фэйсал перерезал алую ленту.

Конечно, это было довольно интересно, но заняло добрых

двадцать минут — прежде, чем он засеменил обратно в свой «Кадиллак», и вся процессия испарилась так же быстро, как и появилась. Я нашел место для парковки и через пять минут был на месте, с сознанием, переполненным богатым Арабом, омерзительной женщиной из ФБР, вероломным Лари Дугласом и, совсем немного, моей любовницей Гретой. Когда она возвращалась из Нью-Йорка, я старался встречать ее. Особенно по воскресеньям — как сейчас, когда погода прекрасная, и мы могли побродить по берегу озера или сходить в зоопарк. Несомненно, стюардесса зарабатывает себе на жизнь, и, если она провела всю ночь с капризными пассажирами и детьми, страдающими морской болезнью, мы просто прыгали на междугородку, и я провожал ее до дома.

Какими спокойными казались былые дни! У меня было все, я встречал ее и не знал всего этого. В большой комнате диспетчера объявляли время прибытия и отправления. Это было волнующее зрелище, потому что вы можете попасть отсюда почти в любое место мира — во всяком случае, в любую точку Америки. Здесь были поезда, идущие из Лос-Анджелеса и Солк-Лейк-Сити, Нью-Орлеана и Вашингтона, округа Колумбии и отправляющиеся в Бостон и Миннеаполис, Детройт и Хьюстон. Здесь были улыбающиеся носильщики, везущие багаж, и нервные пассажиры, беспокойно бежавшие рядом; здесь была пара, отправляющаяся в медовый месяц, целующая на прощанье свои семьи, были отпускники, волочившиеся через террацо с чемоданчиками, наполненными морскими раковинами, соломенными шляпами и еще влажными купальными костюмами. Кроме случайных поездок с Гретой и деловых в Питтсбург или Милуоки, я никуда не ездил. Возможно, поэтому США казались такими экзотичными, и... я не уверен... знакомыми.

Вы наблюдаете за поездами; они потребляют щелканье минут и приходят, когда ваши ручные часы попадают в точку.

По этой причине, я с удивлением увидел, что на графике поездов вслед за «XX век, лтд», диспетчер вывесил слово «задерживается». Я поспешил в комнату отдыха с надеждой, что диспетчер ошибся, и Грета ожидала меня там... но ее не было. Кроме того, никто не знал о причинах задержки. Вместе с другим обеспокоенным встречающим я подошел к женщине, выходящей из женской раздевалки. Раз или два она работала вместе с Гретой, но, как только накопила достаточный стаж, перешла на престижные рейсы в Лос-Анджелес «Супершеф».

Она удивленно посмотрела на меня: «Опаздывает „XX век“? Да не может этого быть, Ники! Он никогда не опаздывает!»

Она выбежала позвонить и вернулась обратно с возбужденным взглядом. «Забавно! — сказала она. — Они стоят в депо и принимают нового машиниста».

— Не нравится мне все это! — сказал я, внезапно потеряв голос. Все это неправда? Несчастный случай? У машиниста случился

сердечный приступ, или он сбрендил, или... В моей голове без предела выдумывались катастрофы.

Но я не дошел до правильной версии.

Я просидел двадцать минут, ожидая, что произойдет — и тут случилось недоброе. Это происходило стадиями. Первая фаза: вбежал перепуганный проводник. «Не верьте... — сразу же сказал он приятелю.— Поезд остановили в дворах. Исчезли стюардессы, кондуктор, грузчики, два проводника, машинист и кочегар. Причин не называют — полагаю, они тянут время — ведь это не мой постоянный маршрут. Поистине негодяи! Твердят что-то о конспирации».

Вторая фаза: как только я оправился от всего этого, я достаточно внятно расслышал, как кто-то спросил «кто они» — и услышал неожиданный ответ: «ФБР».

Третья стадия: я хотел выйти из комнаты, но двое изящных молодых мужчин спрыгнули рядом со мной на ступеньки и умело схватили за руки.

В двери с пометкой «служебный вход» появилась Найла Христоф — и они потащили меня туда. Ее руки были сложены на груди и смотрела она с удовлетворением — для этого были причины.

По моей глупости...

Я провалился, если смотреть на это с точки зрения шеф-агента Найлы Христоф. Свидетели создают неудобное алиби? Нет проблем — арестовать свидетелей! Очевидцев в тюрьму — все цели и намерения существуют не дольше свидетелей. Здесь всего лишь простое дело: сделать основой фотографии и отпечатки — не волнуясь об озадачивающих обстоятельствах. Не существует никаких проблем — для Найлы Христоф.

Но для меня — да! Множество проблем... И худшие из них только начинались.

Пилота трансконтинентальных и западных авиалиний роскошного лайнера, прилетевшего в Чикаго с юга, звали Мейгс Филд — он объявил заход на посадку. Город был покрыт облаками, но его это не тревожило: в Чикаго не было, как в Нью-Йорке, ни одного стоэтажного здания (тот факт, что город был построен на наносной почве и поблизости не было коренной подстилающей породы, не позволял возводить небоскребы). Это сделало пилота большого трехмоторного самолета немного беспечным... на этот раз, когда он случайно поднял глаза, он вдруг увидел на месте, где ничего не могло быть, громадное здание. Отчаянно повернул рычаги, чтобы избежать столкновения. Когда Мейгс оглянулся, здание исчезло из виду, а все тридцать восемь богатых и предприимчивых пассажиров, выбравшие семь часов самолетом вместо пятнадцати поездом, прокляли его имя...

АВГУСТ, 21 1983 г. время: 19.20 сенатор Доминик ДеСота

Я пробудился из дремоты — ожидал появления из аэропорта Найлы Христоф. Я полагал, что когда она приедет в гостиницу, то позволит поспать. На это я мог рассчитывать. Она всегда любила порепетировать — даже прежде, чем распаковать вещи и зарегистрироваться в номере, порой прежде, чем принять ванну. «Что нужно делать, чтобы попасть в Карнеги Холл? — спрашивала она, и тут же отвечала: — Практика, практика и еще раз практика! Только тогда я с уверенностью буду выступать там, милый Дом!» Меня разбудили звуки Гварнериуса из соседней комнаты — чакон Баха, без аккомпанемента — я узнал его без труда. Классическая музыка была одной из тех вещей, для которых политическая карьера не оставляла времени — но она имела отношение к Найле Боуквист и была общеобразовательной штукой во многих смыслах.

Я поднялся и прошел в спальню. Она находилась здесь — стояла возле камина спиной ко мне; тело раскачивалось вместе со старой скрипкой. Я неслышно подкрался сзади и протянул руки к чашам ее правильных грудей. Найла не пропустила ни одного такта — глаза закрыты, смычок подпрыгивает над струнами. И сказала: «Подожди две минуты, милый!»

— И что я должен делать эти две минуты? — спросил я.

Она пропела через плечо музыкальными полосами:

«Закажи шампанского...

Или приготовь постель...

Или начинай раздеваться...»

Я поцеловал ее в шею: «Попробую третье». На самом деле

я даже не начинал раздеваться. Одной из многих вещей, которым я научился у Найлы — это как можно больше шутить, когда мы вместе. Я вернулся обратно в жилую комнату — нет, полагаю, вы можете называть ее более классически — например, салон... Я знал, что она не успеет кончить за две минуты — скорее всего, через четверть часа. Когда Найла находится на гастролях, она всегда боится, что забудет что-нибудь важное — какой-нибудь пассаж пальцев или как лучше сделать трех-четырех-нотный аккорд. Во время репетиций она и занималась всем этим — а это требовало времени. Я улегся на громадную тахту и взял телефон.

Когда я набирал номер своего офиса, внимательно огляделся по сторонам. Я был рад воспользоваться телефоном за счет отеля. Налогоплательщики никогда не смогли бы проверить, как не смогла бы это сделать Ай-Ар-Эс, если бы хоть один нормальный человек попробовал затребовать четырехкомнатный люкс, служивший для деловых расчетов. Найла всегда требовала именно его — перед концертами приходилось много практиковаться. Фактически, ее никогда не спрашивали ревизоры Ай-Ар-Эс, потому что гостиничный люкс всегда заказывался и оплачивался управлением концертных залов, где она выступала. Счет никогда не показывался, деньги утекали сами собой. Когда я связался с офисом, я попросил Джока МакКлени. Он несомненно узнал мой голос, и я сказал просто: «Я там, где обычно. Произошло что-нибудь срочное?»

— Нет, сенатор! Если произойдет, я дам знать.

— Прекрасно! — сказал я и приготовился повесить трубку. Я знал, что если возникнет необходимость, то он позвонит мне, и знал также, что шанс, чтобы такое случилось, очень мал. Он кашлянул, и это остановило меня.

«В чем дело, Джок?» — спросил я.

— Был необычный звонок из Пентагона, сенатор! Им позвонили из Сандии и сказали, что вы находитесь у них.

Сандия — это исследовательская лаборатория в Нью-Мехико. Я выпрямился: «Ладно, я не там!» — «Совершенно верно, сенатор!» — и я представил себе его удовлетворенный кивок и удовольствие, поскольку Джок всегда любил оставить Пентагон в дураках.

Я тоже получал от этого удовольствие, мне хотелось узнать немножко больше — но звуки из соседней комнаты прекратились.

— Будь в курсе, Джок! — сказал я. — Поговорим об этом позже.

— Хорошо, сенатор! — сказал он. Как мне показалось, с завистью — я не осуждаю его за это. Найла — эффектная красотка, которой позавидовал бы любой, но Джок также был меломаном. Он не пропускал ни одного выступления Найлы. Иногда, находясь в отведенной мне ложе, я смотрел вниз и видел его, сидящего в двадцатых рядах и смотрящего на нее взглядом, полным обожания.

Когда я открыл дверь в спальню, я заметил, что смотрю на нее так же — ее обнаженные бедра дрожали от нетерпения, Гварнериус лежал в футляре. Она посмотрела на меня рисованно высокомерным взглядом:

«Как, ты все еще в штанах?» — выругалась она.

— Это легко исправить! — сказал я и доказал это.

При нормальном течении событий женатый мужчина моего положения ни в коей мере не должен иметь дел с замужней женщиной, какой являлась Найла Христоф Боуквист. Наши взгляды на жизнь не пересекались.

Я был физиком-неудачником, ушедшим в юристы, а затем и в политику. Найла была совсем иной. Она росла дикой и немного чокнутой — если бы ей не повезло заработать ученую стипендию в школе Джулиарда, она могла бы загреметь в тюрьму или другое, столь же плохое место. Но вместо этого она сделалась Найлой Христоф Боуквист, с двухэтажным зданием на Лэйк-Шор, ее супруг служил в инвестиционном банке — а я сделал карьеру и заимел жену, полную амбиций. По ее мнению, мне следовало стать президентом. А по-моему, я и сейчас могу им стать, если бы имел другую Первую Леди. Забавно, что именно Мэрилин свела нас вместе — наверное, не подумав, она решила, что для моего иммиджа было бы неплохо, если бы я посетил Чикагский Совет по искусству. Там я и встретился с Найлой — мы сидели рядом во время обеда, данного в честь основания фонда, вместе выступали в пятницу утром в радиошоу Теркелс, и вечером той же пятницы находились в одной постели. Химия? Это используется, но только не между нами.

Когда мы устали заниматься любовью и лежали на нагромождении подушек, куря сигареты, я заметил ее отрешенный взгляд и спросил: «О чем ты думаешь?»

— О нас с тобой!

— И обо мне? — сказал я и потянулся к пепельнице, без вполне дозволенного касания ее левой груди, потом добавил: — Я думаю, что если бы мы пошли другими дорогами, все было бы иначе.

— И было бы совсем другое время, — сказала она, кивая.

Я тоже кивнул в ответ. «Если бы мы встретились прежде, чем ты вышла замуж за Фреда, а я женился на Мэрилин. Если бы мы случайно встретились... Что ты об этом думаешь?»

— О чем, Дом? — спросила она, гася сигарету.

— Как ты думаешь, мы смогли бы пожениться? — спросил я.

Она легла, ласково просунула в мое ухо кончик языка, затем сказала: «Несомненно!» Хотя, на самом деле, это не было «несомненным». У нас было мало общего — не считая постели. Я мало разбирался в музыке, а Найла не переносила политики. И, если бы мы поженились, всегда был возможен скоропалительный развод. Никто из нас не имел детей, никто не зависел от другого материально, и супружеская жизнь сенаторов мало волнует избирателей.

Если бы служба не позволяла повторной женитьбы, госпожа Рейган не была бы президентом.

Нет, от женитьбы нас удерживало то, что никто из нас не ожидал от этого счастья. Вот почему Найла снова очень уверенно произнесла: «Несомненно! — и встала: — Теперь мне надо подумать об одежде. Придешь ко мне в душ?»

— Несомненно! — сказал я и присоединился к ней. «Несомненно»,— много раз мы произносили это слово, маскируя сомнения в тех вещах, которые на самом деле вовсе не были «несомненными». Мы с радостью плескались в воде, намыливали друг друга — но недолго, потому что зачирикал телефон.

«О Дьявол! — сказала Найла.— Нет, позволь мне, Дон!» Здесь было другое «несомненно» — конечно же, я позволил ей подойти к телефону, поскольку звонившим мог оказаться любой, кому не следовало обо мне знать — менеджер, супруг, репортер, любитель скрипки, ухитрившийся раздобыть номер ее телефона — да, я ее любовник, но оба мы прекрасно знали, что это не могло бы понравиться вышеупомянутым лицам. Этого не произошло — звонил тот, на кого я подумал — кто иной мог оказаться в офисе воскресным вечером? Скорчив рожу, Найла передала мне трубку: она не очень переносила Джока. Или, по крайней мере, ей не нравился тот факт, что он знал о нашей связи. Она выпустила мыльную трубку из своей намыленной кисти, и я едва не уронил ее. Но ухитрился сказать: «Да, Джок?»

Тут я на самом деле выронил трубку и поймал за шнур. «Это по вопросу Сандии! — сказал он.— Снова звонили из Кэтхауза, сенатор!» У меня появилась тревога, потому что о Кэтхаузе не говорят по телефону.

«Да?» — заинтересовался я.

— Они позвонили снова, сенатор! Сказали, что проверили отпечатки, запись голоса и внешность — все совпадает! Они задержали одного человека и утверждают, что это вы. Сенатор, они уверены в этом!

Плохо спавшая на большой, непривычно пустой кровати вдова услышала визг — а когда пробудилась окончательно, крик продолжался. Когда она подбежала к окну, то за окнами ничего не было, кроме тихих лужаек ее владений. Она открыла окно — с трудом (люди с 100—50 тыс. доходом редко бывают на свежем воздухе) — и усилившийся визг донесся вместе с запахом тухлого мусора. Кого-то насиловали? Убивали? Но ничто из этого не было мыслимо в тихой элегантности садов Кабрини.

АВГУСТ, 22 1983 г. время: 02.50 сенатор Домяник ДеСота

В воскресную ночь из Вашингтона в Альбукерк было мало рейсов — и совершенно никаких беспосадочных. Какое-то время я подумывал о том, чтобы принять помощь ВВС — но, в конечном счете, Джоку удалось впихнуть меня на Ти-Дабл-Эй, улетающий в девять часов вечера. Лететь пришлось пять часов, и между поясами была разница в два часа — к счастью, мне удалось немножко поспать между Канзас-Сити и Альбукерком. Этим кончался гражданский комфорт, а дальше все начиналось по-военному. Не похоже, чтобы кто-нибудь из военных спал: они встретили меня штабной машиной, засекали мое движение через пустынные дороги и автострады до самой базы Сандия. Шофером была женщина-лейтенант морской пехоты из вспомогательных войск — охранники дружно поприветствовали ее жестами. Они не спросили документов — но, когда мы отъехали от поста, за нами двинулся бронетранспортер. Он сопровождал нас всю дорогу — через солнечные силовые установки, через ядерную зону, к зданию А-440.

Я был раньше в этом здании — оно называлось Кэтхаузом — Кошачьим Домом. Королем Котов являлся полковник регулярной армии по фамилии Мартино; мы были довольно дружны, и я удивился, что он не позвонил мне лично — это могло быть случайной, неофициальной вещью.

Когда я вылез из машины, из транспортера выпрыгнули три пехотинца и последовали за мной. Я начинал постигать, что в моем визите не было ничего случайного. Морские пехотинцы не пошли со мной по лестнице и не сделали попытки преградить дорогу, еще меньше они желали прикоснуться ко мне. Но они не спускали с меня глаз — от дверей и через залы до офиса Джейкоба Мартино.

«Доброй ночи, полковник!» — кивнул я ему.

Он кивнул мне в ответ: «Привет, сенатор!», а затем спросил: «Можно взглянуть на ваши документы?»

Нет, это не было простой формальностью — Мартино тщательно изучил мои водительские права штата Иллинойс, сенатор-

ский пропуск и пластиковый ярлык с отпечатками и магнитным кодом. Военный отдел создавал определенные неудобства тем лицам, которые не имели военного звания, но имели право временами посещать секретные учреждения.

Он не стал читать, а вложил пропуск в один из настольных терминалов — наподобие тех, какие используются в модных ресторанах, когда вам нужно заплатить за ужин двести долларов по кредитной карточке Американ Экспресс или когда вы отмечаетесь на выходе с работы. Но и это не полностью удовлетворило его: «Сенатор! — сказал он. — Я хотел бы, чтобы вы назвали, где мы виделись в последний раз. Это было в Пентагоне или... где?»

Я спокойно ответил: «Вы прекрасно знаете, Джейкоб, что это было вовсе не там, а в Бока-Ротан, на конференции по теоретической технике. Мы были наблюдателями».

Он улыбнулся. Слегка расслабившись, он протянул обратно бумажник. «Полагаю, это действительно вы, Дом! — сказал он. — Тот, другой парень, не помнил ничего про Бока-Ротан».

Я хотел было спросить о «другом парне», но полковник опередил: «Подождите секунду! Сержант, приведите задержанного в комнату. Мы хотим побеседовать с ним».

Он взглянул на выходящего из комнаты сержанта и сказал: «У нас неприятности, Доминик!»

— Потому что этот парень назвался мной?

— Он не говорил именно так, — сказал, нахмурившись, полковник. — Нас беспокоит другое: он ничего не говорит. Сначала мы подумали, что он — это вы. Теперь...

— Теперь вы так не думаете?

Полковник заколебался: «Теперь... — произнес он. — Я бы не хотел говорить, но иного объяснения нет. Сенатор, этот человек — ...Кот!»

Фермер по имени Вейн Сохстейфер проснулся под звуки ранних радиорепортажей Дабл-Джи-Эн, зевнул, потянулся, побрел к окну, чтобы взглянуть, как политы бобы на северном поле. Когда он раскрыл окно, он даже завизжал от неожиданности: бобового поля не было! На том месте находился забор, около которого могли бы припарковаться тысячи машин, и длинное приземистое здание с вывеской:

«НИСАН — ВАШЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО!»

Вейн Сохстейфер был очень удивлен.

...Вейн Сохстейфер был удивлен не так сильно, как фермер по имени Вейн Сохстейфер, который точно так же проснулся, посмотрел в то же самое окно и увидел то, что ожидал — свое северное поле, оливково-зеленое в раннем утреннем свете. Там находилась его ферма. Он удивился, когда повернулся к своей кровати и увидел, что в ней спит совсем другая жена...

АВГУСТ, 22 1983 г. время: 04.20 сенатор Доминик ДеСота

Казалось, персонал Кэтхауза не обращал внимания на середину ночи. Но не задержанный — он спал. Из секции арестованных позвонил сержант и сказал, что заключенный просит опорожнить мочевой пузырь и принять душ. «Почему бы и нет? — сказал я, когда полковник Мартино посмотрел на меня. — Я не возражаю против небольшой тактичности — особенно, для себя».

Он приоткрыл губы и беззвучно рассмеялся — это был тот смех, который вы изображаете, когда вам не до смеха. Полковник отдал разрешение и приказал подать кофе — нам и заключенному, а потом мы сидели и смотрели друг на друга.

Здесь не полагалось разговаривать слишком много.

Мы поговорили о человеке, похожем на меня, но старались не упоминать о Котах. На самом деле мы никогда не использовали это выражение, исключая секретные встречи с ограниченным доступом. Насколько я знаю, этот термин нигде не напечатан и являлся самым большим секретом Америки, по крайней мере, в оборонных институтах. Это был такой большой секрет, что я ни минуты не верил в его истинность.

Сандия засекречена не полностью: здесь находились солнечные силовые установки, и все они не являлись секретом. Они занимали, раскинувшись по базе, более чем половину тысячи акров. Сектор ядерного оружия тоже не был абсолютным секретом (секретом было то, что именно там делалось). Мир знал, что отсюда выходили смертоносные бомбы и крылатые ракеты.

Но остальное не знал никто — или подразумевалось, что никто не знал о более таинственных частях Сандии. Здесь был один маленький отдел, занимавшийся вопросом изменения климата во вражеской стране — чтобы парализовать сельское хозяйство; был отдел, исследовавший возможность генетической войны. Он разрабатывал новые вирусы и химические средства нападения, нацеленные против населения вражеского государства — портившие ДНК, чтобы их дети росли уже пораженными и неполноценными.

Лично я оправдываю эти средства — хотя они кажутся аморальными и вряд ли пригодными в любой ситуации.

Кроме того, здесь был отдел Пси-войны — еще более сомнительный и более странный. Внутри здания мы содержали 18—20 хитрецов и придурков в возрасте от 8 до 80 лет — действительно очень странных. Каждый из них утверждал, что владеет некоторой особенностью. Здесь были парни с искусством «вне-тела». Они говорили, что могли покидать собственные тела и входить в другие, даже за тысячи миль. Они могли видеть глазами другого человека и слышать его ушами. Просто поразительно! Они проникали на вражескую базу и вынюхивали все его секреты!

В целом я был большим-большим скептиком. Одной из причин являлся цинизм. Хитрецы были такими чокнутыми, и кроме того, имели отвратительную маленькую особенность — они не поддавались проверке. Однажды они проходили испытания — чтобы разоблачить надувательство. Пойманные на обмане дважды, они выбывали — рано или поздно, все они оказались за бортом нашей лодки. Тем не менее даже это не испугало людей, работавших по Пси-войне. Как только одну странность объявили мошенничеством и бросили на дорогу, талантливые парни откопали другую — в штатах Айдахо и Алабамы — и всовывали нам... так бесконечно.

Другая причина скептицизма была совсем не циничной, даже наоборот! Это была противоположность цинизма; мои приятели-члены комиссии, когда я намекнул на нее, обвинили меня почти в идеализме.

Я не верил, что у нас есть хотя бы один враг!

Да, верно — германцы и японцы... они действительно сильные соперники, и наши деловые круги ненавидели их так же сильно, как старый Като — Карфаген. Они действительно били нас в международной торговле, но хотели ли мы воевать с ними? Под «врагом» я подразумеваю непримиримого кровавого врага — такого, какими были раньше Адольф Гитлер и Иосиф Сталин. С ними давно покончено — конечно, остался внук Сталина, он служит в Русском дипломатическом корпусе и, когда выпадала такая возможность, я играл с ним в покер. Прекрасный малый! Смертельных врагов в наше время просто не существует. Это было не столько нашей терпимостью и мудростью, сколько счастьем — если бы Холодная война не потеплела на несколько градусов, сейчас было бы очень плохо! Но мы сдержались, когда рус-

ские и китайцы решили спор о границе в полной ядерной конфронтации. Они ограничились несколькими бомбами, но после этого никто из них уже не был реальным противником. Их полностью сдерживали свои проблемы.

Почему же наш Объединенный Комитет по Анализу Вооружений никогда не пытался урезать ассигнования на Пси-войну? Для этого были свои основания. Во-первых, эти проекты были такими дешевыми, что не стоило обращать внимания. Национальная политика Белого Дома поддерживала сильную оборону — и госпожа Рейган не сомневалась в своей политике. Если бы даже Пси-война, генетики и Кэтхауз и были (как я думал) простыми расточителями средств, то суммы на их содержание были так ничтожно малы, что просто не стоило беспокоиться. Пси-война и Кэтхауз, вместе взятые, за год обходились меньше, чем содержание одной ракетной шахты.

И если хоть кто-то из них создаст осуществимую систему оружия...

Ладно, вероятность чудовищно мала — особенно, для Кэтхауза.

Кэтхауз назывался так в честь кота Шредингера. Кто такой Шредингер и при чем здесь его кот? Хорошо, я попробую объяснить это словами физика — когда это происходило в первый раз. Шредингер открыл нечто, встряхнувшее квантовую механику. Ах да — что такое квантовая механика? Ладно,— говорит физик,— в основном это новое направление физики. Когда это объяснение не показалось нам, упрямым политиканам из Объединенного Комитета, вполне удовлетворительным — он попробовал снова. Квантовая механика,— сказал он,— получила свое название от открытой Шредингером энергии, похожей на однородное бесконечное движение — как бегущая из-под крана вода. («Хотя,— поправился он,— даже бегущая из-под крана вода только кажется однородной и бесконечной — на самом деле она состоит из атомов, молекул и даже маленьких частиц...») Она не находится в бесконечном потоке, а пребывает в кусках по названию «квант». Основным квантом света является фотон. Ладно, мы начали чувствовать, что получим здесь достаточную опору — ведь даже сенаторы и конгрессмены что-то слышали о фотонах. Но он разбивает наши надежды, вернувшись к коту. Что имеет со всего этого кот? Хорошо,— говорит физик, смело держась перед нами,— это вытекает из логики, представляющей эксперимент Шредингера. Видите ли, существует другая штука, названная Гейзенбергом принципом неопределенности. А что является принципом неопределенности? Ладно,— сказал он, передвинув неудобное кресло,— это объясняется очень просто.

Он заблуждался — это ничего не объясняло. По утверждению Гейзенберга, вы никогда не можете знать сразу положение и движение частицы. Вы также не можете знать, где она будет находиться и откуда двигается. Вы не можете знать всего этого!

Хуже того, существуют другие вопросы, на которые вы не только не можете найти ответы, но их просто не существует! Тогда мы получаем кота. Предположим, мы посадили кота в коробку,— говорил Шредингер.— Допустим, мы поместили туда радиоактивную частицу с одним шансом из двух распаться. Предположим, вместе с котом и радионуклидом мы поместили резервуар с ядовитым газом, имеющий переключатель, приводимый в действие расщепившейся частицей. Затем закроем коробку и спросим, жив ли кот? Если частица расщепилась, он мертв, если нет, то газ не вышел из сосуда, и кот жив.

Но снаружи коробки нет истины — есть только пять шансов из десяти, что кот жив.

Но кот не может жить пять из десяти раз...

«Вот! — сказал триумфально физик, сияя перед нами так искренне, словно оба предположения истинны.— Кот жив — и он же умер! Но каждое заявление истинно в отдельной вселенной. В этой точке произошел раскол — и существуют уже две параллельные вселенные. Вселенная с живым котом — и вселенная с мертвым... Все вселенные каждый раз расщепляются и расходятся в стороны... таким образом, существует бесконечное множество миров».

В этом месте закашлял сенатор Кеннеди. «Доктор Фас,— сказал он.— Это, конечно, безумно интересно, но всего лишь теория. В реальной вселенной мы открываем коробку и смотрим, жив кот или умер».

— Нет, нет, сенатор! — крикнул физик.— Все они, все существуют в реальности!

Мы переглянулись. «Вы хотите сказать, в математическом смысле?» — уточнил Кеннеди.

— В любом! — крикнул Фас, угрожающе кивнув головой.— Параллельные вселенные создаются каждую миллионную долю секунды, а в «реальности» существует лишь одна из них. Или, если хотите, мы живем в одной из этих вселенных.

Мы застыли, словно манекены. Мы, восемнадцать сенаторов и конгрессменов со всех концов Соединенных Штатов, удивились. Конгрессмен из Нью-Джерси наклонился и шепнул мне в ухо: «Дом, вы находите здесь какое-нибудь военное применение?»

— Спросите сами, Джим! — шепнул я, и конгрессмен задал этот вопрос физику.

— О я приношу вам свои извинения, джентльмены,— сказал он.— И леди, конечно же...— добавил, кивнув госпоже Бирн.— Я думаю, что все здесь безупречно. Хорошо! Допустим, вы хотите сбросить на город врага водородную бомбу, или на военный объект, или на что-то еще... Вы создаете бомбу, переходите в параллельный мир, летите на широту и долготу, скажем, Токио — полагаю, вы найдете там такое место — затем проталкиваетесь обратно в свой мир и взрываете ее... Бу-у-ум!!! Как бы то ни случилось, это произошло! Если у вас десять тысяч мишеней, вы про-

сто сделаете десять тысяч бомб и проталкиваете их разом — их не отразить. Другой народ не увидит приход, потому что, пока вы будете находиться там, в нашем мире вас видно.

И, довольный собой, он откинулся на кресло.

Мы все тоже откинулись и переглянулись. Но я не думаю, чтобы хоть один из нас действительно обрадовался этому.

Даже это могло не заинтересовать комиссию, исключая один факт. Я уже говорил — программа могла и не сработать, как думали и надеялись многие из нас. Потеряно будет очень мало — ведь это, как и Пси-война, стоит очень и очень дешево.

Ладно, они наконец-то привели этого парня, и я мог бы сказать, что это был один из самых неприятных случаев моей жизни. Не причиняющий боль, не непереносимый — но неприятный, без какого-либо удовольствия.

Подобно многим другим, я не люблю ходить в магазины. Особенно, за одеждой. Одной из причин было то, что я питал отвращение к зеркалам. Они просто лгали, неожиданно ловили вас. Вы одеваетесь на примерку, продавец уверяет, что костюм сидит на вас, как влитой; наконец, он подводит вас вглубь зала к трем зеркалам, сложенным вместе, будто средневековый триптих. Вы смотрите в них, ничего не подозревая, и первым делом, естественно, видите собственный профиль. По своей воле я никогда не смотрю на него — саму мысль считаю неприличной! Не по-божески пытаться увидеть самого себя, и недоступно видеть себя таким способом. Я с ужасом смотрел в зеркало, не признавая себя в этом глупо улыбающемся двойнике со смешным носом и болтающимся подбородком. Как получается изображение в зеркалах — великая тайна... и еще, я не совсем потерял чувство реальности. Я знал, что этот человек — действительно я, хотя бы мне и не хотелось этого!

Теперь о том, что происходило в Кошачьем доме Сандии.

Когда они приволокли этого человека, он не смотрел на меня — и не смотрел ни на кого. Они позволили ему плеснуть на лицо воды, но защелкнули за спиной наручники. Возможно, одной из причин того, что он смотрел на пол, была боязнь упасть. Но я не думал так — это была лишь одна из причин! Думаю, он знал, что подняв глаза, увидит собственные... или мои... наши...

Я не хотел этого — это было в тысячу раз хуже трехстворчатых зеркал! Это было так плохо, как только могло...

Другой «я» имел мое лицо, цвет моих волос, и даже такую же родинку вверху. Все мое... Почти все — потому что были и небольшие отличия: он был фунтов на шесть-восемь легче меня, и одет в иную одежду. Это был цельный комбинезон из блестящей зеленой материи — с карманами на груди, и на том месте, где обычно располагаются карманы брюк. Карманы были также на рукавах и правом бедре. Возможно, в этих карманах помещалось все имущество другого меня — но не сейчас: несомненно, они были обшарены парнями полковника.

Я сказал себе: «Доминик, посмотри на меня!»

Молчание. Другой Доминик не ответил, он не поднял глаз и никак не отреагировал — хотя я с уверенностью мог сказать, что он расслышал достаточно хорошо. Все находившиеся в комнате молчали — во всяком случае, полковник наблюдал молча, а когда полковник Мартино не говорил, его ребята не делали ничего иного.

Я попробовал снова: «Доминик, ради бога, скажи, что произошло!»

Другой «я» продолжал смотреть на пол, затем поднял глаза — но не на меня. Он взглянул поверх головы Мартино на стенные часы, сделал какие-то расчеты. Потом повернулся ко мне и ответил. «Доминик! — произнес он. — Ради Бога, я не могу!»

Этот ответ нас не удовлетворял. Полковник Мартино открыл рот, чтобы что-то сказать, но я остановил его жестом руки. «Пожалуйста!»

Другой «я» печально произнес: «Ну хорошо, приятель Дом! По правде говоря, я здесь потому, что хотел сказать тебе кое-что. Тебе, — пояснил он. — Я имею в виду не второго человека из множества, и даже не просто другого. Я имею в виду тебя — Доминика ДеСота, которым, как ты понял, являюсь и я сам».

Полковник вдруг взбесился — все пошло не так. «О, Дом! — прискорбно сказал я себе. — Я давно вырос из таких игр! Ответь, если ты хотел что-то сказать мне, то почему молчишь?»

— Потому что слишком поздно! — сказал он.

— Слишком поздно для чего, черт побери?

— Ты знаешь, о чем я пришел предупредить тебя?

— Нет!

— Это уже произошло... мы встретимся снова, — он попытался улыбнуться, но это была гримаса. — Нельзя было допустить, чтобы мы встретились. — Здесь он остановился, начал говорить снова, запнулся и посмотрел на часы.

И затем исчез...

Когда я говорю, что он «исчез», это очень точное слово, но оно может создать неправильное представление. Другой Доминик не смылся в туалет или куда-нибудь еще. Нет, он стал совершенно прозрачным, как актер в научно-фантастическом шоу. Он исчез совсем: в одно мгновение он был здесь, в следующее его не было...

И пара наручников, замкнутых вокруг несуществующих запястьев, загремели по полу на том месте, где он только что стоял...

Подобные вещи никогда не происходили в моей жизни. У меня не было запрограммированной реакции на такое ужасное нарушение законов природы, как не было ее и у полковника Мартино. Он взглянул на меня, я на него.

Никто из нас не сказал об исчезновении ни слова, исключая:

«Вот дерьмо!» Мне показалось, что я услышал его от полковника.

— Вы что-нибудь поняли, полковник, о чем он говорил? — для уверенности, спросил я. — Нет? Я тоже! Что же будем делать?

— Спихни меня ко всем чертям! — сказал он, но, хотя армейский офицер и сказал это, это не значит, что он это позволит сделать. Мартино вызвал сержанта и дал приказ прочесать окрестности, разыскивая двойника; сержант выглядел озадаченным, а полковник растерянным, поскольку все мы знали, что от этого не было никакого толку.

«Выполняйте приказ, сержант! — крикнул он. — Хорошо одно, — произнес немного позже. — Он сказал, что что-то уже произошло — скоро мы узнаем, что именно!»

«Как бы я хотел, чтобы это оказалось действительно хорошо!» — сказал я и оказался прав — через 10 минут выяснилось, что это никак нельзя было назвать хорошим. Мы вышли из комнаты и спустились в холл, за нами виновато плелся небольшой отряд полковника, недоумевая, где ловить упорхнувшую птичку. А к нам двигался другой отряд — дюжина, или около того. Пехотинцы поднимались по лестнице — по крайней мере, не чувствуя вины. Все они (вместо коричневой парадной) были одеты в походную форму и несли на плечах нелепые короткоствольные карабины. Карабины не долго держались на плечах. «Приготовиться!» — сказал их сержант, когда они оказались в полдюжине ярдов от нас. Отделение остановилось, десантники опустились на колени, карабины мелькнули в воздухе ремнями, и уже были нацелены прямо на нас...

Из середины отряда вышел офицер. «Вот дерьмо!» — снова сказал полковник Мартино, и я не спросил, почему.

Офицер был одет в такую же походную форму, как и десантники, но вы могли узнать в нем офицера по пистолету. Здесь что-то было не так, иначе я сказал бы сразу — и он подтвердил это. «Я майор Доминик ДеСота! — произнес он хорошо знакомым мне голосом. — Объявляю вас своими военнопленными!»

Он сказал это достаточно четко, но в голосе слышалось напряжение. Я знал, почему: слова были адресованы полковнику, а глаза нацелены на меня. И их выражение мне было хорошо знакомо — совсем недавно я смотрел на себя точно так же. Я сказал: «Привет!» Другой парень онемел.

«Полагаю, вы удивлены? — продолжил я. — Это шутка?»

Он дернул головой солдату, который подошел ко мне и заломил руки. Что-то холодное и жесткое обожгло мои запястья, и до меня дошло, что это наручники. «Я не знаю, что вы подразумеваете под удивлением, — сказал другой «я». — Но это вовсе не шутка! Вы все арестованы и находитесь под стражей!»

— Ради чего? — спросил полковник, принимая собственные наручники.

— Пока мы не уладим одно дельце с вашим правительством! — заверил нас «я». — Мы объясним, что они должны делать, и, пока не получим согласие, вы будете нашими заложниками. Это ваш самый лучший шанс! Если он вам не нравится, выберите другой — окажите сопротивление... Тогда нам не останется ничего другого, как убить вас...

Медленно проезжая мимо бобов, водитель большого «Джона Дира» думал, что нет ничего серьезней холодного пива и пропущенного матча Носков — в этот момент он услышал сзади «зап-зап-зап» приближающейся высокоскоростной машины и «раур-раур» 16-цилиндрового двигателя. Краем глаза он увидел несущийся на него гигантский дизель — и резко повернул руль... Он подпортил несколько бобовых рядов, но когда оглянулся, на дороге ничего не было.

АВГУСТ, 22 1983 г. время: 09.10 миссис Найла Христоф Боуквист

Немного непривычно находиться в родном городе Дома без него самого — но я была занята. Здесь всегда изобилие концертов и множество изнуряющих интервью, перед выступлением всегда подают коктейль с тяжелым вливом Национальной симфонии. Но самое главное — десять минут репетиции с оркестром отнимают час моего времени; беспокоясь о преждевременности, пытаясь припомнить все отрывки, темп и интонации, мы договариваемся позже. Некоторые думают, что чем больше репетируешь с Мстиславом Ростроповичем, тем легче — потому что Слави сам начинал как виолончелист. Ничуть не бывало: он бесконечно нервный. Он может преследовать вас своим сумасшедшим состоянием, заметив синкопирование звука. Я не говорю, что мне не нравится с ним работать... Например, Слави обладает поразительным чувством юмора. Кроме того, мне нравятся такие мужчины.

Могу подарить вам идею одной его тонкой шутки. Когда я подписала и вернула контракт на эти выступления, позвонила концертмейстер: «Слави сказал, что вы можете выбрать Сибелиуса или Мендельсона...» Я не смогла сдержать смеха.

Очень смешная шутка. Это уже история: раньше, когда я сыграла Национальную симфонию, журналисты изобразили меня заснувшим часовым. Полагаю, я была утомлена. Во всяком случае, я сказала ей то, что говорит не каждый скрипач, но знает любой, кто играл на скрипке после Паганини — есть концерты, которые звучат более сложно, чем они есть на самом деле (как у Мендельсона), и концерты, показывающие мастерство, более трудные, чем кажется по звуку (как у Сибелиуса). Поэтому я ответила, что когда хочу вырвать дешевое браво у наивной аудитории, я играю Мендельсона, а если хочу показать себя коллегам, Сибелиуса.

— Передайте Слави — скорее всего, я исполню Мендельсона! — сказала я концертмейстеру, улыбнувшись в телефон. Потому что, как я знала, не будет ни того, ни другого. И действительно, через пару дней я получила корзинку цветов с запиской от Елены Ростропович:

«Не просто талантливо и не только великолепно — но и очень трогательно! Слави пересылает свои комплименты поклонника и просит сыграть Гершвина: на концерте будет присутствовать госпожа президент!»

Я связалась с ним и заявила, что с удовольствием исполню Гершвина: он был одним из великих композиторов, и, кроме того, достойно по-американски сочинял скрипичные концерты. Во всяком случае, я знала, что госпожа Рейган не желала слушать иностранные вещи.

Елена Ростропович была милой леди, хотя я не всегда знала, что у нее на уме. Например, я не знаю, что ей известно обо мне и Доме. Мы осторожно уклонялись от болтовни на эту тему, и до сих пор она не говорила ни слова намека. Но когда я получала приглашение на ужин, я узнавала, что там был и Дом. Мы с супругом всегда назывались «мистер и миссис Боуквист», а Дома с женой объявляли как «сенатор и миссис ДеСота». Совершенно неважно, что наши супруги находились в Чикаго — почти всегда (как Ферди) и очень часто (как Мэрилин ДеСота). Поэтому Дом мог провести ночь в моем номере. В дни концертов мы работали целый день, а в одиннадцать ночи встречались у Елены с выражением искренней неожиданности. Потом ехали в снятый Домиником дом. Неизменный...

Эти вечера были самым лучшим временем моей жизни, и жизни Дома. Мы могли появляться на публике. Потом, когда оставались наедине, было очень мало шансов, что хоть один из нас будет разоблачен супругом. Мы проделывали все, что в Чикаго было довольно рискованно — там всегда был шанс, что кто-нибудь из наших супругов не вовремя появится в вестибюле отеля, на лестнице или в ресторане, где мы встречались. Другие города лучше — иногда, по счастливой случайности, Дому удается придумать повод для вылета в Бостон, Нью-Йорк или еще куда-нибудь, где я выступаю — мы всегда выжимали время... Нет, Вашингтон лучше... во всяком случае, из того, что я видела.

Но и здесь у нас были знакомые. Рано или поздно, Ферди или Мэрилин услышат намеки, почувствуют неладное — это только вопрос времени. Частные детективы? Вполне возможно! А почему бы и нет? За супружескую измену приходится платить.

И тогда на наши головы с грохотом свалится многое, и то, что произойдет, будет поистине неприятно...

Но, пожалуйста, Господи — еще немного! «Никогда!» — уверенно сказал в два часа ночи Дом, натягивая носки, когда я призналась в своих мыслях.

— Рано или поздно, дорогой, это произойдет! — разумно сказала я.

— Этого не случится, нас не смогут поймать,— он сделал паузу, натягивая штаны, и, согнувшись, поцеловал меня в пупок.— Мы всегда будем заниматься любовью, даже если нас засекут...

Я не дала продолжить — точнее, попыталась. «На концерт приедет госпожа Рейган!» — сказала я.

— Да? Что из этого? — сказал он и кивнул с умным видом.— О! Я увидел связь: ты не хочешь шокировать президента, верно? Но если нас не схватят, мы не шокируем, а если и схватят — всегда есть альтернатива...

— Нет, я не про это! — сказала я, прежде чем он закончит свое изречение словом «переженироваться». Потому что это было непригодной темой для дискуссий, хотя бы и с сенатором Домиником ДеСотой. Я могла изменять мужчине, который меня любил, но не могла выбросить его из своей жизни, публично унизив.

Так что я не сожалела, когда Дом уехал в Нью-Мехико, потому что он становился все более настойчивым, а я постоянно отгоняла эту мысль. И, когда на ночном концерте я начала с быстрого синкопированного «горячего аллегро», его кресло было пустым.

Что происходило потом, было полной неожиданностью — и чтобы вам было понятней, расскажу о концерте.

Гершвин умер молодым — он только начал сочинять скрипичную музыку, но однажды, когда он переходил 52-ю улицу, его сшибло такси. Тогда это было удивительным! Ранее ему надоело нанимать Фреда Гроуфа с его оркестром, и во время скрипичных концертов Гершвин прекрасно дирижировал сам. Его особенностями были деревянные духовые и ударные — они смягчали сердце.

Еще мне нравилось то, что он позаимствовал хитрости Мендельсона. Мендельсону не нужна фальшивая пауза после первого действия, чтобы публика не подумала об окончании концерта. Аплодисменты, конечно, выражают уважение, но и беспокойство — половина аудитории поспешит аплодировать, а другая будет сердиться на болванов, задерживающих выступление. Мендельсон не позволял этого, подкрепляя время от первого действия до второго одной нотой. Здесь никогда не было молчания и беспокойства публики; мужчины, пришедшие на концерт по требованию жен, нервно смотрят на соседей, ожидая конца — вы слышите легкий шорох, шепот и приглушенный кашель. Я очень хочу, чтобы Чайковский, Брюс и Бетховен слушались так же внимательно — и крайне признательна Гершвину и Мендельсону.

Однако, это весьма забавно! В это приятное время даже почти подсознательный барабанный сигнал вечерней зари не удержал публику от суеты. Я увидела, как капельдинерша нагнулась над пустым креслом Доминика и что-то прошептала в ухо сенатора Кеннеди. Слави уже приподнял дирижерскую палочку для начала второго действия, но Джек Кеннеди засуетился и тихо прокрался через проход. Я подсчитала такт для начала своей партии и увидела, что Джеки улыбнулась мне и извиняюще махнула рукой. Я была знакома не со всеми сенаторскими женами, но в случае Джеки знала, что она искренне сокрушена.

Джеки Кеннеди была единственной культурной слушательни-

цей в сенаторской галерке, и я всегда думала, что она могла бы стать прекрасной Первой Леди, если бы муж не провалился в Чикаго из-за недостатка голосов.

Тревога на этом не кончилась...

С помощью таких людей, как Джеки, Слави Ростропович и Дом, я смогла попасть в довольно большое Вашингтонское общество любителей скрипки, где собирались сливки общества. В Вашингтоне это обозначало правительственную публику — дипломатов, законодателей и верхушку администрации. Здесь, в своей ложе, была даже Нэнси Рейган со своим Первым Джентльменом, который, как всегда, вежливо и самоуверенно сидел рядом. У такого типа аудитории имеются свои особенности — самым ужасным было то, что если кто-нибудь уйдет, то половина публики немедленно примется обсуждать...

Что и произошло.

В середине медленной части, в зале, словно отсутствующие зубы, зияли пустые места. Когда я кончила прекрасный сложный крещендо в терции, аплодисменты были скудными. Полагаю, не от недостатка энтузиазма, а от малочисленности аудитории. Слави посмотрел на меня, а я на него. Смирившись с этим, мы пожимали плечами и ничего не понимали.

Для приличия сделали два поклона. Затем сошли со сцены и уже не вернулись в зал, давая аудитории возможность бежать: многие из них находились в панике.

А нами овладело любопытство...

Для Слави это было хуже, чем для меня. Я готовилась к вечеру и ждала, когда он вернется с антракта ко второй половине программы. Это был Малер — и оба мы уже знали, что на его бессмертной Первой симфонии будет немного народу.

Потом мы узнали, что произошло...

Первой нам рассказала костюмерша Эми. На самом деле, она не «одевала» меня, а проявляла заботу. Присматривала за Гварнериусом, когда я ненадолго ложила его; проверяла, нет ли пятен и складок на концертной одежде; следила, чтобы в кармане музыкальной сумки всегда лежали тампоны. Она делала все это — и еще одно: она рассеивала подозрения моего мужа, когда я была с Домом.

Кроме того, она рассказывала все новости, даже самые неприятные... особенно, неприятные. Все шокирующие закулисные впечатления этой ночи большей частью были ссорами; но она пробилась к нам и передала услышанное по секрету. «Найла! — застонала она.— В Альбукерке заварушка!»

Альбукерк находился рядом с Сандией — там же был Доминик. Я отступилась, колени ослабли... Слави успел подхватить меня за одну руку, а Эни — другую руку и скрипку.

— А Дом? — простонала я.

— О, Найла! — рыдая, сказала Эми.— С ним самое ужасное!

Мужчина по имени Доминик ДеСота вспотел, пробираясь через камыши, которыми заросло старое водохранилище, и оторвался от своей работы. Ему показалось, что на востоке, на месте Чикаго, вспыхнул яркий оранжевый свет. Это не было иллюзией: там на самом деле сверкали низкие облака, освещенные далеким сиянием. Доминик выпрямился, вглядываясь вдаль. Что за свет на горизонте? Там были белые и красные струи: белый свет, удаляясь, становился красным. Это было так, словно бы здесь появились автомобили... Но в мгновение ока лучи исчезли — и Доминик снова остался один в душной ночи. Вернувшись к своему занятию, открыл последнюю ловушку. Там находилась чья-то ангорская кошка — шипела и выгибалась дугой. Она не была большой и мясистой, но ДеСота был рад видеть и ее — это был ужин...

АВГУСТ, 23 1983 г. время: 20.20 майор ДеСОТА, Доминик Р.

То, что первым же пленником я захватил самого себя, была чистая случайность.

Конечно, рано или поздно я бы увидел Дома ДеСоту — все мы знали о существовании двойников. Вполне возможно, что «я» (мой пленник) сделал «мне» (захватившему его) одолжение — потому что одной из причин того, что я получил командование штурмовой группой, было то, что здешний Доминик являлся сенатором. (Сенатор! Как это могло случиться? Почему в этом времени я забрался так высоко, а в собственном надолго застрял в чине полевого офицера? Но положение этого ДеСоты поможет получить повышение...)

— Они готовы, сэр! — сказала сержант Самбок.

— Прекрасно! — произнес я и пошел за ней. У меня не было времени размышлять о грамматических играх, в которые нам приходилось играть — «я» следил за «мной», «они» были «нами». Я не имел времени удивляться — раз или два я удивился раньше: курьезному стечению обстоятельств в жизни другого Доминика и моей собственной. Наши судьбы были потрясающе различны. Мы были Доминик ДеСотами в разных временах. У технических советников не осталось времени для подобных вопросов — ведь я интересовался у них об этом. Все, что они говорили, исключая математику, было невнятным бормотанием. Но мы — Доминики ДеСоты — имели общие гены, одинаковое отрочество (по крайней мере, отдельные моменты), мы читали одинаковые книги и смотрели те же самые фильмы. Естественно, были размещены в одни и те же тела.

— Направо, сэр! — подсказала сержант, и я прошел в операционный центр Кэтхауза, как забавно назвали эти люди свой собственный проект параллельных времен.

Лейтенант из корпуса связи сказала: «Еще 30 секунд, майор!»

— Хорошо,— сказал я и сел за стол. На нем было пусто — без сомнения, научный шеф был предусмотрительным парнем. Здесь был только микрофон, соединенный с передатчиком помощника лейтенанта. Я проверил ящики — заперты, но счет шел на секунды...

— Начинаем, сэр! — сказала сержант Самбок и улыбнулась сквозь маскировочный грим. Я начал.

— Леди и джентльмены! — произнес я в микрофон.— Меня зовут Доминик ДеСота! Обстоятельства привели нас к необходимости предупредительной акции в районе базы Сандия и ее окрестностей. Для вас это не представляет никакой опасности. Через час мы начинаем телевещание с местной станции. Все сети должны быть готовы к прямой трансляции.

Я взглянул на лейтенанта — она провела рукой по шее. Капрал из замыкающей группы передвинул переключатель, а я кончил передачу.

— Увидимся позже, майор! — сказала лейтенант и увела свою команду из комнаты.

Я откинулся на спинку кожаного кресла. Эти люди хорошо устроились: на стене роспись, на полу ковер.

«Как прошло, Найла?» — спросил я.

Она улыбнулась: «Просто великолепно, майор! Когда уйдете в отставку, поступайте на радио!»

— У меня слишком большой рост для этих дешевых радиоприемников! — ответил я.— Вы уже сообщили Так-5, что мы захватили это здание?

— Так точно, сэр! Так-5 ответил «Отлично сделано, майор ДеСота!». Продолжается штурм следующих шести зданий. Освобождена целая зона.

— Заключенные?

— Мы соорудили лагерь на автостоянке — охраняют капрал Гаррис и трое мужчин.

— Прекрасно, прекрасно! — сказал я и снова дернул ящики. Обследовав всю базу, я выяснил, что ученый вместе с ключами находился в городе. В раздражении нет проблем! «Откройте, сержант!» — приказал я. Сержант Самбок внимательно изучила замок, оценила возможность рикошета, затем разместила дуло карабина в нескольких дюймах от замка и выстрелила. Пули 25 калибра провыли в комнате.

Ящики открылись без хлопот. Внутри них обычный беспорядок, который вы найдете в любом мужском столе — но среди барахла находились блокноты и досье. Вне всякого сомнения, это пылится давно — но доктор Дуглас хотел взглянуть на их работы.

— Дневального! — крикнул я. Сержант Самбок кивнула, и из

коридора выскочил рядовой. «Возьмите эти материалы в очередную вылазку через портал!» — приказал я, жонглируя плоской золотой зажигалкой с выгравированной надписью: «клуб Хэйр, озеро Тао». Прекрасный трофей, но я положил его на место и задвинул ящик.

Мы не были грабителями.

Сержант Самбок стояла в дверях и что-то хотела сказать.

— Что еще, сержант?

— Рядовой Дормейер в самовольной отлучке! — сообщила она.

— Дерьмо! — ее глаза выражали полное согласие.— В боевых условиях нет самовольной отлучки: если морской пехотинец уходит, это называется дезертирством! — более, чем согласна.— Черт побери, кто-нибудь должен узнать, где он! Найдите, я хочу его видеть!

— Будет сделано, сэр! Я позабочусь лично!

— Хорошо! — сказал я.— Даю десять минут на поиски! Встречаемся в точке десанта!

Моя штурмовая группа шла одной из первых, и мы взяли свои объекты. Сейчас на базе находилось на три сотни десантников больше, и я ждал телевещания. Телецентр в Альбукерке не был захвачен, и мы использовали кабельную сеть. Я направился в подвал — раньше его использовали в качестве тира, но когда туда проникли наши разведчики, подвал пустовал.

Для нас это было просто идеально! И прежде, чем кто-нибудь узнал про нас, мы переправили всю группу.

В их времени, как и в нашем, Сандия являлась старой военной базой. Но, в отличие от нашей, слабоукрепленной. Она была огромной и простиралась на квадратных милях пустыни, окруженная колючей проволокой.

Тем не менее, в Сандии было развернуто очень мало отрядов: периметр больше охранялся электроникой, чем людьми — посты располагались вдоль ограждения через каждые четверть мили. Конечно, коменданту базы это казалось изобилием защиты. Кроме парашютного десанта (который можно засечь радарами), не было иного пути, чтобы враги проникли за проволоку незамеченными... кроме нашего — если бы они пришли изнутри. Когда я спустился в подвал, на стене уже висела карта базы — контролируемые участки выделены красным карандашом. Кэтхауз и казармы морских пехотинцев, штаб, коммутатор связи и радиостанция. На данный момент мы захватили все это. Несколько отрядов, охранявшие эти объекты, оказались никуда не годными и попали в лагерь военнопленных.

Продолжали прибывать новые группы — в них не было нужды, но иметь их было не лишним: что, если остальные части, вопреки всякой логике, рискнут оказать сопротивление? Яркие прожектора, размещенные вдоль стены, освещали колонны солдат, появлявшиеся из ничего. Они поднимались по лестнице, выстраи-

вались около стены, и, под командованием офицеров и сержантов, уходили в бой.

Это выглядело довольно странно: находясь перед порталом, вы видите, как из плоскости появляются по порядку пальцы ног, ступни, ноги, руки, животы и головы... Если бы вы стояли сзади, что бы вы ожидали увидеть? Кишки и сырое мясо? Внутренности перемещаемых солдат?.. Ничего подобного! Вы не увидите ничего: за прямоугольником портала — лишенная черт и света, монотонная темнота. Спереди — только группы, выходящие из портала, и пыльные стены.

— Майор! — это снова сержант Самбок. Она огляделась по сторонам и прошептала.— Кажется, я поняла, куда делся Дормейер...

— Хорошо работаете, сержант! — ухмыльнулся я.

Она покачала головой: «На территории базы его нет! Каким-то образом он ускользнул отсюда и удрал в Альбукерк. Потому что он живет... он жил там. В Альбукерке, как я полагаю!»

Не так хорошо — но это не ее проступок. «Вы правы!» — произнес я, и это было действительно так. Для призванных Найла Самбок была первоклассным солдатом. Весьма забавно, что в гражданской жизни она учительница музыки, замужем за музыкантом, игравшем на клавесине. Оба они были призваны по повестке. Многие резервисты озлоблены, но Самбок добросовестно исполняла свой долг. Поэтому, приняв командование, я запросил ее перевод из Чикаго. Тот факт, что она красотка, не был лишним — но я не портил своих подчиненных (только подумывал об этом, время от времени). «Так-5 хочет переговорить с вами! Связь будет установлена через две минуты, — продолжала она.— Я это только что узнала».

— Прекрасно! — сказал я.— У меня появилась идея: сходите к пленным и принесите одежду сенатора!

Даже сержант Самбок могла удивляться:

— Его одежду?

— Исполняйте приказ, сержант! Нижнее можете оставить, но все остальное понадобится мне — даже носки.

Быстрая вспышка понимания пересекла ее лицо.

— Будет сделано, майор! — улыбнувшись, сказала она и ушла. А я стал ждать вызова от Так-5.

Двухсторонняя связь сквозь оболочки параллельных времен трудней односторонней. Она блокировала портал и ослабляла энергетическое поле... когда офицер из службы портала кивнул, я поднял трубку, и генерал Магрудер не заставил себя долго ждать. «Хорошо начали, майор! — рявкнул он.— Президент говорит то же самое. Он, разумеется, внимательно следит за ходом операции».

— Благодарю, сэр!

— Вступаем в фазу-2. Вы готовы к телетрансляции?

— Так точно, сэр! — собственно, подразумевалось, что я буду готов, когда Найла Самбок вернется с одеждой.

— Телестанция и микроволновые линии проверяются. Они начнут работу через полчаса. Лента с выступлением президента уже передана и готова пойти в эфир, как только вы сделаете представление.

— Вас понял, сэр!

— Прекрасно! — затем его голос изменился.— Теперь о другом, майор: они как-нибудь отреагировали?

— Нет, сэр, пока никак! Хотя я полагаю, переговоры еще ведутся.

— Ммм! Здесь больше нет никаких незваных гостей?

— Никаких признаков, сэр!

— Смотрите в оба! — резко сказал он и дал отбой.

Я знал тон его голоса: он был чем-то напуган...

Спустя полчаса, когда я прошел через горячую ночную пустыню (с такими же звездами над головой, какие мерцали в моей собственной Америке) в телевизионную студию, я почувствовал такой же страх. Неподалеку патрулировал джип военной полиции, петляя фарами в темноте. Они подтормозили, внимательно осмотрели меня и нарукавную повязку десантной группы, затем повысили скорость и уехали, не спросив документов.

Я мог быть одним из этих непрошеных посетителей — другим «мной», который где-то прятался. В таком случае, я мог обмотать клочок зеленой материи вокруг рукава — они никогда бы не заметили разницы, а затем...

Что бы сделал другой «я»?

Это был жуткий вопрос. До этого момента они только наблюдали, но ничего не делали.

Конечно, я не мог сказать, что военные полицейские небрежно относятся к охране — они не видели в этом большой необходимости. Мы захватили базу без единого выстрела — какое сопротивление могли оказать сонные часовые, потерявшие дар речи, когда их захватили наши отряды? И куда только катится Америка? Поражаюсь, как еще уцелела страна, если важные секретные базы охраняются горсточкой солдат регулярной армии? Если бы я поступил на курсы в Лойолу, кем бы я стал?

Может, сенатором?

Эту мысль я не мог себе позволить, пока не выполнена самая важная часть работы.

Как и было обещано, на студии меня ожидала сержант Самбок, держа в руках одежду сенатора. Я нашел раздевалку и переоделся. Он хорошо одевался — этот, другой ДеСота — рубашка, галстук и носки, ботинки, брюки и пиджак — все это было сделано из хорошей ткани или кожи. Покрой особенный — их мода отличалась от нашей — но я был рад почувствовать шелковистую рубашку и хрустящие выглаженные брюки.

Они могли бы сидеть намного лучше, но другой Доминик был полней меня на целый размер.

Когда я вышел из раздевалки, сержант отпустила комплимент: «Прекрасно выглядите!»

— Что вы ему оставили? — спросил я, любуясь в зеркало. По ее улыбке я понял ответ. В такой жаркий август в нижнем белье не должно быть холодно — но все же...

— Выдайте ему мой запасной комбинезон! — приказал я. — Он находится в сумке Би-4. — К счастью, этот комбинезон был великоват для меня — ему, несомненно, в самый раз.

— Будет сделано, сэр! — сказала сержант Самбок. — Сэр?..

— Что еще?

— Хорошо... если вы поменяетесь одеждами, не произойдет ли путаницы? Я имею в виду то, что его можно принять за вас. Как я узнаю, кто есть кто?

Я открыл рот, чтобы обозвать ее дурой, но снова закрыл: она была права. «Хорошо, что вспомнили! — сказал я. — Я буду единственным, кто знает ваше полное имя, о'кей?»

— Так точно, сэр! Во всяком случае, он пока что в тюрьме, а вы нет...

— Вот именно! — согласился я и понял, что мне не суждено знать, что произойдет через пару часов.

Я хотел, чтобы передо мной появился другой «я» — я хотел сидеть и разговаривать с ним, слышать его голос и узнать, где разошлись наши жизни. Эта мысль вызывала дрожь, нетерпение — словно готовность в первый раз принять наркотик или заняться сексом. Я желал этого.

Но думать об этом не оставалось времени. Оператор изумленно пялился на мою модную гражданскую одежду, улыбаясь капитану. Все было готово или нет — подошло время моего теледебюта.

Скорей нет, чем готово: они постоянно передвигали микрофоны, направляли камеры, выходили поболтать в холл; внезапно капрал, исполняющий обязанности режиссера, крикнул: «Готовьтесь, сэр! Мы начинаем!» Он прослушал наушники и открыл счет: «..10..9..8..7..6..5..4..3..» В последние секунды он использовал руки: два пальца, один — затем палец уткнулся в меня, над камерой загорелась зеленая лампа, и я начал речь.

«Леди и джентльмены! — сказал я в камеру. — Меня зовут Доминик ДеСота!» И это было правдой: ведь я не говорил, что я сенатор ДеСота — хотя тот факт, что я носил его одежду, подразумевал именно это. «Происшедшее вызвано крайней необходимостью. Я прошу, чтобы каждый американец прослушал эту передачу с открытой душой и благородным сердцем — ведь все мы американцы! Леди и джентльмены! Я передаю слово господину президенту Соединенных Штатов Америки».

И фотоны моего лица и шеи, костюма этого иного Доминика, его галстука и рубашки — собрались вместе, влетели в камеру,

и вылетели уже как электроны. Как электроны, пробежали по кабелю студии — к микроволновой тарелке-антенне на крыше, превратились в фотоны другой частоты; как радиосигналы, метнулись через долины к ретранслятору, прыгнули в воздух, затем на спутник, находившийся за тысячи миль в космосе, и стремительно потекли к телевизорам всех Соединенных Штатов. Этих Штатов!

Вся группа корпуса связи носила военную форму, но в их крови оставалось много гражданского. Резервисты, вызванные по повестке, почти все они были профессиональными телевизионщиками. В комнате отдыха, рядом со студией, они устроили себе небольшие гражданские удобства: сварили кофе и разрезали кекс — кто-то успел обчистить местную гарнизонную лавку.

Я налил себе чашку кофе, слушая доносившийся из монитора голос президента Брауна: «...как президент Соединенных Штатов, заявляю вам, кто тоже является президентом США, и всему американскому народу...— Он выглядел взволнованным и хорошо отрепетировавшим речь, написанную для него.—...в этот исторический момент, когда все мы стоим перед лицом страшного деспотизма, захватившего мир...» и «...узы крови и всеобщая приверженность принципам свободы и демократии...» и так далее, не останавливаясь. Это был довольно хороший спич; казалось, я заранее знал текст. Но в речи не был сказан один важный факт: мы полностью контролировали положение.

Этот же голос исходил и из комнаты контроля — я поставил чашку и заглянул внутрь. Здесь был не один, а дюжина мониторов; почти все они показывали важное лицо президента, говорившего те же самые вещи. Но несколько экранов показывали другие лица — серьезные, и даже более напыщенные: Джона Ченкелора, Уолтера Кронкайта, и несколько незнакомых. Они уже комментировали события. Я удивился, пока не вспомнил, что президентское выступление длилось только четыре минуты. Оно повторялось телецентрами, а некоторые уже среагировали.

Я взглянул на часы: полночь по местному времени. Значит, в городах восточного побережья уже два часа — но я сомневаюсь, чтобы многие в этот момент спали. Граждане Калифорнии могли настроиться на свои ночные новости и получить неожиданные известия.

Мы поступили правильно: почему они должны быть счастливыми, когда мы стоим перед ужасной борьбой за свободный мир?

Но даже командир десантной группы должен когда-нибудь спать. Я спал почти пять часов. Когда я проснулся, уже пахло беконом и кофе. Капрал Гаррис поднес блюдо — «Примите комплименты от сержанта Самбок, сэр!— он улыбнулся.— Ночью мы захватили офицерский клуб».

Яйца были почти холодные, зато кофе горячий и крепкий. Это было то что надо!

Вначале я заглянул в студию — к военным техникам присоединились несколько гражданских: пожилая женщина, молоденькая

и бородатый мужчина неопределенного возраста. Я остановил капитана корпуса, указал на штатских и приподнял брови.

«Эти?— сказал он.— Это ученые, майор! Во всяком случае, они так сказали. Пропуска в полном порядке».

— Чем занимаются?

Он пожал плечами. «Они говорят, что проверяют реакции на сообщение президента. Что-то типа изучения политики... вы не знаете о такой штуке?» — Я не знал. «Во всяком случае,— угрюмо продолжил он,— здесь чертовски мало того, что изучать: они ведь получили от нашего президента только надутое дерьмо!»

Новостей, которых я ожидал услышать, не было. «Свяжитесь с Так-5!» — добавил он, поразмыслив — но я уже возвращался в Кэтхауз. После горячей пустыни база казалась приятным и спокойным местом — но я не успокоился. Сухой, как воздух, я изнемогал в своем комбинезоне (возможно, я уже не буду так щедр со своими запасами) и начинал ощущать тревогу.

Генерал Магрудер Крысья Морда был там, где вы обычно находитесь в семь утра — а именно, спал. Но меня соединили с полковником Гарлечем — он был настроен не очень дружелюбно. Когда я спросил про штатских, он буркнул мне под нос с полдюжины крепких слов. «Они имеют разрешение — а дальше не ваше дело, майор!— огрызнулся он.— В каком состоянии база?»

— Все спокойно, сэр! (надеюсь, что это было так: ведь я еще не заглядывал к своим ребятам). Признаков реакции не наблюдается.

— Нежданные гости?

— Никаких донесений, сэр!.. Сэр? Можно вас спросить о докторе Дугласе?

Хриплый смех. «Он сидит в своей палатке под усиленной охраной и никак не может просраться. Как описывает положение противник?»

— Не совсем ясно, сэр! Они по-прежнему повторяют речь президента Брауна.

Все идет чисто и громко.

Собственно, полковник Гарлеч не произносил слова «просраться» — просто издал приглушенный шум с понятным смыслом. Гарлеч был одним из отчаянных воинов Магрудера — все знали, что они думают о президенте. Они решительно противились плану захвата... пока шефы сверху не дали понять, что имеется много тюрем для обсуждающих необходимость обороны Соединенных Штатов.

После того, как я кончил разговор по межвременному телефону, я подумал, что неплохо бы вернуться в студию и поболтать с политологами. Было бы интересно услышать их мнение о том, почему такое активное общество Штатов, как наше, получило мягкотелого президента Джерри Брауна — а другое, жирное и ленивое, огнедышащую госпожу Рейган... Но я — солдат, а не уче-

ный; и у меня были дела поважней. Я вызвал капрала Гарриса и, когда его голова появилась в дверях, приказал сходить в тюрьму и доставить пленного сенатора.

Он сидел в моем комбинезоне — и очень походил на меня, когда я попадаю в затруднительное положение. Я не мог не смотреть на сенатора — он, в свою очередь, внимательно изучал меня. Он не был напуган. По крайней мере, таким он не выглядел — сенатора можно было назвать немножко обиженным и, главным образом, любопытным. Это качество меня восхищало больше всего. «Вы ловкий проныра, Доминик!— сказал я ему.— Скажите, что должно произойти?»

Перед тем, как ответить, он потянулся: сенатор был сонным, а тахта ученого, к тому же, была неудобной. «Вы имеете в виду, как должна отреагировать на вооруженное вторжение президент Рейган?» — переспросил он.

— Этого нельзя предвидеть?

— Вся затея бесполезна, Доминик! Что вы хотите извлечь из всего этого?

— Мир! — сказал я, улыбаясь.— Победу! Триумф демократии над тиранией! Конечно же, я имею в виду не вас, а наших общих врагов — русских!

Сенатор удивился: «Дом! У меня нет русских врагов: в моем мире они ничего не значат... Русские погибли бы, если бы мы не помогли им после атомной заварушки с Китаем».

— Вы должны были дать им сдохнуть!

Он с неприязнью вздохнул: «Вы пришли без предупреждения и захватили нас!— он пожал плечами.— Это вы должны объяснить, что происходит! Вы делаете свою игру?»

«Все идет своим путем, Дом!— сказал я и улыбнулся.— Вы увиливаете от ответа — на большее вас не хватает». Сенатор промолчал — я попытался быть более дружелюбным. «Это наша страна — за каким барьером мы бы ни находились!— убедительно произнес я.— И нам следует объединиться, поскольку наша цель одинакова — процветающие Соединенные Штаты Америки. Верно?»

— Чертовски сомневаюсь в этом, Дом! — сказал он.

— Оу, Дом, продолжайте! Вы можете точно так же спрашивать и меня... Кстати, как ваша предстательная железа?

Его это удивило: «О чем вы говорите! Я еще слишком молод, чтобы она меня беспокоила».

— Да? — сказал я.— Так я и подумал, когда мне это сказали... Но проверить не помешает.

Он покачал головой: «ДеСота!— сказал сенатор более смело и решительно, чем я — окажись я на его месте (к моему удовлетворению: ведь я думал, что и я поступил бы так же).— Давайте без нелепого дерьма! Вы захватили нас предательским образом — это довольно грязная штука! Почему вы решились?»

Я улыбнулся: «Потому что мы здесь! Разве вы не знаете, как

делаются подобные вещи? У нас возникли проблемы и однажды мы увидели рациональное решение... Когда вы получаете технологию, вы ее используете — так мы и поступили!» — я не говорил, каким образом нам удалось получить технологию (ведь это, в конечном счете, не совсем уместно).— «Видите ли, дружище, вы столкнулись с такой ситуацией, которая не должна служить предметом разговоров. Наш президент скажет вашей Рейган, чего мы хотим — потом мы уйдем, и все кончится».

Он взглянул на меня обжигающим взглядом: «Вы ведь и сами не верите в это, не так ли?»

Я пожал плечами: мы знали друг друга достаточно хорошо. Я понимал, что однажды мы будем использовать их линию времени в своих интересах, и нам не хотелось уходить. Здесь мы всегда сможем подстроить для своих врагов небольшие пакости.

Но, к сожалению, это было делом далекого будущего. Я сказал: «Вернемся к вопросам... Может ли госпожа Рейган договориться с нашим президентом без применения силы? Ведь в моем времени она и Джерри Браун находятся в не совсем дружественных отношениях».

— Что из этого? Она сделает то, что потребуется — ведь она давала присягу защищать Соединенные Штаты.

«Да! Но вопрос только в том — какие?— поинтересовался я.— Наш президент дал точно такую же клятву — и он держит ее...» Неохотно — ведь он был тряпкой... Но я не произнес это вслух. «...Будет лучше, если ваша Нэнси выполнит требуемое... Вы можете предложить иное? У нас сила! Вы хотите, чтобы мы подбросили в Белый Дом сибирскую язву? Или оспу-Би в Таймс-сквер?» Я рассмеялся, глядя на его выражение. «Как вы полагаете, мы только говорим о водородных бомбах? Нам бы не хотелось портить слишком много хорошего имущества...»

— Но биологическое оружие...— он запнулся. Наверное, он хотел сказать, что оно запрещено международными конвенциями или что-то в этом роде.

Я пояснил: «После Салт-2 мы используем все! Когда-то мы отказались от атомных бомб и стали работать с другими средствами».

— Что за Салт-2?— спросил он, и сразу же:— Нет, черт с этим, я не хочу от вас уроков истории! Я желаю только одного: чтобы вы уматывали к дьяволу, откуда пришли — и оставили нас в покое! Сомневаюсь, что вы сделаете это! Если вам не безразлично мое мнение, то меня от вас тошнит!

Он был сущим злым дьяволенком! Я почти гордился сенатором... и был взбешен. «Вы собачье дерьмо, Доминик!— крикнул я.— Вы хотели сделать то же самое! Так или иначе, почему вы работали над проектом Кэтхауз»?

«Потому что...» — он осекся. Его выражение говорило само за себя, и ДеСота сменил тему. «У вас не найдется сигарет?» — спросил он.

— Я бросил курить! — с удовлетворением откликнулся я.

Раздумывая, он кивнул. «Я не верил, что эта штука сработает!» — произнес ДеСота-сенатор.

— Но вы пытались, мой мальчик — разве не так? Какая здесь разница? Мы не делаем ничего такого, чего не сделали бы вы, если бы окончили исследования раньше.

— Сомневаюсь!

К его чести, он не сказал, что это неправда.

— Вы поможете нам? — нажимал я.

На этот раз, не сомневаясь: «Нет!»

— Может быть, этим вы спасете множество людей!

Он сказал: «Я не сдаюсь, Дом!.. И уверен, что несколько американских жизней не стоят миллионов русских».

Я с изумлением посмотрел на него: возможно ли, чтобы я (в любом воплощении!) мог быть таким придурком? Но сенатор не выглядел дураком. Он наблюдал за мной, откинувшись в кресле — и вдруг показался выше и более самоуверенным. «Что это вы так перепугались, Доминик?» — ехидно поинтересовался он.

— С чего вы взяли?

Он объяснил: «Говорите так, словно беспокоитесь о чем-то, но не хотите это показывать. Мне кажется, я догадался, что вас тревожит: другой Доминик! Не так давно он крутился поблизости и что-то вынюхивал. Кажется, он знал о вашем вторжении. На вашем месте я бы встревожился: кто он? Что ему нужно?»

Я понял, что это было самым важным его секретом. Я никогда не был марионеткой — даже в образе сенатора. Он догадался, что тревожило мое сердце... или одного из нас.

Я медленно признался: «Он из паравремени, Дом!»

— Я уже понял это! Он приходил к вам?

— Нет! Не совсем он!..

Я захотел рассказать ему о нашем посетителе, который сидел сейчас под охраной на другой стороне портала и потел от страха, что его найдут и сделают бо-бо за то, что он помог нам развернуть портал. — «Но у нас были непрошеные гости — быть может, много!»

— Продолжайте дальше!

Я сказал: «Вы не слышали про отскок?»

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду «обратный прыжок». Когда вы переходите через оболочку паравремен, в действие вступает закон сохранения, и некоторые вещи совершают обратное перемещение.

Он нахмурился: «Вы полагаете, людей будет бросать туда-сюда?»

— Не только людей! Здесь все очень сложно: это зависит от того, насколько сильно порвана оболочка. Иногда это может быть просто энергия... свет или звук, иногда — перетекают газы или мелкие предметы. Например, пролетающие мимо птицы. Временами — что-либо крупнее.

— Это происходит и здесь?

Я неохотно согласился: «Кажется так, Дом! И не только здесь...»

Он встал с кресла и подошел к окну — я позволил ему это — и произнес через плечо: «Похоже, ваш народ действительно поймал птичку в небе, Дом!» Я не ответил, он повернулся и посмотрел в упор. «Я хочу, чтобы вы достали мне сигарет!— раздраженно крикнул он.— Это успокаивает!»

Я немного подумал: «Почему бы и нет? Это ваши легкие!» Я включил на столе внутреннюю связь, разобрался, какие кнопки соединяют с канцелярией и приказал сержанту Самбок принести сигарет. «Так, продолжим!— сказал я.— Вы поможете нам?»

Он отрезал: «Нет!»

— Даже когда нет никакого риска? И даже когда ваша страна беззащитна против нас?

— Вы получите по заслугам!— отчетливо произнес он и повернулся к дверям, когда вошла Найла Самбок с пачкой сигарет из армейской лавки.

Мой дружеский «я» внезапно изменился.

Черт побери, что с ним произошло? Он смотрел на сержанта как на привидение. Я никогда еще не видел такого выражения изумления, гнева и жалости одновременно — ни на одном человеческом лице... тем более, своем собственном.

Человек по имени Доминик ДеСота сидел перед экраном. Его пальцы бегали по клавиатуре, развертывая и записывая изображения. Не отрывая от работы рук, он произнес в крошечный микрофон, загнутый около щеки: «Босс? В этом зашли еще дальше... Кажется, здесь больше не будет позвоночных!»

АВГУСТ, 24 1983 г. время: 09.20 сенатор Доминик ДеСота

Когда я вернулся в лагерь военнопленных — стоянку автотранспорта Джи-3, я обнаружил, что пропустил завтрак. Куда-то делись шесть моих товарищей. Здесь еще находилась небольшая группа солдат с трафаретом «ВП» на спине, которые подбирали оставшиеся подносы из кафетерия. За ними наблюдали другие военные — с зелеными повязками и автоматами... среди них и майор ДеСота.

Но здесь не было нескольких гражданских, которые предыдущей ночью делили со мной кровать. Это расстроило моего конвоира, но не беспокоило меня. Капрал втолкнул меня за ограждение и стал шептаться с другим охранником.

Моим сознанием владела Найла Боуквист...

Я не знаю, как выразить словами то, что мое сердце разбилось вдребезги — когда я увидел свою любовницу в армейской форме, со следами маскировочного грима на лице и с автоматом через плечо — не признавая, она смотрела сквозь меня.

Теперь, когда у меня было время подумать, я понял, что это была Найла из их времени — точно так же, как там был другой Доминик ДеСота и, конечно же, другая Мэрилин (но за кем же она замужем у них?), иной Ферди Боуквист и остальные люди. Другой Доминик не был точно таким же, как я — и вряд ли иная Найла копировала Боуквист.

Она не была знаменитым скрипачом. Носила короткую прическу, ее глаза менее накрашены. И у нее была другая одежда... хорошо, армейская униформа. Моя Найла одевалась просто великолепно, а у этой не было свободного выбора.

Но как разрывало сердце из-за их схожести! Она не знала меня — точнее, знала меня как копию другого Доминика... Увижу ли я когда-нибудь свою собственную Найлу?

Тогда я буду очень удивлен... Здесь я был в центре тотальных, невероятных и леденящих душу событий — и мои мысли переполняла женщина, с которой я состоял в близости...

— Заключенный ДеСота! — гаркнул капрал, и я осознал, что он махнул мне рукой.— Пошли! Ваши парни не здесь, и я забираю вас на сборный пункт!

«Где это?» — но вместо ответа я получил неприятный удар прикладом.

Это было совсем недалеко. Мы просто прошли через Катхауз в офицерский клуб.

Я уже был здесь — это было нечто вроде холла, где служащие могли посидеть за чашечкой кофе и краткой беседой, спокойно перечитать свои рапорты. Здесь все было как всегда — вот только девять человек находились тут не по своей воле. Два штатских ученых ходили туда-сюда и свирепо смотрели в окна. Полковник Мартино сидел и разговаривал с женщиной, в которой я признал математика из Ай-Ти-Ти — а, следовательно, одну из моих избирательниц. «Доброе утро, Эдна!— кивнул я.— Привет, полковник!» Это было так, словно я просто заглянул за кока-колой, и ничего страшного не произошло.

— Мы удивлялись, куда вы запропастились! — сказал полковник.

— Меня допрашивал этот омерзительный майор — и я пропустил завтрак.

— Если у вас есть хотя бы 25 центов, справа около холла есть торговый автомат. Часовой пропустит.

Охранник здорово смахивал на Герберта Гувера. Я не пошел за едой — это сделала за меня доктор Валеска. Безалкогольный напиток и пара твинки, конечно же, не еда — но, по крайней мере, наполняет желудок. Изменив своим привычкам, полковник Мартино обошел комнату: посмотрел в окно (помотал головой: снаружи вооруженная охрана), проверил другую дверь (закрыта) и поднял телефонную трубку (отключен). Затем он сел и стал наблюдать за моей едой. «Всех нас допрашивали!— произнес он.— Кажется, больше всего, их интересовали вы — по крайней мере, вашего двойника. Это поразительно!»

— Меня допрашивал ДеСота,— промямлил я ртом, набитым кремом.— Я не вижу вреда в том, чтобы рассказать им то немногое, что я знаю. Разве я мог всучить им не мои имя-должность-и-номер-серии?

Он взглянул на меня, словно пораженный молнией. Не могу себе представить, как он был раздражен. «Я думаю, что все мы играем в одни ворота, сенатор!» — успокоил он меня. Я ухмыльнулся, Эдна Валеска опустилась на тахту рядом со мной и подключилась к разговору.

— Есть хорошая новость,— мрачно сказала она,— проект Кэтхауза сработал! И есть плохая: они использовали его раньше нас. И еще более плохая весть: кажется, сюда запутана, по крайней мере, еще одна линия времени. Других объяснений я не вижу.

— Кажется, это действительно так! — согласился я.— Но кто же те, другие?

— Иисус Христос? Такие вещи не для меня! — улыбнулась Эдна.— Кто же еще?

— В конце концов, это ваш проект! Что же делать, если даже вы не знаете, что происходит?

— Я сказала, что Христос здесь ни при чем, а не то, что не понимаю это! Часть, во всяком случае...

Она поймала мой взгляд и угостила сигаретой.

— Например! — произнесла она, чиркнув зажигалкой.— Мы довольно много узнали о линии времени наших захватчиков, где вы — армейский майор!

— Мы знаем?

— Безусловно! Они вторглись к нам, потому что хотели напасть на своих противников через черный ход — так же, как собирались сделать и мы.

— Доктор Валеска! — возразил я.— Мы не готовились к этому! Миссией Кэтхауза было исследование вероятностей. У нас не было оперативных планов!

Она безразлично пожала плечами, словно это было несущественно. «Есть другой факт! Хотя они и обогнали нас в пересечении времен, существует еще одна линия, где зашли еще дальше! Они заслали первого Доминика ДеСота».

Я заметил, что нас слушали не только находившиеся в комнате — наш охранник тоже навострил ушки. Ладно, может быть, мне удастся прочитать что-нибудь по выражению его лица? «С чего вы взяли?» — спросил я, поглядывая на часового.

— Потому что другой народ — назовем его «популяцией 1» — смог перенести человека сквозь время и вытащить его с другой стороны. Я не думаю, чтобы «популяция-2» — агрессоров — смогла это сделать.

Нахмурившееся лицо часового показало, что это весьма правдоподобно. Могу сказать, что и Эдна Валеска заметила это. «Так что,— заключила она,— в эту игру играют и другие!»

— Следовательно, мы можем найти в них союзников,— с надеждой сказал я.— Популяция-1 может захватить, как нас, популяцию-2!

Теперь охранник уже испуганно таращился на нас и тревога на его лице была утешительна. Мы разговаривали о таких вещах, о которых он не смел и думать. Я повернулся и улыбнулся ему. Недоразумение! Он рассердился и отвернулся, на его лице больше не было никакого выражения. Но это только подтверждало нашу правоту.

— С другой стороны,— сказала Эдна Валеска.— Если популяция-1 собиралась помочь нам, у них была возможность предупредить, но они не использовали ее.

Это, в достаточной мере, было правдой — я и сам начинал расстраиваться не меньше охранника. «Что нам известно о захватчиках?» — поинтересовался я.

— Их самый главный враг — Советский Союз!

— Да, кажется, это действительно так!— произнес я.— Но я с трудом верю в это. После ядерной войны, когда, разбомбив Москву и Ленинград, Китай обезглавил...

— Верно, Дон!— в разговор вступил полковник.— Но в их времени этого не произошло! Мы узнали это, проанализировав их вопросы. У Советов была только одна внешняя война — кажется,

около 1940 года. Они напали на Финляндию — и тут вмешались немцы...

— Немцы?

Мартино кивнул: «У них не было революции. Власть захватил какой-то Гитлер, и война оказалась очень жестокой. Русские победили. После войны Советы оккупировали большую часть Восточной Европы, объединив ее под властью своего лидера — Иосифа Сталина...»

В это верилось с трудом. «Подождите минуту! Я знаю, кто такой Сталин! Он управлял их страной, пока не был убит. Его внук, собственно говоря, мой приятель — мы играли с ним в бридж. Он является русским послом в Соединенных Штатах. И он чудесный парень!» — закончил я, не ожидая упоминания о Найле Боуквист.

Соблюдая осторожность, я посмотрел на охранника — он определенно прислушивался. «Старик Джо,— продолжал я,— был убит подпольным грузинским сепаратистом. А английская забастовка переросла в революцию. Англичане пошли социалистическим путем (и продолжают идти). Хозяином России стал Литвинов, потому что имел хорошие связи с Британией (у него жена — англичанка). После 1960 года в Германии вспыхнула контрреволюция, и произошло восстановление кайзеризма. Теперь они и японцы — наши основные противники...» Я замолчал: охраннику я надоел — не говоря уже об Эдне и полковнике.

Мартино покачал головой. «В их времени этого не произошло!— сказал он.— По крайней мере, в последние тридцать лет у них остались только две сверхдержавы: русские и американцы. Они победили всех остальных конкурентов».

Нашему охраннику это не просто надоело: он больше не слушал нас. Около офицерского клуба что-то происходило, и он наблюдал. Мы время от времени бросали косые взгляды, чтобы посмотреть на реакцию нашей живой лакмусовой бумажки — когда реакция прекратилась, беседа заглохла.

«Черт побери!» — произнес без особых дополнений младший научный сотрудник и пожал плечами.

Эдна Валеска злилась: «О, Дьявол! Мой муж такой ревнивый! Он не хотел, чтобы я работала в ночную смену... Я так хочу сказать ему, что он оказался прав!»

— Согласен! — поддержал я.

Полковник кивнул: «Моя жена хотела того же... или, чтобы я мог в любое время позвонить ей. Штатским это трудно, я знаю. Держу пари, Дом, что и вы беспокоитесь о своей супруге!»

— Что? Ах, да! — согласился я и ничего не добавил. Действительно, я тревожился и за нее тоже.

В полдень нас накормили снова. Консервированные спагетти и фрикадельки из запасов офицерской кухни, молоко и вполне приличный кофе. «Кормят на убой!» — уныло сказал один из ученых, но в этот момент в комнату вошел новый охранник с автома-

том, сопровождающий Найлу-сержанта. Кроме нее, вошли два более вооруженных конвоира.

Она оглядела нас и сказала: «Если вы покончили с кофе, мы готовы предоставить вам более комфортабельное помещение!»

— Где это? — поинтересовался Мартино.

«Совсем рядом, сэр! Если можно, побыстрее, пожалуйста!» — голос принадлежал Найле. Думаю, «пожалуйста» в таких условиях звучало просто прекрасно. Пехотинцы направили на нас свое оружие. Неважно, кончили мы с кофе или нет — мы пошли.

Нам в самом деле не пришлось далеко идти. Когда мы вышли из клуба, жара пустыни ударила нам в лицо — но ненадолго. Мы прошли по пустынной улице базы, через дверь Кэтхауза — и спустились в большой подвал. Когда-то здесь было стрельбище. Теперь подвал забит захватчиками с зелеными повязками, здесь же находились какие-то механизмы, выкрашенные в защитный цвет — наподобие генераторов, но с тяжелыми змеями кабелей — от них доносилось дизельное гудение... и высокий прямоугольный экран, невыразительный и черный как смоль.

Так я в первый раз увидел портал — мне не говорили, что это такое. Это была просто темнота, висящая в воздухе, достаточно большая, чтобы заполнить комнату... это было жутко. Полковник Мартино не выдержал: «Сержант! Я желаю знать, что вы хотите делать!»

— Разумеется, сэр! — согласилась она. — Как старшему по званию, я обязана объяснить — это для вашей безопасности, сэр!

— Вы собачье дерьмо, сержант!

Она согласилась: «Так точно, сэр!» — и ушла, не ответив на вопрос, а охранники на все наши вопросы отвечали ударами прикладов.

Я проследил за ней: Найла направилась туда, где стоял мой добрый старый двойник Доминик и какой-то странный человек. Его лицо было неуловимо знакомо; и он, кажется, был гражданским, переодетым в форму — у него не было знаков отличия и зеленой повязки. Но он не был и пленником, потому что стоял перед высокой консолью, регулируя оборудование. Майор ДеСота внимательно наблюдал за ним; тут же стоял солдат с карабином. Его охрана? А если он не один из нас и нуждается в охране, тогда кто же он?

Найла-сержант получила приказ от «меня»-майора, кивнула и вернулась к нам. «Вы пойдете через минуту!» — сказала она.

— Продолжайте, сержант! — огрызнулся полковник. — Я требую, чтобы вы сказали, куда забираете нас.

— Разумеется, сэр! — сказала Найла. — Офицер все вам объяснит!

Приступ гнева у полковника прошел.

— Вы Найла Христоф, не так ли? — весело спросил я.

Миг неожиданности. В первый раз она посмотрела на меня как на человека, а не как на мешок мяса, передвигающийся по ее воле.

Карабин примерз к рукам: он не был направлен на меня, но требовалась только четверть оборота, чтобы попасть мне в живот. «Это моя девичья фамилия!— осторожно согласилась она.— Вы знакомы со мной?»

— Я знал одну из вас в моем времени,— сказал я и улыбнулся.— Она моя... подруга, кроме того, знаменитый скрипач.

Она как-то странно посмотрела на меня, услышав слово «подруга», но напряглась, когда я произнес «скрипач». Более внимательно осмотрев меня, сержант метнула быстрый взгляд на майора — и снова на меня. «Да что вы говорите!» — поразилась она.

Я пояснил: «Зукерман. Рикки. Христоф. На сегодня это три лучших скрипача мира! Этого мира... Прошлой ночью Найла выступала с Национальной симфонией перед президентом Соединенных Штатов».

«С Национальной симфонией?» — я кивнул.— «О, Боже!— воскликнула она.— Я всегда мечтала... вы проклинаете меня, мистер ДеСота?»

Я покачал головой. «В моем времени вы замужем за торговцем недвижимостью в Чикаго. Прошлой ночью вы исполняли скрипичный концерт Гершвина, дирижировал Ростропович. Два месяца назад ваша фотография была на обложке «Пипла».

Она одарила меня взглядом частично озадаченным, частично недоверчивым: «Но Гершвин никогда не писал концертов для скрипки,— сказала она.— И что такое „Пипл“?»

— Это такой журнал, Найла! Вы знамениты!

— Это правда, сержант! — подтвердил полковник, внимательно прислушивающийся.— Я сам слышал, как вы играли.

— Да? — она по-прежнему сомневалась, но была зачарована.

Я кивнул. «Как насчет этого, Найла?— спросил я.— Вы играете на скрипке?»

— Я учу этому! Учила до призыва в армию, во всяком случае.

— Вот видите! — сияя, воскликнул я.— И...

И это прекратилось. «Сержант Самбок!— сказал стоявший у экрана капитан.— Приготовьте их!»

Это был конец. Она занялась делом, моя Найла. Если она и смотрела на меня, то это был безличный интерес молотобойца на бойне, который управлял восхождением к смерти. «Пойдемте, пожалуйста!» — сказала она всем нам, но в этот момент «пожалуйста» ничего не значило.

— Послушайте, сержант! — начал полковник Мартино, но она дернула карабином.

Полковник взглянул на меня и пожал плечами. Мы двинулись в путь, выстроившись в одну шеренгу вдоль желтой линии, недавно нарисованной на полу. Местами она была еще липкой; тянулась к зловещей тьме, так напоминая линию ожидания в аэропорту. Капитан следил одним глазом за нами, другим — за смутно знакомым штатским.

— Когда я скажу,— произнес он,— вы должны по одному

пройти через портал. Ждите, пока вас не позовут: это очень важно! Вы найдете на другой стороне точно такую же разметку — ни о чем не беспокойтесь: вам поможет наш персонал с другой стороны. Помните, проходить только по одному!

— Капитан! — полковник Мартино сделал последнюю попытку.— Я требую!..

«Прекратите!— сказал капитан (не грубо, а так, словно вы вмешиваетесь во время неотложной работы).— У вас будет возможность предъявить претензии на той стороне... сэр!» Слово «сэр» он добавил после некоторого раздумья. Тон ясно показывал, что все это несерьезно. Капитана более интересовало, что скажет стоявший у консоли гражданский.

Он и на самом деле был прелюбопытным: несомненно, он делал что-то вроде комплексной коррекции балансировки. Было похоже, он старался удерживать красную точку на одной шкале, точно напротив зеленой на другой. Когда красная точка удалялась, он поворачивал ручку, пока она не вернется на место. Когда они совместились, он крикнул через плечо: «Ведите их!»

И доктор Валеска, выглядевшая так, будто молилась, бросила нам через плечо умоляющий взгляд, задрожала и шагнула в темноту, где просто исчезла.

Оставшиеся разом вздохнули. «Следующий!» — крикнул капитан — и туда же последовал полковник Мартино. Тьма поглотила его, оставив не больше следов, чем при уходе Эдны Валески.

Следующим был я. Тогда я стоял уже не более, чем в шести футах от загадочного штатского. Он резко оглянулся.

И я узнал его! Тощий, более беспокойный, но все же тот самый человек — об этом не могло быть и вопросов.

«Лаврентий!— воскликнул я.— Вы посол Советского Союза Лаврентий Джугашвили!»

Его охранник вскинулся: «Ты что, чокнулся? Не беспокой доктора Дугласа!»

Дуглас раздраженно посмотрел на меня. «Моя фамилия не Джугашвили!» — сказал он, повернувшись к монитору. Он дернул ручку настройки прежде, чем сделал знак капитану. «Но это фамилия моего деда!» — прибавил он, когда я шагнул в темноту.

Когда я был ребенком, я много фантазировал — и мои фантазии концентрировались на двух объектах. Первым объектом были космические путешествия, вторым был секс. Главной причиной того, что я хотел стать ученым, было то, что я мог бы посещать иные миры. Я никогда не оставлял этой надежды — просто она медленно испарилась с годами.

Другую фантазию я не оставлял никогда. У меня была самая лучшая коллекция непристойных книг. Порносеансы тогда еще не были легальными — но были места, где за два доллара вы могли пройти в комнату с платным кинопроектором и посмотреть грубые черно-белые фильмы Тайдхуаны и Гаваны (долгое время

я был убежден в том, что мужчина не мог заниматься любовью с женщиной иначе, чем в черных чулках и в маске). Я обменивался своими фантазиями со сверстниками из шахматного клуба и теннисной команды. Каждую ночь я ложился спать, воображая сценарий идеального соблазна: тонкая ткань женской ночной рубашки, пьянящая прохлада постели, шелковая простыня...

Потом наступило 5 июля. Пегги Хофстадер!

Ее дом находился около озера. Мы стояли вдвоем на крыше и смотрели фейерверк. Я умудрился тогда выпить две бутылки теплого, отвратительного на вкус пива. И, когда фейерверк взорвался, заполнив все небо, я почувствовал, как рука Пегги тянется к моему члену, и понял, что меня провоцируют. Фантазия внезапно стала реальностью. Без всякой подготовки я исполнил дебют — делал то, что сделали бы и вы на моем месте — руками и ногами, различными частями тела.

К счастью для меня, Пегги хорошо разбиралась в этом деле, и я получил необходимую помощь.

Но здесь мне не поможет никто...

Я боролся против предательской дрожи, жуткого возбуждения. С той стороны был другой мир.

Я сделал глубокий вздох, закрыл глаза и шагнул внутрь.

На что это было похоже?

Я ничего не почувствовал. Как-то я был на научной выставке, где демонстрировались воздушные двери. Струи поднимающегося воздуха смешивались с водяными парами — это выглядело так, словно в коридоре висели облака; на них проектировались различные картины и реклама, а вы шли прямо по небесам. Но это впечатляло больше, чем перемещение через пересеченные миры. В одно мгновение я находился в подвале здания, в сиянии мерцающих флуоресцентных ламп...

Затем я шагнул и внезапно очутился на дне ямы — продолжал двигаться по деревянному мостику, в знойном августовском солнце Нью-Мехико. Вокруг возвышались постаменты, удерживающие нелепые машины, напоминавшие телекамеры; на месте линз находились экраны с решеткой. Меня обступали выдолбленные песчаные стены, рев мотора рвал барабанные перепонки.

У меня не было возможности изучать зрелище. Два солдата схватили за руки и потащили вперед. «В грузовик!» — приказал один из них и повернулся, чтобы схватить следующего пленника. Я полез в транспорт — армейский грузовик без опознавательных знаков, сиденья располагались по бокам, и в кабине сидела охрана с автоматами. Когда все мы были посажены в машину, мотор заревел громче, и автомобиль рванул вперед; мы въехали на холм, где наготове стояли два боевых вертолета — их лопасти медленно вращались. «Выходи!» — приказал конвоир, и мы поодиночке спрыгнули вниз. Грузовик уехал. Один из охранников ушел перекинуться парой слов с вертолетчиками. Мы огляделись по сторонам.

Я стоял на вершине песчаного холма и смотрел на армейские бараки — насколько я понял, оригинал Сандии. Они находились в миле от нас, а ближе — трейлер с окнами и маскировочной окраской (это было нечто вроде офиса), яма. По ту сторону ямы — два-три других трейлера-генератора, их кабели тянулись к находившимся на дне механизмам.

Я, как и все остальные, задыхался от яркого света и беспокоился насчет солнечного удара. Эдна Валеска дернула за рукав. «Они выкопали ее до уровня подвала!» — сказала она, указывая пальцем.

— Что? — не понял я.

— Они хотели дойти до фундамента,— объяснила она.— Ведь здесь нет здания, и им пришлось копать.

«Ах, да!» — Это казалось совершенно неважным. Честно говоря, мне столько пришлось пережить, что я уже не различал важность вещей. Я увидел, как из черного прямоугольника появились еще две фигуры: Найла-сержант и «Джугашвили». Они переговаривались, потом Найла села в джип. «А как насчет постаментов?»

— Я полагаю,— сказала доктор Валеска,— что все дело в расположении. Они хотели заглянуть в наши лаборатории: ведь многие из них располагаются на верхних этажах.

Это звучало достаточно разумно.

Один из ученых задал волнующий всех вопрос:

— Как вы думаете, что они собираются с нами делать?— спросил он дрожащим голосом.

Но этого не знал никто. Полковник Мартино замял неловкую тишину. «Думаю, это мы узнаем от сержанта»,— сказал он, когда джип Найлы Самбок прошелестел песком из-под колес.

Она не ответила нам — по крайней мере, немедленно. Нахмурившись, она прервала беседу охранника и вертолетчика. Впрочем, «беседа» — это слишком мягко сказано — она превратилась в бескомпромиссный спор, и они уже не сдерживали своих голосов. Мы не интересовались предметом спора. Это было нечто вроде старой головоломки о миссионерах и каннибалах, пересекающих реку. Каждый вертолет мог взять с собой пять человек. Девять пленников и один охранник — два рейса. Но ни один из пилотов не желал испытывать судьбу, забрав нас — пятерых вражеских маньяков-головорезов — без вооруженного охранника.

— Дерьмо паршивое! — заорала сержант на последнего.— Сделаем так: вы берете четырех, и вы четырех, а я караулю лишнего, пока кто-либо не вернется.— И они с явной неохотой начали загружать нас в колуны. Сержант подошла ко мне и ткнула пальцем. «Этого оставьте!— сказала она.— Я покараулю его до следующего полета!»

— Слушаюсь, сержант! — замялся один из охраны.— Но майор сказал...

— Отставить! — приказала Найла. И ему пришлось подчини-

ться. Когда колуны-вертолеты оторвались от земли, она повернулась и оценивающе оглядела меня. Я догадывался, что не походил на слишком большую проблему для здоровой женщины, к тому же вооруженной карабином. Она слегка кивнула: «Нет смысла прожаривать здесь свои мозги! Давайте зайдем в трейлер!»

Кондиционер — благословеннейшая на земле штука!

Здесь никого не было: похоже, он предназначался для улетевших вертолетчиков. Найла-сержант позволила мне войти первым, и зашла следом. Направившись в угол, она достала из карманов своего комбинезона пару двадцатипятицентовиков и кинула мне. «Здесь автомат по продаже коки! — сказала она. — Я угощаю... откройте и поставьте мне на стол... — добавила она, и потом еще, — ...пожалуйста!»

Она села и, потягивая коку, долго наблюдала за мной. Я изображал зеркальное отражение. Сейчас она, как никогда раньше, походила на мою Найлу. Да, конечно, она носила одежду в самый раз для Хэллоуина. Но в жизни, Найла Христоф Боуквист...

Разумеется, это была не она, а Найла-Кто-То-Там-Еще. Но, какое бы имя она ни носила, она выглядела такой же желанной и прелестной, как моя — сержант была очень похожа. Я имею в виду не одну только сексуальность — но и вообще... Она мне нравилась: мне нравился ее полуюмористический ошарашенный взгляд, мне нравился наклон ее спины, груди. Когда она разговаривала, мне нравился ее голос.

— Как насчет того, что вы говорили мне, ДеСота?

— Вы скрипач, притом, одна из величайших! — ответил я.

— Невероятно! Я простая учительница музыки... Допускаю, я всегда мечтала попасть в оркестр, но не смогла пробиться!

Я пожал плечами. «У вас есть способности, потому что в моем мире вы достигли именно этого. И другое, то чем я не говорил...»

Она забавно взглянула на меня, но не сказала слов «о чем же?». За нее спросили брови.

— Мы были любовниками! — пояснил я. — Я очень сильно любил вас и продолжаю любить до сих пор!

Она одарила меня еще одним забавным взглядом — подозревающим и удивленным — но довольно нежным. Это был взгляд одинокой девочки из бара — хотя я и не думаю, чтобы она была такой. Я знал этот взгляд: взгляд Роксаны, каким она должна была посмотреть на Сирано де Бержерака, когда узнала, что это он, а не тупой осел Христиан, посылал ей любовные письма. И у нее вырвалось: «Для меня это новость, ДеСота!»

— Я не обманываю, Найла!

Она подумала немного и улыбнулась. «В тех условиях, — сказала она, — это, может быть, и хорошо! Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Что вы говорили про концерт Гершвина? Вы знаете, он умер совсем молодым».

Я пожал плечами — ведь я не разбираюсь в таких деталях. «Он

оставил после себя много хороших вещей,— продолжила она, наблюдая за мной, затем встала и подошла к окну.— Разумеется, все очень популярны. Голубая рапсодия, конечно, концерт в Ф., Американец в Париже... но, право, он ничего не писал для скрипки!..»

Я посмотрел на портал, где стоял нереальный Джугашвили и решительно покачал головой: «Неправда! Абсолютная неправда! Верно, я не знаток классической музыки — но немножко научился от вас, другой... Я часто слушал Гершвина. Его мелодии очень успокаивают. Думаю, я смогу даже насвистеть ее — подождите минуту!» Я прошелся по комнате, пытаясь вспомнить прекрасное журчащее вступление, где Найла так великолепно исполняла соло. Когда я попытался, мне стало ясно, что я ужасно сфальшивил — но подобную музыку трудно испортить — даже искаженная, она звучит прекрасно.

Она нахмурилась: «Я никогда не слышала такого — но это просто здорово!»

И она поджала губы, пытаясь насвистеть сама.

А я наклонился к ней и поцеловал.

Она — меня.

Я был почти уверен в том, что она поцеловала меня. Я чувствовал ее прекрасные мягкие и теплые губы, приоткрывшиеся перед моими — но не стал убеждаться в истинности... Краем кулака я резко ударил ее по затылку — как делал раньше в секции дзю-до.

Сержант Найла Самбок рухнула, как скала...

Этот вид единоборства был для меня только теорией: исключая тренировки, я никогда не использовал приемы дзю-до. И не хотел этого делать, хотя часть моего сознания с самого начала кричала, что моя одежда и костюм Найлы абсолютно неразличимы — за исключением зеленой повязки и карабина.

Когда она упала, я засомневался, что ударил Найлу не слишком сильно.

Но когда положил руку на знакомую грудь, то почувствовал хорошую работу сердца и легких.

— Мне очень жаль, милая! — сказал я и прицепил ее повязку к своему рукаву. Подняв с пола карабин, я перекинул его через плечо и ушел, не оглядываясь...

Семидесятитрехлетний Тимоти МакГарен был швейцаром Лейк-Шор Тауэрс, где открывал и закрывал двери с тех пор, как ушел на пенсию. Он и отель были ровесниками, у обоих в прошлом были десятилетия. МакГарен ходил к лифту так часто, что мог делать это с закрытыми глазами или пятясь как рак. Иногда, как сейчас, поддерживая двери для миссис Шпигель из 26-А, он так и поступал — спал и пятился спиной, нащупывая ногой нижнюю ступеньку. Только, казалось, все они исчезли. Он потерял равновесие, попытался схватиться за перила и упал в воду.

Над поверхностью Мичигана мерцали огни Чикаго.

АВГУСТ, 24 1983 г. время: 12.30 майор ДеСота Доминик Р.

Захваченная нами база была набита получше рождественского чулка. Я был сентиментален, и мне пришелся по душе офис коменданта. Там имелась комната для обедов и кухня, персональный холодильник с полдюжиной отличных бифштексов — все это я обнаружил еще вечером. Нас было шесть человек: полковник Темп, возглавляющий отдел Ядерных Исследований; майор пехотинцев Билл Силайтковиц; капитан из корпуса Связи; два других капитана — адъютанты Темпа; и я. Мы были самыми высшими чинами на базе (с нашей стороны, разумеется) — и в полной мере использовали свои привилегии. Мы обедали за чистой льняной скатертью, имея салфетки и столовое серебро — если даже в бокалах и была простая вода, зато они были из датского хрусталя. Из большого окна на пятом этаже штаб-квартиры мы видели остальные шестьдесят зданий, захваченные нами. На улице была жара, но в нашем маленьком замке кондиционер работал просто великолепно.

Нас было шестеро — шесть счастливчиков.

Один из адъютантов Темпа ржал над тупыми проектами здешних парней — группа чудаков пыталась читать мысли врага; бинарное химическое оружие, от которого мы отказались пять лет назад; лазерные автоматы, способные зажарить вражеских солдат на расстоянии в три мили... но через три минуты он затих и уже не выглядел таким сияющим.

Это был поистине комический контраст: их народ тратил больше средств на дурацкие идеи, чем мы. Но не все их проекты были придурковатыми! Когда мы приступили к мороженому и яблочному пирогу, Темп рассказывал серьезные вещи — остальные внимательно слушали. В прошлые сутки все это, без всякого сомнения, было засекречено, но ведь мы узнали это прямо из источника. Ядерное вооружение этих людей намного превзошло наше. «У них есть крылатые ракеты,— говорил полков-

ник,— похожие на маленькие реактивные самолеты, ускользающие от радаров, слишком быстрые, чтобы их можно было перехватить, точно запрограммированные. На ракете располагается множество боеголовок: на высоте в 10 миль около цели они отделяются и поражают различные объекты. И есть подводные лодки!»

Это удивило меня: «Подводные лодки? Что, к дьяволу, в них такого?»

— Они ядерные, ДеСота! — сказал он мрачно.— Здоровенные ублюдки на десять тысяч тонн и более! Они могут находиться под водой месяц, и на каждой лодке установлено по 20 атомных ракет с радиусом действия в 10 тысяч миль. О Боже! И плевать им на наши чертовы биологические атаки!.. Если бы только мы пронесли сквозь портал хоть одну из этих субмарин, русские бы моментально сдохли!

Пирог внезапно потерял вкус.

— И мы сразу нарвались на таких...— заметил Силайтковиц.

Полковник кивнул: «Они не ждали нас! — сказал он.— Но теперь знают о нашем существовании, и где мы находимся».

— Продолжайте, полковник! — вмешался я.— Они ведь не будут бомбить свою собственную базу?

Это не было аргументом, но частично переходило в вопрос.

Никто не хотел отвечать — и не только полковник. Он молча доел свой пирог и затем взорвался. «Черт побери! Мы все сделали не так, как надо! Нам сразу нужно было идти на самый верх! Занять Белый Дом, захватить в плен их президентшу, сказать ей пару ласковых — и тогда русские спутники раскусили бы «археологические раскопки».

Все посмотрели на меня — и я пожалел, что открыл свой рот. Кто я такой, чтобы обсуждать решения генерального штаба? Мы знали, как трудно с ним спорить — и никто из нас не принимал решений.

Пока...

— Полковник! — произнес я.— Взглянем на факты! Факт первый: неважно, каким видом вооружения владеют эти люди. Они не применят его внутри своей страны — потому что не смогут попасть в нас. Единственное, что они смогут сделать — это с порталом. Ведь причина нашего прихода — помешать им построить портал.

— Но они были далеко от его создания! — возразил один из адъютантов.

— Но могут сделать довольно быстро! — сказал я.— Поскольку им стало известно, что такое возможно, это отвечает на массу вопросов. У нас не было такого шанса. Теперь мы захватили базу — и нет оснований, чтобы они не ответили тем же самым.

Полковник строго взглянул на меня, затем одарил ледяной улыбкой. «Хороший вы парень, ДеСота!» — произнес он и ударил

ногтем по пустой чашке — она зазвенела, как колокольчик после выстрела. Ведь это был самый лучший фарфор.

Здесь я хотел остановиться: полковник был прав. Но и немного заблуждался: мы захватили Сандию без потерь, если не считать одного охранника с переломанной рукой — один из морских пехотинцев Силайтковица был немного невежлив в рукопашной. Если бы мы штурмовали Белый Дом, могли быть убитые. С другой стороны...

С другой стороны, было бы слишком многое. Вооружение этих людей! Если бы только мы могли взять субмарину ...или пару крылатых ракет...

Но вся наша сила находилась на другой стороне портала. Верно, мы могли бы сделать фотокопии, или пронести какое-то из этих оружий в разобранном виде. Но, рано или поздно, русские спутники заглянут в дырку пустыни, которую мы называем археологическими исследованиями, и, если заметят вооружение...

«Майор? — Красотка-рядовая, разливавшая в чашки кофе, раздала нам сообщения. — Это прибыло во время обеда».

— Спасибо! — ответил я и не улыбнулся: для меня было только одно — но это был трансвременной ксерокс от президента.

В нем говорилось: «От имени американского народа лично вам, офицерскому и рядовому составу 456 спецгруппы армии США за службу, достойную награды, за выполнение гражданского долга — объявляю благодарность!»

Я оглядел стол и ухмыльнулся — все остальные глупо улыбались: очевидно, им тоже объявлена благодарность. Ну что же, президент не писал эти благодарности лично — скорее всего, даже не знал о нашем существовании — все это, несомненно, сочинено в военном министерстве. Наш президент слабовольный сопляк — я никогда не голосовал за этого сукина сына. Плевать! Поименная благодарность президента прекрасно смотрелась в моем личном деле. Даже больше! В списке было указано шесть медалей! Для меня — орден Заслуженного Легиона; для сержанта Самбок — Бронзовая Звезда; четыре по личному усмотрению.

Это был неплохой улов; и явно несправедливо было лишь то, что Билл Силайтковиц получил больше других. Он нахмурился, когда связной что-то нашептал ему в ухо, потом взглянул на меня. «Дом? Мои патрули засекли одного из ваших парней: он вовсю пылил к базе на угнанной машине, за ним гнался коп из Альбукерка. Это рядовой Дормейер, смывшийся без разрешения в город! Насколько я понял, он пытался убить штатского».

Мне недоставало сержанта Самбок, потому что, в отличие от меня, она знала всю группу в лицо — но Найла находилась с другой стороны портала, сопровождая заложников; а портал, из-за технических неполадок, закрыт.

Рядом со мной находилась адъютантка, лейтенант Мариль: она недавно окончила офицерскую школу и по этой причине счи-

тала, что у коровы два хвоста. «Ч-ч-что мы должны делать?— обратилась она ко мне и, вспомнив, добавила: — Сэр?»

— Покончить со всем этим! — сказал я.— Черт побери, лейтенант! Я жду, когда покажется Дормейер!

— Его не смогли найти,— жалко пролепетала она.— Я отправила по его домашнему адресу рядовых Веймара и Милтона — но там его не оказалось! И вы знаете, сэр, недвижимость города слегка подпорчена нашими ребятами, никто не знает, как на это отреагирует противник...

— Всем принести извинения, лейтенант! — приказал я (я и забыл, что Дормейер из местных — в нашем времени, во всяком случае! Это было не очень хорошо — командир должен знать своих парней).— Адъютант должен знать всю группу! — сказал я.— Совершал ли рядовой Дормейер что-либо подозрительное ранее?

— Нет, сэр! Я не знаю точно! Кажется, месяц назад рядовой Дормейер получил увольнительную — в автокатастрофе погибла его жена. Я предполагала перевести его из части, потому что он пропустил занятия — но вы приказали оставить!

— Приведите его сюда! — сказал я.— Я хочу побеседовать с ним. Впрочем, постойте — сначала я поговорю с этим фараоном!

Я не нуждался в оправданиях. Мне не хотелось бы, чтобы мое дело продолжал старый генерал Рэтфэйс Крысья Морда — только потому, что какой-то дубоватый рядовой влип в переплет. Хорошо, что Билл Силайтковиц провернул свое дело, и в газетах ничего не будет...

Это могло случиться — и когда я увидел офицера Ортица, это показалось весьма вероятным. Это был рослый пожилой коп в кожаной шапке (она точно приросла к нему!) — он уверенно вошел и оглядел офис как свои владения. «Никогда не был здесь ранее, сэр! — сказал он.— Полагаю, у вас масса вопросов о том, что натворил ваш парень».

По крайней мере, он не стал сразу испускать огонь и требовать нарушителя. Как человек — человеку, я сказал: «По-моему, такие парни, как вы и я, всего лишь выполняют приказ, верно? Угощайтесь сигаретами!» Когда он взял две, я понял, что разговор на верном пути. Я более чем наполовину был уверен в том, что он начнет спорить на основании местных законов — и мне не хотелось хлопот с этим неряхой Дормейером. Ортиц излучал силу — и, казалось, ничем не обеспокоен. Ему было сорок лет, половину из них он прослужил в полиции. Когда Ортиц патрулировал свой район в Альбукерке, не контролируемый нашими группами, он получил вызов и приехал в дом Герберта Дингмана. Там он нашел старика Дингмана, их дочь Глорию (в истерике) и мистера Уильяма Пендерби в ее постели, где он был задушен нашим рядовым. Это не было очень сложным делом. Офицер сразу же вышел на Дормейера, который изумленно сидел в машине Дингмана. Как только

Ортиц понял, что этого человека нужно арестовать, рядовой Дормейер повернул ключ зажигания и поехал к базе. И нет, он вовсе не думает ждать, пока я допрошу преступника — возможно, будет правильно, если он позвонит на участок и сообщит о своем местонахождении.

Конечно же, я так не думал — но не шлепнул его по заднице, а проводил к двери и приказал лейтенанту Мериль дать телефон, а я тем временем переговорю с Дормейером.

Выдать его полиции было слишком — он был неплохим солдатом. Дормейер появился немедленно — его сумасшествия как не бывало. Стоял навытяжку и отвечал на все вопросы ясно и четко. Да, он ушел в самоволку! Причины? Он скучал по своей погибшей жене, и кто-то сказал, что в этом времени есть точная копия любого из нас. Он уехал посмотреть на нее... и нашел в постели с другим парнем. Этого он не смог выдержать! Нет, он не убивал человека: Глория оттащила его, он вышел на улицу, сел в автомобиль и заплакал. А когда явился этот Ортиц, жертва почему-то посинела.

Я отослал Дормейера с выговором. На этот раз я выпихнул Ортица и повернулся к капралу. «Проводите офицера Ортица в машину и дайте ему уехать! — приказал я.— Дайте ему понять, что мы здесь как друзья, а не как захватчики». И подмигнул Ортицу: «Хотите добрый совет, офицер? Вы будете первым, кто вышел из оккупированной зоны — и телерепортеры уделят вам много внимания. Не говорите им ничего!» Я с удовлетворением наблюдал за его уходом и отвернулся от реального мира.

Это было как ледяной водой по лицу!

Портал заработал снова — и для меня поступило свежее сообщение. Один из пленных, мой двойник Дом ДеСота, сбежал в другую линию времени (они даже не знают, в какую!) — и прихватил с собой нашего ученого, доктора Дугласа!

Когда я был на родной стороне портала в последний раз, стояла темная ночь. Мы шли по деревянному настилу, держась за веревку. Света было мало: только голубой плавающий свет от грузовиков. Мы спускались вниз — спотыкаясь, поднимая пыль и дрожа от холода ночной пустыни — испуганно. На вершине горы высадилась большая группа геликоптеров — света от них было не больше, чем от грузовиков. Все ручные прожектора были направлены на солдат второго эшелона и специалистов, устанавливавших генератор портала. Никто из нас не знал, что мы найдем на другой стороне.

Теперь все было иначе: рыжий настил обжигало горячее солнце, ветер задувал песчинки прямо в глаза. Около штабной машины нервно ходил Магрудер Крысья Морда и ожидал меня. Он посадил меня в автомобиль, и мы помчались, поднимая клубы пыли. По дороге я видел, как бульдозеры спешно загребают знаки посадки — и, когда над нами пролетят русские спутники, они не уви-

дят ничего такого, что заставило бы сомневаться в достоверности раскопок.

Лишь одно было то же самое — я боялся!

Я боялся, как никогда, потому что страх получить пулю — это физический ужас того, что можно избежать. Сейчас я боялся свершившегося факта. Если сенатор сбежал, в побеге ему помог армейский комбинезон. А его дал я...

В дороге Магрудер не проронил ни слова — даже не смотрел на меня. Поджав губы, генерал сердито пялился в окно. Я не обижался: его задница была в такой же мясорубке. Я застыл как статуя и повис на ремне безопасности, не рискуя защелкнуть пряжку.

Надеюсь, он забыл о моем существовании.

Мы остановились за гребнем песка, и Магрудер выскочил из машины, свирепо вращая глазами. На этот раз он сердился на сержанта Самбок и штатского техника — доктора Вилларда, который являлся помощником похищенного доктора Дугласа. Он оставил их на солнце, пока спускался за мной. Солнечный удар? Я не знаю, как они его избежали. Об этом генерал Магрудер не беспокоился, поскольку солнце никогда не тревожило его. Он сам был хуже солнца... Тяжело, словно бык, он топнул ногой, плюнул и указал на трейлер. «Все трое — внутрь!» — приказал он.

Внутри трейлера не лучше: это был холодильник — но не из-за кондиционера. Холод исходил от самого генерала. Когда он смотрит в упор, ваши глазные яблоки покрываются изморозью. Я тревожился за себя, немного за сержанта Самбок и даже, как ни странно, за доктора Вилларда — ведь он даже не был при исполнении обязанностей. Случилось так, что Виллард просто стоял на помосте и разговаривал с Ларри Дугласом, когда подошел мой двойник, угрожая карабином, сбросил Дугласа в верхний портал и прыгнул следом. Техник ничего не мог сделать (хотя это, кажется, не интересовало генерала Магрудера) — потому что был небольшого роста и, как все гражданские из проекта, невооруженным.

С Найлой Самбок все было иначе. Полно и лаконично она отвечала на все вопросы генерала. «Так точно, сэр — я охраняла сенатора! Так точно, сэр — я позволила ему справиться со мной и овладеть оружием! Так точно, сэр — я допустила оплошность! Никак нет, сэр — я не оправдываюсь!» Но «полно» — не то слово, потому что в ее глазах и тоне было что-то такое, что говорило о большем... Однажды я отдал под суд капитана, изнасиловавшего молоденькую призывницу — он думал, что все женщины на самом деле хотят этого (совершенно неважно, что они сопротивляются). Самбок выглядела точно так же — полная негодования и ярости...

Интересно, не было ли такого и с другим ДеСотой? Но тут Магрудер повернулся ко мне, и я напрочь забыл все тревоги о сержанте, имея достаточно собственных.

Подумать только, полтора часа назад я разносил рядового Дормейера! Ветер переменился.

Магрудера прозвали Крысьей Мордой по одной простой причине: у него был маленький подбородок и мертвая хватка, более того — под длинным острым носом он носил торчащие в стороны усы. Я видел, как подрагивал его нос, когда генерал, размышляя, замораживал своим пристальным взглядом и постукивал пальцем по кушетке. Мы ждали.

Наконец он произнес: «Есть вещи, которые вам следовало бы знать...»

Пауза.

— Первое,— продолжил он,— то, что их блядская президентша не ответила на заявление нашего президента Брауна. Поэтому мы переходим к осуществлению фазы-2.

Мы прождали немного больше.

— Второе — я запрашивал для доставки военнопленных транспортный HU-70, но мне отказали — под предлогом того, что их могут обнаружить русские спутники. И послали этих дерьмовых карликов.

Мы прождали немножко больше, но уже с меньшим предчувствием гибели — разве генерал не сказал, что было оправдание? Если бы послали подходящий транспорт — за один рейс увезли бы всех заложников, и не возникло бы никаких проблем. На это было мало надежды — но лучше столько, чем ничего. Он сказал: «Действуйте без ошибок — и помните, что вы по прежнему в дерьме! Вы, ДеСота — потому что дали одежду... Молчать!» — я пытался оправдаться.— «Вы, сержант — потому что позволили овладеть оружием. А вы, Виллард — потому что позволили этому сукину сыну Дугласу вертеться возле портала без присутствия старшего офицера! Не говоря уж о том, что двое из вас позволили сбежать заложнику!»

— Генерал Магрудер! — бесстрастно заявил Виллард.— Я присутствую здесь как штатский консультант, и, если против меня будет выдвинуто хоть одно обвинение, я имею право на присутствие адвоката. Я требую...

— Нет, не имеете! — поправил его Магрудер.— То, что вы совершили, Виллард, является добровольным соучастием в побеге парочки, которых требовалось доставить в Болинг-Филд.

— Болинг-Филд? — воскликнул Виллард.— Но ведь это же Вашингтон, округ Колумбия...

Магрудер не приказал ему заткнуться — он только посмотрел, и фраза тут же примерзла к языку Виллардa.

Снаружи я услышал трепет винтов. Когда Магрудер приоткрыл дверь, я увидел, как вращаются лопасти, и к нам бежит пилот...

— Это ваш! — сказал Магрудер.— Он доставит вас в аэропорт, где ждет MATS C-111. Фаза-2 уже началась!

Старик осторожно выглянул из-за двери (тишина!) и подкрался к почтовому ящику. Драгоценный коричневый конверт из Велфайр на месте! Он положил его обратно, поднялся по лестнице и защелкнул за собой все три замка. Если все будет в порядке, то едой и деньгами он обеспечен. Старик даже не чувствовал слабое дуновение. И, когда повернулся, увидел, что его квартира разграблена! Старый телевизор унесен, с кухонной полки сброшено скудное содержимое, подушка валяется на полу... Со стоном он открыл дверь в спальню, чтобы посмотреть, не унесли ли драгоценные запасы бумаги... На его кровати лежал какой-то человек. Горло его перерезано, глаза безжизненны, лицо искажено от боли и страха... Это было его лицо!

АВГУСТ, 24 1983 г. время: 16.20 миссис Найла Христоф Боуквист

Я должна была лететь в Рочестер — но не смогла покинуть Вашингтон. Сумасшедший день промелькнул непонятным фильмом: наступило время полета, прошло, Эми сделала заказ на вечерний рейс — отменили и этот. Я, как делаю это всегда во время отчаяния, раздражения и тревоги, репетировала. Сидела перед телевизором за фортепьяно и исполняла отрывок из концерта Чайковского. Снова и снова — но глаза мои притягивались к экрану, где каждые двадцать минут повторялось безумие предыдущей ночи и показывали Дома — дорогого Дома, любимого, с которым я спала в одной постели, любовника Дома — он сидел с приторной улыбкой и представлял суррогат президента Соединенных Штатов, говорившего неправдоподобные вещи. Вся программа изменилась — и везде были такие же нереальные новости. Чужие группы в Нью-Мехико продолжали удерживать захваченную территорию, наши не атаковали и никто в Вашингтоне не смог произнести что-либо дельное.

Не только я была обеспокоена и сбита с толку. Даже погода была прескверной: с побережья принесло что-то вроде тропического циклона, и у нас установилась сильная жара и постоянно моросящий дождь.

Не переставая, надрывался телефон. Дважды звонила Джекки. Звонили Ростроповичи, концертмейстер Слави и даже старая миссис Джевитс — все, кто хоть немного мог подозревать меня в личном интересе к сенатору. Но никто не намекал на это — они были очень вежливы. Через десять минут я уже не помнила ничего из сказанного. Хорошо, что звонили не газетчики — наша общая тайна оставалась нераскрытой.

Я уделила время даже на то, чтобы выразить соболезнование бедной Мэрилин ДеСоте — она сидела в пентхаузе у неумолкаю-

щего телефона и поражалась: какая муха укусила мужчину, за которым она столько лет замужем?

Да, я нашла время позвонить жене своего любовника! Это было не в первый раз — но впервые я задержалась при этом более, чем требовал этикет — как раз на столько, сколько потребовалось бы на то, чтобы сказать, что Дом неверный муж — и я не виновата!

Обычно, я верила в это...

И пришла Эми... с чаем, с надуманными вопросами: какие платья я хочу носить в Рочестере? Я внезапно вспомнила, что мне назначено интервью из «Ньюсуика», что из Рочестера звонил импрессарио, а я еще не ответила ему.

Разумеется, я не забыла про концерт.

Можно сказать, что я работала, как никогда. Они пригласили дирижером Рикардо Мати, с которым я придерживалась различных взглядов. Я хотела исполнить Чайковского — и он соглашался; но я хотела играть его полностью — Мати был против. Когда я исполняла Чайковского, я ссорилась каждый раз и обычно уступала — но только не сейчас!

Я проиграла его полностью, от начала и до конца — дважды, выпила пару чашек холодного чаю... и играла снова.

Меня тревожило, что мои пальцы думают о музыке — а сознанием владело другое. Что делает Дом? Почему он не звонит мне? Быть может, он только пошутил об этом сумасшедшем проекте Кэтхауза? И что я натворила со своей жизнью? Время от времени на меня находило сомнение — хочу ли я иметь ребенка?

И, если да, то от кого?

Я постаралась вернуться к музыке, пока из Гварнериуса выплывают эти волнующие романтические темы. У Чайковского была масса неприятностей — с концертами, например. «В первый раз могу поверить в возможность существования музыки, неприятной для слуха!» — сказал на премьере один критик. Как бы вы жили после этого? (Но сейчас, это самый любимый концерт из его репертуара.) И его собственная жизнь была закручена посильней моей в немузыкальном — политическом? — кажется, политическом смысле. Поскольку здесь присутствовал византийский аромат интриг царского двора. Его брак оказался неудачным — на его почве он получил нервное расстройство. На протяжении двадцати лет Чайковский имел жаркий роман по любовной переписке — с Надеждой фон Мекк — не встречаясь с ней ни разу (как только она появлялась, он немедленно выбегал через черный ход). Сумасшедший Петр Ильич! Говорят, он мечтал стать дирижером, но не получилось — поскольку правой рукой он управлял оркестром, а левой держался за подбородок (иногда у него появлялась навязчивая идея — если он расслабит руку, голова свалится с плеч).

Сумасшедший Петр Ильич!

Спинг — лопнула пятая струна, порванная мной. Я зло ухмыльнулась, вспомнив, что говорил мне однажды Руггиеро Рикки:

«Вы соблазнили Страдивари, но изнасиловали Гварнери!» На этот раз я изнасиловала его немного грубовато.

Эми сразу же влетела в дверь. Я не спросила, не подслушивала ли она — несомненно. Я протянула ей скрипку, и она внимательно рассмотрела порванную струну. «Нужно натянуть точно такую же!» — она кивнула. Пока Эми раскрывала пакет со струнами, я снова ушла в грезы. «Сумасшедший Петр Ильич!» — подумалось опять — только это обернулось в «Сумасшедшая Найла Боуквист! Что ты сделала со своей жизнью?»

Раздумывая, я полизала болевшие ногти. Они не изрезались до крови — для этого потребовался бы, как минимум, резец — но они болели. Я сильно страдала.

И сказала: «Эми, как вы думаете, где сейчас мой муж?»

Она взглянула на часы. «Здесь около пяти — значит, в Чикаго четыре. Полагаю, он в офисе. Вас соединить?»

— Пожалуй, да! — Ферди не любил отпускать меня на дальние гастроли.

Для связи мы использовали специальную линию — только Эми лучше меня помнила номера; на связь у нее уходило не более двух минут.

— Он едет в клуб! — она протянула трубку. — Я связалась с салоном автомобиля.

Я взглянула на нее так, что она все поняла правильно. «Я кончу в другой комнате!» — сказала Эми и ушла, прихватив Гварнериуса и инструменты настройки, а я сказала: «Милый? Это Найла!»

— Спасибо за звонок, дорогая! — донесся мягкий пожилой голос. — Я очень беспокоился о тебе — все, что случилось...

— Со мной все в порядке! — обманула я. — Ферди?

— Да, дорогая?

— Я... как будто взбесилась!

— Я знаю. У тебя хлопоты с Рочестером — на авиалиниях хаос! Послать за тобой самолет компании?

— О нет! — быстро откликнулась я. Чего я хотела, я и сама не знала — но только не этого! — Нет, у Эми все под контролем. Дорогой Ферди, я давно хотела сказать тебе одну вещь!.. — я сделала глубокий вздох, подбирая следующие слова.

Они никак не выходили.

— Да, дорогая? — вежливо произнес Ферди.

Я сделала еще один вздох и попробовала иначе: «Ферди, ты помнишь ДеСоту?»

— Конечно, дорогая! — Он очень забавно произнес эти слова. Что за глупый вопрос! Кто же в эти дни не знал Дома ДеСоту? Кроме того, Ферди знаком со всеми реальными силами штата Иллинойс.

«Это просто ужасно! — продолжил он. — Я знаю, тебе не нравится, что он замешан во всем этом дерьме!»

Я сглотнула. Несомненно, он не намекал ни на что иное... но

все же... когда у вас нечиста совесть, даже «привет!» может иметь двойной оттенок. Я попробовала представить себе, что понял из сказанного Ферди. Мне казалось, что я превосходно играю роль жены, которая все сознает, но из ее рта не вылетает ни единого слова. И, может быть, я подсознательно стараюсь вызвать у Ферди подозрения, чтобы он вышел из себя и задал мне вопросы.

Но Ферди ничего не заподозрил. Нежно и снисходительно он забавлялся нерешительностью своей супруги, которая, кажется, забыла, что хотела сказать. «Ферди! — выдавила я из себя.— Все, что я хотела сказать... Видишь ли, я хотела сказать...»

— Что, Эми? — она появилась в проходе.

— Вас хочет видеть миссис Кеннеди! — сказала она.

— О дьявол! — выругалась я. В трубке послышался смешок.

— Я понял! — сказал Ферди.— У тебя гости! Ладно, дорогая — сейчас я паркуюсь у клуба... ты, наверное, слышишь гудки? Давай поговорим позже! О'кей?

— Хорошо, дорогой! — расстроенно произнесла я... но, слава Всевышнему, день еще не кончился. Тут зашла Джеки и сказала, что подвезет меня на ужин. «Простой семейный ужин в узком кругу! Мы хотим, чтобы и вы присоединились к нам!»

Я с радостью приняла приглашение.

На самом деле это не было «семейным ужином» — из детей никого не было — даже занимающихся политикой, хотя за столом сидел главный помощник Джека Кеннеди с супругой. И был также наш старый приятель Лаврентий Джугашвили. Хорош хозяин — любезен и гость! Но, тем не менее, увидев его, я удивилась. Мое присутствие становилось более понятным: ведь Лави был один, а Джеки не любила неуравновешенный стол.

«Нет, милая Найла! — сказал он, галантно поцеловав руку.— На сегодня я холостяк! Ксения улетела в Москву, чтобы убедиться, что дочка регулярно принимает витамины и посещает школу».

— У нас будет обычный непринужденный ужин,— сказал сенатор,— поскольку всем нам необходимо встряхнуться! Альберт! Подберите что-нибудь из напитков для миссис Боуквист!

Это было не просто роскошью! Ферди так же богат, как и Джек Кеннеди — но когда мы устраиваем семейный ужин, мы не проводим его в большом зале, с дворецкими, подающими блюда. Обычно мы ужинаем в столовой, и повар Ханна ставит перед нами блюда. У Кеннеди все по-другому. Мы выпили коктейли в гостиной, где на стене висели портреты трех покойных братьев сенатора. Вина были в родовых бутылках, и столовое серебро было золотом!

И, на самом деле, все было так, как сказал Джек Кеннеди. Мир снова становился реальным. Это было нечто вроде маленького ужина, каких у меня сотни в год. Говорили о погоде (надвигается ураган и ожидаются дожди), о школьном классе дочки Лави, и

о том, (Джеки снова сказала мне это!) как поистине великолепно я играла Гершвина — какая жалость, что выступление было прервано.

Посол Советского Союза посмотрел на меня (красивое русское лицо было в восхищении от моей одежды), весело провел взглядом по цветам на столе, еде и винам. Лаврентий мне всегда нравился — отчасти потому, что действительно получал от музыки наслаждение. И не всегда от такой, какую понимала я.

Однажды мы ездили слушать гастролирующую у нас труппу из советской Грузии — пятьдесят приземистых смуглых красавцев мычали песни-капеллы (это больше походило на рев, каждые несколько секунд прерываемый возгласами «хай» и «хэй»). Это было не в моем вкусе — но глаза Лави были затуманены, как во время второго концерта Прокофьева (изумительно музыкальный, но часть аудитории находит его мало трогательным).

Почти час мы старательно уклонялись от темы вторжения иных Штатов и, особенно, о моем Доме.

В этом немало усилий прилагала Джеки — она и миссис Харт рассказали забавную историю про то, как Пэт Николсон хотела вступить в группу кантри-вестерн, а мисс Хелис, у которой в Южном Методическом Университете был любовник-тенор, хотела ее разоблачить. Когда мы приступили к курице и дикому рису, Джеки взглянула на меня и сказала: «Нам нужно раскачать остальных, Найла. Может быть, вы исполните нам нечто вроде Берга?»

Сенатор пошевелился: очевидно, его снова беспокоила спина. «Берг? Это такое пронзительно пискливое? Вам это и в самом деле нравится, Найла?»

Ладно, концерт Берга не нравится никому — это все равно, что любить слона. Нравится вам, или нет — вы вынуждены за ним ухаживать. Но я хотела исполнить лучшую его часть. Дома я не могла это сделать — ведь Чикагский Оркестр Холл не подходит для такой вещи. Он хорош, скажем, для Бетховена или Брюса — они так ритмичны и мелодичны, что оркестр даже не слушает себя. Но для произведений, подобных Бергу, акустика оркестрового зала не годилась.

Когда я объясняла это Джеку Кеннеди, я заметила, что он не слушает: глаза были нацелены в упор, но пронизывали меня насквозь, и он рассеянно помешивал вилкой рис. Я предположила, что это из-за спины. Как и Лави...

— Ах, сенатор! — вмешался он с добрым юмором русского медведя.— Почему вы не едете в Москву показаться нашим врачам? Наш Медицинский Институт имени Джугашвили — в честь деда, а не меня — имеет лучших в мире хирургов!

— А что, они могут поставить мне новую спину? — проворчал Кеннеди.

— Пересадить спину? А почему бы и нет? Доктор Азимов — лучший трансплантатор в мире! Он пересадил 385 сердец, не го-

воря уже о печенках и яйцах. Я не знаю всего точно — поговорим в Москве, когда пройдет первая в мире успешная пересадка геморроя... Ицек сделает это!

Засмеялась я, улыбнулась Джеки. За столом смеялись все, кроме сенатора. Он едва улыбнулся — но улыбка тотчас погасла на его губах. «Сожалею, Лави! — сказал он. — Но боюсь, что сегодня мое чувство юмора работает не очень хорошо!» Он положил вилку и повернулся. — «Гэри? Вы сказали, чтобы привезли Джерри Брауна? Я имею в виду нашего...»

— Да, сенатор! Его нашли в штате Мэн, но полет задерживается из-за нелетной погоды.

Сенатор сделал гримасу, потирая свою спину. «О погоде говорите? — сказал он и махнул дворецкому для смены тарелок. — Господь знает, что сделает Браун! Я думаю, наш Джерри хотя бы подскажет о своем коллеге-двойнике».

В разговор вступил Харт: «Я хочу лучше понять действия этих ребят. Может быть, нам стоит набрать их двойников и нанести ответный удар?»

На меня никто не смотрел, кроме Джеки. «Найла! — сказала она. — Вы, конечно же, знакомы с Домом ДеСотой?» И я поняла, зачем пригласили именно меня: не говоря открыто, Джеки дала мне почетный статус его жены... или невесты. Лучше она и не могла ко мне обратиться — ведь репутация Дома стала абсолютно туманной.

Она продолжила: «Я думаю, вы разговаривали с ДеСотой, прежде, чем он уехал в Мехико». Тактична! Конечно же, проболтался помощник Дома! «Интересно, он что-нибудь говорил о причинах?»

Я заколебалась: «Не знаю, слышали ли вы о том, что произошло в Сандии...»

Лаврентий сказал: «Полагаю, да, милая миссис Боуквист! Даже я что-то слышал!»

— Вы можете говорить свободно! — подбодрил сенатор. — Даже если это и было секретом — то не теперь!

— Ладно, сенатор говорил что-то о собственном двойнике... Точно... кажется, у него были те же отпечатки. Они хотели устроить очную ставку.

— Все сходится! — торжествующе сказал Гэри Харт. — Так мы и предполагали, сенатор! Человек по телевидению не был нашим собственным Домом ДеСотой!

Сенатор кивнул и сделал дворецкому знак: «Мы будем пить кофе в моем кабинете, Альберт!» — и всем нам: «Давайте взглянем еще разок на того парня!»

Даже так, мне требовалось время, чтобы осмыслить сказанное. Мы находились в громадном кабинете (больше моей комнаты в Чикаго) — достаточно большом для военных совещаний и секретных встреч. Здесь находилось четыре телемонитора и боль-

шой экран, имелся видеомагнитофон. Джек Кеннеди сидел в углу рядом с кондиционером и дымил сигарой, наблюдая ретрансляцию лица Дома — которое говорило его голосом невозможные для Дома слова. Я в это не верила.

Как и Джек. «Что вы думаете по этому поводу?» — спросил он собравшихся. Никто не ответил, и я увидела, что Харты повернулись ко мне.

Я удивилась — разве они считают меня виновной за неслыханное перерождение Дома? Морально, в конце концов... Я задумалась на секунду.

— Вы можете прокрутить запись снова? — спросила я дрожащим голосом и достала из сумочки очки, которые никогда не носила на публике. Я внимательно вглядывалась в любимое лицо, вслушивалась в интонации и наблюдала за каждым жестом.

Еще сомневаясь, я ответила: «Он выглядит более худым — может быть, это не он? Хотя, если изображение немного искажено... иначе...»

— Иначе,— сказал Харт,— мы правы, сенатор! Это их Дом ДеСота!

— Я так и думала! — прошептала Джеки, протягивая руку к моему креслу. Я почувствовала, как она по-матерински ласкает мое плечо. Мне хотелось поцеловать ее — я не знала, что творилось в моей груди. Ах, Дом! По крайней мере, ты мог быть неверным жене — но ты не был предателем!..

— Я думаю, Гэри,— сказал сенатор,— самое время просмотреть сводку новостей ЦРУ.

Он взял у помощника пачку листов, надел очки и стал читать верхнюю страницу.

Я не слушала — и чувствовала громадное облегчение. Хотя меня по-прежнему беспокоили Ферди и Мэрилин, одна потрясающе острая боль притупилась. Еще оставалось время, и я могла успеть позвонить Ферди — может быть, на этот раз я решусь сказать ему то, чего боялась... Конечно, еще оставалась Мэрилин...

Что я думаю! Как я могу раскрыть тайну без согласия Дома? И даже не предупредив его.

Снова растворяясь в сомнениях, я постаралась сосредоточиться на словах Джека Кеннеди. «...два человека,— говорил он.— Первым был шустрый полицейский из Альбукерка. После него — ловкая агентка ФБР, которая укатила на оккупированную телестанцию на велосипеде. Оба они беспрепятственно общались со вражескими солдатами».

— Вшивая у них охрана! — сказал Харт.

— Тем лучше для нас! — сказал Джек.— Во всяком случае, те не очень-то распространялись о военных делах. Но копу и агентке ФБР удалось узнать различия между нашими мирами. Полагаю, теперь мы имеем довольно ясную картину.

Я попыталась понять остальное, но это давалось с трудом. Во время учебы в Джуллиарде я занималась музыкой, и там не было

обширных курсов по истории. В этом отношении мне было трудно понять, что подразумевается под «параллельными временами» — хотя Дом и пытался мне втолковать — как теорию. Как реальность, это воспринималось труднее.

— Их врагами,— сказал Джек,— являются Советский Союз и Китай.

Он сделал здесь паузу и посмотрел на посла — Лави молча сидел в кресле и хмурился. «Какой Китай? — спросила я, как и любой на моем месте.— Они имели в виду Китайский Мандат или Хан Пекин? Сюзеренитет Гон-Конг или Маньчукуо? Тайваньскую империю или любую из остальных 12—15 частей Китая, на которые он раскололся после Культурной революции?»

— Просто Китай! — сказал Джек.— У них он единое целое и является самой крупной из наций Земли.

Мы переглянулись. В это очень трудно поверить. Сама мысль, что Советский Союз угрожает кому-либо, казалась просто сумасбродной! Я попробовала прочитать выражение лица Лави — но он был бесстрастен. Посол просто слушал, затем протянул руку и достал из коробки сенатора сигару — хотя я знала, что он не курит. Опустив глаза, Лави медленно разворачивал фольгу и молчал.

Я видела, что он был встревожен больше меня — но по другой причине. В результате Культурной революции между Советским Союзом и Китаем произошел ограниченный обмен ядерными ударами. Для русских это кончилось весьма печально — пали Москва и Ленинград, страна оказалась обезглавленной.

Я попыталась вспомнить русскую историю. Вначале там были цари... потом Ленин — которого убили, или что-то в этом роде. После него страной правил Троцкий — он провел серию войн с государствами типа Финляндии и Эстонии (большинство которых проиграл). Затем к власти временно пришел дед Лаврентия — он начал термоядерный проект, втянувший нас в атомное противоборство — закончившееся, когда на Москву напали китайцы, и неожиданно...

Но, похоже, в их времени Троцкий никогда не правил СССР — хотя у власти был дед Лаврентия. Не было серии приграничных войн — была одна большая, названная Второй мировой — они вели ее с человеком по фамилии Гитлер. Германия стремилась завоевать весь мир, и почти сделала это, но оставшиеся объединились в антигерманский союз.

Это было потрясающе: Германия была единой страной! Я както выступала там — она слишком мала, чтобы угрожать целому миру!

Кроме того — напротив меня сидел Лаврентий и не спеша зажигал свою Кубан Кларо. Конечно, он коммунист — но в русских нет ни капли воинственности, как выразились английские большевики (со своими центрами агрессии во всех, так называемых, содружественных федеративных республиках). Благодарю Небеса,

что Австралия и Канада откололись... Я покачала головой: мне это уже было безразлично.

Но для Лаврентия Джугашвили это было несчастьем! Когда Кеннеди заканчивал с рапортом ЦРУ, он выкурил полдюйма сигары и ожидал конца чтения. «Согласен с вами! — сказал Лави.— Меня это сильно тревожит — в конечном счете, эти агрессоры направятся на мою страну».

— Я полагаю, не совсем на вашу — на Советский Союз их времени!

— Но тем не менее,— вздохнул Лави.— Это мой народ! Разве не так?

Кеннеди слегка кивнул и промолчал. Лави поднялся.

— С вашего позволения, любезная миссис Кеннеди,— мрачно сказал он,— я должен посетить посольство. Я извещу вас о результатах, сенатор! Вероятно, нам что-либо удастся предпринять... хотя я не знаю, что именно.

Мы все встали — это выражало не столько почтение, сколько симпатию. Когда он ушел, Кеннеди приказал принести по последнему бокалу. «Бедный Лаврентий! — вымолвил он.— И мы тоже — вот что важно! Ведь и я не знаю, что делать!»

Несмотря на больную спину, сенатор решил отвезти меня лично. За компанию села и Джеки. Мы ехали без всякого удовольствия — дождь падал пеленой на скользкие, будто масленые, улицы.

Мы легко уместились на переднем сиденье сенаторского лимузина, во время поездки почти не разговаривали — даже Джеки, которая усиленно помогала мужу следить за дорогой: с тех пор, как оба его младших брата погибли в автокатастрофах, она панически боялась автомобилей. Я думала о своем: сейчас десять, в Чикаго девять — Ферди еще не спит.

Позвонить? Но правильно ли я поступлю?

Я едва заметила, когда мы застряли в пробке — сенатор раздраженно ударил по рулю. «Какого дьявола?» — проворчал он, пытаясь увидеть, что происходит впереди.

— Что там? — спросила Джеки.— Авария?

Но это была не автокатастрофа!

Кеннеди выругался. Сквозь стекла передних машин я увидела, что по другой дороге что-то движется нам навстречу. Это было что-то большое и быстрое — но без сирен полицейского патруля или скорой помощи. И у этой машины был вращающийся прожектор,— освещавший дорогу как дворник стеклоочистителя. Свет едва освещал нечто, высовывавшееся из транспорта...

Это здорово смахивало на пушку!

— Боже всемогущий! — прохрипел сенатор.— Какой-то ебнутый танк!

Джеки закричала — уверена, что и я тоже. Сенатор не стал ожидать дальнейших событий — его громадный «Крайслер» уда-

рился глушителем об обочину, заскрипел разворачивающимися колесами — до упора... на полной скорости проехал по тротуару и выскочил прямо на магистраль — в тридцати ярдах от танка. Я увидела, как из танка высунулась гигантская пушка и нацелилась на нас. Сенатор кожей почувствовал это... но у ближайшего перекрестка что-то случилось с мотором, и мы начали останавливаться (о, мы ехали уже со скоростью 40 мл/ч!) ...и он едва дотянул до угла.

Навстречу неслось такси.

Я никогда еще не чувствовала Смерть так близко! Мы остановились — передний бампер почти коснулся дверей такси. И водитель уже опускал стекло, рыдая и что-то крича Джеку.

Но сенатору было плевать!

У нас сломался двигатель и Джек даже не пробовал завести его снова. Он открыл дверь и вывалился наружу, с ворчанием сгибая спину. Посмотрел, как мимо проехал танк, сопровождая с полдюжины грузовиков с пехотинцами. Когда они проезжали мимо, я видела отблески их шлемов... за ними ехал другой танк.

— Поразительно! — сказал Джек Кеннеди.

— Почему мы пустили по улицам танки? — спросила я. Сенатор повернулся, и я увидела его глаза. Джек уже пожилой человек но я еще не видела его таким старым. Он обнял Джеки.

— Это не мы!.. — сказал он. — У нас нет таких танков!

Ветеринару было двадцать четыре года — и она была в ужасе. Шесть раз — как и было приказано — она намылилась и окатилась водой — после этого, не одеваясь, прошла в спальню, где ее ждал армейский капитан. Женщина даже не думала о том, что стоит нагишом — он медленно проводил палочкой над каждым дюймом ее кожи и прислушивался к одиночным трескам радиации.

«Я думаю, вы смыли все!» — сказал он наконец. — «Вы говорите, что нашли в подобном состоянии весь крупный рогатый скот?» Она кивнула; глаза девушки были большие и испуганные. «Можете одеваться!» — закончил капитан. — «Думаю, что с вами все в порядке!» Но он остался наедине со своими страхами. Радиоактивные осадки! Половина квадратной мили почему-то оказалась покрыта радионуклидами высокого уровня — и это здесь, не более, чем в 40 милях от Далласа! Без всякой войны и ближайших источниках радиоактивности! Это была головоломка без ответов... И его до мозга костей продрал страх. — А что, если бы это произошло в центре города?

АВГУСТ, 26 1983 г. время: 18.40 Ники ДеСота

Мне снилось, что миссис Рокфеллер просила устроить кредит на 600 млн. долларов — для постройки загородного домика. Но все дело в том, что она желала начать со взноса в полторы тысячи — все ее деньги были по десять центов... затем, когда я устроил это, миссис Рокфеллер не смогла расписаться в ведомости — у нее не было больших пальцев. И когда меня разбудил сильный толчок, моей первой мыслью было не то, где я нахожусь и что случилось — а то, знает ли мистер Блекисел, что меня арестовали вместе с оставшимися закладными. И с этим я ничего не мог сделать.

Я ничего не мог сделать, потому что был прикован наручниками к спинке соседнего кресла. Мой первый полет в новом четырехмоторном «Боинге» оказался просто потрясающим! Боже мой, что это были за муки! (Я имею в виду настоящие муки!) Я страдал, поскольку находился на этом самом месте уже одиннадцать часов, совершил за это время две промежуточные посадки — и пролетел бог знает сколько сотен или даже тысяч миль! Но самое большое мучение было раньше, когда меня садили на самолет — первое место, дрожащий трап, закованные сзади руки... и этот противный ФэБээРовец Мо Что-то-то-там-еще — который угрожал всеми видами смерти — если я заговорю или попытаюсь удрать, попробую снять шляпу и маску (они заставили меня носить

это, чтобы никто не смог опознать!). Он все знал о моих неудобствах, большую часть которых создавал сам.

Должен признаться, ребята из ФБР большие мастера причинять боль, не оставляя никаких следов.

Через проход, крепился другой пленник — тоже в шляпе и маске. Его конвоир — как и мой — вожделенно храпел, а мы бесконечно тряслись вдоль посадочной полосы, уходившей в никуда.

По крайней мере, мне удалось вырваться из этой вонючей цистерны в Чикагской штаб-квартире, где я провел большую часть последних... чего?... дней? — конечно, уж будьте уверены! Довольно паршиво сидеть вместе с социально нежелательными элементами — грабителями и валютными спекулянтами — но это было лучше, чем тогда, когда меня уводили задать парочку вопросов. Конечно же, я ничего не отвечал. Я не знал ответов — но, Господи, как я желал этого!..

Сейчас подойдет Мо — он проснется и встряхнет меня. Наверно, мы покончили с этим самолетом, принесшим меня Бог знает, куда!

Нет, куда он меня увез, знал не только Господь, но и я — сквозь маску и крошечное окно я ясно увидел пункт прибытия — это выглядело по иностранному. На большой вывеске говорилось: «Добро пожаловать в Альбукерк! Шт. Нью-Мехико, высота 5196 над уровнем моря.»

О, Небеса! Нью-Мехико! Что им взбрело сделать со мной в Нью-Мехико?

Конечно же, Мо не ответит мне. К нему подошла стюардесса и дернула за плечо — а он разбудил другого охранника. Но мне он сказал только: «Помни, что я говорил!» Я помнил — он заставил нас ждать, пока не выйдут из самолета остальные пассажиры... затем еще немного, когда механики выйдут провернуть большие пропеллеры и подъедут грузовики-заправщики со стооктановым бензином.

Тут нам кто-то помахал от ворот аэровокзала.

Мо разомкнул мои наручники и мы пошли — я старался не споткнуться, когда мы спускались по ступенькам. Следом за нами, шел другой заключенный со своим конвоиром; таким образом, нас провели через здание аэропорта (здорово похожий на Театр Латиноамериканской Оперетты!). Люди пялились на нас — самые любопытные выскакивали на дорогу — но таких было немного: головорезов из ФБР легко узнать... многие отворачивались. Я и Мо прыгнули в машину, следом — другой заключенный со стражем. Перед нами появилась патрульная полицейская — и мы рванули за ней, Господь знает, как быстро! Сквозь городские улицы, на двухлинейную скоростную — змейкой уходившую в холмы...

Мы ехали около часа и остановились у развилки двух магистралей, вытянутых полукругом, где находилась бензоколонка

и дорожный мотель. Над офисом висела табличка: «Ла Кукарача — Отдых для путников».

С внешним обликом никак не увязывалась вооруженная охрана — но они были лишь мелким декоративным штрихом. Здесь были хорошие и плохие приметы. Плохая — я по-прежнему оставался под арестом. Хорошая — я не в Левнвэзе и не в одном из лагерей, где мог навечно сгинуть — даже если они раскопают что надо и будут готовы отпустить. Это был самый постоянный из всех островов Архипелага ФБР. Судя по всему, они не собирались держать меня здесь долго — и даже разрешили ходить.

Той моей части, которая когда-либо выйдет из мотеля, будет достаточно для могилы.

Для тревог оставалось мало времени — меня и моего молчаливого компаньона впихнули в один из домиков. Нам приказали сесть на край кровати и не шуметь — Мо встал у дверей, а другой конвоир снаружи. Мы ждали недолго: дверь распахнулась и Мо вышел, не посмотрев на вошедшего.

В комнату вошла Найла Христоф, заложив руки за спину.

На этот раз, она носила солнечную шляпу и темные очки — я не видел ее глаз, но мог сказать, что Христоф внимательно разглядывает нас... я чувствовал ожог — словно от кислоты — когда ее взор пронзил мое лицо. Своим неприятным, как всегда, голосом, она сказала: «Мальчики! Можете снять эти тупые маски!»

Я рад был выполнить ее приказ — в этой штуке я задыхался от пустынной жары. Мой коллега снимал более медленно и с явной неохотой; когда он снял маску, его лицо было испуганное, глубоко обиженное и несчастное. Я ожидал всего, но только не этого! Лицо принадлежало... Лари Дугласу.

Хорошо еще, что и Дуглас был сбит с толку. «Найла!» — сказал он дрожащим гневным голосом.— «Какого дьявола? Не говоря ни слова, твои парни пришли и схватили меня, вытащили из постели...»

— Заткнитесь, милый! — весело сказала она. Даже под темными очками, он смог прочитать ее выражение и осекся.

«Вот так-то лучше!» — сказала она, и — через плечо: «Мо?»

— Да, мисс Христоф? — загромыхала эта обезьяна.

— Машина из лаборатории уже здесь?

— Припаркована за коттеджем, все готово!

Она кивнула. Сняв шляпу и очки, Христоф села в кресло и протянула руку. Мо услужливо вложил сигарету и зажег спичку. «Вполне возможно,» — сказала она.— «Что вы тут ни при чем! Но мы хотим, чтобы вы помогли разобраться в одном запутанном деле.»

— Слава Богу, Найла! — воскликнул Дуглас.— Я знал, что это ошибка!

А я спросил то, чего так стыдился и о чем боялся думать все это время:

— Мисс Христоф! Что с моей невестой и остальными?

— Они под нашей опекой, ДеСота! Если проверка пройдет нормально, их выпустим!

— Благодарю Небеса! А о какой проверке вы говорите?

— Это будет прямо сейчас! — сказала она. — Продолжайте, Мо!

И она вышла из бунгало, как только зашли два головореза в белых халатах с чемоданчиком.

Я съежился от страха, но это оказалось совсем не больно... Они взяли мои отпечатки, измерили уши и расстояние между зрачками; они взяли анализы крови, слюны и кусков кожи; они заставили меня помочиться в бутылочку и забрали анализ кала. Это заняло время... Менее неприятным это делало только то, что с моим противным коллегой — таинственным Лари Дугласом, конспиратором из кофейной лавки и попутчиком во дворец Рейгана (Диксон, шт. Иллинойс) — сделали то же самое.

Мне это не очень нравилось — Мо и другому конвоиру тоже. Они вышли и посматривали на нас через окно — когда лаборанты забирали свои образцы, я и Лари могли поговорить. Первое, о чем я спросил, было: «Какого дьявола, кто вы? Сексот?»

Он виновато взглянул на меня — но даже битый пес способен рычать. «Не ваше собачье дело, ДеСота!» — огрызнулся он. Дуглас взглянул, как мою кровь отсасывают в шприц — в то время, когда молчаливый лаборант делал с его рукой то же самое.

— Ладно, кто же вы? Мальчик Найлы Христоф, доносчик или пленник?

Он коротко ответил: «Да! — Затем спустил штаны, чтобы лаборант мог ткнуть ему в ягодицы. «На вашем месте, ДеСота! — мрачно посоветовал он. — Я бы побеспокоился о себе! Вы знаете, сколько у вас неприятностей?»

Я рассмеялся ему в лицо. Все боли и страдания моего тела говорили, сколько у меня хлопот. «Во всяком случае, — обратил я его внимание, — Христоф сказала, что мы можем оказаться ни при чем! О чем же тогда беспокоиться?»

С жалостью и презрением Дуглас взглянул на меня. «Она говорила это! — согласился он. — Но слышали ли вы, чтобы она сказала, что отпустит нас?»

Я сглотнул слюну и спросил: «На что это вы намекаете, черт побери?» Он пожал плечами и взглянул на медика. Оставил меня наедине с тревогами, пока не ушли люди в белом. Ни один из охранников не вошел — мы видели, как они сидели на перилах и посмеивались, глядя на дорогу. Через шоссе стрелой пронесся обтекаемый автомобиль и я с внезапной болью подумал о Грете. Я повторил: «О чем вы говорили? Она сказала, что выпустит...»

— Не «нас», ДеСота! «Их» — свидетелей, которые ничего не знают! Вы — зверь иного масштаба и знаете многое!

— Да? — я покопался в банке, но ничего не вспомнил. — Боже всемогущий! Я даже не знаю, чего ей надо!

Он мрачно возразил: «Вы знаете одну вещь, которую знают

немногие, и это — все! Как вы ухитрились одновременно побывать в двух местах?»

— Какого дьявола, откуда мне знать? — крикнул я.

— Но вам известно, что это произошло! Знаете, если говорить криминально, кто-нибудь может, скажем... совершить убийство в одном месте и иметь неопровержимое алиби! Иисус! Знаете, как все это может пригодиться для таких, как я... я подразумеваю нуждающихся в алиби,— поправился Лари.

— Но я понятия не имею, как это делается! — завыл я.

— Я узнаю! — кисло заверил он.— Ты можешь, наконец, проснуться? Думаешь, Найла позволит уйти домой и разболтать про такие вещи?

Я сел, помотав головой.

То, что сказал этот интриган, было предельно логично. Ходили сплетни, что лагеря ФБР набиты людьми, все несчастье которых заключалось в том, что они владели секретной информацией — как я...

А если так, то следующей остановкой будет не Чикаго... Это будет Эверглейдо, где мне придется кормить собой аллигаторов и рыть канал... или лесоповалы Аляски. Где-нибудь, где-бы ни... В точности мест приходилось сомневаться — но это несомненно стало бы моим долгосрочным адресом — или до того момента, когда сведения перестанут быть секретом.

Или до моей смерти — что произойдет раньше! Я уверен, что через пару лет лагерей мне это будет безразлично!

Когда тени почти исчезли — солнце находилось в зените — нам принесли сэндвичи с ветчиной и ужасно теплый кофе из ближайшего автомата. Я умирал с голода, но взял их без удовольствия. Медленно разжевывая бутерброд — и, когда открылась дверь, готовился выкинуть мусор.

Но вошел не Мо и не другой охранник — точнее, это был Мо, но с Найлой Христоф. Она небрежно ухмыльнулась. В одной руке, шеф-агент держала бутылку шампанского — прижав к груди. «Поздравляю, мальчики! — сказала она.— Вы прошли проверку!»

Ни я, ни Дуглас не проронили ни слова — и Христоф надула губы.

«Трепещи, дорогой! — сказала она хихикая (это был неутешительный смех).— Ты не дождешься моих извинений! Бокалы!» — быстро добавила другим тоном. И, запинаясь от поспешности, в комнату влетел второй бандит, неся на подносе фужеры. Она дернула головой — головорезы покинули бунгало — и протянула бутылку Дугласу. «Разливай, милый! — сказала она, внимательно наблюдая за его лицом.— Рада видеть, что даже здесь ты не утратил своих манер». В ее беспокойстве (слегка воинственном) и нежности (слабо притворной) было что-то такое, что я ничего не понимал. Отношения между ними не походили на взаимоотношения федерального агента и информатора.

Тут «хлоп!» — полетела пробка.

Дуглас разлил шампанское. Первый бокал взяла Найла Христоф, ловко обхватив его четырьмя пальцами. «Знаешь, о чем я говорила?» — спросила она и икнула: думаю, за этот день, это была не первая бутылка. Я покачал головой. «Хотя нет. Проверка прошла безукоризненно: та же кровь, такие же отпечатки! Вы те же самые парни! И мне остается написать рапорт и получить повышение. Так выпьем же за Найлу Христоф — будущего заместителя шефа этого проклятого Бюро!»

Я выпил ее отвратительное шампанское — потому что мне не хотелось ее сердить — и, отчасти, потому, что такие парни, как я, не каждый день пьют французское шампанское... и, главным образом, потому что не знал, что делать. Наверное, Дуглас прав! Это настолько значительная вещь, что Найле предстоит продвижение по службе... В таком случае, он не ошибался и в остальном.

Интересно, что сделает Грета, если никогда больше не увидит меня? Может, мне позволят попрощаться или написать письмо?

Сказанное Найлой Христоф было плохой вестью — для меня, но Лари Дуглас полагал обратное. «Тебя повысят! — он пришел в восторг.— Дружок, ты должна показать им всем там, в Вашингтоне! Слушай, у меня появилась масса идей! Дело по установлению двойников — кажется, так это называется в Бюро? Можно создать диверсионно-разведывательные группы. Конечно, я не знаю, как это все работает, но...»

Христоф, с мечтательной улыбкой на лице, дала ему продолжить. Пока Лари Дуглас говорил, она подошла ближе, и ее рука дружески заскользила по его спине. «Милый! — нежно проворковала она.— А ведь ты и в самом деле тупак!»

Он заикнулся: «Т-ты... т-ты не хочешь вытащить меня отсюда?»

— Вытащить? Эту е... штуку, милый Лари, я могу сделать...

Он вспыхнул. «Тогда дай мне уйти, черт побери! Иначе я не буду иметь с тобой никаких дел!»

Ее улыбка растянулась шире — когда она хотела, она умела быть привлекательной. Мне даже показалось, что я различил ямочки в уголках ее рта. «Лари! — промурлыкала она.— Возможно, я и буду с кем-нибудь заниматься любовью — но ты точно не из тех парней!»

Я не представлял, о чем она говорит; Лари — очень ясно. Его лицо стало серым. «Ты не знаешь ни дерьма — и можешь только догадываться! — сказала она.— Хочешь знать, что происходит?»

О, разумеется — она знала все и сразу начала: «Начну с самого начала. Предположим...»

Шеф-агент Найла Христоф заколебалась, затем пожала плечами и зловеще протянула руку с четырьмя пальцами — разумеется, большой отсутствовал. «Предположим, у меня не возникло бы

конфликта с законом — и я повзрослела, как все. Моя жизнь была бы совсем иной, не правда ли?» Я кивнул, хотя сильно сомневался. Дуглас просто ходил по комнате, как тигр по клетке. «Существует одна жизнь, в которой я стала такой, верно? И есть другая, где я стала... о, не знаю кем... музыкантом... скрипачом».

Ее выражение не изменилось, но по ее глазам, я понял, она ждала, не развеселит ли меня такая мысль. Я не смеялся.

«Видите ли! — продолжала Христоф.— Одно время мне нравилось играть на скрипке. И вы не можете сказать, что одна вероятность реальна, а другая вымышлена. Ничуть ни бывало! Обе они реальны! Быть может, реальны все вероятности... но мы живем только в одной и не можем видеть другие».

Я мельком взглянул на Дугласа — он, как и я, был растерян и одновременно напуган. Я полагал, что о дальнейшем он осведомлен больше меня.

— Черт с этим! — внезапно сказала она.— Пошли, я покажу вам! Мо!..

Открывшаяся дверь хлопнула и в проеме показалась здоровенная горилла. Найла сделала ему знак отодвинуться и поманила нас за собой. Снаружи было невероятно жарко! Она шла нетвердо — частично, от яркого солнца — частично, из-за высоким каблуков, тонувших в песке — главным образом, от шампанского и блестящей карьеры. Она привела нас к другому коттеджу с охраной. Когда Найла Христоф кивнула, громадный ФэБээРовец кинулся открывать дверь. Она вгляделась внутрь, затем кивнула нам.

— Посмотрите! — пригласила в бунгало.— Вот ваши превосходные альтернативы!

Я по-прежнему не понимал, о чем она говорит, но выполнил приказ. В комнате было два человека — один находился в углу и осторожно намазывал на лицо крем — у него был худший из случаев загара. Человек был без рубашки — красный как рак. Я не смог разглядеть его лица.

Другой был открыт и лежал с закрытыми глазами. Храпел. И вообще, выглядел так, словно это было плохое для него время — я имею в виду не время заключения, а то, что он выглядел полумертвым. И он походил...

— Дуглас! — завопил я.— Это же вы!

Дуглас молчал: его это поразило больше меня. Он задыхался и хлопал глазами. Я видел, что он никак не мог задать свой вопрос и спросил за него. «Что с ним?» — поинтересовался я.

Найла Христоф пожала плечами: «С ним — все о'кэй! Сильный солнечный удар, плюс укус гремучей змеи. Но ему сделали необходимые инъекции и доктор сказал, что завтра он будет на ногах. Но вы еще не видели другого парня!»

И я взглянул: он повернулся и уставился в упор. Его лицо сильно обгорело и было ободранным, выражение — угрюмым. Но я знал это лицо.

— Боже мой! — сказал я. — Это тот парень из Долилаба!

— Почти! — бодро сказала Найла Христоф. — Он утверждает, что это не он! И еще он рассказал кучу вещей, ДеСота, в которые вы не поверите; он рассказал это прошлой ночью, когда их подобрали в пустыне у железной дороги. Он сказал, что вероятности реальны... и вы одно из недостающих звеньев.

В этот час подземный гараж был безлюден — и адвокат тщетно пытался вспомнить, где поставил свою машину. Когда нужно, вы никогда не дождетесь полисмена! Два изнасилования, одно убийство и, никто не знает, как много групповых нападений — было совершено в этом гараже за последний месяц. Затем адвокат свернул за угол и увидел армейский патруль — два парня в мундирах и с автоматами. «Добрый вечер!» — сказал он, почувствовав себя уверенней — пока не заметил странный серо-зеленый цвет униформы и пластинки на их плечах, пилотки, так непохожие на фуражки Чикагской полиции. Самое худшее — когда его окликнули, он узнал язык — РУССКИЕ! Инстинктивно, он повернул назад и побежал... его плечо пронзило что-то острое. Адвокат слышал звук выстрелов — но пули просвистели мимо. Он повернулся, размазывая слезы — но никого не было.

АВГУСТ, 26 1983 г. время: 19.40 сенатор Доминик ДеСота

Я смотрел из окна на бассейн — с меня ведрами стекал пот и мучали ожоги. И не только это терзало меня: где-то, совсем недалеко — но безнадежно отдалено оболочкой времен — моя страна подвергалась вторжению... и кто-то, имевший мое лицо, выступал по телевидению, призывая к помощи и поддержке агрессорам. Я не помнил ни одного случая из истории Соединенных Штатов со времен гражданской войны, чтобы хоть один американский сенатор сделал что-либо подобное. Что подумали обо мне мои коллеги?

И что подумала Найла Боуквист?

Я не знал, что думать о себе. Последние 48 часов были самыми худшими в моей жизни. Это было ужасно — узнать, что Кэтхауз предстал реальностью и существует бесконечное множество миров — среди них много с Домиониками ДеСотами, неотличимыми от меня. Одним из них я был в плену. Я одолел женщину, которую любил — и тут же захвачен в плен другой ее копией... точнее, не совсем копией: у нее изуродованные руки. Я похитил человека и страдал от потрясающе нелепого вторжения в мою страну иной Америки. И мне было мучительно больно от ожогов, утомительного пути сквозь безжизненную пустыню и всей моей жизни.

Так или иначе, у меня ныло все — а они даже не позволили мне охладиться в бассейне.

Это не запрещалось — бассейн предназначался для Найлы — других указаний она не давала. Умывальник, находившийся в углу, не мог заменить бассейн. Каждые полчаса я брызгал водой

на ожоги, и каждые четверть — осторожно накладывал крем. Но толку от этого было мало.

Присутствие моего невольного спутника доктора Лоуренса Дугласа оказалось бесполезным. Большую часть дня он лежал — понятно, доктор прошел через большее — те же ожоги, такие же бесконечные часы жары и жажды, долгое блуждание сквозь безжизненную пустыню. Хуже того — Дуглас умудрился получить не только укус ядовитой змеи и противоядие (этот укол был так же плох, как и укус, но еще и наполнил его безволием, чтобы беспалая Найла смогла допросить его). Я не участвовал при допросе — но когда доктора вернули в бунгало, вдобавок к ожогам он имел синяки.

Я не пробовал его будить.

Я не будил Дугласа. Но, когда я резко повернулся от умывальника, то поймал на себе его взгляд. Он тотчас закрыл глаза — но поздно. «О, Дьявол, Дуглас! — утомленно сказал я. — Если хотите спать, спите... если нет, открывайте глаза. Зачем притворяться?»

Доктор упорно держал их закрытыми — но долго так тянуться не могло. Поднявшись с постели, он поискал глазами туалет — а когда не нашел, помочился в раковину.

Когда он кончил, я проворчал: «Хоть бы сполоснули эту штуку!» Он не обернулся — но повернул краны и умылся, затем полакал по-собачьи из сложеных лодочкой рук — все при полном молчании.

— Если смочите волосы, это немного поможет! — сказал я. — Еще есть крем от ожогов.

Дуглас медленно выпрямился, затем сполоснул волосы и что-то пробормотал. Это могло быть словами благодарности, и, когда он повернулся, я улыбнулся.

Но он не ответил. Я никогда еще не видел человека более безнадежного и обиженного — в такой глубокой депрессии.

Разумеется, мое настроение также нельзя назвать хорошим — не говоря уже о случившемся, я чувствовал зуд и судороги, что было очень неприятно. Я ощущал, что нахожусь под непрерывным наблюдением — нельзя же не заметить заглядывающего в окно охранника. И этот зуд, который нравился мне еще меньше. «Я вижу, — произнес я. — У вас плохое настроение!»

Он кончил накладывать крем на свое томатное лицо и кисло посмотрел на меня: «Вы можете предложить что-нибудь хорошее?»

— Ладно, удовлетворите мое любопытство: когда я поднялся к порталу, где вы работали, и прихватил с собой за компанию...

Дуглас залаял отвратительным смешком. «Когда принудили меня силой оружия!» — поправил он.

— Верно! Когда мы появились с другой стороны на высоте десять футов — вы ведь не предупреждали, что можно грохнуться... — я развивал свою мысль, чтобы немного свалить вину и на

него.— ...Я думал, мы попадем в мое время. Пока вы спали, я много размышлял».

Он застонал: «ДеСота! Раз уж мы здесь — может, нам придется по душе?»

— Что вы наделали!

— Попытался сбежать! — резко ответил он.

— Сюда? Но ведь это же не ваше время!

— Эта отвратительная примитивная дыра? — прорычал он.— Конечно же, нет!

— Тогда...

— Тогда почему я не пытался вернуться в свое собственное? Потому что его больше нет! Я потерял его! И теперь хочу только одного — исчезнуть!

Он кинулся обратно на кровать. «Но послушай!..» — разумно начал я.

Дуглас покачал головой и сказал: «Оставьте меня в покое!»

И я на время отцепился — но не потому, что он просил — а потому, что по дороге проревел автомобиль и остановился где-то рядом. Я вытянул шею, чтобы взглянуть, но мне не повезло — я только слышал хлопок двери и дальние голоса — громыхающий мужской и веселый женский. Минуту спустя показалась Найла: она подошла к бассейну и сбросила с себя одежду, не побеспокоившись взглянуть на наше окно. На краю бассейна, она проверила температуру воды кончиком пальца и изящно скользнула в воду, вытянув беспалые руки.

И зуд, который я не желал чувствовать, нахлынул обратно, залив кончики нервов.

Если Найла не обращала на нас никакого внимания, то мы вовсю пялились на нее. Один из охранников, наполовину спрятавшийся за верандой, усердно не спускал глаз с ее тела. Даже Дуглас встал с постели и присоединился ко мне. «Дьявольски соблазнительная блядь!» — прошептал он.

Я мог бы убить его за такие слова!

Разумеется, это чувство было сплошным сумасшедствием. Я твердил это про себя — это не помогало. И в голове расширялась трещина, в которую я боялся спускаться — Найла! Каждая Найла... все Найлы: Найла Боуквист — моя истинная любовь, скрипач-виртуоз... Найла Самбок, девочка-парадесантник... Найла-без-Пальцев... Найла Христоф, очевидно, никогда не была замужем (кому такая нужна?) — фанатично проповедовала закон, командовала оравой головорезов и массажистов дубинками, ведала засекреченными тюрьмами.

И все они были одной! Чтобы понять это, мне не требовалось отпечатков пальцев или анализов ночи. Я чувствовал в паху нарастающе редкий накал страстей.

Было так много несоответствий, что я не знал, где они начались. Первая, сержант, была достаточно плохой, вызывала шок — но, по крайней мере, после первого опознания, она вызвала по-

добные чувства. Если сержант и не была скрипачом — она была учительницей музыки, призванной на службу. Моя собственная возлюбленная, могла бы стать такой же — если бы пути Господни повели иначе.

Но она — едина!

Одна без больших пальцев... без доброты, без любви! Я мог не узнавать в ней любимую — но признавал ее тело! Этим телом когда-то владело мое собственное...

Я почти разгадал причину моего зуда, потому что слышал о подобных вещах... не совсем таких, но похожих. Один из моих старых политиков-собутыльников как-то разговаривал со мной во время одной из передышек, когда вы истощены от речей и рукопожатий, томительного ожидания результатов. Он сказал мне, что застал свою жену во время совокупления с незнакомым мужчиной. Когда у него пропали всякие сомнения в ее неверности, он очень страдал и был взбешен... и что-то так еще. Он оказался неслыханно рогат! Начались бесконечные скандалы и конфликты — но в душе он продолжал ее любить. Получилась неизвестная, враждебная любви женщина — которую, как он считал, знал; с которой спал в одной постели... но страсть между ног пересилила голос рассудка.

Глядя из окна, я и в самом деле желал Найлу — даже очень плохую.

Хоть одну Найлу из всех!

Гротеск? Несомненно! Я знал, что это преувеличение. И еще — как может нравиться Найла без больших пальцев? Как заниматься любовью? Например, моя возлюбленная иногда озорно щиплет мои бесполезные соски — когда я щупаю ее; нам делается смешно из-за наших физиологических отличий и разницы в ощущениях. Но без больших пальцев, она не сможет сделать это... или сделает иначе — действительно, как вам это нравится?

Я не мог подобрать слов.

Резко хлопнули ставни — как только горилла Мо отошел от стены и перехватил мой взгляд. Он стукнул по решетке лапой — и я отскочил, когда в глаза попали чешуйки ржавчины. «Обрадовался! — глумился он. — Забудь про это: она не для таких паршивых арестантов — даже если и относится незаслужено хорошо!» Он исчез, и я услышал скрип открываемой двери. «Бог знает, почему, она считает, что вам это не по душе, — ворчал он, выгоняя нас наружу. — Но она приготовила вам такую же жратву — и предлагает пообедать в собственной комнате с кондиционером».

Еда на картонных тарелочках была мексиканской кухни и почти холодной... ладно, в этой части Нью-Мехико нет ничего ниже комнатной температуры. В комнате, как и было обещано, был кондиционер — большая грохочущая коробка на окне. Мало того — здесь находились и наши двойники... и нагретых тел было достаточно, чтобы температура комнаты повысилась.

Я присел рядом со своим двойником и мы взглянули друг на друга. «Эй, Дон!» — начал я. Он удивился.

— Обычно, меня зовут Ники! — сказал он. — Правда ли, что вы видели ее у себя? Она засадила меня надолго, — я только открыл рот, чтобы спросить, кого он имеет в виду, но мой двойник не останавливался. — А вы действительно сенатор?

— С 1978 г. От штата Иллинойс.

— Никогда раньше не говорил с настоящим сенатором! — он улыбнулся. — Особенно, когда он — это я. Как мне вас называть?

— В таких обстоятельствах достаточно называть меня Домом. А вас? Ники? Это смешно — не знаю, почему. Даже когда я был ребенком, мама не называла меня Ники.

— Моя тоже! Но когда я ездил к адвокату, посоветоваться по работе, он сказал, что имя «Доминик» очень напоминает слово «доминировать» — и клиентам это может не понравиться. Я кредитный маклер!.. — он запнулся, разжевывая бобы. — Дом? А как же вы стали сенатором?

Подразумевалось, конечно же — когда я просто никто! Как вы ответите на подобное? Я не мог сказать: «Потому что я победитель, а ты обыватель!» Это было бы непростительно и лживо: ведь мы были одним и тем же человеком. Что же такое произошло в его мире, сделавшее мою нежную скрипачку безжалостной охотницей на людей, а меня — изумленным простаком?

Шанса узнать это, не представилось: в комнату вошел Мо, волоча картонный ящик — словно он был очень тяжелым, за ним — Найла Христоф. Теперь она была одета в юбку и скромную блузку с длинными рукавами — одежда откровенно обтягивала, и я был уверен, что под ней ничего не было. «Вам понравился обед, приятели? — весело поинтересовалась она. — Ужин будет еще лучше! Я уезжаю в Альбукерке, чтобы переговорить по надежной линии с Вашингтоном — думаю, они скажут, что делать».

Она кивнула Мо — он поставил коробку на пол и начал вытаскивать из нее различные предметы: большую штуковину с двумя бобинами (воткнул штепсель в розетку), несколько катушек проволоки, длинный провод и микрофон, размером с мой кулак.

Лари Дуглас (не тот, который шел со мной!) забеспокоился: «Найла, о ком вы говорите?» Она улыбнулась и показала пальцем в небо. «Вашингтон? — его голос внезапно напрягся. — Но послушай, Найла! Я ничего не знаю об этом!»

— Теперь знаешь! — нежно улыбнулась она. — Мо! Ты готов?

— Да, шеф! — доложил он, вставив катушки. Щелкнул переключателем и металлическим крестом внутри — и я увидел, как лампы... электронные лампы!.. начали раскаляться.

— Сейчас мы возьмем у вас заявления! — сказала женщина с телом, которое я так жаждал любить. — Никакой лишней информации! — сказала она Дугласу. — Просто отвечайте на вопросы! Директора не интересует, чем вы занимались в Чикаго, или как

вам нравится обращение. Только самую суть! Я должна покончить с этим раньше, чем прилетит самолет!

Учитывая задаваемые мне вопросы и все обстоятельства, я не видел особенной системы допроса — но она была. Найла Христоф знала точно, что нужно для записи — и спрашивала только это. Первым прошел Ники ДеСота — он назвал имя, свой адрес и, так называемый, гражданский регистрационный номер. После этого было только два вопроса:

— Находились ли вы когда-либо внутри Долилаба?

— Нет!

— Видели ли раньше присутствующего здесь человека, похожего на вас и именующего себя сенатором Домиником ДеСотой?

— Нет!

Найла кивнула головой и его место занял местный Лари Дуглас — допрос был не очень тщательным. Были те же два вопроса — только представляемый человек назывался доктором Лоуренсом Дугласом. Он дал аналогичные ответы, и на сцене появился я.

Меня держали дольше. Она приказала: «Начните с того момента, когда вас известили о поимке двойника на секретной военной базе Нью-Мехико — и расскажите свою историю». Агент просто слушала, иногда задавая вопросики типа «что случилось потом?», и ничего более — но, когда я дошел до, так называемого, «майора-меня», она вставила: «Это был тот самый человек, которому вы приписываете исчезновение из-под стражи? Нет? И не тот, который представлен здесь? Тоже нет? Значит, вас, как минимум, четверо? Ладно, продолжайте...»

И я продолжил — рассказал даже о победе над другой Найлой, не упоминая поцелуя и того, кем она являлась на самом деле. Достаточно было того, что я назвал ее «сержант Самбок». О большем у меня не интересовались. «...Затем мы упали в песок, кроме пустыни, кругом ничего не было. Стояла нестерпимая жара. Мы быстро удалялись с места падения — во всяком случае, так думали. По солнцу, направились к юго-востоку. И шли часы, изнывая от жажды — затем Дуглас сказал, будто бы слышал, что внутри кактусов скапливается вода — и попробовал вытащить один из них... под ним оказалась змея! — я запнулся, поражаясь, как много деталей требуется для женщин.— Я услышал треск, прежде, чем увидел отпрыгивающего Дугласа — с его рукава упала змея. Она была маленькой, а материал одежды плотным — так что доктор получил слабую дозу яда. Самое забавное, что он не издал ни звука, а просто выглядел очень изумленным. Затем мы выбрались к железнодорожному полотну, где нас подобрали железнодорожники».

— Хорошо! — сказала Найла-без-Пальцев и кивнула обезьяне. Тот выключил магнитофон и начал выполнять утомительную задачу по смене катушек. Если у Найлы и недоставало больших пальцев, упорства ей было не занимать! Она покончила со мной

и переключила внимание на моего невольного попутчика. Я не мог понять, почему он был таким встревоженным — но в ее взгляде было что-то такое... Как бы это сказать? Соблазнительное — и, в то же время, угрожающее. Она нежно улыбнулась Дугласу и сказала: «Сейчас вы, милый!»

Если мы втроем смогли наполнить только одну катушку — этот доктор Лоуренс Дуглас, похоже, был готов наполнить все остальные. Вопросы Найлы были резкими и били в цель; время от времени, она заглядывала в блокнот-шпаргалку, чтобы убедиться, что ничего не забыла.

Он начал с сюрприза! «В первой линии времени,— начал он, с неприязнью взглянув на меня,— меня похитили из паравремени Гамма. Это не мое собственное, но...»

— Минуту, милый! Что обозначает «Гамма»?

— Так мы назвали то время! — утомленно сказал он.— Мое собственное — Альфа; ваше — Тау; сенатор из Эпсилона, в который вторглись парни из Гаммы... я был так же.

— Продолжайте!

— Портал изобрели не в Гамме — это сделали мы, в Альфе!

— Кто это «мы», милок? Его изобрели вы?

— Такие сложные штуки, как портал, не изобретают в одиночку! Это все равно, что спросить об изобретателе атомной бомбы. Я был только частью этой команды — когда я вступил в нее, я был всего лишь зеленым юнцом! Первыми сделали крупное открытие в этой теории Хоукинг и Гриббин из Англии и доктор ДеСота из Соединенных Штатов. Уловили?

Он не был саркастическим — просто попытался убедиться, что она поняла сказанное — но Мо зарычал. Найла кивнула головой, не обращая на головореза никакого внимания. «Продолжайте!» — сказала она, но уже не так любезно.

Дуглас продолжил: «Вначале мы могли только заглянуть через барьер. Видите ли, вначале там было только сияние — но затем мы научились получать реальное изображение. Но не всех паравремен — только доступных. Доктор ДеСота предположил, что это происходит из-за резонанса — мы не «настроены» на остальные линии. Их, собственно, бесконечное множество. Когда я... мне пришлось уйти, нам были известны 50 из 200 паралиний. В большинстве из них мы нашли только грязные пятна. Вы это хотели узнать?»

— Мы хотим знать все, милейший! — сказала она.— Если вы могли только смотреть, тогда почему же вы здесь?

— Нет, нет! — терпеливо сказал доктор.— Это было только в самом начале! Я присоединился к исследованиям примерно в начале августа восьмидесятого. В октябре мы научились безвозвратно пересылать предметы. А в январе 1981-го послали человека... меня,— он с сожалением прибавил.— Я вызвался добровольцем.

— И как же вы это делаете? — спросила Найла.

Он еще сдерживался: «В этой комнате никого нет, кто смог бы хоть что-то понять...»

Найла хорошо контролировала себя, но на месте Дугласа-Альфы, я бы пригляделся к ней внимательней. Она коротко сказала: «Постарайтесь!»

Ее взгляд чем-то напугал Дугласа — потому что он сглотнул слюну и заторопился: «Я совсем не имею в виду, что все вы дураки. Это можно описать только двумя путями. Первое — это нашими терминами: устройство портала создает зеленый поток хроносов, накладывающийся против естественного потока красных хроносов. Вам непонятно, верно? Второй путь — математический. Но здесь вы должны знать хотя бы основы квантовой механики».

Я видел, на что он намекает. Найла тоже — но она сказала: «Назовите даты!»

Он пожал плечами: «Первым тщательным исследованием квантовых эффектов Шредингера, полагаю, была диссертация доктора ДеСоты. Было это примерно в 1977-м — я вернулся к собственной докторской. Затем он и Элберт Дилепси обнаружили хроносы — в 1979; через несколько месяцев усовершенствовали заглядывание сквозь оболочки. Потом, как я уже говорил, я попал в Гамму».

Он остановился, ожидая. Найла подумала, затем сказала: «Так вы отступились от своих?»

— Я просто помог им...— поправил он.— У меня не было другого выхода.

— Вы поможете и нам! — сказала Найла и снова улыбнулась (сексуально и весело).

— Минуту! — возразил он.— Я... Может быть, и попробую, но... Взгляните на свой магнитофон! Если это последнее достижение вашей техники, у вас нет подходящей технологии... Знаете, мне потребуется многое!

Она сказала: «А как насчет того, если правительство Соединенных Штатов выделит все необходимые ресурсы? — затем нахмурилась.— Вы ведь сделали это для... как вы их назвали?.. народа Гаммы!»

— Но они угрожали выбить из меня к дьяволу...

Он осекся и посмотрел на нее.

Агент улыбалась. А потом сделала то, чего я никак не ожидал: она встала, подошла к нему и устроилась на коленях Дугласа, прижавшись всем телом. Если раньше я только подозревал, что под ее блузкой ничего не было, то теперь был уверен на все сто процентов. Она игриво покусала его ухо. «Мы не угрожаем!» — мягко сказала Найла. Наступила пауза: доктор Дуглас испуганно осмотрел комнату — мышеловка захлопнулась. «Более того,— продолжала она мягким голосом.— Мы награждаем! Да, милый — награждаем! И лично я награжу, чем смогу».

Я почти чувствовал, как кипят ее половые ферменты.

И местный Лари Дуглас тоже. «Вот сука! — тихо прошептал

он (я едва услышал, хотя сидел рядом).— Вы знаете, какая она? Это честолюбивая шлюха! Найла использует все шансы, чтобы подскочить на самый верх. И, как только она заманит в свою постель этого сукина сына, он сделает все, что она пожелает! Уж я-то знаю... поверьте!»

Он заткнулся, поскольку Мо сердито взглянул на нас.

Жаль, что Лари не остановился вовремя: я сглотнул, и моя слюна стремительно обрела горький привкус гнева. Я просто сходил с ума! Я ревновал! Ревновал к этой маленькой крысе, которая сидела рядом... с трудом сдерживал свои руки. И почему? Потому что он спал в постели с другой Найлой!

Сумасшедший!

Это было хуже помешательства! Я знал, но меня это нисколько не трогало. Я хотел убить этого ублюдка — и не только его: я чувствовал отвращение ко всем Лари Дугласам... и даже похожим, как мой старый знакомый и собутыльник Его Превосходительство Посол Советского Союза, Уважаемый Лаврентий Иосифович Джугашвили...

Удивительно, как легко может чокнуться нормальный человек!

Моя голова была так переполнена гневом и ревностью, что я с трудом заметил, как Найла выпрямилась и нахмурилась. Затем посмотрела на окна. «Мо! — закричала она.— Закрой эти проклятые шторы! Я не хочу, чтобы сюда глазел весь свет!»

— Но, шеф!..— запротестовал он.— Никто не увидит...

— Закрой! — и она снова приластилась к Дугласу, с готовностью откликающемуся на ее шепот.

А я горел.

Мне было мучительно больно. Я обладал этой женщиной и хотел убить любого, кто заменит меня. И я так мало обращал внимание на происходившее вокруг, что едва услышал слабый «твик!»

Мое сознание откликнулось на это лишь тогда, когда Мо медленно отошел от окна и обрушился на магнитофон. Я еще ничего не успел понять, когда подпрыгнула Найла — лицо наполнилось испугом и гневом, рот приоткрылся.

Здесь был еще один «твик!»

Найла напоминала подстреленного в голову оленя. Я увидел крошечное перо с темным блеском, проткнувшее тонкую ткань на ее плече.

В изумлении, мы переглянулись. И на все вопросы появился ответ, когда по комнате пролетел ветерок, как при открытии дверей, и появился я — улыбающийся, в своем чудном комбинезоне. «Вот мы и встретились снова! — кивнув, произнес он.— Держите ее за руки и оттащите в сторону».

Дугласы отреагировали быстрее меня — подпрыгнули, несмотря на легкое замешательство, оттащили спящую женщину в сторону. Вовремя! Другой я нажал на браслет... в тот же момент на полу появился высокий металический предмет. «Тише, пожалуй-

ста!» — приказал новый Доминик. Он открыл на цилиндре панель, покопался и стал что-то ждать.

Около нас развернулся мерцающий овал темноты.

— Кажется, сработало! — сказал Доминик, пожал плечами и улыбнулся. Я улыбнулся в ответ: кем бы он ни был и что бы не делал, хуже, чем есть, не стало бы. Он оглядел комнату и промолвил.— Нас слишком много! Но я думаю, что следует прихватить и эту парочку. Давайте первой женщину!»

Здесь помог я — ведь для четверых мужчин не представляло большого труда впихнуть в черный овал спящую Найлу. Но было жутко — не просто наблюдать ее исчезновение: дюйм за дюймом — но и чувствовать, как с другой стороны ее подхватили и потянули чьи-то невидимые руки.

С обезьяной было трудней — нас только четверо — не считая помощи с той стороны... «Теперь вы!» — приказал Доминик-командир. Мы сделали одолжение: тряпка-Доминик — с удивлением; крысиный Дуглас обиженно; Дуглас-Укушенный-Змеей испуганно... а следом за ним — я.

Горячая темная ночь... Я вышел на неровную деревянную платформу, где меня подхватили за руки двое парней в штатском. «Пройдемте, пожалуйста!» — сказал один на них. Глядя на расплывшееся пятно, я вышел.

И снова появился черный цилиндр.

А в следующий момент — и доктор Доминик ДеСота из паравремени Альфа. «Все получилось! — ликовал он, с наслаждением переглядываясь с собой.— Добро пожаловать, друзья, в паравремя Альфа! А тебя, Дуг! — он повернулся к перепуганному.— С возвращением домой!»

Но Дуглас-Альфа, казалось, совсем не радовался этому.

Это было где-то на северо-западе: глава семьи покончил со второй чашкой кофе, сладко потянулся и одел кепку с эмблемой «Белых Носков». Свободное время он проводил за домашней работой — да и цветы требовали ухода. Как только он вышел во внутренний дворик, то изумленно застыл. «Марсия!— позвал он жену.— Иди-ка, посмотри! Над нашими ноготками летают колибри! Раньше такого не было!» И он взглянул на ее лицо: когда она пришла, оно было вежливо любопытным, затем появилась улыбка... потом улыбка потухла и появилось новое выражение. Он не понял столь резкую перемену, пока не повернулся и не посмотрел, чем именно питаются колибри...

АВГУСТ, 27 1983 г. время: 00.30 майор ДеСОТА, Доминик Р.

Вы немногое увидите из окна армейского вертолета — но, когда мы пролетали над Капитолием, я увидел весь Дистрикт — военного положения почти не ощущалось. Белый Дом и мемориал Линкольна освещались прожекторами, слились в единый поток лучи автомобильных фар — в эту знаменитую ночь Вашингтон... нет! Справа от Потонака, на шоссе вспыхивали редкие прожектора, из разрезных фар военного бронетранспортера исходило такое же тусклое свечение. Я склонился к дремлющему, как младенец, полковнику и хлопнул его по плечу. «Если это они,— закричал я ему в ухо.— Что подумают русские, если их спутники заметят это?»

Он выглянул в иллюминатор. «Да, это они!» — полковник улыбнулся.— «Русские решат, что это парад в честь Дня Труда. А вы как думаете?»

— День Труда? — изумился я. Он растегнул ремень безопасности и подвинулся ко мне.

«Видите мой батальон около Белого Дома?» — спросил он. Я только покачал головой. «Они поддерживают порядок»,— заявил полковник.

— Иисус! День Труда? Но до него еще целых десять дней! Вы считаете, что русские достаточно глупы, чтобы в это поверить?

Полковник пожал плечами. «Если они такие умные, то это не русские!» — отпарировал он и снова застегнул пряжку (сержант-стюардесса, проходившая через проход, нахмурилась ему). За небольшим исключением, это был тот же самый старый Дистрикт — все дружелюбны, деятельны и счастливы. На всех остальных дорогах было пусто. Даже с воздуха видно, что эти люди не беспокоились ни о каком вторжении.

А с другой стороны барьера, был иной Вашингтон, в котором наши передовые части захватили все мосты через Потомак.

И что делали в эту ночь люди того Вашингтона, я не мог вообразить.

Когда мы приземлились на Болинг и показали пропуска, чиновник предоставил полковнику штабную машину, а мне указал кратчайший путь к Белому Дому. Мы совершили взаимовыгодную сделку. По дороге полковник подпрыгивал от нетерпения и удовольствия. Он уже рассказал мне, что сражался на Западном Фронте, а я видел на его груди ордена Чили и Таиланда. «Их будет еще больше! — пообещал он.— Не унывайте, майор! Вы еще получите свой серебряный лист — если в момент войны будете отсиживаться в тылу, повышения не дождетесь!»

— Конечно! — согласился я, разглядывая землю Вирджинии. Полковник говорил правильно! Но он не знал одной маленькой детали — генерал Крысья Морда не забыл про меня! Он не стал судить военным трибуналом человека, двумя часами ранее награжденного медалью... он все помнил. Рано или поздно, у меня найдется солдат, выпивший пиво в офицерском клубе или плюнувший на тротуар... тогда уж генерал не упустит повода впиться своими клыками в мое горло.

Если я, конечно, не заслужу в этой операции других наград. Я человек предусмотрительный: самое благоразумное сейчас — стать героем. Шанс уже представился.

Мы пересекли мост над Арлингтонским кладбищем — с неизменно мерцавшими на склонах холмов огоньками. Дорожное движение было оживленным... но я знал, что на этом самом месте — только в другом времени — наши группы сражались с противником. И впереди...

— Черт побери, что это? — спросил я, указывал на вспыхнувший в небе прожектор, силой в миллион свечей.

— Должно быть, наступило время пролета русских спутников! — ответил полковник.— На крыше Белого Дома и командного центра «Шератон» установлены стробы. Если русские что-либо увидят в свою оптику, они решат, что это репетиция фейерверка.

Он послал меня в штаб-квартиру операции, размещавшуюся в отеле «Шератон». Когда я показал пропуск, мне ответили, что парадный вход только для офицеров в чине не ниже полковника; остальные идут через зал для танцев и места парковки. Все было переполнено. На автостоянке находились не обычные машины туристов и лимузины высокопоставленных лиц — здесь стояли танки и бронетранспонтеры... несколько машин, вернувшихся с боевых действий. Они были обожжены, орудийные башни искорежены, пушки оплавились и кое-где зияли дыры — отнюдь не от моли. Скрываемая от орбитальных глаз русских, техника находилась под брезентом, и вокруг патрулировала вооруженная охрана.

И всего лишь за тонкой самшитовой изгородью, беззаботно гудели миллионы людей, протягивались оживленные улицы Дистрикта.

Что бы ни происходило в вестибюле, баре и ресторане отеля,

людям моего склада это безразлично. Все было заполнено солдатами. Я получил знак, прикрепляемый к мундиру, обменял копию пропуска и был послан в распоряжение Уильяма МакКинли. По пути я проходил зал — там была не свадьба и не mitzvah — люди обменивали свою униформу на нашу, в которой их отвезут в тюрьмы Мэриленд Хилл.

Военопленные.

Я остановился. Это были уже не десантники, охранявшие Сандию, а боевые солдаты. Различия между нашими униформами были незначительны, но не все осознавалось с беглого взгляда. Цвет ткани был одинаковым; их шевроны меньше наших и не с черными, а серебряными краями; немного иные знаки различия... я не стал вглядываться — капитан военной полиции враждебно косился на меня. Кроме того, мой пропуск предназначался для кабинета Уильяна МакКинли... кто знает, может часовой уже позвонил ему?

Даже если и так, это было без разницы. Сержант-секретарша никогда не слышала обо мне. Она перебрала бумаги, поговорила по телефону, посмотрела на обороте и, наконец, сказала: «Садитесь, майор! Шеф примет вас, как только сможет!»

Я не потрудился перевести это: «Как только узнаем, что ты за птица и зачем нам нужен!». Я подчинился и сел на одно из банкетных кресел с позолоченной спинкой.

Это было не так уж и плохо. Из комнаты входили-выходили от пятидесяти до ста человек. Едва ли кто-нибудь из них обратил на меня внимание. Прошло не более 20 минут, как оттуда вывалилась целая толпа. «Заходите, майор! — сказала сержант.— Заместитель Кауфман готов принять вас!»

Лейтенант Кауфман готов был не только принять меня: первое, что он сказал, было: «Какого дьявола, майор! Где вы шлялись? Вас давно ждут в Белом Доме!»

— Белом...— удивился я, но он прервал.

— Вот именно! И, к тому же, вы должны быть в штатском! Здесь сказано,— он указал на кучу бумаг,— что вы похожи на одного их сенатора!

— Какого дьявола — «похож»? Он — это я сам!

Лейтенант пожал плечами. «В любом случае, играйте его роль. Поскольку мы штурмуем Белый Дом...»

Теперь его прервал я: «Так мы воюем и здесь?»

— Где же вы были? — застонал лейтенант другим тоном.— Враги нации не ответили на наши предложения, и мы вынуждены применить силу. Вы будете в гражданском, как я сказал, с вами будет еще пара наших ребят во вражеской униформе. Идите к порталу — они должны найти президента, взять ее в плен и доставить сюда.

— Святейшее дерьмо! — выругался я, и затем.— Постойте, а если там появится настоящий сенатор ДеСота?

— Его там нет! — уверенно заявил Кауфман. — Разве не вы лично захватили его в плен?

— Но ведь он... я полагаю, вернулся в свое время!

Кауфман пожал плечами. Перевод: «Не мое дело!»

— Так вот! — продолжил он. — Найдите приличный костюм и переоденьтесь, затем мы транспортируем вас...

— Я не захватил сумки, — сказал я. — И у меня нет гражданской одежды.

Ошеломленный пристальный взгляд. «Да что вы говорите? Христос с вами, майор! О, дьявол! Я думал, что она у вас с собой! Где я достану штатское? Почему, черт побери... — вспомнив, как решаются подобные задачи, он повернулся к сержанту. — Сержант! Немедленно достаньте этому человеку приличную нормальную одежду!»

Через двадцать минут мы вышли из огромного, словно домприцеп, кадиллака перед лавкой с неоновой вывеской: «Одежда на все случаи жизни». Она не горела, но нам открыл сам владелец. Минут через сорок, мы уже ехали в Белый Дом, а сердитый хозяин закрывался снова. «Прекрасная работа, сержант!» — сказал я, вытянувшись на гигантском сиденье и любуясь блеском лакированых ботинок, атласным поясом и со вкусом подобранным галстуком-бабочкой. Мне казалось, что я выгляжу очень представительным сенатором, которого вызвали к президенту прямо с официальной встречи. «Полагаю, что смокинг — очень блестящая идея! Ведь кто его знает, что у них в моде? А официальная одежда неизменна!»

Она отрезала: «Будем надеяться, что это так!» Потом мы подошли к воротам для очень важных персон, и сержант показала документы очень скептическому пехотинцу. За его плечами, стояли два других. Все они были вооружены, но дело не только в этом. Еще дальше, на небольшой площади, стоял транспонтер с тяжелой автоматической пушкой — она также была нацелена на нас.

Я понял, что в Белом Доме произошли значительные перемены. Стробы! Их уже не было: очевидно, спутники русских прошли, и они стали ненужными. Но не только это!

Даже в пятницу, население Вашингтона когда-то должно ложиться спать — прекращалось дорожное движение. Но только не сейчас! Вокруг нас постоянно создавались автопробки, машины стояли на траве и ломали розы. Газонам нашего Белого Дома придется лет 5 восстанавливаться после разжевавших их танков, полугусеничных вездеходов и транспорта — конечно же, во время «репетиции парада».

Я видел, почему здесь не разрешалось находиться обычным штатским.

Но я-то не был простым... По крайней мере, нас пропустили. Тягач завелся и отъехал на траву, открывая дорогу... повредив дерна еще на сотни долларов... и водитель подвез нас к маленькой галерее, которую я никогда не видел раньше. «Желаю удачи!» —

смущенно сказала сержант, затем наклонилась и поцеловала, показывая, что она имела в виду.

Действительно, это были последние минуты, когда кто-либо мог оказать мне знаки внимания.

Я уже был в Белом Доме (другое название — Стивенсон), но ничего подобного тогда не было. Сейчас вокруг меня не было ни одного служителя, куда-то подевались веревки, удерживающие священные комнаты от натиска варваров. В половине комнат находились войска, в остальных — транспорт и оружие. Капрал быстро провел меня в зал прислуги, не оставляя времени потаращить глаза, свернул в комнатку с зелеными портьерами, где на стенах красовались портреты президентов Мэдисона и Тафта. Это была поразительно красивая комната, если не обращать внимания на кофейник и бумажные стаканчики, стоявшие на карточном столе. На обитых креслах сидели 4 или 5 гражданских: женщина, выглядевшая очень знакомой (как и два мужчины — особенно, негр — в нем я признал бывшего боксера-тяжеловеса); восемь-девять солдат во вражеской форме.

Двое из них встали и подошли ко мне — громадные десантники с капральскими лентами. «Это майор ДеСота, сэр!» — сказал мой спутник, козырнул и ушел.

И чего только не случается в наше время: мне еще не попадались капралы, отдающие честь другим капралам. Я сказал самому громадному из них: «Первым делом, капрал, мне хотелось бы кофе!»

Он изумленно приподнял густые, словно шевроны, брови, затем улыбнулся. «Капитан Баггет, дайте этому человеку кофе!» — произнес он. А пока «капрал» номер два наливал кофе, «капрал» номер один сказал: «Я полковник Франкенхарст, майор! Вы знаете свою миссию?»

Я переориентировался. «Извините, сэр! Совсем немного, только в основных чертах. Насколько я понял, я должен найти их президента — госпожу Рейган — а вы должны взять ее в плен и доставить сюда».

— Дерьмо! — произнес он бесстрастно.— Ладно, это неважно! Мы с капитаном репетировали это 48 часов. Как только выпадет возможность, я расскажу подробнее; все вы, точно сговорились, похожи на сенаторов,— он уверенно улыбнулся, показывая, кто хозяин ситуации.— Не волнуйтесь, майор! Мы можем и не пройти: возникли какие-то неполадки с гляделками. Люди с той стороны драпают так быстро, что мы не поспеваем следом. Последнее, что я слышал, это то, что портал не открывается. Вперед, по крайней мере.

— Это глупо! — заметил капитан-капрал, подходя с моим кофе.— Они не должны тянуть до утра, чтобы мы не очень-то бросались в глаза.

Полковник только пожал плечами. «Разумеется, — произнес

капитан, разглядывая меня с ног до головы,— смокинг тоже не совсем подходящая одежда для восьми утра».

«Шесть одних и с полдюжины других,— сказал полковник.— ДеСота, вам представить остальных двойников? Это Нэнси Дэвис — вы, разумеется, видели ее по телевидению». Что за вопрос, конечно! Она стала звездой в переснятом фильме «Я вспоминаю маму». И как им удалось вырвать ее из студий и благотворительных вечеров (от общества защиты животных до «Права на жизнь»), я не мог себе представить. «Она президент!— полковник Франкенхарст улыбнулся.— Джон служит капитаном полиции в спецслужбе Белого Дома — в реальном мире, он пилот из Огайо. Этот шимпанзе, как и вы, сенатор,— он взглянул на мое рукопожатие.— Вместе мы славно поработаем!— удовлетворенно отметил полковник.— Конечно, некоторых пришлось отпустить. Мы нашли прислугу Рейган, но она оказалась на восьмом месяце беременности — они ведь не подумают, что их дурачат. И еще нам повезло на генерала Портеко, личного военного советника. К несчастью, наш парень совсем недавно вылез из белой горячки, и нет надежды, что он вспомнит свое прошлое».

Вперед вылез какой-то штатский. «Я не чей-нибудь двойник!— извинился он.— Я профессор Гринберг, политолог. Меня вызвали сюда определить структуру их общества. Я буду допрашивать двойников, чтобы найти различия. Но прежде всего, допрошу вас, майор — вы ведь уже однажды были там. На что это похоже?»

Так что, следующие полчаса я говорил то немногое, что узнал сам. Что я мог увидеть на той стороне, кроме четверти квадратной мили пустыни Нью-Мехико? Но это было больше, чем знали остальные — вопросы сыпались как из ведра. Профессор Гринберг хотел знать, сколько стоит их кока-кола. «Сенатор» Клей хотел знать, сколько негров в их армии. «Президент» Нэнси Дэвис желала знать, какие у них самые популярные телешоу, и легальны ли аборты. Полковник-капрал Франкенхарст очень интересовался, как вели себя в рукопашной их парни, если это случалось на Сандии.

Я немного приукрасил свои заслуги. Но, когда пытался припомнить для Нэнси Дэвис, кто ведет их «Тудэй», в коридоре послышался шум, дверь распахнулась и в комнату ввалился лично президент Браун со своей свитой. Его лицо не излучало счастье.

Я не ожидал его появления, поскольку слышал, что он сильно запил из-за вторжения в его частную жизнь армейских частей, не говоря уж о том, что ему пришлось отменить все встречи с теми людьми, кому не следовало знать о предстоящей операции (таким был почти каждый)... «Так вот вы где!— огрызнулся он на ласково улыбающуюся Нэнси Дэвис.— Мне необходимо поговорить с вами!»

По крайней мере, она не оскорбилась и любезно ответила: «Конечно, господин президент! Чем могу служить?»

— Ответьте мне, ради Бога, что вы за человек! — прорычал он.— Вы не ответили ни на одно мое публичное заявление! Что вы наделали?

— Полагаю, вы имеете в виду другую меня, господин президент? — улыбаясь, уточнила она. Когда ей нужно, на ее щеках выступали ямочки (уверен, это триумф косметической хирургии!) — Право, не знаю, смогу ли я ответить! В конце концов, я же не президент... здесь.

— Ради Бога, не прикидывайтесь! — заорал он.— Вы не знаете, как успокоить эту кутерьму? Я говорю не о каком-то смехотворном мире, а о нашем собственном! Русских тошнит от «подготовки к параду» и «археологических раскопок» в Нью-Мехико, кроме того, здесь замешана куча народа. Только вопрос времени, когда весь мир узнает правду. Что тогда будет? — как только Нэнси открыла рот, президент продолжил.— Нет, я спрашиваю вас не о том! К дьяволу, разве вы разбираетесь в этом? Я спросил вас о вас самой — другой вас! Думаете, это поможет, если я отменю операцию и поговорю с вами по телефону? Как президент с президентом, один на один?

— Я считаю, это зависит только от вас, господин президент! — задумчиво произнесла она.

— Я сказал правду! — рявкнул президент Браун.— Может быть, нам стоит поменяться местами?

— Хорошо! — медленно произнесла Нэнси Дэвис.— Я думаю, что я верна присяге. Полагаю, такую же дали и вы — оборонять Соединенные Штаты от всех врагов, внутренних и внешних — даже если они сразу и те, и другие. Я считаю, что не допущу, чтобы моя страна была захвачена без сопротивления — даже если агрессор, это моя же страна!

Президент смотрел на нее, недоумевая — потом сердито оглядел собравшихся — особенно, людей в униформах. Думаю, это был единственный момент в моей жизни, когда я радовался своему низкому рангу. Не хотелось бы мне оказаться на месте Шефа Штаба Армии... Затем он медленно опустился в кресло, задумчиво глядя куда-то в пространство. Один из его подлиз что-то прошептал на ухо — но президент только отмахнулся. «Так нам придется воевать и на своей стороне!» — сказал он.

Никто не отреагировал.

В комнате наступила тишина. Обеспокоенный лакей взглянул на наручные часы, затем на Джерри Брауна. Президент сказал, не глядя: «Я знаю! Это, вероятно, учебный! Выглянем в окно и посмотрим, не началось ли?»

Помощнику было 35 лет, но, когда он подошел к зеленым портьерам, он выглядел на все сто.

Он собственно ничего не сказал, поскольку все мы услышали моторы тягачей-ракетовозов и дизелей танков.

Все бросились к окнам — их было три — одно в центре мы оставили для президента. Он медленно подошел к окну и задум-

чиво взглянул на августовскую ночь, а мы толкались у двух оставшихся.

Нам был виден Южный газон, предназначенный для фото с главами других государств и поисков пасхальных яиц вашингтонскими ребятишками. Кто-то установил гигантскую структуру из брезента, прятавшую происходящее от посторонних глаз, но мы видели, что за ней скрывалось — гигантский черный прямоугольник портала, похожий на киноэкран до начала сеанса — только черный. Хотя я и видел портал раньше, смотреть было страшновато, разыгрывалось воображение.

Еще более жутко стало тогда, когда заревел моторами первый отряд управляемых танков и исчез, сбивая и без того потрепанную траву... затем дюжина транспорта с пулеметчиками и зелеными беретами... за ними маршировала десантная группа в камуфляжных костюмах.

Президент отвернулся и вышел из кабинета, переваливаясь по-утиному — в коридоре нарастал гул. И все мы переглянулись — зная, что пришел наш черед.

Мы шли бодро — как только можно выглядеть на рассвете. Кругом, раскидывая приказы, носились какие-то люди; летели искры. В моих ушах звенело — я очень возбудился и готов был свершить что-либо героическое, чтобы удовлетворить даже старика Магрудера. Мы вышли из Зеленого зала, спустились по лестнице, миновав охрану со скорострельным оружием... сюда, в Овальную комнату, где когда-то были такие величественные кресла.

Сейчас все было иначе: комната напоминала лабораторию ученого-маньяка. Большой президентский стол отодвинут к стене, тысячедолларовые стулья и кушетки в 5.000 долларов свалены в одну кучу. В центре комнаты располагался прямоугольник из медных труб, окружавший нечто, подобно пустой картинной раме. Это занимало центр комнаты, от пола до потолка — с одной стороны располагалась панель контроля, с другой — приземистые коробки генераторов.

Поля не было.

Ничего не происходило, кроме беспорядка и пронзительного звука — и пугающее бархатное ничто, не заполняло прямоугольник. Мы увидели это сразу. Полковник ругался (гнев плюс разочарование), пока техники снимали панели, чтобы найти неисправность. Перед панелями сердито стоял взвод десантников, а их капитан помогал словами, выкрикивая вслед за полковником такие выражения, что не приведи Господь услышать!

Это нельзя было назвать мирной сценкой.

К нам приблизилась управляющая порталом, в форме майора. Она ни на кого не орала, лицо выражало предельную усталость. Майор сказала моим «капралам»: «Вы задерживаетесь. До поломки портала мы успели пропустить только восемь человек. Очистите проход».

Полковник-капрал Франкенхарст кивнул головой, чтобы мы

выполнили просьбу, потом, помедлив, спросил: «Они прошли на ту сторону?»

Мы не стали слушать ответа: это был глупый вопрос. Управляющая и не пыталась ответить: она повернулась и поплелась прочь. Конечно же, майор не знала, да и не могла знать. Раз группа прошла сквозь портал, она исчезла. Они стали невидимыми, неслышными и не могли ничего доложить. Они даже ничего не заметили, если портал на другой стороне действовал. Если бы только работали гляделки... но они подключались непосредственно к порталу. Мы не знали...

Когда все наладилось, ситуация оказалась плохой. Операция была беспроигрышной и тактически неожиданной, но мы не достигли главной цели. Госпожа президент ускользнула через выход, не помеченный ни на одной карте.

В пределах десяти минут установилось двухстороннее сообщение, но это уже было неважно. Мы захватывали пленных наугад — мы выловили телохранителей и людей из спецслужб из шкафов и кладовки. Я видел собственного военного атташе президента, бригадного генерала в парадной форме — он кипел от бешенства и негодования: «Почему именно меня?» Мы захватили даже Первого Джентльмена, который вернулся за видеокассетами со своими старыми фильмами — но мы не поймали нужную птичку.

Мадам Президент смылась...

На рассвете я возвращался в «Шератон» — среди пленных и конвоя, я выглядел очень нелепо в своем смокинге. Мы шли с полей сражения!

Дырка в щите была совсем крошечной. Вначале из нее подул ветерок — легким ароматом томатов и сладким запахом зеленой кукурузы. Это было отмечено как курьез: в раскинувшемся гиганте Левит-Чикаго вот уже двадцать лет, как не выращивались сельскохозяйственные культуры. Потом появились птицы — они порхали вокруг, тщетно надеясь отыскать своих птенцов. (Так никогда и не нашли!) Любители птиц стали приходить сюда, подкармливать их и убирать экскременты. Мир не изменился... за исключением того, что в их время занесло семена кудцу. Семена упали на пустырь с сорняками и проросли; впоследствии, Иллинойс был зачумлен агрессивно разрастающимся кудцу.

АВГУСТ, 27 1983 г. время: 09.40 доктор Доминик ДеСота-Арбенц

Как только пульсир взлетел в воздух и погасла лампочка на ремне безопасности, я встал и побежал по проходу. Передо мной, с ликующим взглядом через плечо, скользила женщина, одетая в пурпурное му-му. Но все оказалось нормально: она спешила в туалет и я первым подбежал к телефону.

Собственно, слишком рано: мы еще не набрали нужную высоту и пилот не освободил радиоканал. Нетерпеливо, я пару раз набирал свой домашний номер, но линия по прежнему была занята. Слишком долго меня не было дома. Вначале, когда я уходил в другие времена, жена не спала по ночам — она слишком хорошо помнила, что произошло с Лари Дугласом. Но тот прыжок, по крайней мере, был ближе... институт Склодовской-Кюри находился в шести километрах от дома; кроме того, в Ро-времени, я просто испытал новый костюм — внезапно появился и снова исчез.

Это оказалось очень легко, к тому же, я был осторожен. Но потом, когда мы начали исследовать паравремена, где занялись поиском иных времен или теорией квантовой физики — география экспедиций стала расширяться. Бета имели лабораторию на юге Сан-Франциско, Пси — в Ред-Банке, шт. Нью-Джерси. Я прошел через портал, немного проехал, прыгнул в пульсир, пролетел несколько часов и прыгнул сквозь другой портал... а ведь у меня была жена и ребенок!

Я набрал номер в третий раз и услышал сигнал соединения: Дороти была дома и сразу же откликнулась. Никогда еще я не был так счастлив, как сейчас, увидев ее ласковую круглую мордашку.

— Ты прекрасно выглядишь, До! — сказал я. Она внимательно осмотрела мое изображение (линза на нашем домашнем видео-

фоне немножко не в фокусе; кроме того, на Дороти не было очков).

— Хотела бы сказать то же самое и о тебе! — произнесла она наконец. — Этот бросок был плохим?

По открытой линии, говорить такое не следовало; но она могла видеть мое лицо и этого было достаточно. Я ответил: «Средне ужасным. Как Барни?»

— Скучает по папочке — как же иначе? У него прорезались зубки! — я застал ее с чашкой кофе, и она сделала небольшой глоток. — Тебя тревожит что-то другое! — решила она. — Что именно, Доминик?

Удивляясь, я произнес: «Ты права, До! Я чувствую... мне весело... не знаю почему».

Она кивнула: я только подтвердил то, что Дороти знала и без того. Когда Дороти Арбенц поступила в наш институт в качестве психолога, я сразу заметил ее: она была просто великолепной, чуткой и очень способной. Позже, когда я женился на До, я понял, что остаток моей жизни, она будет читать мои мысли. Дороти оставила в покое мое тревожное подсознание и сменила тему: «Ты летишь домой?»

— Хотелось бы. В Институт Склодовской-Кюри.

— В Вашингтон?

— Боюсь, что да!

Она снова отхлебнула кофе. Я немного научился читать мысли Дороти и знал, что произойдет затем.

— Ты улетаешь опять? — спросила она.

Я помедлил с ответом: «Не надо об этом!» — напомнил я. Моя жена знала, что это не ответ, и знала также, что если я снова пойду в разведку, то не для того, чтобы прокрасться на цыпочках и оглядеться вокруг.

Мы обменялись воздушными поцелуями и я дал отбой. Потом задумался, что же меня тревожило?

Однажды я это узнал, и теперь не хотел вспоминать.

Здесь было слишком много нас!

Когда я прощупывал почву в Тау и Эпсилоне, я видел других Домиников ДеСот — но это не было так удивительно, как сейчас, когда нас было трое. Удивление и страх — это передалось мне и по спине поползли мурашки. Я намекаю на то, что все они были мной. И был не один «я», как жил раньше — но все «мы», кем я мог бы стать, а в их временах — стал. Я мог бы родиться в то время, когда наука была грязным ругательным словом; в 35 лет я мог бы остаться мальчиком, украдкой встречаясь с девушкой, на которой не мог жениться, меня бы терроризировало правительство, проводившее линию угнетающей социальной системы, которое заставляло стыдиться даже собственной наготы. Я мог бы стать Ники ДеСотой, сознание которого было мне непонятно — и, в то же время, я был им. Или я мог отказаться от науки в пользу политики и стать сенатором. Допустим, это вовсе недурно! Это

было бы просто замечательно — богатство и сила, всеобщее уважение — но и здесь не все было гладко. Он (или я?) был связан тайным адюльтером с другой женщиной, поскольку не любил свою жену и не мог от нее освободиться без ужасающих последствий. Финансовый и политический крах оказались бы неминуемы!

Еще я мог выбрать военную карьеру, как другое мое воплощение — майор, гордящийся своим вероломством и скотским вторжением... или мог бы умереть в детстве, как это случилось в Домиником-Ро.

И все мы были мной!

Это было жутко и угрожало стабильности моей жизни. Ведь любой знает, что все могло быть иначе... но совсем другое дело знать это наверняка.

Я хорошо узнал двоих ДеСот Ник. Даже через толстые стены было видно, что у Ники полупустое время, с огнями дорожных фар за неделю до Дня Труда. И был сенатор — наблюдать за ним сплошное удовольствие. Хотя оба они были так же разделены временем, как Марс... конечно, я — совсем другое дело!

Я видел, как деловой человек с места 32-Си раскладывал на столике содержимое своего дипломата, время от времени, бросая раздраженные взгляды на видеофон.

Я отвернулся и позвонил еще.

Я не стал искать через коммутатор, а сразу набрал личный код Гарри Розенталя — как я рассчитывал, он был не в Чикаго. «Ты в Вашингтоне?» — спросил я.

— Чертовски верно! — заволновался он. — С нетерпением жду вас! Каждые пять минут мне звонят из армии, научный секретарь и из ЦРУ. Хотелось бы, чтобы вы прилетели быстрее!

Я не спросил, почему.

Этот звонок, как и разговор с Дороти, не был радостным. У меня были две тревожные проблемы: вторжение Гаммы в Эпсилон и баллистический отскок. Разговор обострил их еще больше. «Пока мы еще пытаемся контролировать положение! — лаконично сказал Гарри. — Все по-прежнему! Вы смотрели последние известия?»

— Какого дьявола! Когда это я мог успеть, Гарри?

— Могли бы и постараться! — уныло сказал он. — Над площадью стали возникать нежелательные последствия. Мы не смогли доставить вовремя контролирующую аппаратуру — когда кругом чистое небо и в столик кафе ударила молния, нетрудно догадаться, что произошло, — немного погодя, Гарри добавил. — Секретарь желал бы знать, зачем вы прихватили людей из Тау?

— Но ведь Дуглас мог все разболтать! — запротестовал я. — Это мера предосторожности! Вы же сами приказали установить лимит знаний и мешать другим открыть существование паравремен.

Розенталь внимательно осмотрел меня: «Мы послали, чтобы вы достали нам Дугласа и спасли невольного эмигранта —

сенатора. Никто не просил раздобыть еще четырех! Что вы будете делать с ними?»

Поскольку у меня не было ответа, я кончил разговор и подпустил к видеофону бизнесмена.

Когда я дошел до середины салона, я увидел двух других Домиников — они жаждали поговорить со мной, но я дружески кивнул и прошел мимо.

Стюардессы деловито вытаскивали из микроволновой печи пузыри яичницы-болтуньи, но когда я сказал: «В третий класс, пожалуйста!» — они не стали обсуждать, поскольку знали, что там находилось. Одна из них оторвалась от работы, впустила меня в лифт и отправила в брюхо лайнера.

Нижние отсеки используются для самых различных целей. На некоторых авиалиниях располагаются бары или места третьего класса, по сниженным ценам (они не пользуются особой популярностью). На трансконтинентальных линиях их используют для спальных отделений и специального назначения.

У нас было особое назначение.

Даже более специальное, чем подразумевается обычно, когда перевозят преступников. Здесь были не заключенные, а всего лишь: пара ФэБээРовцев из Тау и их Лари Дуглас, который совершил не такие преступления, о которых пекутся в нашем мире. Здесь находился наш собственный Лари Дуглас, чей статус был очень туманным. (Его суд, если бы он только состоялся, мог вызвать миллион претендентов — я уже слышал, как по этому поводу спорили адвокаты). Шпик, сидевший и читавший журнал, был простой страховкой.

Я вышел из лифта в отделение, рассчитанное на тридцать человек — там было очень просторно. ФэБээРовка и ее антропоид сидели в дальнем углу и о чем-то шептались. Сказать по правде, шептала женщина, а боксер покорно и почтительно слушал. Неподалеку сидел их Лари Дуглас, тоскливо ожидавший приглашения в разговор. Наш Лари сидел, опустив голову, в первом ряду и изображал безнадежность. Он не поднимал глаз, но я думаю, он заметил мое появление.

Я посмотрел на доктора Дугласа. До чего он докатился! Мы узнали, что он работал над квантовым прыжком и перешел от болтовни к делу... Мы решали, что с ним делать — меня послали за ним. Первым моим порывом было послать ему пару ласковых в задницу, как стае бешеных волков. Это представлялось привлекательной идеей.

Хоть я и не произнес это вслух, Лоуренс поднял голову и захныкал: «Я не виноват, Дом! Они пытали меня!»

Я с удивлением услышал контральто смеха из глубины купе: ФэБээРовка услышала нас и рассмеялась. Похоже, она уже слышала эту песенку раньше. «Это правда! — отчаяно крикнул он.— В любом случае, здесь есть и ваша вина, Дом!»

Меня это оскорбило. Я хотел было спросить, на что это он так

намекает, но Дуглас опередил: «Вы могли это остановить! Почему не вызволили меня из плена? Почему не следили за мной?»

Вот наглец! Это же было в самые первые дни проекта, задолго до того, как мы нашли ресурсы для создания новой модификации портала и глаз. «Потому что не могли!» — огрызнулся я. Он метнул быстрый мятежный взгляд.

В разговор встрял горилла. «Что вы собираетесь с нами делать?» — проворчал он.

Женщина из ФБР молчала — это было все равно, что слышать говорящую марионетку во время отсутствия хозяина.

Я очень удивился, когда обнаружил, что эта обезьяна могла издавать членораздельные звуки. «Как юрист, — загремел он, удивив еще больше, — я заявляю, что вы нарушили гражданские права! Вы незаконно арестовали нас, не объяснили наших прав и не предъявили обвинения, вы не даете нам возможности проконсультироваться с адвокатом!»

— Вы же сами только что сказали, что вы юрист! — возразил я.

— Даже юрист имеет право на адвоката! — виртуозно выкрутился он.

Я беспомощно взглянул на женщину: «Этот болван и в самом деле юрист?»

Она улыбнулась и пожала плечами: «Так он сказал, когда пришел к нам в бюро. Лично я думаю, что он купил этот диплом в тюряге! В любом случае, как насчет этого?»

— Насчет чего?

— Что вы собираетесь с нами делать? — вежливо уточнила она. — Поскольку, любезнейший, Мо прав! У вас должно быть какое-то подобие законов, и я держу пари, что вы нарушили целую кучу!

Она была слишком наблюдательна! Я попробовал увильнуть от ответа. «А что бы сделали вы?» — поинтересовался я.

— Я? — она ухмыльнулась. — У меня есть большие бабки, и я уладила бы проблемы каталажки с судьей.

Это вовсе не казалось нереальным. Я начинал подумывать о том, не дать ли им на самом деле хорошего адвоката, и несколько — себе самому? Я не готовился к вещам подобного сорта, когда нанимался на этот проект.

Все это было очень несправедливо! Я видел синяки на теле Ники ДеСоты и слышал, что творила с ним эта парочка. Гражданские права? Да какими, к черту, гражданскими правами они наградили его?

И, вдобавок ко всему, в их времени они были не преступниками, а самим Законом!

Я медленно произнес: «Полагаю, вы еще не знаете, с чем столкнулись!»

— Так расскажите нам!

Я заколебался. Затем подошел к линии внутренней связи и вы-

звал стюардессу. «Не могли бы вы позвать сюда джентльменов с 22-Эй и 22-Эф? И, кстати, как там с завтраком?»

Видеть себя со стороны очень противно, но мне приходилось терпеть, когда я заглядывал в иные паравремена. Однако, меня тошнило и тогда, когда я не находил в них Доминика (иногда попадались абсолютно пустые миры, но мне не хотелось бы вспоминать о них).

Еще невыносимей было видеть миры, где я ошибался или поступал правильно — но по разному. Не могу сказать, что неправильно поступил сенатор Дом — даже в грязной одежде другого размера и разжевывавший подозрительно бурую мешанину, он выглядел довольным своей жизнью.

Ну а другой?

Разумеется, его нельзя назвать счастливчиком — добавьте еще мятый костюм и брюки. (Представьте, и это в августе!). Вся его жизнь была неправильной. Сейчас Ники был совсем угрюмым.

И мне было трудно смотреть на этого беднягу. Когда пульсир взлетел, он был ошарашен: закрыв глаза, ДеСота вжался в кресло так, словно готов был провалиться внутрь. Когда мы полетели со скоростью 800 км/ч, я был уверен, что здесь была уйма страдавших морской болезнью, и не мог сердиться на него. Он никогда раньше не летал на пульсире, и даже на неуклюжих поршневых моржах их времени Ники летал не очень часто.

Я не знал, мог ли я поступить лучше, окажись на его месте... нет, неправда — я знал, что нет.

Я сомневался, смог бы я поступить как сенатор... но тот факт, что он это сделал, ободрял. Сенатор сидел рядом с Ники и помогал снять пластик с яичницы, искоса посматривая на меня. Я молчал и никак не мог придумать завязку разговора, но он помог мне. «Дом! — произнес сенатор. — Я благодарен вам за спасение, но меня ждут в своем времени. Вы сможете вернуть меня?»

— Надеюсь, да! — ответил я.

Он оценивающе разглядел меня и предложил: «Вы могли бы изменить ход событий, если бы рассказали все при первой встрече».

«Этого не вернуть! — сказал я. — В игре сделано слишком много ходов». Женщина рассмеялась: ей много раз приходилось видеть людей, попавших в переплет. «Я расскажу вам все, что вы хотели узнать — ведь вы имеете на это право, — вспыхнув, сказал я. — Но позвольте мне начать с основ. Согласны? Теперь все вы знаете о существовании параллельных времен, которых существует бесконечное множество. Мы не сможем проникнуть во все — в конечном счете, подразумевается неограниченность. Мы можем проникать во времена, имевшие отклонение в течение последних 90—95 лет. Собственно, их только несколько сотен, но даже они вызывают интерес. В некоторых паравременах в 1933 году коммунисты захватили всю Европу, под величайшим военным гением Троцкого. Есть целый комплект времен, где Франклин Д.

Рузвельт избежал убийства и стал президентом — таким образом, страна избежала военного переворота и интервалов междуцарствия. Поскольку в Конституции ничего не было сказано о том, кто станет президентом, если избранный президент умрет до принятия присяги — то Гарнер и Гувер рвали президентское кресло из рук в руки, пока не вмешалась армия и не навязала военную диктатуру. Затем...»

— Дом! — настойчиво сказал сенатор.— Я догадываюсь, что лучшего нельзя придумать, но действительно ли история волнует нас больше всего?

— Я просто давал пояснение.

— Хорошо. Мы знаем, что такое параллельное время... ладно, лгу: с этой штукой я разобрался не очень. Но что дальше? Все времена, насколько я слышал, в каких-то трещинах, где начинают возникать новые времена. Есть что-нибудь подобное? Так вот: почему мы попадали в миры со множеством различий?

«Понял! — кивнул я.— Очень хороший вопрос!» Под ногами появилась твердая земля — ведь я прошел через кучи сенатских комиссий и предусмотрел подобные ловушки. «Вначале я дам чисто технический ответ, если он поможет. Это происходит из-за явления, которое Стив Хоукинг назвал смешаным проницаемым прикосновением *n*- пространств». Ясное дело, они ничего не поняли. Антропоид Мо храпел, другие мужчины витали в облаках. И только Найла Христоф проявила дружелюбный интерес. Ловко вычерпывая яичницу, она кивала мне с умным видом. При этом, Христоф не смотрела на еду и не пропускала мимо ушей ни слова. «Я должен дать вам аналогии. Мне кажется, времена следует представить пучком бус. Если вы подсчитаете каждую бусинку, то увидите, что бусинка-5 и 6 граничат друг с другом, но связаны единым источником. Время-5 может прикасаться ко времени-600 и 52, с другой стороны, может граничить со временем-1500 или другим — в зависимости от радиуса искривления. Вам понятно?»

— Допустим! — ответила за всех Христоф.

— Ладно. Кроме того... я не хотел бы... но, видите ли, источник кривизны находится не в трех, а в *n*-мерном пространстве. И нам неизвестно, чему равно *n*! Паравремена окружают другие, столь различные — вот почему мы не можем поймать времена, где расщепления произошли ранее, чем 95 лет назад, исключая случайных беглецов. Но «ближайшие» не всегда «легкие». Я утомил вас?

— Что-то подобное! — улыбнулся Ники.— Смешно было бы понять!

Я сказал: «Если выпадет возможность, почитайте Азимовский Спутник интеллигентного человека по квантовой механике!»

— Нет уж, спасибо! — сказал Ники.— Продолжайте, пожалуйста!

«Ладно, хватит с теорией! Кое-что вы уже знаете... — я взглянул на предателя Лари, который нахмурился и отвернулся

к своей булочке с апельсиновым соком.— Мы усовершенствовали глаз-паравремен и портал. Мне не хотелось бы вводить вас в технологию. Для такой вещи я не могу...»

— Но вы же изобрели его! — сказала Христоф.

Я пожал плечами: «Разве я мог это сделать один? Над проектом работали Гриббин и Хоукинг из Англии, Свердлич из Смоленска, ученые-эмигранты из Франции (так произошла вторая Варфоломеевская ночь), целая армия прикладных математиков и ядерных физиков. Но если вы упрекаете... ладно, его изобрел я,— глубоко вздохнул.— Но мы не приняли во внимание баллистический отскок!»

Я не знаю, на какую реакцию я рассчитывал, но получилось три... четыре — если считать встревоженного шпика. Лари был подавлен, для другого Лари и ФэБээРовца это ровным счетом ничего не значило (ничего не выражающее, тупое лицо является характерной чертой Тау, поскольку там принято скрывать свои мысли). Два других Доминика смотрели с интересом. Сделав глоток остывающего кофе — я даже не притрагивался к еде — я попытался объяснить.

— Между мирами существует сопряжение, вызванное оболочкой. Если в одном месте произошел прокол, оболочка ослабляется в разных местах. Это напоминает пластиковую оболочку мяса в супермаркетах.— Они не знали, что это такое.— Или оболочку яиц... Они напряжены. Если мы сделаем прокол в одном месте, выделяется много энергии. Трудно сказать, в каких именно местах — геометрия искажена... Ладно, это непостижимо и очень трудно. Но происходит разрыв и это переходит в другое место. Сначала проходит свет, затем газы. Потом что-нибудь посущественней.— Я взглянул на нашего Лари и сказал ему:— С тех пор, как ты удрал, у нас было много неприятностей. Внезапно открылась область с сильной бурей и погибло много людей. В паравремени Эта, на месте заброшеной железной дороги, построили жилые дома. В результате, сквозь нижние этажи на большой скорости проехал поезд — затем все вернулось в свои времена.

Ники поднял руку: «Док? У нас были слухи о пронзительных звуках около маленького аэродрома... может быть, это имеет отношение? Скажем, в другом времени пролетала такая же ракета, как эта...»

Я хотел объяснить ему, что пульсир еще не ракета, но вовремя одумался. «Вполне возможно! И мы не в состоянии предотвратить это. Вначале мы думали, что все это происходит из-за утечки энергии из генераторов портала — и, стоит только устранить ее, баллистического отскока не станет. Но сейчас выяснилось, что здесь замешан закон сохранения. Если из моего времени в ваше перешло какое-то количество энергии или материи, то такое же количество переходит в другое время (не обязательно в мое!). Все

может уйти целиком в какое-то третье время или по частям в несколько разных».

— И мы не можем остановить?

— О, Боже! — презрительно сказала Найла Христоф.— Парни, вы играете с динамитом!

Вмешался сенатор Дом: его тон был менее обвиняющим, но более далеким от дружелюбного. «Было бы мудрой идеей, если бы вы прекратили эксперименты на время, пока не научитесь контролировать?» — спросил он.

— Чертовски хорошая мысль! — пламенно поддержал я.— Но ситуация вышла из-под контроля, когда парни из Гаммы захватили нашего Лари. Мы можем остановиться, но этого нельзя оставлять так! Не говоря уж о том, что существуют изолированные времена... или опасные.

Сенатор спокойно сказал: «Я не вправе ругать вас, Дом! Если бы мы продвинулись быстрее, то, наверное, сами проникли в другие времена — я не вижу причин, чтобы у нас получилось лучше. Но... это страшно, Дом! Хотелось бы, чтобы мы хорошенько подумали о последствиях, прежде, чем начать. Здесь очень много риска, больше, чем при развитии обычного оружия!»

Я разозлился на себя: ведь он повторял мои мысли. «Вы не могли остановить научные исследования, потому что не ведали об опасности,— огрызнулся я.— Во всяком случае, кто говорит об оружии?»

Сенатор удивился: «Я думал, это очевидно...»

— Военное применение может быть очевидным только для дикарей! Вы разве не понимаете, что паравремена, в основном, подразумевают научные исследования? Особенно, для тех наук, которые не могут ставить эксперименты!

— Я не совсем понимаю, что именно вы имеете в виду! — нахмурился он.

— Пошевелите мозгами! Социология, например. Вы же не можете изолировать общество и провести с ним эксперимент. Но только не здесь! У нас есть бесконечное количество самых разнообразных обществ и мы можем создать новую науку сравнительной социологии. Или новую политическую или социальную науку. Можно найти и другое применение: как-то к нам зашел метеоролог, так он на стены кидался, как только узнал, что в паравремени Ники не было Атлантического урагана — у нас он был, и убытки оказались потрясающими. Теперь ученые считают, что это связано с индустриализацией и ростом городов; может быть, мы сможем остановить это. И... торговать!

Лари-Тау насторожился: «Я не понимаю, о чем вы говорите! — сказоК тнуолждж.2ним и тем же народом?

— Между двумя народами с незначительно различными историями. Незначительная для одних вещь, может показаться при-

чудливой для других. Например, только на хула-хупе можно сделать бизнес в 20 млн долларов.

Мои гости были единодушно озадачены. «А что такое — хула-хуп?» — спросил Лари-Тау.

— Игрушка. Но я говорю не только об игрушках, но и о более полезных вещах. Подумайте — каждое из паравремен ежегодно тратит на исследования и усовершенствование около биллиона долларов — а если вы снимете сливки с пятидесяти различных паравремен — тогда, даже с дублированием, вы можете получать значительные результаты.

Момент тишины, пока они переварят все это. Затем вмешался Ники: «Мне кажется, я все понял, Дом! Вы не можете узнать вещи, не испытав ее — ведь риск есть в любом деле. И, догадываюсь, добавление исследований других людей к вашим, может оказать большую помощь. Но до сих пор... милейший Дом, я не вижу ничего, что имели бы с этого люди, подобные мне».

— Эта может спасти миллионы жизней! — сказал я.

— Продолжайте! Вы хотите поразить врага прежде, чем он нападет на вас... или что-нибудь подобное?

— Нет, не это! Может быть, это где-то и окажется истиной, но я говорил не об этом! Вы знаете, что такое ядерная зима? Это смерть всего — потому что в воздухе скапливается так много пыли, что она заслоняет солнце. Почти вся растительность и большая часть крупных животных умирает... в том числе и люди.

Они не знали, что это такое, но представили быстро. «Что вы имеете в виду под выгодой? — с усмешкой иронизировала Христоф. — Убийство всего живого?»

— Разумеется, нет! Есть времена, где все это уже произошло. Мы нашли времена, в которых не осталось млекопитающих крупнее крысы: война в них произошла пять, десять и более лет назад, человеческая раса полностью истребила себя.

— Как мило!

Я с трудом сдерживался: эта женщина играла на моих нервах. Примерно такое же действие, оказывала она и на сенатора — ведь он очарованно смотрел на нее. «Здесь нет ничего милого! — твердо сказал я. — Это факт! В некоторых линиях времени планета абсолютно безлюдна, хотя есть поля, иногда встречаются разрушенные города. Но там отсутствуют люди!

Есть иные времена, где люди голодают и умирают от недостатка домов и земли. Наша Африка большую часть последнего десятилетия находилась в состоянии засухи. Часть Азии находится примерно в таком же ужасающем состоянии! В некоторых временах голодает вся Латинская Америка!

Предположим, мы возьмем этих умирающих людей и позволим эмигрировать на пустующую планету!»

Ники ДеСота воскликнул: «Поразительно, Дом! Вы дарите жизнь миллионам! Что нужно для того, чтобы построить новый мир?»

Он был в экстазе — и я понимал его чувства: когда то я думал так же. Я осторожно ответил: «Конечно же, средства к существованию! Этому народу потребуются домашние животные, иногда — машины. Им необходимы врачи и специалисты по сельскому хозяйству... по крайней мере, будут нужны! Этого мы еще не делали».

С грохотом рухнуло все богатство Ники и поднялось самодовольное презрение Найлы Христоф. «Добренькие дяденьки!» — ехидно заметила она.

— А почему нет? — удивился Ники.

— По трем причинам! — сказал я. — Первое: мы столкнулись с проблемой баллистического отскока. Пока мы не научимся контролировать отскок, мы не можем рисковать перемещениями таких громадных масштабов! Нам следует на время прекратить использование порталов. И во-вторых... — я посмотрел на своего старого приятеля Лари Дугласа — возникла непредвиденная ситуация Гаммы.

Он дернулся, но промолчал: он уже спел нам, что ничего не мог сделать.

Сенатор нахмурился: «Это те люди, которые захватили Сандию?»

— Не только Сандию, Дом! Сейчас они пошли еще дальше. Там идет настоящая война — правда, небольшая, только в Вашингтоне! Гамма захватили все мосты Потомака, оккупировали Белый Дом и Национальный аэропорт... который вы зовете Гувер Филд. Возникло несколько прескверных пожаров, в огне погибло, как минимум, 500 человек. Первое, что нам придется сделать, это потушить огонь... если сможем.

Теперь заволновался сенатор: «Боже мой, что вы сказали?»

Я попытался успокоить его. «Пока бои затихли, — сказал я. — Полчаса назад там раздавались лишь отдельные выстрелы из укрытий. Конечно, убито несколько гражданских...»

Кажется, не успокоил. «Гражданских? — закричал он. — Но почему они... я полагаю, они могли... ради Бога... почему они не эвакуировали мирное население?»

«Мне кажется, таких там немного!» — озадаченно промямлил я (сенатор рассказывал, что его семья за тысячу миль, в Чикаго).

— Я должен немедленно вернуться! — решительно заявил он.

— Думаю, мы выполним вашу просьбу, Дом! — сказал я. — Вы помните, это не по мне. Но... фактически, я предлагаю, чтобы вы проникли в Вашингтон, округ Колумбия, Эпсилон — это ваше время, сенатор, объяснили им происходящее и предложили нашу помощь. Я имею в виду почти всех вас!» — прибавил, взглянув на нашего Лари. Он не удивился и только пожал плечами.

В разговор влез другой Дуглас: «Я не желаю уходить куда бы то ни было!» — закричал он.

— Прошу прощения, не понял!

— Я требую политическое убежище! — заявил Дуглас.— Я не желаю возвращаться в свое время из-за политических преследований и не хочу забавляться вмешательством в какую-то дьявольскую войну, которая гремит неизвестно где! Вы кидаете меня в эту заварушку? Но ведь до некоторой степени вы обязаны мне и я требую, чтобы меня оставили в покое!

Большой болван угрожающе поднялся с места и двинулся на него — но наш охранник предостерегающе потянул руку к дротиковому пистолету. Христоф положила на плечи Мо свои руки и эта громадина сразу осела, хотя и продолжала смотреть кровожадными глазами.

— Об этом позже! — весело сказала Христоф.— Давайте покончим с другим. Вы говорили о трех проблемах, но назвали только две.

— Ах, да! — угрюмо откликнулся я.— В уравнении появились другие неизвестные. Кто-то заглядывал и к нам: мы не знаем, кто и для какой цели.

Христоф захихикала: «Добро пожаловать в клуб!»

Мой Лари расхрабрился (между ним и ей сидел охранник): «Да замолчите вы! Дом? Это и есть то новое, что произошло с тех пор, как я... покинул вас?»

Я кивнул. «Нам неизвестен источник и мы не смогли за ним проследить! Это показывает, что их техника намного превосходит нашу, хотя мы изучили технику пятидесяти паравремен. В последние три месяца за нами кто-то усиленно наблюдает!»

— Как несколько дней назад за нами...— неопределенно выразился сенатор.

— Боюсь что да! — признался я.

Он поджал губы, раздумывая. «И что же вы собираетесь предпринять, Дом?» — поинтересовался он.— «Вы вернете меня в свое время?»

— Думаю, мы пойдем туда все! — сказал я.— Вы, потому что там живете, я и Лари — помочь с обороной. А остальные — поскольку жили в других мирах.

И потому что они лишние! — подумал я про себя.— В самом деле, кому нужны в нашем мире два ФэБээРовца и клерк по кредитам?

Я ткнул вилкой в остатки яичницы — она была скверной и холодной — но, в любом случае, у меня не было аппетита.

Когда на крытый стадион МакКормик приехала машина для подготовки к спортивному шоу, фары вспугнули летучую мышь. «Какого дьявола она здесь делает?» — удивился водитель; но еще большей проблемой было — как избавиться от мыши. Вопрос решился сам собой. Летучая мышь бешено металась вокруг, затем скользнула через двери ангара, где стояли аэросани. Никто не вспомнил об этом и не придал значения, пока через несколько недель не стали дохнуть одичавшие кошки и бездомные собаки... затем люди. Они погибали от неизвестного ранее вируса бешенства, занесенного летучей мышью.

АВГУСТ, 27 1983 г. время: 20.40 миссис Найла Христоф Боуквист

Они вышвырнули меня из прекрасного люкса! Даже Лави ничем не мог помочь, поскольку весь пентхауз заняла госпожа Рейган со своим персоналом, но он устроил мне комнату на пятом этаже. Номер был вполне пристойный: там стояли две кровати — моя и Эми. Она больше не желала слушать мою практику, и мы нуждались в уединении. Не было визитов моего Дома, не было звонков от Ферди (телефонная связь прервана). Какое счастье, что я не решилась во всем признаться.

Мне казалось, я наделала массу ошибок. В первую очередь, осталась в оккупированной зоне. Мышеловка захлопнулась — аэропорт, все мосты и дороги контролировались захватчиками, всюду стояли их патрули. Я уже перестала волноваться за Рочестер, потому что никаких рейсов не было... раздавались только звуки взрывов.

Радио говорило, что оружейный огонь слабый — я была несогласна. Выглянув в окно, я увидела клубы дыма со стороны Амакости, обезглавленный монумент Вашингтона — те парни считали, что там сидит корректировщик артиллерии. Это вызывало тревогу даже у меня.

Когда Джок МакКленти постучался в номер, я боялась открыть дверь.

Я не ждала хороших новостей и даже не могла представить, что они могли произойти. То же подразумевал и дождливый субботний вечер. Как только я увидела Джока и человека из спецслужб, первой догадкой мелькнула мысль, что я арестована. «Миссис Боуквист! — сказал он.— Сенатор вернулся! Он здесь, в отеле и просил доставить вас к нему».

Впрочем, было так: я заплакала. Меня обманывают! Не знаю, почему я так решила — наверное, у меня накопилось столько непролитых слез, что любой легкий толчок мог выхлестнуть их наружу. Они потекли из глаз. Я плакала даже на пути в пентхауз — хотя это длилось довольно долго. Сначала мы спустились в фойе,

прошли через многочисленные проверки полиции и спецслужб, затем вошли в лифт.

Человек из спецслужб что-то пробормотал (как мило воспитывают этих людей!), остановил лифт и выпустил меня. Я вышла и осмотрелась по сторонам. Мой старый люкс по сравнению с этим, напоминал крестьянскую хижину из Камбоджи. Роскошный ковер! Окна соборного стиля, высокие потолки! Первым, кого я увидела, была Джеки Кеннеди — она стояла у окна и беседовала с кем-то, в котором я узнала Дома.

Это был Дом ДеСота!

— Дом! — закричала я и бросилась к нему, вся в слезах.

Это был Дом, верно — но совсем другой! Он не обнял меня, как это сделал бы Дом; он не сказал подходящих слов и даже пах по-другому: трубочным табаком и другим лосьоном; более того, он сделал то, что никогда бы не сделал мой Дом!

Он оттолкнул меня!

Сделал это мягко... даже вежливо... но оттолкнул. И я даже не удивилась, когда Джеки сжала мои руку и сказала: «Найла, дорогая! Это не тот!»

Хорошо, что все оказалось правдой, и мой Дом тоже был здесь! Он поднимался по витой лестнице в личный номер президента — увидев меня, Дом радостно вскрикнул и спрыгнул вниз, мы обнялись. Вначале он ничего не сказал — мы обнимались — так откровенно, что даже если бы здесь были Ферди и Мэрилин, телеоператор и адвокат по бракоразводным процессам, я бы ни на секунду не разжала объятий. Потом он выпустил меня, посмотрел, поцеловал и, сказав «Любимая!», оглянулся на лестницу.

Наверху стоял секретарь президента и ждал. Я все поняла: «Иди, Дом! Я буду ждать!»

Он ушел, а Джеки и Джок МакКленти пытались втолковать мне, что к чему. Говорили они одновременно, но немногое я все же поняла. Через минуту они проводили меня в спальную комнату, которая могла предназначаться шаху Ирана — зеркала на потолке. О, небеса: на стене подлинник Пикассо! Мы прошли в ванную к умывальнику, где кран был из чистого золота!

Это было чудесно: я могла привести себя в порядок. Когда я вышла из царской ванной в шахскую спальню, я поняла, что это оказалось тюрьмой для всех нас.

Когда я сказала «для всех нас», я имела в виду не только «всех нас» — а даже более, чем «всех», и более, чем «нас». Вернулся мой Дом — госпожа Рейган приглашала его и несколько генералов для частной беседы. Дом и я, несомненно, были самыми большими «мы» во всей моей жизни. Но здесь было три его, а если считать и того, из телевизора, то четыре.

И здесь было две меня!

Я с большим беспокойством восприняла тот факт, что здесь было более одного моего возлюбленного — но еще больше встревожились, увидев свою копию. Это напомнило мне случай, проис-

шедший два-три года назад на уикэнде в долине Висконсин, куда я приехала с Ферди. С собой я взяла своего кастрированного кота по кличке Пантера, а Эми, сопровождавшая меня, свою холощеную калико Пу-Бир. Это нельзя было назвать счастливой встречей! Пу-Бир первым делом бросилась на свое лакомство, сбив по пути половину вырезаных из дерева зверюшек. Пантера, в свою очередь, нырнул под книжный шкаф. Они не шипели и не царапались, а просто следили друг за другом — я ушла, а Эми потом рассказывала, что спустя полчаса они мирно лизались.

Это здорово напоминало наше поведение — хотя нельзя было сказать, что мы облизывали друг дружку. Другая Найла сидела в углу, смотрела на меня и изредка что-то шептала премерзкому обезьяну. Я сидела в просторном кресле времен королевы Анны вместе с Домом (моим Домом), обнимавшим меня — и он рассказывал мне все те удивительные события, которые ему довелось пережить. А мы — я и другая Найла завороженно смотрели друг на друга и не могли оторвать глаз.

Хотя я и рассматривала ее внимательней любой женщины, я не заметила, что у нее не достает больших пальцев, пока не подсказал Дом. Было и другое различие — у нее совсем другое выражение лица. Наверное, циничное? Или, быть может, завистливое? Все равно — это была я!

Я очень и очень благодарна Дому за то, что он обнимал меня.

Было уже неудивительно, что я не заметила еще одну вещь. Тот факт, что в комнате находилось три Дома, был нелепым; присутствие Найлы-не-меня, было еще хуже. Но когда я перевела взгляд с Найлы, достаточно долго владевшей моим вниманием, на других — я увидела, что супруги Кеннеди беседуют с двумя молодыми людьми, столь похожими на моего старого знакомого Лаврентия Джугашвили, и оба они смотрели на меня.

— Shto eta, Лави? — спросила я обоих. Они удивились.

Дом рассмеялся и крепче сжал объятия. «Это не послы! — произнес он. — Лаврентий встречает в аэропорту русских ученых».

— О, Господи! — рассмеялась я (это было лучше, чем плакать). — Здесь что, каждой твари по паре?

— Не только по паре! Боюсь, это число бесконечно! Но нас только двое — ты и я; мы вместе. Давай будем считать так!

Внезапно показалось, что в комнате появилось еще двое, хотя оба они были только в воображении. Это были те же самые Мэрилин и Ферди — и выражения на их лицах были полны гнева, обиды и обвинения.

Прекрасно, что все это было только в воображении — но позже они могут появиться и в реальности. Я выкинула из головы мысли о наших супругах. «Я принимаю это предложение! — сказала я. — Не хочу больше наших разлук, за исключением тех моментов, когда я буду уезжать в турне».

— И не считая избирательных кампаний! — улыбнулся Дом.— Быть посему!

Просто удивительно, с какой легкостью вы даете обещания, которые не сможете сдержать!

В этом мире по-прежнему оставались реальные Мэрилин и Ферди — только им мы были обязаны маленькой свободой действий, пока они не узнали, что произошло. Несмотря ни на что — не обращая внимания на превратности судьбы и то, что прямо под окнами отеля шла жестокая война — я соблюдала приличия. Особенно, когда я заметила оценивающий взгляд Джека Кеннеди.

Я покраснела и выпрямилась в кресле. Не оттолкнула руку Дома, но слегка отодвинулась. Он правильно понял мои мысли и сделал то же самое.

Потом Дом очнулся и снова положил руку на мое плечо. Гордо, почти вызывающе. О, дьявол, подумала я, мы потеряли всякую осторожность! Если наша связь и была тайной, сейчас она раскрыта.

Роскошь люкса не ограничивалась золотыми принадлежностями ванной. К люксу была подсоединена кухня, при которой были свои шеф-повар и официант. «Давайте поужинаем! — предложил Дом, мой Дом.— Все это уже оплачено налогоплательщиками». Мы поели — я обнаружила у себя зверский аппетит — как и все путешественники паравремен. Очевидно, за последнее время, они ели мало, и теперь наверстывали упущенное. Еще они беседовали: я не принимала в разговоре активного участия, а только прислушивалась, пытаясь разобраться в происходящем.

В основном, Дом объяснял, а Джек Кеннеди спрашивал. «Этих паравремен, Джек, целый миллион! — говорил Дом.— Нет, даже не миллион — вероятно, миллион миллионов! Правильно сказать, бесконечность!»

— Поразительно! — сказал Джек.— Я не имел об этом ни малейшего представления!

Он сидел напротив нас, сжимая руку Джеки, а Дом — мою. Хотелось бы, чтобы в их возрасте, мы любили друг друга так же сильно (но все эти разные сплетни о Джеке и куче женщин...).

— Безусловно, мы можем проникать только в ближайшие,— сказал Дом.— Доктор ДеСота, знает об этом больше меня! — он дружески кивнул на того, к кому я бросилась в первые секунды и который с подозрением разглядывал фалафел на своей тарелке.

Другой Дом слотнул слюну. «Они немного напоминают наши миры,— согласился он,— но есть и различия! В одном из них — агрессоре — президентом США стал Джерри Браун».

— Джерри Браун! — сказал Джек.— В это так трудно поверить!

— Но это действительно так! — он попробовал фалафел и сказал.— Это очень вкусно! Когда вернусь домой, я посмотрю, сможет ли кто-нибудь сделать такое же. У паравремен есть преимущество: они повышают жизненный уровень.

— Не могу сказать, чтобы наша жизнь улучшилась, Дом! — усмехнулся Джек. — Но, продолжайте о других паравременах.

— Ладно! Есть времена, где президентом Рональд Рейган!

— Рони?

— Да! И в этих линиях времен двадцать лет назад президентом был Линдон Джонсон, а потом... вы! Только... — он заколебался. — Только там, сенатор, вы были убиты во время принятия присяги террористом по имени Ли Харви Освальд.

Жаклин поперхнулась, а Джек с беспокойством взглянул на нее, потом снова на Дома. Сенатор причудливо изогнул брови, но другие мускулы лица оставались каменными. «Ли Харви Освальд? Постойте... это было... да, я вспомнил — это тот парень, который пристрелил губернатора Техаса?»

— Тот самый.

— Поразительно! — сказал Джек Кеннеди и остановился, потом покачал головой. — Моя бедная жена! — он улыбнулся и хлопнул по руке Джеки. — Вы не знаете, доктор ДеСота, какой она стала вдовой?

— Не помню точно! — извиняющимся тоном ответил Дом, и я поняла, что он не решился сказать правду.

Джек рассеяно кивнул. Безусловно, он подумал то же самое, но удержался от вопросов из-за майора с золотым галуном. Офицер зашел в комнату — свежевыбритый, с аккуратной прической и усталыми глазами; он выглядел так, словно не спал несколько ночей — возможно, так оно и было.

— Сенатор ДеСота? — осторожно спросил он, переводя взгляд с одного Доминика на другого. — Вас желает видеть госпожа президент! Всех трех, сэр! — добавил он. И мой Дом обнял меня, поцеловал в щечку и ушел.

Я сидела с Кеннеди. Полагаю, мы разговаривали, но я не помню, о чем: моя голова была забита совсем другими вещами. Включая другую Найлу — хотя мы и перестали разглядывать друг друга, но не потеряли интерес. Она стояла у буфетного столика и ловко, несмотря на отсутствие больших пальцев, разрезала сыр — для себя, и для своего антропоидного спутника. Я не поймала ни одного ее взгляда, но была уверена, что она просто успевала отвести глаза. Я нисколько не сомневалась в этом, поскольку делала то же самое. Мне казалось, что я интересовалась ей гораздо больше, чем она мной. Во всяком случае, другая Найла интересовалась не из-за праздного любопытства, хотя я и не могла представить себе ее цели.

Я решила, что нам необходимо переговорить.

Но не смогла воплотить все это на практике, потому что вошел реальный Лаврентий Джугашвили, вытер пот и с любопытством посмотрел на другую Найлу, затем подошел ко мне. «Очень рад вас видеть! — сказал посол, галантно поцеловав руки мне и Жаклин. — Сегодня такой трудный день!»

— Вы привезли с собой ваших парней? — спросил Джек Кеннеди.

— О да, конечно! Зупчин и Мережковский, два наших замечательных физика из Ленинского Института Теоретических наук. Кроме того, мне посоветовали вернуться на Родину! — с усмешкой прибавил он.

— У вас еще есть время? — сочувственно спросил сенатор Кеннеди.

— Я желаю удачи госпоже Рейган! — Лаврентий махнул рукой, показывая свою искренность. — Хотя она и не коммунист.

Сенатор тоже продемонстрировал искренность: «Я не могу сказать о нашей Леди много хорошего, — сказал он. — Но она умна! Враги схватили ее супруга и заняли Белый Дом. Но наш президент не хочет уступить им и стать первым правителем с 1812 года, сдавшим столицу».

— О да! Уж будьте уверены! — согласился Лаврентий. — Особенно с тех пор, как захватчики усилили активность... — он сделал паузу и взглянул на нас. — Как, вы еще не в курсе? И даже не смотрели телевизор? Разумеется, в таких роскошных апартаментах он должен быть! Давайте, поищем!

Здесь и в самом деле был телевизор, спрятанный за дверями из красного дерева. И в самом деле, по нему показывали много новостей.

Ни одна из них не была хорошей.

Мы увидели самую гущу боя — в нескольких кварталах от нас, в конце Молл, около Капитолия. От зданий Верховного Суда ползли танки и транспортеры, разворачивались, зажимая Капитолий в клещи. Были трупы. Камера наплыла, показывая некоторые из них крупным планом — я хотела бы, чтобы этого не было. Появились следующие кадры, и мы увидели колонну странных танков. Я не сразу поняла, в чем их необычность, а Лари что-то грязно и сердито сказал по-русски. Затем перешел на английский. «Это их новое оружие!»

Это были танки — но такие крошечные! Они доставали по колено и каждый волочил, точно хвост скорпиона, длинную пушку. «В Союзе нет ничего подобного!» — горестно заметил Лави.

— У нас в Америке тоже! — сказал Джек Кеннеди. — Держу пари, они радиоуправляемые! Милый младенец Иисус, вы только посмотрите, они еще и стреляют!» Потому что пушки были не для показа — с каждым выстрелом от стен Капитолия отделялись большие грибы дыма и каменной кладки.

Сцена сменилась. Мы увидели военную комнату Эн-Би-Си, похожую на штаб-квартиру. За спиной Тома Брокау и Джона Ченкелора висела карта военных действий в округе Колумбия. Комментаторы объясняли военное положение.

Они не могли сказать многое — кадры показывали все. Красным цветом — войска агрессора — были заштрихованы: ближай-

ший квартал города, зона около Капитолия, Белый Дом, Элипс, большая часть пространства возле монумента Вашингтону, огромный сектор берегов реки и неоднородные участки Дистрикта. Вдоль большей части периметра вспыхивали красные лампочки, отмечавшие местонахождение текущих боев.

Брокау указал на Капитолий. «Самая крупная атака,— сказал он,— началась сорок пять минут назад на пересечении Первой улицы и авеню Конституции. Одновременно начались бои в некоторых других близко расположенных точках города». Он перечислил их, затем повторил. «Установлена прямая линия связи между захваченным Белым Домом и штабом наших войск, расположившемся в неназываемом месте в пределах округа. Как стало известно, агрессоры захватили в плен трех членов правительственного кабинета и, по меньшей мере, три четверти штаба и обслуживающего персонала, несколько сенаторов, конгрессменов и других важных лиц. В плен взят Рональд Рейган. Всем заложникам, как называет их наше правительство, было предложено записать на магнитофон звуковые письма, которые переданы нам по телефону. Вот голос генерала Вестморилэнда...»

Я уже слышала это и не стала слушать снова — взглянула на Найлу Христоф; она на меня. Из того немногого, что успел нашептать Дом, я ожидала увидеть гибрид гестаповки и Маты Хари. Но она больше всего походила на меня. Христоф сидела на руках, и я не могла видеть отсутствие пальцев. Я видела женщину с моим лицом и телом, нет... она была немного легче меня, и ее это нисколько не портило... женщину, которую я по утрам видела в зеркале. Я знала, что Христоф внушала ужас — я и не предполагала, что меня можно бояться. Но я выросла не в том мире, где за мелкие магазинные кражи молодой женщине могли отрубить большие пальцы. Она молчала и без всякой вражды изучала мое лицо. Я тоже не проронила ни слова, хотя чувствовала, что на небольшой девичьей вечеринке (главным образом, салаты, плюс коктейль для праздничного настроения), мы могли бы неплохо поболтать.

Постепенно мне становилось ясно, что не одни мы разглядываем друг друга. Лави Джугашвили собирался уходить, но сейчас заколебался и стал изучать двух Лари Дугласов. Он что-то шепнул Джеку Кеннеди, растеряно посмотрел, кивнул головой и, наконец, сказал: «Мистер Дуглас? Можно вас на пару слов?.. Обоих, если не затруднит!»

— Почему бы и нет? — сказал один из них (не могу сказать, какой именно!).

— Я заметил,— сказал Лави,— что мы... несколько похожи! Может быть, мы с вами родственники?

Один из Дугласов рассмеялся: «О, Дьявол! Это убогий подход: держу пари, что мы намного больше, чем родственники! У нас та же пара родителей и те же дедушки!»

— Вы имеете в виду дедушку Джо? — сказал один, кивнув головой.

— Я имею в виду всех сразу! — сказал первый. — Просто Дедушка Джо самый знаменитый. Восемьдесят-девяносто лет назад он был очень горяч, обчищая банки Сибири и обходя закон. Когда в России стало слишком жарко, он эмигрировал в Америку и, используя награбленное, открыл дело в Нью-Йорке по оптовой торговле тканью. Очень на этом разбогател.

— С моим та же история! — крикнул второй. — Твой и кончил так же? Убит в своем летнем доме в Ашокане одним парнем с ледорубом?

— Это было зимой, в Хоуб Санд, и это был не ледоруб! — сказал первый. — Но это было действительно так! Говорят, это сделал политический: вы же знаете, что дед забрал деньги, предназначенные для коммунистов? У вас так же, посол?

Лави внимательно осмотрел их, затем тяжело признался: «Только истоки! Мои предки никогда не покидали Россию. Дедушка Джо остался и стал довольно известным под своей партийной фамилией Сталин! — он вытер с лица пот и сказал. — Все это весьма печально... Пожалуйста, извините меня — я должен уже быть в посольстве, но вы... эта ситуация... похожая на осуждение...» Он остановился и покачал головой.

Я могла не помогать, но встала и обняла Лави рукой. Он был удивлен не меньше меня, однако ответил своим объятием. Затем выпустил, отошел немного назад и поцеловал руку. «Простите, я должен идти!»

Он осекся, захмурившись.

— Уверена, я тоже — ведь я слышала те же самые звуки. Почти неслышный дальний орудийный огонь стал очень громким и исходил снизу. На улице гремел бой.

На меня не смотрел никто — всеобщее внимание было прикована к лестнице, уходившей в пентхауз президента. Вначале появились телохранители из спецслужб, следившие за каждым нашим движением. Они прошли через салон, приказав всем подойти к стенам, первый из них назвался: «Дженнер, спецслужбы! Госпожа президент эвакуируется!»

— Эвакуируется! — проворчал сенатор Кеннеди. — Какие-нибудь проблемы, Дженнер? Мы в опасности?

— Вероятно да, сэр! Если вы хотите уехать, то можете сделать это после эвакуации президента. Здесь есть проход через подземный гараж. Но подождите, пока не пройдут сопровождающие лица... пожалуйста! — добавил он и затем, после раздумья. — ...Сэр!

Вниз по лестнице спустилась госпожа Рейган со своим окружением: много людей из спецслужб (три из них женщины), несколько полицейских из округа во главе с генералом Гленном, полковник из женских вспомогательных войск (она несла коды для запуска ядерных ракет), трое или четверо из штаба, отчаянно пытавшиеся поговорить с президентом, когда она спускалась, держась

рукой за перила. И она что-то отвечала. Я не поддерживала политику Нэнси — но даже при отступлении, она выглядела настоящим Президентом!

Как только она вошла в лифт, остальные полетели вниз по лестнице одним большим стадом. В конце я увидела Домов (три Дома!) и двух русских ученых, еще каких-то бодрых типов.

Они остановились. Я замерла. В комнате внезапно загрохотало и люди затаили дыхание, издавая звуки удивления и беспокойства. Я не знаю, что это было... точно. Я видела спускавшихся по лестнице людей, а потом все они вдруг исчезли.

Стало холодно и... я думаю, вы можете назвать это могильной тишиной (но с выстрелами!), как бывает в реактивном самолете, когда вы приспосабливаетесь к смене давления.

Затем: «Простите! — сзади меня раздался хорошо знакомый голос.— Но неужели мы так никогда и не поговорим, Найла?»

— Почему же? — я повернулась и взглянула в свои глаза. Они улыбались.

В ее улыбке было что-то такое, что заставило меня посмотреть ниже. Она вытянула на уровне груди свои беспалые руки и между ними выглядывало острое лезвие ножа, взятого с буфетного стола — оно было нацелено на меня.

Объектом была голова человека — возможно, это следует назвать ее образом, поскольку она была размером в пляжный мяч и состояла из точек света. Со стороны казалось, что так же могла выглядеть и галактика, если бы была плотно упакована звездами. Большая часть точек была бледно-голубого цвета, но внутри сферы виднелись зеленые, желтые, оранжевые и даже красные, подобно расходящимся линиям гангрены вокруг зараженной раны. Над сферой линии, которые могли бы быть зеркалами, отражавшими озабоченные лица человека, но это были не зеркала. Волосы были длинней или короче. Некоторые волосы имели желтовато-коричневый цвет, другие — бледный, какие-то жирные, некоторые — тонкие. «Теперь проводим синхронизацию! — сказал сидящий.— Думаю, мы можем проникнуть в этот мир. Я уже измерил гармоничность шестого порядка и по-прежнему распространяю...— Он сделал паузу, чтобы взглянуть на несогласных, но таких не было.— Если это продолжается,— спокойно продолжил он,— я провожу проекции. Вероятность девять и девять, что в пределах стандартного года нарушения будут эффективно неограниченными и необратимыми!»

АВГУСТ, 28 1983 г. время: 12.10 агент Найда Христоф

Никто не обратил внимания, как я и Боуквист прошли в буфет. Если бы они внимательно посмотрели на ее лицо, то могли бы заподозрить неладное. Я приказала ей улыбнуться. За буфетом находилась ванная, дальше — дверь на лестницу.

Никто не видел, как мы ушли туда.

— Подождем минутку, Боуквист! — сказала я, не спуская с нее глаз. Она выглядела хорошенькой женщиной — была не толстой, а лишь слегка круглей меня; иначе пахла, а я редко использую духи. А почему бы и нет? Мужчинам это нравится — а мне нравится, чтобы мужчине нравилось во мне все, когда мы направляемся в постель. Но для Боуквист это было естественно и она пользовалась ими постоянно; кроме того, аромат испускали и ее волосы. Они были длинней моих на добрых четыре дюйма и сворачивались в мягкие локоны. «Почему — Боуквист?» — спросила я.

— Фердинанд Боуквист мой супруг! — ответила она, не подавая никаких признаков испуга (я бы так не смогла!).

— Так я и думала! Но мне кажется, вы чересчур уж тесно прижимались к сенатору!

Найла промолчала. Ладно, на ее месте, я поступила бы так же. Рада видеть, что эта красивая респектабельная женщина не была круглой дурочкой. «Что вы хотите со мной сделать?» — спросила она.

— Очень немногое, любовь моя! — ответила я.— Я слышала, что у вас где-то здесь комната... мы позаимствуем ее на время.

Как я и рассчитывала, двери распахнулись и вошел Мо, пригнавший двух Лари. Чужой был погружен в уныние, а мой старый наложник кипел от злости. «Найла! Ты тронулась?— спросил он.— Я не знаю, что у тебя в голове, но ты не можешь...»

— Заткнись, милок! — сказала я.— Мы только немножко прогуляемся!

Это не было «немножко», и это трудно было назвать прогулкой, если быть точным. Мы спускались по лестнице — 14 этажей, 28 пролетов — даже внутри отеля были слышны звуки боев на улице и в залах.

Этого оказалось достаточно, чтобы испугаться. Мой Лари занервничал. «Найла, ради Бога! — запыхаясь, он плелся позади меня.— Что ты получишь с этого?.. Эти люди сначала стреляют, а потом спрашивают!»

Я тоже истекала потом и была рада остановиться на минуту. «Никто не сделает это, тупица! — сказала я.— Они сначала спросят, с какой мы стороны. Мы можем оказаться с какой угодно!» Вот только Найла Боуквист! — добавила я про себя. Но кто решится в нее выстрелить? — Во всяком случае, нам осталось только три этажа!

Это было правдой, но что я не приняла во внимание, так это то, что в их времени Вашингтон мог оказаться зоной высокой преступности. Двери лестницы открывались только с одной стороны — хуже того, они были покрыты сталью и висели на таких петлях, которые не вышибешь плечом. Я с сомнением взглянула на Мо и спросила: «Думаешь, мы сможем открыть?»

Он не ответил, если не считать ответом мрачное хрюканье. Отошел в сторону, устремился вперед и ударил в закрытую дверь всем своим весом... более 200 фунтов...

Она не поддалась. Было много шума, но никаких результатов. Мо подпрыгнул на одной ноге, потер другую и кисло взглянул на меня. Я только пожала плечами и сказала: «Попробуй еще разок!» Но прежде, чем Мо смог что-нибудь сделать или возразить, дверь распахнулась и в проеме показался солдат в оливково-зеленой униформе. Он направил на нас автомат и удивился — но не так сильно, как я.

— Кто вы такие, черт побери? — спросил он.

Как я это выдержала, даже не знаю. Возможно потому, что мы были чужаками, или просто он отдышался раньше, но Мо овладел ситуацией. «Полегче с пушкой, приятель! — он оскалился и широко раставил ноги.— Я пытался вывести из огня этих очень

важных персон. Я из ФБР! Сейчас я достану из кармана символ, чтобы доказать это... и сделаю это медленно...»

Так он и сделал. Солдат оказался достаточно молодым и тупым: он подошел ближе, чтобы получше разглядеть жетон — это и было его ошибкой. «Уф!» — только и смог он вымолвить, когда Мо вонзил в его живот нож.

Так мы попали в комнату Боуквист и овладели оружием; однако теперь у нас возникла проблема, чтобы никто не задал нам перцу за вынужденное убийство.

К подушке в комнате Найлы была прикреплена записка: «Дорогая Найла! Они заставляют меня покинуть отель. Я попробую добраться до дома сенатора Кеннеди и буду ждать вас там. Надеюсь, с вами все в порядке, Эми?»

Отсутствие Эми проверять не стоило: шкаф с одеждой распахнут и в ванной включен душ. Я оставила Мо надзирать за дрожащими заложниками и нырнула под душ.

Это было приятно — кроме того, в душе мне приходят в голову самые умные мысли. Я так нуждалась в них, поскольку дело приняло непредвиденный оборот.

Хорошо, что у нас появилось оружие — раньше я такого не видела, но, поскольку прицел, предохранитель, спусковой крючок и банан магазина на месте — я могла без труда с ним справиться. Многие думают, что раз у меня нет больших пальцев, я не могу пользоваться пушкой. В самом деле, некоторые из таких болванов потеряли на этом деньги, а некоторые — еще и кое-что посущественней. Когда вы расстреливаете в подвалах ФБР, вы без труда понимаете основное: в одном конце взрывается черный порох, из другого конца ствола вылетает пуля.

Это не женское дело — но, когда я достаточно натренировалась, стало истинно женским.

Я уж не говорю о занятии любовью, поскольку могу откопать не менее дюжины мужчин, свидетельствующих о том, что женщина я первого сорта! Но думала я под душем совсем о другом — о Найле Боуквист. Волосы просто великолепны; немного косметики — и глаза блестят; каблучки-«шпильки»... Все это было не то! Но я думала именно об этом, когда стояла под горячим душем; мысли блуждали где только можно.

Слишком далеко я не зашла: многое отталкивало обратно к реальности, и реальность эта была отвратительна.

Плохо, что появился труп — он мог подсказать многое...

Но практически, это было несущественно — кругом столько трупов. Хотя мне это не нравилось: я не была прирожденной убийцей. Мне не нравились люди, которые убивали, работая на меня, исключая абсолютную необходимость. И совсем скоро, Мо пожалеет о сделанном.

Скоро, но не сразу — поскольку я сделала другое.

Кончив полоскать волосы, я подумала, что все идет как надо! Обмотав волосы полотенцем, я распахнула дверь приковав к себе

взгляды трех мужчин — и обратилась к Боуквист. «Я хочу одолжить у вас нижнее белье! Вы позволите?» — попросила я достаточно вежливо.

— В этом ящике! — она показала, где. Эта Найла была слишком воспитана, чтобы намекнуть на мою наготу — но, когда я выдвинула ящик, то заметила, что она не скрывает улыбки. Трусики, чулки и лифчики — все они были аккуратно разложены; Эми была просто сокровищем! Я выбрала себе комбинации из белого шелка и одевалась во время разговора.

— Что мы сделаем,— сказала я,— так это то, что украдем портал! Затем уйдем домой!

Все так и обалдели! Особенно, мужчины. Я замечала, что когда они смотрят на обнаженную женщину, они становятся идиотами и не сразу возвращаются к действительности; особенно, когда тело женщины розовое и влажное. Но они достаточно быстро пришли в себя. Мо кивнул, принимая это как указание. Другой Лари был ошеломлен, а мой собственный — огрызнулся: «Ради Господа, Найла! Зачем? Разве ты не видишь, как здесь чудесно? Давай останемся?»

Я покачала головой: «Может быть ты и сможешь забыть все, милый! — сказала я.— Ведь, по правде говоря, дома у тебя нет будущего! Но я работаю на Бюро — они кое-что ожидают от меня... и я доставлю им это!»

— О, дьявол, Найла! — закричал он.— Ты хочешь вернуться туда, где тебя могут посадить в тюрьму только за то, что твоя юбка на три дюйма короче общепринятых норм? В сущности, здесь ведь неплохое место! Раз у них идет война...— Тут его мысли догнали слова, и взгляд Лари стал подозрительным.— Что ты имеешь в виду под «нет будущего»?

Я спокойно объяснила: «Ты ведь не можешь постоянно рассчитывать на мое покровительство... разве не так? Тебя пустят в расход, милейший!.. Я могу взять эти брюки, Боуквист?»

— Но Найла! Ведь и я кое-что сделал...

— Да что ты говоришь, Лари? Ты сам запустил лапки в этот маленький политический скандал — надувательство и мелкое воровство. Я не осуждаю тебя... но наша встреча была ошибкой. Самый лучший способ, чтобы узнать, закрыли ли мы твое дело — это надавить на шефа Бюро. Да закрыли мы его, милый, закрыли! Я просто не говорила тебе!

— Найла! — он заволновался. Другой Лари заметно повеселел: когда кто-то еще крепче попал в переплет, собственные неприятности кажутся менее гнетущими. Оба они были одного поля ягоды — скользкие взгляды и обаяние, посредственность везде и во всем.

— Не расстраивайся, приятель! — застегнув молнию, я посмотрелась в зеркало. Брюки облегали не так плотно, как мне нравилось, но на это не стоило обращать внимания. Я хлопнула его по плечу.— Я получила то, что хотела — да и ты узнал, что желал.

Определенно, я могу поместить тебя в лучшую десятку мужчин, которых знала в постели,— я размотала полотенце и потрогала волосы (еще не высохли!) — Боуквист, я могу одолжить сушилку для волос?

— Фен в ванной,— сказала она и хотела принести, но я остановила.

— Лари, принеси его и включи в розетку! — это я своему собственному. Обиженный, он ушел, и я слышала, как он шумел, открывая дверцы шкафчика.— Что мы будем делать, так это торговаться! Они хотят то, что есть у нас, а я — то, чем обладают они!

— Что же это, босс? — загрохотал Мо, нахмурившись над непонятным выражением.

— Они обладают порталон! А у нас есть заложники! — я любезно улыбнулась другой Найле и другому Лари.— Полагаю, они раскошелятся за одну только Боуквист! — пояснила я свою мысль.— Ведь дружок кинется выручать свою подружку! К несчастью, у него нет портала! Теперь ваша очередь, доктор Дуглас! Я сделала вывод, что кое-кто жаждет заполучить вас еще больше...

— О нет! — крикнул он.— Ради Бога, послушайте! Не возвращайте меня к ним! У меня есть лучшая идея!

— Слушаю! — сказала я, по-прежнему улыбаясь.

— Может быть, нам стоит позаимствовать портал — не знаю, каким образом. Затем мы вернемся в ваше время и я научу, как его делать, как в свое время научил других. Вы же хотели этого. До самой смерти я буду работать на вас, клянусь!

Я подумала. «Возможно, это в какой-то степени, просто! — признала я.— Как мы получим портал? Вот в чем вопрос! — я повернулась к Боуквист.— Здесь можете пригодиться и вы! Как вы считаете, если мы поговорим с вашим славным дружком, он сможет ненадолго устроить нам портал?»

— Понятия не имею! — холодно и едва слышно ответила она. Какие тонкие манеры! Я любовалась Найлой и хотела быть такой же; в какой-то мере, моему подсознанию льстило то, что и я могла быть такой же в ином мире — ведь я, в конечном счете, была ей.— Что?

— Я сказала,— повторила она,— что с вашим дружком, кажется, что-то случилось! — Боуквист посмотрела на дверь ванной.

Через секунду до меня дошло, и я поняла, что она права. Шум в ванной прекратился, но Лари не появлялся. Я распахнула дверь...

Здесь негде спрятаться — и под раковиной, и в отгороженном душе (я раздвинула шторы, чтобы убедиться).

Его здесь нет. Хотя других выходов, через которые он мог ускользнуть, не существовало, в ванной было абсолютно пусто.

На этот раз я очень перепугалась и повернулась к Мо. Хотела сказать, чтобы он заглянул под кровать, или еще куда-нибудь... Выражение лица Мо было очень озадаченным.

Затем выражение исчезло, поскольку не стало самого лица.

Что-то подобное...

Вначале я смотрела на него, а потом сквозь него — потому что, его здесь уже не было. Я видела только окно и оружие, снятое с убитого солдата, которое лежало на подоконнике. Но от самого человека не осталось и следа.

Я вдруг почувствовала себя голой и испуганной. Я не подразумеваю под этим просто обнаженную кожу, как тогда, когда я вышла из душа — я имею в виду беспомощность и беззащитность. Чисто рефлексивно, я прыгнула к автомату.

Но не успела его взять.

Комнату тряхнуло...

И меня тоже не стало...

Они пересекли мокрые зеленые поля Ирландии и находились в 200 милях от Атлантического океана, когда кончили проверку билетов. Это нельзя было назвать смехотворным — пассажиры были взволнованы и раздражены. Они понимали, что что-то здесь не так. Была необъяснимая задержка — они миновали ворота Хизроу, и уже находились в воздухе, но диспетчер просил каждого показать билеты. Что и было выполнено. Принято 640 обедов, в воротах отмечено 640 билетов — но в самолете находилось 639 пассажиров. Кто-то, когда-то, зашел в ворота с одного конца, и не появился на другом. Несмотря на то, что по распечатку с компьютера было проверено каждое сиденье на обоих палубах и во всех шести купе, включая 18 туалетов и 9 багажных отделений... они по-прежнему не знали, что произошло, хотя стало известно имя. «Хорошо! — угрюмо сказал экономист. — По крайней мере, мы знаем, что не ошиблись в подсчете. Но что мы скажем семье этого Джона Гриббина?»

АВГУСТ, 27 1983 г. время: 22.50 майор ДеСОТА, Доминик П.

Быть майором — это значит, не быть им, когда у тебя нет отряда и твои ребята далеко. Там идет сражение. Каждое оружие, протащенное через портал без четверти одиннадцать, уже стреляет. Бой был кровавым — и я знал это: ведь, наблюдая портал возвращения, установленный под мостом, нельзя не видеть возвращающихся. Но я не смотрел на них, а только стоял с зажженной сигаретой в руке и ждал, пока кто-нибудь скажет мне, куда идти, и что там делать.

В целом, операция выглядела все хуже и хуже. Возможно даже, окончательно плохо. Новые группы пехотинцев, уходившие сражаться, уже не были головорезами с гордо поднятыми головами и ясными глазами — ссутулившись, они угрюмо брели в большой черный прямоугольник и молчали. Обратно возвращались единицы...

Те, кто возвращался, лежали на носилках медиков.

Сквозь портал возвращения, я слышал звуки оружейной стрельбы, бабаханье мортир и гранат. Даже воздух — он был более горячим и влажным. Он пах гарью и разбитой штукатуркой, дизельным зловонием танков.

Он пах Смертью!.

При иных обстоятельствах, это была бы прекрасная ночь — я вообразил себе прогулку вдоль реки, как моя рука обнимает прелестную девушку... Конечно, жарковато — но чего иного вы ожи-

дали от августа? Этот вечер был знойным; хотя на небе ни одной звезды, раздавался постоянный «зап-зап» наших стробов (их дюжины). Я думаю, теперь они уже не могли обвести вокруг пальца русские спутники — но они прекрасно смотрелись, освещая дырявые облака.

Тем не менее, обстоятельства складывались плохо. Я был очень далеко от того, чтобы меня могли назвать героем. По крайней мере, мне дали другую одежду — брюки и рубашку из ближайшего супермаркета — и я больше не выглядел таким болваном в взятом напрокат смокинге. Но это ощущение не проходило. Я более чем ничто. Я сделал шаг назад, уступая дорогу громыхающему полугусеничному транспортеру с грузом носилок — и столкнулся с другим безработным зевакой. «Извините!» — сказал я, затем увидел на воротнике генеральские звезды.

— Боже мой! — вымолвил я.

— Нет, майор ДеСота,— грустно сказал генерал Магрудер.— Это всего лишь я!

Генералу трудно перенести подобную горечь — особенно, такому, как Магрудер Крысья Морда. Теперь это был совсем другой человек, чем тот, который пережевывал мою задницу в Нью-Мехико. Он выглядел обреченным, и было легко узнать, почему. Я вежливо, насколько мог, спросил генерала, какой зоной операции командует он сейчас. И ответ Магрудера был краток: «Никакой, ДеСота! Меня сняли и переназначили на форт Леонард Вуд. Вылетаю утром!»

— Оу! — только и мог сказать я. Когда генерала вытаскивают из военных действий и переводят на обучение гарнизона, вы не можете сказать ничего другого. Полагаю, мои мысли были написаны у меня на лбу. Он улыбнулся мне — злорадно.

— Если вы по прежнему тревожитесь за трибунал, не спешите! — сказал он.— По списку, перед вами около сотни людей!

— Рад слышать, сэр! — произнес я.

С удивлением и презрением, он взглянул на меня. «Рад? Я бы не сказал!» Генерал посмотрел на портал, откуда ковылял хромой сержант, поддерживаемый женщиной с лейтенантскими полосками и перевязаной головой. И вспыхнул: «Эта глупая президентская сука! Зачем она заставила нас применить силу?»

— Она чокнутая, сэр! — заискивая, сказал я.

— Чертовски верно, она чокнутая! — сказал он злобно.— По крайней мере, я это понял! И этот проклятый яйцеголовый...

— Сэр?

— Этот ученый! — прорычал он.— Я имею в виду не Дугласа, а нашего собственного! Вы знаете, что сказал он нам теперь? Мы могли не проводить этой дерьмовой операции, а использовать миры, где нет людей!

— Нет людей, сэр?

— Вся эта чертовская раса перебила себя годы назад! — раздраженно крикнул Магрудер.— Он недавно заглянул в эти ми-

ры! Похоже, в семидесятых, у них была ядерная война... Конечно, некоторые миры еще радиоактивны — но остальные-то... И нам никто бы не сопротивлялся! Мы могли послать туда целый флот, свободно пролетать над Россией и устанавливать порталы, где только захотим! Дерьмо! Нам даже не нужно бомбить их самолетами! Стоит только протолкнуть ядерную боеголовку... если надо, тысячу, по всей их дьявольской стране!.. или захватить ее! Хотите по чашечке любимого? — внезапно закончил он.

— Не откажусь!

— Пошли! — и мы пошли к штабу. — Теперь все по е...! — уныло бросил он через плечо.

Генерал сказал, что он хочет кофе. Полковник с газетой уныло взглянул на меня — но я поспешил укрыться за генеральскими звездами. Он ничего не сказал, когда Крысья Морда вынул из кофейника две чашки и протянул одну из них мне.

— Новая операция, генерал... — начал я.

— Да, да! Я полагаю, мы прервем ее! Но мы потеряли много времени!

— Времени, сэр?

— Русские! — пояснил Магрудер. — Они забегали!

Он долго возился с кофе — до точки кипения оставалось только два градуса, и маленький глоток обжег мне горло. Глотка генерала была железной.

— Слова улетучиваются как дым! — устало пояснил он. — Пленники сказали охране, те проболтались подружкам. Раненые поделились с медсестрами — те признались репортерам. Недолго нам удалось сдержать крышку... Какие-нибудь проблемы, полковник? — спросил он у коменданта.

Полковник отложил в сторону газеты и сказал извиняющимся тоном: «Простите, сэр! Но, кажется, этого человека зовут Доминик ДеСота? Да? О, Боже, ДеСота, какого дьявола вы здесь? Вас давно ждут в точке вылазки! Поднимайте свою задницу и дуйте прямо в зоопарк!»

Магрудер прилип ко мне, точно банный лист. Не говоря ни слова, он прыгнул вместе со мной в джип — и я не спорил. Машина рванула с места. На дороге было мало машин: гражданских предупредили, и они больше не высовывались. Дорожные цвета возвращались на свои места, освещенные фарами — а мы пролетали перекрестки, не останавливаясь, пока не свернули на авеню.

Авеню было полностью блокировано. Это напоминало парадный строй в день инагурации, словно эту маленькую улицу наполняла вся военная мощь республики. Офицеры в золотых и малиновых шлемах беспокойно шагали туда-сюда перед транспортом и переговаривались в плечевые рации. Но они готовились не к параду, а к вылазке через портал, за мадам Президент... И еще одна неуместная деталь. Через проход эвакуировали крупных животных, не переносивших шума и стресса. Транспорт, походивший на фургоны для лошадей (но имевший крепкие решетки), уносил

львов, леопардов и горилл. Следом за ними, через горячую Вашингтонскую ночь, обезумевшие сторожа гнали жирафов, зебр и слонов. Наш водитель раздраженно ударил по гудку — бешено заревел в ответ слон. «Вот дерьмо! — закричал Магрудер в мое ухо. — Нам никогда здесь не проехать! Но пройти сможем!»

Даже пешая прогулка не приносила радости. Военный транспорт почти не двигался; увертываясь, они старались не попасть под ноги слонов и не ехать по вспаренным массам слоновьего дерьма. Магрудер Крысья Морда двигался так, словно был защитником, несущим мяч сквозь рукопашные схватки; он что-то кричал через плечо. Я не мог слышать, что именно, не пытался не отставать.

Сквозь портал ничего не проходило.

— Дерьмо! — снова крикнул Магрудер. — Живей!

И он направился к кафетерию зоопарка, где около телеэкрана сгрудились командиры.

— Какие проблемы? — поинтересовался он. Двухзвездный генерал поднял глаза.

— Смотрите сами! — он показал на экран. — Это прямая трансляция со спутника из Женевы, с заседания Лиги Наций.

Толстяк в пенсне читал свою речь прямо в объектив камеры; слышался женский голос, делающий синхронный перевод с русского на английский.

— Русские? — догадался Магрудер.

— А вы догадливы! — сказал генерал-майор. — Это представитель Советов! Видите, какой он сонный — там сейчас около шести утра, и он, наверно, не спал всю ночь.

— Что он сказал? — спросил я.

— Он сказал... — вежливо ответил генерал. — Как же он выразился?.. Что они имеют неопровержимые доказательства того, что мы хотим напасть на их страну через параллельное время. Он заявил, что если мы немедленно не прекратим «агрессию», его народ будет считать, что мы атакуем их собственную страну... Смешно, не правда ли? Русские защищают американский народ от американцев!

Я сглотнул комок в горле: «Что они хотят сделать?»

— Они объявили нам войну! Кажется, это имеется в виду. Делайте ноги! Мы еще задержали дополнительные группы до того момента, пока кто-нибудь не придумает, что делать... И слава Всевышнему, что этот «кто-то» выше меня!

Потому что она была одной из очень немногих, кто мог разобрать невнятную речь мужчины, одной ей позволялось возить его инвалидную коляску по ухабистым древним дорогам колледжа. Но она никак не могла справиться со ступеньками. «Помогите, хоть кто-нибудь!» — крикнула она и обернулась, услышав глубокий вздох. «О нет! Не волнуйтесь, доктор Хоукинг!» Даже в знойную жару английского августа помочь всемирно известному ученому, управлявшему Кэмбриджем, было большой честью. И очень ответственным делом. Когда она вернулась с рослым мужчиной из королевского колледжа, она закричала от неожиданности. «Но он ведь не мог выйти из кресла!» — завыла она. Тем не менее, кресло было пусто, хотя ремни по-прежнему застегнуты, а подножки установлены на уровне его усохших ног...

Стив Хоукинг совсем недавно был здесь.

год 11—110 111—111; месяц 1—000; день 11—101; час 1—010; мин. 11—110
сенатор Доминик ДеСота

Во время прыжка из одного параллельного времени в другое, вы ничего не чувствуете — даже когда знаете, что происходит.

Я не знал.

Все, что я помнил — это то, что в один момент я спускался с лестницы, спеша к своей возлюбленной. Затем, без ощутимой задержки (хотя это могли быть часы, дни), я уже лежал на спине и слышал чей-то сладкий голос. Голос шептал в мое ухо, чтобы я ни с чем не беспокоился — и как раз это начинало меня тревожить. Я знал, что лежу, и был встревожен.

Беспокоилось мое сознание — тело находилось в абсолютном покое и было совершенно расслаблено. Я не думаю, чтобы раньше я был так расслаблен — за исключением тех моментов, когда кувыркался в постели со своей Найлой. Тогда, в узле, мы лежали, абсолютно расслабившись. Я вовсе не намекаю на то, что мое нынешнее состояние было сексуальным... просто я находился в состоянии абсолютного физического покоя.

Но для этого не было повода. Зато было много причин для беспокойства — это показывали мои напрягшиеся мышцы и взвинченные нервы. В поле моего зрения и в области слуха не было ничего успокаивающего. Я лежал на жесткой койке в комнате, очень похожей на морг. Здесь стояло еще около дюжины других кроватей, и на каждой лежало чье-то тело. Пахло медикаментами и чем-то отвратительным... полагаю, как в морге.

Человек, который шептал в мое ухо, также не успокаивал. Он (или она!) не имел(а) лица; вы не можете назвать лицом странную

пустоту телесного цвета между подбородком и волосами. Пустота колебалась, когда раздавался голос, но не открывала черт. Она (или он) говорила: «Вы, должно быть, здорово напуганы, ууу, сенатор, ууу, ДеСота! Расслабьтесь.» И он посмотрел на меня (или она), хотя я и не мог видеть глаз — потому что он(а) прикоснулся(лась) ко мне здесь, потрогал(а) там... и везде, где он (она) прикоснулся, было резкое покалывание или внезапная боль.

Со мной что-то делали. И я позволял это.

Нет, я давал этому произойти! Я не имею в виду, что мне все было безразлично — нет, боялся очень, ужасно. Но здравый рассудок говорил мозгу, что тело мое расслаблено и податливо. Этого даже не нужно объяснять словами; достаточно прикосновений и жестов — и тело мое удерживалось, переворачивалось или представляло свою часть для чего-то.

Однажды я видел нечто подобное, когда Найла-без-пальцев и Мо были усыплены во время нашего бегства из Нью-Мехиканского мотеля... Но они только уснули — здесь было намного, намного хуже. И к тому же, раньше я был простым наблюдателем. Я не мог представить себе унижение своего тела, перевернутого и приподнявшего крестец для финального выстрела.

В этом месте до меня дошло, что я абсолютно голый. Я бы и не заметил этого, если бы не голос: «Вы должны встать и одеться, я потом дождаться остальных у парилки».

Мое любезное тело натянуло на себя шорты, теннисные тапки и майку — все это было сделано из какой-то безразмерной ткани. После этого тело столь же любезно поплыло за мужчиной (женщиной) из бездверной палаты. Здесь не было никаких дверей... Нет, они не появились по мановению волшебной палочки. Случилось так, что он (она) пошел прямо на стену и прошел сквозь нее. Я поступил так же и очутился среди семи-восьми человек, одетых в такую же всеразмерную пляжную одежду бежевого цвета.

И в самом деле, мы были на пляже... или чем-то подобном. Еще это напоминало аэропорт (странная смесь очень современного и дряхлого). Был горячий-горячий летний день, с солончака едкий бриз доносил запах морской воды и мертвой рыбы. Через дорогу поблескивали волны. За обрывком флагштока находился бетонный блок с надписью из вдавленных ракушек. Зимние снега и жар солнца сделали свое дело, но буквы еще различались. «Флойд Беннет Филд».

За приземистым белым зданием, откуда мы только что вышли (в наружной поверхности двери также отсутствовали), появился дельтакрылый самолет с реактивным двигателем, спустил закрылки, повернул двигатели и приземлился в нескольких ярдах за зданием. Прокатился пару футов и остановился совсем. Здание, в свою очередь, начало перемещаться. Оно задрожало, ускорилось и накрыло самолет — через четверть мили с неуклюже раздутым брюхом проскользнуло в другое белое здание. Я повернулся

к счастливому зомби, стоявшему рядом со мной, и сказал: «О, Дороти, я думаю, мы уже не в Канзасе!»

Он раздраженно взглянул на меня — затем выражение смягчилось. «Мы с вами случайно не знакомы?» — спросил этот оживленный покойник.

Приглядевшись получше, я удивился: «Доктор Гриббин? Из Сандии?»

— О, я, наверное, уже в Аду? — сказал он. — А вы тот самый янки-конгрессмен? Вы случайно не знаете, куда мы попали?

Ну как вы ответите на подобное? Пока я раздумывал, что ему сказать, голос за спиной избавил меня от излишних хлопот. «Это параллельное время!» — сказал с умным видом Ники ДеСота. — «Вы разбираетесь в квантовой механике? Хорошо, кажется, Эрвин Шредингер, или кто-то там еще, предположил, что некоторые виды ядерных реакций, которые могут иметь альтернативу, идут двумя путями. Из этого следует, что...»

Я отвернулся, с трудом сдерживаясь от смеха. Какой-то клерк объяснял головоломку Шредингера! И кому? Одному из самых крупных специалистов в мире по этому вопросу! Но у Ники было одно преимущество перед Гриббином: он видел, как все это происходит. Послушать толкование Ники подошел еще один человек, но я не обратил на него внимание и смотрел на чужой мир — удивляясь, почему я здесь, вернусь ли к нормальной жизни в сенате... ладно, это отбросим — больше всего меня интересовало, куда делась моя возлюбленная. В группе счастливых зомби было несколько женщин — но ни одна из них не была мне знакома. Еще здесь находилась безликая персона в белом комбинезоне, перчатках и ботинках — она пыталась загнать нас в автобус. С водителем разговаривала какая-то девушка, но заметив нас, она спрыгнула с подножки и побежала прочь, словно мы были прокаженными.

Я не знал, что и подумать.

И повернулся к Ники и Гриббину. «Будет лучше, если мы сядем в эту штуковину!» — сказал я.

Гриббин озадаченно посмотрел на меня, затем снова на Ники. «Вы двойники!» — крикнул он.

Ники улыбнулся. «Частично, да! — согласился он. — А вы разве не заметили? Вас тоже двое!» И он показал на человека, стоявшего рядом с отвисшей челюстью и выпучившего глаза на Гриббина.

Он изумленно потрогал свое собственное лицо, словно не замечал его раньше. «Кровавый жуткий Ад!» — сказал второй Гриббин, сделав для себя окончательный вывод.

Какими бы пилюлями они нас не нафаршировали, их действие подходило к концу. Мой приятель-свечка начинал возражать безликому пастуху — и не всегда вежливо. По мере того, как действие наркотика проходило, моя самоуверенность возрастала. Как

и Ники, я пробовал раньше эту гадость — никакого удовольствия не было, а только меньше раздражались нервы.

Насколько я мог судить, из нашей Вашингтонской команды в это группу посчастливилось попасть только мне и Ники. Меня не тревожило отсутствие еще одного Дома, не говоря уж о русских и паре Лари Дугласов. Но вот что здесь не было Найлы — это уже хуже. Мне очень хотелось узнать у кого-нибудь, смогу ли я снова увидеть свою Найлу — но все терзались собственными вопросами, были возбуждены и напуганы больше меня. «Что происходит?» — спросил один из Гриббинов, и безликое ответило:

— Проходите в парилку. Пожалуйста, садитесь и ждите!

И он (или она) отвернулся, когда кто-то схватил ее (его) за рукав. «Я не знаю, где я, но когда же, наконец, я узнаю, кто заказывает музыку? Мне срочно необходимо в лабораторию! — он продолжал протестовать.— Сейчас там должна начаться встреча на высшем уровне! Если меня там не будет, это обойдется нам в половину дотации на следующий финансовый год...» — он с негодованием замолчал, потому что безликий расхохотался ему в лицо.

— И об этом-то вы сейчас беспокоитесь?..— пояснил он(а) снисходительно.— Прошу вас, в парилку, пожалуйста!

Я решил, что лучшей альтернативы не было, и сел в эту штуковину, заняв ближайшее место — Ники проскользнул рядом.

Когда безликая назвала это «парилкой», я немедленно перевел это в «судно на воздушной подушке». Так оно и оказалось! Я никогда не был в подобных машинах, но когда почувствовал легкое трепетание, и мы начали скользить над треснувшим бетоном к дороге, я был полностью уверен в этом.

Дорогой это можно назвать только с большой натяжкой — ею не пользовались долгое-долгое время. Широкая и пустынная, она вытягивалась под нами и тянулась к дальнему городу, едва видневшемуся на горизонте.

Я видел преимущества транспорта на ВП; с такими рытвинами и неровным асфальтом не проехать ни на каких колесах. По большим ямам когда-то прошлись бульдозерами, и никто не убирал в стороны случайные кучи ржавчины, которые раньше назывались автомобилями. Встречались места, где болотная рогоза полностью скрыла асфальт — и я видел камыши и вспорхнувших птиц. Всякий раз, когда парилка сворачивала и наша цель была видна отчетливо, я внимательно всматривался в дальний горизонт. Иногда это казалось чем-то знакомым...

Подпрыгнув от волнения в соседнем кресле, Ники ДеСота крикнул: «Черт побери, это же... Нью-Йорк! Я еще не был в этой части города...— улыбаясь, он пихнул меня локтем.— Ты заметил, эта штука с кондиционером!»

— Ну и прекрасно! — сказал я (это все, конечно, было интересно, но меня больше интересовало то, что впереди нас). Около отделения водителя располагался отгороженный отсек, внутри

которого и находилась женщина (мужчина), которая привела нас к автобусу. То, что она делала, ясно обозначило пол. Наклонив лицо, она вцепилась в него рукой и потянула,— Вау! — пустота телесного цвета соскользнула и осталась в руке. Теперь здесь находилось настоящее лицо — и, кстати, довольно прелестное. Она распахнула комбинезон, открыв еще более веские доказательства женственности, и повернулась к нам.

— Доброе утро! — раздалось из внутренней связи.

За мной крикнул Ники: «Доброе утро!» — так же поступили и другие, словно пятилетки в школьной группе.

— Теперь,— продолжала она,— ваши транквилизаторы перестали действовать и я объясню, что произошло. Есть новости хорошие и плохие. Начнем с хорошей: через ути-пут дней вы будете иметь право свободно передвигаться по нашему прекрасному миру. Теперь плохая: вы останетесь здесь навсегда!

Женщина улыбнулась — наступила пауза, затем градом посыпались вопросы. Ее ласковая улыбка не исчезла. «Я еще не успела подключить обратную связь — поэтому пообщайтесь пока между собой. Потом я расскажу вам, что произошло и почему, что вам следует ждать от будущего; затем настанет время для вопросов. Через тотер-тот минут мы подъедем к вашему отелю».

Она улыбнулась нам еще раз и отвернулась к водителю.

Все это называлось поездкой, но происходило слишком многое. Вероятно, при рождении я испытывал подобные чувства — сейчас я был завален новизной всего. Как и все... кроме Ники — он все воспринимал успешно и радовался новому прекрасному чужеземлью.

Я так не мог. И удивился бы больше, чем кто-либо другой, если бы снова увидел Найлу.

Хоть одну...

Когда мы миновали соленую воду, женщина начала объяснения. Мы пролетали вдоль широкой авеню между рядами развалин и выжженых магазинчиков на первых этажах. Два-три раза мы сбавляли скорость, пропуская встречные парилки (водители приветствовали друг друга рукой). Некоторые парилки были абсолютно пусты. На улицах ни души — я видел черепах, размером с большое блюдо, которые грелись на дороге; видел свернувшуюся в клубок змею (уверен — гремучая!). Она лежала неподвижно, хотя голова приподнялась и глаза-бусинки взглянули на нас. Я видел, как лиса преследует кролика — он безумно петлял вдоль того, что когда-то было тротуаром. Шум наших вентиляторов рассек воздух, и они мелькнули где-то под нами.

И я слушал.

Вначале она вынесла нам приговор изгнания. «Неконтролируемая эксплуатация порталов паравремени,— осуждающе произнесла она,— должна была привести к хаосу — и мы решили прекратить все это! Мы переместили всех основных экспериментаторов и людей из перемещенных времен на эту планету... В то же

время, мы привели все центры по исследованию паравремени в опасное для жизни состояние с помощью индуктированной радиации. У нас не было другого выхода... или убить всех».

Я потянулся и зевнул. Мы продолжали движение, не обращая внимание на высокие неопрятные деревья, тянувшиеся к нам со всех сторон. Впереди была сфера двадцатиэтажных зданий — до самого высокого рукой подать. У них всех были выбиты стекла, и их стены обвивал густой плющ.

«Когда-то,— говорила женщина,— эта планета стала необитаемой для людей. Здесь была война — они называли ее мировой — и кто-то решился использовать биологическое оружие. Все люди умерли — и не только они... Практически, здесь вымерли все приматы... не осталось даже горилл... но все остальное выжило».

Она мельком взглянула на запястье, словно там находилась шпаргалка. «Да, еще! Не бойтесь заболеть — вам сделана предохранительная прививка против заражения. И, уж конечно, против всех занесенных вами микроорганизмов, у вас была целая смесь вирусов!» — у нее на щеках выступили ямочки. Возможно, здесь было что-то обнадеживающее, и мы улыбнулись в ответ. «Во всяком случае, некоторые из паравремен начали использовать планету с целью колонизации — люди покидали свои дома по той или иной причине. Как правило, это была засуха или что-то подобное. Конечно, всегда найдутся люди, которые хотят стать пионерами. К вашему счастью, здесь уже создана целая инфраструктура. Это один из немногих пригодных к жизни городов — пригодный более-менее — но все же вам, в основном, следует переселяться на фермы. В конце концов, еда — это самое главное!»

Никто из нас не улыбнулся — в своем времени каждый из нас был кем угодно, но только не фермером.

И я начинал сомневаться в социальной полезности должности сенатора — что мог он принести новому миру?

Скользнув вниз с холма, мы подплыли к еще более высокому зданию — небоскребу с часами на вершине. (С одной стороны — три с четвертью; с другой — где-то между 10 и 11.) Под нами потянулась заржавелая трамвайная линия — впереди возвышался ржавый скелет трамвая. Мысль, что мы пройдемся под этими столбиками, была мне не по душе. Но водитель знал, что делает. Медленно проплыв под дюжиной блоков, мы снова набрали скорость и свернули в сторону.

— Вопросы есть? — весело опросила женщина.

Первым вылез Ники. «Что такое — тотер-тот?» — спросил он.

Женщина удивилась: «Что?»

— Вы говорили, что это займет «тотер-тот» минут — и я не понял, что это значит.

Прелестная мордашка прояснилась: «Ах, да! Я совсем забыла. У вас десятичная система? Дайте подумать! Умм! — она снова посмотрела на запястье.— Все путешествие заняло около четы-

рех-пяти минут... Около, умм, двадцати минут... Другие вопросы есть?»

Руку поднял один из Гриббинов. «Один большой, мисс! — произнес он. — Я специалист по квантовой механике и не знаю, с какой стороны подходить к плугу!»

— Разумеется! — поддержала женщина. — Это очень серьезная проблема. Нам нужны фермеры, рабочие и инженеры. Но здесь есть программа по переподготовке.

Она задорно улыбнулась, и мы внезапно откликнулись на улыбку.

В фургоне стали бросаться словами туда-сюда, но вопросы были нечеткими. Возможно, никто из нас не интересовался ответами. Лично я смотрел вперед, вытянув шею — мельком увидел мост. Мне было страшно пересечь Ист-ривер по мосту, который не красили полвека.

Женщина продолжала расточать улыбки. «Если кто-нибудь из вас жаждет немедленно приступить к работе, нам нужны повара и уборщики, разнорабочие для отеля. Видите ли, в период карантина вам придется все делать самим. И вы будете трудиться».

Я не слушал. Напрягся, когда мы направились к разрушенному подступу, расслабился, когда свернули в сторону, и снова встревожился, когда мы поехали к воде. Где мы возьмем паром? Переплывем вплавь или остановимся здесь? На том берегу виднелись обещанные нам заплесневелые небоскребы.

Ничего подобного! Мы не остановились, а скользнули вниз в грязную реку, поплыли над водой так же легко и уверенно, как парили над ямами старых городских улиц. В дальнем конце реки виднелись останки пирса — голые купальщики равнодушно смотрели на нас. Их больше интересовал свой парень, который вынырнул в нескольких дюжинах ярдов, оглянулся на них своими защитными очками, с удовольствием выплюнул воду и взмахнул четырехфутовой рыбой, бьющейся на конце гарпуна.

По крайней мере, эту часть Нью-Йорка я знал — признал Кэнал-стрит, хотя указатели давно заржавели. Я не узнавал улиц, через которые мы проносились — но почти признал Пятую авеню. Сбивало с толку то, что здесь не было Эмпайр Стейт Бидинга, по иному выглядела 34-я улица. Любопытно, что на следующем перекрестке над улицей возвышались останки паукообразной полицейской будки.

Здесь мы снова остановились — водитель и наш гид натянули свои телесные маски. «Это здесь! — громко сказала женщина. — Когда-то, это называлось отелем Плаца. Возможно, он несколько устарел и покрылся плесенью... но, мои друзья, зато какой здесь восхитительный вид на Центральный парк!»

Мы разместились по номерам старого отеля и получили еду. Отныне, мы назывались «Перемещенными Паравременными Лицами» — или ППЛ, для краткости. Неделю находились на карантине — достаточно долго. И, хотя мы сможем через несколько

дней покинуть отель, нам уже никогда не выбраться из этого особенного паравремени.

Мы находились на вечном хранении.

В старом «Плаца» было уйма работы — женщина не обманывала: в моем собственном 1983-м от рождества Христова, насколько я помнил, это было прекрасным местом. В полночь сюда, к ближайшему фонтану, выходили играть Скотт и Зелда Фитцджеральд.

Конечно, отель не обслуживали вот уже 60 лет — не было человеческого персонала. В ресторане на нулевом этаже устоялся противный запах звериного логова (так и оказалось). Четверть окон было разбито, но некоторые уже были заменены пластиковой пленкой. В некоторых номерах, из крана бежала ржавая вода, в других ее не было совсем. Мебель пребывала в плачевном состоянии, особенно, кровати. Хлопок превратился в плесень, плесень — в пыль, пружины матрасов — в ржавчину. Прежде, чем мы легли спать, нам с Ники пришлось основательно потрудиться, изготовляя новые постельные принадлежности. Поперек кровати положили деревянные доски, все еще пахнущие лесопилкой; на доски осторожно положили дырявые матрасы... определенно, вполне сносно! Иногда мы сдували с пальцев капли крови, подтверждая это силой своего голоса. Разумеется, мы уже не стали беспокоиться о шерстяных одеялах. В этом Нью-Йоркском отеле, похоже, не приходилось думать и о кондиционере.

Не все в комнате было рассыпающейся стариной — одна вещь была очень новая. Вначале я подумал, что это телевизор — но приводило в замешательство наличие подсоединенной клавиатуры. Когда Ники, в порядке эксперимента, нажал кнопку ВКЛ, экран вспыхнул, и на розовом фоне появились черные буквы: «Привет! Какой ваш личный код?»

Этого мы не знали и никак не смогли удовлетворить свое любопытство — штуковина долго и упорно отказывалась работать. Неважно, какие клавиши мы нажимали — работала только одна кнопка с пометкой ВЫКЛ.

День промелькнул быстро. Когда солнце село, наш люкс сделался вполне пригодным для жизни... более или менее. Мы получили полотенца и подушки, приличную одежду и мыло, а также остальные вещи, необходимые для выживания. Мы узнали, как открываются пластиковые щиты на окнах, и проветрили помещение — блаженству помешало то, что вместе со свежим воздухом в помещение влетели рои москитов с той самой зелени, которая была когда-то ухоженым Центральным парком. Их привлек свет в окнах, и нам пришлось погасить лампы.

Мы очень устали. Я почистил зубы и, когда Ники делал то же самое, полюбовался видом парка — действительно чудесным, как и обещала наша проводница, хотя и чужим. Когда-то в нем было многолюдно, внизу ездило много машин — сейчас не было ни-

чего подобного. В небе ярко сияли звезды, чего я никогда не видел в Нью-Йорк-сити своего времени.

Это был мертвый город — лишь только небольшое пространство вокруг отеля было центром инфекции, куда снова начинала вторгаться жизнь.

И это был пустой город — для меня совершенно безлюдный, потому что здесь не было Найлы Боуквист.

Поражало еще одно обстоятельство: быть может, в моем собственном времени Найла стояла здесь, в этой самой комнате. Я знал, что когда она играла в Карнеги Холл, она останавливалась в «Плаце» — зал находился в нескольких кварталах отсюда. Вполне возможно, она стояла у этого окна и смотрела на ухоженые газоны, спортплощадки у озера, велосипеды у входа в парк, миллионы машин, ползущих по прилегающим улицам. Я видел временные сооружения в форме пузырей и лампы, установленные над одним из расчищенных участков.

Я осознал, что сзади меня стоит Ники и расчесывает мокрые волосы. «Разве это не прекрасно, Дом?» — спросил он.

Я посмотрел на него с неоправданным раздражением — Ники не виноват, что он не Найла. «О чем ты говоришь, Ники? Это изгнание, и мы останемся здесь навсегда».

Он сказал с сочувствием в голосе: «Я знаю, что тебе трудно, Дом! Ты потерял многое, я — нет. Но это не только изгнание! Это совершенно новый мир! Рай! Они подарили нам новую жизнь!»

— Мне она не нужна! — сказал я.— Во всяком случае, они сделали это не ради нас!

— Ладно, Дом, это так! — он скромно отвернулся, одевая пижамные брюки.— Но, согласись, они вложили в это дело массу усилий. Они подготовили этот район — знаешь, сколько здесь было работы? Починить водопровод, восстановить электростанции. Очистить город от мусора — я не имею в виду сгнившее постельное белье. Здесь умерли люди, и остались их трупы... скелеты, по крайней мере. Кто-то вывез их отсюда, прежде, чем прибыли мы.

— Возможно, они сделали это для себя, имея собственные намерения! — возразил я.

— Но и мы извлекли отсюда выгоду! — заметил он.

— Нас изгнали сюда — это и для их собственного блага! Они беспокоились о своей монополии на паравремена!

Ники задумчиво взглянул на меня и залез на кровать. «Их это не волнует,— сказал он.— Они доставили нас сюда, накормили, дали нам жилье и одежду...»

— Верно! Как еще они могли прекратить наши исследования?

— Ну ладно! — он укутался в простыню.— Думаю, кое-кто мог позаботиться по-другому: просто убить нас... Спокойной ночи, Дом!

После франко-индокитайских войн многие племена не смогли ужиться с новым правительством, и некоторые из них уехали

в Америку. В моем штате осела одна такая колония — из восемнадцати сотен беженцев, которые никогда не видели поезд и телевизор, не знали, что такое газовая плита или пылесос. Разговор о культуре потрясал. Нам не приходилось учить их управлению автомобилем или газонокосилками: это сразу ложило их на обе лопатки. Мы учили дикарей, как открывать банки с пивом и использовать кредитные карточки. Объясняли, почему на красный свет надо стоять, а идти — на зеленый. Почему надо мочиться в туалете, даже если вы можете уйти в кустики. Когда я прибыл вместе с делегацией конгрессменов к этим Мисс из Карбональ, то очень жалел их — и немало забавлялся.

Если бы хоть один из них появился в «Плаце», мы оказались бы на одинаковом уровне. Я был так же растерян и смущен — но юмора здесь было мало.

Первый день Ники и я потратили на элементы искусства выживания в этом мире. То, что я усвоил к концу дня, оказалось еще трудней, чем выглядело. В этом нам помогала консоль, находившаяся в комнате — это было не только телевизором, но и телефоном, компьютером и будильником. Мы узнали, что нашим личным кодом является любое слово или фраза из десяти букв. Я выбрал: «Найла-моя-любовь». Нам нужно было многому научиться, и эта штука терпеливо учила нас всему. Из предложенного нам меню мы могли найти ответ на любой вопрос, даже на такой, какой и не думали задавать. Например, мы узнали, что наша комната и еда не бесплатны — они предоставлены в кредит — рано или поздно мы должны были либо расплатиться, либо умереть с голоду. Но как расплатиться? Ладно, для начала была работа и в отеле: делать кровати, чистить комнаты, готовить еду и передвигать мебель. Кроме того на моем континенте и повсюду в мире — целая технологическая инфраструктура нуждалась в рабочих руках. Колонисты-добровольцы сделали много, но их было недостаточно.

Я не знал, чем я могу помочь: им были нужны водопроводчики и рабочие, механики и электрики — люди, которые могли что-нибудь создавать и ремонтировать. Для сенаторов не оставалось ни одной лазейки — как и для квантовых физиков, которые составляли большую часть ППЛ. Наиболее полезными могли сказаться коты — люди, которые оказались вне своего времени. В основном, это были двадцатидвухлетние парни из армии захватчиков — их было сотни в нашем отеле и тысячи в других местах.

Когда мы научились пользоваться комсетом, мы первым делом узнали размещение других ППЛ. Основное меню было простым алфавитом... дело оказалось безнадежным — там было 19 Стивов Хоукингов, не говоря уже о 9 Домиников ДеСота (к счастью, в этом городе нас было только четверо — остальные прошли карантин и куда-нибудь уехали). Было еще меню по последовательности времен — из моего времени здесь было 60 человек...

Но ни один из них не был Найлой Христоф Боуквист.

Когда на третий день мы спускались сдавать анализы крови, Ники нервничал. Основание для некоторой нервозности было: позарез нужно оказаться здоровыми. Мы прибыли сюда из различных паравремен, провоняв микробами, вирусами и прочей мерзостью всех сортов, но наши хозяева не терпели болезней. В их мирах оспа, туберкулез, рак и обычные болезни не могли существовать долго... даже грипп или венерические, даже кариес зубов. И они не хотели пропустить их сюда. Поэтому, пока мы были без сознания, они сделали все необходимые инъекции и теперь, дважды в день, собирали анализы нашей крови. Чистая кровь подразумевала некоторые привилегии. Если сегодня мы по-прежнему будем чисты, то сможем перейти с изнурительной работы по передвижению мебели на более изящную — раздавать пищу. Если и завтра все будет в порядке, нам могут разрешить выйти на улицу. По крайней мере, мы сможем посетить остальные отели и встретиться с друзьями из нашего времени, если нельзя побегать в парке и подышать свежим воздухом.

Чтобы так тревожиться, этого было явно недостаточно. Когда утром мы сдавали кровь, я спросил у Ники, чем он встревожен. «Будущим! — ответил тот. — Своим будущим. Я начал новую жизнь и хочу что-нибудь делать... но, кажется, в этом Эдеме не очень-то нуждаются в маклерах!»

— Или сенаторах! — заметил я, но он не слушал.

— Я полагаю, здесь должны быть банки! — сказал он, указывая, куда передвигать мебель. — Но я не заметил в их списке ничего подобного... И эта дьявольская арифметика сводит меня с ума!

Он разбирался в ней лучше меня: двоичные числа так запугали меня, что я даже не пытался их понять, когда на комсете возникала такая необходимость.

Я понял, что сказанное мной все же проникло сквозь туман его мыслей, потому что Ники подмигнул мне и сказал: «О'да! Ты тоже. Но я не знаю, Дом, кем ты был до того, как стал сенатором».

Я рассмеялся: «Юристом!»

— Оу! — сказал он с симпатией. — У них они тоже не нужны?

Он остановился и кивнул мастеру. «Докладывай, Чак, — сказал он, — что ты приготовил нам на утро?»

«Кучу дел», — лаконично ответил Чак. Это был негр, одетый в униформу с лейтенантскими полосками — в армии захватчиков он командовал танком и был моим врагом... кажется, это уже не имеет значения. Он отличался от нас только тем, что прибыл на сутки раньше, поэтому, он был мастером, а мы грузчиками. «В полдень прибыло 75 новичков, поэтому вы должны очистить от хлама девятый этаж».

Все, кого мы видели, были ППЛ — Котом была даже женщина, бравшая анализы крови... ладно, Котами были мы все —

последние пять лет, планета была полностью свободна от людей. Но и Коты были разными — настоящие колонисты не жили в отеле. Иногда мы видели, как один из них приходил в защитном костюме с маской и забирал анализы крови или отдавал приказы. Такие колонисты не задерживались.

То, что я знал о них, было немного — в основном то, что по крупицам удалось собрать из комсета. Настоящие поселенцы прибыли не из одного, а из целой ассоциации паравремен... восемнадцати-двадцати различных миров. От нас они отличались только тем, что научились управлять созданными коммуникациями на четверть века раньше.

Для них это было нелегко. У них были те же самые ужасные времена с «баллистическим отскоком» — прежде, чем они научились сводить его до минимума — в основном, посредством ограничений количества межвременных туннелей и осторожной эксплуатацией порталов. Они начали колонизацию пустых миров.

И в этом были достоинства — проблемой паравремен занимались в двадцать раз больше; кроме того у них было преимущество в том, что они могли заглядывать внутрь множества миров.

Короче говоря, их эволюция и исследования продвигались в сотни раз быстрее наших: они учились тому, что знали другие. Из одного мира они получили компьютерную технологию, из другого — космические спутники, термоядерный синтез, генетическую инженерию, волшебную химию и изумительную медицину... все это они получили из иных времен.

У меня было много времени подумать, пока мы трудились на девятом этаже — Ники не отличался особой разговорчивостью и терзался своими вопросами. Вот только когда мы сбрасывали последний ящик сгнивших рубашек в старый чемодан из свиной кожи и тащили его к лифту — тут, кажется, он и проявился. Именно здесь он сказал: «А тут не так уж и плохо! Верно, Дом?»

— Поживем — увидим! — сказал я, спускаясь по лестнице.

Ники покачал головой: «Нам трудно,— сказал он,— потому что нас не спрашивали. Но истинные поселенцы пришли сюда по своей воле, и, думаю, поступили правильно. Целая новая планета, Дом! Черт побери, у меня была подобная мысль! Неисследованная, о которой мы ничего не знаем!»

Я остановился, поджидая его. «Как это?»

— Это наша собственная планета. Все ресурсы нанесены на карты. Если вы нашли месторождения нефти на Аляске, а британцы из моего времени в Аравии... это еще существует в этом мире! Нас ждут природные богатства! И чистые озера, реки, несрубленные леса и прозрачное небо... вот здорово, Дом! Тебя это не трогает?

— Меня больше интересует, что у нас на ужин!

— Ох, Дом! Ты думаешь совсем о не о том!

Я упрямо возразил: «Нет, я действительно имею это в виду, поскольку не хочу думать о будущем. Ники, мне не по душе

мысль, что я буду находиться в этой ловушке постоянно... я хочу вернуться домой!»

Он задумчиво посмотрел на меня и ничего не сказал... я тоже — мы спустились на шесть пролетов. Только когда дошли до ресторана, Ники повернулся ко мне. «Дом! — спросил он. — Ты слышал, как кто-то говорил, что мы не сможем вернуться домой?»

— Ну хорошо, слышал! — раздраженно ответил я. — Что ты думаешь об этом? Поскольку все мы пойманы, они закрыли порталы — запечатали нас, чтобы мы ничего не испортили «баллистическим отскоком». Поэтому мы торчим здесь. Ты думаешь, нам удастся построить свой собственный портал?

Он покачал головой: «Они не допустят этого и будут постоянно присматривать за нами».

— Тогда не болтай глупостей! — огрызнулся я. И не извинился — я был усталым и раздраженным.

Ники был таким же. «Какого дьявола ты намекаешь на мою глупость, ДеСота? — рассердился он. — Возможно, в своем времени ты действительно был большим человеком — но здесь ты такой же ППЛ, как и я!»

Разумеется, он был прав. Дурные привычки сохраняются — я начинал думать, что мое второе «я» — зануда. Мое отношение к Ники можно было назвать терпимостью, еще точнее — презрением.

Он этого не заслуживал. Я презирал в нем всего лишь отражение своей худшей стороны, о которой я не любил вспоминать. Стороны, удерживающей Найлу Боуквист в трусливом адюльтере — ведь у меня не было храбрости принять правильное решение... выбор оставался открытым, и все другие Найлы были искушением. Ники был иной — со всеми хорошими и плохими сторонами. Он носил такие же шорты и рубашку этого нового Эдема, как и я (мой спортивный костюм теперь не более, чем зола в крематории), он походил на меня, и все внутри было то же самое. «Ники! — сказал я, садясь за стол. — Я извиняюсь!»

Он улыбнулся: «Все нормально, Дом!»

— Мы поднялись против хаоса, — извинился я.

Он твердо сказал: «Мы поднялись не против кучки суперменов, Дом! Это тот же самый народ — просто они знают больше нас — ведь у многих они свистнули знания... но они не ловкачи! Их август 1983 такой же, как ваш и мой! Они не из будущего! Они — это мы сами!»

Я подумал. «Хорошо, ты прав! — сказал я. — Об этом ты и думал раньше? Мы их догоним и сможем делать, что хотим, не имея на то разрешение?»

ДеСота опустил лицо и пробормотал: «Не совсем так!» Он не объяснил, что хочет этим сказать, а я не настаивал.

Как я узнал позже — немного позже — это было ошибкой.

Когда я впервые получил назначение в сенат, я мгновенно научился новой жизни. Была масса привилегий — и я учился их использовать. В лифте я имел право ездить один — неважно, сколько людей ждет на других этажах. Право на пользование маленьким метро, доставляющим нас из офиса в Капитолий. Неприкосновенность корреспонденции. Посещение сауны и спортзала — только для сенаторов. Я также учился и менее приятным вещам: например, на публике я всегда обязан появляться чисто выбритым и должен отвечать на любое приветствие прохожих (ведь вы не можете знать, кто будет вашим избирателем). Первые недели я не вспоминал свою прежнюю жизнь в Чикаго.

Здесь было то же самое — почти. Приходилось столько учиться, что я почти забыл покинутый мир. Я забыл о фермерском законопроекте. Я забыл войну, бушевавшую во время моего похищения. Я забыл Морилин... впрочем, это не в первый раз.

Я не забыл Найлу!

Казалось, что я никогда не увижу ее и потерял что-то очень важное. Все, что говорил об этом мире Ники, правда. Я мог вообразить себе, что однажды мой переходный период пройдет, и я построю для себя чудесную жизнь в этом новом Эдеме. Смогу производить вещи, встречу красивую женщину, женюсь на ней и наделаю кучу детишек, буду счастлив... но как я смогу жить без Найлы? Это будет второй жизнью. Сомнения не проходили.

На четвертый день нас признали достаточно чистыми и это подразумевало привилегии. По первой из них нас послали перебирать пищу — большой шаг наверх! По второй мы могли выйти наружу.

Если быть честным, мы не могли бродить где попало и портить чистый воздух Эдема своим по-прежнему потенциально нечистым дыханием — Ники и я получили пропуск, комбинезон и микропоровые маски. И разошлись в разные стороны.

Я думал встретиться со знакомыми в одном из соседних отелей. По комсету я узнал, что ДеСота-физик поселился на углу через сквер.

Днем раньше прошел проливной ливень. Воздух был влажным и прохладным; высокие деревья, вытягивающиеся вверх, качались на ветру. На улице было порядочно людей — они бродили или куда-то спешили. Некоторые были такие же безликие, как и я — остальные сторонились нас. Я был беспечен: как только я вышел из отеля, мое настроение сразу же поднялось. Я хотел, чтобы и Найла была здесь — мы прошлись бы под руку по улицам этого изумительного нового мира, но и без нее мне было весело. Когда я входил в вестибюль «Пьера», я засиял от радости: первое же лицо, которое я встретил, оказалось знакомым. Он сидел за регистрационным столом и что-то кричал в старый телефон. «Вы который?» — спросил я, стягивая маску. Он разозлился.

— Я тот, с кем вы имели хлопоты в первом месте, подонок! —

резко сказал он. Поскольку он не мог быть Лаврентием Джугашвили или ученым, он был мошенником из паравремени Тау.

— Я не тот, на кого вы подумали! — сказал я. — Я сенатор, а Ники — мой товарищ по комнате в «Плаце».

— Надеюсь, он там сдохнет! — Дуглас положил трубку и пожал плечами. — О, дьявол! Простите, я не хотел вас обидеть! Забудем это — хотите чашечку кофе?

Короче, он старался казаться любезным. И у него было кофе! Даже здесь есть преимущество в знакомстве с мошенником. Мы сели и поболтали. Я рассказал ему обо мне и Ники. Он рассказал о себе — более, чем я хотел узнать. В первую ночь он разместился с ФэБээРовцем Мо. Дуглас заметил мой взгляд и пожал плечами: «Возможно, я уже говорил — забудем прошлое!» Но Мо нашел другого Мо — свою копию — и они решили поселиться вдвоем. Более того — они узнали, что здесь есть третий, и после карантина собираются уехать вместе, может быть, на постройку газопровода Техас — Южная Калифорния; может быть, в бригаду первопроходцев или на построение плотины в Алабане — они назвали место Масие Шоало. Там всегда находится много работы для здоровенных парней. А знаю ли я, что и Найла здесь, в отеле?

Внезапный прилив надежды и разочарование — ну конечно же, он говорил о женщине из ФБР.

Я допил остатки кофе, пропуская остальные сплетни Лари Дугласа мимо ушей. Моя голова наполнилась вопросами морали. Найла, которую, я любил, была безнадежно недосягаема.

Мог ли я устроиться с другой Найлой?

Я даже не задавался вопросом, поселится ли со мной эта упрямая полицейская ищейка. Это не имело значения.

Ответ крылся в моей, а не ее голове. Что я любил? Было ли это физически материальным женским телом, в котором я находил так много удовлетворения? Были ли это особенности и привлекательные черты Найлы, которая великолепно играла на скрипке, была во власти страсти и добра во всех отношениях? Любил ли я Найлу Боуквист, менее, если бы она не видела разницы между Брамсом и Бетховеном, или не очаровывала и волновала элиту? Одним словом, буду ли я любишь ее — незнаменитую?

Или, спустившись к вопросу, на который нет ответа, что я понимаю под «любимой»?

Когда вы любуетесь собственным пупом, очень трудно следить за реальным миром. Я не удивился, когда Лари прекратил свою болтовню и с подозрением покосился на меня. «Извините, я задумался!» — сказал я.

Он фыркнул. «Может быть, вы, наконец, скажете, зачем пришли сюда?» — спросил он.

— Я пришел взглянуть на Доминика ДеСоту-ученого.

— А, его! Здесь их целая куча — в своем времени они говорили о паравремени и всех этих штуках! Здесь даже двое меня. Вероятно, вы найдете их в баре...»

Так я и поступил. Как он и сказал, в баре было десять-одиннадцать человек — они пили пиво и оживленно разговаривали. Двое из них были Лари Дугласани, четверо — Стивани Хоукингами (в том или ином состоянии здоровья), двое — Джонами Гриббинами (образцы которых я встретил в Флойд Беннет). Они даже не взглянули на меня — как и пояснил пройдоха, они обменивались наблюдениями.

Пройдя в бар, я выдернул одну из банок пива и сел, наполовину слушая их и наполовину размышляя над своими проблемами. Думалось легко, поскольку их разговор нисколько не мешал моим мыслям. Я не понимал ни единого их слова. «Мы начали с расщепления ольтрона!» — говорил один из них, а другой прерывал: — «Постойте, а что вы называете ольтроном?» Первый говорил ему что-то подобное: — «Это обозначает лучевой поток, имеющий расхождение в пяти точках». Другой удивлялся. — «Расхождения?» И они чертили диафрагмы реакций частиц, пока один из них не сказал: — «О' вы имеете в виду тела Ньютона? Верно! Это расщепляется на альфа-А и гиммел, верно?» И они все начинали по новой... Я пропускал это мимо ушей — тут пришел Доминик ДеСота и заметил меня.

— Эй, Дом! — удивился он. — Ты уже вернулся? Слушай, Гриббины сказали мне, что на своих ускорителях они использовали пластины из ванадия — результат получился вдвое лучше. Что ты об этом думаешь?

Я улыбнулся и признался: «Ничего! Я, Дом, тот, который сенатор, с которым ты был в Вашингтоне, когда нас похитили».

— Ах, тот! — сказал, забавляясь, доктор. — Ладно, я тоже не тот Дом! Он пошел проведать свою жену.

Я моргнул: «Тогда ладно, передай ему, что я заходил!» Отвернувшись, я подумал, что было бы неплохо, если бы вместо бесполой женщины похитили мою Найлу... и тогда...

Я осекся, сглотнув комок.

— Эй! — сказал я. — Они же не похищали его жену — ведь она не работала над паравременем и находится в собственном мире!

— Разумеется, она не занималась паравременем! — другой Дом озадаченно посмотрел на меня. — Он попросил, чтобы она присоединилась к нему — только и всего! И пошел встречать.

— Попросил... присоединилась... вы хотите сказать, что...

И Дом действительно имел в виду именно это. Это было политикой — похитители не бесчеловечны! Они позволяли перенести семьи, если те согласятся.

Нужно только сделать запрос!

Через сорок минут я был в отеле «Билтмор», ожидая своей очереди и... полагаю, здесь уместно слово «предложение». Я был не одинок — в очереди стояло пятьдесят человек. Мы мало говорили — каждый зубрил свою речь. Когда я почувствовал удар в плечо, я вздрогнул.

Но это был всего лишь Ники. «Ты тоже сюда, Дом? — его рот

растянулся до ушей.— Я уже кончил. Теперь, если только Грета скажет — да...»

Мы оказались в центре внимания — все повернулись, чтобы услышать, что скажет человек, уже прошедший это.

— Она еще не ответила? — спросил я.

— Ответ? Нет! Ты говоришь не непосредственно с ней,— пояснил он.— Полагаю, для этого недостаточно туннелей. Знаешь, ты заходишь в комнату, и они делают нечто вроде фильма — это не совсем фильм — во всяком случае, ты говоришь то, что хотел, затем они засекают местонахождение адресата и пересылают... Как называется эта штуковина?.. Голограмма? Что-то вроде этого — ты говоришь ровно минуту, затем послание направится ей...

Направится ей.

Что надо сказать женщине, чтобы она бросила свой мир во имя рискованных приключений в изгнании? Медленно продвигаясь в очереди, я изобретаю веские причины. Их не было. Посулы. Легкомысленные прозрачные обещания, что наша жизнь будет подобна... как, если бы я только знал, что!

Когда, наконец, я оказался перед объективом, и яркий свет ослепил мои глаза, я отказался от всех обещаний и причин. И сказал просто: «Найла, моя дорогая! Я люблю тебя! Пожалуйста, иди ко мне и выйди за меня замуж!»

В субботу мы окончательно избавились от всех микробов и готовились начать новую жизнь. К этому времени мы успели намозолить глаза женщине из «Билтмора». Количество туннелей в другие времена строго ограничено, объясняла она, и трудно проверить все сразу. Нет, она еще не знает, получила ли Найла мое послание. Да, ей скажут все, что она захочет узнать об этом мире — на что он похож и как туда попасть. Нет, она даже не знает, сколько это протянется. Иногда требуется меньше дня, но некоторые не имеют ответа и спустя три недели...

Я не хотел ждать три недели — не мог быть одиноким столько времени... особенно, если тогда я узнаю, что остался таким навсегда.

Я тянул время — у Ники была та же проблема, но он, казалось, не был взволнован. Когда он не работал, он слонялся вокруг; когда это надоедало, Ники сгибался над терминалом и пытался чему-нибудь научиться. В трудное время я как-то зашел спросить его, как много ути перешло в одди-пут, и он сказал: «В самом деле, Дом, как ты будешь здесь жить, если не можешь сделать элементарный перевод?»

— Ники, это так умопомрачительно для моих мозгов — эти нули и единицы!

— Это двоичная система,— поправил он:
1 = 1
10 = 2
11 = 3,— и он вытянул строчку,—
100 = 4
101 = 5.

— Ну ладно, Ники, это действительно так!— проворчал я.— Но когда получатся десяти или двенадцатизначные числа? Как их выговорить?

Он серьезно ответил:

— Сейчас ты будешь изучать код!

— Кто, я? Нет, нет, я его знаю! Я должен учить этот код только потому, что торчу здесь — а если бы я находился в Риме, мне пришлось бы изучать римские цифры? Только это глупо! Должны же иметь цену их миллионы, переложенные с десятичной в двоичную систему!

Он засмеялся:

— Ты хочешь знать их цену? Имей в виду, что они перекладывают данные в электронную память. Где-нибудь нажимается кнопка, и машины производят глобальные замены-поиски. Все сразу, повсюду! Это стандарт!

Я пристально посмотрел на него. «Это уже компьютерный разговор!— сказал я.— Ты многому научился с тех пор, как исчез из своего времени!»

— У меня не было другого выбора, Дом!— сказал он.— Рано или поздно, ты это поймешь... я хочу, чтобы ты начал учиться!— он выбил на клавиатуре несколько команд и поднялся.— Тебе пора научиться считать!— и он оставил меня наедине с комсетом.

Разумеется, он был совершенно прав.

Я стал серьезным, на время забыл все свои мысли и проблемы (даже Найлу!) и попытался сконцентрироваться.

Ники вызвал для меня старую документацию «Двоичное исчисление и человеческие привычки»— там было сказано все, что я хотел узнать — как записывать и произносить.

Научиться записывать — очень легко. Числа двоичной системы записываются в группы из шести единиц (в середине ставится дефис) — например, 000-000. Когда в числе более шести единиц, используются запятые (как для тысяч и миллионов!). Пример: 000-000,000-000. Я старательно перевел текущий год в двоичное число, и год 1983 стал 1-111,011-111.

Для меня это выглядело довольно необычно.

Прочитав дальше, я узнал, что каждую шестерку знаков они произносят в соответствии с одним смехотворно нелепым правилом — это стало легче, когда я изучил таблицу. Каждая триада произносится по-разному — в зависимости от того, находится ли она до дефиса.

10 с. с.	2 с. с.	Произношение первой группы	Произношение второй группы
0	000	оли	пол
1	001	ути	пут
2	010	ата	пата
3	011	одди	под
4	100	ту	ту
5	101	тотер	тот
6	110	дай	дай
7	111	типер	ти

Так, числа, подобные 10, то есть 1-010, стали «ути-пата», а 50, или 110-010, стали «дай-пата». Когда Ники вернулся в комнату, я сказал ему: «Через четыре месяца, в канун Нового года, я пожелаю тебе счастливого Нового ути-ти, одди-ти!»

— Отлично, Дом! — он улыбнулся.— Только это текущий год! Следующий будет 1984 — ути-ти, ту-пол!

Я застонал: «О, огни Ада! Я никогда не научусь всем этим штукам!»

Ники весело возразил: «Было бы желание! В конце концов, как я сказал, у тебя нет выбора».

Я не мог постоянно витать в облаках, думая о Найле, или изучать арифметику. Решение было принято, и не просто решение: мы уходили работать! Не могли же мы вечно торчать в этой «Плаце»! Ведь в карантинные кварталы ежедневно поступали тысячи новых Котов. Мы не могли идти работать в горничные или водители автобусов — в Эдеме не было свободных дорог, да и не могло быть! Раньше на всей этой планете едва ли было 50 тыс. отважных пионеров, недовольных своим прежним правительством или просто героев. Сейчас сюда перемещено почти 200 тыс. Котов, и их количество удвоится прежде, чем перемещение из других времен прекратится. Каждый из нас нуждается в пище, жилье, в целом миллионе маленьких приспособлений и удобствах, составляющих цивилизованную жизнь. Еда — это почти все! Я никогда не был даже простым огородником, но первая же моя поездка в поисках работы была в северную часть парка, где я убирал бревна и выкорчевывал пни, распахивал поля и высеивал озимые культуры. Вторую поездку я совершил к Бруклинскому мосту, где инженеры проверяли прочность кабелей и опор — старый мост подготавливался к новой службе. Третью, четвертую и пятую поездки я совершил за город, где пришлось восстанавливать водопровод и линии электропередач, проверять готовность зданий к зиме и собирать металлолом, чтобы снова пустить металл в дело, создавая из отбросов старых времен новые механизмы и плуги, двухтавровые балки (железные рудники Месаби пока еще не начали давать руду). О, здесь было много работы — еще

больше, чем людей! Но, кажется, ни одно из этих занятий не подходило для человека, основным искусством которого было составлять речи и основывать денежные фонды, смотреть сквозь пальцы на то, как проект расчистки трущоб заменяется на программу обучения пилотов.

— Все будет прекрасно, черт побери! — бодрился Ники.— Вот увидишь! Им нужны все, Дом, и рано или поздно, им потребуется правительство! Когда приедет Грета...— он зажал рукой неземную идиотскую улыбку.— Дом! Жена! Семья! Пол-акра земли, огороженной высоким забором, где мы можем ходить нагишом когда угодно!..

— Извини, Ники! У меня деловая встреча! — сказал я и ушел, оставив его наедине с грезами. Я не солгал — разговор с женщиной из «Билтмора» можно назвать и «деловой встречей». Она сразу признала меня: «Доминик ДеСота? Я не ошиблась? Подождите секунду!» — она пригнулась к комсету, изучая содержимое экрана. Затем ее выражение потемнело.

Прежде, чем она смогла подыскать слова, я понял, что произошло. «Я в самом деле, очень сожалею...» — начала она и не закончила.

У меня всегда наготове улыбка — я приклеил ее, и это сработало. «Кончим играть. Ладно, милашка? — сказал я, улыбаясь.— Что вы делаете сегодня вечером?»

Улыбка могла одурачить ее, но я видел, что женщина молчала — была слишком доброй. Возможно, она уже говорила сотням ППЛ, что их возлюбленные и близкие не видели возможности начать новую жизнь в новом мире. «Многие и в самом деле боятся путешествий в паравремя!» — сказала она.

Улыбка жгла, но я удержал ее и попытался продолжить беседу. «Что тут поделаешь? — сказал я и ухитрился пожать плечами.— Найла храбра, как никто другой! Но я не виню ее — на ее месте я бы, возможно, сказал: „Ну уж нет, спасибо, это уже слишком“... во всяком случае, подумал...» — и замолк, потому что женщина выглядела озабоченной.

— Простите, как вы ее назвали?

— Найла! Найла Боуквист. Что-нибудь не так?

«О, дьявол! — она снова занялась клавиатурой.— Я просто перепутала: тот же номер комнаты и тоже Доминик ДеСота... Женщина по имени Грета сказала: Нет! Ваша... — она нахмурилась и сделала повторный контроль. Затем подняла глаза и улыбнулась небесно лучезарной улыбкой.— Ваша заявка на Найлу Христоф Боуквист удовлетворена. Ваша подруга уже в Флойд Беннет на предварительной дезинфекции и завтра утром будет в отеле».

Штабной сержант Найла Самбок больше не была сержантом, потому что им не был никто. Советы распустили американскую армию с помощью сил Лиги Наций. Тем не менее, Самбок по-прежнему носила униформу — грязную и измятую. Ничего другого у нее не было. Когда она ждала на станции Индианополис поезд домой, сидевший рядом экскапитан слушал радио. Там повторялось одно и то же сообщение, объяснявшее события:

«Мы устранили всех лиц, перемещенных во времени и ваших исследователей в области паравремен.

Мы индуктируем радиацию, сделавшую ваши исследовательские центры непригодными.

Мы запрещаем вам дальнейшие исследования в этой области!»

Найла не хотела слушать это еще раз: если бы она знала это раньше! Подводные лодки Советов запустили ракеты и были предельно эффективны. Они стирали с лица земли Майами и Вашингтон, Бостон и Сан-Франциско, Сиэтл. Бомбардировщики американцев начали бомбить русских и делали то же самое с Ленинградом и Киевом, Тифлисом и Одессой, Бухарестом. Все думали, что худшее прошло, поскольку число ядерных ударов ограничено, но наступила ядерная зима... Это будет месяцы, хотя этого еще не знал никто.

год 11-110 111-111; месяц 1-010; день 1-100; час 1-000; мин. 1-111 Ники ДеСота

Мэри Водчек, пилот блимпа, вернулась в каюту, чтобы разбудить меня — мы были уже где-то возле Скрантона. «Вставать пора! — позвала она через дверь.— Нью-Йорк через час!»

Я поблагодарил ее и слез с койки, дрожа от холода. Сносная для остальных, температура воздуха на дирижабле мало напоминала Пали-Спринго. Пока я набирался храбрости для принятия душа, Мэри позвала меня снова, чтобы убедиться, что я проснулся. «Знаете, мы улетим раньше, чем сядет солнце. Вы не полетите с нами?»

— Пусть ваша бочка улетает на...— крикнул я и услышал ее смех. Затем Мэри ушла а я, пока не ослабли нервы, поспешил в душ. Вода оказалась не такая холодная, как я боялся — немного теплей воздуха. Во всяком случае, я с радостью выскочил из душа и быстро натянул на себя одежду. Так начался этот день.

Для нашей компании это был просто праздник — ведь я мог

выиграть время, и мы работали за двоих и в уикэнды, делая запасы. Мы могли лететь тодди-от, ути-под — но 12 октября был праздник Дня Колумба — во всяком случае, его праздновали многие из нас. Вам в диковинку арабские и африканские финиковые пальмы в наших широтах, поспевающие ко дню открытия Америки. День Колумба — это очень американская причуда: эфиопы, давшие нам деревья, спрашивали, куда это мы так спешим, украшая кроликов?

Многие из нас родились в Соединенных Штатах, хотя почти все были Котами — я имею в виду подневольных. Наша фермерская община была основана настоящими колонистами из 20 паравремен — но им не понравилось обрабатывать землю. Когда пришли мы, пити-дипис (ППС), они решили, что в этом мире есть более интересные вещи.

Для меня это подошло как нельзя лучше. Все мы были равны — это не значит, чтобы хоть один из них что-нибудь знал о Тау-Америке — моей Америке. Я не встретил ни одного человека, который знал о Моральном Благоприличии Движений — у них не было богатых арабов, скупивших все вокруг с потрохами. Арабы были частью коллектива — такие же, как я. Здесь не было законов, запрещавших пить спиртные напитки лицам моложе 35 лет, законов, запрещающих аборты и контрацептивы. Более того, не было ни одного правила о том, насколько должна быть открыта кожа (естественно, исключая законы природы — нормальные люди остерегаются подставлять кожу под жаркое калифорнийское солнце).

В первое время я назвал для себя этот новый мир Эдемом. Название пришлось к нему в самый раз! Хотя я и не предполагал, что мне понравится земледелие, я бросил подсчет закладных цен в Чикаго ко всем чертям.

Но это умение пришлось как нельзя кстати - ведь именно это удерживало меня от грязной работы (за исключением уборки, когда не хватало рабочих рук). Я освоил двоичную арифметику, и случилось так, что я взял на свои плечи все финансовые дела нашей компании. Это было солидным преимуществом, и они не хотели, чтобы я уезжал в Нью-Йорк.

Раньше такого не было.

Прекрасно, продолжим. Блимп мягко качнулся над болотами старого Нью-Джерси, и я сделал вид, что пересчитываю ящики с авокадо и салатом-латуком (а на самом деле смотрел вперед на дом... мой настоящий, около Пальм-Спринго).

Он был так близок, что я замечтался. В молодости я был очень религиозным... ведь у меня не было выбора. Моральное Благоприличие Движений всегда было со мной - особенно, в пригородах Чикаго. Я хотел быть добрым и избежать извивающейся вечности в жгучем пламени Ада (в этом уверял меня каждое воскресенье преподобный Мэникот) — а туда я непременно попаду, если выпью, пропущу воскресную школу и пойду купаться в одних то-

лько плавках. Иногда, правда, он упоминал и Небеса. В моем представлении, это было нечто вроде Таити; я знал, где это находится, но не видел шансов попасть в рай... по крайней мере, без хороших адвокатов, могущих прогрызть лазейку в законах. Я имею в виду, смог бы Господь простить мне тяжелое шестилетнее бремя грехов? Я лгал. Я крал никелевые монетки из маминого кошелька. И непочтительно относился к старшим. Я был плохим, верно! Но иногда я грезил, на что похожи Небеса? И это походило на «Гармонию Пустыни». Даже тот факт, что преподобный Мэникот говорил — на Небесах нельзя жениться. В Калифорнии это было действительно так. Женщины здесь были — около половины населения — но все они, как правило, присоединились к своим мужьям или любовникам. Резервов для покинутых мужчин не было.

И от поездки в Нью-Йорк я ждал решения этой проблемы.

Мы причалили к Грит-Мидоу, где винтчмены подцепили наши канаты, и я выглянул в окно. Нью-Йорк-Сити почти не изменился. Ведь прошло только шесть недель с тех пор, как я отправился на заработки в Калифорнию... но, мой Благодетель, это казалось таким долгим сроком!

Как только мы закрепились, я вышел в дождливый октябрьский день Нью-Йорка, и с первого же шага мои тенниски покрылись грязью.

Герби Мадиган ожидал меня, сидя на плетеной корзине, и сгорал от нетерпения — даже раньше, чем сказал привет, он вытянул из моих рук накладную и глаза его моментально пробежали по списку. «Помидоры? — возмущенно спросил Герби.— Зачем вы их привезли? У нас их навалом с Джерси и Айленда».

— Через пару недель они кончатся, и вы приступите к нашим. Во всяком случае, есть еще финики и авокадо! — его глазки загорелись. — И еще, для пробы, я положил апельсинов...

— Апельсины? — он удивился.

— Боюсь, мы не можем доставить их очень много,— сказал я,— придется подождать, когда деревья будут более плодоносными. Может быть, нам стоит выйти из дождя?

— Нам не удалось сделать это сразу же, поскольку меня остановил человек из воздушных служб и спросил, не видел ли я по пути из Калифорнии хоть один признак баллистического отскока? Инспектор выглядел очень удовлетворенным, когда я сказал, что не видел — и менее, когда я объяснил ему, что половину времени спал, а остальное — занимался бумажной работой. Он сказал, что больше никто не испытывает порталы; очевидно, резонанс потух.

Потом мы зашли в офис Герби — ярко освещенный грязный участок в одном из сооружений-пузырей в парке. Полчаса поторговались — я даже стянул свои промокшие тапки и сушил носки. У Мадигана нашлось немного кофе, и он угостил меня чашечкой (удивлюсь, если мы сможем его вырастить!). Люди из «Гармо-

нии» уже отправились исследовать Байю и другие части Мексики. Когда-нибудь у нас будут плантации кофе, можем быть, даже папайи и бананов — но до этого слишком далеко. Во всяком случае, планов на будущий год у меня хватало. «Через месяц у нас будет свежий шпинат и виноград,— сказал я Герби.— К Рождеству появятся дыни Креншо — хотя, мы работаем недолго. Вы не знаете, никто из настоящих фермеров не появился?»

— Больше не появится никто! — рассеяно произнес он, думая о рождественских дынях Креншо.— Они захлопнули все порталы, за исключением нескольких станций слежения. В любом случае, вы можете набрать рабочих — в отелях сидят еще несколько сотен солдат и физиков.

Я тяжело вздохнул — переподготовка физиков и военных отняла у меня порядочно времени. «Если сможете, дайте дюжину добровольцев,— сказал я.— Мы улетаем сегодня ночью. Самое лучшее — семейных. Или одиноких женщин».

Он, как я предполагал, рассмеялся (шутка). Когда мы сторговались и составили контракты на будущее, Герби добавил кофе и, откинувшись в кресле, пристально посмотрел на меня. «Доминик! — сказал он.— А как вам понравится работа на меня?»

— Нет, благодарю!

Он упорствовал: «Вы будете иметь прекрасную работу! Я подберу приличную плату, и вы будете жить в городе, обеспечивать водой и едой половину Вест-Сайда! Все будет поистине прекрасно!»

— Вы сорвете на этом куш! — я улыбнулся.

— Верно, через пять лет...

— Через пять лет,— сказал я,— мы приберем к рукам Сан-Диего! Там достаточно места. Не говоря уж о теплом климате.

Мадиган задумался и сказал: «А вы знаете, я никогда не думал жить в Калифорнии — мне нужен Лос-Анджелес...»

— Лос-Анджелес? Кто его восстановит? — я взглянул на часы.— Герби, у вас хорошо подвешен язык, но полет не ждет, а у меня еще несколько дел! Можно одолжить пару сухих башмаков и, если можно, плащ?

Вестибюль «Плаца» был чистым и пустынным. Через центры перемещения Нью-Йорка прошло около 22 тыс. пити-дипис — и двести из них прошли «Плац». Некоторые отели уже были закрыты и законсервированы до лучших времен — когда они потребуются для людей, прибывших не через порталы, а на самолетах и автомобилях.

Я не медлил. Первым делом воспользовался общим терминалом, ввел нужные данные и получил адрес. Спросив соседа, как попасть в Ривер-Сайд, я узнал, что могу поймать такси. Только тут я понял, что мне нечем расплатиться за проезд. Или за что-нибудь еще.

— Я могу расплатиться Калифорнийской кредитной карточкой? — спросил я, и он попытался не рассмеяться.

— Если вы нуждаетесь в наличных, в вестибюле денежный автомат. Стоит вам только сунуть карточку, он, возможно, позаботится о вас.

Так я и поступил. С помощью двух наблюдателей, конечно, они понимали, как это делается... Автомат выплюнул две дюжины 16-долларовых банкнот — я схватил их и убежал прочь. Провинциал в большом городе! Некоторые вещи не меняются.

В такси я получше рассмотрел необычные деньги. Действительно, неудобно использовать карточки для мелких вещей или даже таких крупных, как торговля с независимыми общинами Лола Алто и Санта Барбара или субботней игры в покер. Банкноты имели интересную окраску — зеленовато-золотые и черные с одной стороны, золотые и алые — с другой. Числа, разумеется, в двоичной системе. Деньги были сделаны не на банкнотной бумаге, которую я видел в своей предыдущей жизни, а на чем-то вроде шелка (я потрогал уголок — определенно, их трудней оторвать). Но все это очень походило на деньги. С одной стороны портрет Эндрю Джексона, а с другой — Белый Дом (это была не гравюра на стали, а голограмма). Покрутив банкноты в руках, я заметил, как перспектива слегка изменилась — вокруг изображений засияли иные цвета (красный, белый и голубой за Джексоном, и разноцветная радуга над Белым Домом). На банкнотах напечатано название типографии — предприятие в Филадельфии — в первое время я даже не знал, что там было. И сделал для себя пометку — на следующей встрече совета я внесу предложение, чтобы и мы напечатали для себя такие же. Такси тем временем тряслось по рытвинам и треснувшему цементу Бродвея.

Потом, наконец, мы очутились на Ривер-Сайд; я расплатился с водителем и огляделся по сторонам. Текла чистая и приятная река — это Гудзон. В стороне Джерси на скалах выросли большие деревья, но я не видел моста Джорджа Вашингтона (и предположил, что он не был построен). Но жилой дом, к которому я подошел, был в хорошем состоянии: пол из чистого кафеля и стекла в окнах. Поднимаясь на шестой этаж, я услышал шум мотора и понял, что лифт работает. Когда я добрался до квартиры 6-Си и постучал в дверь, она моментально открылась — вот только человек, открывший дверь, был не тем, кого я расчитывал увидеть. Это был сенатор. «Ники! — воскликнул он.— Эй, Найла! Это Ники ДеСота! Приди сюда и поздоровайся!»

Затем появилась она — милая и счастливая, очень похожая на ту, которую я искал (ведь я тоже был похож на сенатора) — почти похожая — это легко заметить во время рукопожатия. Я зашел к ним, и мы пили более чем настоящий кофе, болтали о том, чем занимаюсь я, чем они, как прекрасно в этом новом мире, и каким скверным был старый.

Очень печально, что это была не та Найла.

Но они подсказали, где настоящая — и спустя двадцать минут,

я уже спешил туда. В столичный музей искусства. Не более, чем в двух минутах ходьбы от того места, где приземлился мой блимп.

Сенатор и его Нейла были удивлены, увидев меня. Найла-без-пальцев удивилась еще больше. Она была поражена и держалась настороженно. «Все, что было дома, кончено! — сразу же предупредила Христоф.— Если вы сердитесь на меня, я вас не осуждаю, но и не извиняюсь!»

— Я вовсе не сержусь на вас! — сказал я.— А просто хотел пригласить на ужин... может быть, в тот, в парке, среди деревьев?

— Ну что вы, я не могу себе этого позволить!

— Зато я могу! Может быть, прогуляемся? Я хочу заодно взглянуть, загружают мой блимп.

И мы пошли. Я показал Найле, как грузят по частям тракторы, коробка за коробкой — базу данных для наших машин (все это в обмен на продукты). А она рассказывала мне о работе в музее. Это не работа по искусству — сразу же предупредила Найла — но это хорошая работа. «К счастью,— сказала она,— перед войной, они построили новое хранилище. Поэтому, многие из уникальных экспонатов прекрасно сохранились и находятся в хорошем состоянии. Но вот выставленные вещи — особенно, картины! Никто из нас не умеет реставрировать. Но мы опрыскали экспонаты, уничтожив плесень, высушили и собрали все чешуйки краски, упавшие на пол. Полагаю, в один прекрасный день кто-нибудь положит их на место».

— Я не подозревал, что вы так интересуетесь искусством! — Я зашел с Найлой в ресторан. Аромат был просто изумительный; ресторан находился рядом с рынком и получал оттуда самые свежие продукты.

— Полагаю,— объективно заметила она,— вы знаете про меня совсем немного, разве не так? Вполне возможно, я этого и добиваюсь! Вы будете бояться меня еще больше!

Я пропустил ее вперед. Мы сели за столик и сделали заказ. Начали с авокадо, набитых мясом крабов (крабы поставлялись прямо из Гудзона, а авокадо были моими — абсолютно свежие и безупречные).

«Работа, конечно, хорошая! — сказал я.— Но, полагаю, в этом пока не очень-то и нуждаются, верно? Я имею в виду картины. Но другие вещи... когда мы проходили, я видел обелиск Клеопатры. С ним ничего не случится, раз он так сохранился». Обелиск лежал на земле и в нескольких местах был разрушен от падения. Тысячелетиями он хранился в Египте, но несколько десятилетий в Нью-Йорк-Сити сделали свое дело.

Найла выскоблила остатки мяса из авокадо и взглянула на меня:

— Ну и...

— Да так, мне просто интересно, может быть, вас интере-

сует другая работа? Не по специальности, конечно... здесь не очень-то по линии тайной полиции. Как вам понравится дирижировать оркестром?

Найла положила вилку: «Дириж... оркес..? Вот дерьмо! Ники, какого дьявола вы говорите об этом?»

— Зовите меня Домиником, хорошо? — я забыл, что она сквернословила. Возможно, Найла просто привыкла к этому; многие только прикидываются такими.

— Ну... тогда, Доминик. Что вы придумали? Я никогда не дирижировала оркестром!

— И не хотели играть на скрипке?

— Я играла! — инстинктивно, она спрятала руки на коленях.

— Теперь это невозможно, верно? — я кивнул. — Понимаю! Но ведь это не помеха, чтобы управлять другими музыкантами?

— Какими другими?

Я улыбнулся: «Они называют себя филармония Палм-Спринсс. Собственно, они любители... хотя, неплохие. Для них это только хобби; все они работают в компании».

— Какой компании?

— Я главный управляющий по финансам в «Гармонии Пустыни» - это похоже на kibbutz, но мы не называем ее так, поскольку многие из нас не евреи. На сегодня мы имеем хороший оркестр. Сразу, сейчас... Ладно, у нас есть еще одна пара занятий.

— Каких?

— Первое, это обучать детей музыке... и взрослых, по желанию. У нас нет учителя музыки.

Найла сжала губы — принесли тушеного кролика — и одобрительно понюхала. «И...» — она попробовала блюдо.

— Ну хорошо... собственно говоря, это совсем не работа. Я имею в виду... выходите за меня замуж!

Не думаю, чтобы я когда-либо удивлял ее. Я вообще не уверен, что удивлял кого-нибудь, как не удивлялся сам. Найла пристально смотрела на меня, позабыв про тушеного кролика. Мой кролик стремительно погружался внутрь моего желудка — я умирал с голоду, кроме того, это было поразительно вкусно.

— А как же Грета? Как там ее? Стюардесса?

Я пожал плечами. «Знаете, я просил ее приехать сюда, послал одноминутную коммерческую, но Грета отказалась! — и улыбнулся (когда я думал об этом ретроспективно, это казалось очень смешным). — Я получил голокарточку с ее отказом...» Я как бы вернулся назад в свою комнату, когда сенатор вышел, и я проиграл ее ответ — Грета была хорошенькая, как всегда. Тогда я совсем не плакал, но был близок к этому... Она сказала: «Ты очень милый человек, Ники, но от тебя одни только хлопоты! Мне этого не нужно, и оставь меня в покое!»

Найла засмеялась по той же самой причине. «Ладно, ты милый человек, Ники!» — призналась она.

— Доминик!

— Да, Доминик!

— Это о Грете! А как там Мо?

Она взглянула на меня испуганно и почти возмущенно: «Эта обезьяна? Ты считаешь, что я с ним трахалась, Ни... Доминик? — Найла попробовала кролика и подобрела. — В конце концов, он конченый педик! — пояснила она. — Он и те двое! Все трое встретились — полагаю, раньше они не были голубыми... но сейчас не прочь иметь в качестве любовников тех, кто знает о них все. Думаю, каждый человек хочет такого же... — она заколебалась и посмотрела на меня. — Ты понимаешь, о чем я сказала? Я подразумеваю, точно знать, что делать. Ладно, хватит об этом!..»

— Я понял, что вы имеете в виду, — решительно заявил я. — Так как насчет этого?

— Насчет замужества? — Нейла нахмурилась (но не над тушенкой, которая была совершенна, а над самой мыслью). Я подумал, что надо бы достать рецепт для наших поваров. Нейла расправилась с кроликом и огляделась в поисках кофе. Я подозвал официанта и заказал кофе.

— Ладно! — она рассмеялась. — Это всегда легко решить!

— Ответ мне нужен немедленно!

— Я знаю, Дом! — сказала Нейла. — Я попробую, только не уверена в... Я ведь не то, что можно назвать невинной невестой... ты ведь понимаешь... и я далеко не безобидна. Но, Доминик, ты всегда производил на меня впечатление тупого осла в подобных вопросах.

Я возразил: «Найла, наше прошлое не делает нам чести. Не обижайся, но ты была порядочной змеей, а я — тряпкой! Это прошло, Найла. Теперь мы другие... подожди! — официант принес кофе и счет.. — Как бы это выразиться? В некотором роде, мы были такими из-за того мира. Наверное, слишком жестокого — мы ошиблись и пошли не той дорогой. Могло бы быть лучше, даже в наше время. Но не все мы совершали ошибки. Взгляните на наших двойников! Сенатор и ученый, Найла Боуквист... Мы могли бы стать такими же. И еще не поздно, милая!»

Я не собирался использовать это слово — но оно выскользнуло непроизвольно. И Найла услышала его — я видел, как она воспринимает новинку... кажется, «милая» не вызвало у нее отвращения. Я заспешил:

«Сенатор сейчас вращается в кругах администрации западной части города. Найла ждет ребенка. Они изменили свои жизни, и мы можем перевернуть наши».

Христоф отхлебнула кофе, посматривая на меня. «О чем ты говоришь, Дом? Не только замужество, но еще и дети? Маленький домик в деревне, с верандой, увитой розами и горячий кофе по утрам?»

Я улыбнулся: «Кофе пока не обещаю — компания еще не на-

столько богата, но остальное... да! Даже розы, если они тебе нравятся...»

Она поддалась. «Дерьмо! — воскликнула она. — Я просто обожаю розы!»

— Да или нет? — нажал я.

— Ну хорошо, в конце концов, законом это не запрещено! — Найла поставила чашку на столик. — Да! Ты хочешь поцеловать свою невесту?

— Ну еще бы! — я улыбнулся и прикоснулся к ней губами. Экс-агент Найла Христоф пахла кофе и тушеным кроликом и еще самой собой. Это был сногсшибательный аромат! — Поэтому, — продолжал я, — пойдем дальше! Сейчас ты возьмешь свои вещи и скажешь в музее, что увольняешься. Скажем, на это у тебя два часа... Один-два останется на магазины, чтобы купить все необходимое, что может понадобиться в Калифорнии — потом блимп улетает. В пути нас обвенчает капитан».

Найла наливала себе кофе и немного пролила. «О Боже, Дом! — она выглядела так, словно в первый раз увидела себя. — Разве так можно?»

— Милая! — заметил я. — Может, ты забыла, где мы находимся? Это новая жизнь! Не стоит беспокоиться о законности — мы прибыли сюда из различных миров, где много всяких правил... и все получится само собой! Все будет прекрасно!

Спустя несколько часов мы обвенчались и попробовали друг друга на маленькой койке блимпа где-то над Нью-Джерси. И над Пенсильванией... возможно, над Огайо (мы не сверялись с географией). И занимались бы этим где-нибудь над Индианой, если бы не Мэри Водчек, которая принесла нам кофе и тосты с апельсиновым соком.

«Думаю, вам следует подкрепиться!» — она улыбнулась молодым. Доброжелательно — и сразу же любезно исчезла..

Потом мы сидели на койке, поддерживая руками друг друга и чувствовали себя превосходно в мягком качании блимта... Найла сказала: «Доминик? Ты знаешь, я уверена, что если кто-нибудь предложит мне уйти отсюда, я откажусь!»

— Я тоже! — прижался к ее шее.

Найла рассеянно пододвинулась ко мне. «Это смешно! Когда я работала в музее, я мечтала о чуде... Как было бы чудесно, если бы я вернулась героиней... Но это та же земля, и такая чужая — я никак не могла к этому привыкнуть!»

— Это хорошо! — я поцеловал ее теплую подмышку. — Я не гарантирую, что так будет всегда. Я имею в виду то, что мы останемся в этом мире!

Она выпрямилась и посмотрела на меня вниз с неопределенной улыбкой, словно ожидая, что все это шутка, но еще не поняла, в чем именно. «Что ты хотел этим сказать? Порталы блокированы!»

— Это так, милая! — признался я.— Но это не имеет значения! Слушай, душ здесь маленький — но держу пари, мы в нем поместимся...

— Постой, мальчик! Сначала объясни, что ты хотел сказать!

Я склонился над Найлой и отхлебнул холодного кофе. «Я хотел сказать, что люди Большого Времени всего лишь люди! Они не боги! Не сомневаюсь, что они закрыли все порталы, за исключением электронных соглядатаев. Они не могут допустить, чтобы баллистический отскок выскользнул из рук».

— Ну и что?

— Это не укладывается в рамки! Разве они одни использовали портал? Здесь только 30 или 40 времен, которые владели порталом или приближались к его построению. Но этого мало! Сколько будет 30 по отношению к бесконечности?

— Не набивай меня математикой, Дом!

— Это не математика! Сейчас октябрь 1983, верно? И не только здесь — везде! Они не обогнали нас во времени! Им просто повезло... пятьдесят или сто лет назад. Но ведь это октябрь 1983-го и для бесконечного количества параллельных времен — не только их и нас... всех Времен! И везде время летит вперед! Может быть, в эту самую секунду, в каком-то паравремени, куда никто не заглядывал, ты и я прорываем оболочку времен! И, может быть, найдутся четыре-пять, кто еще не сделал это, но пойдет следом. К Рождеству возникнет дюжина паравремен, вмещающих в себя другие миры, к январю — на 25—30 больше... и в феврале... и на следующий год... и потом!

— О, Господи! — прошептала Найла.

— И однажды,— закончил я,— их станет так много... их будут тысячи и миллионы... они прорвутся все разом! Ты думаешь, кто-нибудь сможет остановить их?

— Милый святой крошка Иисус! — сказала Найла.

— Вот именно!

— Но ведь это же баллистический отскок!

Я кивнул, подтверждая правильность догадки. Найла — то ли с ужасом, то ли с уважением (для того, чтобы это понять, я ее знаю недостаточно) — посмотрела на меня.

— И ты единственный, кто знает об этом?

— Конечно же, нет! Об этом знают, например, те люди, которые нас схватили. И, уверен, есть другие! Все это можно увеличить в несколько раз. Многие народы... как у сенатора, еще не дошли до этой стадии. Многие... ладно, они просто не говорят об этом — боятся, я полагаю.

Она воскликнула: «Чертовски точно — они боятся! Лично я — просто в панике!»

— Ну хорошо, все это очень плохо; если вы не боитесь — значит, у вас не все дома. Но посмотрим и с хорошей стороны. С нами, несомненно, все будет о'кэй! Мы уйдем в пустыню — это будет эксцентрично, но не так опасно, как в городе... где, я не

знаю, что может произойти... например, в вашу спальню влетит цеппелин — или еще куда-нибудь.

Найла посмотрела на меня как-то не так — немного с неприязнью. «Ты сказал,— ехидно заметила она,— что мы выживем и потесним остатки человеческой расы? Верно? — она перешла на крик.— И ты еще посмел сказать, что я была грубой и эгоистичной, жестокой...»

— Но-но! — я нежно прикоснулся ладонью к ее губам.— Я не говорил ничего подобного! Точно, и мне не безразлична судьба людей — я о них забочусь!

— Но... но зачем тогда мы заговорили об этом, Дом?

Я сказал: «Просто так, любовь моя! С этим мы ничего не можем сделать — это непременно случится... Но есть один хороший момент».

Я подождал, когда Найла заинтересуется. Как только она начала сердиться и нахмурила брови, приоткрыла ротик — я подумал, что если она спросит первой, мне это не понравится... и поспешил: «Это начнется с малого! Я уверен и, прежде чем станет действительно плохо, мы можем эвакуировать города или что-нибудь предпринять. Это неотвратимо... ты меня понимаешь? Мы сделаем самое лучшее, что только можно!»

Она соскочила с постели и посмотрела вниз, на пустынные равнины. Я дал ей время на размышление. «Дом! — спросила она.— А ты уверен, что мы поступаем правильно? Я говорю о ребенке... иногда мне кажется, что это понравилось бы и мне самой... Но примет ли этот жуткий мир наших детей?»

Я поднялся и подошел к Найле, обнял за плечи. «А ты считаешь, что это кто-нибудь знает?»

Конец романа

РИФЫ КОСМОСА

— Зарегистрироваться, быстро! — резко скомандовал майор. — Опы, вы что там, заснули? — Майор с антеннами радара напоминал рогатого черта. И был, действительно, опасен, как дьявол. Хотя вид у него был сонный и нижняя челюсть ослабленно отвисла.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Стив Райленд, оглядываясь по сторонам. Вот он, Рейкьявик, совершенно новый мир для Райленда, который только что прибыл из лагеря максимальной безопасности, что находится за Полярным кругом. Он никак не мог отвести взгляд от высоченных зданий, от реактивных лайнеров и ракет, разбросанных по полю аэропорта. Невысокий человек, стоявший рядом с ним, чихнул и подтолкнул Райленда. «Порядок», — успокоил его Райленд и вошел в пустую тесную комнатушку Службы Безопасности. Он выстучал на клавишах телетайпа, стоявшего в углу комнаты — типичного для этого здания:

«ИНФОРМАЦИЯ. Стивен Райленд, оп. ABC-38440 и О. В. Опорто, оп. ХУ-88842, прибыли на...— он взглянул на табличку с буквами кода, прикрепленную к корпусу телетайпа,— станцию 3, радиус — 4-261, Рейкьявик, Исландия. ЗАПРОС: Какие следуют указания?»

Через мгновение от Планирующей Машины пришел ответ, одна-единственная буква «П». Машина приняла и поняла сообщение и ввела его в свои банки памяти. А это означало, что сейчас последуют приказы. В комнату заглянула сотрудница службы. Губы ее, уже было изобразившие профессиональную улыбку, при виде железных воротников на шеях Райленда и Опорта вытянулись в тонкую линию. Преступники. Девушка кивнула майору и удалилась. Прозвенел сигнал телетайпа, и Машина напечатала приказание:

«ДЕЙСТВИЯ. Проследовать к поезду № 667, путь 6, купе 93».

Райленд прочел сообщение. Майор, заглянув через его плечо, ухмыльнулся: «Прямой билет в орган-банк, как мне думается».

— Да, сэр,— сказал Райленд. Он не собирался вступать в споры. Бесполезно. Опу не переспорить офицера, у которого на шлеме майорские радарные антенны.

— Тогда пошевеливайтесь,— проворчал майор. — Да, Райленд...

— Слушаю, сэр?

Майор подмигнул.

— Спасибо за шахматы. Надеюсь, еще увижу вас. По крайней мере, отдельными частями.— Он довольно загоготал им вслед.— И без глупостей, не забывай, где находишься,— предупредил он.

— Я не забуду,— тихо сказал Стив Райленд, дотронувшись до железного кольца на шее.

Опорто снова чихнул.

— Пойдем,— проворчал он.

— Ладно. Какой там был номер?

Темноволосый коротышка усмехнулся.

— Поезд № 667, путь 6, купе 93. Легко запомнить. Апчхи! Проклятье,— сказал он,— я уже, кажется, простудился. Давай скорее уберемся с этого сквозняка.

Райленд направился к выходу. Без всякой охраны они пересекли тротуар и подошли к ряду такси, где сели в свободную машину. Туристы, работник аэропорта, все, кто проходил мимо, бросали на них мимолетный взгляд, замечали железные воротники и отворачивались. Никто не заговорил с ними. Райленд набрал на пульте код места назначения, и такси помчалось по широким бульварам к огромному мраморному зданию на другом конце города.

Над входом в здание было высечено:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА
СТАНЦИЯ СУБПОЕЗДА

Они пересекли обширный зал ожидания, наполненный гулом пассажиров. Сделать это было нетрудно. Райленд грустно усмехнулся. Без глупостей, помни! Еще бы — причина ясна. Человеку с железным кольцом на шее не стоит уклоняться от назначенного маршрута. А если он это сделает, то всем остальным лучше быть в этот момент где-нибудь подальше — так будет полезней для их здоровья.

— Нам на шестой путь, так?

— Да, поезд 667, купе 93. Память у тебя дырявая, что ли?— поинтересовался Опорто.

— Шестой путь — это сюда,— Райленд показал вперед. Шестой путь оказался грузовой платформой. Они спустились по пролету выключенного эскалатора и вышли к путям субпоезда. С тех пор, как подземные линии субпоезда опоясали весь мир, невозможно было сказать, куда именно направляется ваш состав. Из Исландии он мог идти в Канаду, Бразилию, даже Африку; чудовищные атомные буры Плана Человека прогрызли идеально прямые туннели сквозь любую породу. Субпоезда пролетали в безвоздушном пространстве туннелей, подстегиваемые электростатическими силами кольцевых ускорителей. Поскольку трения не было, скорость их была сравнима со скоростями межпланетных лайнеров.

— Где же наш поезд? — проворчал Опорто, озираясь. Режущий свет заливал неуютную платформу, сверкая на боках гигантских алюминиевых емкостей, лежавших в гнездах люлек, пока еще по эту сторону вакуум-створов. Рабочие с помощью кранов и грузовиков загружали транспортные емкости на соседней платформе. На платформе в сотне ярдов от них у выхода с эскалатора появилась небольшая группа пассажиров.

— Ставлю шесть против пяти, что следующий поезд — наш,— коротко сказал Опорто.

— Я пас,— ответил Райленд, решивший не заключать пари. Но втайне он надеялся, что коротышка прав. На платформе было холодно. Остуженный воздух гудел в раструбах вентиляторов. Опорто, и без того продрогший, чихнул и начал шмыгать носом. Райленд и сам поеживался в своей лагерной робе. Когда в лагерь пришло указание об их отправке, заключенных, как того требовали правила, подвергли тщательному медицинскому осмотру. Таково было всеобщее правило Плана Человека, и осмотр включал в себя горячий душ. «В орган-банке требуется чистенькое мясо»,— грубо захохотал охранник, но Райленд не обратил на него внимания. Он не имел права размышлять. Человеку с железным кольцом на шее не разрешалось заглядывать в будущее. Он мог думать только о том, как избавиться от кольца — и ни о чем больше. В шахте туннеля прозвучал вопль предупреждающей сирены. Райленд едва не подпрыгнул. Опорто повернулся немного медленнее, словно он этого и ожидал. На вакуум-створах шестого пути замигали красные огни. Начали работать воздушные клапаны. Створы медленно разошлись, и появился тягач, тащивший за собой установленный на люльку-тележку вагон, который они и ждали.

— Ты бы проиграл,— заявил Опорто, и Райленд кивнул.

Вагон остановился. Снова зафыркали выравнивающие давление клапаны, и затем высокие двери откинулись и легли на платформу. Вдоль них побежали ленты эскалатора.

— Стив, мне это совсем не нравится! — с тревогой сказал Опорто. Из дверей вагона показались два человека в форме. Они не взглянули на Райленда и Опорто, они спешили. У каждого была толстая кожаная сумка курьера, и была она такого же цвета, как и сама униформа. Ярко-голубые униформы! Но ведь это же цвет особой охраны... Не веря себе, Райленд поднял взгляд. Под потолком, среди путаницы трубопроводов и кабелей, вспыхнул ослепительный свет, падая на сферу вагона. На ее вершине, в сорока футах над платформой, ясно выделилась сверкающая голубая звезда, а под ней выведенные белой краской слова:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА
КАБИНЕТ ПЛАНИРУЮЩЕГО

Специальный вагон, которого они ждали, был личным вагоном самого Планирующего!!!

Первой мыслью, мелькнувшей в голове Райленда, было: теперь

я наконец смогу представить мой случай самому Планирующему! Но вторая мысль перечеркнула первую. Планирующий, как и всякий человек на Земле и планетах Солнечной системы, был лишь орудием Планирующей Машины. Если Райленд когда-нибудь будет свободен, если воротник снимут с его шеи, то это произойдет только потому, что Машина примет соответствующее решение. Человеческие аргументы на нее не действуют. Усилием воли Райленд выбросил мысль из головы. И все же он не мог избавиться от слабой надежды. По крайней мере, они почти наверняка направляются не в орган-банк!

— Какое у нас купе?

Опорто вздохнул:

— 93. Ты хоть что-нибудь способен запомнить? Поезд 667 — произведение двух простых чисел 23 и 29. Путь 6 — их разность. Купе 93 — их последние цифры в обратном порядке. Это очень легко...— Но Райленд уже почти не слышал его. Отношения Опорто со всем, что касалось чисел и операций с ними, были для него не новостью. Однако сейчас его ум был занят более существенными делами. Он направился к эскалатору и поднялся в вагон. Мимо прошла женщина в голубой форме охраны, заметила их воротники и нахмурилась. Прежде, чем Райленд успел к ней обратиться, она исчезла. Что ж, невесело подумал Райленд, еще одно доказательство эффективности наших воротников — она даже не сочла нужным узнать, что два опа делают в личном вагоне самого Планирующего. Беспокоиться ей не было причины — один неверный шаг, и железные кольца сделают его последним шагом вообще. Но владельцу воротника было небезопасно двигаться наугад. Райленд стал поджидать, пока мимо кто-нибудь пройдет.

— Сэр! — окликнул Райленд.— Простите, сэр!

Это был седоволосый, строгий мужчина в голубой форме охраны с серебряными грибками полковника Технического корпуса.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил охранник.

— Нам приказано явиться в купе 93,— объяснил Райленд.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Имя,— коротко потребовал он.

— Райленд Стивен. И Опорто.

— Угу,— наконец вздохнул полковник.— Ладно,— добавил он сурово.— Не стоит пачкать вагон Планирующего. Осторожность не помешает. Вам туда.— Он проводил их в крохотную комнату и подтолкнул внутрь.— Смотрите,— сказал он, поворачивая ручку двери,— замка нет. Но должен вас предупредить, что почти все коридоры перекрыты радаром. Вы поняли? — Они поняли.— Отлично.

Он поколебался.

— Кстати, меня зовут Лескьюри, полковник Паскаль Лескьюри. Мы еще встретимся.— И он затворил за собой дверь.

Райленд быстро обвел купе взглядом, его интересовал не ком-

форт и не великолепие обстановки. Он искал телетайп. Он быстро зарегистрировал себя и Опорто. Пришел ответ:

«П. ДЕЙСТВИЯ. Ждать дальнейших указаний».

Опорто к этому времени уже не мог сдержать озноба, щеки его горели.

— Вот так всегда,— сказал он в нос.— Я простужаюсь, и если не полечусь, то слягу на неделю. У меня уже жар!— он действительно дрожал.

— Нет, жара у тебя нет. Мы уже едем.

Человек за пультом управления субпоезда знал, чей вагон он ведет по туннелям электростатического ускорителя. Громадная сфера тронулась с места совершенно бесшумно и плавно. Они не почувствовали никакого толчка, но тотчас начали ощущать необыкновенную легкость. Такова была особенность путешествия субпоездом. Поезд стремительно мчался по хорде из одной точки в другую, и на дальних маршрутах глубина туннеля достигала тысячи миль от поверхности. После придания поезду начального ускорения, первая половина пути напоминала падение в кабине сверхскоростного лифта.

Райленд рассеянно протянул руку и придержал за плечи покачивающегося Опорто. Он нахмурился. Кольцевые поля, опоясывающие стенки туннелей субпоезда, в известной мере были обязаны своей стабильностью ему, Райленду. В тот вечер, в пятницу, три года назад, когда полиция Плана ворвалась в его кабинет, он как раз закончил диктовать описание новой силовой катушки, у которой потери на гистерезис были уменьшены наполовину, и срок ее службы увеличивался по сравнению со старыми катушками самое меньшее в два раза. И тем не менее это было единственное, что он мог вспомнить. Неужели с его мозгом что-то сделали? В тысячный раз задавал себе Райленд этот вопрос. Он мог вспомнить уравнения своей собственной теории геликальных полей, пришедшей на смену примитивным «магнитным бутылкам», ранее предохранявшим стены туннелей от расплавленного камня. Но он не мог вспомнить ход работы, который привел его к этим уравнениям. Он вспоминал конструкцию ионных ускорителей для двигателей атомных ракет, но, однако, автор этой конструкции — он сам — оставался для него загадкой. Что это был за человек? Что он сделал?

— Стив,— простонал Опорто.— Ты не принесешь мне выпить?

Райленд повернулся к нему, возвращаясь к действительности. Выпить! Опорто явно бредит.

— Я спрошу Машину,— сказал он.

Опорто слабо кивнул.

— Да, спроси. Я заболел, Стив.

Райленд колебался. Коротышка явно был болен. Пока он раздумывал, Опорто направился мимо него к телетайпу.

— Я сам спрошу,— проворчал он.— Отойди в сторону.

Неверными пальцами он потянулся к клавишам, а глаза смотрели на Райленда. Это была ошибка — он не должен был отвлекаться. Нетвердо держась на ногах, он покачнулся, потянулся к клавиатуре, промахнулся и тяжело повалился на телетайп. С грохотом аппарат опрокинулся на пол. Внутри машины сверкнула белая искра, и по комнате распространился запах горелой изоляции. Райленд хотел выругаться, но сомкнул губы. Какой смысл? Телетайп явно приведен в негодность. Опорто сделал это неумышленно. Опорто застонал.

— Проклятье! Стив, куда ушел тот полковник? Может, он принес бы мне чего-нибудь...

— Не волнуйся,— рассеянно сказал Райленд. Коротышка был явно не в себе, но мысли Райленда сейчас занимало другое. Его волновал телетайп. Во всей своей жизни, начиная с первых дней после школы, не было такого поступка, который Стив совершил бы, не посоветовавшись с Машиной. Даже в лагере максимальной безопасности в углу голого барака стоял телетайп, непосредственно соединенный с Машиной. У него было такое чувство, словно он оказался обнаженным и одновременно страшно одиноким.

— Стив,— едва слышно прошептал Опорто,— дай воды.

Это он мог сделать. На столике имелся серебряный графин и хрустальный стакан с золотой инкрустацией. Райленд налил воду в стакан и протянул Опорто. Коротышка взял стакан и погрузился в массивное, с роскошной обивкой кресло. Глаза его закрылись. Райленд принялся бродить по маленькому купе. Ничем другим он не мог сейчас заняться. Полковник предупредил их о радарных ловушках в коридорах. И думать было нечего о том, чтобы выйти из купе. В тот же момент можно было стать жертвой неосторожного движения. Каждое движение было смертельно опасным, потому что они были опасниками, а железные кольца у них на шее содержали по восемь граммов мощной взрывчатки. Один шаг в запретную для опа зону (а таких зон было полно по всему миру) мог заставить радарный луч воспламенить взрыватель. Райленду однажды пришлось быть свидетелем такого события. И он не хотел, чтобы это случилось с ним. К опасностям в тюрьме Райленд привык. За три года заточения он научился осторожности. Но это там, а здесь в купе, которое было частью личного вагона Планирующего, ожидать можно было всякого. Он пощупал портьеры на фальшивом окне в стенке вагона и погладил блестящую, как зеркало, столешницу из полированного дерева. Три года назад Райленд сам жил в подобной комнате. Нет, отметил он, та комната была поскромнее. Но она принадлежала только ему, и там была мебель, которой пользовался только он, и место для хранения одежды, книг и других вещей. Но в той жизни он был благонадежным человеком, у которого было свое место в Плане Человека, документы, деньги — все то, что должно быть у члена общества. Та жизнь кончилась три года назад, в тот фатальный вечер, в пятницу. Даже теперь, после бесконечных сеансов восста-

навливающей терапии, Стив не мог понять, что случилось с ним. Невнятно сформулированное обвинение звучало так: «незапланированное мышление», но все его безжалостные терапевты безуспешно пытались заставить его припомнить хотя бы одну мысль, нелояльную по отношению к Плану. Единственной уликой незапланированной умственной деятельности была его библиотечка книг о космосе — несколько пожелтевших старых книг Лея, Гамова, Хойла и Эйнштейна, которые ему удалось спасти из библиотеки отца. Конечно, он знал, что эти книги не входят в список дозволенных Планом, но он не видел в своем увлечении никакой подрывной деятельности. Наоборот, как он много раз объяснял терапистам, специальные уравнения геликального поля были тесно связаны с процессами во всей Вселенной. Не зная уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воспроизводство материи в ней, он вряд ли смог бы усовершенствовать кольцевые катушки для туннелей субпоезда. Но терапевты отказывались уточнить обвинение. У человека в системе Плана больше не было прав, были только функции. И целью терапистов было вытащить из него тайну, которая была тайной для него самого. Но сеансы оказались бесплодными, потому что он не смог вспомнить того, чего добивались от него терапевты. Он многого не мог вспомнить...

— Стив, позови врача,— слабо простонал Опорто.

— Я не могу! — с горечью сказал Райленд.— Если Плану требуется, чтобы ты болел, ты будешь болеть.

Лицо Опорто стало еще бледнее.

— Заткнись! Кто-нибудь может подслушать!

— А я ничего такого не сказал. Но мы не можем выходить в коридор, ты ведь знаешь.

— Райленд,— взмолился Опорто, и на него напал приступ кашля.

Райленд посмотрел на человечка в кресле. Похоже, он серьезно заболел. После трех лет в стерильной атмосфере заполярного лагеря он был теперь беззащитен перед инфекцией. Он дышал с трудом, и лоб его был очень горячим.

— Потерпи, Опорто,— сказал он.— Еще немного, всего пару часов. За пару часов при скорости тысяча миль в час можно добраться до любой самой отдаленной точки на земле.

— За пару часов я могу помереть,— сказал Опорто.— Неужели ты не можешь позвать врача?

Райленд не знал, что делать. Коротышка был во многом прав. План заботился о дополнительной иммунизации тех, кто жил в подверженных инфекции районах, но сверхаллергический тип вроде Опорто мог бы потерять иммунитет и за несколько месяцев. А он дышал стерильным воздухом целых три года.

— Хорошо,— устало сказал Райленд.— Я сделаю, что смогу. Пойдем, Опорто.— Пусть коридоры и перекрыты ловушками, пусть это и опасно, нужно что-то предпринять в самом деле, раз речь идет о жизни и смерти человека.

Дверь открылась свободно.

Поддерживая Опорто, Райленд выглянул в коридор. Пусто. Он тяжело вздохнул: если бы проходил кто-нибудь из охраны...

— Стив, что ты делаешь? — забормотал Опорто. — Оставь меня! Нам нельзя выходить — полковник предупредил!

— Но ведь необходимо доставить тебя к доктору, понимаешь?

Он осмотрел коридор. Перед каждым поворотом были установлены непонятные устройства, напоминающие балдахины восточного владыки. Очевидно, это и были радарные ловушки, ничего другого Райленду в голову не пришло. Но в том коридоре, по которому они прошли раньше, тоже имелось такое устройство, а там ведь ловушки не было... Стоп. Райленд все тщательно обдумал. То, что им позволили благополучно добраться до 93 купе, еще ничего не значило. Вполне возможно, что ловушки выключили специально, чтобы их пропустить. И вообще, рассуждая логически, можно было прийти к выводу, что один маршрут был для них в любом случае запрещен — путь обратно к выходу из вагона.

— Опорто, — сказал Райленд, — видишь эти двери? Я думаю, мы можем попробовать пройти в одну из них.

— Разве, Стив? Почему ты так думаешь? — спросил коротышка.

— Потому что больше ничего не остается, — фыркнул Райленд и потащил Опорто за собой.

Железное кольцо на шее, казалось, вдруг потяжелело. Если бы только он был суперменом, вроде Дондерево, чье полузабытое имя удержалось в памяти... и чья судьба каким-то образом была связана с его собственной. Кто он был, этот Дондерево? Тераписты так настойчиво спрашивали его об этом человеке, что должна была быть у них на то серьезная причина. Действительно ли Райленд знал его? Когда он его видел в последний раз? Когда он получил от него сообщение? Что в нем говорилось? Дондерево был сыном одного исследователя, а потом торговца, который сколотил состояние, исследуя пояс астероидов и луны внешних планет, и создал коммерческую империю, не подчиняющуюся Плану Человека. Рон Дондерево прилетел на Землю изучать космическую медицину в том колледже, где преподавал математику отец Райленда. Во время его пребывания на Земле План аннексировал последние независимые астероиды и луны. Отец Рона был разбит в космической схватке. Сам Дондерево попал в опы после участия в студенческой демонстрации. Потом он вдруг исчез. Ходили легенды, что ему удалось каким-то образом избавиться от кольца и бежать в космос, вне досягаемости Плана. Райленд вспоминал лишь одну встречу с Роном, в кабинете своего отца. Райленду было тогда восемь лет, а Дондерево был уже взрослым человеком, студентом-выпускником, романтическим и загадочным мечтателем о путешествиях к внешним планетам Системы и дальше, в неисследованный космос. Но разве это объяснишь на допросе тера-

пистов? Райленд уверял, что никакого сообщения от Рона не получал, но убедить терапистов не смог. Во всяком случае, кем бы ни был Дондерево, его примеру Райленд последовать не в состоянии. Его воротник останется на месте, пока Машина не раскроет замка на нем. У Стива мелькнула сумасшедшая мысль: услышит ли он тихий щелчок реле прежде, чем воспламенится обезглавливающий заряд? Будет ли он знать, о конце заранее? Или все кончится, прежде чем он сообразит, что происходит? Найти ответ можно было только одним способом — открыть дверь и войти в чужое купе. Он наугад толкнул одну из дверей. Опорто вырвался и удивительно проворно пробежал несколько шагов вдоль коридора, а затем круто повернулся и замер с напряженным ожиданием на лице. Райленд, не задумываясь, вошел в купе. И ничего не произошло. Усмехаясь, смущенный Опорто последовал за ним.

— На первый раз пронесло, правда, Стив?

Райленд кивнул. Не было смысла ввязываться во взаимные обвинения, хотя на языке у него имелось не одно «теплое» словцо для человека, который первым толкнул его на риск, а потом попытался удрать, опасаясь возможных последствий. Но сейчас интерес представляла комната, в которую они попали. Она была примерно того же размера, что и 93 купе, и в ней никого не было. Обставлена она была скромно: узкая кровать, столик с несколькими цветами в вазе, большое зеркало, несколько шкафчиков. Здесь живет девушка, подумал Райленд, и она явно не принадлежит к высшему слою этого роскошного субпоезда. Видимо, секретарь или горничная. Кто бы она ни была, сейчас комната пустовала. Но была в купе и другая дверь, которая вела на небольшой лестничный пролет. На этот раз Райленд не дожидался Опорто. Он набрал воздух в легкие, задержал дыхание и перешагнул порог. Установив, что и эта дверь не снабжена радарной ловушкой, он почувствовал во рту кисло-соленый вкус крови. Шагнув в неизвестность, Райленд с такой силой прикусил губу, что поранил ее. Но он прошел. Ступеньки были крутые, однако помочь Опорто преодолеть их не составляло труда, свободно летевший по тунелю поезд уменьшал их вес. Они оказались в новой небольшой пустой комнате. Но эта комната была меблирована с роскошью. Похоже, это была гардеробная женщины. Все было выдержано в белых и розовых тонах, с эбеново-черными гребнями и щетками для волос на небольшом туалетном столике перед овальным зеркалом в золотой раме. По этой лестнице, догадался Райленд, должна была входить личная служанка хозяйки. Услышав, что кто-то поет, он набрал воздуха в грудь и позвал:

— Эй, кто-нибудь! Вы меня слышите? Я ищу врача!

Ответа не последовало. Пение продолжалось, голос был девичьим, чистым и приятным. Она пела для собственного удовольствия. Время от времени куплет песни повторялся, затем следовала пауза, и пение звучало вновь. Одновременно доносилось тихое мелодичное воркование, словно аккомпанемент.

Райленд посмотрел на Опорто, пожал плечами и толкнул дверь. Перед ним была серебряная комната, вся выложенная изумрудами. Подвижные зеленые огни мягко плыли по ее стенам, в центре комнаты была установлена серебряная ванна шести футов в диаметре, вмонтированная в пол. Из пастей хрустальных дельфинов били тонкие струйки ароматной теплой воды во вспененную воду ванны. И над толстым слоем пены возвышались колено, голова и руки самой прекрасной девушки, какую только встречал в жизни Стивен Райленд.

— П-п-прошу прощения,— смущенно и обеспокоенно сказал он.

Она повернула голову и спокойно посмотрела на него. На ее белых влажных плечах сидели две... птицы? Нет. Это не были живые птицы, голуби были сделаны из металла. Перья их были тончайшими чешуйками серебра, глаза горели, как рубины. Металлические создания беспокойно задвигались, когда заметили Райленда и Опорто. Они тихо, но угрожающе ворковали, и серебряное оперение слегка позванивало, как множество маленьких колокольчиков. Опорто открыл глаза, всмотрелся и прошептал:

— Это... это...— ухватился Опорто за Райленда.— Стив, это же дочка Планирующего! — выдохнул он и бросился на пол.— Пожалуйста! — взмолился Опорто и пополз в сторону ванны.— О, пожалуйста, не сердитесь, мы не хотели вас побеспокоить!

Его приближение, должно быть, встревожило девушку. Но не слишком, потому что она не повысила голоса, а, прервав песню, тихо сказала:

— Охрана.

Видимо, поблизости имелся микрофон, потому что снаружи внезапно послышался шум. Более того, у девушки имелись непосредственные защитники. Металлические голуби на ее плечах взметнулись в воздух и набросились на лежавшего ничком коротышку. Острые клювы, кончики крыльев били несчастного, словно лезвия ножей. Распахнулась дверь, и в комнату вбежали четыре высокие женщины в форме охраны Планирующего.

Все три года смерть постоянно находилась рядом со Стивом Райлендом. Она носила опрятный белый халат доктора Трейла, толстого, лысого, вкрадчивого человека, главного тераписта. Она шептала тихим, астматическим голосом доктора Трейла, в тысячный раз угрожая ему орган-банком, если только он не припомнит, о чем говорил с Роном Дондерево, если он не расскажет, что такое *пространственник, рифы космоса, нереактивная тяга.* Смерть принимала и другие обличья. Замаскированный спуск радарной ловушки, угрожающие рога радарных антенн офицерского шлема, более отдаленная угроза орган-банка. Все эти личины смерти он знал и научился жить бок о бок с ними. Ведь даже у женщин из охраны было оружие, а не только радары. Они сурово приближались к опам, посмевшим зайти в покои дочери Планирующего.

И в который раз Райленд почувствовал ледяное дыхание смерти. На этот раз очень близко — ведь каждая из этих охранниц может принять решение самостоятельно. И Машина оправдает ее, она сделала это в интересах Плана.

Девушка остановила охрану одним словом:

— Подождите!

Она стерла пену с лица, чтобы лучше рассмотреть, кто перед ней, обнажив при этом алебастровой белизны шею. Глаза у нее были серо-зеленые и спокойные. Она была весьма привлекательной и молодой. Райленд был совершенно обескуражен. В лагере изоляции не было женщин, даже картинки из журнала, изображающей прекрасный пол, там не нашлось бы, а здесь он оказался рядом с красивейшей женщиной, да еще в ее ванной комнате. Не говоря обо всем прочем, она вряд ли могла не заметить эффект, который произвела на него. Девушка чувствовала себя совершенно свободно. Голосом, в котором было больше вежливости, чем любопытства, она спросила:

— Что вам нужно?

Райленд закашлялся.

— Этому человеку необходим врач,— хрипло сказал он.

Одна из четырех охранниц резко засмеялась. Это была высокая брюнетка с мощным бюстом, она могла бы быть весьма хорошенькой, если бы ее уменьшили на десять процентов во всех измерениях. Голос ее был грубоват.

— Пойдем-ка, оп,— сказала она.— Мы позаботимся о тебе и твоем друге.

Но девушка в ванне лениво шевельнулась. Она взбила рукой пену, наблюдая, как разбегаются мыльные пузыри, и сказала:

— Не беспокойтесь, сержант. Отведите больного к врачу, если он этого хочет. Второго оставьте здесь.

— Но, госпожа... Планирующий...

— Сержант,— повторил нежный голос, не повысив тона ни на йоту. Сержант почти побелела. Указав остальным охранницам на Опорто, она повернулась и резко вышла. За ней последовали охранницы, сопровождающие коротышку. Уже из коридора сержант глянула на Райленда взглядом, полным откровенной ненависти и презрения. Голуби, описав в воздухе точные окружности, вернулись на плечи девушки. Их горящие крохотные глаза ни на секунду не выпускали Райленда из виду, но немного спустя они снова начали ворковать.

— Так вы один из людей с железным воротником, да?— внезапно спросила девушка. Райленд кивнул.

— Опасник, верно.

— Я еще никогда не разговаривала с людьми в железных воротниках,— сказала девушка задумчиво.— Вы не против, если мы поговорим? Меня зовут Донна Криири. Мой отец — Планирующий.

— Я знаю,— Райленд вдруг осознал, что на нем измятая роба

и что он без разрешения ворвался прямо в ванную девушки. Он кашлянул.— Может быть, ваш отец... то есть я хочу сказать, что я не против, но...

— Отлично,— сказала девушка, строго кивая. Она переменила положение, чтобы лучше видеть его. Зашипели лопающиеся пузырьки пены.— Я боялась, что вам будет неудобно,— сказала она.— Как вас зовут?

Райленд задрал подбородок и оттянул вниз воротник рубашки, чтобы обнажить полоску металла.

— «Стивен Райленд»,— прочитала девушка, прищурившись, чтобы разобрать сверкающие алые буквы его имени и номера.— Подождите, ведь я уже встречала ваше имя. Вы врач, нет? Пилот?

— Я математик, мисс Криири.

— Конечно же! — воскликнула она.— Ваше «дело» лежало на столе у отца. Я видела его этим утром, когда мы уезжали из Копенгагена.

От внезапно нахлынувшего волнения Райленду стало трудно дышать. Три года он пытался выяснить, какие же выдвигаются против него обвинения. Тераписты отказались дать ему сведения. Их вопросы были тщательно сформулированы таким образом, чтобы ничего не сказать,— они тысячу раз спрашивали его, что означает слово «пространственник», и не раз наказывали его за естественное предположение, что это обитатель пространства.

— Было ли там сказано...— он перевел дыхание.— Назывались ли конкретные обвинения против меня в этом деле?

Ее серо-зеленые глаза спокойно рассматривали Райленда.

— Вы проявляли незапланированный научный интерес.

— Как? Что это значит?

— Вы держали у себя тайное собрание книг и рукописей, запрещеннх Машиной.

— Неправда! — В затылок ему словно дохнул ледяной ветер.— Это какая-то ужасная ошибка...

— Планирующая Машина не совершает ошибок,— строго напомнила ему девушка.— В деле были указаны названия этих запрещенных книг. Авторами их были ученые из эпохи, предшествующей Плану. Эйнштейн, Гамов, Хойл...

— Вот как! — он вздохнул.— Тогда это всего лишь книги моего отца... те немногие, что я сохранил. Понимаете, когда я был еще маленьким, я мечтал о полетах в космос. Я встретился однажды с Роном Дондерево. Я хотел стать пилотом космического корабля и исследовать новые планеты. Но Машина убила мою мечту. Она перевела меня из Технического Корпуса в исследователи-математики. Я был направлен в какую-то лабораторию в подземном помещении, не знаю, где оно находилось, мы даже предположить не могли, находимся ли мы под дном океана, или над нами суша, или полярные льды. Не помню даже, были ли у меня на этот счет предположения... Память... в моей памяти сейчас много пробелов. У меня было два помощника: девушка-телетайпист

и человек по имени Опорто, нечто вроде живого компьютера. Вы его только что видели. Машина задавала задачи. Ну, к примеру, какова величина гистерезисной потери в катушках подземных туннелей субпоезда. Это проблемы, на которые Машина не могла найти ответа, как я понимаю... даже она не знает всего. И все же мы находили решения. Конечно, у меня не было необходимости в справочниках и других книгах для работы, потому что я мог спросить Машину, и она выдавала мне любой фактический материал. Но для большей производительности она позволила мне держать у себя несколько книг, и среди них были книги из библиотеки отца.

Он с надеждой улыбнулся девушке.

Вы ведь понимаете, что для человека, с детства мечтавшего о космосе, жизнь в подземелье не очень привлекательна. Чтение этих книг о космосе было для меня необходимым. В них содержались устаревшие теории о природе Вселенной. Используя современную математику, я вывел несколько систем уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воссоздание материи в межгалактическом пространстве...

Его остановил вид ее нахмурившихся бровей. Это действительно была не самая подходящая тема для беседы с молодой девушкой, да еще купающейся в ванне!

— Но это вовсе не запланированный интерес,— с отчаянием заключил Райленд.— Это было просто безобидное увлечение. Оно было даже полезно для Плана. Уравнения, которые я вывел для описания новых катушек туннелей субпоезда, вытекали из описания процесса постоянного воссоздания материи в пространстве.

— И только поэтому вас сделали опасником?— она задумчиво посмотрела на него и нахмурилась.— Но на вид вы совсем не опасны.

Что он мог на это ответить? Он ждал, она тем временем махнула рукой. Один из голубей покинул ее плечо и перелетел к хрустальному дельфину. Он клюнул в плавник-рычаг, и струйка ароматизированной воды прекратила течь. Райленд наблюдал за голубем, убаюканный запахом сирени. В ванной комнате было тепло, но не душно. Очевидно, скрытые вентиляторы поглощали избыток влаги.

— А на самом деле вы опасны?— вдруг спросила девушка.

— Нет, мисс Криири,— сказал Райленд. Он помолчал, не зная, как все объяснить этому ребенку.— Воротник — это не наказание, это предосторожность.

— Предосторожность?

— У Машины были основания подозревать, что в определенных условиях я мог бы представлять опасность для Плана Человека,— ровным голосом сказал Райленд.— Я ничего преступного не совершал, поймите. Но Машина не хочет рисковать, и вот... воротник...

— Создается такое впечатление, будто вы это одобряете,— с некоторым удивлением сказала девушка.

— Я лоялен по отношению к Плану!

— Но ведь мы все лояльны, верно?— сказала она.— Однако мы не носим воротников?

Райленд покачал головой.

— Я никогда не делал ничего такого, что угрожало бы Безопасности Плана.

— Но, может, вы все-таки совершили что-то не совсем...

Райленд усмехнулся. Удивительно легко с ней разговаривать, подумал он. Усмешка превратилась в улыбку, настоящую улыбку. Райленду давно уже не приходилось по-настоящему улыбаться.

— Да,— признался он.— Я действительно совершил что-то «не совсем»... Там была девушка.

— Стивен, Стивен,— Донна Криири с насмешливой улыбкой покачала головой.— И опять девушка. Я думала, так бывает только в романах.

— И в жизни тоже, мисс Криири.— Райленд почти полностью расслабился.

Внезапно в ее настроении произошла резкая перемена.

— Но в вашем деле сказано нечто другое,— ледяным тоном проговорила она.— Вы обвиняетесь в сокрытии информации о некоем устройстве, представляющем угрозу Безопасности Плана Человека.

— Это не так!— отчаянно запротестовал он.— Кто-то допустил ошибку, несмотря на точность Машины. Меня три года обрабатывали тераписты в лагере повышенной безопасности, пытались вытащить из меня сведения, которых не было!

Ее глаза чуть расширились, показывая спокойную заинтересованность.

— Какого рода сведения?

— Я сам не знаю.— Он вздрогнул, когда на мгновение вернулись воспоминания о пережитом.— Они тщательно избегали каких-то намеков, и наказывали, если я пытался вспомнить то, о чем меня заставляли вспоминать. Меня привязывали, цепляли электроды, записывали малейшую реакцию. Они повторяли эти слова миллион раз. *Пространственник. Рифы космоса. Фузорит. Пироподд. Нереактивная тяга.* И еще два имени — Рон Дондерево и Даниел Хоррок. Собрав в одно целое эти слова и некоторые другие намеки, я понял, что тераписты были уверены, будто бы этот Хоррок доставил мне некое сообщение от Дондерево. Весть из космического пространства, что-то о рифах космоса, что бы это ни означало. И обо всех этих пироподах, фузоритах. И в особенности о чем-то под названием «нереактивная тяга». Они пытались из меня вытащить, как построить нереактивный двигатель.

Она опять нахмурилась.

— А что это такое — нерактивная тяга?

— То, чего не существует,— сказал он.— Нереактивная тяга — это двигательная система, не основанная на противодействии. Сумасшедшие изобретатели уже триста лет пытались соорудить подобный двигатель. Но каждому ясно, что такая система будет противоречить Третьему Закону Движения. Невозможно толкать вперед лодку, не отталкивая одновременно назад воду.

— Я понимаю,— она серьезно кивнула.— Так же невозможно, как соорудить новые атомы и новый космос.

Он пристально взглянул на нее.

— Но я ни в коем случае не мог получить сообщения от Хоррока или кого-то еще,— отчаянно продолжал настаивать он.— Во всяком случае, не в тот момент, когда, как они думали, это произошло. В ту пятницу чудаковатый Опорто и телетайпистка были со мной весь день. Мы работали допоздна, заканчивая документацию для новой силовой катушки. Опорто я позволил уйти примерно в шесть часов вечера, у него разболелась голова. Телетайпистка вышла вместе с ним, но сейчас же вернулась — принесла мне кофе и бутерброды. Не прошло и получаса, как кто-то постучал в дверь. Я думал, что вернулась девушка, но это была полиция Плана.

— Это все произошло в пятницу.— В глазах Донны Криири было странное отсутствующее выражение.— Судя по записям в вашем деле, вы были доставлены в камеру предварительной изоляции в шесть часов вечера в понедельник. Таким образом, по крайней мере три дня выпадают из вашего рассказа.

Райленд с трудом глотнул.

— Не может быть! — он покачал головой.— Опорто и девушка только-только вышли, и...

— Я изучила ваше дело с известной тщательностью.— По какой причине — она не сочла нужным сообщить.— И я уверена, что взяли вас в понедельник.

Райленд почувствовал легкий укол возбуждения. Это даже больше, чем он надеялся узнать о своем деле.

— Что ж, это возможно,— пробормотал он.— Сначала я находился в одном месте, которое по ошибке называли центром отдыха, где-то под землей. Тераписты работали круглые сутки, и я не мог знать ни времени, ни даты. И все же я до сих пор не имею понятия, как создать безпротиводействующую двигательную систему. И я по-прежнему уверен, что Машина позволила себе совершить ошибку.

Донна Криири укоризненно покачала головой. Райленд смолк, чувствуя, как туго охватывает шею железное кольцо. Он сошел с ума! Так разговаривать с дочерью Планирующего! Он сказал хрипло:

— Мисс Криири, я вам мешаю, я должен идти.

Она засмеялась, казалось вдали заиграла тихая музыка.

— Я вас не прогоняю,— очень мягко сказала она.

— Но... вы... в ванне...

— А я всегда предпочитаю проводить поездки в воде. Так удобней, когда начинается вторая половина пути. И не волнуйтесь о том, что скажет отец. Он правит миром — для Плана, конечно! Но он не властен надо мной.— Она улыбнулась.— Наверное, ей нет и двадцати, подумал Райленд печально, у него уже не оставалось сомнений в том, что Донна Криири знает силу своих женских чар.— Не опасайтесь моих голубей Мира,— сказала она. Он взглянул на серебряных птиц и на их стальные клювы.— Мне очень жаль, что они поранили вашего товарища,— извинилась она.— Но они решили, что он угрожает мне.— Как видите, даже без охраны я нахожусь под защитой.

Она взмахнула рукой, и комнату наполнила тихая музыка, льющаяся из невидимых динамиков.

— Та девушка, какая она была?— неожиданно спросила она Райленда.

— Красивая,— коротко ответил он.

— И опасная!

Он кивнул. Опасная? Но эта девушка была куда опасней для него. Он не имел права входить сюда. Машина так этого не оставит. Успокаивая его, Донна Криири сказала:

— Расскажите мне о ней. Так она была хорошенькая?

— Наверное. Мне так казалось. У нее были длинные русые волосы, зеленые глаза. Такие, как у вас. И она работала в тайной полиции, но я этого не знал до того самого дня, когда пришла полиция.

Девушка неестественно громко рассмеялась, металлические голуби беспокойно зашевелились, сохраняя равновесие.

— И она предала вас. Теперь вы боитесь, что так же сделаю и я? Не бойтесь, Стивен, я обещаю вам.

Он пожал плечами.

— Я вам уже говорил. Мне еще повезло. Отправили только в лагерь. А могли ведь и в орган-банк.

Обдумывая его слова, она склонила голову, и он заметил, что волосы ее имеют красноватый оттенок. Наконец она вздохнула и сказала:

— И вы стали опасником. Но вам следовало быть осмотрительнее, Стивен. Вам нельзя было уклоняться от требований Плана. Теперь вам приходится носить железное кольцо. Вы не можете от него избавиться?

Настал черед смеяться и ему.

— Нет, не можете,— серьезно сказала она.— Но на вашем месте, думаю, я нашла бы способ. Если бы я была математиком и мне пришлось бы носить этот воротник, то для меня это было бы только еще одной задачей, и я решила бы ее.

— Воротник был изобретен полковником Замфиреску,— печально сказал Райленд.— Лучшим инженером в Техническом

Корпусе... до того, как он сам попал в утилизацию. Он все предусмотрел.

— Ведь это лишь полоска металла, Стивен!

— Самая прочная броневая сталь в мире. А внутри еще обезглавливающий заряд, подключенный к водородной энергоячейке — ее хватит лет на сто, и этого достаточно. На мой век хватит. Кроме того, воротник застрахован от попыток повредить его. Если только я попытаюсь перепилить металл... или хотя бы открыть запор и случайно перепутаю ключ или поверну его не в ту сторону,— он прикончит меня на месте. Вы когда-нибудь видели, как работает обезглавливающий заряд, мисс Криири? Я видел.

Она вздрогнула, потом сказала:

— На вашем месте я бы убежала.

— Далеко бы вы не ушли! — Волны радара бегут быстрее. И даже если бы вам удалось удрать — куда-нибудь к Ледяным Мирам или на одну из орбитальных станций Меркурия — то на этот случай в воротнике есть реле времени. Периодически его нужно переключать специальным ключом. Если же вы вовремя его не перенастроите — бах! И неизвестно, когда наступит этот крайний срок, но случится это не позже, чем через год.

— О! Тогда его необходимо снять,— мудро заметила она.— Он расхохотался, не в силах сдержаться. Что за нелепейшая идея!

— Не смейтесь, Стивен. Рону Дондерево это удалось,— сообщила она.

— Дондерево! Что вы знаете о Дондерево?

— Совсем немного,— сказала она.— Я была с ним знакома, видите ли, когда была еще ребенком. Я помню, что видела его с кольцом на шее, а потом... Я снова видела его, но уже без кольца.

Он пристально посмотрел на нее.

— Так вы *видели* Дондерево...— начал он.

Но тут вдруг в дверь громко постучали.

— Мисс Криири! — послышался настойчивый обеспокоенный мужской голос из-за двери.— Планирующий прислал меня за этим опом!

Райленд стремительно выпрямился. На мгновение он позволил себе забыться, но голос охранника вернул его к реальности.

— Вам нужно идти, Стивен,— сказала девушка. Она что-то прошептала, и один из серебряных голубей Мира слетел с ее плеча, описал круг, не спуская красных точек глаз с Райленда, и на лету тронул дверь, которая тут же открылась без звука.— Будьте осторожны,— мягко сказала девушка.— И не слишком расстраивайтесь из-за Анджелы.

— Хорошо,— только и сказал Райленд, словно заводной автомат направившись к двери, где офицер, ощетинившийся рогами радарной антенны, уже поджидал его со злорадным выражением на гранитной физиономии. И лишь когда дверь бесшумно задви-

нулась за ним, он вспомнил, что Донна первая назвала имя той, что предала его — Анджела Цвиг.

Всю жизнь за ним наблюдал Планирующий. Бесстрашное, доброжелательное лицо смотрело на него со стереоплакатов на стенах комнат в доме родителей, в казармах Технокорпуса, в классах школы, на любом перекрестке или площади, в любой лаборатории и в любом здании, где ему приходилось работать. Райленд знал это лицо лучше, чем лицо собственного отца — впрочем, так же, как и любой другой житель Земли и планет. Планирующий сидел за массивным письменным столом в кресле, состоявшем из воздушных подушек и искусно упрятанных пружин. Он казался полностью погруженным в разложенные на столе бумаги из какой-то папки. Чувствуя себя крайне неловко, Райленд стоял и ждал. Между Планирующим и дочерью не было сходства. Она была черноволосой и привлекательной, у нее было лицо святого ребенка; он был угловатый, волосы посеребрила седина, и у него было лицо льва. Короткие седые волосы были подстрижены в виде шлема. И над самой головой, на спинке громадного кресла застыл серостальной ястреб. Но это было не украшение, потому что его металлические веки медленно приподнялись, и маленькие яркие гранатовые глаза уставились на Райленда. Наконец Планирующий поднял голову и улыбнулся.

— Сынок, разве ты не привык регистрироваться? — спросил он бархатным голосом. Райленд вздрогнул.

— Простите, сэр, — он поспешил к облицованному золотыми пластинками телетайпу и выстучал свое имя. Кодовая пластинка на панели аппарата отметила просто: «Один».

Седоволосый человек усмехнулся.

— Итак, ты Стивен Райленд. Когда-то я тебя уже видел, но ты этого не помнишь.

— Сэр? — не понял Райленд.

— Это было очень давно, сынок, — задумчиво сказал Планирующий. — Я пришел к вам домой, ты был еще совсем ребенком. Не удивляйся. Понимаешь, я знал твоего отца.

Райленд пошатнулся. Он наполовину висел в воздухе, в этот момент гигантская сфера вагона достигла высшей скорости, но голова его закружилась не от этого, и даже не потому, что он не ел почти целый день. Причиной были слова человека по ту сторону стола. Он сказал, не веря услышанному.

— Сэр, мои родители никогда не упоминали ни о чем подобном. Наверняка они были бы горды...

Планирующий громко и величественно рассмеялся.

— Сынок, — воскликнул он, — видишь, ты многого не знал о своих родителях! Они совсем не гордились знакомством со мной. Наоборот, им было стыдно, потому что, видишь ли, твой отец меня ненавидел, очень. — Он кивнул. Улыбка его медленно иссякла. Голос его стал скрежещущим, словно наждак. — Твой отец был врагом Плана! — рявкнул он.

— Сэр! — запротестовал Райленд. — Я ничего не знаю об отце. Он исчез, когда я был ребенком. И мать мне ничего не рассказывала.

— Еще бы! — свирепо сказал Планирующий. — Она была очень опасная женщина, и совсем неглупая. Оба твои родителя были неглупыми людьми. Что же это случилось с тобой, а?

— Сэр? — Райленд не знал, что сказать.

— Как ты попал в опасники? — проскрежетал Планирующий. — Тебе не следовало пытаться перехитрить План. Это была глупость!

Райленд глубоко вздохнул. Быть может, это его счастливый случай, чтобы представить свое дело.

— Сэр, позвольте мне объяснить, — начал он. — У меня и намерения не было идти против Плана. На меня донесла одна девушка, и Машина переклассифицировала меня в опасники. Я думаю, это была ошибка, но...

— Ты сомневаешься в решениях Машины?

— Нет, сэр. Не Машины, но информации, которая...

— Оставь! — фыркнул Планирующий. — Не усугубляй своего положения. Ты — сын своего отца и должен помнить, что все, что ты делаешь, находится под подозрением.

У Райленда перехватило дыхание. На секунду он буквально онемел. Он слегка покачивался, пока шар вагона безостановочно несся вперед, начиная вторую половину пути — уже против направления силы тяготения. Потом он взорвался:

— Сэр, верно ли я вас понял? Вы говорите, что Машина сочла меня опасником лишь потому, что мой отец совершил нечто еще до моего рождения? Это несправедливо. Это...

— Справедливо! — проревел Планирующий. Ястреб тем временем открыл оба глаза и беспокойно закружился над своим хозяином. — Что это за слово, Райленд? «Справедливость, свобода, демократия». Все эти слова часто повторял твой отец, ты их впитал с молоком матери. И они ничего не значат! Какое отношение имеет справедливость к 750 калориям в день?

— Справедливость, — фыркнул он, — давно себя изжила, ее больше нет. Крышка! Ты знаешь, чем занимались твои благородные предки, сынок? Они добывали «справедливость» и «демократию» из природных запасов мира. Они не выдумали их, они их выкапывали, точно так же, как фермеры, истощая почву своих полей — двадцать колосьев пшеницы, и нет фута почвы. Чернозема больше нет! И вместе с ним исчезла «справедливость» и «демократия»! Теперь мир — замкнутая система, сынок, у нас почти ничего не осталось!

Этот дикий взрыв совершенно ошеломил Райленда.

— Но... но, сэр! — пробормотал он. — Ведь дальние планеты наверняка открывают новые горизонты, новые источники ресурсов...

— Молчать! — гаркнул Планирующий, его угловатая седая

голова угрожающе качнулась вперед, будто молот. Серостальной ястреб над ним многозначительно зашевелился. Планирующий сверлил Райленда взглядом, пока кресло его компенсировало усиливающееся тяготение второй половины пути субпоезда. Вес стал нормальным, потом превысил нормальный. Планирующий Криири сказал:

— Райленд, ты совсем как твой отец. Он так и не понял, что новых горизонтов нет, но ты должен это понять. План Человека основан на постоянном сокращении тех пагубных личных свобод, что когда-то почти разрушили наш мир. Война! Пылевые бури! Наводнения! Лесные пожары! — Каждое слово было жестким и точным, он словно выплевывал их в лицо Райленду.— Нам приходится платить по счету за то, что было растрачено твоим отцом и такими, как он. Никогда не забывай этого, сынок!

Райленд стоял молча. Спорить с этим человеком было невозможно; эту властность и самоуверенность мог бы поколебать ствол пистолета, но не человеческие аргументы. Немного спустя, Райленд сказал:

— Я этого и не забывал.— И не забуду, подумал он, пока у меня на шее этот железный воротник.

— Тебя беспокоит кольцо,— неожиданно сказал Планирующий и усмехнулся. Он как будто прочел мысли Райленда — не такое уж сложное дело, сообразил Райленд.— Но мы все носим свои воротники, сынок. Мы все, от Планирующего и вплоть до отверженных, ждущих своей очереди в орган-банке, должны отчитываться перед Машиной за каждый час прожитого дня. Каждый из нас носит невидимые кандалы Машины. Не все знают, что смерть сковала их ледяным кольцом, но природа этот хомут повесила на шею каждому.

Райленд невольно улыбнулся. Нет, в этом человеке была не только способность повелевать, но он обладал и обаянием, таким, что действовало даже на опасника.

— Но если ты очень пожелаешь,— добавил Планирующий небрежно,— ты можешь избавить именно свою шею именно от этого железного воротника.

На мгновение Райленд не мог поверить своим ушам.

— Избавиться от воротника!

Планирующий величественно кивнул. Он снова слегка шевельнулся, тронул кнопку. Массивное мягкое кресло слегка наклонилось назад. Ястреб захлопал металлическими крыльями, взмыв в воздух, когда подголовник кресла выдвинулся из спинки и удобно охватил голову Планирующего. Субпоезд начал основной этап торможения. Слабый визг доносился сквозь звукоизоляцию комнаты. Райленд знал, что это визжала ослабевающая энергия, толкавшая вагон сквозь кольца невидимого электростатического магнита. Визг вызывало не трение, а гетеродинные колебания от генераторов, мчавших вагон. Райленд зашатался, когда его вес начал увеличиваться.

— Все мы связаны с Планом, тем или иным образом,— сказал вдруг Планирующий.— Я должен попытаться найти неразрушимую связь, которая привязала бы к Плану тебя и заменила бы железный воротник — или ты должен найти ее сам, тогда воротник будет снят.

— Наверняка моя работа доказывает мою лояльность,— в отчаянии сказал Райленд.

— Наверняка не доказывает,— передразнил Планирующий. Он покачал головой, как большой медведь, отчитывающий непослушного медвежонка.— Дело не в том, что ты уже успел сделать,— пояснил он,— а в том, что ты сделаешь сейчас. Ты работал, как тебе нравилось, Райленд, возможно, и талантливо, но работать ты должен только в рамках Плана. Всегда. Каждую минуту. Планирующая Машина даст тебе задание. Если ты выполнишь его...

Райленд тяжело задышал, тело его налилось свинцом, потому что субпоезд все дальше удалялся от расплавленного центра Земли. Он хотел продолжить разговор,— расспросить Планирующего, возможно, узнать секрет трех недостающих дней. Но тело его не желало напрягаться. Они мчались внутри туннеля из раскаленного добела камня, только силовые кольца не давали стенам сомкнуться. Он снова чувствовал себя как в лифте, только теперь лифт шел наверх. Вертикальная составляющая скорости вагона быстро поднималась до 150 миль в час. Даже голос Планирующего несмотря на противоперегрузочное кресло стал хриплым, и говорил он медленно.

— Ты можешь теперь идти, Райленд,— продолжал он.— Но, наверное, ты хочешь узнать, в чем заключается твое задание?

Райленд не ответил, но за него говорили его глаза. Планирующий медленно усмехнулся.

— Да, конечно, Машина считает, что ты справишься с ним. Ты должен... Впрочем,— глубокомысленно заметил он,— у нас у каждого своя роль, и я не обязан понимать все, что приказывает мне Машина. Твоя задача — изобрести нереактивную тягу.

Райленд покачнулся и поспешно ухватился за край стола Планирующего.

— Не... нереактивную тягу?

Планирующий, кажется, был доволен.

— Понимаю,— сказал он.— Видимо, и ты не понимаешь требование машины. И тем не менее это то, что она требует от тебя.

— Вы имеете в виду...— Райленд пытался отдышаться.— Вы имеете в виду безреактивную двигательную систему?

— Именно.

— Знаете ли вы, что ваши мастера пыток, ваши восстанавливающие тераписты три года пытались заставить меня разъяснить, что лежит в основе нереактивного двигателя, они были уверены, будто я знаю.

— Я знаю об этом.— Величавый человек за столом пожал

плечами.— Я знаю, что у них ничего не вышло. Машина получила информацию, что ты сконструировал такой двигатель. Эта информация, очевидно, была ошибочной. Но требуется такой двигатель. Он нужен для безопасности Плана. Машине требуется нереактивная тяга. Записи о твоих достижениях и возможностях говорят, что ты пригоден для работы и создания такого двигателя... Страшнее будет, если его изобретут и он попадет в руки врагов. Если ты хочешь избавиться от воротника и остаться живым, ты создашь нереактивный двигатель. Теперь,— сказал он усталым голосом,— ты должен идти.

Словно сквозь туман видел Райленд, как Планирующий шевельнул узловатой рукой в сторону выхода. Ястреб заволновался и слегка передвинулся, рассекая воздух металлическими крыльями. Открылась дверь. Вошел один из офицеров охраны. Это был настоящий великан, но и он шагал очень осторожно под прессом двойного тяготения.

— Райленд,— прошептал человек в кресле за столом.

Райленд обернулся, опершись на офицера в голубой форме.

— Моя дочь,— тихо сказал Планирующий. Визг перешел в рев, почти заглушая его слова,— у Донны мягкое сердце, которое она унаследовала от матери, но мозг она унаследовала от меня. Не придавай особого значения тому, что она позволила тебе беседовать с ней в ванной.

И глаза старого человека закрылись. Планирующий опустил голову на подголовник кресла.

Оператор-майор Чаттеради сказал мягко:

— Вам у нас понравится, Райленд. У нас тут неплохая компания.

— Да, сэр,— ответил Райленд, осматриваясь. Он находился в комнатке со стальными стенами, на стене висел знак Безопасности. Он понятия не имел, где на земле или под землей он мог сейчас находиться.

— Не волнуйтесь по пустякам,— продолжал майор.— Главное — делать дело, вот о чем мы здесь беспокоимся.

Райленд кивнул. Маленький майор был по-юношески подвижен и легок в движениях, словно котенок. Антенный шлем он носил небрежно, будто это была часть маскарадного костюма. Он перехватил взгляд Райленда.

— А, это...— смущенно заметил он.— Чертовски неудобная штука. Но все же, вы ведь опасник, и приказ Машины...

— Я к этому привык.

— Но вы здесь не единственный человек,— поспешно добавил оператор-майор Чаттеради.— Бог мой, кое-кто из наших лучших работников тоже ходит с этим ошейником и вообще...

— Простите, майор,— перебил его Райленд. Он нагнулся к телетайпу и быстро отстучал свое имя, код и подтвердил факт своего прибытия. Без промедления телетайп ответил ему:

«П. ИНФОРМАЦИЯ: оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус.

ДЕЙСТВИЯ: затребовать необходимое оборудование для расширения систем управлений общего силового поля и равновесного состояния».

Райленд нахмурился. Майор Чаттеради, заглянув через его плечо, воскликнул:

— Уже задание, Стив! О, у нас все делается быстро. У меня есть шестирегистровый калькулятор и комната, куда можно его поместить, пока вы переоденетесь. Гарантирую вам мешок долларов!

— Я не понимаю,— сказал Райленд.— Общая теория силового поля и равновесное состояние — что это значит?

Но майор оказался жизнерадостным невеждой. Его дело — администрирование, все остальное Райленд узнает в свое время, не так ли? Райленд пожал плечами.

— Ладно. Но мне не нужен калькулятор — пока у меня есть Опорто.

— Второй опасник?— Оператор-майор Чаттеради моргнул.— Всегда держитесь вместе. Понимаю. Я откомандирую его вам.

Райленд снова взглянул на телетайп. По-настоящему важная часть приказа требовала некоторого размышления: *Оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус.* Вот этот человек, с блестящими, подвижными как ртуть, глазами, крючковатым носом, вот этот человек и должен будет повернуть ключ, который откроет воротник?

Что это значит — уполномочен переквалифицировать? Машина всегда выражается точно. Лишь человеческое существо не всегда правильно понимает то, что она говорит. Например, имеется ли ввиду, что майор Чаттеради сможет освободить Райленда, или это значит, что он лишь изменит его статус... Эта мысль его отрезвила. Нереальная туманность всех событий прошлого, кроме фактов научного характера, вызвала у Райленда ноющее чувство одиночества и потерянности.

— Зачем Машине нужна нереактивная тяга?— неловко задал он вопрос майору.— Ионные корабли вполне способны достигать любой планеты, а План Человека и так, кажется, все глубже зарывается в недра, покидая космические колонии...

— Прекратите! — резко одернул его майор.— Подобные мысли не входят в ваши функции!

Но Райленд продолжал настаивать:

— Машина, кажется, опасается, что нереактивная тяга попадет в руки врагов Плана! Чьи это могут быть руки? План покорил все планеты, теперь в него включено все человечество. Исключая нескольких беглецов вроде Рона Дондерево.

— Не говорите о нем! — майор казалось, был потрясен.— Нам и без того хватает здесь забот, чтобы допускать незапланированные беседы.

Райленд пожал плечами, давая понять, что больше вопросов нет, а Чаттеради сразу вернулся в прежнее жизнерадостное настроение.

— Вас нужно разместить! — заулыбался он, золотая оправа его очков поблескивала.— Пора Девочка, войди!

Дверь открылась. В комнату важно вплыла высокая блондинка. На ней были алые брюки и короткий алый жакет. Два века назад она могла бы быть мажореткой из оркестра, но теперь, в эру Плана, она исполняла более важную функцию.

— Познакомьтесь, Стив, это Вера. Одна из наших общительниц. Она поможет вам освоиться у нас. Я гарантирую!

Общительница улыбнулась натренированной лакированной улыбкой.

— В совершенстве знай свои функции — только свои,— пропела она.— Таков наш лозунг, мистер Райленд.— Голос у нее был кукольный.

— И превосходный лозунг, в самом деле! — поддержал майор Чаттеради, сияя.— Можете начинать, Вера. И не забывайте, в семь часов сегодня вечер общения.

Мысли Райленда вертелись вокруг нереактивной тяги, гипотезы равновесного состояния, трех пропавших дней его жизни и фразы: «Майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать...» И еще он думал о том, что Планирующий знал о его беседе с Донной в ванной. Но и слова общительницы были важны. Он попытался отставить в сторону все остальные мысли и прислушался.

— Вам здесь понравится, Стивен,— прошептала она, торжественно беря его под руку. Улыбнувшись, она направила Райленда вдоль тоннеля с серыми бетонными стенами. Окон не было.

— Это называется Пункт Черный Круг. Странное название, правда? Но ты привыкнешь. Я тебя научу.

Пункт Черный Круг представлял собой штаб-квартиру, где оператор-майору Чаттеради, главному администратору, приходилось терпеть бесконечные волнения по поводу снабжения и работы персонала.

— Пункт Серый Треугольник,— пропела девушка, взмахом руки указывая на перекресток впереди.— Это медицинский сектор. Расстройства, недомогания, травмы, в также...— она шаловливо хихикнула,— отправное отделение для орган-банка.

Райленд вздохнул.

— О, не стоит волноваться, Стив,— успокаивающе сказала она.— Можешь доверять майору Чаттеради. Ты делай свое дело, а он будет делать свое. Это и есть работа сообща.

— Да, я понимаю,— пробормотал Райленд.— Просто... я уже имел шанс попасть в орган-банк. Признаюсь, идея оказаться в мясорубке меня не восхищает.

Общительница, шокированная, замерла на месте, ее правильные бровки выгнулись.

— В мясорубке? Стив, что это за неплановое слово?!

— Я имел в виду...

— Плановый термин,— твердо сказала она,— звучит так: «утилизация». И ты не можешь отрицать логику Машины, правда?— Она не стала ждать его ответа. Она уже увлеклась хорошо заученной речью.— Орган-банк,— твердила она,— обеспечивает проблемную группу необходимым, гарантирующим максимально продуктивную работу. Если их усилия окажутся успешными, группе нечего опасаться. Если их ждет неудача...

Она очаровательно пожала плечиками и вздохнула.

— Благосостояние Плана Человека,— сказала она,— требует от них иного рода отдачу. То есть их анатомические органы должны участвовать в улучшении здоровья других граждан. Такова работа сообща!

— Благодарю!— раздраженно сказал Райленд. В лагере изоляции за полярным кругом, подумал он грустно, было тяжело и тоскливо, и не было никаких удобств, но там, по крайней мере, он не обязан был выслушивать лекции от девчонок, у которых еще молоко на губах не высохло. Название Пункта Серый Треугольник было изобретением Безопасности, как и все остальные названия. Все заведение называлось Группа-центр. Оно могло находиться под озером Эри или под дном Индийского океана — Райленд не знал, в какую точку земного шара судьба его забросила сейчас. В Пункте Серый Треугольник он прошел необходимые тесты. Он мельком видел Опорто, на вид тот был вполне здоров, но казался несколько удрученным. Они помахали друг другу, но поговорить не было возможности, так как Опорто как раз выходил из одной лабораторной комнаты, а Райленд входил в другую. По крайней мере, подумал Райленд, коротышку еще не утилизировали. Потом за пять часов тестирования он забыл про Опорто. Сотрудники Серого Треугольника принялись за измерения его функциональных показателей и коэффициентов лояльности с помощью всех видов тестов. Лаборанты раздевали его и закрепляли в кресле, прикрепляли электроды своих аппаратов, а тем временем допрашивающие требовали от Райленда мельчайших деталей о его жизни, вплоть до точного указания, какие игрушки подарила ему мать на третьем году жизни в день его рождения. Эти тесты снова вернули его память к тем горьким дням, когда он сеанс за сеансом проходил «терапию» в «Центре отдыха», дням, которые казались веками, когда его подвергали наказанию снова и снова, потому что он не в состоянии был понять смысл сумасшедших вопросов, которыми забрасывали его тераписты. И теперь каждую секунду все внутри Райленда сжималось от страха — вдруг этот ад повторится? Кто-то задаст ему вопрос о пироподах или Роне Дондерево. Кто-то потребует ответа — куда делись три дня его жизни, или прикажут, чтобы он начертил схему устройства, о котором он никогда не слышал. Но все обошлось, вопросы были стандартными. Практически каждый такой вопрос ему уже не раз задавали

прежде, и, быть может, по сотне раз. И каждый ответ был давно записан на барабанах памяти Планирующей Машины. Но допрос продолжался. За его реакциями наблюдали в слепящем свете, они же фотографировали при инфракрасном освещении, что для Райленда было равносильно полной темноте. Раз за разом брали различные анализы. Целые залпы инъекций сначала стимулировали, потом успокаивали его, а один раз погрузили в короткий сон. Бог знает, какие аноды проверяли в этот момент мускульное напряжение внутренних органов. Наконец все кончилось. Он облачился в новые хрустящие алые брюки и куртку и был снова выставлен в серый бетонный коридор, где его ждала Вера. На губах ее застыла лакированная улыбка, в глазах лучилось удовольствие.

— Ты прошел все благополучно! — пропела она. — Я знала, что ты справишься. Теперь ты полноправный член Группы.

Она шла рядом с ним, щебеча.

— Теперь я покажу тебе твою комнату. Очень симпатичная комната, Стив! А потом, о, потом у нас еще много дел. Тебе понравится наша общая столовая. У тебя будут замечательные условия для работы. Все превосходно — и это справедливо, верно ведь? От тебя так много ждут, и от всей группы тоже, правда? Мы должны оправдать доверие — такова работа сообща!

Она водила его по коридорам Центра примерно час и не умолкала ни на минуту. Она привела его в местную столовую, чтобы перекусить. Больше там никого не было, они опоздали к обеду из-за проверки в Сером Треугольнике. Пища была обыкновенным рационом для служащих особого профиля разряда «А» — примерно то же самое, что и в лагере повышенной безопасности, хотя в ней было поменьше калорий. Но приятно было посидеть и покурить после еды. И еще она показала ему его жилище. Комната оказалась довольно удобной. Кровать была неожиданно мягкой, книжный шкаф был уже полон — об этом успел позаботиться майор Чаттеради. Для справочников и таблиц отвели просторный ящик. Было отделение для личных вещей, которых у него давно уже не водилось.

— Какая прелесть, правда? — с энтузиазмом восклицала общительница. — Но нам нужно спешить, Стив. Уже почти семь часов!

Общая Столовая находилась выше лабиринта туннелей, составляющих Группу-Центр. Ее серые бетонные стены были довольно легкомысленно оживлены пестрой краской. Здесь было светло и шумно. Только общительниц было не меньше двадцати. Такие же симпатичные, как и Вера, они танцевали с веселыми офицерами Технокорпуса, сидели с ними за столиками, пели, собравшись вокруг фортепиано. Сновали торопливые официантки, тоже симпатичные, разнося напитки и легкие закуски. Были тут и офицеры — новые коллеги Райленда. Все они носили плотную алую униформу. Сердце Райленда забилось сильнее — он заметил, что трое из них носят железные кольца, такие же, как у него. И они

смеялись. Один танцевал с высокой рыжеволосой девушкой, двое увлеченно играли в карты. Железные воротники, казалось, не слишком их тяготили. Райленд удивленно вздохнул. Может быть, именно о таком месте он и мечтал все три года. С одной стороны комнаты имелось громадное окно двадцати футов в высоту, сделанное из бронестекла. Снаружи уже почти севшее солнце заливало оранжевым светом древние утесы. Вершины сосен качались под порывами неслышного ветра, а дальний склон горы был весь усыпан вечнозелеными елями и уже пожелтевшими осинами. Вера тронула его за руку.

— Что случилось, Стив? Ты боишься высоты?

Но он едва сознавал, что видит за окном. Все его мысли были заняты воротником. Он моргнул и вернулся к действительности.

— Я... я до сих пор не знал, где мы находимся.

— Но ты и сейчас не знаешь,— засмеялась она.— Пойдем, я представлю тебя Руководителю Группы.

У генерала Флимера были большие глаза навыкате и тесная форма, отчего он выглядел, как большая самодовольная жаба.

— Значит, это вы Стивен Райленд?— Генерал потряс его руку, глаза его сияли дружелюбием.— Рад, что вы к нам присоединились, Стив!— Он усмехнулся и щелкнул ногтем по воротнику. Металл слабо зазвенел.— Мы с тебя эту штуку мигом снимем. Главное — давай результаты, и доверие тебе обеспечено! Что может быть справедливее?

Он подхватил Стивена под локоть и потянул его вперед. С другой стороны торопилась Вера.

— Хочу познакомить вас с некоторыми другими сотрудниками,— прогудел генерал.— Ага! Паскаль! На минуту. Стив, я хочу вас познакомить...

— Но я уже давно знаком с полковником Лескьюри,— сказал Райленд. Это был тот самый седоволосый офицер Технокорпуса, который показал им купе вагона поезда Планирующего. Полковник кивнул ему и отвел в сторону, пока Генерал собирал остальных членов Группы.

— Я не хотел ничего говорить вам тогда... но я уже знал, что вы направлены сюда. И я рад. Ваше... э-э... собеседование прошло успешно?— И он весело ткнул Райленда в бок.

Райленд прекрасно понимал, что полковник мог отнестись к нему не столь благосклонно, если бы собеседование прошло неудачно, но решил не придавать этому особого значения.

— Да,— сказал он.— Планирующий был настроен...

— Планирующий?— полковник Лескьюри подмигнул,— я о другом собеседовании, парень. Ничего девица, а?

Стивену Райленду начало казаться, что едва ли найдется кто-то, кому еще не известно, что он три четверти часа провел в ванной комнате Донны Криири.

— Эй, там!— позвал генерал.— И вы тоже, Отто!

Когда Райленд подошел к генералу, полковник Отто Гэттлинг

уже приблизился, тяжело ступая, с каменным выражением на лице. Оказалось, он был экспертом по ракетным камерам сгорания. Камера его конструкции применялась на всех кораблях последних двенадцати экспедиций к внешним планетам. Каждый сотрудник Группы был специалистом в какой-нибудь области, и Райленд с трудом мог себе представить, каким образом эти области знаний сочетаются здесь. Например, полковник Лескьюри, как он узнал, был Директором отдела Космической Биологии Плана. Майор по имени Лангрен был астрофизиком. Были еще два математика: один — специалист в области теории чисел, имя второго было Райленду смутно знакомо, кажется, он был автором работы по стандартным циклам. (По странному совпадению — или это не было совпадением — оба носили на шее кольца). Третьим опом был химик, специалист по пищевым продуктам, полный веселый человек, автор каламбуров и смешных стишков. Но несколько часов спустя Райленду уже удалось узнать, что вечер далеко не полностью был посвящен Сообщности. Когда все собравшиеся успели немного охмелеть, генерал Флимер вскарабкался на стол и, застучав каблуком, потребовал всеобщего внимания.

— Тост! — проревел он. — За Работу Сообща и за План!

Раздались одобрительные возгласы. Флимер вместе со всеми осушил свой бокал, потом вдруг стал серьезен.

— Кое-кто из вас, — крикнул он, — может, и не понимает, на что нацелена наша Группа! Что ж, вы скоро поймете! Но ради новых наших товарищей позвольте мне в общем обрисовать философию Групповой атаки вообще. Это наисущественнейший инструмент нашего научного прогресса.

— Ура Групповой Атаке! — заревел один из математиков-опов, а девицы-общительницы вокруг захихикали.

Генерал Флимер благодушно улыбнулся ему. Он продолжил:

— В давние-давние времена — так объяснил мне групповой историк, — наукой занимались одиночки. Кто-то из вас, может быть, думает, что так делают до сих пор. — Он послал ледяную усмешку Райленду и остальным опасникам. — Но эти времена давно прошли. Поворотным пунктом была группа Эйнштейна, собравшаяся, чтобы атаковать фундаментальные проблемы деления атомов. К сожалению, — с печалью в голосе продолжал генерал, протягивая стакан, чтобы его наполнили, — все пионеры атомной науки были уничтожены в результате неожиданно успешного опыта по делению урана. Но принцип Группового штурма проблемы выжил! С тех пор План Человека усовершенствовал этот принцип и отшлифовал приемы Групповой Атаки. Когда Плану Человека требуется новое научное открытие, для его создания образуется группа. Необходимость в такой группе созрела как раз сейчас, и эта группа — вы, вы моя Группа, вы все!

Последовали продолжительные аплодисменты и возгласы. Флимер сделал паузу. Он улыбнулся язвительной улыбкой, сочетающейся с его рыхловатым лицом.

— Я уверен, вы понимаете,— он весело кивнул Райленду и остальным кольценосителям,— почему от вас ждут успешного разрешения проблемы. Если вы добьетесь успеха, то поймете, что принцип группы работает в обоих направлениях. Если вы добьетесь... Если же нет, то... тогда...

Он не продолжил фразы и мрачно взглянул на опасников еще раз. Потом он широко улыбнулся и провел коротким толстым пальцем по тому месту, где у нормальной полноты людей находится шея.

— Жжжжжжж! И в орган-банк! Но мы добьемся успеха!

Аудитория взорвалась смехом. Оператор-майор Чаттеради вспрыгнул на стол, очки его сверкали.

— Троекратное «ура» генералу Флимеру и Плану Человека! Гип-гип...

Ура-а-а!— возглас получился громкий, но не дружный.

— Гип-гип...

— УРА-А-А!— Райленд обнаружил, что кричит вместе со всеми. Он не мог не поддаться настроению. Он был рожден в системе Плана Человека. Он не мог сомневаться в его правильности. Это лишило бы его жизнь смысла, как дарованный Планом железный воротник уже почти лишил его надежды. Последовали громкие аплодисменты. И генерал Флимер, улыбаясь, поднял руку.

— На этот раз,— сказал он,— Машине требуется новый физический принцип,— он изящно пожал плечами, насколько это было возможно при его комплекции.— Я не ученый, и я не знаю, какой сложности это задание. Вероятно, некоторые из вас считают его очень сложным. Что ж,— он захихикал,— все остальные просто должны будут убедить их в обратном! — и он шутливо ткнул пальцем в шею.

Как Райленд ни старался, но он мало что извлек из разговоров с остальными сотрудниками. Не потому, что они не хотели говорить, а потому, что он все должен был узнать в свое время. Машина даст ему детальное задание, заверяли его, а пока не пора ли пропустить еще стаканчик? Час спустя Вера предложила показать ему самый короткий путь в его комнату. Они взялись под руки и отправились в путешествие по серым коридорам.

— А вот сектор, где ты еще не был,— щебетала Вера.— Видишь? Это пункт Узел. Это Центр Связи.

— Отличный Центр Связи,— сказал Райленд. Он чувствовал себя прекрасно. Даже кольцо на шее не казалось таким уж твердым и холодным. Какая она милая девушка, эта Вера, мечтательно подумал он. Конечно, девушки-общительницы отбираются специально, их обучают, едва ли не разводят как особую породу. Она напоминала ему Потерянную Любимую, Анджелу, о которой дочь Планирующего знала больше, чем ей следовало. Конечно, о ней можно было прочитать в его личном деле и...

— Пункт Зеленый Полукруг,— пропела девушка, указывая на новую эмблему, украшавшую стену.

— Превосходно,— машинально заметил Райленд, потом взглянул повнимательнее,— что это там происходит?

Девушка заколебалась. Она замолчала на полуслове, нахмурилась и сказала Райленду:

— Знаешь что, наверное, этот короткий путь не совсем то, что нам нужно. На старом пути есть...

— Нет, ты посмотри,— настаивал Райленд, упираясь, когда она пыталась сдвинуть его с места. Было уже поздно, но Райленд заметил двух охранников в алой форме Группы, и один из них отпирал ключом массивную освинцованную дверь. Внутри виднелась громадная шахта, пол ее освещался ярким прожектором откуда-то сверху. Райленд понял, что это! Посадочная шахта для ракеты. Мощные фермы портального крана, огромные трубопроводы пламягасителей и их черные раструбы в бетоне пола. Райленд понимал, что когда-то ракеты довольно часто садились здесь. Там, наверху, скрытые ослепительным светом, находились громадные створки входа, открывающиеся в небо. Но в шахте сейчас не было ракет. Там было что-то другое, внутри массивной металлической клетки.

— Что это такое?— спросил Райленд. Существо напоминало морское животное— котика или тюленя, которых Райленду приходилось встречать на скалах близ изоляционного лагеря. Но это животное было золотистого цвета. Освещенное прожекторами, бившими из-под потолка, оно светилось краснотой закатного солнца. Существо было живым. Ни разу такого животного Райленду не приходилось видеть за всю жизнь. Оно лежало на полу большой стальной клетки, словно обессилевшее после попыток вырваться на волю. Золотой мех был в крови, а на голове виднелась рана. Несколько прутьев клетки были прогнуты и покрыты засохшей кровью.

Было ясно, что неизвестный зверь мучился в неволе и уже не раз пытался вырваться на свободу.

— Пойдем скорее, Стив,— обеспокоенно сказала общительница.— Пожалуйста! Майор Чаттеради не велел показывать пространственника, пока...— она запнулась, смущенная. Потом попросила Райленда:— Пожалуйста, забудь, что я говорила. Я не должна была вообще вести тебя сюда, но... О, пожалуйста, Стив, пойдем отсюда!

С неохотой он позволил увести себя. Охранники поспешили войти в шахту, и тяжелая свинцовая дверь задвинулась. В любом случае уже ничего не было видно. Но что же он только что видел?

В семь часов утра на следующий день звонок телетайпа вырвал его из глубокого сна. Не успев как следует протереть глаза, он подскочил к машине, чтобы ответить. Его ждал запрос:

«ЗАПРОС: Присутствует ли Стивен Райленд, АВС-38440?»

Побледнев, Стивен выстучал подтверждение. Обычное человеческое общение вырабатывает привычки вежливости. Благодар-

ность за беспокойство, извинение за несвоевременный ответ. Но Машину его извинения не интересовали. Рычаги литер застучали немедленно:

«ИНФОРМАЦИЯ: Гипотеза состояния равновесия основывается на теории Фреда Хойла, английского астронома и физика XX века. Она утверждает, что облака водорода постоянно формируются в межзвездном пространстве, таким образом восстанавливая убыток материи, потерянной в процессе синтеза внутри звезд.

ДЕЙСТВИЕ: Дать оценку возможности математического подтверждения реальности нейтрализации и реверсии процесса формирования водорода».

Райленд уставился на бумажную ленту. В дверь тихо постучали, и в комнату влетела общительница. Она несла поднос с чаем и стаканом розоватого сока.

— Доброе утро, Стивен! Проснись и пой! Я... ой! — Он раздраженно приказал ей замолчать. Телетайп остался недоволен его ответом. Он издал серию щелчков, потом выбил новое сообщение:

«ИНФОРМАЦИЯ: Вышеупомянутый механизм в дальнейшем именуется нереактивной тягой.

ДЕЙСТВИЯ: Разработать необходимое математическое основание возможности воспроизведения нереактивной тяги в двигателях кораблей Плана. Просмотреть работу полковника Готтлинга по общей теории силового поля как необходимый первый шаг».

Машина прекратила печатать. Райленд оторвал кусок ленты и сел, уставясь на нее. Он понял, что кто-то сообщил сведения из его старинных запрещенных книг Машине. Вера нежно извлекла ленту из его пальцев.

— Завтракать! — укоризненно напомнила она. — И душ! Сначала нужно как следует проснуться, тогда и думать будет легче.

Словно в забытьи, Стивен позволил отвести себя в ванную, в сознании его бешеным вихрем крутились облака межзвездного водорода и анти-Ньютоновские силовые поля. Обжигающий душ привел его в себя. Он оделся и сел завтракать вместе с общительницей.

— Нереактивная тяга! — повторил он. — Но это невозможно! Закон Ньютона!

— Пей чай, Стив! — успокаивающе сказала Вера. — Разве Машина давала бы тебе задание, если бы это было невозможно?

— Но я не... Хорошо, какие экспериментальные подтверждения? Я пока ничего не видел.

Общительница украдкой взглянула на свои часы.

— Полковник Лескьюри будет ждать, Стив. Допивай чай.

Полковник казался официальным в своей алой форме и белоснежном халате поверх нее.

— Я вижу, вы взволнованы, Райленд. Успокойтесь, — сказал он.

Стив многозначительно коснулся своего железного воротника, полковник улыбнулся.

— Естественно,— сказал он,— но вы ведь стремитесь от него избавиться, а? И наилучший способ сейчас — это успокоиться, потому что в первую очередь вы должны внимательно выслушать меня. Я должен рассказать вам о рифах космоса.

РИФЫ КОСМОСА! Райленд судорожно глотнул и попытался расслабиться. Вокруг него рассеивался туман забытья, заслонивший годы, прожитые в изоляционном лагере. Он снова лежал, привязанный к кушетке в комнате тераписта, с холодными электродами на запястьях, и в лицо ему бил ослепительный свет. Над ним склонился доктор Трейл, толстый, вежливый, с тихим голосом, раз за разом хрипловато повторяя слова: «пространственник», «пироход», «нереактивная тяга», «рифы космоса». Доктор не торопясь записывал, как реагировал на эти слова его пациент.

— Успокойтесь, Райленд,— откуда-то издалека донесся голос полковника.— К этой проблеме нужно подходить постепенно. Первый этап — ознакомить вас с информацией, которую я должен сейчас представить.

— Да, конечно,— вздохнул Райленд.— Я понимаю.

Он отчаянно пытался расслабиться. Возможно, в рассказе полковника он найдет ответ на загадку трех потерянных дней.

— Давайте сначала немного выпьем,— предложил полковник.

Райленд заколебался — алкоголь всегда был под запретом, и в лагере, и в Академии.

— Присоединяйтесь,— сказал полковник, подмигивая.— Небольшая трансфузия не повредит.

Он открыл шкафчик и вытащил оттуда стаканы и маленькую коробочку. Пока Лескьюри наливал в стаканы, Райленд нетерпеливо вернулся к теме их разговора.

— Рифы космоса, что это? Наверное метеоритные облака?

Паскаль Лескьюри захохотал.

— Нет, это примерно то же, что и коралловые рифы. Прошу,— он поднял свой стакан.— Ну, вот, другое дело,— заметил он, пригубив, и открыл коробочку. На стол высыпалась целая коллекция фантастических существ, вернее, их миниатюрные подобия, которые были приготовлены из пластика. Райленд взглянул на них почти машинально, обдумывая слова Лескьюри.

— Но ведь коралл — это продукт деятельности живых организмов.

Полковник кивнул.

— И рифы космоса тоже построены живыми организмами, только на их создание ушло гораздо больше времени.

Райленд внезапно поставил на стол нетронутый стакан, напиток расплескался.

— Но какие организмы могут жить в космосе?

— Как какие?— очень серьезно сказал полковник, постукивая пальцем по пластиковым игрушкам.— Примерно вот такие же.

Это уменьшенные модели реально существующих животных. Кроме того, имеются еще и сами создатели рифов — простые одноклеточные организмы, они существуют повсюду!

Усилием воли Райленд принудил себя говорить медленно и рассудительно:

— Сегодня утром я получил приказ Машины. Я должен заняться гипотезой о равновесном процессе и с этого момента я постоянно думаю... о теории Хойла и некоторых других его предположениях. О том, что жизнь появилась еще до образования планет, она возникла под воздействием ультрафиолетовых лучей в остывающих облаках газа и пыли вокруг звезд. Но как эта жизнь могла уцелеть? Облака исчезают, когда начинается формирование планет.

— Жизнь умеет приспосабливаться,— сказал полковник, поднимая на ладони пластикового дракона.

И снова отпил из своего стакана.

— Оставим в стороне пока непознанные аспекты,— продолжал он,— жизнь есть сочетание материи и энергии. Эффект Хойла снабжает ее материей в виде облаков водорода, который постоянно рождается в межзвездном пространстве. А энергию жизнь добывает сама.

— Каким образом?

— Синтезируя на основе водорода более тяжелые элементы,— торжественно заключил полковник.

Он щелкнул выключателем. С потолка скользнул экран. На нем появилось изображение: дротикообразные тела, сверкая, проносились через поле по экрану. Все это напоминало картину микрожизни в обыкновенном пруду... если бы не странная форма существ, и если бы они не светились сами по себе.

— Фузориты,— мрачно сказал полковник.— Жутко выносливые малютки. Они производят термоядерный синтез водорода и генерируют энергию. И живут они в открытом космосе.

Фузориты! Тело Райленда напряглось, словно его ударил ток. Он сознавал, что полковник пристально за ним наблюдает, и попытался расслабиться, полковник продолжал внимательно следить за ним.

— Не удивительно, что вы поражены,— только и сказал он, сочувственно подмигнув.— Это непростая идея. Она означает, что планеты — не единственные одинокие оазисы жизни в мертвом пространстве космоса. Это значит, что они всего лишь острова в бесконечном океане жизни, странной жизни, о которой мы никогда и не подозревали.

— Но почему ни одно из этих существ не побывало на Земле?— Райленда раздражала неторопливость, с какой вел объяснения полковник. Для Райленда это был вопрос жизни и смерти: быть может, здесь был ответ на все его вопросы, а полковник, кажется, считал это лишь еще одной лекцией и к тому же весьма скучной. Полковник пожал плечами.

— Наверное, они тонут в воздухе. Я подозреваю, что более тяжелые элементы — это отходы их собственной жизнедеятельности и потому ядовиты для них.— Он сделал новый глоток.— Возможно, именно такие существа построили Землю,— задумчиво продолжал он.— Это объясняет вопрос содержания тяжелых элементов лучше, чем теории космогонистов. Но, в сущности, это не имеет значения — для Плана, то есть.

Райленд нахмурился. В тоне полковника было что-то почти нелояльное. Он постарался переменить тему.

— А эти существа,— он коснулся пластиковых поделок,— это ведь не фузориты?

— Нет. Это пироподы. Они живут в рифах.— Не спеша, полковник двинул рукой. Экран опять засветился.

Райленд подался вперед.

— Сказочная страна! — только и смог выдохнуть он.

Полковник хрипло засмеялся. На экране переплетались сказочные ветви и лианы, похожие на птиц существа легко сновали между ветвей.

— Называйте как хотите,— сказал полковник.— Когда я был там, я выражался немного иначе. Понимаете, во вселенной действительно рождается новое вещество, и действительно в межзвездном пространстве формируются водородные облака. Я знаю — я видел это!

Он нервно сделал еще один глоток.

— Это было несколько лет назад. Пироподы были уже замечены, но поймать хоть одного из них не удавалось. Планирующий приказал мне отправиться в охотничью экспедицию и поймать пиропода.

Райленд нахмурился.

— Охота? Но ведь План Человека не располагает такими излишками энергии! Каждая калория должна расходоваться продуктивно!

— Ты старательный ученик,— кисло заметил полковник,— и все же это было решение Машины. Так во всяком случае сказал Планирующий. Как бы там ни было, а мы отправились искать планету за орбитой Плутона. Имелась ли таковая? Приходилось предполагать, что имелась, иначе откуда бы брались пироподы? Мы знали, что в пределах орбиты Плутона они не живут. Это был долгий полет. Ты ведь знаешь, почему невозможно путешествие к звездам. Энергии у нас достаточно, но где взять рабочую массу, которая толкала бы корабль вперед? Когда пересекаешь орбиту Плутона, эта проблема становится главной. Мы шли на старом «Кристобале Колоне» с водородными двигателями. Рабочим телом служила вода. Имеющегося у нас запаса ее вряд ли хватило бы на то, чтобы долететь до далекой планеты и вернуться обратно. Дозаправляться мы должны были на планете, если только нам удалось бы ее найти.— Полковник сухо улыбнулся.— Но мы ее не нашли,— добавил он.

— Тогда... как же вы вернулись? — удивился Райленд.

— Мы с чем-то столкнулись. Мы назвали это Краем. Не путай, это еще не рифы, до тех оставались биллионы миль пространства. Край принадлежит Солнечной Системе — редкий пояс небольших астероидов, снежных и ледяных осколков. В основном это метановый и аммиачный снег, но и воды мы нашли достаточно, чтобы наполнить баки. И мы отправились дальше. Машина дала нам совершенно определенное задание.

Полковник зябко поежился и допил остатки.

— Мы продвигались все дальше и дальше,— сказал он,— готовя себе новый коктейль,— все дальше за пределы Края, пока Солнце не превратилось просто в яркую звезду и даже не такую уж яркую. Мы тормозили, и уже готовы были повернуть назад... И тут мы увидели первый Риф.— Полковник Лескьюри указал на странную картину на экране. Он снова оживился.— Сначала снег показался нам ненатуральным. Какая-то крапчатая неправильной формы масса.

Райленд неожиданно отметил, что и он опустошил стакан. Молча он протянул пустой стакан, и полковник немедленно наполнил его.

— Сказочная страна. Мы высадились в настоящий лес хрупких коралловых образований. Мы пробирались сквозь сверкающие кристаллические заросли, тонкие шипы ломались о наши скафандры. Мы бродили по металлическим джунглям, грозившим нам ловушками из живой проволоки или ударами острейших лезвий. Но это еще что! Там были громадные прекрасные цветы, они сияли сверхъестественными оттенками и распространяли смертельные гамма-лучи. Еще там имелись золотистые лозы — стоило к ним прикоснуться, как они отвечали высоковольтным ударом. То тут, то там встречались невиданного вида лужицы радиоактивных изотопов, и такие же изотопы местами били, словно гейзеры. Это был кошмар! И продвигались мы, дезактивируя друг друга, смазывая раны стягивающим их составом. Так мы знакомились с природой Рифа. Это было скопление живых существ — колония фузоритов! Мы насчитали до сотни видов. Очевидно, они развелись из нескольких спор, плававших в межзвездном водороде. Росли они очень медленно — несколько дюймов за миллион лет. Но фузоритам спешить некуда. И тут мы посмотрели друг на друга. Мы поняли, что обнаружили нечто большее, чем то, за чем нас послали. Мы открыли новый рубеж человечества.

Пораженный услышанным, Райленд вскочил со стула.

— Новый рубеж! Могут... могут ли люди жить там?

— Почему бы и нет?! Там есть все необходимое. Водород для добычи энергии, металл для машин, сырье для производства пищи. Мы с собой привезли целое богатство! Мы загрузили в корабль все, что могли прихватить с собой. Невероятные алмазные сталактиты и кристаллические массы практически чистого ковкого железа. Живые призмы, светившиеся собственным светом ра-

диоактивного процесса. И губчатые грибообразные конгломераты, в которых, как показал анализ, девяносто процентов урана двести тридцать пять. Попадались куски в сотню фунтов, а это гораздо больше критической массы! Но они все же не взрывались — пока были живыми. Один «гриб» взорвался после того, как мы забросили его в открытое пространство. После этого мы тщательно разделили кристаллы на более мелкие части.

— Так вот зачем машине нереактивная тяга? — Райленд начинал кое-что понимать, туман неведения, окутавший его, когда они покинули лагерь, начинал рассеиваться.— Чтобы достигнуть Рифов, ведь они за пределами досягаемости наших ионных ракет!

— Очевидно,— кивнул Лескьюри.— Хотя подобные рассуждения несколько выходят за рамки наших функций.

— Но зачем Машине Рифы космоса? — нахмурился Райленд.— Неужели что-то среди Рифов может угрожать безопасности Плана?

— Это не наше дело,— предупредил его Лескьюри.— Думаю, планеты хорошо защищены от космической жизни своими атмосферами и поясами Ван-Аллена. Хотя нашу атмосферу ведь протаранил пироподо...

— Пироподо? — На мгновение Райленд снова оказался на кушетке в комнате терапии, с холодными электродами на теле, и астматический голос Трейла цедил бессмысленные для него тогда слова: «нереактивная тяга»... «фузорит»... «пироподо»...

Глаза Лескьюри сузились.

— Райленд, вы слишком волнуетесь. Это ни к чему. Я не совсем понимаю вашу реакцию... если вы только раньше не слышали о Рифах.

— Нет, я не слышал.— Это, по крайней мере, правда. Тераписты всегда тщательно избегали каких-то деталей, и он ничего не мог узнать о Рифах космоса, пироподах или фузоритах.

Еще несколько секунд Лескьюри наблюдал за Райлендом, которому это было неприятно.

— Тогда успокойтесь,— сказал он и улыбнулся.— Прошу прощения. Я спросил потому, что у нас уже был случай. Член нашей команды бежал с корабля после посадки, похитив несколько образцов и описание жизни в космосе. Он, конечно, был отправлен потом в орган-банк.

Его глаза еще раз, словно случайно, остановились на Райленде.

— Не помню, как его звали. Хоррик? Хорлик? Хоррокс?

Райленд сидел, окаменев. Полковник Лескьюри небрежным жестом передвинул экран к потолку, потом спросил:

— Еще выпьете?

Райленд молча покачал головой. Лескьюри перемешал пластиковые фигурки на столе.

— Вот,— сказал он вдруг.

Райленд взял у него из пальцев маленькую, в два дюйма длиной фигурку из черного и серебристого пластика.

— Вот такая штука напала на нас,— сказал он.

— Такая маленькая?

Полковник засмеялся.

— Нет, она в длину была девяносто футов.— Он забрал у Стива фигурку и погладил ее.— Злобное создание,— сказал он с восхищением в голосе.— Но злобными их сделала эволюция. Это живые боевые ракеты. Долговечная эволюция выковала их до совершенства.

Он сгреб модельки обратно в коробку.

— Но это всего лишь живые ракеты,— задумчиво сказал он.— Им тоже нужна реактивная масса. Мы отловили около дюжины таких штук, и в принципе они не отличаются от петарды... И оттого, видно, такие прожорливые. Они нападают на все, что видят, с такой голодной яростью, какой вы даже не вообразите. Еды в космосе совсем мало, и они поглощают все, что могут найти.

Во всяком случае вот такая штука нас протаранила, и... в общем, двенадцать человек получили ранения.— Полковник пожал плечами.— Все произошло очень быстро. Его скорость превосходила нашу, но потом кто-то добрался до торпедной установки, и мы победили. Но даже пироподе не обладает способностью нереактивной тяги.

— Если вообще она возможна,— сказал Райленд.

Полковник Лескьюри усмехнулся. Он внимательно посмотрел на Райленда, словно подбирая наиболее подходящий вопрос. Потом сказал:

— Вы думаете, что Атака Группы провалится?

— Я сделаю все, что смогу,— сухо сказал Райленд.— Но, полковник, Третий Закон Ньютона...

Лескьюри громко засмеялся.

— Да, отлично,— сказал он.— Кто знает? Может, она и провалится. Может, нереактивной тяги не существует.

Чем-то очень довольный, хотя Райленд и не мог сказать, чем, он сунул коробку с фигурками обратно в ящик.

— Спокойной ночи, уродцы,— сказал он ласково.

— Вы так говорите, словно они вам нравятся,— заметил Райленд.

— А почему бы и нет? Они нас не беспокоили. И если они не напали на Землю за прошедшие несколько миллионов лет, то вряд ли нападут в ближайшем будущем. Они не приспособлены жить в атмосфере в сильном солнечном свете. Только несколько самых сильных рискнули залететь за орбиту Плутона, где их и засекли перед нашей экспедицией. Дальше орбиты Сатурна их вообще не встречали, а тот, что был замечен возле него, просто уже умирал.

Райленд был озадачен.

— Но... вы говорили об опасности.

— Да, в Рифах Космоса таится опасность, да!

— Но если это не пироподы, то что?

— Свобода! — фыркнул полковник Лескьюри и плотно сжал губы.

Вера повела Райленда на его следующее собеседование.

— Полковник Лескьюри такой милый, правда? — тараторила она. — Очень милый. Если бы это от него зависело, рифокрыса не пострадала бы... — Она вдруг словно споткнулась, краска смущения залила ее лицо.

Райленд пристально посмотрел на нее.

— Что это такое — рифокрыса?

— А вот и кабинет майора Чаттеради, — нервно сказала Вера и почти втолкнула его в дверь.

Оператор-майор Чаттеради поднялся навстречу, очки его сверкали, он лучился улыбкой, помахивал рукой с копией приказа Райленду от Машины.

— Мы готовы, Райленд, — приветствовал он вошедших. — Мы уже готовы, слово за вами.

Райленд, задумавшись, подошел к столу.

— Мне потребуется мой компьютер, — сказал он. — И еще пусть кто-нибудь познакомится со всеми работами по гипотезе Хойла, переварит их как следует и даст мне основные сведения.

— Правильно! Вы получите трех помощников из секции полковника Лескьюри. И я уже выделил двоичный компьютер.

— Нет, — нетерпеливо сказал Райленд. — Мне нужен мой компьютер. Чудо-Опорто.

Золотые дужки очков оператора-майора Чаттеради тревожно сверкнули.

— Опасника? Ну, в самом деле, Райленд!

— Он мне необходим, — упрямо повторил Райленд. — В приказе Машины все было сказано предельно ясно.

Чаттеради сдался.

— Нам потребуется одобрение генерала Флимера, — сказал он. — Пойдемте.

Он вывел Райленда в коридор к лифту, Вера следовала за ними. Втроем они сначала поднялись вверх, потом спустились в другое помещение. Чаттеради постучал в дверь.

— Минуту, — проворчал голос из динамика над дверью, и она распахнулась. Они вошли в комнату с серебряными стенами, с мебелью, выложенной серебром. Из спальни выбрался генерал Флимер, запахивая полы серебряного халата. — Слушаю.

Оператор-майор прокашлялся.

— Сэр, Райленду нужен второй оп, Опорто, приписанный ранее к нему.

— Для производства расчетов, — вмешался Райленд. — Он феноменальный счетчик. Чудо природы.

Генерал уставился на него своими глубоко посаженными глазами.

— Это поможет вам разработать нереактивную тягу?

— Понимаете,— начал Райленд,— я еще не приступил к работе. Сначала мы займемся гипотезой Хойла. Приказ Машины...

— Приказ Машины мне известен,— проворчал генерал. Он задумчиво почесал нос.— Ладно, дайте ему этого человека. Но помните, Райленд. Главное в вашей работе — это нереактивная тяга.

Райленд был удивлен.

— Но, генерал, Машина не указывала на срочность именно этой части.

— Зато я указываю,— громко сказал генерал.— Принимайся за работу, парень. Вперед!

Когда они вышли в коридор, майор Чаттеради поспешил в свой кабинет, а его место заняла общительница.

— Очень приятный человек генерал Флимер, правда?— защебетала она, ведя Райленда обратно к лифту.

Он глубоко вздохнул.

— Вера,— сказал он,— тут что-то не так. Генерал Флимер живет роскошно! И он все берет на себя, даже истолкование приказов Машины. Так всегда бывает при работе с Группой?

Девица-общительница колебалась. Взглянув на Райленда, она почти минуту молчала. Они остановились перед дверью.

— Генерал Флимер очень милый человек,— сказала она наконец.— И он тебе понравится, вот увидишь. И полковник Готтлинг тебе тоже понравится, не сомневайся!— и не добавив больше ни слова, она открыла дверь в кабинет Готтлинга и оставила Райленда одного.

Но полковник Готтлинг, как оказалось при знакомстве, не вызывал чувства симпатии. Это был массивный человек с лицом, напоминающим череп, с рогатым шлемом радара на голове. Он сердито водил пальцем по контрольной кнопке этого радара, пока Райленд докладывал о своем прибытии Машине.

— Быстрее, быстрее,— бормотал полковник. Когда Райленд кончил печатать, он вывел его в коридор и захлопнул дверь.

— Ты будешь следующим,— сказал он, когда они уже шли по коридору.— Лескьюри уже бился с этой тварью, и ничего не вышло. Они не разрешают мне за нее взяться! Теперь это твоя работа.

— Не понимаю,— сказал Райленд.— Какая тварь?

— Пространственник! Рифокрыса! Эта тварь, у которой нереактивная тяга.— Готтлинг развел костистые руки и раздраженно возвел глаза к потолку.— Великий План, что это такое! Что за идиотов они направляют в Группы высшей степени важности? Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о рифокрысе?

— Я слышал только само слово,— признался Райленд.— Но вы, кажется, только что сказали «пространственник»?

— Это одно и то же!— Готтлинг остановился и указал на ряд картотечных ящиков.— Вот здесь все!— гаркнул он.— Все, что можно узнать о них. Начиная от веса в спокойном состоянии до

химического состава той жидкости, что заменяет им кровь. Одного я не могу сказать — как они летают, но я бы и это выяснил, если бы мне разрешили взяться за эту тварь как следует!

— Но...

— Болван, оставь свои «но»! — завопил полковник. — Смотри сюда!

Он распахнул дверь. Внутри была большая комната, в свое время ремонтная мастерская, теперь наспех переоборудованная в лабораторию. Комнату делили на отсеки неокрашенные перегородки, по стенам бежала открытая электропроводка. На узких лабораторных столах сгрудились банки с реактивами, стеклянная химическая посуда. В воздухе висел резкий запах химикалий. Тут же стояли трансформаторы, генератор рентгеновских лучей, какие-то массивные устройства, похожие на центрифуги, и прочее, бог знает еще какое, оборудование для биологических исследований. В лаборатории кипела работа. У столов с приборами работало не менее дюжины мужчин и женщин в алых формах Технокорпуса. Они лишь вскользь глянули на полковника и Райленда, когда те вошли и зарегистрировались у телетайпа, и сразу же, ни слова не говоря вернулись к работе. Очевидно оптимистические настроения, свойственные высшим чинам, не распространялись на нижние уровни Группы. Полковник Готтлинг, пришедший в приятное расположение духа, закурил длинную зеленоватую сигарету.

— Теперь все это в вашем распоряжении, — сказал он. — На время.

Райленд взглянул на него.

— Или навсегда, — усмехнулся полковник. — Если вы откроете нам секрет, как пространственнику удается летать. По-моему, ничего у вас не выйдет. Вы слишком мягкотелый человек, Райленд. Воротник вас не закалил. Все же... Может, рассказать вам что-нибудь о пространственнике?

— Да, будьте так любезны, — с нетерпением сказал Райленд.

— Ладно, почему бы и нет? Это существо довольно сообразительное, стоит примерно на уровне низших приматов. Млекопитающее, теплокровное, дышит кислородом... что вы на меня уставились?

Райленд закрыл рот.

— Я просто думал, что он живет в космосе.

— И правильно думали! — загоготал полковник. — Он там и живет! Дышит кислородом и живет в открытом пространстве! Забавно, верно? Но у него есть одно исключительное свойство.

— Какое именно?

Полковнику Готтлингу уже явно наскучил разговор.

— Вам следовало узнать все у Лескьюри. Я занимаюсь двигателями. Ну, во-первых, это нереактивная тяга. Потом еще что-то — какое-то силовое поле, удерживающее небольшое воздушное облако вокруг существа даже в межзвездном вакууме.

— Не могут ли эти два эффекта быть как-то связаны?— задумчиво спросил Райленд.

— Могут ли? Конечно, могут, идиот! Но связаны ли? Я, например, не знаю.— Полковник Готтлинг начал оттаивать. Обращаясь с Райлендом как с ненормальным, он постепенно развеселился и сказал снисходительно:— Конечно, это возможно. Я сам об этом думал. Если рифокрыса способна ускорить свой полет без реактивного взаимодействия, она способна также воздействовать и на молекулы газа. Почем знать? Но... Но давайте посмотрим на пространственника,— вдруг сказал он.— Тогда нам легче будет говорить.

Они покинули лабораторию и через стальную дверь прошли в камеру. В зажимах у стен стояли неуклюжие защитные костюмы и выкрашенное красной краской аварийное оборудование. На внутренней двери шлюза пылало аварийное табло: ОПАСНОСТЬ! ПОСАДОЧНАЯ ШАХТА. ЖДИТЕ ДЕЗАКТИВАЦИИ.

— Сейчас там безопасно,— заверил Готтлинг.— Шахту дезактивировали еще несколько месяцев назад, когда посадили туда пространственника.

Он потянул рычаг. Заворчали моторы. Внутренняя дверь, массивная, обитая листами свинца, отягощенная стальной арматурой и огнеупорным кирпичом, дюйм за дюймом начала отползать в сторону. Словно викинг в своем рогатом радарном шлеме, полковник шагнул в шахту. За ним следовал Райленд. Шахта представляла собой гигантское углубление, круглое в сечении. Прожектора лили потоки света на почерневший бетон пола. Райленд сразу узнал это место. Это была та самая шахта, в которую ему удалось заглянуть на секунду прошлой ночью. Он инстинктивно поднял глаза, опасаясь увидеть голубое небо и опускающуюся ракету, но армированные стены терялись в тумане где-то над головой. Фермы кранов казались призрачными силуэтами. Ни один луч света не проникал сквозь громадные створки, за которыми должно было голубеть небо. Готтлинг тронул его за руку и показал вперед. На почерневшем бетоне стояла клетка размерами с комнату. Внутри клетки светилось зеленоватым светом странное облачко. В центре облачка на голом стальном полу неподвижно лежал...

— Пространственник,— гордо сказал Готтлинг.

Животное явно не раз пыталось вырваться на свободу. Подойдя ближе, Райленд мог видеть, какой яростной была эта борьба. Стальные прутья клетки толщиной превосходили человеческие запястья, но некоторые из них были согнуты. Красная кровь запеклась на них, и она же испятнала золотистый мех пространственника. Тяжело дыша, он лежал на полу из листовой нержавеющей стали.

— Сейчас он лентяйничает, но мы его подстегнем!— хвастливо сказал полковник.

— Погодите, полковник! — взмолился Райленд.— Клянусь небом, вы не...

— Что! — вспыхнул полковник.— Что?! — его палец многозначительно коснулся кнопки управления радаром. Его черепообразное лицо под угрожающими рогами радара дышало ненавистью.— Идиот, ты еще смеешь мне указывать? Может, желаешь, чтобы я расширил радиус поля радара? Одно движение пальца — и от тебя ничего не останется даже на утилизацию и орган-банк.

Райленд отступил, судорожно сглотнув. Невольно его рука коснулась железного воротника, заключавшего восемь граммов мощной взрывчатки.

— Так-то лучше,— рявкнул полковник. Он хлопнул в ладони и позвал:— Сержант! Займитесь делом! Пощекотите его!

Сержант в красной форме технокорпуса подошел к клетке. В руках у него был длинный шест с острым лезвием на конце. Черный провод бежал от лезвия к аккумуляторной коробке на его плече. Пространственник повел своей разбитой головой. Он открыл большие темные, прозрачные глаза, похожие на глаза тюленя, и в них, как показалось Райленду, жил ужас перед болью и страданиями. По гладким бокам зверя пробежала дрожь.

— Пощекочи ему брюхо! — приказал Готтлинг.— Мистер Райленд желает видеть некоторые трюки этой крошки!

Пространственник закричал. Крик его был полон ужаса, словно голос женщины в истерике.

— Не надо! — дрожа выдохнул Райленд.

Полковник заревел от смеха. Из кабаньих его глазок выкатились две слезы и оросили костистые скулы. Наконец, он взял себя в руки.

— Ну, конечно, почему бы и нет,— сказал он.— Ведь теперь ваша очередь. Пойдемте, сержант.— Готтлинг направился к выходу из шахты.

Райленд, опустив глаза, остался стоять у клетки с пространственником. Значит вся эта небывальщина о нереактивной тяге, о которой все здесь старательно разглагольствуют, вовсе не чепуха в конце концов! И никто пока не может понять, что за сила толкает это живое существо в его сверхскоростном полете. Но что-то же несет его сквозь бездны пространства. И это «что-то» как раз и есть тот самый нереактивный сверхмощный двигатель. Райленд поднял глаза и изумленно уставился на пространственника, который расслабленно лежал на дне клетки, не спуская с Райленда своих больших глаз. Нереактивная тяга! Он вдруг показался себе маленьким, потерянным и, несмотря на все усилия Сообщности и Групповой Работы, ужасно одиноким. Нереактивная тяга здесь, в этом существе, переменит облик Солнечной Системы. Получив такой двигатель, область действий Плана Человека расширится до бесконечности. Миновав бесполезные ледяные метановые шары планет-гигантов, План шагнет к звездам! Райленд покачал головой, мысли его потеряли ясность. Потому что ему вдруг совсем

не захотелось, чтобы План достиг звезд. «Свобода»,— это слово сказал полковник Лескьюри... Свобода! В системе Плана ей както не находилось места.

Вдруг ход мыслей Райленда был нарушен. В шахте словно загремел отдаленный раскат грома. Райленд вскочил, ошеломленный пространственник обеспокоенно замяукал в своей клетке. Темноту над головой пронизал луч света. Он поднял голову и увидел, как все шире становится полоска голубого неба. Позади послышались звуки беспорядочной беготни, кто-то вбежал в шахту. Сержант Технокорпуса позвал Райленда:

— Мистер Райленд! Мистер Райленд! Отойдите в сторону! Какой-то ненормальный идет сюда на посадку!

Сержант кинулся к клетке и начал отчаянно крутить болты, крепившие ее к полу, чтобы оттолкнуть клетку в сторону. В раскрывшиеся створки люка наверху хлынул поток огня, и в шахту скользнула миниатюрная ракета, опускаясь на пламенной подушке.

«Слава богу, это небольшая машина!» — мрачно подумал Райленд. Ракета побольше прикончила бы и пространственника, и сержанта, и его. Но это небольшое гоночное судно могло спокойно опуститься, не испепелив находящихся в шахте. Одноместный кораблик, построенный для прогулок и развлечений, опустился на черный бетон в сотне ярдов от них, и волна зноя не причинила им вреда. Сквозь отверстия вентиляторов в полу в шахту ворвался внезапный вихрь, выметая дым от посадки ракеты. Опустилась рамка трапа. Стройная девушка в белом комбинезоне легко сбежала на пол, странно знакомые птицы вились над ее головой. Внезапно Райленд словно проснулся.

— Стойте! — крикнул он.— Не подходите к клетке!

Но она не обратила на него внимания. Несколькими прыжками Райленд достиг незнакомки, схватил за руку, рывком развернул и... застыл от удивления.

— Убери свои руки, оп! — Это была девушка, та самая! Глаза ее, серо-голубые, были очень знакомыми, голос ее, хотя и полный негодования, был тоже ему знаком.

Она махнула рукой, и голуби Мира отлетели в сторону.

— Что это значит? — потребовала она ответа.

Райленд судорожно глотнул воздух. Это была дочь Планирующего, Донна Криири.

— Я...— начал он.— Я... я не знал, что это вы! Но что вам здесь нужно?

— Нужно? — глаза цвета океанской воды сверкали.— Я хочу знать, что вы здесь зятеяли... что вы здесь делаете и зачем мучаете моего пространственника?!

Девушка зло смотрела на Райленда. Это был другой человек. В ней невозможно было узнать красавицу из круглой ванны. Та Донна была еще совсем юной, излучала застенчивость и невинность. Сейчас перед ним было некто иной. Это была дочь Плани-

рующего. От ребенка не осталось и следа. Райленд глубоко вздохнул. Кем бы ни была девушка, она стояла на его пути. Единственный способ избавить шею от железного кольца был тесно связан с животным в клетке.

— Уходите, мисс Криири,— резко сказал он.— Пространственник умирает. Его нельзя беспокоить.

— Что?!— Голуби Мира, успокоившиеся на ее плечах, заволновались и тревожно заворковали.

— Вам туда нельзя!— упрямо повторил Райленд.— Пожалуйста, уходите!

Она шагнула к Райленду. Потом резко повернула к клетке.

— Погоди, маленькая,— прошептала она золотистому существу.— Не бойся, Донна с тобой.— Пространственник поднял голову и смотрел на нее большими прозрачными глазами.

— Мисс Криири,— крикнул Райленд.— Я просил вас уйти.

Она даже не повернула головы.

— Хорошая, хорошая,— ворковала она, словно ребенок, успокаивающий щенка.— Где эта гадкая дверь?

Райленд разозлился.

— Туда нельзя!— Он опять схватил ее за руку. С таким же успехом он мог ловить тигра за хвост: так быстро, что он не успел среагировать, она раскрытой ладонью хлестнула Райленда по лицу. Он отшатнулся, а когда пришел в себя, дочь Планирующего уже нашла задвижку и проникла внутрь клетки. Пространственник пополз ей навстречу, переваливаясь с боку на бок, как морской котик.

Райленд попал в труднейшее положение. Если что-то случится с девушкой, то, без сомнения, отвечать придется ему. Готтлинг об этом уж позаботится. И тогда прощай мечта о свободе. Скорее всего ему придется попрощаться с головой. Райленд зло выругался. Голуби Мира пронзительно пискнули и закружились над ним. Он оглянулся вокруг, нашел обрывок тяжелой цепи на полу сразу же за дверью клетки. Бог знает, чем она служила, хотя характерные пятна на металле говорили о ее назначении. Он поднял цепь и вошел в клетку вслед за девушкой.

— Стой,— спокойно сказала она.— Или я напущу на тебя Голубей.

— Тогда выходите отсюда!— потребовал он.

Пол клетки был покрыт какой-то вонючей слизью. Это были разлагающиеся крохотные существа, которых Райленд видел впервые. Видимо, занесли на Землю крошечных животных вместе с пространственником. Неприятный запах был сильным, от него начинало тошнить, но Райленд не обращал на это внимания. Если его выдерживает девушка, это изнеженное существо, привыкшее к ароматам сирени, то и он выдержит! Девушка склонилась над животным, ласково поглаживая золотистый мех.

— Брось цепь,— приказала она, не оборачиваясь.— Она тебя боится.

Сначала пространственник вздрогнул и уклонился от прикосновения руки. Потом успокоился. Длинный черный язык лизнул щеку девушки. Клетку вдруг наполнило низкое рокотание, словно мурлыканье гигантской кошки. Снаружи послышался шум. К клетке со всех ног несся полковник Готтлинг, наклонив голову с рогами антенны, ярость сверкала в его глубоко посаженных глазах на череповидном лице. За ним следовало человек двенадцать в красных формах Технокорпуса.

— Убирайтесь отсюда, болван! — заревел он, махнув в сторону Райленда электрическим щупом.

Пространственник увидел полковника, и громкое мурлыкание оборвалось. Существо начало дрожать.

— Стойте! — крикнул Райленд.— Вы пугаете пространственника! Он может напасть на мисс Криири!

Но Донне Криири его помощь в данный момент не требовалась. Опустившись на колени прямо в кровянистую слизь рядом с пространственником, она подняла взгляд от разбитой, в пятнах запекшейся крови головы, и глаза ее блестели, словно у ястреба.

— Полковник Готтлинг,— сказала она, и голос ее был пронзителен, как лезвие ножа.— Я должна поговорить с вами!

Полковник замер, но отступать Готтлинг не собирался.

— Вы должны выйти из клетки, мисс Криири! Это опасное животное. Дюжина людей уже получила травмы и ранения!

— А что эти люди делали с ним? — Девушка погладила зверя. Большие зеленые мухи с жужжанием кружились в облачке света, окутывавшем раненого пространственника, подбираясь к ранам на боках.— Какая здесь грязь,— сказала Донна.— Наведите порядок!

Она встала и жестом указала Райленду на выход из клетки.

— Пусть соберется вся группа,— холодно приказала она, закрывая за собой дверь.— И сейчас же! А пока, Готтлинг, пусть ваши люди вычистят клетку. И если я увижу кого-то с электрическим щупом, то он узнает его действие на себе!

Готтлинг побагровел. Напряженным голосом он сказал:

— Это больше не моя обязанность, мисс Кришри. Теперь этим занимается мистер Райленд.

— Я возвращаю вас на старое место,— сказала девушка.— Для мистера Райленда найдется другое дело.

Пораженный Райленд запротестовал:

— Но приказ? Машины...

— О Машине я сама позабочусь,— спокойно сказала она.— Принимайтесь за уборку, эй, там! Пространственнику необходимы его симбиотические сожители, а они быстро умирают.— Она повернулась к двери.— Теперь пойдем на собрание, нужно решить несколько вопросов.

Они поспешили в пункт Зеленый Полукруг. Сотрудники Группы уже собрались. Донна Криири председательствовала на собрании. Что-то застенчиво лепетал майор Чаттеради, а генерал Флимер произнес полдюжины речей о пользе Групповой Работы Со-

обща. Полковник Готтлинг был в холодном бешенстве, а полковник Лескьюри пытался возражать.

— Если животное умрет,— яростно сказала Донна,— то вы отправитесь вслед за ним. У меня есть для вас новости. В органбанке образовалась нехватка утилизированного материала.— Она оценивающе обвела взглядом присутствующих.— Кое-кто из вас очень хорошо справится с ролью запасных частей. Я понятно говорю?

— Вполне понятно,— свирепо подтвердил генерал Флимер.— Но, мисс Криири, цель нашей группы...

— Помолчите-ка,— продолжала она.— Да, что там?

С величайшим уважением в голосе оператор-майор Чаттеради сказал:

— Для вас сообщение на телетайпе.

— Это подождет. Начиная с этого момента, за Группу отвечает мистер Райленд.

Пораженный генерал Флимер прошипел:

— Мисс Криири, но опасник не может...

— Нет, опасник может,— отрезала Донна Криири.— Ну, хорошо, я вам сейчас выдам приказ.— Она прошла к телетайпу, спокойно нажала клавишу «Сбой» и начала печатать. Через секунду машина прострекотала ответ:

ДЕЙСТВИЯ: «Группа Флимера подчиняется указаниям Донны Криири».

— Вас что-нибудь еще беспокоит?— спросила она.

— Ничего!— гаркнул генерал Флимер. Его жабьи глаза казались еще более выпученными.

— Отлично. Все остальные могут разойтись. Райленд, я хочу с вами побеседовать.

Перешептываясь, сотрудники Группы потянулись к выходу из конференц-зала. Донна Криири зевнула, Голуби Мира заволновались и заворковали.

— Вот так-то лучше,— сказала она.— Что там такое?

Райленд кашлянул.

— Кажется, это сообщение для вас, мисс Криири.

— Опять,— вздохнула она. Небрежно положив руку на его плечо, она встала рядом у телетайпа.

ИНФОРМАЦИЯ: «Планирующий Криири находится в пути из Момбасы в Кейптаун».

ИНФОРМАЦИЯ: «Личная ракета Донны Криири заправлена и готова к взлету».

ИНФОРМАЦИЯ: «Лондонское филармоническое общество подтверждает подачу инструкций для открытия сезона».

ДЕЙСТВИЯ: «Укажите исполнителей концерта Бетховена на фортепиано».

ИНФОРМАЦИЯ: «Лунная колония Альфа-6 просит Донну Криири присутствовать на праздновании 25-й годовщины».

ИНФОРМАЦИЯ: .....

— Рутина,— рассеянно сказала девушка.— Все это не к спеху.— Она посмотрела по сторонам.— Ужасно мрачное место. У вас здесь есть своя комната? Пойдемте туда.— Она не стала ждать ответа Райленда.

Он не удивился, обнаружив, что Донна знает расположение помещений в Центре. Похоже, этой девушке известно все. Но события выходили из-под контроля. Донна давала приказы целой исследовательской группе. Это явно было не ее дело. Всем известно, что в системе Плана Человека приказы отдает Машина. Люди же — даже дочери Планирующего — должны исполнять свою работу (наилучшим образом), и только свою. Такова была логика планирования, логика Плана Человека. В замешательстве он стоял у двери, размышляя над тем, что он скажет девушке. С интересом разглядывая обстановку, она ходила по комнате. Райленд вошел следом, оставив дверь приоткрытой.

— О, прикройте ее,— нетерпеливо сказала девушка.— Разве мои Голуби Мира не охраняют меня достаточно надежно?— Увидев выражение его лица, она засмеялась, плюхнулась на его койку и растянулась во весь рост, закурив сигарету. Изгнанные с привычного места, металлические голуби заворковали, жалуясь, и уселись на передней железной спинке койки.

Райленд закрыл дверь. Он кивнул в сторону телетайпа:

— Вы не хотите зарегистрироваться?

— Машина меня найдет,— весело сказала Донна Криири.— Вот посмотрите.

И в самом деле, едва успела она это произнести, как литеры телетайпа принялись щелкать:

ИНФОРМАЦИЯ: «Планирующий Совет просит Донну Криири назначить ежегодные премии Плана».

ИНФОРМАЦИЯ: «Журнал «Лайф» просит разрешения использовать фотографию Донны Криири для обложки номера «Женщина года».

ИНФОРМАЦИЯ: .....

— Кто-нибудь всегда оказывает мне услугу и сообщает Машине, куда я отправляюсь,— уже без улыбки сказала Райленду девушка.— И даже если нет... Машина всегда способна угадать, где я могу быть. Она уже успела меня хорошо изучить.

Она так говорит, с интересом заметил про себя Райленд, словно Машина — ее старый приятель. Но девушка, перебив его мысли, внезапно сказала:

— Ты тоже не слишком хорош, Стив, но получше этих остальных. Ты сохранишь моего пространственника?

— Вашего пространственника?

Она засмеялась.

— Да, моего, потому что я его люблю. Все, что я люблю,— мое, такое у меня правило,— и она добавила серьезно:— Но я еще не решила, как относиться к тебе.

Холодок коснулся затылка Райленда.

— У меня есть обязанности, мисс Криири,— сказал он.— И я намерен исполнить их! Я надеюсь облегчить жизнь пространственнику, но если будет необходимость... Вы хорошо видите вот это?— Он показал на свой железный воротник.— Я хочу его снять! Если мне для этого нужно будет прикончить миллион пространственников, я так и сделаю!

— Готтлингу вы говорили другое,— заметила девушка.

— Откуда вы знаете, что я говорил ему?

— О, я много чего знаю. Почему бы и нет? Машина вездесуща, а мой отец — практически часть Машины. И кроме того, мне нравится Машина, а все, что мне нравится...— Она грациозно пожала плечами.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она явно его дразнит. Иначе быть не может. Это совсем не смешная шутка.

— Мисс Криири, мне не нравятся ваши разговоры о Машине,— сдержанно заметил Райленд.— Я верю в План Человека.

— Ужасно мило с вашей стороны,— с восхищением сказала она.

— Черт бы вас побрал!— вскричал Райленд, не сдержавшись.— Хватит делать из меня клоуна! Плану Человека необходим нереактивный двигатель, понимаете вы это. Если дело потребует жертвы, мы принесем в жертву пространственника.

Девушка встала с койки, вплотную подошла к Райленду. Лицо ее было спокойным и дружелюбным. Секунду она смотрела на опасника.

— Ты все еще любишь эту девушку?— неожиданно спросила она.

Вопрос застал Райленда врасплох.

— Какую... какую девушку?

— Анджелу Цвиг,— терпеливо пояснила Донна.— Дочь Стефана Цвига. Блондинка, двадцать лет, рост пять футов четыре дюйма с четвертью, зеленые глаза. Однажды вечером была назначена твоим телетайпистом и в тот же вечер заставила тебя поцеловать ее. Ту, что донесла на тебя. Ты все еще любишь ее?

Глаза Райленда расширилась от удивления.

— Я знал, что у вас особые источники информации, но...— выдавил он,— но в самом деле я не подозревал...

— Отвечай на вопрос,— нетерпеливо потребовала она.

Райленд глубоко вздохнул и задумался.

— Не знаю,— сказал он наконец.— Наверное, да.

Донна Криири кивнула.

— Я так и думала,— сказала она.— Хорошо, Стив. Просто я думала... но нет, ничего не выйдет, правда ведь? Но я восхищена силой твоего духа.

Райленд снова глубоко вздохнул. У этой девушки был просто талант приводить людей в замешательство. Он решил, что ему не по силам соревноваться с ней, и единственная возможность сохра-

нить свое лицо — это оставаться самим собой. Поэтому он сказал сдержанно:

— Никакой силы духа не требуется, если речь идет о Плане Человека. Плану нужен секрет нереактивной тяги — и такова моя функция в Плане. Это все.

Она кивнула и снова села на его кровать. Голуби Мира устроились у нее не плечах.

— Скажи мне, Стив, ты знаешь, почему Плану Человека требуется эта информация?

— Почему... нет, я точно не знаю. Я предполагаю...

— Без предположений. Она нужна для освоения Рифов Космоса. Ты знаешь, кого ищет План среди Рифов?

— Нет, не могу знать.

— Ему нужен Рон Дондерево, Стив.

— Рон? — он нахмурился.

— Человек, который сумел снять железный воротник, Стив,— сказала девушка, утвердительно кивая.— Тот человек, которого ты мог не без пользы встретить опять. Оснащенное всеми видами ловушек, защищенное от любых попыток снять или разрушить его, это железное кольцо никто не способен снять со своей шеи, пока Машина не даст на то разрешения, а он его ухитрился снять. Машина очень хочет поговорить на эту тему с Дондерево. Очень.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она кивнула.

— Дондерево сейчас там, в Рифах,— сказала она.— И Машина должна что-то сделать. Может, она просто уничтожит Рифы. Я знаю, над подобным проектом ведутся работы. Но если это не удастся, она пошлет кого-нибудь туда, чтобы найти Дондерево. Она пошлет человека с радарной винтовкой, Стив! Чтобы убить Дондерево! И вот почему Машине нужен секрет нереактивной тяги.

Новое положение Райленда как руководителя Групповой Атаки не заставило тем не менее его коллег проникнуться к нему симпатией. Но это его не заботило. Стива полностью поглотила работа. Чудо-Опорто весьма ему пригодился. Дар молниеносно вычислять, которым он обладал, сберегал Райленду массу времени. Опорто не превосходил по скорости подсчета компьютер, но у него было значительное преимущество перед этими машинами, работающими на двоичном коде — отпадала необходимость кодировать и декодировать задания. К тому же расчетов требовалось не так уж много. Проблема была действительно крепким орешком, Райленд не видел ни малейшей зацепки, с которой можно было бы начать приближаться к решению. Опорто доказал свою полезность и в другом отношении. У него был тонкий нюх на новости и сплетни, и он держал Райленда в курсе всех происшествий внутри Группы.

— Флимер в дурном настроении,— сообщил он както.— Заперся в своей норе, никуда не выходит.

— Понятно,— рассеянно ответил Райленд.— Слушай, куда подевались «физические константы для уравнений равновесных состояний»?

— Они под индексом 603.811,— терпеливо сказал Опорто.— Ходят слухи, что Флимер затеял спор с Машиной. Сообщения идут в обе стороны, туда и обратно, без передышки.

— Что?— Райленд уставился на коротышку, мгновенно забыв о библиотечном заказе на книгу, который он торопливо выписывал.— С Машиной никто не может спорить!

Опорто пожал плечами.

— Тогда не знаю, как это называется.

— Генерал Флимер подает рапорты,— твердо сказал Райленд. Он помахал Вере, скучающей в углу. Общительница охотно подошла к нему, увидела записку, поскучнела, пожала плечами и отправилась за книгой.

— Само собой,— сказал Опорто.— Слушай, ты что-нибудь получал от Донны Криири?

Райленд покачал головой.

— Я слышал, она сейчас в Порт-Канаверал.

— Это ее дело,— отрезал Райленд.— Не сомневаюсь, что у дочери Планирующего множество причин отправиться в космос.

— И я не сомневаюсь,— согласился Опорто,— но...

— Но ты можешь заниматься собственным делом,— сказал Райленд, прекращая дискуссию. Вера принесла книгу. Райленд проверил несколько цифр и подал лист с расчетами Опорто.

— Вот, надо решить кое-что. Чтобы ты не скучал,— сказал он. Райленд встал, рассеянно оглядев комнату. Это была А-секция, занятая теорией Хойла. Здесь трудилась целая подгруппа. И все равно, подумал он, это пустая трата времени.

— Запросто,— жизнерадостно сказал Опорто, занявшись уравнениями. Через несколько секунд Райленд получил листок с готовыми решениями, просмотрел его и положил на рабочий стол одного из помощников. Задачи были рутинными, он мог поручить их другим. Вот почему все было напрасной тратой времени. Все основные проблемы уже рассмотрены, остались чисто математические расчеты. Потом он сможет ответить на вопрос Машины. Практически он уже знал, что может ответить на вопрос и сейчас. При каких условиях возможен рост количества водорода в пространстве? Это просто. Люди не могут повлиять на процессы, формирующие звезды. Но не говорил ли такой вопрос об... отчаянии Машины? Если можно вообще использовать такое слово относительно Машины, не было это показателем срочности, если она задает такой вопрос?

— Пойдем, Опорто,— чувствуя тревогу от таких мыслей, сказал Райленд.— Посмотрим на пространственника.

Животное находилось в секции В, и дела там шли из рук вон плохо. Нереактивная тяга! Создать такой двигатель было невозможно, вот и все. Если бы Райленд не имел перед собой простран-

ственника, он мог бы поклясться, что Ньютон был безусловно прав. На каждое действие, как вывел Ньютон несколько столетий назад, имеется противодействие, равное по силе и противоположное по направлению. Этот закон движения распространяется на любое существо, передвигающееся по поверхности Земли. Реснички мельчайшего одноклеточного в пруду и то перемещают это микроскопическое существо, отбрасывая назад пропорциональную массу воды. То же самое делает пропеллер в воздухе или винт корабля в море и в реке. Реактивная отдача толкает вперед ракеты — масса выброшенных дюзами раскаленных молекул летит в одну сторону, масса корпуса корабля — в другую. Действие и противодействие! Легко изобразить закон в виде уравнения: масса, умноженная на ускорение-прим. Трудно усомниться в верности такого уравнения. И все же оно не было верным, экспериментальное подтверждение, представленное испуганным животным из открытого космоса, опровергло правоту Ньютона. Это существо способно было висеть в воздухе, ни от чего не отталкиваясь и ничего от себя не отталкивая, и тем самым представляло глупцом величайшего гения, какого знала история человечества. Пространственник не выказывал реактивного взаимодействия вообще. Что бы ни было то, что позволяло ему свободно парить в воздухе (назовем это фактором X), оно не вызывало возмущения воздушной среды, не раскачивало чувствительные маятники вокруг существа, не регистрировалось на фотоэмульсии, не взаимодействовало с заряженным электроскопом, магнитной стрелкой, не генерировало электрических, магнитных и электронных полей поддающихся измерению, не увеличивало вес клетки, когда ее взвешивали вместе с парящим пространственником, не возбуждало слышимого звука, не оказывало влияния на основной метаболизм самого животного и не оставляло заметного следа в пузырьковой камере для регистрации элементарных частиц. С другой стороны, фактор X проявлял себя в немногих вещах. Он оказывал влияние на работу мозга пространственника — имелись определенные изменения в его энцефалограмме в момент парения. Он же, похоже, возбуждал тревогу у других млекопитающих. Это случайно было замечено, когда кот забрел в ракетную шахту с клеткой. Как только пространственник взлетел, кот молнией выскочил из шахты, выгнув спину дугой, шерсть его стояла дыбом, глаза горели. Кроме того, он давал нереактивную тягу. Чем бы ни был фактор X, он поднимал пространственника со дна клетки. Однажды пространственника даже замотали в цепи весом более шести сотен фунтов. Словно развлекаясь, существо взлетело с цепями так же легко, как и без них, и парило около часа, мурлыкая про себя. Неразрешимая загадка могла хоть кого свести с ума. И все же, думал Райленд, пусть это небольшое утешение, но самому пространственнику стало в последнее время лучше. Раны его затягивались. Маленькие существа-симбиоты сумели частично выжить. И пространственник казался сейчас более энергичным

и подвижным. Донна Криири будет довольна. Но больше, кажется, никто не был доволен Райлендом. Генерал Флимер большую часть времени проводил в своих апартаментах и выбирался только для того, чтобы отпускать ядовитые замечания и путаться под ногами. Другие высшие офицеры Группы не могли ретироваться по примеру Флимера, потому что имели непосредственные обязанности, но они постарались в полной мере выразить Райленду свою неприязнь. Дружелюбно держался лишь майор Чаттеради, что было его второй природой. Он каждый час являлся с рапортом. И не доставлял никаких хлопот. Если Райленд был занят, майор незаметно ждал у него за спиной. Если Райленд был свободен, майор задавал минимум вопросов и уходил. Райленд был совершенно уверен, что все сведения поступали сначала в Машину, потом — генералу Флимеру, но он не видел причины, по которой следовало бы вмешиваться в процесс передачи. И не видел причин надеяться на удачу, если бы он решил попробовать помешать. Он был занят. Однажды Опорто сказал ему:

— Слушай, тут что-то про твою подружку.

Моргая, Райленд оторвался от бумаг.

— О ком? — Он действительно не мог сразу сообразить, потом вспомнил предыдущие замечания Опорто.— Ты говоришь о мисс Криири?

— Ну да, мисс Криири,— коротышка ухмыльнулся.— Она отправилась на Луну. Вместе с папочкой.

— Прекрасно,— сказал Райленд. Он следил за тем, чтобы голос не выдавал его, и одновременно думал, что неизвестно, кого он хочет обмануть. Как бы старательно ни скрывал он свой интерес от Опорто, он не мог скрыть его от себя самого. Что-то его волновало, когда упоминали имя Донны Криири. Опорто лениво облокотился на стол Райленда.

— Ну, не знаю, так ли это прекрасно, Стив,— обеспокоенно сказал он.— Может, им стоило остаться дома и присмотреть за делами. Ты слышал о катастрофе в парижском туннеле субпоезда?

— О чем? — Райленд устало положил в сторону пачку докладов и посмотрел на товарища. Глаза жгло. Он потер их, подумав, что ему необходимо выспаться. Но не стоит, решил он, ведь восемь часов он уже проспал за прошедшие двое суток. В любом случае у него не было времени. Поэтому он отбросил в сторону эту мысль и спросил:

— Черт побери, о чем речь, Опорто?

— О том, что я сказал,— ответил коротышка.— Парижский субпоезд в Финляндию попал в катастрофу. Пропало без вести больше сотни человек, то есть погибли, ясное дело. Если туннель проваливается на глубине сотни миль, то ясно, что это за «пропали».

Райленд был поражен.

— Но этого не может быть! — сказал он.— Я ведь знаю расче-

ты этих туннелей. Они могут обвалиться, верно, но не сразу. По крайней мере часа за три до аварии начнется ослабление кольцевого поля. И всегда можно успеть задержать поезд.

Опорто пожал плечами.

— Сто погибших человек были бы рады это услышать, Стив,— сказал он.

Секунду Райленд молчал.

— Может быть, ты и прав,— сказал он устало.— Вероятно, Планирующему следовало бы лично следить за подобными вещами... А, здравствуйте, майор.

В комнату, улыбаясь и дружелюбно поглядывая сквозь стекла очков, вошел майор Чаттеради.

— Я подумал, нет ли у вас новостей, мистер Райленд.

Пока Райленд перебирал бумаги на столе, Опорто сообщил:

— А мы как раз говорили о катастрофе в туннеле под Парижем, майор.

Карие глаза Чаттеради сделались непроницаемыми. Повисла неловкая тишина. Райленд вдруг понял, что майор Чаттеради очень интересуется аварией между Парижем и Финляндией. Странно, подумал он, какое он имеет к ней отношение? Но Райленд слишком устал, чтобы развивать мысль дальше. Он нашел нужный листок и протянул заявку майору. Чаттеради просмотрел бумагу, сначала мельком, потом более внимательно. Его подстриженные ежиком волосы, казалось, встали дыбом.

— Но, мой дорогой Райленд! — запротестовал он.— Это оборудование...

— Я сверился с Машиной,— упрямо сказал Райленд.— Вот.— Он показал майору Чаттеради на телетайп.

ДЕЙСТВИЯ: «Запрос одобрен».

ДЕЙСТВИЯ: «Связаться с майором Чаттеради».

ИНФОРМАЦИЯ: «Источник энергии пункта Черный круг не удовлетворяет запросу».

— Но, мой дорогой Райленд! — На лице майора возникло мученическое выражение.— Дело не только в источнике энергии. Примите во внимание и другие соображения!

— Все, что требуется Плану, План должен получить,— процитировал Райленд, чувствуя, как улучшается настроение.

— Конечно, конечно. Но...— майор изучил листок еще раз.— У нас сейчас и без того электронного оборудования хватит на университетскую лабораторию,— простонал он.— И вы просите еще. Часть из этих устройств небезопасна. Вы понимаете, что после инцидента, о котором упоминал мистер Опорто, мы не можем позволить себе рисковать.

— А какое это имеет отношение к работе Группы?— уставился на него Райленд.

— План не терпит случайных аварий! — сердито сказал майор.— Указанное вами оборудование создает угрозу радиоактивного облучения, кроме всего прочего, а в пунктах Черный Круг,

Серый Треугольник, Зеленый Полукруг и Серебряный Квадрат трудятся восемь тысяч человек. Мы не можем рисковать их безопасностью.

Райленд многозначительно постучал по телетайпу.

— Ох,— вздохнул майор.— Если Машина одобряет...— Он задумался на мгновение, потом повеселел.— Придумал! Нужна ракета на орбите!

Райленд не сразу понял его.

— Что?

— Нужно вывести на орбиту ракету, поместить в нее все оборудование,— горячо объяснил Чаттеради.— Почему бы и нет? Все будет управляться на расстоянии. Ракету я могу вам сразу выделить, мистер Райленд! И можете заполнять ее любым, самым опасным оборудованием. Какое нам дело до какого-нибудь заблудшего пространственника, а?— Он подмигнул и захихикал.

— Ладно,— еще обдумывая предложение, сказал Райленд.— Можно сделать и так.

— Конечно, можно! Мы устроим телевизионный связной контур с дистанционным управлением. Вы себе работаете в лаборатории, а оборудование летает в космосе. Устраивайте любые эксперименты. И если,— он расцвел улыбкой,— вы устроите взрыв, то повредите только ракету, а не нас всех.— И он выскочил из комнаты. Поразительно, но План Человека действительно творил чудеса. Ракета была оборудована и запущена за сорок восемь часов. Райленд ни разу ее не видел. Он управлял приборами на ее борту через телевизионный экран дистанционного монитора, проверил их, дал свое одобрение и на катодном экране наблюдал за тем, как огнехвостная птица выпрыгнула в небо со своей пусковой установки. Он сразу же принялся за работу. Единственное, что он успел установить относительно пространственника и того, что Планирующий назвал «нереактивной тягой», это была ее нерегистрируемость. И это было уже кое-что. Исследования группы Райленда открыли также ядерную реакцию, дающую меньше энергии, чем уходило на нее, а так как энергия пропасть не может, это могло быть реальным подтверждением того, что недостающую энергию просто нельзя зарегистрировать. Так же, как и энергию пространственника... Райленд был намерен смоделировать ядерные реакции, имеющие отношение к проблеме. Но однажды утром девица-общительница разбудила Райленда неожиданной новостью.

— Проснись и пой, Стив!— прощебетала она, внося завтрак.— Угадай, что я сейчас скажу! Генерал Флимер будет сегодня присутствовать на собрании Группы.

Стив поднялся.

— Это большая честь,— хрипло сказал он. Общительница была, как всегда, свежая, привлекательная, сияющая молодостью, хотя полночи неутомимо исполняла поручения Райленда.— Разве ты никогда не устаешь?— спросил он.

— Нет, нет, Стив! Завтракай! — Она присела на край стула, глядя на Стива, потом сказала серьезно: — Мы здесь не для того, чтобы отдыхать. У нас есть работа! Мы — общительницы, мы соединяющие провода, скрепляющие цельность Плана.

Он уставился на нее, но она говорила совершенно серьезно.

— Да, да,— кивнула она,— План Человека так же нуждается в нас, как в транзисторах, сопротивлениях и конденсаторах — это ты и прочие птицы высокого полета. Не забывай, Стив: «Каждому — его дело, и только его дело».

— Не забуду,— пообещал он и вяло выпил свой лимонный сок. Но у девицы что-то было на уме, он чувствовал это. Она ждала возможности заговорить с ним.

— Ну? Что случилось?

Она казалась смущенной:

— Просто, ну, понимаешь, Стив... девушки спрашивают... Они хотели бы узнать...

— Ради бога. В чем дело?

— Мы просто подумали,— сказала она,— правда ли, что наша Группа связана с этими авариями в туннелях?

Райленд моргнул и протер глаза. Но, от этого ничего не изменилось, девушка по-прежнему сидела на стуле, выражение лица у нее было слегка смущенное, слегка извиняющееся.

— Аварии? Вера, о чем ты говоришь?

— О туннеле на линии Париж—Финляндия,— повторила она.— Взрыв на энергостанции в Бомбее. Катастрофа грузового самолета в Неваде. Ты понимаешь ведь, о чем речь.

— Нет, не понимаю. О половине этих случаев я вообще не слышал. Опорто начал, видимо, бить баклуши.

— Есть и другие, Стив. И девушки говорят...— Она сделала паузу.— Я только волновалась, вдруг это правда. Они говорят, что аварии вызывает работа нашей Группы. Они даже сказали, что ты, Стив...

— Что я?

— О, я понимаю, это нелепость. Генерал Флимер сказал, во всяком случае, что вряд ли это правда — будто ты связан с этими авариями. Но они говорили, что ты конструировал для субпоездов...

— Они говорят чушь! — вспылил Райленд.— Извини, я буду одеваться.

Он не мог не думать об услышанном. Что за нелепость. И как только возникают подобные слухи? Дневное собрание Группы и вправду почтил своим присутствием генерал Флимер. Хмурясь, Райленд задумчиво посмотрел на него, потом вспомнил глупые слухи, о которых узнал утром.

— Прежде, чем мы начнем,— требовательно сказал он,— скажите мне, слышал ли кто-нибудь о том, что наша работа вызывает аварии? — Он посмотрел на людей, глаза которых ничего

не выражали. Потом руководитель компьютерной секции кашлянул и сказал нерешительно:

— В общем, есть такие разговоры, мистер Райленд.

— Какие именно?

Компьютерщик пожал плечами.

— Так, разговоры. Один из кодировщиков слышал от двоюродного брата, а тот слышал от кого-то еще. Вы знаете, как это бывает. Суть их в том, что якобы наша работа здесь расстраивает контуры радиоконтроля — бог знает, как это может быть.

— Какая ерунда! — взорвался Стив. — Что они хотят этим сказать, черт бы их побрал? — Он сдержал себя. Ведь электронщик ни в чем не виноват, в конце концов. — Ладно, — сказал он. — Если кто-нибудь услышит разговоры подобного рода, пусть доложит мне!

Головы кивнули в знак согласия. Головы всех присутствующих, кроме генерала Флимера. Генерал каркнул раздраженно:

— Райленд! Мы пришли сюда разводить сплетни или наметить задание для Группы на сегодня?

Райленд погасил злость. Несмотря на то, что Донна Криири поставила его во главе Группы, звание генерала заставляло не связываться с ним зря.

— Хорошо, — сказал Райленд. — Приступим к делу. — Потом он повеселел. — Я видел ваш доклад, Лескьюри. Желаете сделать сообщение?

Полковник Лескьюри прокашлялся.

— По предложению мистера Райленда, — сказал он кивая, — мы провели серию новых исследований пространственника с помощью рентгеновских лучей. Используя метод тенеграммы его внутренних органов и способ дистанционной хроматографии при обработке данных, мне удалось обнаружить некую кристаллическую массу, концентрирующуюся на пересечении основных нервных каналов животного. Примерно то же самое предвидел мистер Райленд.

— И что это означает? — хриплым голосом спросил Флимер.

— Это означает, что мы двигаемся вперед, — с готовностью ответил Райленд. — У пространственника должно было иметься какое-то образование, управляющее нереактивной тягой. После вчерашней обработки данных на компьютере и расчетов, подготовленных Опорто, я попросил полковника Лескьюри провести опыты. Он выполнил просьбу в неурочное время, как видите. Это означает, — продолжал он, словно читая лекцию, — что мы нашли то место, где генерируется нереактивная тяга животного. И еще одну вещь мы узнали после вчерашних расчетов: вероятность электромагнитной или гравитационной природы этой силы равна нулю. Вот мой доклад, готовый к передаче в Машину.

Генерал Флимер, глядя на Райленда, медленно кивнул. Помолчав, он спросил:

— И это объясняет то, что произошло в рудничных колониях Антарктиды?

— Я не понимаю...— озадаченно начал Райленд.

— Не понимаете? Я имею в виду взрыв реактора, случившийся прошлой ночью и уничтоживший все рудники с большим убытком для Плана Человека. То же самое вызвало катастрофу с реактором и все остальные аварии, мистер Райленд. То самое кольцевое поле, которое вы помогли создавать.

— Конструкция здесь ни при чем,— отчаянно запротестовал Райленд.— Если и произошли аварии, то причиной должна быть механическая поломка, или ошибка человека, или намеренный саботаж...

— Вот именно!

— Как я могу отвечать за аварию в Антарктиде, или в сотне миль под земле, или где-то в космосе, дальше Луны?

— Именно это и захочет узнать Машина.

— Возможно, это чистое совпадение,— Райленд лихорадочно искал причину.— Аварии и раньше случались целыми сериями...

— Когда именно?

— Я не помню. Я ... не могу сейчас припомнить.

Он запнулся и судорожно вздохнул. Туманная пелена, скрывающая его прошлое, стала еще гуще. Все, кроме научных фактов и воспоминаний о работе, превратилось в ничто, в вихрь, который унесся в небытие. Уже наедине с собой, в своей комнате, он снова попытался разрешить загадку трех пропущенных дней в его прошлом. Что подозревали тераписты? Что он мог сделать за это время? Почему они считали, будто он получил сообщение из рук Дана Хоррока и знал о пироподах, фузоритах или о том, как создать нереактивный двигатель. Кое-что он понял из рассказа Лескьюри, но ясности эти детали не прибавили. Хоррок покинул борт «Кристобаля Колона» с описанием и образцами животных из Рифов Космоса. Неужели Машина подозревала, что он связался с Райлендом, прежде чем его поймали и отправили в орган-банк? Райленд пытался решить эту головоломку, но не видел и намека на разгадку. Как рассказала Донна Криири, между стуком в его дверь и появлением полиции Плана действительно прошло три дня. Но неужели тогда к нему стучал Хоррок? Если так, что стерло воспоминания? Он смотрел на стену перед собой и пытался проникнуть сквозь серый туман в сознании. Он попытался припомнить Хоррока, на котором, наверное, еще была форма, но она была испачкана, забрызгана кровью, ведь он был ранен, тяжело дышал от усталости, от напряжения побега и тащил с собой черный полотняный полетный саквояж, в котором хранились украденные записи и образцы... Эта картина стала почти реальной. Или это была только игра воображения? Принес ли ему Хоррок какую-то информацию, необходимую для создания нереактивного двигателя? Он не мог вспомнить. Наконец, он погрузился в беспокойный сон, в кошмар, где он и Хоррок спасались бег-

ством от полиции Плана. На следующее утро Райленд первым делом пошел к клетке пространственника в ракетной шахте и замер на месте, охваченный испугом. Истекая кровью, пространственник неподвижно лежал на дне клетки. Райленд бросился к дверце и вошел в клетку. Существо не испугалось — оно успело к нему привыкнуть. Пространственника окружала гаснущая туманная аура, глаза его потускнели, но когда вошел Райленд, они снова загорелись гневным огнем. Существо поднялось в воздух. Поняв, что происходит, Райленд спиной вперед выскочил за дверцу, захлопнул ее — и вовремя. Пространственник устремился на него с молниеносной быстротой. Клетка покачнулась, когда он ударился о захлопнувшуюся дверь. Кровь заструилась по прутьям решетки, оторвался клок золотистого меха. Животное рухнуло на пол, жалобно мяукая. Первый раз за все эти годы Райленд почувствовал настоящее бешенство. Он стремительно повернулся на каблуках.

— Готтлинг! — рявкнул он.— Дьявол вас побери, что вы наделали?

Появился полковник, вид у него был ядовитый и самодовольный.

— Здравствуйте, мистер Райленд,— кивнул он.

Райленд приказал себе успокоиться. Лицо Готтлинга больше, чем обычно, напоминало череп, радарные рога антенн придавали жесткому и холодному лицу сатанинское выражение. Но антенны были не просто украшением. Хотя Райленд и являлся руководителем Группы, он оставался опом. Холодная самодовольная усмешка тронула углы рта Готтлинга, и этого было достаточно, чтобы напомнить о шатком положении Райленда. Одно прикосновение к кнопке радара на портупее Готтлинга — и Райленду конец.

— Вы опять мучали несчастное создание! — взорвался Райленд.

— Очевидно, это так,— спокойно согласился Готтлинг.

— Черт побери! Я приказывал...

— Заткнись, оп! — улыбка с лица полковника исчезла совершенно. Он сунул Райленду листок телетайпа.— Сначала прочти вот это, чтобы не напортить самому себе!

Райленд поколебался, потом взял листок. Там значилось:

ИНФОРМАЦИЯ: «Настоящий ход работы признается неоправданно замедленным. Связь метода исследований и аварий должна быть изучена на предмет вероятности».

ИНФОРМАЦИЯ: «Возможно, Райленд связан с прямым саботажем туннелей, реакторов, ионных двигателей».

ДЕЙСТВИЯ: «Руководство Группой вернуть генералу Флимеру. Дополнительные действия производить полковнику Готтлингу по его инициативе».

Райленд в изумлении смотрел на бумагу. Машина снова изменила решение! Но, по правде, не собственное положение больше

всего волновало Райленда сейчас. Опасность грозила пространственнику.

— Дополнительные действия! — прогремел он.— Послушай, ты же его убьешь!

Готтлинг пожал плечами, рассматривая пространственника. Тяжело дыша, животное лежало на металлическом полу и смотрело на них.

— Возможно, но я не стану ждать, пока оно само умрет,— задумчиво сказал полковник.— Паскаль не хочет производить вивисекцию, но он вряд ли осмелится отказать, когда получит приказ Машины,— он усмехнулся с ледяным выражением.— Вы все из одного теста, ты, он, дочка Планирующего, Паскаль Лескьюри. Боитесь вида крови. Но боль — это не заразная болезнь. Не надо бояться боли других, это на вас не перейдет, честное слово. Наоборот,— он развеселился,— на страданиях других можно многому научиться.

— Я доложу это Донне Криири,— сухо сказал Райленд.

Полковник широко раскрыл глаза.

— Неужели? Значит, для обороны тебе требуется дочка Планирующего,— он подождал некоторое время. Потом сказал снисходительно: — Но это не имеет значения. Ничего у тебя не выйдет, Райленд. Мисс Криири сейчас на Луне. Ты понял, оп, все, что случится с пространственником, зависит теперь только от меня.

Райленд рывком распахнул дверь своей комнаты и направился прямо к телетайпу. В комнате сидели Опорто и общительница. Он задержался на мгновение — кажется, он чему-то помешал, но чему? Неважно.

— Опорто! — крикнул он.— Какой номер вызова у Донны Криири?

Опорто кашлянул.

Да ну же, Стив, я не знаю. Три? Пятнадцать?

— Не тяни,— с угрозой предупредил его Райленд.

— Три.

Райленд ударил по клавише телетайпа.

ЗАПРОС: «Прошу разрешить прямой контакт с Донной Криири, станция три».

Телетайп едва ли не мгновенно выстучал ответ:

ИНФОРМАЦИЯ: «Отказ».

— Вот видишь,— благоразумно пояснил Опорто,— ничего не вышло. А ты думал, что Машина свяжет свои контуры с...

— Молчи,— Райленд снова начал печатать, требуя связи с самим Планирующим.

ИНФОРМАЦИЯ: «Отказ».

— Видишь, Стив? Это бессмысленно. Отчего ты так разбушевался?

Райленд объяснил, отчего он так разбушевался.

— О, как плохо,— пробормотала общительница.— Бедное создание.

— Тяжело,— поддержал ее Опорто.— Ну, и что ты думаешь делать? Мы всего лишь опасники. Мы не можем ссориться с Готтлингом и всеми остальными.— Он чихнул и пожаловался: — Вот, Стив, ты совсем меня расстроил. Держу пари, что я опять простудился.

Райленд не слышал слов Опорто и едва ли помнил, что в комнате, кроме него, были еще двое. Что же ему делать? Отрезанный от Планирующего и его дочери, он не мог предотвратить убийства пространственника. Ведь в этом был конец работы Группы. Если то, что сказал ему Планирующий, правда, то под угрозой находится сам План, потому что для его безопасности был очень важен способ, которым пространственнику удавалось перемещаться, не отталкиваясь от чего-либо, нереактивная тяга. И все же Планирующая Машина не позволит ему...

Он моргнул, и комната в его глазах снова обрела четкость очертаний.

— Планирующая Машина! — громко сказал он.

— Что ты говоришь, Стив? — простонал Опорто.— Что ты задумал?

Но Райленд не ответил. Он сел за клавиатуру телетайпа и твердой рукой напечатал сообщение обо всем, что произошло. Полковник Готтлинг предумышленно противостоит приказам Донны Криири и самой Машины. Пространственник в опасности. Опасность угрожает самому Плану. Он кончил печатать и ждал ответа. Он ждал долгие минуты, пока Опорто и девушка шептались за его спиной. Невероятно, что Машине требуется столько времени на ответ! Лихорадочно Райленд спрашивал себя: что это? Перерезаны провода? Или Машина так перегружена, что сообщение не было принято? Он нагнулся и, не вполне сознавая, что делает, на самом деле проверил, вставлен ли штепсель в розетку, но тут телетайп вдруг зажужжал и застучал. Словно пораженный молнией, Райленд вскочил. Но сообщение было невероятно кратким. Оно состояло из одной буквы: «П».

— Принято и понято,— дружелюбно сказал Опорто из-за спины Райленда.— Ого-го, Стив, это все? Вот тебе и Машина, видишь. Нам спрашивать и спорить не положено. Эй, Стив! Ты куда? — Но Райленд уже вышел.

Он поспешил к генералу Флимеру. Он потерял время зря, уже довольно поздно, придется разбудить генерала, но сейчас он об этом не думал. Он робко постучал в дверь и тут же, без паузы, застучал кулаком.

— Минуту, минуту,— послышался ворчливый голос. Потом дверь распахнулась.

Генерал был уже в пижаме — пурпурной куртке и полосатых алопурпурных штанах. Воротник и манжеты украшали витые серебряные шнуры, и комната позади него утопала в ковре серебряного цвета. Это производило ошеломляющее впечатление.

— Райленд? — раздраженно проворчал Флимер. — Какого дьявола вам нужно?

— Мне необходимо поговорить с вами, генерал. — Он не стал ждать разрешения войти и проскользнул в щель между генералом и дверью. Потом то, что он увидел, заставило его застыть на месте и забыть даже о чрезвычайно важном деле, с которым он пришел. У камина стояла статуя, сверкающая серебристая статуя девушки. Но она двигалась! Она открыла глаза и посмотрела на Райленда. Медными губами она спросила:

— А это кто?

— Пойди в другую комнату! — рявкнул генерал.

Серебряная статуя пожала плечами и пошла к двери. Это была не статуя, а живая девушка. Это стало ясно Райленду, едва он увидел, как она двигается. Райленд не верил глазам. Девушка, вся покрытая серебряной пыльцой, даже волосы у нее были серебряные... А у генерала-то с личной жизнью все в порядке. Но сейчас это не касалось его.

— Сэр, полковник Готтлинг намерен уничтожить пространственника, — быстро сказал он. — Я опасаюсь, что он преднамеренно хочет саботировать наш проект.

Лицо генерала неожиданно преобразилось. Глаза по-кошачьи скользнули вниз, черты лица приобрели каменную твердость.

— Продолжайте, — сказал он секунду спустя.

— Но это всё, сэр. Разве не достаточно? Если полковник Готтлинг не прекратит вивисекцию, это убьет несчастное животное. В этом я уверен. Мисс Криири оставила совершенно определенные приказы...

— Подождите, — сказал генерал, но не предложил сесть. Повернувшись к Райленду спиной, он направился к рабочему столу, нажал кнопку на селекторе и склонился к микрофону.

— Готтлинг! — завопил он. — Идите ко мне, здесь Райленд!

Из динамика послышалось бормотание. Динамик был направленного действия — Райленд не мог разобрать слов.

— Быстрее! — пролаял генерал, прекращая дискуссию, и выключился.

Не глядя на Райленда, он тяжело опустился в кресло, прикрыл ладонью глаза и просидел так до тех пор, пока не послышался короткий стук в дверь. Вошел полковник Готтлинг. На лице его не было и тени тревоги. И он был не один. Улыбаясь и кивая, за ним следовал оператор-майор Чаттеради.

— Какая прелестная комната, генерал! В самом деле прелестная! Только истинно утонченный вкус способен преобразовать наши унылые бараки в...

— Заткнись! — генерал Флимер поднялся с кресла.

Райленд ждал, чо Готтлинг сейчас скажет что-то в свое оправдание, и приготовился подтвердить обвинение фактами. Но генерал не спешил с началом разбирательства. Он вообще не смотрел на Готтлинга. Он повернулся к Чаттеради.

— Итак, Чаттеради, вы получили приказ?

— Да, генерал, конечно! Вот, пожалуйста, я знал, что он понадобится, поэтому...— Генерал чуть двинул рукой, а майор замолчал.

Флимер взял листок телетайпной рулонной бумаги из рук майора и молча передал Райленду. В приказе говорилось:

ИНФОРМАЦИЯ: «Стив Райленд подлежит изменению в классификации».

ДЕЙСТВИЯ: «Означенный он должен быть доставлен в резерв НЖК без промедления».

— Резерв НЖК?— вслух повторил Райленд. В ошеломлении он покачал головой.— Но... здесь, должно быть, какая-то ошибка. Резерв НЖК — это ведь «Небеса». Я хочу сказать...

— Ты хочешь сказать, орган-банк, вот что это такое.— Генерал Флимер кивнул.— Верно, и как раз туда ты направишься. Ты правильно угадал насчет Готтлинга, что он саботирует проект. Твоя единственная ошибка в том, что ты думал, будто он действует один.

Орган-банк «Небеса» находился на Кубе. Субпоезду понадобился почти час, чтобы добраться туда. Райленд едва ли обратил на это внимание. Они ехали внутри серого стального шара гораздо менее роскошного, чем вагон Планирующего. Когда они прибыли на место назначения, Райленд, еще не вполне пришедший в себя после потрясения, выбрался наружу и увидел массивную бетонную арку над стальными воротами.

Буквы на бетоне гласили: ВОСКРЕСНЕШЬ В ЛИЦЕ ПЛАНА.

Стены станции сияли угрюмым серым бетоном. Раструбы вентиляторов обдавали их своим холодным и влажным дыханием. Навстречу вышел охранник в белой форме, на груди куртки у него было вышито красное сердце. Майор, конвоировавший партию Райленда, двадцать два свежих живых трупа для орган-банка, с радостью передал их под ответственность охранника и вернулся в вагон поезда, даже не оглядываясь. Он не любил конвоировать. Никому такая работа не нравилась. Она напоминала каждому, что и он смертен. Даже машин-майор понимал, что одна грубая ошибка, один промах — и он тоже может оказаться на «Небесах».

— Пошли!— рявкнул охранник, и двадцать два ходячих склада запасных частей вяло последовали за ним сквозь стальные ворота. Узкий коридор. Потом длинная прямоугольная комната с деревянными скамьями. Райленд сел и стал ждать. Однако за другим их вызывали в соседнюю комнату поменьше. Когда подошла его очередь, он вошел, и девушка в белом схватила его за руку, сунув ее в поток ультрафиолетового света. У нее были рыжие волосы, такие же яркие, как и сердце, вышитое на ее униформе. В потоке невидимого света татуировка на руке призрачно засветилась. Девушка скороговоркой прочитала его имя и номер.

— Стив Райленд,— сказала она,— когда войдешь в эти воро-

та, твоя жизнь останется позади, потому что как индивид ты не оправдал своего места в системе Плана...

Она широко зевнула, потом покачала головой и усмехнулась.

— Прошу прощения, где я остановилась? Да, но ткани твоего тела все еще могут служить Плану. Прежде чем войти, хочешь ли ты что-нибудь сказать?

Райленд подумал. Что тут скажешь? Он отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед. Вон в ту дверь,— сказала девушка.

Позади него, когда он переступил порог, дверь захлопнулась со стальным звоном необратимости. Сначала нужно было пройти тесты. Райленда раздели, вымыли, взвесили, обмерили, просветили рентгеновскими лучами, взяли образцы крови, тканей, прощупали и только что не обнюхали и не попробовали на вкус. Кусок его плоти был отторжен и быстро перенесен на лабораторный стол, где целая команда девушек пропустила его через серию операций по окрашиванию и микроскопическому исследованию. В результате была составлена генетическая карта его хромосом, и ее закодировали двоичными символами, которые потом оттиснули на его воротнике. Это было интересно. Пересадка органов тела невозможна, даже если применять вещества, подавляющие иммунитет организма, если донор и получатель слишком разнятся по своим генетическим структурам. Начинают формироваться антитела. Пересаженная ткань подвергается атаке нового окружения и умирает. Вслед за ней, как правило, погибает и пациент. Чем сложнее участвующие в операции органы, тем более близким должно быть сходство генетических карт. Это была старая проблема. Роговую оболочку легко пересадить из одного глаза в другой, ткани ее грубы и примитивны, в основном, как вода. Миллионы людей передают свою кровь друг другу — кровь тоже немногим более сложна, чем роговица. Но более высокоспециализированные части тела могут быть пересажены без использования подавителей антител лишь у близнецов. Подавители-медикаменты вроде антиаллергических препаратов, которые когда-то помогли справиться с эпидемиями сенной лихорадки, расширяют границы совместимости тканей, но даже в этом случае генетические структуры должны соответствовать друг другу как можно лучше. Хорошо, что Райленда заинтересовал этот вопрос. Это помогло ему избавиться от мыслей о будущем. К счастью, он не понимал, что находится сейчас в положении пространственника, попавшего в руки к Готтлингу, и не очень ясно представлял себе, что ожидает его впереди. А впереди была смерть, пусть и безболезненная, но смерть от тысячи ран. Потому его вдруг оставили в покое. Райленд ожидал, что попадет в тюремную камеру. Вместо этого он оказался в парке отдыха для миллионеров, чувствовал под ногами ковер травы и щурился от блеска теплого солнца Карибского моря. Солнце уже клонилось к закату. Райленд

смотрел на деревья и уютные домики, потом шагнул вперед, но что-то вспомнил и вернулся к охраннику.

— Что я теперь должен делать? К кому мне обратиться, чтобы зарегистрироваться?

— Ни к кому,— сказал охранник, тихо закрывая дверь.— Больше регистрироваться тебе не придется.

Райленд пошел по широкой зеленой аллее к воде, сверкающей вдали. Это направление было не хуже другого. Еще никогда он не оказывался в таком положении — без приказов и регистрации. Это беспокоило его почти так же, как и будущая перспектива быть разобранным на запасные органы. Он так углубился в себя, что не расслышал, что его кто-то зовет, пока человек не крикнул.

— Эй! Эй, новенький! Вернись!

Райленд повернулся. Человеку, который звал его, было лет пятьдесят, самый, так сказать, расцвет. Это должен был быть крепкий, загорелый мужчина с шевелюрой густых волос, очки ему еще не были нужны. Если бы все сложилось нормально, у него впереди было бы еще лет сорок. Но к Райланду, спотыкаясь и хромая, продвигался человек совсем другой внешности. Он был совершенно лыс. Через мгновение, когда на голове его блеснул солнечный луч, Райленд понял, что это не кожа, а пластическое покрытие. Ходил он с помощью длинной трости, едва ли не с костылем. И держали его в вертикальном положении не ноги из плоти и костей, а протезы. Один глаз заменяла заплата, другой был вынужден косить, так как новый кусок пластика покрывал то место, где раньше было ухо.

— Слушайте! Вы только что прибыли? — Голос его был глубоким и резонирующим. Хотя бы это ему удалось сохранить.

— Да, только что,— ответил Райленд, не подавая вида, что испуган.

— Вы играете в бридж?

Выражение лица на миг вышло из под контроля Райленда, но он тут же снова овладел положением.

— Боюсь, что нет.

— Проклятье,— когда мужчина нахмурился, объявилась новая особенность его лица. У него не было бровей.— А в шахматы?

— Немного.

— Громче! — крикнул мужчина, поворачивая в сторону Райленда уцелевшее ухо.

— Я сказал «да»!

— Ага, это уже кое-что,— сказал мужчина почему-то сердито.— Хм. Может, вы научились бы в бридж, а? У нас хорошая компания. Без грубостей, и чужого не берут. И без «обрубков». Я староста в нашем домике,— с гордостью сказал он.— Я здесь дольше всех остальных. Посмотрите на меня — много чего еще осталось, верно?

— Вы хотите сказать, что я могу выбирать, в каком доме по-

селиться? — медленно спросил Райленд.— Я еще не знаю здешних правил.

— А правил тут никаких нет. Впрочем,— мужчина вздохнул,— запрещено драться, если это грозит повредить какой-нибудь орган, никаких опасных игр — вас утилизируют в целом виде. Понимаете? Все это вам уже не принадлежит. Это собственность Плана, и вы должны заботиться о ней...— Он продвинулся немного вперед, налегая на трость-костыль.— Ну, так как? По-моему, вид у вас самый подходящий. Послушайтесь совета и пойдемте со мной. Не слушайте тех, из других домов. Они будут хвастаться своим настольным теннисом, а какой от него прок, если завтра вы не сможете играть в настольный теннис.— Он усмехнулся, обнажив ряд небрежно вставленных искусственных зубов.

Райленд пошел вместе с этим одноглазым, которого звали, как выяснилось, Уайтхарт. Из него вышел бы хороший продавец. Как понял Райленд, он дал верный совет насчет выбора дома. Райленд увидел, что у некоторых домиков стены были облуплены, вид они имели запущенный и неопрятный, обитатели их слонялись вокруг с угрюмым, скучающим видом. Домик Уайтхарта, по крайней мере, был оживленным. Как это было ни унизительно, но «Небеса» показались Райленду даже приятным местом. Еду давали отличную. Как гордо сообщил Уайтхарт, продукты были исключительно натуральные — ни синтетики, ни эрзацев. (Ткани тела нужно содержать в приличном состоянии). Множество свободного времени. Пациент всегда должен быть в форме для серьезной операции. Здесь была даже, скажем прямо, свобода, так, по крайней мере, выразился Уайтхарт, но, говоря об этом, он, как показалось Райленду, смутился и не стал объяснять подробности. Райленд понял, что это страшнее. Если «Небеса» и были тюрьмой, то стены все-таки находились вне поля зрения. Исчез страх совершить ошибку.

Обстановка была превосходная. По зеленому ковру были разбросаны домики. На зеленых холмах шевелили ветвями пальмы. Вокруг озера разрослись дубы и кедры, а в озере водилась настоящая рыба. Тропическое небо было вечно голубым, а в вышине летали стайки облаков. Обитатели коттеджа, в котором жил Уайтхарт, называли себя Президентами Дикси. Никто не помнил уже, какой обреченный на утилизацию антиквар выбрал такое имя, но давать название домикам стало традицией, и последующие поколения обитателей сохраняли ее. Президент Дикси был, по договору, чисто мужским коттеджем. Обитатели имели право выбирать — на «Небесах» не придерживались монашеских правил, и существовали смешанные коттеджи, откуда по вечерам слышались жуткие вопли и смех. Это тоже было правом обитателей. Прислушиваясь вечером к разговорам соседей по комнатам, Райленд обнаружил несколько вещей, очень его удививших. Коттедж напротив занимала целая семья. Странно! Фамилия их была Минтон — мистер Минтон, миссис Минтон и их пятеро взрослых детей. Ка-

кое групповое преступление совершила семья Минтонов, чтобы попасть в запасные части в полном составе? Что-то тут было не так. Принцип, лежащий в основе орган-банка, был ему хорошо знаком. Ему подробно объяснили этот принцип во время транспортировки в вагоне субпоезда, будто в системе Плана имелся хотя бы один человек, не знавший о нем с детства. Каждый индивидуум в системе Плана обязан был вносить лепту в общее дело на благо всех людей. Если кто-то не умел или не желал исполнять свой долг, его заставляли служить обществу иным способом — утилизировали. Другими словами его конечности и прочие органы шли на лечение более ценных граждан Плана, заменяя их поврежденные в авариях или разрушенные болезнями части тела. Этот процесс был привлекательным для реципиента, а не для донора. Но в нем была своего рода суровая справедливость, и, как подумал Райленд, нужно было, собрав силы, перенести все, что могло с ним случиться — благо целого мира было важнее, чем его собственное благополучие! И все же... Одна мысль чрезвычайно его беспокоила. За свою жизнь он знал многих людей, утилизированных в орган-банке. Но не мог припомнить, чтобы хоть раз встречал человека, получившего новые органы... И теперь, когда, кажется, поздно было над этим размышлять, Райленд мог вернуться к загадке трех пропавших дней. Его мучило предположение, что когда-то он знал секрет, способный преобразить весь План Человека, если б только он смог бы вспомнить. В тот вечер, посмотрев, как играют в бридж, он лег на койку, стараясь напрячь память. Неужели в его дверь постучали два раза — первый раз в пятницу и потом еще в понедельник? Если действительно приходил к нему Хоррок, что за сообщение он мог принести? И даже если нереактивную тягу можно было изобрести, то какую она могла бы представлять опасность для Плана? Кто еще, кроме Дондерево, был свободен от власти Машины? Ответов он не мог найти. Туман в его памяти стал еще гуще. Даже пухлое, с вечно извиняющимся выражением лицо доктора Трейла успело немного затуманиться. И он вообще больше не вздрагивал, припоминая, как ему приснилось, что он изобрел нереактивный двигатель. Это было обыкновенное помело. Сидя на нем, он летел сквозь джунгли пятиконечных звезд, а по пятам следовал генерал Флимер верхом на пространственнике. Флимер пришпоривал и терзал животное, а оно жутко вскрикивало.

— Подъем! Подъем! Всем вставать!

Райленд будто вылетел из одного сна в другой, ему снилось, что он в орган-банке, лежит в необыкновенно мягкой постели, и вдруг оказалось, что это так и есть на самом деле. Он сел, протирая глаза, глядя на кровать напротив. На колесном кресле с автономным питанием мотора смонтированы были десять фунтов стальных, медных, резиновых и пластиковых заменителей. Большая часть товарища по комнате Райленда находилась не в постели, а в этом кресле.

Комнату с Райлендом делил некогда полный человек с розовым лицом, аккуратно изуродованным скальпелем врача. У него был неприятный характер. Звали его Алден.

— Давай, Райленд,— проскрипел он тонким шепотом недавно оглохшего человека.— Ты знаешь наши порядки. Помоги мне.

— Хорошо.— Времени до утренней поверки и завтрака оставалось достаточно, Райленд знал об этом: иначе старожилы в коттеджах не успевали бы прикрепить ноги и прочие органы. Как новичок, не тронутый пока утилизацией, Райленд должен был помочь другим. Младшие члены орган-банка заботились о старших. Авторитет здесь имел не возраст, а время пребывания на «Небесах». Система была справедливой, как объяснили Райленду, и кроме того, выгодной каждому.

— Увидишь потом сам,— мрачно сказал Уайтхарт.— Подожди, пока от тебя отрежут пару кусочков.

С утра разговоры были такими вежливыми и мирными. Странно, думал Райленд, внимательно прислушиваясь. Вероятно, это была лишь обычная раздражительность пробуждения, свойственная всем людям, но приводило его в недоумение то, что даже несчастные человеческие обрубки — «корзинки», как их здесь называли, громко рассуждали о своих планах и тщательно выверяли расписание патрульного облета территории геликоптерами охраны. Алден, например, минут двадцать бормотал о том, что можно было бы уплыть за линию прибрежных рифов, где — если бы он действительно был — верный друг ждал бы с надежной подводной лодкой. Слушать его было, конечно же, и смешно, и грустно. От Алдена осталось меньше, чем стоило возня с побегом. А в его тоне еще вчера вечером сквозило полное смирение: «Ты поймешь, сынок,— говорил он Райленду,— мы все здесь не зря оказались. Мы сами это заслужили». В этих рассуждениях одно не сочеталось с другим.

Еще ночью Райленду что-то мешало спать, упираясь в ребра. Едва Алден выехал в своем кресле из комнаты, он поднял матрас. Под матрасом лежала плоская алюминиевая коробка. Он открыл крышку и вытряхнул оттуда куски сахара, листики с планами местности и жалкими подделками дорожных приказов Машины. И тетрадь. Это был дневник какого-то бедняги, который здесь жил раньше, обозначавшего себя лишь инициалами Д. У. Х., он писал его почти три года. Первая запись содержала трезвую суровую оценку положения.

«16 июня. Сегодня утром нас привезли на «Небеса». Выбраться отсюда я не могу. Если бы и мог, мне некуда податься. Но если я оставлю надежду каким-то образом выбраться отсюда, это равносильно смерти сразу, сегодня. Поэтому я попытаюсь бежать. Маяться здесь я не намерен.»

Последняя запись, сделанная уже явно полупарализованной рукой, была менее трезвой, менее решительной.

«Май, число, кажется, 9-е. Одна мин. прд. поверкой. Каж. я на-

шел! Нкто нкгд не следит за свалкой останков трупов! Я знал других, кто выглядел получше меня и — ууууп! — вниз по трубе и прямо на баржу. Поэтому сегодня ночью. Главное — пройти еще одну поверку. У меня еще много осталось всего. Наружн. рли не играет. Если я только... Звонят. Остл. потом».

Остальные листы были чистыми. Завтракали до начала утренней поверки, и Райленд, сунув дневник под матрас, задумчиво направился в столовую. Уайтхарт не обманул его относительно еды. Здесь вообще не было нормированного рациона. Вволю сахара. Кофе. Настоящие густые сливки. Ветчина под красным соусом. Овсянка, фрукты и горячие бисквиты. Райленд ел, пока не набил полный желудок. Он почувствовал себя гораздо лучше. Мир показался ему более спокойным и ярким, соседи его бросили ворчать и строить планы побега, послышался смех, кто-то переговаривался с другим концом стола. Рядом с Райлендом сидел Уайтхарт, и Райленд заговорил с ним о бывшем обитателе комнаты.

— А, старина Дэнни,— сказал одноглазый.— Он здесь жил целую вечность. Видно, какой-то очень нужный тип, с него столько всего порезали. Под конец он держался только на механическом искусственном сердце и фильтрующей искусственной почке. Забавный он был парень — набирал всегда неплохо, но когда играл...

— Что с ним потом случилось?

Уайтхарт нахмурился.

— Взяли сразу оба легких. Жаль, да? Но он до конца был с обеими руками — от плеча до кончиков пальцев.

Звонок позвал их на утреннюю поверку.

— Поверки проводятся три раза в день,— шепнул на ухо Райленду Уайтхарт,— и каждый обязан присутствовать, иначе полная утилизация немедленно. Вдоль нестройных рядов собравшихся сновали охранники в белых формах с красными эмблемами сердец на груди, сверяли татуировки с номерами в списках.

— Гатник, Файвецер, Бриин, Морчанд,— пропел охранник, занимающийся домиком Президента Дикси.— Для вас сегодня ничего нет, парни. Можете ступать обратно. Алден, Хенсли... Хенсли? Что такое, он как сюда попал? Его ведь на прошлой неделе совсем разобрали? — Полдюжины голосов подтвердили, что так и было, охранник вычеркнул имя из списка.— Паршиво работает администратор. Так, а ты кто? — Он поднял руку Райленда.— Ага, Стив Райленд. Добро пожаловать. Для тебя сегодня пока ничего нет. Уайтхарт. Так, Уайтхарт, пойдемка, сегодня твоя очередь.

Райленд ушел оттуда как можно скорей. Все собравшиеся смеялись и чувствовали себя свободно, но при виде Уайтхарта, которого уводили, Райленд ощутил, что легкое тепло, распространившееся по телу после завтрака, куда-то исчезло. В любой момент его собственное имя могло попасть в список. Если он что-

то мог сделать, чтобы помочь себе, действовать нужно было немедленно. Райленд снова извлек тетрадку дневника из-под матраса, выскользнул через черный ход из коттеджа и отыскал солнечное укромное местечко на вершине холма. Он присел, облокотившись о каменную стену ограды и начал изучать дневник покойного Д. У. Х. Там ничего не говорилось о прошлой жизни человека. Но кем бы он ни был, это был умный и образованный человек, имевший понятие о методе. Он начал с систематического изучения своего окружения. Из записей, которые были в начале тетради, Райленд извлек некоторые полезные цифры. На «Небесах» в тот период обитало 327 человек, включая двенадцать детей в возрасте до 18 лет (и что они могли совершить, чтобы попасть сюда?). «Небеса» не были единственными в своем роде, имелось еще, видимо, несколько таких заведений. Дважды партии обитателей органбанка отправлялись куда-то в неизвестные места за пределы ворот, очевидно, пополнить запасы материала в других банках. Внутри стен не было никакой охраны, исключая поверки. Обычно на поверку выходило до двенадцати охранников, а один раз Д. У. Х. насчитал пятнадцать человек еще и наружной охраны. Территория «Небес» простиралась на сто акров, и в дневнике имелась карта, много раз переделанная и исправленная. Заметка на карте говорила, что стены наверху защищены электричеством и перебраться через них невозможно, а в глубину они уходят самое меньшее на пятьдесят ярдов. Видимо, кто-то на самом деле совершил подкоп такой глубины. Морская сторона не огораживалась, но там имелась стальная сетка, а за ней обычная угроза — акулы. Стену прерывало только здание, через которое Райленд попал сюда, и сопутствующие ему строения: клиника, силовая станция, дом администрации и санитарное отделение. Именно там находилась «свалка», которая привлекла внимание Д. У. Х. Она находилась недалеко от берега, и трубопровод вел на баржу, которую буксировали затем в море и там освобождали от останков обитателей «Небес» вместе со всеми остальными отходами этого небольшого человеческого общества. Райленд задумчиво рассматривал карту. Обещающе выглядела лишь свалка. И однако писавший дневник не думал о ней сразу, а мысль эта пришла к нему лишь через несколько месяцев, когда, судя по характеру записей способность к трезвому мышлению начала покидать его. Все же это стоило обдумать. Возможно, этим путем удастся бежать... Но куда потом деваться? Райленд отбросил эту мысль и принялся вчитываться в записи дневника, пока шум, доносившийся от коттеджей, не сообщил ему, что подошло время полуденной поверки.

Никого из обитателей «Президента Дикси» в полдень не вызвали. И лишь когда им позволили разойтись, Райленд осознал, что почти все время стоял не дыша. Гатник, занимающий в шеренге место рядом с ним подмигнул и сказал:

— Поначалу оно всегда так. И потом тоже, все равно.

— Что это? — только и сказал в ответ Райленд.

Гатник повернулся. Вдоль посыпанной гравием дорожки два охранника торжественно катили кресло на колесах и тележку с дополнительными приспособлениями. Все это было присоединено к занимавшему место на сиденье кресла. От него мало что осталось. Вся голова была закутана бинтами, только в том месте, где положено быть рту, виднелось отверстие. Дополнительная тележка несла на себе внушительное сооружение из помп и трубок, цилиндров нержавеющей стали и электрических проводов.

— А, этот,— сказал Гатник. Помахать рукой он не мог, так как обе его руки понадобились кому-то в другом месте, но он наклонил туловище и крикнул:

— Привет, Алек! Что на этот раз?

Забинтованная голова едва заметно кивнула. Все остальные части человека остались неподвижными. Невидимые губы почти беззвучно зашевелились, словно задыхаясь.

— Это ты, Гатник? Всего лишь вторую почку, я думаю.

— У тебя еще полно всего осталось,— жизнерадостно сказал Гатник, и они пошли на ленч. Но Райленда не покидала картина встречи с «корзинкой».

— Я не знал, что они поддерживают нас живыми, когда не остается почти ничего.

— Я так думаю, что Алек — особый случай. Он старше всех на «Небесах». Он здесь уже,— голос Гатника выдал уважение,— почти шесть лет.

Особого аппетита у Райленда не было, к тому же, едва он сделал пару глотков, как ему пришлось заняться кормлением Гатника, а потом он как-то приободрился. Поразительно все-таки, думал он, без определенной цели прохаживаясь по дорожкам «Небес», как еда облегчает жизнь человеку. На хоршей диете он и чувствует себя хорошо. Это доказывает... да нет же, на миг вспыхнуло озарение, это доказывает только то, что обреченное существо, такое, как он, Райленд, способно утопить свои страхи в приливе физического удовольствия. Он решил сейчас же вернуться в дом, взять дневник, изучить... Его кто-то знал. Он повернулся и увидел, что к нему мчится чудо-Опорто.

— Ух ты! Райленд! Это ты!

Опорто остановился. То же сделал и Райленд. В следующий миг он вдруг понял, что оба осматривают друг друга, проверяя, нет ли недостающих частей. Как быстро это стало привычкой!

— Кажется, у тебя все на месте.

— Я здесь всего пару дней. Попал в партию прямо перед тобой... я видел, как ты входил... Эх, лучше бы я остался в Исландии. Нет, я тебя не виню, конечно,— мрачно закончил он.

— Извини.

— Ничего. Ну, так где же живешь теперь?— Райленд рассказал о «Президенте Дикси».— Ха! Эти старые развалины? Слушай, почему бы тебе не перейти в нашу компанию? У нас как раз два свободных места, и среди наших ребят есть отличные парни.

Знаешь, как получается, потеряешь то да это, и остается одна голова, поэтому занятие приходится искать, в основном, умственное. Так вот, один парень, мой сосед, он нашел «Лилавату» — сборник древних индийских задач, это, в основном, диафактные уравнения, если подойти к сути, но...

— Я интересуюсь сейчас другой проблемой,— мягко прервал его Райленд.

Опорно ждал продолжения.

— Я хочу выбраться отсюда.

— Ну, нет, погоди! Стив, не сходи с ума. Такой парень, как ты, у тебя здесь впереди годы. Неужели ты хочешь?..

— Да, хочу,— сказал Райленд.— Хочу отсюда выбраться. И это не только вопрос моей жизни, хотя и она очень меня волнует, признаюсь.

— А что еще? — А-а. Можешь не говорить. Та девушка.

— Нет, не девушка. Не совсем. Но она тоже частично сюда входит. Что-то опасное происходит с пространственником и полковником Готтлингом, и это нужно остановить.

— Ну-ну, Стив,— мрачно сказал Опорто.— Эти разговоры ни к чему. Во всяком случае...— он умолк.

Райленд достаточно хорошо знал коротышку и не стал ждать добровольного продолжения.

— Во всяком случае, что? — подсказал он.

— Во всяком случае,— сказал Опорто,— я не понимаю, зачем тебе та девушка. Я думал, что для тебя важнее другая. Ну, помнишь, 837552... Я забыл, как ее звали.

Для Райленда это было равносильно удару между глаз. Номер... Он не обладал необычайной памятью Опорто на цифры, но это явно был номер...

— Анджела Цвиг,— прошептал он, вспоминая русые волосы, голубые глаза и губы, вкус которых он ощутил на своих губах, едва произнес ее имя.

— Вот именно. Ага, так ты ее не забыл! — Опорто наслаждался взрывом своей бомбы.— Почему бы тебе не повидать ее? Она здесь уже давно, вот в том коттедже возле озера.

— Она здесь!? Но она работала в полиции Плана,— Райленд был изумлен. Неужели План начал утилизировать собственных агентов?

— Да,— рассудительно сказал Опорто.— Я бы сказал, что она здесь. Во всяком случае преимущественно. Ты можешь увидеть все сам.

Сначала Райленд почувствовал потрясение и смущение. Неловко волоча ноги, он подошел к девушке в кресле на колесах. Он грубовато произнес ее имя. Потом встретил ее взгляд и больше ничего не говорил. Анджела? Неужели в кресле та самая девушка, которую он когда-то знал? У нее не было рук, и, судя по складкам халата на коленях, этих коленей у нее тоже не было. Но лицо ее

оставалось нетронутым — зелено-голубые глаза, золотистые волосы, и голос был тот же — сильный грудной.

— Стив! Как я рада тебя видеть! — Она не смутилась ни на секунду, только приятно удивилась. — Не смотри так, — засмеялась она. — Я знаю, что ты чувствуешь. Ты только что прибыл, а я здесь уже двадцать один месяц.

Чувствуя неловкость, Райленд присел на траву рядом с ней. Коттедж Анжелы стоял посреди небольшой рощицы, и вокруг него пестрели аккуратно ухоженные клумбы. Цветы! Райленд не мог вспомнить, чтобы вокруг дома он где-нибудь видел цветы. Только в парках. Хотя это тоже был своего рода парк.

— Я и не мечтала увидеть тебя еще когда-нибудь, — тихо сказала Анджела. — После того, что случилось. — Она вздернула подбородок, и маленький мотор кресла зажужжал. Очевидно, в подголовнике, обитом бархатом, были скрыты выключатели, чтобы она могла управлять колесами кресла. Повернувшись теперь лицом к Райленду, она сказала: — Ты не винишь меня, правда?

— Ты только исполняла свою работу, как и все мы, — пробормотал Райленд.

— Это очень точно, Стив. Ах, Стив! Я рада снова тебя видеть. Нам надо о многом поговорить. Отвези меня к озеру, — попросила она.

Почти целых три года готовился Райленд к встрече с Анджелой Цвиг, если это только случиться. Но теперь он забыл все, что хотел сказать. Все, о чем он молча и яростно думал ночью на койке и разговаривал с валунами в изоляционном лагере. Теперь, оказавшись лицом к лицу с девушкой, он болтал о пустяках. Они смеялись. И это было ему приятно. П р и я т н о! И это она надела на его шею железное кольцо.

— Работая для Плана, всегда чувствуешь себя правым, — заметила она, будто прочитав его мысли.

Они остановились на берегу озера.

— Я даже не обращаю внимания на воротник, — сказал он, стараясь успокоить ее.

— Конечно, Стив.

Он почесал лопатку о ствол пальмы.

— Никогда бы не подумал, что смогу. Я даже помню, как разговаривал с одним человеком в лагере. Он сказал, что я привыкну. И я сказал...

Он замолчал и слегка нахмурился.

— Что ты ему сказал, Стив?

— Я сказал, — медленно повторил Райленд, — что никогда не перестану ненавидеть воротник, смирюсь с ним только, если умру или наглотаюсь наркотиков.

Она улыбнулась ему с безмятежностью китайского мандарина. Вернувшись в коттедж «Президента Дикси», Райленд перелистал дневник, принадлежавший бывшему владельцу его койки. Там была одна запись, которую он хотел перечитать.

Он отыскал ее.

«Это коварное место. Атмосфера такая покойная — бог знает, отчего! — что так и тянет расслабиться, и пусть все идет как идет. Сегодня Каллен вернулся из клиники хихикая, потому что сестра рассказала ему анекдот. Ему вырезали оба глаза!»

И два дня спустя:

«Вчера я потерял вторую ногу. Больно, но мне делают уколы обезболивающего. Странно, почему я так равнодушно к этому отношусь! Вспоминаю Каллена».

Нахмурившись, Райленд закрыл тетрадь и направился на вечернюю поверку. Остальные жители «Президента Дикси» уже были там, и приветствовали они его с холодком. Райленд не обратил на это внимания, хотя понимал, в чем дело,— он мало времени уделял общественной жизни коттеджа. Он едва различал охранников в белой форме с алыми сердцами, вышитыми на белых куртках, когда они пошли вдоль шеренг, монотонно читая списки. Мысли его были о другом. Райленд был вполне уверен, что мозг его работает так же хорошо, как и всегда. И не придавал никакого значения тому, что почти забыл о воротнике, воротник его перестал беспокоить. Это было первое положение силлогизма. Второе вытекало из записки в дневнике. Каково же заключение?

— Пойдем, я сказал! — раздраженный голос охранника привел Райленда в чувство, и он осознал, что было названо его имя.

— Я? Вы назвали меня?

— Тебя. Именно так я сказал, сегодня твоя очередь. Пошли в банк тканей!

Группа вызванных на утилизацию ждала у лифта. Стоявший рядом с Райлендом человек что-то лихорадочно, почти неслышно шептал, глаза его прикипели к дверям лифта, словно это были врата самой преисподней. Он заметил, что Райленд смотрит на него, и судорожно улыбнулся.

— Вы первый раз? Я тоже. Я думаю, на первый раз много не возьмут, правда?

— Давай, давай,— охранник начал вталкивать их в раскрывшиеся двери лифта.— Проходи давай!

Лифт стремительно полетел вниз и высадил их всех в подземном зале. На стенах помаргивали голубые асептические светильники, гул в решетках вентиляторов говорил о том, что работают очистители воздуха. Охранники приказали им садиться. Здесь стояла дюжина длинных деревянных скамей. В «зале ожидания» было просторно, хотя два десятка живых трупов слонялись туда-сюда. Райленд принялся рассматривать их. Некоторые, казалось, имели все части тела на месте, если чего-то и не хватало, это не сразу было заметно. У других были видны признаки предшествующих операций — не хватало ноги, уха, пальца. Но были и настолько запротезированные, так мало оставалось в них плоти и крови, что приходилось удивляться: что еще могут снять с них

хирурги? Нервного вида мужчина поменял место, чтобы сесть рядом с Райлендом, и прошептал ему на ухо:

— Мне кажется, на первый раз они много не возьмут. Зачем? Например, тело у вас может плохо пересаживаться. Тогда они сначала должны сделать пару опытов и посмотреть, как идет дело, прежде чем начать основную операцию. Друг, я в этом положительно уверен...— он замолчал, так как дверь отворилась. Глаза у него были, как у умирающего котенка. Но это всего лишь вошла сестра, она почти не обратила на них внимания. Райленд поспешил отвлечься от собственных забот, чтобы успокоить человека.

— Совершенно верно,— сказал он.— Так оно и должно быть.— Хотя так на самом деле не было. План уже знал все, что нужно было знать об их тканях. Но нервный мужчина ухватился за это предположение.

— Да, сейчас нам ничего серьезного можно не бояться,— пробормотал он.— Наверное, какой-нибудь болван отрезал себе пару пальцев...— он удивленно посмотрел на свою ладонь.— Пару пальцев... Ну и что? Можно обойтись и без них. А может, понадобится нога. Но в первый раз ничего серьезного не берут, потому что...

Дверь отворилась. Вошел молодой стройный охранник. Он явно скучал, и во взгляде, который он бросил на ожидающих, не было ничего особо гуманного.

— Экротч?— вызвал он, глядя в свой список. Мужчина, сидящий рядом с Райлендом, подскочил.— Пошли!

Нервный человек с отчаянием посмотрел на Райленда, сглотнул и вышел. Дверь беззвучно затворилась за ним, будто навсегда. Райленд сидел и ждал. Одного за другим «живых трупов» вызывали в операционные, чтобы дать Плану то, что План требовал. Райленд смотрел, как они уходят, потому что лучше было думать о других, чем о себе и о том, что сейчас случится. Здесь был ветеран с ярко-голубыми глазами, сипевший трубками дыхательного аппарата, заменившего его собственный, молоденькая девушка со странно плоской одной стороной тела, мужчины и женщины разных телосложений и возрастов. Райленда вызвали почти самым последним. Его поманила сестра. Он встал, чувствуя внутри необычную пустоту. Где-то на окраинах нервной системы возникло странное щекочущее ощущение, будто рождалась боль, еще не нашедшая себе места в его теле. Что с ним сделают? Нога, рука, какие-то внутренние органы?

— Пойдем-ка,— сказала сестра раздраженно.

Это была симпатичная рыжеволосая девушка. На пальце у нее он даже заметил кольцо. Удивительно, подумал Райленд. Она обручена! Где-то есть планобоязненный парень, который смотрит на нее с любовью и теплом. А здесь она — воплощение чего-то, что совсем скоро намерено лишить Стивена Райленда части его собственного тела. Он напряженно зашагал вслед за сестрой. В ушах

гремел пульс — стук собственного сердца. Краски казались очень яркими, в воздухе висел резкий запах антисептиков. Он чувствовал тесноту своей поношенной красной униформы. Голубой свет стерилизующих ламп стал непереносимо ярким. Он находился в маленькой комнате, где основное пространство занимал большой операционный стол, сверкающий нержавеющей сталью. Райленд посмотрел на этот стол и провел языком по пересохшим губам. Неожиданно сестра захихикала.

— Боже! Вы такие все нервные. Разве ты не знаешь, зачем ты здесь?

Райленд напряженно кивнул. Он это прекрасно знал. И все же, почему не видно сверкающих никелем инструментов?

— Не думаю,— с веселым преувеличением сказала девушка.— Сегодня у тебя возьмем только кровь, друг. Только пол-литра красной крови. Конечно, в другой раз может быть по-другому.

Райленд лег на стол, на спину, его накрыли накрахмаленной белой простыней, пристегнули руки ремнем. Он лежал, глядя, как течет его кровь в литровый сосуд. Кровь его была винно-красного цвета и текла очень медленно, пока не наполнила половину сосуда. Боли он не ощущал совсем. Конечно, ничего особо приятного тут тоже не было. Что-то неприятно подергивалось в руке, как предупреждение о чем-то, что могло бы привести настоящую боль, словно нервы, привыкшие справляться с более серьезными ранами, не знали, что передавать мозгу, и только выражали таким образом свое беспокойство. Трубка время от времени издавала неприятный звук, словно сифон, всасывающий воздух, и снова воцарялась тишина. Сестра оставила его одного. Поразительно, как все вокруг замерло... И поразительно, как четко начала работать голова. Он был спокоен. И, более того, он знал, что он спокоен. И еще более того, он начал сознавать, что был спокоен — невозможно, безумно, глупейшим образом спокоен, с самого прибытия в орган-банк! Так же, как и все остальные! Это объясняло жизнерадостность ветеранов «Президента Дикси». Успокоение! Но это было неестественно и, следовательно, вызвано наркотиками. Райленд лежал, глядя на пузырьки, возникающие на конце трубки, из которой текла его кровь, и удивлялся, как он мог этого не заметить раньше. Даже писавший дневник человек не заметил этого, хотя почти подошел к отгадке вплотную. Наркотики! План Человека понимал, что некоторые стремления человека не подчиняются здравому смыслу. Одно из них — стремление к самосохранению. Но Машина не может рисковать возможностью внезапного взрыва инстинктов. Машина должна была знать, что каким бы ни было настроение членов Плана, направленных в орган-банк, как бы они ни были обработаны в духе исполнения своих обязанностей перед Планом, угроза расчленения может пересилить любое чувство долга. Поэтому Машина предприняла меры. Очевидное средство — и ни один человек не заметит этого — накачать «живые трупы» транквилизирующими наркотика-

ми. Вошла сестра. Она постучала пальцем по стенке сосуда, отсоединила трубки и проворно вытащила иглу из вены Райленда. Она, что-то про себя напевая, прижала ватку, смоченную в спирте, к красной точке на руке Райленда и велела:

— Согните руку и держите ватку.

Райленд едва слышал ее. Транквилизаторы, подумал он, словно в голове его отозвалось эхо. Это все объясняет. Вот почему тщательные планы Д. У. Х. ни к чему не привели — пока они успели созреть, исчезло побуждение, способное провести их в жизнь. Вот почему сам Райленд зря теряет драгоценное время. Удивительным было только одно: каким образом ему удалось найти отгадку. Сестра распрямила его руку, выбросила ватку и сказала:

— Прямо туда.

Райленд послушно направился к двери, потом остановился, придя, наконец в себя. Медбрат покатил вдоль коридора электрические носилки на колесах. На носилках, закрыв глаза, лежал тот самый нервный человек, с которым Райленд сидел вместе в «зале ожидания». Ему явно что-то удалили — но что именно? Руки были на месте, ноги тоже проступали сквозь простыню, на лице не замечалось ни следа операции.

— Простите,— сказал Райленд сестре.— Что случилось с этим парнем?

Сестра посмотрела куда-то мимо.

— А, с этим...— Глаза ее потемнели.— Это была большая операция. Вы его знали?

— Да.

— Понимаю,— секунду помолчав, она сказала быстро: — Нам нужен был целый позвоночник. Не было особого смысла утилизировать все остальное.

Райленд, спотыкаясь, вышел в коридор, следуя за трупом нервного мужчины, который теперь уже навсегда обрел покой. Он посмотрел через плечо на сестру и сказал:

— До свидания.

— До встречи,— ответила она.

За пределами стен «Небес» тридцать миллиардов людей работали, учились, любили, ссорились, одним словом, исполняли свои маленькие обязанности в структуре Плана Человека. В Саскачеване инженер повернул рубильник, и половина склона горы поднялась в воздух и скользнула в озеро, открыв жилу бедной урановой руды, одно из последних оставшихся месторождений. В городе Фиесоле, в Италии, полковник Технического Корпуса производил инспекцию водохранилища. Уровень воды со времени последнего рапорта поднялся на добрых девятнадцать дюймов. Стоя в своем плоскодонном суденышке, он заметил, что беспорядочно разбросанные домики на берегу, которые он раньше видел здесь, уже почти полностью погрузились под воду. Это был Дворец Питти, но он о таком никогда не слышал. Под Гондурасом обвалился туннель субпоезда и тысяча восемьсот мигрирующих сельскохо-

зяйственных рабочих были мгновенно поглощены раскаленной магмой. Планирующий, вернувшись из поездки на Луну, подписал приказ, который приведет к понижению уровня Средиземного моря на девяносто футов, создав тысячи миль новой земли на своих сократившихся берегах и создав гигантскую электростанцию в проливе Гибралтар... Но на остров Куба не доносилось даже эхо этих событий. Здесь царил покой. Здесь было так уютно. И Стив Райленд думал об этом, как только мог напряженно. Он серьезно поссорился с представителями «Президента Дикси». Главный старожил был шокирован, обижен и подавлен. В результате он потерпел проигрыш в 800 очков в вечерней партии бриджа. Райленд был весьма доволен. Ссора повышала содержание адреналина в крови. Он отправился наружу, поискать кого-нибудь для новой ссоры. Самым подходящим кандидатом, рассуждая логически, была Анджела, и он обнаружил ее в том же месте, что и в прошлый раз. Она загорала перед своим коттеджем.

— Стив, дорогой,— прошептала она. Но он не желал поддаваться ее обаянию.

— Только что я сделал первый взнос в наш банк,— грубо сказал он.— Угадай, какой?— Он дал ей время с беспокойством осмотреть его, потом объяснил: — Ничего особенного, всего только кровь. Повезло, а?

Тон его был отвратительно грубым.

— Да, Стив,— сказала она.— Это большая удача. Мы должны говорить только об этом? Давай снова пойдем к озеру. Сегодня тепло, и у фонтана должен быть ветерок...

— И это все, что тебя заботит, не так ли?

— Стив!

— Еда и уютная обстановка. И это все, что тебе требуется?

— Стив, сегодня ты в дурном настроении,— раздраженно сказала Анджела.— Если ты не хочешь идти со мной, я пойду одна.

— А тебе не все равно?

Она раскрыла рот, потом закрыла, посмотрела на него, тряхнула головой. Она была рассержена, но одновременно это ее не трогало. Райленд ее раздражал, значит, она уйдет от него. Задумавшись, он стоял на месте. Даже когда Анджела метнулась в сторону, если это подходит для описания движений женщины без рук и ног в электрическом кресле на колесах, он продолжал стоять там, размышляя. Одно дело знать, что в крови находятся транквилизаторы. Другое дело — знать, что предпринять по этому поводу. Он мог поддерживать адреналиновые железы в боевом состоянии, ссорясь с другими обитателями банка, но это утомляло. Лучше всего сначала вывести наркотик из крови... Это было просто сделать. Для этого нужно было одно, Райленд видел ясно: он должен совсем перестать есть и пить. Когда на следующий день время подошло к завтраку, он понял, что в системе имеются недоработки. Что-то есть ему необходимо, иначе он умрет. А от этого лучше не станет. Он остановил выбор на сахаре. В тот день, после

полуденной поверки, он унес свой поднос в самый угол столовой... и оставил его там, не притронувшись к еде. Набив карманы кусками сахара, насколько мог незаметно, Райленд вышел. Это был оправданный риск. Вся еда попадала под подозрение, в том числе и сахар. Но вряд ли даже Машина при всей ее педантичности станет возиться с нашпиговкой наркотиками сахара. Конечно, вода была вне дозволенного. И Райленд уже начал очищать воду из озера. Это привлечет внимание, думал он.

Он отправился повидать Анджелу, чтобы отвлечься от жажды. Они прогуливались вместе, девушка удобно себя чувствовала в своем поразительно маневренном кресле. Но Райленд сегодня показался ей в мрачном расположении духа. Они сели у озера, и Стив с вожделением уставился на воду. Вода, такая чистая, притягивающая! Сладкая вода! Но это был источник всей питьевой воды на «Небесах», и, несомненно, его уже успели обработать. Он разговаривал с Анджелой, в основном, о плавании и о том, как позванивает лед в стакане с водой, как разбегаются волны от носа лодки. Наконец, придя в легкое раздражение, Анджела сказала:

— Тогда иди поплавай. Обо мне не беспокойся.— Нежная улыбка.— Я, пожалуй, не буду по очевидным причинам, а ты плавай. Ведь тебе хочется искупаться, правда?

И это было так. Сначала он горячо отказывался, потом ему в голову пришла одна мысль. Почему бы и не поплавать? Если просто лежать в воде, расслабившись, это успокоит жажду... Он продержится до тех пор, пока мозг его полностью не освободится от воздействия наркотиков и он сможет найти какой-нибудь выход. Да, но вода была такой соблазнительной! Он лежал на мелководье и играл в особую игру. В игре ставкой была вся его жизнь. Он позволял воде подойти к самому подбородку. Он позволял ей коснуться губ. И даже взял несколько капель в рот, потом наполнил водой весь рот. Как легко было бы проглотить ее! Так легко утолить жажду! И конечно же, сказал себе, перекатывая глоток от щеки к щеке, наслаждаясь этим ощущением, конечно же, один маленький глоток не играет большой роли...

Райленд едва не поддался соблазну. И кое-что успел уже понять — жажда играла ту же роль, что и раздражительность. Он уже замечал и чувствовал многие вещи, на которые не обращал внимания еще вчера или час назад. Ранка на внутреннем сгибе руки саднила. Сестра неловко вставила иглу. Одежда растерла ему бедра — она сидела отвратительно. И какая радость, думал он, ощущать все это! Анджела с подозрением на него смотрела.

— Что с тобой? — спрашивала она.

— Ничего.

— Ты так себя ведешь... я просто не знаю. Словно Машина дала приказ перевести тебя отсюда. Словно тебе скоро снимут воротник.

И даже это не так уж невозможно, подумал Райленд. Если только он продержится еще немного, у него будет шанс.

— Почему бы и нет? У Дондерево получилось.

— Стив,— предупреждающе сказала Анджела.— Это неплановые мысли! Я в тебе разочарована. Никто не может бежать путем, которым бежал Дондерево, и даже если бы и мог, то твой долг перед Планом...

— Погоди минуту,— он перестал вытираться и повернулся, глядя на нее.— Что ты сказала? Что ты знаешь о Дондерево?

— Я знаю, как он бежал. В конце концов, он бежал именно отсюда.

Райленд услышал звук рвущейся ткани, опустил глаза и обнаружил, что его руки непроизвольно так дернули полотенце, что оно разорвалось. Он бросил его на землю и прошептал:

— Как?

Анджела развернула свое кресло, чтобы оказаться в тени. Она нахмурилась, потом сказала:

— Думаю, это не принесет вреда. У тебя все равно ничего не выйдет, даже если бы ты захотел повторить его побег. На это никто больше не способен.

— Анджела! Как он это сделал?

— Ни одним из тех методов, которым ты можешь последовать, Стив.— Ее улыбка дразнила его.— Он нашел группу врачей в здешней клинике, которую соблазнил неплановыми мыслями — рассказами о космосе за пределами Плана. Он ухитрился подкупить их, пообещав свободу и богатство в Рифах Космоса. Он подкупил их, чтобы снять кольцо... хирургическим способом.

— Как?

— Все было спланировано экспертами,— сказала она.— Предатели-хирурги подделали бумаги. Дондерево вызвали однажды утром, как обычно это бывает. На операционном столе он был полностью разобран на составные части и органы, включая позвоночник. И все эти части были перевезены в соседнюю операционную и собраны обратно, но уже без железного кольца на шее. Но ты не радуйся,— предупредила она его.— Заговор раскрыли, участники его быстро попали в утилизацию. К сожалению, Дондерево успел к этому времени убежать.

— Каким образом?

— Это самое важное,— сказала она.— Понимаешь, хирурги придумали хитрость, чтобы замести следы. Из отходов утилизации они собрали человека и поместили его в воротник Дондерево. Этот «симулянт» занимал место Дондерево, пока преступник не скрылся.

Райленд поежился, хотя сидел на солнце. Такой побег казался устрашающе жестоким, даже если бы у него была возможность последовать ему.

— Давай займемся чем-нибудь поинтересней,— предложила Анджела.

— Я хочу узнать еще кое-что.— Он посмотрел на нее.— Как ты все это узнала?

Она лениво потянулась медленным грациозным движением змеи.

— Наверное, я могу тебе сказать, Стив.— Она доверительно улыбнулась ему.— В конце концов, для тебя не секрет, что я работала в полиции Плана. Понимаешь, я сюда попала по делу Дондерево. Его не могли раскрыть, пока мне не удалось уговорить, одного из виновных врачей помочь мне бежать тем же способом.

Она зевнула, улыбаясь с удовлетворенностью кошки.

— Если ты попала сюда как шпион, то почему ты...

Он замолчал, чувствуя ужасную неловкость.

— Почему я до сих пор здесь? Не стесняйся задать этот вопрос, Стив. Я до сих пор здесь, потому что к тому времени, когда я завершила дело, я уже была... вот в таком виде, как сейчас. Естественно, План не мог ради меня пойти на возвращение уже использованного материала... поэтому... меня переклассифицировали. Не буду отрицать, поначалу это немного меня беспокоило. Но потом я к этому привыкла. И ты тоже привыкнешь, Стив. Потому что у тебя нет другого выбора.

Но смириться с судьбой он не мог, как ни было сильно искушение. Его разбудил ночной дождь, и он выскочил наружу, разбудив соседей, нашел водосточную трубу под карнизом и пил, пил, пил. Это придало ему сил. На следующее утро он уже видел результат. Он вытянул руку перед собой, и она дрожала. Дрожала! Он нервничал. И еще ему хотелось есть. Пока что вода у него была. Он отыскал кувшин и аккуратно наполнил его водой из дюжины водостоков. Вода отдавала цинком и смолой, зато была свободна от наркотиков. Но голод... Он не стал завтракать. Утром к нему пришел Опорто, и его глаза на смуглом маленьком личике ничего не пропустили.

— Нет аппетита, а?

Райленд отодвинул в сторону нетронутый поднос — ветчина и великолепный соблазнительный кофе! — и сказал:

— Нет. Не хочется.

Позже, уже в домике «Президента Дикси», куда вслед за ним увязался коротышка, тот указал на кувшин с дождевой водой:

— Что это?

— Это вода. Если вдруг захочется пить,— ответил Райленд, позволив себе маленький глоток. Лицо Опорто сохраняло задумчивое выражение. Райленд обнаружил, что сила рока неотвратимо нависла над ним — страх высушил его рот. Но он радовался этому. Он наслаждался ощущению ужаса. Он смотрел по сторонам на остальных обитателей «Небес» и видел перед собой толпу зомби, живых, но уже мертвых, павших жертвой асфоделиков. Они смеялись, улыбались, прогуливались, если у них были ноги, но они уже были мертвецами. И только он, Райленд, был жив и охвачен паникой. И очень хотел есть. Ему удалось оторваться от Опорто почти перед самой полуденной поверкой и выкроить время, чтобы прочесть несколько страниц дневника.

«16 октября. «Свалку» только осматривают. За ней следит охрана на обзорной галерее в северной клинике. Иногда там никого нет, не знаю, почему». «5 ноября. Сегодня я был в северной клинике, на пятом этаже, где находится охранник. Я, кажется, понял, почему он иногда отсутствует. Его дважды вызывали помочь перенести пациента, очевидно, это входит в его обязанности. Так как меня привязали к столу, я не мог видеть непосредственно, но, кажется, всякий раз, когда его вызывают внутрь, он остается там, по крайней мере, полминуты, и, вероятнее всего, его вызывают наиболее часто, когда график операций плотный. Видимо, три часа или около того вслед за каждой поверкой — самое удобное время. Утренняя и полуденная поверки отпадают. Во-первых, мне не удастся скрыть свое присутствие на «свалке» более чем на пару часов, во-вторых, мусор не сбрасывают, как правило, раньше ночи. Остается ночь. К сожалению, операций делают в это время немного... Сегодня у меня взяли левую ногу, включая бедро». «3 декабря. Сегодня на утренней поверке вызвали необычно много народу. Ходят слухи, что в Хадже, Калифорния, взорвался завод реакторов, и потребуется много запасных частей. Когда же? Сегодня ночью?»

Райленд перевернул страницу, но он уже знал, что найдет там. Следующая запись была последней. Д.У.Х. близко подошел к отгадке, но недостаточно близко. Голод начал серьезно мучить Райленда. Его организм отказался принимать один сахар. Опорто явно начал что-то подозревать. Он не отставал от Стива ни на минуту. Сидя спиной к валуну у озера с пальмами, он наблюдал, как Райленд мрачно швыряет камни в кокосовые орехи. Сбить хоть один ему не удалось, но зато, посетив несколько пальмовых рощиц, он обнаружил упавшую пальму.

— Ты, видно, очень любишь кокосовое молоко,— хмуро заметил Опорто, глядя, как жадно разбивает Райленд камнем скорлупу.

— Я его обожаю,— на самом деле орех перезрел, и вкус у молока был отвратительный.

— Хорошо идет с чесноком, а? — Опорто имел в виду какие-то дикие коренья, которые нашел Райленд. Их стрелкообразные зеленые листья высовывались из травы, а под землей скрывались маленькие, узловатые, с сильным запахом корешки. Опорто заметил, как Райленд пробовал их на вкус.

— Оставь меня одного, пожалуйста,— сказал Райленд.— Я... э-э... не совсем хорошо себя чувствую.

— И неудивительно,— вздохнул Опорто. Но немного спустя он куда-то побрел.

Райленд сразу забыл о нем. Он чувствовал себя слабым и истощенным. Это только самовнушение, говорил он себе, ведь потерпевшие кораблекрушение моряки выдерживали месяцы и даже годы почти на той же диете, что и Райленд, и даже более скромной! Но они, конечно, не подвергались искушению три раза в день при

виде полного стола вкусной еды, которую нельзя было отведать. Имелись и другие соображения. Он с вожделением смотрел на рыб в озере. Он мог поймать одну из них и зажарить на костре.

Но он и так уже привлек к себе внимание, больше рисковать не стоило. Охранники «Небес» наверняка знают, что делать с обитателем, раскусившим загадку транквилизаторов. Едва ли они обнаружат такого, но если обнаружат, то будет названо его имя на поверке, потом в вену вопьется игла, и вся сила успокоения вольется в жилы, и сила воли ему не поможет. Но полностью он не сможет избежать подозрений, если будет продолжать отказываться от восхитительной пищи, которую предлагали на «Небесах». Уже сейчас на него поглядывали соседи по «Президенту Дикси», не говоря об Анджеле Цвиг и прежде всего Опорто, которые открыто подозревали, догадывались, что он помышляет о побеге. На следующее утро Райленд скрылся от остальных и обошел «Небеса» по краю. С неохотой ему пришлось убедиться еще раз — стены непроницаемы. Оставалась только «свалка». Остатки утилизированных обитателей орган-банка сначала скапливались в сборнике из нержавеющей стали рядом с Северной клиникой. Сейчас там было пусто — тонны человеческих остатков были переправлены на баржу, и буксир оттащил ее в море. Горячее солнце блестело на стальных стенках резервуара. Его окружала ограда из колючей проволоки, которую, в свою очередь, скрывала масса цветущих кустов бугенвиллии. Райленд подумал, что проволока, наверное, под током. А может, и нет... Видимо, подумал он тут же, с попыткой не следует тянуть. Чем раньше он попытается бежать, тем больше шансов сохранить свое тело. Уже сейчас охранники проявляли некоторую активность: по крыше Северной клиники прохаживались люди в форме, там же стояли устройства, очень напоминающие мощные прожектора. Райленд нахмурился. Если «свалку» будут освещать, его задача усложнится. Хотя прожекторы были какие-то странные — с рефлекторами, но без линз, и по размерам довольно скромные. Райленд сложил пальцы крестом. Видимо, у этих аппаратов другое назначение. Ему оставалось только надеяться.

— Стив! Стив! Райленд! — послышался громкий знакомый голос. Это был Опорто, он что-то кричал, улыбался, махал рукой.

Райленд не спешил к нему навстречу. Откуда коротышка узнал, что он здесь? И от чего он так возбужден? Опорто тяжело сопел, едва не дрожал.

— Вот кошмар, Стив! Ты уже слышал?

— О чем?

— Еще один туннель обвалился! На этот раз погибли тысяча восемьсот человек. Знаешь, что я думаю? Это саботаж. Вот что я думаю.

— Саботаж? Но кто?

— Антиплановские элементы, — жизнерадостно объяснил Опорто. — Аварии ведь были повсюду, ты знаешь. Тысячи чело-

век убиты! Повреждены пути сообщения! — Он бросил взгляд через плечо, улыбнулся и сказал громко: — Или ты так не думаешь, а, Стивен Райленд?

Ноздри Райленда расширились, явственно чувствовался запах опасности. Он посмотрел в ту сторону, куда оглядывался Опорто, и увидел то же, что видел Опорто. Три мощного сложения охранника в белых униформах направлялись прямо к ним. Он понял, почему Опорто так громко назвал его имя, и коротышка кивнул, нимало не смущенный.

— Да, Стив, Иуда Искариот — вот мое второе имя.

Охранники были готовы к сопротивлению Райленда. Но он не стал сопротивляться и позволил им отвести себя в клинику, где в руку его вонзилась игла, и он смотрел на нее бесстрастно. Укол был почти безболезненным, хотя он знал, что это означает. Это снова были транквилизаторы, но на этот раз он уже был к ним готов.

— И чтобы больше таких глупостей не было,— проворчал охранник, выводя его из ворот клиники.

Тело Райленда мгновенно прореагировало на укол. Он смирился с этим. Уютная теплота, обволакивающая его, теперь уже не имела значения. Он едва не расхохотался. Он даже не чувствовал гнева из-за предательства Опорто — больше Опорто он доверять не будет, теперь он не совершит такой ошибки... И тем временем... И тем временем... тем временем он может есть! Во время ленча у стола «Президента Дикси» возвышался мрачный охранник. Райленд наслаждался жареной свининой и картофелем и выпил целых три чашки кофе. Все было очень вкусным. А почему бы и нет? Ведь транквилизаторы не затуманивают мыслей — просто снимают уровень эмоций, которые и служат наивысшим побудителем действий. Но беспокоящий страх уже сыграл для Райленда свою благотворную роль. План был готов. Он приведет его в исполнение сегодня ночью, если удастся, либо следующей ночью, наверняка. Он рассудил, что теперь, когда Опорто донес охране о том, что Райленд избегал пищи, оставаться на голодной диете не имело смысла — транквилизаторы ему станут вводить прямо в вену. Ладно, это не имело значения, как и все остальное. Он уже знал свой путь и едва мог дождаться сумерек. Время тоже не собиралось ждать Райленда. В этот день вызывали очень многих. Сосед Райленда по комнате попал в список на полуденной поверке и до сих пор не вернулся — и уже не вернется, говорили опытные обитатели, потому что если вы не возвратились к следующей поверке, то не возвратитесь совсем. Днем вызвали пятерых. После ужина — еще семерых. Ого, подумал Райленд сквозь приятный туман мепробамата, во всем коттедже остается всего три человека, не вызванных в этот день, и среди них он, Райленд. Судьба явно была к нему благосклонна. После вечерней поверки он в последний раз прошелся по дорожкам банка и отправился испытать свою удачу. И сделал это как раз вовремя. Потому что едва он

успел скрыться в сгущающихся сумерках почти на расстоянии прямой слышимости, как до него донеслись слова охранника в белом, подходившего по ракушечной дорожке. Райленд приостановился, вслушиваясь. «Райленд» — явственно сказал охранник, и еще что-то, кажется, «клиника». Ответил ему басовитый голос одного из немногих пока уцелевших обитателей «Президента Дикси».

— А-а — сказал охранник, не очень заинтересовавшись.— Ладно, когда он появится, скажите, чтобы пришел. Она подождет.

Райленд затаился в ночной темноте. Он не мог знать, чего они от него хотят, но был уверен, что время его подходит к концу даже быстрее, чем он предполагал. Кто была эта «она»? Которая могла подождать? Анджела?

Едва ли это так, и все же почему не пойти, не повидаться с ней? Если окажется, что это Анджела каким-то образом уговорила охранника взять на себя миссию мальчика-курьера, то ему не помешает выяснить причину. Если же это не она... все равно, чем дальше он будет от коттеджа «Президента Дикси», тем лучше для него.

Посылала за ним не Анджела. Она совершенно не имела понятия, почему охранник искал его, и совершенно этим не интересовалась. Чувствуя напряжение, постоянно оглядываясь на случай неожиданного появления охранника, он присел рядом в темноте теплой тропической ночи. Больше для того, чтобы проверить ее реакцию, а не затем, чтобы облегчить чувства, он рассказал о доносе Опорто и о полученной им в результате новой дозе транквилизатора.

— И правильно он поступил, Стив. Ты не должен совершать антиплановые поступки.

Он печально покачал головой.

— Я тебя не понимаю,— заметил он.— Одно дело работать для Плана. Это понятно, это обязанность. Другое — выдать товарища...— он замолчал и быстро посмотрел на нее, но Анджела лишь засмеялась.

— Я знаю, Стив, но ты ошибаешься. Помнишь, что я делала, когда мы впервые встретились?

— Работала с компьютером.

— Правильно! Мы задавали ему задачи — о, сложнейшие задачи. Я так любила эту работу, Стив! И компьютер решал все задачи, одну за другой, щелк-щелк! И он не ошибался, он был частью Плана, понимаешь! Одной из частиц всеобщего Плана Человека, которым управляла Машина. А знаешь, почему он не ошибался?

— Почему? — проворчал он. Она такая успокоенная.

— Потому что мы его проверяли постоянно! — торжествующе воскликнула она.— Там был специальный выключатель тестирующего контура. После каждой задачи мы посыла-

ли проверяющий сигнал — о, он в пять раз превышал по напряжению обычный — через каждую лампу, каждую микросхему, каждый транзистор, каждое реле. Если какая-то деталь была ненадежной, она выходила из строя сейчас же, и мы знали, где неисправность, и могли заметить ее. И... Стив,— сказала она с серьезным выражением,— я тоже такой проверяющий заряд.

Она подалась вперед, опираясь на высокое ограждение, не дававшее ее безрукому телу выпасть из кресла.

— Такие, как ты, не имеют права разрушать План!— крикнула она.— Вас нужно находить и... заменять. Опорто и я — у нас была одна функция в системе Плана: находить и сообщать о ненадежных деталях. Ты был плохой деталью, Стив, признай это — ты мог подвести. И ты действительно подвел! И Машина куда лучше справится без тебя!

Райленд заходил вокруг кресла. Девушка смотрела на него с торжественным и сострадательным выражением больших глаз. Наконец он с неохотой спросил:

— И ты по-прежнему желаешь служить Машине, даже теперь, когда она отобрала твои руки и ноги?!

— Да, желаю.

— Тогда ты ненормальнее Опорто!— рявкнул он.— Машина — Это чудовище! План Человека — надувательство!

Но Анджела оставалась спокойной.

— Он сохраняет жизнь тринадцати миллиардам людей на Земле,— напомнила она ему.

— Тем, что держит в рабстве все эти тринадцать миллиардов!

— А ты знаешь другой способ?

Он нахмурился.

— Не знаю. Но возможно... в Рифах Космоса...

— Рифы Космоса больше для тебя не имеют значения, мой дорогой. Так же, как и Рон Дондерево. О, да, это был настоящий мужчина, и, возможно, Рифы действительно существуют, я не знаю. Но какая нам разница?— Она шевельнула головой, и колеса кресла передвинули ее ближе к Райленду.— И разве это так уж плохо, Стив? Быть рабами? Я знаю, у тебя есть идеалы... и я тебя за это уважаю, честное слово! Но ведь речь идет о смерти и жизни человечества. И разве не правда, что почти для всех в Плане Человека предусмотрена доля счастья?

Он рассмеялся.

— Это счастье попадает в нас со стаканом воды.

— Только ли?— она лениво откинулась на спинку, глядя на него искренними глазами.— Ты забыл обо мне, Стивен. Разве ты не хочешь меня?

Вопрос застал его врасплох. Он вспыхнул.

— Я... я не знаю, что...

— Ведь я здесь, Стивен,— продолжала она мягким нежным голосом.

— Если ты хочешь меня, то я рядом. И я беспомощна, я не могу сопротивляться.

Он сглотнул.

— Ты...— Я тебе этого никогда не прощу, Анджела! Ты опустила меня до своего уровня, так? Но дважды этот фокус не пройдет!

В ее спокойном голосе слышалось искреннее сожаление.

— Не знаю, о чем ты говоришь, дорогой.

И мгновение спустя Райленд понял, что она говорит правду, она будет принадлежать ему, если он захочет, и не станет его за это винить.

— Ты в самом деле высоковольный проверяющий контур, Анджела,— грубо сказал он.— Но ты меня однажды уже пережгла. И я не намерен допустить это еще раз.

Теперь он уже не сомневался в том, что станет делать. Он внутри огражденного стеной пространства. Но у стены две стороны. Он выберется на другую сторону! Возможно, он будет только человеческим обрубком, у которого к тому времени отберут все, но он выберется. Потому что... потому что на той стороне стены есть кое-что... Возможно, там есть даже свобода — в Рифах Космоса. И есть там, вероятно, человек, который знает, как убрать с шеи кольцо. И еще там была Донна Криири. Внезапно он повернулся к Анджеле, встревоженный мыслью о дочери Планирующего и сказал:

— Я... я не хотел...

— Не надо извиняться, Стив. Ты из всех остальных людей...— Она запнулась.

— Что ты хотела сказать?

— О... ничего. Ничего особенного. Просто...

— Анджела! — сердито сказал он.— Ты всегда что-то от меня скрывала! Пожалуйста, хотя бы здесь перестань. Ну, так что ты хотела сказать? Что я чем-то не такой, как остальные люди? Чем же я отличаюсь от них?

Ее красивые большие глаза безмятежно смотрели на Райленда. Потом она сказала:

— Так ты не знал, кто ты такой?

Райленду стало несколько не по себе.

— Разве тебе не приходилось замечать, что ты несколько не такой, как все?

Он уже собрался покачать головой, но что-то удержало его. Он вспомнил, как когда-то ему казалось, что он уже слышал голос Анджелы, доносящийся из темноты за конусом света, направленным на него, пристегнутого к кушетке тераписта.

— Ты должен был заметить, что отличаешься от других, Стив,— насмешливо продолжала она своим нежным голосом.— Ты никогда не задумывался, почему?

Ему захотелось ударить ее. Железный воротник вдруг стал таким тесным, что он едва мог вздохнуть, и в жилах на шее запуль-

сировала кровь. Он сидел на траве, онемевший, и смотрел на Анджелу.

— Ты думал, что ты человек, как все? — голос ее был полон презрения. — Мне показалось, ты мог догадаться, когда я рассказывала тебе, как бежал Дондерево. Ты — «подсадная утка».

— Подсадная... что?

Волосы шевельнулись у Райленда на затылке. Он вздрогнул, хотя было тепло. Железный воротник стал тяжелее.

— Я тебе уже говорила, как хирурги собрали нечто из ненужных частей, чтобы скрыть побег Дондерево. Подсадная утка для охраны. Так вот, Стив, это ты и есть.

Он сидел неподвижно, осторожно дыша сквозь мертвую хватку воротника.

— Ты обладаешь привлекательной внешностью, Стив. Это потому что, хирурги старались придать тебе сходство с Дондерево, а он был красивым мужчиной. Если ты ненавидишь План, то это потому, что твои внутренние железы и мозг были собраны из того, что осталось от нескольких наиболее неблагонадежных граждан, выдающихся, так сказать, врагов Плана. Если ты и отличился изобретением в области геликальных полей, то это потому, что лобные доли твоего мозга взяты у человека, который эту теорию разработал... Если остальная часть твоей памяти несколько расплывчата и противоречива, то потому, что остальной твой мозг был собран из смешанных остатков тканей.

— Нет! — хрипло прошептал он. — Это невозможно!

Но воротник сжал горло и задушил слова. Он почувствовал ужас при мысли, что это может быть правдой.

— Если я был здесь раньше, — в отчаянии возразил он, — я все равно ничего об этом не помню.

— Это еще одно доказательство, — Анджела улыбнулась. — Люди, собравшие тебя, были исследователями, так же, как и врагами Плана. Они использовали ненужные мозговые ткани, пытаясь улучшить уже созданные природой. Когда они собирали твой мозг, они использовали возможность создать опасный для Плана ментальный механизм.

Потрясенный, он мог только повторить слово: «Нет!»

— Доказательств достаточно, если ты даже и не веришь мне, — сказала она, — вспомни все свои попытки диверсий. Туннели субпоезда, реакторы на заводах, ионные ускорители в ракетах, которые ты уничтожил своими «усовершенствованиями»...

Райленд вздрогнул, словно в агонии.

— Я не помню...

— Это еще одно преимущество, вложенное в твой мозг, — спокойно сказала она. — Врачи-хирурги оснастили созданный ими мозг контуром самостирания памяти, чтобы предохранить тебя от соблазна выдать секреты под пыткой. Неужели ты не замечал пробелов в своем прошлом?

— Я... я замечал, — кивнул он.

— Вот и все.— Ленивое удовлетворение светилось в ее улыбке.— Все то особое внимание, которое тебе уделяли последние три года, еще раз доказывает, что как орудие диверсий ты действовал великолепно. Но теперь ты свое назначение исполнил. Думаю, ты теперь представляешь беспрецедентный случай — твои органы будут использованы повторно. Но, несмотря на это, Стив, я не могу не сказать тебе, что ты слегка задираешь нос. Собственно, ты собой представляешь только сто шестьдесят фунтов подкормки для акул, которую эти предатели-хирурги у них стащили.

Корм для акул! Если это правда, то там ему и место! Райленд нырнул в заросли бугенвиллий, окружавших стальной сборник для отходов, наблюдая за часовым на крыше клиники. Уже почти полностью стемнело, и в разрывах между тучами появились звезды. Прожекторы — или это были какие-то другие устройства — еще не включали. Безмолвный, Райленд наблюдал и старался не думать. Одной тревогой меньше. И все же придется подождать, когда станет совсем темно. Охранники со скучающим видом смотрели в сторону океана. Ночь была теплой, нежной, тропической. Но то, что лежало перед ним, представляло ужасающее зрелище. Очень странно, подумал Райленд, что План Человека не скрыл, не упрятал это месиво человеческого мяса. Этот мир был так закутан в предохраняющую от шока изоляцию, что, казалось, подобного рода зрелища должны быть надежно спрятаны от посторонних глаз. Перед ним в сборнике отходов лежало несколько тонн ампутированных конечностей, частей тел и целых тел, из которых были удалены жизненно важные органы, кости, участки артерий и нервных тканей. У этих побелевших мертвых тел за проволочной оградой отобрали самую малость — их жизнь. Осталось только превосходное органическое вещество. И это тоже странно, подумал Райленд. Эти отходы могли бы пойти на отличный корм животным. Или, может, по крайней мере, в этом отношении План Человека имел основание проявить гуманность. Но подумать только, ведь гектары истощенной обрабатываемой почвы могли бы быть восстановлены с помощью протеина и фосфатов, заключенных в этих трупах. План решил не употреблять их таким способом. Каждую ночь накопившиеся отходы переправлялись трубопроводами на баржу. Их плоть достанется крабам, ракам, морским медузам. Почему бы и нет? Эту рыбу съедят потом люди, почему бы не сократить цепочку? Райленд с беспокойством заерзал и переключил мысли на другое, потому что, если Анджела сказала правду, из таких же отходов было составлено и его собственное тело... Но вот уже почти стемнело. Со стороны коттеджей донеслось бормотание динамиков всеобщего оповещения. Он не мог разобрать слов, но обычно так поздно вечером их никогда не включали. Потом пришли в действие другие громкоговорители, расположенные ближе и, кажется, он разобрал свое имя. Райленд беззвучно выругался. Ближайший к нему часовой стоял неподвижно, как сама Машина, уставясь на территорию «Небес».

Неужели он не может на мгновение посмотреть на звезды, зевнуть, почесаться, потянуться, сделать что-нибудь, кроме того, чтобы исправно нести бдительное дежурство на посту? Снова заговорили динамики. Эти были расположены вокруг озера, как понял Райленд. И в тоне говорящего появилось раздражение, словно там, в радиоцентре, на верхнем этаже клиники, его подстегивало какое-то более высокое начальство, и он переключал раздражение на несчастных обитателей «Небес». Потом заговорили громкоговорители, расположенные еще ближе, и Райленд ясно расслышал произнесенное имя, его собственное имя. «Райленд!» Только каждый громкоговоритель был расположен на некотором расстоянии от другого, и поэтому слово было похоже на удаляющееся эхо: «Райленд, Райленд, Райленд...» Он не удивился. Он ожидал именно этого. Он слушал, как повторяются слова говорящего: «Вам... приказано... явиться... в Южную Клинику... Немедленно!..» Около озера Райленд увидел огни ручных фонарей. Он глубоко втянул в легкие воздух. Ему придется испытать судьбу, даже если охранник и не отвернется... Он напрягся, замер. Охранник на крыше вдруг шевельнулся. Он повернул голову и кивнул кому-то внутри здания, потом так быстро, что Райленд и не заметил движения, исчез, шагнув в коридор верхнего этажа. Райленд бросился бежать, перелетел через загородку, разорвав одежду, тут же стянул ее с себя и спрятал под кучей мертвых тел, а сам упал туда, содрогаясь от соприкосновения с человеческим мясом. Это было ужасно, такое происходило в старинных рассказах о заживо погребенных людях: пробуждение в тесном ящике гроба, во тьме, где запах сырой земли, в которой на глубине шести футов находится гроб. Он чувствовал себя солдатом в бою, который получил смертельную рану, но потом пришел в себя и оказался в общей могиле среди десятков убитых. Вокруг были одни мертвецы, и сам он был почти что такой же мертвец. Райленд благодарил Бога за то, что тот создал мепробамат. Он пытался лечь как можно естественней, насколько это было возможно. Руки и ноги он постарался спрятать под туловищем — чтобы часовой не удивлялся, каким образом на свалке оказался неповрежденный труп. Райленд замер. Едкий прокисший запах вызывал тошноту, его на мгновение обдало ледяной волной. Он молча выругался. Ему раньше и в голову не приходило предположить, что механические стенки сборника будут охлаждаться. Он лежал и ждал. И не осмеливался поднять голову, не осмеливался как следует вздохнуть. Как он прикинул, только через несколько часов содержимое сборника будет переправлено на баржу. Вспыхнул яркий свет. Райленд замер. Послышались отдаленные голоса. Ничего, видимо, подошло время смены часовых, и это хорошо, значит, время бежит даже быстрее, чем ему казалось. Свет — это только обычный осмотр, ничего страшного... загорелся еще один прожектор, и еще один. Теперь металлическое углубление сборника отходов было залито светом, тонуло в ослепительных лучах, а над головой Райленда послы-

шался шум винтов геликоптера, и его прожекторы тоже были направлены вниз. Райленд лежал не шевелясь, не осмеливался даже моргнуть, но напрасно, все было напрасно. Послышалась команда, по металлическим ступеням лестницы зазвенели шаги спускавшихся в сборник охранников. Их было четверо. Они не колеблясь направились прямо к Райленду, наступая на куски тел, отпихивая их в сторону носками ботинок. Они шли прямо к Райленду.

— Неплохо придумано,— ухмыльнулся один из них. Потом добавил, но уже угрожающе: — Но не вздумай пробовать еще раз.

Они подтолкнули его к лесенке, не позволив ему найти одежду. Теперь, когда все кончилось, тело его сотряслось от дрожи, он спотыкался.

— Как... как вы нашли меня? — едва выговорил он.

Охранник взял его за локоть и помог взобраться на крышу Северной Клиники. Выказывая некоторую гуманность, он показал на ряд устройств, которые Райленд принял за прожекторы.

— Это инфракрасные локаторы, Райленд. Учуяли тепло твоего тела. Да, их можно тоже обмануть, но только если на тебе одежда, скрывающая тепловое излучение тела. А одежда сразу же выдала бы тебя,— добавил он сочувственно.— Поэтому не расстраивайся. У тебя не было ни одного шанса.

Он открыл дверь и подтолкнул Райленда внутрь, в холл клиники.

— Теперь ступай. Там кто-то тебя требует. Кто-то очень важный.

Его быстро провели по коридорам, втолкнули в какую-то комнату, оставили на мгновение одного, потом сунули комбинезон, дали время, чтобы он мог натянуть на себя одежду, которая была на четыре размера меньше, чем требовалось.

— Там на это смотреть не станут,— проворчал охранник в белой куртке с алым сердцем на груди.— Пошли! — они отвели его в другую комнату и снова оставили одного. Сквозь открытую дверь Райленд видел операционную. Хорошо, что есть на свете транквилизаторы, подумал он спокойно, потому что он явно прибыл на конечный пункт своего пути. Над двойным столом пылали асептические лампы. Все члены операционной бригады собрались за прозрачной стерильной перегородкой. На столе лежал человек примерно такого же сложения, что и Райленд, рядом с ним сложный аппарат с колоколообразными помпами шипел воздухом по сетям трубок и шлангов. Искусственные легкие? Да. И этот человек, понял Райленд, должен получить новые легкие. И получит он их, естественно, от Райленда... Или не получит? Потому что второй стол был уже занят обитателем «Небес». Это было странно. Но, видимо, это только означает, что ему придется стать донором в следующей операции. План Человека не располагал возможностью заботиться об эмоциональным состоянии каждого человека, и вследствие этого, ему, Райленду, позволили стать свидетелем операции. Он посмотрел в сторону, потом опять загля-

нул в зал операционной, глядя со страхом, но и с любопытством, как хирург отдает короткие приказания, рассекает кожу, мышцы, проламывает кости... Операция подошла к концу, когда за спиной он услышал шаги. Он повернулся. В комнату вошла Донна Криири. Донна Криири! Она взглянула на Райленда, словно он был частью мебели.

— Долго же вы его искали,— недовольно сказала она человеку, который вошел вместе с ней. Судя по выражению лица и знакам отличия, это был главный хирург клиники.— Ладно, у меня есть эта штука,— она помахала радарным пистолетом,— поэтому я с ним спокойно отправлюсь. Правда, Райленд?

— Но это совершенно против правил,— с сомнением сказал хирург.

— Вы сами видели приказ Машины,— продолжала мисс Криири и помахала куском телетайпной ленты.

— О, конечно,— поспешил сказать хирург,— конечно, мисс Криири. Вы ведь знаете, я не стал бы... Но это совершенно против наших правил.— Донна холодно кивнула и поманила рукой Райленда.

— Машина имеет право менять правила,— сказала она.

— Теперь покажите, как нам пройти к ракете.

Они вышли из клиники и направились к посадочной площадке. Там, присев на хвостовых стабилизаторах, стояла скоростная ракетная яхта Донны.

— Чиквита!— прошептала девушка.

— Одну, минуту, мисс Криири,— решительно сказал Райленд.— Куда вы меня везете?

Она задумчиво посмотрела на него.

— У меня приказ Машины,— сказала она, помолчав немного.— Она велит доставить вас в другой орган-банк, ваши органы требуются для лечения одного важного члена Планирующей комиссии.

— Звучит довольно странно!— запротестовал он.

— Да, очень. Чиквита!— Девушка топнула ногой и сердито уставилась на ракету.

Внутри люка что-то золотисто свернуло, потом засветилась бледная голубоватая дымка. Из люка выплыл пространственник. Его оранжево-коричневые глаза с обожанием смотрели на Донну Криири. С кошачьей грацией он изогнулся, завертелся в воздухе — от радости, как казалось, и замер, повиснув перед девушкой. Райленд начал что-то говорить.

— Помолчите,— прошептала девушка.— На споры нет времени. Нам нужно выбраться отсюда, пока они за вами не вернулись.

— Вернулись? Но почему? Дорожное указание от Машины...

— ... подделано.— Она хладнокровно встретила его пораженный взгляд.— Да. Я подделала его лично, поэтому знаю, что говорю. Хирург отправится обратно за вами, как только подаст обыч-

ное сообщение о выполнении приказа Машине. А когда это произойдет... как вы думаете, когда? Минут через пять?

— Я не понимаю!

— А вы и не должны! — взорвалась девушка.— Пока времени нет! Я пытаюсь спасти вам жизнь. Кроме того...— она заколебалась,— есть и другая причина, если говорить правду. Вы нужны моему отцу.

— Планирующему? Но... но... стал бы он подделывать приказ Машины?

— Я не могу вам все объяснить сейчас.— Она поглядела по сторонам, вокруг никого не было.— Помоги вам бог, если что-то случится! Я не могу спрятать вас в ракете — там негде укрыться, а туда они наведаются сразу. Не думаю, что они посмеют тронуть меня. Но вас...— Она пожала плечами.

— Что же я тогда должен делать?

— Делать? — воскликнула она.— Ну как что,— влезть на спину Чиквиты! Зачем же, по-вашему, я привезла ее? Только влезайте ей на спину — она сама знает, куда лететь.

Райленд летел на пространственнике, это напоминало езду верхом на золотом потоке. Обтекаемое золотистое туловище было более стройным, чем у тюленя, мех отливал чистым золотистым цветом, переходя в черный на хвосте. Это наверняка был самый необыкновенный скакун, на котором приходилось ездить человеку. Когда он взобрался ему на спину, Донна произнесла короткую команду. Пространственник едва слышно замурлыкал, мускулы его рябью пронзила дрожь, и внезапно он подпрыгнул в воздух на сотню футов. Стив не почувствовал ни сотрясения, ни удара перегрузки. Просто они вдруг оказались на довольно большой высоте. Сквозь тонкую ткань комбинезона — своей единственной одежды, Райленд чувствовал, как вибрирует тело пространственника. Он увидел, как дочь Планирующего входит в свою ракету. Она не собиралась ждать начала неприятностей. Райленд услышал звук работающих двигателей, но он все больше удалялся. И хотя ракета начала взлетать и тоже очень быстро набирала высоту, расстояние между ними не уменьшалось, так как пространственник летел значительно быстрее. Райленд затаил дыхание и приник к его спине. Он все еще не чувствовал давления встречного ветра. Далеко внизу он видел передвигающиеся, словно муравьи, фигурки людей на дорожках. Но они не смотрели вверх и, возможно, не смогли бы заметить Райленда, потому что до сих пор было еще темно, а патрульные геликоптеры с прожекторами висели между пространственником и «Небесами». Теперь они поднялись уже на высоту в тысячу футов. Ракета Донны, похожая на черную точку посреди огненного цветка собственных двигателей, казалось, была прилеплена к бетону посадочной площадки внизу. И только то, что она не уменьшалась в размерах, означало, что она движется вслед за ними. Но вскоре даже ракета начала теряться из виду. В северо-восточном направлении соби-

рался шторм. Перистые облака предостерегающей завесой закрыли звезды, дождевые тучи вздымались черными башнями, шквалы ветра с дождем уже двигались над темными горными районами Кубы. Пространственник повернул в сторону грозы.

— Подожди! — крикнул Райленд. — Не надо туда! — Но пространственник или не понимал его, или не хотел слушаться. Он громко мурлыкал, как пушистый котенок, и стремительно летел навстречу грозовым тучам с их жестокими шквалами. А Райленд по-прежнему не ощущал движения. Поле пространственника, какова бы ни была его природа, одновременно ускоряло каждый атом его тела. С ним передвигался и своеобразный воздушный карман, заключенный в пространство светящегося голубоватого ореола вокруг животного. Полет их был почти беззвучен, хотя они неслись едва ли не со скоростью звука. Невероятно! Математический ум Райленда мгновенно взвесил факты: видимо, пространственник создает вокруг себя силовую капсулу, форма которой зависит от природы встречаемого сопротивления. В данном случае образовалась тупоносая обтекаемая капля, когда они летели со скоростью сотни миль в час, а при достижении звукового барьера капля вытягивалась в иглу. И по-прежнему не было чувства давления, хотя «Небеса» давно уже скрылись из виду, оставшись далеко внизу. Сейчас они летели над водой. Повсюду вокруг лежали облака. Они неслись в клубящийся фронт грозы, за которой следовал ураган. Ледяной дождь мгновенно промочил Райленда насквозь. Интересно, подумал он, дождь проникает сквозь капсулу, которая не пропускает воздушный поток! Но размышлять над этим не было времени. Неприятный холодный дождь не понравился пространственнику. Довольное мурлыканье перешло в жалобное мяуканье. Он задрожал, но продолжал стремиться вперед. Райленд потерял всякое представление об их положении в пространстве. Со всех сторон клубилась буря, туман и ледяной дождь, мелькали вспышки дальних молний. Но он надеялся, что пространственник знает, куда летит. Они пробуравили верхнюю кайму облачного фронта и вышли в чистое воздушное пространство. Под ними ураган закручивал облака гигантской спиралью, крутившейся вокруг неподвижного «глаза бури». Их окатил ослепительный свет. Это солнце снова показалось из-за западного горизонта. Значит, они поднялись на большую высоту! И продолжали подниматься все выше.

Райленда охватила невыразимая радость. Он совершил невозможное! Он бежал, и при этом остался цел! Он перестал быть нумерованным кандидатом в сборник отходов, он снова стал человеком. И Донна Криири помогла ему там, где он потерял неудачу. Он многим ей обязан. На секунду он задумался, о чем же это она не успела ему сказать относительно отца, потом оставил эту мысль. Ощущение чуда переполняло его, чуда свободного парения в бесконечном небе. Небо вокруг уже стало черным — воздух был совсем разреженным. И они продолжали подниматься, пока гро-

мадное пространство океана не обрело отчетливо выпуклый характер.

А они все продолжали стремиться вверх, и воздух действительно стал разряженным. Но этого не должно было случиться! Это Райленд знал наверняка — поле пространственника должно было удерживать воздух. Однако само космическое животное начало тяжело дышать. Его мурлыканье и мяуканье перешло в сухой кашель. Они продолжали подниматься, но Райленд чувствовал, что полет животного стал неуверенным. Они забрались на опасную высоту. Его измученное тело насквозь пронизал ледяной холод, несмотря на немилосердное сияние белого солнечного диска. Райленд понял, что всему виной раны пространственника. Пытки в клетке Готтлинга не прошли бесследно. Часть симбиотов пространственника погибли. А ведь именно фузориты давали теплокровному существу возможность жить в открытом пространстве. Они не исчезли полностью, потому что воздух еще оставался вокруг пространственника. Он наполнял горячие легкие Райленда, предохраняя кровь от выкипания в вакууме, хоть немного защищал его от холода и убийственной ультрафиолетовой радиации солнца. Воздух еще был... но хватит ли его?

Райленд мрачно улыбнулся, сил уже почти не было.

— От судьбы не уйдешь,— прошептал он хрипло, задыхаясь... и потерял сознание. Он не заметил момента, когда отключился, и только знал, что это сейчас произойдет.

Когда Райленд пришел в себя, то искренне удивился, что до сих пор жив. Лицо Донны Криири склонилось над ним. И это еще больше усилило его изумление.

— Мы добрались,— прошептал он, не веря самому себе.

— Да, пока что все в порядке,— без улыбки сказала девушка.— Но не радуйтесь раньше временни, Райленд. Мы все еще в опасности.

Он попытался встать — и поплыл по кабине, пока рука девушки не подтолкнула его обратно на металлическую пропривоперегрузочную койку. Они находились в кабине корабля и, по всей видимости, в невесомости. Он посмотрел по сторонам.

— Мне нужно за...— начал он и тут же замолк. Он хотел спросить, где стоит телетайп, чтобы он мог зарегистрироваться. Но в этом, конечно, больше не было необходимости.

Донна Криири показала рукой на кабину.

— Тебе здесь нравится, Стив? Он твой.

— Мой?— Он был поражен.

— Да. Ты помнишь ту ракету, которую генерал Флимер оборудовал для тебя, для дистанционного управления из пункта Серый Треугольник? Это она и есть, хотя и с некоторыми переделками. Я убрала приборы дистанционного управления. Во всем остальном это отличная межпланетная ракета, и она вращалась на орбите, куда вполне могла доставить тебя Чиквита. Только...— лицо ее обеспокоилось.— Только почему отца до сих пор нет?

Райленд посмотрел на нее вопросительно.

— Простите,— сказал он,— но я не понимаю. Почему Планирующий должен здесь быть, и зачем ему я?

— Он должен был сам рассказать тебе, но, видимо, это смогу сделать и я. Стивен, знал ли ты, что за последние два месяца произошло больше сотни подземных толчков — и все они случились в крупных населенных центрах. Отец думает — правда, звучит это не очень хорошо, когда я говорю,— но мой отец думает, что вызывает эти толчки Машина.

— Машина?

— Я понимаю, Стивен. Но отец беспокоится. Он обнаружил, что Флимер и его команда что-то сделали с Машиной! Отец слишком хороший человек, он говорит, что не может этого понять. Но я могу. Флимер жаждет получить контроль над Машиной, потому что хочет власти над Планом Человека и уничтожения проекта разработки нереактивного двигателя, а это лишь один шаг в цепи его замысла. Все подземные толчки и аварии субпоездов, взрывы реакторов и ионных ускорителей в ракетах — все это входит в этот ужасный замысел. О, Стивен! Как тщательно все это было разработано! Машина — это только транзисторы и реле, ты сам понимаешь, она знает только то, что в нее вкладывают люди. Флимеру удалось изменить ее входные контуры, и теперь Машина почти открыто противостоит отцу. И сердцевина всех неприятностей — нереактивная тяга. Машина уверена, будто бы такой двигатель уничтожит План Человека. Поэтому отцу пришлось пойти на хитрость и подделку. Он позволил мне спасти тебя, это один из его ответных ходов. Но я боюсь, что уже слишком поздно.

Она обеспокоенно заглянула в иллюминаторы.

— Пока, кажется, нас не преследуют. Пока.

Райленд, наконец, почувствовал, что дрожит от холода. Его слишком короткий комбинезон промок насквозь.

— Кто? — спросил он.

— Полиция Плана,— удивленно ответила она.— Генералу Флимеру нужна Чиквита, даже если он и не подозревает, что со мной еще и ты. Хотя не стоит на это рассчитывать: вряд ли Машина может быть настолько неблагоразумной, чтобы не сообщить о твоем бегстве из орган-банка. Флимер собирался убить Чиквиту, вот в чем дело, поэтому я похитила ее. И единственное безопасное для Чиквиты место — в космосе, в Рифах. Если мне только удастся ее туда доставить. Кроме того, это единственное безопасное место и для тебя.

— Ты уговариваешь меня бежать от Машины! — сердито сказал Райленд.— Стать преступником, отверженным!

— Стивен, но как, по-твоему, кто ты сейчас? Ты уже позабыл про «Небеса»? Я спасла тебе жизнь, и радуйся, что ты оказался здесь,— сказала она, поглаживая пространственника.— Я совсем

не была уверена, что Чиквита сможет запрыгнуть за пределы атмосферы.

— И я тоже.

Она улыбнулась и на секунду снова превратилась в ту немного капризную шаловливую девчонку, которая разговаривала с ним в ванной. Но лицо ее опять быстро помрачнело.

— И все-таки если бы отец успел прилететь...— сказала она.— Чиквита не выживет, если не вернется в Рифы и не пополнит запас своих фузоритов. А я ... что ж, свою ракету я направила обратно на Землю, и она взорвалась. Они найдут обломки и, возможно, подумают, что мы оба погибли. Но они не настолько глупы, чтобы надолго поверить в это, а Машина тоже не допускает глупостей. Положение пока что... очень неустойчивое. Но мы с отцом все тщательно обсудили, он хорошо знает Машину. Он думает, что у нас есть двенадцать часов.

— А что потом?

— Ну, потом Машина взорвет твой воротник.

Невольно Райленд коснулся тусклого металла кольца на своей шее. Девушка была права. Машина именно так и поступит.

Двенадцать часов? Возможно, Планирующий не ошибся. Хорошо. Тогда за двенадцать часов они должны выйти за пределы действия радаров Машины.

— Мы сможем выйти за пределы действия радарного луча Машины за двенадцать часов?— спросил он.

— Не знаю, Стивен. Думаю, что можем. Машина может не знать, что ты в космосе.

Девушка подобралась к иллюминатору.

— Но отца с нами нет. Не знаю, как долго мы можем ждать. Конечно, как только мы доберемся до Рифов, можно считать себя в безопасности. Тогда тебе больше не придется носить воротник.

Вид у Райленда был удивленный. Она улыбнулась.

— Разве ты забыл, Стив? Рон Дондерево, человек, который избавился от воротника,— он там, в Рифах. Наверняка он может сделать то же самое и с твоим воротником.

Райленд беспокойно тронул кольцо.

— Пожалуйста,— попросил он,— расскажи, что ты знаешь о Дондерево...

— Ты знаешь все, что я могу рассказать. Или почти все. Когда-то он был другом отца, несмотря на их разные взгляды на будущее Плана Человека. Именно Дондерево первым рассказал отцу о Рифах и пространственниках и уговорил его попытаться создать нереактивную тягу. К сожалению, когда План присоединил к себе его владения, Дондерево принял участие в антиплановой деятельности и был классифицирован как опасник. А потом направлен в утилизацию. Отец встретился с ним, когда он был в орган-банке, и не пытался помешать бегству. Это генерал Флимер тоже использовал, настраивая Машину против отца. Я думаю, Дондерево сможет теперь помочь отцу в борьбе с Флимером за

управление Машиной. По крайней мере, он сможет рассказать Машине о Рифах не только то, что она знает из рапорта Лескьюри, который Флимер успел надлежащим образом отредактировать. Вот туда мы, Стивен, и должны отправиться, чтобы найти Дондерево. Искать Рифы Космоса!

Райленд вдруг почувствовал, как отчаянно нужен ему Рон Дондерево. Он, возможно, поможет ему снять воротник. Он сможет рассеять туман, застилающий прошлое. Но он же, вероятно, скажет о том, что воротник нельзя снять без хирургического вмешательства, возможного только в орган-банке. И, наверное, Дондерево подтвердит то, что говорила Анджела — что Райленд был «подсадной уткой». Что его собрали из отходов орган-банка, и он не стоит того, чтобы его спасали. Он не вынесет, если Донна Криири когда-нибудь об этом узнает. Дочь Планирующего — и несколько десятков фунтов утилизированного человеческого мяса. Пропасть между ними будет слишком огромна, чтобы ее могло преодолеть хотя бы какое-нибудь теплое чувство. Донна Криири снова взглянула в иллюминатор и вздохнула.

— Не знаю, почему отца до сих пор нет,— сказала она.— Но мы не можем больше ждать. Я пошлю ему сообщение, и мы отправимся в путь. Даже обычный радарный луч может сейчас до нас добраться, нужно уходить как можно скорее,— она улыбнулась.— И не только ради твоей безопасности. Если заряд будет включен внутри этого корабля...

Она сурово поджала губы и покачала головой.

Райленду снилась золотоволосая блондинка, у которой не было ни рук, ни ног... Потом над ним нависло ухмыляющееся лицо Опорто, в руках которого была ультразвуковая пила... когда начала вздрагивать земля, его тело завибрировало, словно струна... и он проснулся. Над ним стояла Донна Криири. Он потянулся и потер затекшие ладони и лодыжки. Потребовалось несколько секунд, чтобы проснуться полностью. Ничего необычного здесь не было: сон помогает преодолевать межпланетные расстояния. Их путешествие должно было длиться сто пятьдесят дней. Подошло ли оно к концу? На лице Донны была тревога, и громкое мяуканье доносилось из грузового отсека. Слава Богу, они были в космосе. Минимальное ускорение экономичных тракторий типа хохманновских предохраняло тело при контакте с койкой от пролежней и синяков, неизбежных на Земле.

— Стивен! — с отчаянием воскликнула девушка.

— Извини! — пробормотал он, заставляя себя проснуться.

— Чиквита сошла с ума!

Он вздохнул и пробрался к иллюминатору грузового отсека. Пространственник молнией метался по отсеку, как кот, упустивший мышь. Он отчаянно мяукал.

— Мы уже на месте?

— Нет, Стив! Но Чиквита так громко мяукала, что сработала

аварийная система и разбудила меня. Нам осталось еще много дней пути!

— Ладно. Посмотрим, что ее беспокоит.

— Ничего не видно. Мы в глубоком космосе, за орбитой Плутона, но до Рифов еще далеко. Здесь нет ничего такого, что могло бы ее взволновать...

Она замолчала, прислушиваясь. Оба они услышали одновременно. Снова послышалось приглушенное постукивание по обшивке корабля.

— Ну-ка, поглядим,— мрачно сказал Райленд.

В иллюминаторах ничего не было видно, но на наружной двери воздушного шлюза было окошко, заслоненное шторой от радиации. Райленд отодвинул задвижку и раздвинул штору. Снаружи в шлюз заглядывал человек. На лице его было выражение нетерпеливого раздражения. Человек! Райленд и девушка посмотрели друг на друга. Этого не могло быть! Хотя все это, несомненно, было именно так! На человеке даже не было скафандра. Он кутался в ветхое одеяло и стучал по люку ручкой длинного ножа. Это был худой, невысокий, рыжебородый мужчина, уже немолодой.

— Стивен! — вскрикнула вдруг Донна.— Я его знаю. Его зовут Куивера. Да, это он привез на Землю Чиквиту... чтобы спасти Дондерево из банка.— Она поколебалась, потом резко сказала: — Стивен, открой люк!

— Что?

— Открой люк!

— Но воздух...

— Об этом можно не беспокоиться,— сказала она.— Смотри! Еще один пространственник! Неудивительно, что Чиквита так волновалась, она, несомненно, почуяла присутствие собрата.— Тот был побольше размерами и более темного цвета.— У них собственный воздух. Чем же иначе они могут дышать? Открывай люк.

Райленд колебался. Здравый смысл говорил ему, что девушка права, другого объяснения быть не могло. Но открывать люк ему все равно как-то не хотелось: ощущение вырывающегося в пустоту воздуха было слишком сильным, чтобы сразу уступить. Только усилием воли Райленд заставил себя повернуть ключ клапана. Послышался металлический воющий звук, зашипел клапан, выравнивая давление. И вот люк был уже открыт, но они по-прежнему дышали, втягивая странно пахнущий воздух — он отдавал каким-то приятным химическим ароматом. В шлюз поспешно вошел человек. За ним последовал его пространственник. У этого существа был красный нос, и он светился пульсирующим светом. Его большие глаза смотрели в камеру шлюза, он громко урчал от удовольствия и возбуждения.

— Стой! — крикнул маленький человек. Пространственник очень волновался, но подчинился ему, ожидая, пока человек рас-

кроет внутренний люк и закрутит клапан наружной двери. Покончив с этим, Куивера сказал:

— Ладно, Адам, беги, встречай друга.

Два пространственника бросились друг к другу. Они описывали круг за кругом в тесном грузовом отсеке, мяукая и мурлыкая, один — густым баритоном, второй — более высоким сопрано.

— Дети,— усмехнулся Куивера.— Как они рады увидеть друг друга! — Он поклонился и снял с головы то, что еще оставалось от шляпы.— Дамы и господа, я — Квинтано Куивера, ваш покорный слуга.

Он снова посмотрел на Донну Криири и улыбнулся с неподдельным удовольствием.

— О, дочь Планирующего! Рад вас видеть. И вас, сэр, я тоже рад видеть, хотя не знаю пока вашего имени.

— Стив Райленд,— Стивен протянул руку, и они скрепили знакомство крепким рукопожатием.

— Мы тоже рады тебя видеть, Куивера,— проговорила Донна,— но...

— Но что Куивера делает здесь? — человек улыбнулся и снова поклонился.— Думаю, я смогу помочь вам с ответом. Мой Адам почуял присутствие Чиквиты.— Он протянул руку и погладил золотистого пространственника. Оба существа висели сейчас неподвижно, прижимаясь друг к другу. Кроме того, есть другая причина.— Улыбка сошла с его лица.— Я и мой Адам, мы уже некоторое время поджидали вас. У Адама отличная способность видеть даже в темноте космоса, не говоря о даре ощущать присутствие другого пространственника даже там, где не может помочь никакое зрение. И Адам кое-что увидел. С его помощью это увидел и я.

— Что именно?

— Видимо,— с тревогой сказал Куивера,— вы сами еще не знаете, что за вами следует крейсер Плана Человека.

Невольно пальцы Райленда притронулись к холодному металлу воротника. Лицо Донны Криири побелело, как мел. Должно быть, их сообщение Планирующему было перехвачено, и Флимер теперь знал, где они находятся. Уравнения военных действий в космосе допускали только одно решение, более быстрый корабль навязывает бой менее скоростному. Ножи радарного запала в воротнике Райленда не оставляли сомнения в единственно возможном исходе такого боя. Если они попытаются бежать, крейсер Плана догонит их. Даже если они выключат двигатели, на крейсере рассчитают их положение, исходя из последних зарегистрированных координат и скорости движения, и ошибки тоже не будет. Пламя же дюз представляло собой отличную мишень, видимую за миллионы миль при помощи специальных сканнеров. Любая попытка бегства сейчас же вызовет новый всплеск сигнала на инфракрасных экранах крейсера.

А потом импульс радара детонирует воротник.

— На корабле есть оружие? — хрипло спросил Райленд.

На иссеченном морщинами лице Куиверы появилось удивленное выражение.

— Сражаться против Плана? О, нет, мой молодой друг. Мы с ними не станем сражаться, это их метод. Мы пойдем своим путем — просто убежим, вот и все. — Он кивнул. — Да, до Рифов еще несколько миллионов миль — это приличный путь. Но в конце его ждет свобода. Возможно, даже... — он посмотрел на пальцы Райленда, поглаживающие металл кольца, — свобода даже от этой штуки на шее.

— Но у нас нет шлюпки!

Куивера поджал губы и показал в сторону двух пространственников.

— Нереактивная тяга, — быстро догадался Райленд. — Конечно же! Они могут снять нас с ракеты, а так как не используют раскаленных дюз, то приборы Плана не смогут их зафиксировать. Но ... самка ранена. В прошлый раз она едва не погубила меня всего за несколько минут в открытом космосе. Смотрите! — он указал на шрамы, которые полковник Готтлинг оставил на золотистой шкуре.

— Но было время, и раны затянулись, — возразила Донна Криири. — Не забывай, мы в полете уже более четырех месяцев!

Куивера внезапно забеспокоился. Не обращая внимания на слова девушки, он наклонился над пространственником. Чиквита резво перевернулась и повисла перед ним, весело мурлыкая, наконец Куивера поднял встревоженное лицо.

— Это были опасные раны, мисс Криири. Я не думал, что вы с ней так обойдетесь.

— Но это сделала не я!

Куивера покачал головой.

— Очень опасные раны, — упрямо повторил он. — Не знаю, заживут ли они когда-нибудь полностью.

— Это значит, что мы не сможем бежать отсюда на пространственнике? — упавшим голосом спросил Райленд.

— Нет, нет, — сказал маленький человек расстроенно, — я не хотел вас испугать, мой Адам сможет перевезти нас всех, я обещаю. Но нам нужно спешить.

— Нет, — сказал Райленд.

Девушка и Куивера замерли, глядя на него.

— Подождите, не сразу, — сказал он. — Эту ракету специально оборудовали для меня, чтобы исследовать нереактивную тягу. Мне необходимо ее оборудование, потому что, если это имеет значение, как вы говорите, мы должны овладеть секретом тяги. Пространственникам придется тащить и приборы. Не возражайте, — сказал он, видя, что Куивера хочет что-то сказать, — я знаю, что это трудно. Мне эти приборы необходимы.

Куивера холодно смотрел на Райленда, но потом улыбнулся.

— Очень хорошо. Если желаете ползти, как улитки, Адам и Чиквита смогут тащить все, что вам потребуется. Что еще?

— Ну, хорошо. Но если мы оставляем ракету, нужно поставить запал на топливный бак корабля. Чтобы не обыскивали корабль после нашего ухода, лучше его взорвать.

За десять последующих минут они разобрали устройства, источники питания и множество другого оборудования. Еще пять минут ушло у Райленда на установку контактов реле времени на запале, который он поместил в топливный отсек, и после этого они были готовы отправиться в путь. Ступить за борт корабля оказалось не легче, чем спрыгнуть с крыши небоскреба. Они стояли у открытого люка шлюза, и снаружи мерцала звездами Вселенная, Райленд чувствовал себя таким беспомощным и крошечным, как никогда в жизни. Как может человек выжить в этой холодной пустоте, пронизанной светом далеких звезд? Но Куивера заверил их, что поле пространственника удерживает воздух вокруг корабля даже сквозь стенки корпуса. И действительно, хотя глаза их еще не привыкли к темноте после яркого света кабины, они различали движущиеся силуэты странных цветов. Райленд и девушка взялись за руки и прыгнули вперед, вплывая в мир пространственников. Они ничего не чувствовали, но они двигались. Рядом летели пространственники, казалось бы, не обращая на них внимания, но поле нереактивной тяги двигало их по касательной к курсу ракеты, постепенно отклоняясь в сторону. Когда они удалились от корабля, воздух силового пузыря пространственников оторвался от корпуса, сконцентрировался, и дышать стало легче. Позади изредка вспыхивал в звездном небе хвост из оборудования, которое отобрал Райленд. Но они лишь мельком глянули на него, потому что вокруг уже мерцал мир пространственников, и это была сказочная страна.

В это трудно было поверить! И Донна с Райлендом смотрели по сторонам, не веря себе. Когда частицы и тельца заняли надлежащее им обычное положение внутри поля, оно приобрело вид холодновато светящегося зеленого облака, такого яркого, что Райленд едва видел звезды. Невероятные лозы с невероятного вида листьями несли на себе невиданные плоды. Сквозь ветви этих лоз порхали существа, похожие на рыб и на птиц. Они находились внутри пузыря, где плотность воздуха достигала земной, и невидимые крошечные существа давали свет и жизнь. Здесь было довольно много пространства и можно было свободно передвигаться. Райленд неустанно сновал туда-сюда по небольшому пространству воздушного облака, где лишь несколько ярдов отделяли его от открытого пространства.

— Невероятно! — бормотал Райленд. — Фантастика! — он уцепился за виток лозы всего в восемнадцати дюймах от прозрачной границы сияния, обозначавшей конец обитаемого пространства, и смотрел на звезды. Он не мог найти ни одного знакомого созвездия: Орион и могучий Южный Крест остались на

своих местах, но утонули в тысяче более слабых звездных огоньков, которые с Земли не видны. Но вот в его глаза впилась игла голубого света, и он понял, что наконец отыскал хоть одну знакомую звезду. Это мог быть только Сириус. Он тоже здесь оказался более ярким, и смотреть на него было больно.

За спиной послышался нерешительный голос Донны:

— Стивен, что это такое?

Райленд повернулся к ней лицом.

— Это замечательно! Кажется, я начинаю понимать... Тяговое поле удерживает вокруг облако воздуха. Из пространства оно улавливает пыль и атомы водорода. В этих лозах и лианах находятся клетки фузоритов, которые синтезируют кислород из водорода, как и все другие необходимые элементы — углерод и так далее. Они же излучают свет и тепло, достаточное для жизнедеятельности пространственника и нашей. Подозреваю,— задумчиво сказал он,— что в этих растениях изрядная доля тяжелых элементов. Консервация энергии. Реакция термоядерного синтеза освобождает слишком много энергии, если бы она переводилась только в легкие элементы и тепло, мы бы погибли спустя некоторое время так или иначе. Но синтез тяжелого серебра уже требует энергии...— Он покачал головой.— Извини. Но я не могу от всего этого оторваться. Это настоящий маленький мир с его собственным совершенным кругооборотом.

— А что мы будем есть?— просто спросила Донна.

— О, еда! — перебил ее Куивера. Он поплыл сквозь зеленоватое свечение облака, словно пловец под водой, где роль водорослей исполняли необычные лозы фузоритов, набрал полные руки странных ярких плодов и поплыл обратно к ним.

— Попробуйте,— предложил он.— Они вкусные. Платина? Золото? Я ничего не знаю о тяжелых элементах, мистер Райленд, но я знаю, что такое вкусные вещи!

В этот миг позади, в той точке, откуда они вылетели, распустился ослепительный беззвучный цветок пламени. Они повернулись в ту сторону.

— Это наша ракета,— с тревогой сказал Райленд.— Я надеюсь, что нам понравится в Рифах, Донна. Ничего другого нам не осталось.

Они сгрудились у границ воздушного пузыря, глядя наружу.

— Не подходите к границе слишком близко,— предостерег Куивера.— Тем более не пытайтесь просунуть через границу даже палец. Вас разорвет.

Райленд мгновение смотрел на него, пораженный, потом кивнул.

— Конечно. Все, что превышает размерами молекулу, поле не отражает, так? И если поле пробито, его разорвет внутренним давлением воздуха.

С большой предосторожностью они устроились немного подальше от границы поля, чтобы посмотреть, что происходит с ко-

раблем. Пламя взрыва уже погасло, но за мгновение оно успело раскалить металл корпуса добела, и теперь они могли видеть остывающий оранжевый скелет корабля. Обшивка и оборудование были уничтожены взрывом, но неподалеку от слабо светящихся останков корабля они заметили мигание световых точек. Это был крейсер, так объяснил Куивера. Мигающие световые точки — это были вспышки вспомогательных двигателей. Крейсер корректировал свое положение относительно останков корпуса ракеты. Пространственники наблюдали за звездным небом и урчали. Куивера прислушался к ним, погладил блестящую шерсть, что-то ласково говоря вполголоса.

— Они увидели крейсер Плана,— объяснил он остальным.— Корабль сам излучает инфракрасные лучи. Теперь, когда крейсер близко, они хорошо его видят.

— Близко?— Райленд был поражен.

— Конечно, мистер Райленд, План не настолько глуп.

— Но... они должны полагать, что мы погибли! И даже если это не так, у них нет способа засечь нереактивную тягу пространственника...

— Нет,— согласился Куивера.— Они просто не хотят рисковать. Я могу представить, что они говорят сейчас на крейсере: «У них была спасательная шлюпка? Если была, то куда они могли направить ее? К Рифам — больше некуда». А План знает, где находятся Рифы.

Пространственники проявляли все больше признаков беспокойства.

— А наши друзья начали уже уставать,— заметил Куивера.— Им нужна передышка. Даже вдвоем им тяжело тащить и нас, и все оборудование, мистер Райленд. Двигаться быстро они не могут, и поэтому попытаются спрятаться.

Он показал куда-то сквозь светящиеся лианы. Райленд посмотрел в ту сторону, но ему мешало свечение атмосферного облака. Он оттолкнулся и пролетел на другую сторону воздушного пузыря, где уцепился за лиану и повис, всматриваясь. Но если там что-то и было, его нетренированные глаза ничего не могли разобрать. За ним последовал Куивера.

— Это скопление рифовых образований,— пояснил он.— Вон там, возле трех голубых звезд.

Привыкшие к условиям Земли, глаза Райленда ничего не видели. Но Чиквита и Адам проскользнули рядом с ним и повисли неподвижно среди ярких светящихся листьев. Их большие грустные глаза были направлены куда-то в усыпанную звездным порошком пустоту. Райленд покачал головой.

— Я ничего не вижу.

— И я тоже,— признался Куивера,— ничего не видел, пока не показали мне пространственники. Мы не в состоянии увидеть камешек в кромешной тьме, но они могут.

— Даже если здесь есть Рифы,— с сомнением сказал Рай-

ленд,— и мы до них доберемся, то почему за нами не может последовать корабль Плана?

— Может, конечно, но Рифы окружает гораздо более плотное облако, чем содержит этот небольшой пузырь. Там целые рои светляков, которых вы называете фузоритами, они создадут помехи для поисковых экранов. Большие куски Рифов замедлят ход их ракеты. Но если они будут настойчивы и осторожны, им может повезти. Это будет катастрофой для нас. Все это так. Но это наш единственный шанс, и ничего другого нам не остается, как испытать его.

Они летели уже очень долго, трудно сказать сколько — часов у Райленда не было. Точками отсчета могли служить только звезды. Но гигантские расстояния до них были несоизмеримы с ничтожной относительно них скоростью пространственников. Адам и Чиквита, казалось, совсем не напрягая сил, грациозно скользили между лиан, но Куивера заверил Райленда, что они двигаются почти так же быстро, как и крейсер Плана, несмотря на следующий за облаком хвост приборов и оборудования.

Потом Куивера вдруг сказал:

— Мы уже почти на месте.

Райленд пытался понять направление их полета. Задача осложнилась тем, что у «корабля» не было ни носа, ни кормы, и невозможно было определить, в каком направлении они двигались. Он ничего не мог разглядеть. Звезды сияли в своем великолепии, не замутненном атмосферой. Райленд повис почти у самого края воздушной капсулы, созерцая светящиеся точки голубых гигантов, красных карликов и скопления туманностей. Потом впереди он увидел Риф. Сначала это было пятнышко света, потом оно выросло в выпуклую, бугристую сферу мерцающего великолепия. Это был уже инкрустированный самоцветами мяч, плывучий в пространстве, и самоцветы были лесами кристаллов... Словно комета, они подошли совсем близко, потом замедлили полет. Райленд видел деревья с шипами кристаллического углерода — алмазы! — переливающиеся собственным внутренним светом, странные пузыристые массы, напоминающие формой человеческий мозг, излучали голубой и фиолетовый свет на прогалины призрачно-белого песка, на застывший лес с яркими металлическими листьями. Для Райленда и Донны это была волшебная сказочная страна, но Куивера смотрел вперед цепким оком профессионала и качал головой.

— Для укрытия место не очень подходящее,— сказал он, всматриваясь в сияющий шар рифа.— Хотя твердое ядро может нам пригодиться. Рифы большей частью внутри пустые, потому что они уже мертвы.

Райленд кивнул.

— Очевидно, организмы на поверхности поглощают весь попадающий свободный водород и поэтому могут расти. Оставшиеся на глубине умирают от голода.

Куивера не слушал его. Он вдруг воскликнул весело:

— Ага! Вот и пещера, и, кажется, свободная! Хотя наверняка это, конечно, неизвестно.

Райленд непонимающе смотрел на него. Куивера пожал плечами.

— У этих рифов не очень сильная гравитация, и воздух здесь нужно обновлять, как это делают пространственники или микроскопические живые клетки самих рифов. Каждый риф — это особый мир, и я не знаю, что здесь нам может встретиться. Но воздух может содержать и нечто очень неприятное.— Он поднял руку.— Подождите, надо посмотреть.

Шар из монолитного драгоценного камня был уже близко.

— Смотрите,— сказал Куивера,— смотрите, как Чиквита входит в атмосферу Рифа. Сейчас нас тянет Адам, а Чиквита следит за воздухом. Видите?!

Пространственник-самка в этот момент устремилась вперед, в то время как Адам повис неподвижно.

— Я над этим уже задумывался,— ответил Райленд.— Когда две сферы встречаются, давление воздуха должно расталкивать их в разные стороны.

Куивера покачал головой: «Видите, как она нас «шлюзует».

Райленд внимательно наблюдал за происходящим. Они подходили к Рифу все ближе и ближе. Маленькие существа, полуптицы-полурыбы, испуганно засуетились, и он понял, что оболочка пузыря сокращается. Но он не ощущал нарастания давления.

— Я понял! — воскликнул он внезапно.— Она создает новую оболочку, достаточно большую для нас и для Рифов. Потом она продырявит нашу внутреннюю оболочку, и выходящий из нее воздух уравняет давление!

Куивера кивнул. Они почувствовали внезапную вибрацию, словно к ним подошла ударная волна далекого взрыва, отозвавшись в барабанных перепонках. Внутренняя оболочка полностью исчезла. Райленд был поглощен новым миром. Непрекращающийся световой дождь мириадов звезд даже сквозь затуманенную атмосферу Рифа являл ему картину волшебной страны. Солнце, само не ярче Сириуса, вызывало желтоватый отблеск на кристаллических ветвях... мог ли он назвать эти образования растительностью? Но Куивера не дал ему времени насладиться зрелищем необычайного мира.

— Теперь наша очередь, Райленд,— усмехнулся он.

Райленд увидел, что оба пространственника повисли на некотором расстоянии от темной пасти входа в пещеру, наблюдая за нею большими влажными глазами. Их красные носы быстро и мелко вздрагивали. Они похныкивали, и по бокам Чиквиты, усеянным шрамами, пробегала волна дрожи.

— Что мы должны делать?

Куивера спокойно объяснил:

— У пространственников есть природные враги, этакие гру-

бые бронированные разбойники. Двигаются они медленно, в космосе им пространственника не догнать. Но они смертельно опасны, когда подстерегают их вот в таких местах. Так что нам придется лезть в эту нору, мистер Райленд, если вы окажете мне честь и присоединитесь ко мне.

Оттолкнувшись, Куивера подлетел ко входу в пещеру, заглянул внутрь, обернулся и пожал плечами.

— Посмотрим,— сказал он, ничего не добавляя.

Спокойно размотав тряпичный узелок, он вытащил довольно старый полицейский пистолет. Обращался он с ним не очень искусно — долго не мог открыть магазин, чтобы проверить заряды. Райленд заметил, что у него осталось всего четыре заряда. Несомненно, у Куиверы были трудности с пополнением боеприпасов. Наконец Куивера вскрыл магазин и поудобнее ухватил рукоятку. Потом, оттолкнувшись каблуком поношенного ботинка от зеленоватого кристаллического сталагмита, он сломал его у основания. Длиной кристалл был в восемнадцать футов. Получился вполне пригодный к бою меч, подумал Райленд, но тут же сообразил, что из сталагмита получится хороший факел. Внутри пещеры было темно, а кристалл светился благодаря заключенным в нем клеткам фузоритов. Куивера забрался в пещеру, а Райленд последовал за ним, не успев оглянуться на Донну. Внутри их ждало странное скопление извилистых коридоров. Стенки входа были подозрительно ровные, словно вытертые прикосновением какого-то массивного тела, постоянно входившего и покидавшего пещеру. Райленд быстро прикинул возраст Рифа и немного успокоился. Время здесь текло по иной шкале. Перемена могла быть мгновенной, а могла быть и крайне постепенной, края входа могли быть истерты много миллионов лет назад. Все эти погруженные в темноту коридоры, гладкие стены, созданные телами умерших фузоритов, были, наверное, мертвы еще в ту пору, когда Земля, не успев сконденсироваться и остыть, была клубком раскаленного газа. Ничего нельзя было определить точно. Райленд также не мог представить, какой была длина и глубина коридоров. Они находились в лабиринте, вроде тех, что встречаются среди земных морских кораллов, внутри которых крабы поджидают добычу, заблудившуюся мелкую рыбешку. Куивера задержался у развилки, где коридор разделялся на два рукава, и оба они всего в нескольких ярдах от развилки разделялись снова.

На гладкой стене прохода виднелись параллельные царапины, словно их прочертили клыки какого-то невероятного чудовища.

— Кажется, пользуются они этим проходом,— сказал Куивера весело,— если бы мы только знали, каким именно. Ладно, я вас попрошу, если вы не возражаете, охранять это место.— Он повернулся, потом снова взглянул на Райленда: — Понимаете, на этом опасном посту должны остаться именно вы, потому что, если пиропод объявится из этих коридоров, когда меня не будет, то...— он помрачнел, вежливо развел руками и исчез.

Райленд уцепился за выступ скалы и принялся ждать. Пироп о д... Он снова услышал это слово, которое произносил тихий застенчивый голос доктора Трайла. Он снова будто лежал на кушетке тераписта в «центре отдыха», утыканный холодными электродами, беспомощно ожидая, когда кончится эта пытка щупом, продиравшимся в его потерянную память. Он снова вздрогнул, зябко поежился, вспоминая безжалостную силу, пытавшуюся вырвать у него секрет, которого он не знал... Или он действительно когда-то знал, как построить нереактивный двигатель? Призрачный туман забытья и неразрешимых противоречий прошлого снова хлынул в его сознание. Сквозь него послышался голос Анджелы, дразнившей Райленда ответом на загадку. Итак, он — подсадная утка, искусственный человек, созданный для диверсии против Плана, лишенный памяти, поскольку у него не было прошлого. Да, неплохой товарищ для дочери Планирующего. Он еще раз дал себе слово никогда не рассказывать Донне ничего о своем происхождении. Теперь, когда она одинока, когда в ее мире остались только два человеческих существа, он и Куивера, сможет ли она справиться с потрясением, узнав, что он ненастоящий человек? Он нетерпеливо повел плечами, словно этот жест был в состоянии развеять парализующий туман, окутавший память, и объяснить, наконец, истинную сущность Райленда. Но эта старая загадка подождет решения до момента, когда сработает механизм и детонирует заряд в воротнике, навсегда лишив его хозяина необходимости разгадывать загадки. В глубине пещеры было тепло, хотя тепло и свет производили фузориты на поверхности небольшого, правильной формы шара. Но Райленд обнаружил, что дрожит. Пироп од? Да. Он уже слышал это название, и ему не хотелось сейчас вспоминать, что ему о нем рассказывали. Время шло. Темно... тихо... пусто... Райленду казалось, что мертвые стены вокруг начинают вдруг сжиматься. Он отирал покрывающиеся потом ладони, касался стен, убеждаясь, что они остаются на месте и не собираются давить его... Невольно он усмехнулся. Приступ клаустрофобии — и это здесь! За миллионы миль от Земли, внутри плывущей пылинки! Нелепость ситуации придала ему уверенность. И когда, наконец, Райленд увидел в дальнем проходе отсвет факела Куиверы, он уже был спокоен и бодр.

Показался светящийся кристаллический меч, и Куивера весело приветствовал Райленда.

— Здесь тупик, и в нем никого нет. Очень хорошо.— Он подтянулся ближе к Райленду и заглянул в другой коридор.— Я думаю,— сказал он с некоторым сомнением,— что эти коридоры мы пока оставим в покое. Похоже, что они пусты, а обследовать их все — на это нужна неделя. Считай, что нам повезло, мой друг. Мы еще не познакомились с пироподом.

По сигналу Куиверы пространственники плавно проплыли вниз по коридору, их красные носы подрагивали, когда они посылали в темноту импульсы инфракрасных локаторов. За ними нере-

шительно следовала Донна Криири, оглядываясь по сторонам с легким любопытством и страхом.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Пока с нами воротник Райленда — мы постоянно в опасности,— спокойно сказал Куивера.— Что же касается пироподов, то я не уверен. Взрослых особей здесь точно нет, но какой-нибудь щенок может бродить где-нибудь в коридорах. Если так, то мы это скоро обнаружим, и почему бы нам пока не устроиться здесь поудобнее?

Они трудились три дня без перерыва. Пространственники постоянно беспокойно мяукали, потому что, как сказал Куивера, крейсер Плана по-прежнему был где-то рядом в окрестностях. Поскольку ничего с этим сделать было невозможно, они ничего и не делали. Но в своем новом доме трудились упорно. В каверны и переходы они внесли лозы и лианы, выделяющие кислород и фузоритов, устроили отделения для еды, для отдыха, для сна. Каждое помещение окутывали лианами для обогрева и освещения, устанавливали сияющие кристаллы рубинов и топазов. Это было действительно очень красиво. Вдобавок к этому Райленд под руководством Куиверы научился сплетать сети и канаты из волокон лиан. Поверхность Рифа снабжала их кристаллами и кусками металла — чистого железа, меди, алюминия, серебра. Наконец они установили предохранительную сеть, сплетя ее из лиан и замаскировав обломками кристаллов. Сеть натянули поперк входа в пещеру, чтобы скрыть его. Окончив работу, Куивера оценил ее.

— Ну, что ж. Сойдет. Хотя она могла бы быть и получше, да и все твои приборы можно было бы упрятать получше. Будем надеяться, что крейсер вас не почует.

— Нас? А ты?

— Я отправлюсь на основной Риф,— на сухом морщинистом лице Куиверы появилась радостная улыбка.— Я прихвачу пространственника и Рона Дондерево!

Райленду и девушке было жаль расставаться с ним, но их печаль не шла в сравнение с печалью расстающихся пространственников. Адам должен был нести на себе Куиверу. Чиквита оставалась с ними, чтобы поддерживать атмосферу и попытаться спастись бегством, если крейсер Плана окажется слишком настойчивым... Они смотрели, как улетает Куивера, все трое: Райленд, Донна и пространственник. Спустя секунду он уже скрылся из виду. На миг Райленду показалось, что он заметил красную искру — нос Адама, повернувшегося, чтобы послать последний привет Чиквите, и вот уже осталась только пустота. Они всматривались, пока на глаза не навернулись слезы. Донна Криири коснулась руки Райленда.

— Здесь так... одиноко,— прошептала она.— Пойдем вниз.

— Обратно в пещеру! — сказал он.— Снова каменный век! Подходящая ли обстановка для принцессы Плана?

Она отодвинулась от него и через секунду вместе с простран-

ственником исчезла за маскирующей сетью из лиан. Райленд же бродил по Рифу, пытаясь успокоить поднявшуюся в нем внезапную бурю. Но успокоиться не мог. Спокойствие, как он понимал, не придет к нему, пока он не избавится от душащего кольца на шее... и пока не удастся пересечь пропасть, разделившую его с собственным прошлым, затмившую его облаком забытья и противоречивых фактов... Или пока взрыв кольца не утешит его вечным покоем могилы. Время шло. Они нашли, чем его занять. Непонятно почему, оба чувствовали себя скованно в присутствии друг друга. Райленд едва узнавал в девушке самоуверенную дочь Планирующего, с ее обычными Голубями Мира на плечах и охраной, готовой придти на помощь по первому зову. Донна стала спокойней и казалось моложе. Они разговаривали об ее отце, и впервые в его жизни Райленд начал думать об этой полумистической фигуре как об обыкновенном человеке. Донна ужасно волновалась за него.

— Но ведь мы не м о г л и его ждать, Стив! И все-таки... лучше бы мы подождали...

Он снова спросил ее, почему Планирующему пришлось скрываться от Машины, и получил тот же ответ, что и раньше. То есть никакого ответа.

— Я не знаю, Стив, но он был взволнован. И ключом ко всему являются твои уравнения.

Это, естественно, заставляло Райленда смотреть на кучу оборудования и машин, которую они притащили с собой, но он только и мог, что временами смотреть на нее. Для работы нужен был порядок и пространство, на этом маленьком Рифе не было ни того, ни другого. Они жили, словно на необитаемом острове, вылавливая маленьких летающих существ плетеной сетью, наслаждаясь плодами лиан. Райленд ужасался при мысли о радиации, которую они поглощали с каждым куском, но желудок его ликовал. Кроме того, подумал он, мы не первые их пробуем и остаемся в живых. Возможно, радиация имела чисто световой характер или некоего рода люминисценции, сходной с фосфорическим светом светлячков. Райленд снова расспрашивал девушку о том, каким образом Флимеру и его сторонникам удалось взять власть над Машиной, и снова получал тот же ответ, что и раньше.

— Я не знаю, Стив. Но все это как-то связано с нереактивной тягой. Отец говорил, что поиски двигателя для межзвездных перелетов были им одобрены как часть первоначального Плана. Когда он узнал о пространственниках и понял, что возможна нереактивная тяга, он начал прилагать усилия для изучения феномена. И сразу наткнулся на сопротивление таких людей, как Флимер. Я не знаю причины разногласий. Это нечто большее, чем желание захватить власть, место отца. Каким-то образом они научились манипулировать Машиной, взяли ее под свой контроль. Но я все же верю, что мы можем спасти и отца, и Машину, и План Человека... если узнаем секрет пространственника.

Это, естественно, заставило Райленда начать сборку и на-

стройку компьютера, привезенного с ракеты. Но туман в его памяти стал еще гуще. Он сидел, уставясь на панели компьютеров, но не мог придумать подхода к проблеме, кроме того, что он уже испытал под началом генерала Флимера. Он не был уверен, что провал Групповой Атаки произошел из-за противостояния. К тому же, думал он, мало что можно сделать, сидя на этом крошечном Рифе. Даже если бы ему дали чертежи настоящего нереактивного двигателя, он беспомощен без инструментов и мастерских. И он оставил усилия, видя их безнадежность. Дни проходили за днями. Недели за неделями. Пространственник, все еще обеспокоенный, бродил по поверхности их маленького рифа. Они не обладали способностью Куиверы понимать пространственников, но его беспокойство было явным. Был ли этому виной крейсер Плана? Или какая-то другая близкая угроза? Они не знали. Донна становилась все грустнее, потом они однажды поссорились из-за пустяка, и она разразилась рыданьями, а потом прижалась к нему.

— Извини. Это потому, что я привыкла к удобствам; слуги, чистая одежда, готовая еда. И власть тоже... А теперь...

Она улыбнулась, глядя на него. Однако Райленд отстранил девушку. В нем бушевали чувства, которые он не мог ни объяснить, ни справиться с ними. Теперь настала его очередь хмуриться и раздражаться, потому что в его сердце боролся здравый смысл с любовью к дочери Планирующего. Он спал тревожно, ему казалось, что он задыхается. То он сидел в своем кабинете, спрятанном глубоко под землей, то пробирался по туннелю с кондиционированным воздухом, и вокруг работали операторы, обслуживающие машину. То в его спальню стучали, и он знал, что сейчас войдет к нему Анджела. Но это была не Анджела. Это была Донна Криири, облаченная в белый халат, как медсестра в органбанке. Она принесла кофе и бутерброды на пластиковом подносе, но, подняв глаза на Стивена, закричала и уронила его на пол.

— Дондерево! — кричала она. — Это Рон Дондерево!

Он хотел сказать ей, что он не Дондерево, но вдруг оказался привязанным к кушетке тераписта, и тело его сотрясал агонирующий шок. Она снова подошла к нему, в белом халате, алое сердце было вышито на ее высокой груди, она тянулась к нему длинным изогнутым скальпелем.

— И вы могли бы нам также сказать, — шептала она астматическим голосом доктора Трейла, — как построен нереактивный двигатель.

Он готов был рассказать ей. Описание конструкции ясно светилось в его мозгу. Все было очень просто, он не понимал, зачем столько шума. Но голос его был парализован шоком, который болезненными волнами прокатывался по телу от кольца на шее. И Донна не позволила ему говорить. Теперь у нее на голове был рогатый радарный шлем. Она насмешливо говорила голосом жабы Флимера:

— Одно прикосновение, Райленд. Одно прикосновение к кнопке детонации, и твой драгоценный секрет умрет вместе с тобой.

И теперь у нее было лицо Анджелы. Кольцо вокруг шеи вдруг набухло... И он проснулся, задыхаясь.

— Это был сон! — он панически потянулся к шее. Нет, это был не сон. Кольцо было там, и оно наверняка вот-вот должно было взорваться. Воображение заставило его почувствовать, как оно пульсирует, сдавливая пересохшее горло. Ему показалось, что он слышит какой-то звук внутри него, тиканье, жужжание. «Нет!» — крикнул он, вскакивая. Кольцо взрывается! Не через год, не через минуту а с е й ч а с! Он бросился к выходу из пещеры, выкрикивая проклятья.

К нему подлетела Донна Криири, и ужас на ее лице заставил его забыть о своих кошмарах.

— Что случилось? — сурово спросил он.

— Чиквита... Стив! Она бродила по нижним коридорам, куда мы никогда не ходили, и... — она замолчала, не в состоянии продолжать. Позади нее показался пространственник, жалобно мяукая.

Бок Чиквиты представлял ужасное зрелище, вдоль тела краснела рваная рана, след острого клыка.

В магазине пистолета было четыре патрона. Райленд проверил их наличие, мысленно поблагодарив Куиверу за то, что тот оставил ему оружие, и направился вглубь коридора. Он ничего не сказал Донне Криири. А что он мог ей сказать? Значит, на их Рифе притаился пироподо... В горле Райленда было сухо. Пироподо, то есть «огненогий». Обитатели открытого космоса, похожие, в принципе, как смутно припоминал Райленд, на обыкновенные земные петарды. Райленд раньше пытался представить себе, что где-то в Рифе может скрываться пироподо. А страшные раны Чиквиты превратили эту вероятность в нечто гораздо более серьезное. Райленд приостановился у конца коридора, который они успели исследовать, и поднял кусок кристалла, брошенного Куивером. Он все еще ярко светился, и это был единственный источник света. Потом Райленд направился в первый из коридоров. Через пять минут он был уже в его конце. Туннель резко сужался, так что Стив едва мог двигаться, и повисшие посреди прохода мелкие осколки указывали, что в последнее время здесь никто не появлялся. Он вернулся назад. Новый туннель был гораздо более длинным, Райленду трудно было передвигаться: из-за невесомости он не мог идти, а ширина туннеля затрудняла прыжки. Перед ним были два хода, оба громадные, оба темные и безмолвные. Воздух был тем же воздухом, который принесли пространственники, но с неприятным запахом, словно от горячего пороха. И вход одного из туннелей был отмечен царапиной гигантского клыка.

Почти сразу Райленд оказался в большом зале. Он завис у входа, всматриваясь в темноту, едва раздвигаемую слабым светом

кристалла в руке. Зал был грубого сферического сечения, и стена виднелась довольно плохо. В нише с одной стороны что-то лежало. Он настороженно приблизился. Это напоминало груду отбросов, и кровь начала вдруг пульсировать у него в ушах. В кучу были свалены кости. Некоторое время Райленд рассматривал эти странные останки, потом приблизился с бесконечной осторожностью и осторожно поднес «факел» к груде «костей». Но ничего не обнаружил, все продолжало пребывать в неподвижности. Райленд отошел. У космоса собственные мерки времени, решил он. Брошенная куча костей и следы клыков на стене будут выглядеть такими же свежими и через миллионы лет. Пещера, несомненно, давно покинута. И он повернулся, чтобы уйти. За его спиной послышался вопль. Он едва успел повернуться, как куча костей взорвалась. Будь пещера побольше, и через мгновение Райленд погиб бы, но у космического зверя, налетающего молниеносно, не было возможности воспользоваться своей скоростью. Он был громадных размеров, больше лошади, и тело его покрывала броня зеркальных чешуй. Единственный его глаз выдвигался вперед на тонкой ножке, как большое зеркало. На переднем конце гибкого, извивающегося тела находился единственный клык. Ревя, как ракета на взлете — а он и был живой ракетой, пироподмчался на Райленда, и его огромный металлический клык угрожающе щелкал. Райленд мгновенно прицелился и выстрелил. Даже сквозь рев пироподаон услышал визг пули и понял, что та отскочила от зеркальной брони чудовища. Пироподразвернулся для новой атаки. Но на этот раз он повернул в сторону Райленда сверкающий хвост. Ударило бешеное белое пламя. Хвост! Это было еще более страшное оружие, чем клык — пламя, передвигающее пироподапо пространству космоса, способное испепелить Райленда в мгновение ока. Но Райленд успел отпрыгнуть, и разряд выхлопа прошел мимо, хотя отраженный от стены огонь задел его ногу и, как он обнаружил потом, оставил на ней огромный волдырь ожога. Райленд ударился о стену, перевернулся, как пловец в бассейне, и выстрелил — раз, два, три! Теперь обойма была пуста... Но одна из пуль попала в цель. Ножка, поддерживающая глаз, была повреждена. Пузырь глаза взорвался, и чудовище ослепло. Оно носилось по пещере, словно взбесившаяся ракета, врезаясь в стены, отскакивая, снова устремляясь вперед. Пламя выхлопа лизнуло стену в опасной близости от Райленда. И вдруг рев двигателя послышался уже в коридоре, удаляясь все дальше и дальше... Райленд сильно ушибся, был обожжен, из пореза текла кровь и болел каждый мускул. После этой огненной стычки он никак не мог отдышаться. Но он не мог ждать. Райленд прыгнул в коридор, преследуя пиропода. Наверху была Донна! Он летел по темным туннелям, давно потеряв светящийся кристалл, пытаясь рассмотреть что-то в темноте, прикрываясь руками от ударов головой о стены... Хорошо все-таки, что туннель был такой узкий — он мог двигаться лишь в одном направлении. И после бесконечных пово-

ротов наконец увидел свет, а навстречу ему спешила Донна Криири. Она жива! В руке у нее был кусок лозы со светящимися фузоритами.

— Стивен! Слава богу!

Она бросила ему конец лозы, он взялся за нее, и они подтянулись друг к другу. Райленд взял Донну за плечо.

— Пироподl? Где он?

— Убежал,— сказала Донна Криири.— Он пронесся мимо меня, и я не стала его задерживать, ведь у меня не было атомного гарпуна. Думаю, мы больше его не увидим.

— Он прятался в куче костей,— сказал Райленд, почувствовав вдруг ужасную усталость.— Я... я, кажется, попал ему в глаз.

— Да, по крайней мере, он вел себя, как слепой. И... Стивен!

Он взглянул на нее, не понимая в чем дело. Нервная реакция? Он попытался подбодрить девушку.

— Он не вернется, Донна, ты ведь сама сказала...

— Нет, нет, это из-за Чиквиты... Стивен, она, кажется, умирает.

Он кивнул, едва слушая ее.

— Бедняга, мы за нее отомстили.

— Но что будет с нами, Стив? Ты забыл, что, если Чиквита умрет, то некому будет удерживать воздух.

Пространственник лежал неподвижно в небольшой пещере, оплетенной лозами. Время от времени он беспокойно вздрагивал, чтобы притянуть к себе свежий воздух. Мех потерял блеск. Огненно-красное свечение покинуло нос, он стал сухим, черным и горячим.

— У него жар?— Он здорово сдал за время болезни. Казалось, пространственник понимал, что он пытается помочь, и слабо пошевелил черным языком, и это было единственное усилие, на которое он еще был способен.

— Наверное, мы ничем не сможем помочь,— признал Райленд.

— По-моему, Чиквиту беспокоит свет.

— Хорошо, это, по крайней мере, в наших силах.

Но затемнить пещеру в этом мире светящихся лиан и кристаллов оказалось непросто. Они нашли какие-то растения, что светились совсем слабо, и начали сталкивать их в пещеру. В глазах Чиквиты читалась слабая благодарность. Они оставили ее одну и вышли на поверхность, поглядеть на звезды. Полная беспомощность буквально сводила с ума. Райленд уцепился за выступ у входа в туннель и уставился в пустоту. Где-то там, невидимые, но реально существующие, находились Рифы.

Большие, настоящие Рифы, где удалось выжить бежавшим и освободившимся от Плана, где прежде всего, жил Дондерево, человек, родившийся в космосе, бывший сначала студентом на Земле, потом гостем и, наконец, пленником Плана. Он носил железный воротник опасника, тот же воротник, что сейчас душил Рай-

ленда, если только Анджела сказала правду. Он рассказал Планирующему о нереактивной тяге, был списан в орган-банк, и Чиквита помогла ему бежать обратно в Рифы. Но... был ли он суперменом? Смог бы он снять воротник здесь, в Рифах, без сложного хирургического оборудования, имевшегося в орган-банке? Смог бы заполнить пропасть в мучавшем Райленда туманном прошлом? Или там действительно не было пробела, просто он сам не существовал до того момента, когда остатки утилизированных врагов Плана не были соединены в думающее существо без прошлого?

К этому времени Куивера мог уже добраться до него. Возможно, они уже вылетали в обратный путь. Быть может, через несколько дней Куивера и еще кто-то доберутся до маленького рифа и найдут Райленда и девушку. Найдут ли? Райленд знал, что скорее всего они обнаружат их трупы. Шло время, а пространственник все еще жил. Но с каждым днем он слабел. Райленд потерял чувство времени. Часов у него не было, но по небесным телам он тоже не мог отмечать течение времени. С большим трудом Райленд отыскал Алголь и начал нести вахту звездочета — период изменения яркости звезды должен был стать его часами. Донна мягко сказала ему:

— Это не поможет. Ты ведь знаешь, когда должен сработать воротник.

И он понял, что она читала те из его мыслей, о которых он сам не подозревал. Именно убегающие мгновения оставшегося ему года пытался он измерить, того, что был максимальным сроком его жизни, пока кольцо безмолвно охватывает его шею. Чиквита может выжить, крейсер Плана может не вернуться, но воротник-убийца все равно настигнет свою жертву. Можно убежать от радаров крейсера, можно добраться до Рифов и там скрыться от сверхмощного импульса, который пошлет через всю систему Машина, но невозможно остановить часовое устройство, которое не знает жалости. Самое большее через год оно взорвет воротник... А по подсчетам Райленда половина этого срока уже прошла.

Чиквите теперь уже было совсем плохо. Раны от клыка пиропода начали зарастать, но жар не спадал. Казалось, ее мучает жажда, но пить она не хотела. Похоже, ей не давала покоя боль, и она едва шевелилась. Лишь тихое хныкающее мяуканье доносилось из укрытия, которое они для нее сделали.

Райленд принял решение и отправился наверх исполнять его. А через несколько секунд за ним последовала Донна.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Он замер, склонившись над грудой аппаратуры, что пространственник притащил из ракеты. Он так и не собрал свою машину. Но детали он решил использовать для других целей.

— Как там Чиквита? — спросил он, продолжая работать.

— Что ты делаешь, я спрашиваю?

— Хочу собрать передатчик, — ответил Райленд. — Может, удастся связаться с Куиверой и поторопить его...

— Или связаться с крейсером Плана?

— Почему бы и нет?— решительно сказал Райленд.— Возможно, мы слишком понадеялись на удача! План Человека достаточно благоразумен. Они возьмут нас на борт, если я сдамся. Это не хуже, чем ждать смерти.

— Стивен!— она взглянула ему в глаза.— Я не пущу тебя обратно!

— Какого черта,— вскричал он,— ты мне приказываешь?

Но она приложила палец к губам.

— Не надо,— прошептала она.— Я не пущу тебя. И, к тому же, кажется, все равно поздно...

Потребовалась секунда, чтобы он понял:

— Чиквита!

Обогнав девушку, он помчался по туннелю к умирающему пространственнику. Чиквита уже погрузилась в бессознательное состояние, она лежала неподвижно, едва заметно дыша. Ее брюхо раздуло, а бока были запавшими. Она напоминала голодного ребенка.

Райленд протянул к ней руку... И опустил ее обратно. Слишком поздно, все уже было кончено. Пространственник перестал дышать. Машинально Райленд погладил тускнеющий мех на ее холодной шее. Да, она умерла. Какие секреты на таил метаболизм иной жизни, в этом не было сомнения. И теперь... как долго продержится поле, дающее им воздух? Райленд этого не знал. Он помнил, что биолюминесценция светляка продолжается еще несколько часов после его смерти. Схожи ли между собой эти два эффекта? Вероятно, нет. Непонятная сила, двигающая пространственника, не имеет ничего общего с зеленоватым свечением его поля. Оно может продержаться еще несколько минут. Или может в любую долю секунды исчезнуть, и они мгновенно погибнут во взрыве вырывающегося в вакуум воздуха.

— Стивен,— сказала Донна,— давай пойдем наверх, там видны звезды.

Риф был маленькой, пустой внутри планеткой, которая теперь медленно вращалась, очевидно, в результате какой-то предсмертной судороги пространственника. Из входа в пещеру им открылось все звездное великолепие неба. И само Солнце, желтая далекая звезда, показалось сквозь лианы защитной сети, словно прожектор идущего вдали поезда.

— Солнце,— прошептал Райленд.— По-прежнему ярчайшая из звезд. Мы еще не так далеко ушли.

Он взглянул на большие созвездия, выглядевшие тускло в звездной пыли, но все еще различимые: могучий Орион, туманное скопление Плеяд, обширный серебристый рукав Галактики. Вот она, с горечью думал Райленд, новая империя, которую он надеялся помочь завоевать для человека. И он проиграл. Как это ни было странно и удивительно, но он чувствовал себя умиротворенным. Они все еще были живы. И это принесло чувство облада-

ния безмерным богатством. Со смертью пространственника они потеряли последнюю надежду, и теперь каждая секунда была наслаждением. Райленд зацепился за выступ космического коралла. В его руках была Донна Криири. Они разговаривали о самом разном, будто и не были в двух шага от смерти.

— Отец, наверное, все еще на Земле,— сказала Донна.— Он не получил моего сигнала. Иначе полетел бы за нами. Он был вечно занятым, подвижным человеком, Стив, и я его за это не любила, но... О, Стив, как я об этом теперь жалею!

— Ты, наверное, не помнишь,— сказал Стивен.— Ты была в ванне. Я случайно попал в эту комнату. Я смутился. И ты, наверное, тоже. Нет, ты, видимо, совсем не смутилась. И у тебя были Голуби Мира, они едва не заклевали... как его звали? Опорто.— Удивительно, подумал Райленд, я почти забыл имя человека, который когда-то был для меня самым близким.

Донна сказала:

— Голуби Мира — это придумал отец. Если ты ненавидишь черное, назови его белым, и будешь любить. Поэтому он и назвал убивающую машину Голубем Мира. Он всегда любил похвастать, что Планируюий — первый правитель на Земле, которому не нужны телохранители. Но как же еще назвать эти штуки? Его ястребов, моих голубей?

И Райленд сказал, счастливо удивившись.

— Донна! Мы до сих пор живы!

Они посмотрели друг на друга, поскольку это действительно было так. Они не умерли от недостатка кислорода. И окружающий их мир маленького Рифа был цел и невредим.

— Но пространственние наверняка умер! — воскликнула Донна.

— В этом нет сомнения. Я ничего не понимаю.

Они с тревогой посмотрели вокруг. Сияли звезды, это все, что они могли видеть сквозь границы маленького воздушного пузыря, составляющего их мир.

— Смотри! — крикнул Райленд.— Что это там?

На краю Рифа вдруг произошел беззвучный взрыв: пуфф! Взлетело облачко тумана. Колония летавших полурыб-полуптиц, кружевное плетение лоз фузоритов и с ними целое скопление цветов, горящих жидким золотом — все они были отброшены в сторону. Потом в том углу все успокоилось. Очертание воздушного пузыря изменилось — один край их мира потерял воздух. На одну тягостную секунду Райленду показалось, что это и есть конец, которого они ждали. Пространственник Чиквита умерла, непонятные силы, позволяющие ей удерживать воздух вокруг Рифа, начали ослаблять свою хватку, и они лицом к лицу встретились со смертью. Донна, почувствовав внезапный приступ ужаса, прильнула к Райленду.

— Что-то не так, Донна,— прошептал он тихо.— Что-то происходит, чего мы понять не можем. Если поле пропадает, оно должно пропасть сразу и все полностью.

— Но что это такое, Стивен?!

— Посмотрим.

Они нырнули вглубь Пещеры. Быстрее, быстрее! В мозгу Райленда плясали сумасшедшие мысли: маленький мир погибнет, все миры, все солнца погибнут, потому что Райленд не смог дать им безынерционный двигатель межзвездного полета... они обречены на гибель, не оставив в пространстве семян жизни. Они замерли, ухватившись за бледно светящиеся лозы. В зеленоватом полумраке своего укрытия лежала Чиквита. Она была мертва. Ошибки быть не могло. Но рядом с ней... Рядом с ней что-то двигалось! Что-то вздрагивало и поднималось в воздух. Оно полетело прямо к ним, маленькое, словно Чиквита уменьшилась и превратилась в игрушку. Но это был пространственник! Детеныш пространственника! Его красный нос быстро подрагивал, он смотрел на Райленда и Донну яркими дружелюбными глазами.

— Ой, миленький! — вскрикнула Донна, протянув к нему руку, и он лизнул ее пальцы ярким черным языком.

— Смотри! — вскрикнул Райленд, пораженный почти до немоты. Там было еще одно маленькое тюленеобразное существо, и третье, и четвертое, и... казалось, их целая дюжина... Они танцевали вокруг Райленда и Донны в воздухе, тыкались носами в них.— Чиквита умерла, но дети ее живы,— тихо сказал Райленд.

Всего детенышей было восемь, несколько можно было пересчитать их юркие, словно шарики ртути, непоседливые фигурки. Восемь детенышей-пространственников, веселых, словно щенята. Были ли они рождены уже после смерти матери, благодаря какой-то загадке организма пространственников? Или они родились раньше? Райленд не знал. Он знал только, что они здесь.

— Слава богу,— вздохнула Донна, когда Райленд вынес одного детеныша на свет, чтобы рассмотреть получше.

— Слава, слава,— пробормотал Райленд.— Смотри, Донна, они совсем как взрослые пространственники, только маленькие еще. Они и родились полностью сформировавшимися — ясно, они в состоянии поддерживать атмосферу и могут пользоваться нереактивной тягой, к счастью для нас. Хотя,— сказал он, вспомнив маленький взрыв на краю рифа,— им еще придется немного потренироваться.— Он вдруг замолчал, открыв рот.

За границей их воздушного пузыря что-то двигалось, открыв рот.

— Ракета Плана! — в ужасе воскликнула Донна.

— Нет, нет! — крикнул Райленд.— Разве ты не видишь? Оно слишком маленькое и слишком близко! Это пространственник! Куивера вернулся... и с ним кто-то еще! Он привел Дондерево!

Дондерево! Гигант шести футов и восьми дюймов ростом, с черным от загара лицом и сияющими голубыми глазами! Пространственник ловко вплыл в их воздушный пузырь, и Рон Дондерево одним прыжком покинул его спину.

— Донна! — воскликнул он, хватая девушку за руку.

Донна радостно обняла его, прижимаясь щекой к бронзовой щеке Рона. Освободившись, она сказала:

— Рон, это Стив Райленд.

— Я вас помню,— едва слышно прошептал Райленд.— Когда я был кадетом Техкорпуса, мне было всего лет восемь. А вы были студентом-медиком и носили кольцо, потому что ваши люди не покорились Плану...

Со смехом гигант пожал ему руку. Потертая кожаная куртка Дондерево была распахнута у шеи, которая казалась бронзовой мускульной колонной. На ней виднелся тонкий шрам, но кольца не было.

— И я тоже помню тебя,— пророкотал гигант.— Я всегда восхищался твоим отцом. Он был не только математиком, но и философом, и историком. Он был тем человеком, который помог мне понять настоящее значение космоса.

— А воротник?— перебил его Райленд.— Вы действительно смогли от него избавиться?

— Да, и от воротника, и от уютного места в заведении, которое называлось «Небеса»,— торжественно кивнул Дондерево.— Мне повезло больше, чем твоему отцу.

— Я не знаю, что с ним случилось.

Райленд перевел дыхание и хотел задать еще один вопрос, но внезапно железная хватка кольца не дала ему возможности вымолвить слово. Он хотел узнать, как удалось Дондерево снять кольцо, но он страшился услышать ответ. Он боялся, что Дондерево подтвердит невероятную историю, рассказанную Анджелой Цвиг — будто он, Райленд, был подсадной уткой, которую хирурги-антипланисты смонтировали под кольцом Дондерево, чтобы прикрыть его побег.

— Рон,— голос Донны немного дрожал от беспокойства,— ты сможешь снять кольцо со Стива?

— Только не тем способом, каким мне сняли мое.— Рон Дондерево покачал головой.— Мой воротник сняли в хирургическом центре орган-банка, куда я попал на утилизацию. Работало полдюжины хирургов при помощи лучевого оборудования...

— А что сделали с вашим воротником?— перебил его Райленд.

— Я обещал не рассказывать,— ответил Дондерево.

— В этом кольце,— начал Стивен и запнулся, прокашлялся, снова начал: — В этом кольце был собран новый человек, «подсадная утка» — что-то вроде живой мумии, чтобы отвлечь внимание, пока вас не увезет пространственник?

— Да, это так,— небрежно кивнул головой гигант.— Но думаю, теперь это не имеет никакого особого значения.

Для Райленда это имело очень большое значение. Кожа его покрылась мурашками... наверное, она была такой вот холодной и прежде, когда его еще не составили из разных частей и не оформили в виде человека. Он чувствовал отвратительную слабость в ногах.

— Что с тобой, Стив? — спросила Донна.— Ты так побледнел!

Он не мог объяснить ей, что «подсадная утка» был, скорее всего, именно он.

— Я надеялся, что вы сможете снять мое кольцо,— сказал он Дондерево. Это тоже был достаточно серьезный вопрос, чтобы объяснить его волнение.— Вы изучали на Земле медицину... может, вам удалось бы сделать операцию?

Дондерево начал уже отрицательно качать головой, но вдруг пристально вгляделся в Райленда. Потом бросил взгляд на Донну, снова всмотрелся в Райленда. Его лицо тоже дрогнуло и посерело под бронзой загара.

— Думаю, что можно попробовать,— неохотно сказал он.— Конечно, вы понимаете, что у меня нет опыта и того оборудования, которым располагали хирурги в орган-банке. При операции в таких условиях — без ассистентов, с помощью лишь походного оборудования, я могу вам обещать один шанс из пяти, что вы останетесь в живых, один шанс из пяти, что вы сможете ходить, даже если останетесь в живых.

Чувствуя, как кружится голова, Райленд облокотился о большую кристаллическую ветвь. Радужные птицерыбы взлетели стайкой и, мерцая, поплыли прочь.

— Однако,— с чувством пробасил Дондерево,— ты прав, Стивен, другого выхода нет. План может убить тебя за десять секунд — ракета всего в трех миллионах миль отсюда. Нажатие на кнопку и — пум! — транслируется твой кодовый импульс, и ты мертвец. А также я,— продолжал он чистосердечно,— и старый Куивера, и Донна. А поэтому ты совершенно прав, Стивен. Мы должны спасти тебя или погибнем все вместе.

— Что за операция мне предстоит,— спросил Райленд.— Я хочу знать.

Дондерево заколебался, потом начал объяснять. Его глубокий голос напоминал ворчание тигра, но руки были мягкими, как у девушки — Рон Дондерево, могучий Рон Дондерево произвел для Плана не одну операцию. Но на Земле, в орган-банке, объяснял он, имелось то, чего нельзя раздобыть здесь. Там были в достатке медсестры и ассистенты-хирурги (здесь он располагал только Донной и старым Куиверой). Склады были полны медикаментами и оборудованием. Здесь у него было только то, что удалось погрузить на пространственника. Этого хватит, конечно — если только все пройдет исключительно благополучно. Но резерва у них не было. Если выйдет из строя кровяной насос, заменить его будет нечем. Там, в орган-банке, в распоряжении хирургов имелся неограниченный выбор органов и частей тела. Здесь же их было только четыре человека, и лишних частей или органов у них ни у кого не было. Сначала, объяснил Дондерево, нужно будет создать асептическое пространство вокруг Райленда, которого перед этим подвергнут анестезии. Это будет довольно просто, учитывая почти полное отсутствие гравитации и микробов. Дондерево показал

небольшую желтую металлическую трубку — распылитель полиантибиотического аэрозоля. Потом — скальпели, зажим, ретракторы, нити для швов. Уже стерильные и от самого их изготовления негостеприимные для какой-нибудь микроскопической жизни, эти принадлежности были извлечены из блестящих контейнеров по требованию Дондерево. Лицо Донны побледнело, но она продолжала внимательно слушать Дондерево, глядя на блестящие инструменты. Она вздрогнула, когда Рон описывал, как скальпель проведет первую кровяную нить на шее Райленда, как раз немного ниже кольца воротника, но тут же справилась с собой. Ткани эпидермиса и лежащая за ними плоть будут рассечены и оттянуты назад, как чулок на ноге. Красная плоть и белые мышцы будут быстро рассечены и ретрактированы. Большие трапециевидные мышцы придется рассечь, зажать и держать,— важно, чтобы они оставались под напряжением. Малый кровеносный сосуд шеи придется перевязать, большие сосуды — сонную артерию, яремную вену, сосуды спинного мозга — придется перевязать, перерезать и подсоединить к двухкамерному механическому сердцу. Не потому, что собственное сердце Райленда перестанет работать, а потому, что запас крови в камерах искусственного сердца поможет ему справиться с постоянной потерей крови из каждого сосуда или капилляра. Потом настанет черед нервов — они будут осторожно препарированы, рассечены и присоединены к пломбам из органического серебра, которое только и сделало пересадку органов возможной. Нервные клетки плохо восстанавливаются у высших позвоночных, если не оказать им помощи. Органическое серебро — это тот «припой», который в виде сплетений тонких проволочек позволяет нервам сохранить проводимость. Иначе, когда будут рассечены основные шейные ганглии, многие участки тела Райленда начнут конвульсивно сокращаться. Затем очередь костей. Ультразвуковая пила вопьется в третий шейный позвонок. Спинной мозг будет раскрыт, запломбирован, «запаян». Внутримозговая жидкость...

— Этого достаточно,— сказал Райленд, лицо которого уже превратилось в застывшую маску.— Я понял, больше не нужно объяснять.— Его глаза встретились с глазами Донны, он хотел ей что-то сказать, но не мог.— Начинайте, сказал он.— Начинайте операцию.

Он шагнул вперед, лег на импровизированный операционный стол и терпеливо ждал, пока Дондерево и Куивера привязывали его. Потом Дондерево кивнул, и Донна шагнула вперед. Лицо ее вздрагивало, она едва сдерживала слезы. В руках она держала мягкую гибкую маску анестезатора, которая закрывала рот и нос. Он быстро отодвинул голову в сторону.

— Прощай, моя единственная,— прошептал он.— Но не навсегда.— Потом он позволил уложить маску на лицо.

Кристаллические деревья поплыли на него. Маленький риф

сложился, как бутон, и сам он оказался в сердцевине этого бутона, в жидком золоте, как в одном из странных цветков космического рифа...

И потерял сознание. Но мозг его продолжал лихорадочно работать. Ему снился сон. Память его вдруг прояснилась. Окутывавший ее туман начал рассеиваться. Этот туман преследовал его с самой Земли. И сейчас он окутал все вокруг, холодный безмолвный, липкий. Он покрыл Рона Дондерево и Донну, исказил их фигуры и лица. Все вдруг переменилось, вывернулось наизнанку. Он больше не лежал в походной хирургической палатке. Теперь его держали ремни кушетки тераписта. Над ним склонились доктор Трейл и генерал Флимер.

— Признайтесь нам, Райленд,— хрипел настойчивый голос Флимера.— Мы знаем, что в дверь к вам постучали, а телеграфистка вышла из кабинета за бутербродами и кофе. Мы знаем, что вы оставили свои бумаги на столе и пошли открывать дверь. Признайтесь, кто там стоял.

И вдруг он вспомнил. Каким-то образом анестезия восстановила утраченное звено. Это была не Анджела Цвиг! И это была не полиция Плана — они действительно пришли только в следующий понедельник. За дверью стоял худой мужчина в запятнанной кровью рабочей форме, сгибаясь под тяжестью набитого испачканного саквояжа, типичного полетного саквояжа космонавтов...

— Хоррок...

— Т-с-с!

Райленд впустил его в комнату и завер дверь. Хоррок бросил саквояж и тяжело оперся о стол. Он дышал с трудом. На губах выступила розовая пена, брызги сукровицы падали на желтую телетайпную ленту на столе Райленда.

— Вы ранены,— сказал Райленд.— Я вызову врача...

— Это может подождать,— прошептал Хоррок.— У меня для вас сообщение... очень срочное. От... старого друга.

Райленд усадил его в кресло и выслушал сообщение. Хоррок задыхался, иногда было трудно разобрать слова. Его старым другом был Рон Дондерево. Хоррок виделся с ним в маленькой колонии на ненанесенном на карты астероиде, где корабль полковника Лескьюри сделал остановку для пополнения запасов реактивной массы. Само сообщение потребовало от раненого Хоррока больших усилий и долгого времени для пересказа, а еще больше времени ушло, прежде чем Райленд разобрался в нем. В начале говорилось о Рифах Космоса и особой форме жизни — о фузоритах, которые эти рифы построили. Самым основным сообщением были сведения о пространственниках и их способе передвижения.

— Дондерево хочет, чтобы вы знали,— в пространстве тоже есть жизнь,— с трудом прохрипел Хоррок.— Это новый край для освоения, живой и бесконечный. Но с помощью ракет его не освоить... Нам необходим... двигатель... без реактивной тяги...

Во сне Райленд попытался объяснить раненому, что нереак-

тивная тяга невозможна в соответствии с Третьим законом Движения.

— Неправильно...— прохрипел Хоррок.— Пространственники — они ведь летают! Дондерево велел... чтобы вы это знали... и еще одно. Ваш отец ему рассказывал... Эффект открытого края...

Хоррок закашлялся, обрызгав Райленда кровавой слюной.

— Простите! — прохрипел он.— Это означает, что замкнутый край освоения — замкнутое общество, как в Плане. Открытый край — это Рифы...— Он снова закашлялся, с трудом отвернувшись в сторону.— Это свобода, навсегда!

Райленду понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что все это значит, но когда он освоился с сообщением, он начал понимать, что случилось с его отцом. План существовал для управления замкнутым обществом, дошедшим в развитии до пределов дальности полета ионных ракет. Отец Райленда видел бесконечные возможности развития в освоении межзвездного пространства — но даже мечта об этом была предательством в замкнутом мире Плана.

— Дондерево знает Планирующего... Криири,— заключил свой рассказ Хоррок едва слышным шепотом...— Кажется, ему можно верить... он сможет понять, что человек важнее Плана... Если мы только покажем ему работающий нереактивный двигатель. Но он сказал... не доверяй больше... никому.

Передав сообщение, Хоррок отказался от помощи врача. Он позволил Райленду сделать ему укол эвабиотики из набора первой помощи, который Хоррок стащил с «Кристобаля Колона», а потом спрятался в комнате отдыха, опередив возвращение Анджелы Цвиг, которая пришла с подносом бутербродов и кофе. Когда Райленд избавился от Анджелы, Хоррок успел уже исчезнуть. В то, что ему сообщили, Райленд едва мог поверить, но Хоррок оставил свой испачканный кровью саквояж, Райленд вывалил содержимое на стол и вскрикнул от удивления. Здесь были большие светящиеся кристаллы-восьмигранники из углеродного коралла. Здесь были потрясающие стереофотографии Рифов Космоса, пироподов и пространственников. Здесь была тетрадка с наблюдениями Рона Дондерево, доказывающими, что пространственники действительно летают, не используя реактивного противодействия. Вынужденный поверить очевидным фактам, Райленд начал работать. Как сказал Хорроку Дондерево, одного факта полета пространственника должно было хватить Райленду для поиска ответа на загадку нереактивной тяги, приняв это, вывести все остальное было уже легко. Как математик, он знал, что части уравнения должны равняться друг другу. Как физик, с другой стороны, он уже знал, что физически это уравновешивающее количество может быть неуловимым. Примером могло служить нейтрино, необходимое для уравновешивания ядерных реакций, то есть их уравнений. В его собственных уравнениях, описывающих созда-

ние нового вещества и расширения Вселенной, которое описывалось эффектом Мойла, новая масса вновь появившегося вещества была еще более неуловимой, чем нейтрино, потому что он даже не мог определить природу этой массы. И теперь он понял. Заключенная в простом факте полетов пространственников, истина была так проста, как дважды два — четыре. Неизвестное количество, равнявшееся новой массе в его уравнениях, было наконец идентифицировано. Это была кинетическая энергия! Момент движения, заключенный в разбегающихся галактиках, которые неизбежно расталкивала расширяющаяся вселенная! С удовлетворением профессионала он отметил, что Третий закон движения вовсе не нарушается. Он просто трансформируется. Кинетическая энергия летящего пространственника точно уравновешивает эквивалентную энергию новой массы. Реакция описывается классическим уравнением зависимости энергии и массы: E = M. Последний множитель, квадрат скорости света, означал, что ничтожная масса была эквивалентна гигантской кинетической энергии. Вот почему он так долго не мог определить свой «X». Даже самый долгий полет пространственника добавляет неощутимо малое количество атомов водорода к тому облаку, что уже успела создать его жизнедеятельность. Запершись в своем кабинете, Райленд принялся за работу. Прилив возбуждения смыл всю его усталость и даже страх, который принес с собой Хоррок. Простое замещение моментом движения неизвестного множителя в его уравнении позволило Райленду развить теперь целую теорию. Простое преобразование описывало поле, необходимое для создания новой массы и эквивалентное моменту движения. Более сложными были вопросы материалов и конструкций, но к полудню в воскресенье он уже составил полное описание нереактивной тяги с эффективным усилием в полмиллиона тонн. Почувствовав внезапный голод и слабость, он побрел в безмолвную темноту туннеля, чтобы умыться в лаборатории. Раковина до сих пор была испачкана кровью Хоррока. Он доел последний засохший бутерброд из хлореллы, допил остатки горького дрожжевого кофе и заснул в кресле, вяло размышляя, как добраться до Планирующего Криири, не доверяя никому более. Он проснулся рано утром в понедельник. Шея затекла, и его мучили воспоминания о кошмаре, в котором он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана. Он спрятал полетный саквояж за ящиком картотеки, сунул испачканные кровью бумаги в люк мусоросжигателя и упаковал свои записи и стереоснимки в чемоданчик. За два часа до того, как должны были придти Анджела и Опорто, он поспешно покинул кабинет, выйдя в лабиринт серых туннелей, которые соединяли помещения компьютеров Планирующей Машины и рабочие помещения людей Планирующего.

Никому не доверяй больше...

В туннелях царили полумрак и пустота. Прохладный воздух с трудом вырывался из труб вентиляторов. Утренний час пик,

передвижение клерков еще не началось, но время от времени он встречал ремонтника в сером комбинезоне. Как странно было напоминание о милях грунта и скал над головой, когда в руках его был ключ к звездам! Хотя Райленд никогда не бывал в приемной Планирующего, он знал дорогу. После того, как он вышел из автоматического лифта, его внимательно осмотрел охранник и взмахом руки разрешил пройти. На стене был предупреждающий плакат: ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП! ВХОД ОПАСНИКАМ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ!

Он не был опом. Шею его не обременял воротник безопасности.

Перед входом в помещение Планирующего новый охранник еще раз изучил значок Райленда, потом выбил номер его на телетайпе. Райленд затаил дыхание, ожидая ответа Машины. Но охранник поднял глаза от отстучавшего телетайпа, и невольное уважение смягчило строгую официальность его лица.

— Проходите, сэр.

Девушка за телетайпом в приемной потребовала назвать причину визита. Он объяснил, что у него секретное сообщение для Планирующего Криири. Она попросила сообщить характер донесения. Когда он отказался дать пояснения, настаивая, что секретность слишком велика и говорить он может только с Планирующим, она направила его к старшему помощнику. Старший помощник оказался громадным, с выпученными лягушачьими глазами и синеватым лицом. На полированной дощечке на столе было впечатляюще начертано: «Генерал Рудольф Флимер». Выпученные глаза отличались цепкостью, в них читалось живое любопытство по поводу донесения Райленда. Планирующий Криири? К сожалению, он еще не вернулся из недельной поездки с семьей. Несомненно, в конце недели он уже будет на месте, но и тогда вряд ли сможет выкроить минутку — слишком напряженно он работает. Хотя Планирующий Криири имеет полное представление о заслугах автора новых геликальных полей перед Планом, но обширность его обязанностей заставляет его перекладывать многие дела на подчиненных. Генерал Флимер также намекнул, что те люди, которые выказывают недоверие помощникам Планирующего, редко имеют возможность лично встретиться с ним. Видя, что иначе ничего не добиться, Райленд с крайней неохотой оставил сообщение для Планирующего, указав, что речь идет о Роне Дондерево и новом двигателе для ракет. Генерал Флимер угрюмо пообещал ему дать знать, если Планирующий Криири решит принять Райленда. Когда Райленд вернулся в свой кабинет, стрелки часов уже миновали полдень. Следов Опорто и телетайпистки в кабинете не обнаружилось, словно они вообще не приходили на работу. Испачканный кровью саквояж по-прежнему лежал за ящиком картотеки. Из телетайпа на пол свешивалась набежавшая лента. Он запер дверь и начал искать место, чтобы спрятать описание нереактивного двигателя. Среди справочников на полке ме-

ста не было. Щель между ящиком и стеной и так уже вызывала подозрение. В столе не было тумбочек и ящиков. Практически, мельком подумал он, План не предусматривал места для личных секретов и личных бумаг. Прятать описание было некуда... кроме собственной памяти. Он бросал листы чертежей в люк мусоросжигателя, когда в дверь громко и требовательно постучали.

И снова в своем сне он был невольным гостем «центра отдыха», глубоко спрятанного под землей. Комнаты справа и слева были заняты неблагонадежными хирургами, уличенными в каком-то антиплановом деле. В терапевтическом кабинете мучался какой-то искусственный человек. Его создали хирурги из остатков тканей орган-банка. Привязанный ремнями, он бешено метался, пока не умер. Потом с хирургами покончили. Оставался только Хоррок в соседней комнате и Опорто в комнате напротив. Но он редко видел их, потому что большую часть времени его держали в терапевтическом, где недавно умер «составной» человек. Он был пристегнут к кушетке, шею сдавливал железный воротник, электроды впивались в дрожащее тело. Безжалостный свет бил в лицо. Толстый терапист в белом халате склонялся над ним, хрипло повторяя вопросы тихим вежливым голосом.

Какое сообщение передавал ему Хоррок от Рона Дондерево?

Где обитают пироподы, фузориты и пространственники?

Как построить нереактивный двигатель?

Сначала он мог бы отвечать, но кольцо раскаленным обручем сжимало горло, едва он пытался что-то сказать. Даже когда он был уже окончательно сломан и готов с радостью малодушия доверить любому все, что знал, они не позволяли ему произнести ни слова. Они старались вытравить из него даже мечту о побеге.

Дондерево?

Рифы Космоса?

Нереактивная тяга?

Мягкий настойчивый голос не замолкал, и агония Райленда продолжалась, пока все прошлое не исчезло в тумане боли и безумия. Даже когда воротник продолжал его душить, он уже не пытался говорить. Он даже не пытался думать. Его память была стерта.

Райленд пришел в себя. Яркий свет заставил его замигать, но он заметил, что над ним склонился человек в белом. Он не сразу понял, что это не доктор Трейл, а Дондерево. Еще больше времени ушло, пока он вспомнил, что кристаллическое свечение и сияние пещеры естественны здесь, на рифе, настолько он был уверен, что увидит вокруг себя белые стерильные стены терапевтической. Он лежал на операционном столе. Привязные ремни были уже расстегнуты. Постепенно он вспоминал, что к чему. Это стоит Дондерево, а девушка, которая повернулась спиной,— это, несомненно, Донна Криири, а другой человек — это... Вдруг он вскочил, широко раскрыв глаза. Потому что третьим в импровизированной операционной был не Куивера. Это был офицер Технического

корпуса, и он наблюдал за Райлендом с хладнокровием кобры, приготовившейся к прыжку. Во внезапной судороге отчаянной надежды и страха руки Райленда метнулись к шее. Они коснулись привычного холодного закругленного воротника. Кольцо было на месте. Он по-прежнему оставался опом, и жизнь его зависела от прихоти любого охранника с радарным пистолетом или от поворота контакта в недрах далекой Машины...

— Что...— на миг голос перестал его слушаться, все еще в полусне он вспоминал волны шока, заставившие его забыть правду, которую он знал.— Что случилось?

— Мы опоздали,— с сочувствием сказал Дондерево.— Едва мы начали операцию, как пространственник почуял приближающийся крейсер. Он пробил воздушный пузырь рифа. Мы залатали твои разрезы, и вот теперь мы снова под опекой Плана Человека.— Бессознательно он тронул шрам на шее.— Мне очень жаль, что ты остался с воротником, Райленд,— сказал он,— но если я не ошибаюсь, скоро я сам надену новый.

Девушка повернулась, и Райленд понял, что это была не Донна.

— Где Донна?— спросил он.

— Она в безопасности,— пробормотал Дондерево.— Насколько вообще человек может быть в безопасности под властью Плана. На крейсере ее отец. Она сейчас с ним.

— Могу ли я...— Райленду пришлось остановиться на секунду.

— Могу ли я... их увидеть?

— Я скажу, что ты пришел в себя,— согласился Дондерево. Он направился к выходу, потом снова с сомнением повернулся к Райленду.— Я хочу тебя предупредить... От Криири помощи ты получить не рассчитывай. Он, собственно, уже не Планирующий. Он сам теперь носит воротник.

Райленд сидел на краю складного стола, закутавшись в простыню. В пещеру влетели Донна и ее отец. Хотя бывший Планирующий нежно улыбался дочери, лицо его было посеревшим и напряженным. Он был облачен в тонкую робу опасника. Хромированный воротник кольца холодно поблескивал, отражая свет кристаллов космической пещеры. Два офицера следовали за ним. Один из них был полноватый полковник Техкорпуса. Рога антенны придавали ему мрачный сатанинский вид. Второй был сержант-связист, он прижимал к себе футляр портативного телетайпа. Донна взволнованно повторила все, что Дондерево уже успел рассказать Райленду.

— Я надеялась,— грустно сказала она,— что отец сможет избавить тебя от воротника.

— Мне не избавиться даже от собственного.— Натянутая улыбка Криири исчезла.— Как видите, положение изменилось. Наш старый друг генерал Флимер выполняет сейчас обязанности Планирующего. Я был переклассифицирован. И направлен в эту

опасную экспедицию.— Он с неловким видом взглянул на полковника.

Лицо Донны дрогнуло.

— Это что за экспедиция, отец?— прошептала она.

— Она связана с Планом Человека,— сказал он.— Понимаешь, когда Машина получила доказательства бесчисленных возможностей развития и освоения жизни в Рифах Космоса, она подготовила проект второй ступени Плана. На этой ступени имеющиеся здесь в избытке природные ресурсы покончат с жестоким нормированием благ настоящего Плана. К сожалению, эта фаза не начнется, пока новый край освоения не будет открыт для основной массы человечества, а для этого нужна нереактивная тяга.

Бывший Планирующий сделал паузу. Его измученные глаза проницательно взглянули на Дондерево, с сожалением — на Райленда, без всякого выражения — на полковника Техкорпуса.

— Генералу Флимеру удалось убедить Машину в моей некомпетентности,— сказал он.— Надеюсь, вы знаете о многочисленных авариях силовых катушек нашей конструкции. Его потухший взгляд вернулся к Райленду.— Флимер свалил все катастрофы на меня. В результате столь вопиющих ошибок в управлении я был смещен. Но я настоял на еще одной попытке найти секрет нереактивной тяги. У меня осталось достаточно власти, чтобы Флимер не мог помешать послать меня в эту экспедицию. Теперь это мое задание. Я видел, как навстречу крейсеру вылетели пространственники. Я должен знать, как они двигаются!

Но в голосе его не было надежды.

— Если Райленд не смог найти ответа,— сказал Дондерево,— то я сомневаюсь, что он вообще существует.

— Но... но я нашел его!

Воротник стал вдруг очень тесным. На мгновение горло Райленда опять парализовало. Прежний туман начал сгущаться в его сознании. Он взглянул на Донну, на ее отца. Улыбка девушки, словно солнечный луч, пронизывала туман. Он вспомнил. Он мог говорить. Он описал свою теорию эквивалентности момента движения и новой массы, которая соотносила полеты пространственников и расширение Вселенной. Он описал двигатель, он запомнил, прежде чем полиция ворвалась в его кабинет в тот понедельник. Полковник, словно Сатана, наблюдал, как обсуждают они детали конструкции и диктуют сообщения сержанту-связисту. Потом они стали ждать, пока сообщение обрабатывала специальная секция Машины на борту крейсера. Шло время — радиоволны несли сообщение на Землю.

Райленд взглянул на взволнованное лицо Донны Криири — и вспомнил забинтованного «сборного» человека, который бешено рвался и бушевал, привязанный ремнями к кушетке тераписта, пока не умер.

Значит, он сам не был «подсадной уткой»!

Значит, эта часть рассказа Анджелы была ложью!

Защелкал телетайп.

Райленд, бывший Планирующий, Дондерево и Донна сгрудились вокруг сержанта, чтобы прочесть ленту. Полковник начальственным жестом велел держаться в стороне. Он начал сосредоточенно читать ленту, рука его потянулась к кнопке управления радаром. Но выражение лица изменилось.

— Я знал, мистер Планирующий,— в голосе его вдруг появилось дружелюбие,— я знал, что Флимер — не более как предатель, которому повезло. Теперь он наверняка получит по заслугам! Любой человек с частицей здравого смысла в голове понимал, что нереактивная тяга должна быть создана.

Усмехаясь, он протянул руку Криири.

— Я рад первым поздравить вас, мистер Планирующий, и вас, мистер Райленд. Специальная секция Машины на борту крейсера завершила оценку — предварительную пока — вашего изобретения. Она передала сообщение основному комплексу Машины на Земле, предупреждая о необходимости подготовить План Человека к переходу на вторую его ступень, на которой свобода и богатство космического пространства сделают строгие меры безопасности ненужными и невозможными. И, как первый шаг в претворении этого дела в жизнь, она транслирует радарный импульс...

Райленд услышал, как в его кольце что-то щелкнуло.

Воротник раскрылся.

Словно под воздействием того же импульса сделала шаг и оказалась в его объятиях Донна. Вместе выплыли они из пещеры в волшебное мерцание их маленького рифа. С одной стороны нависал громадный серый корпус крейсера Плана, который больше не был врагом. А за ним сияли звезды.

Звезды. Бесконечный, непочатый край для освоения человека. Пространство между солнцами, где постоянно рождается новый водород, создавая новые миры, подобно тому, как жажда свободы непрестанно рождается в сердце человека.

— Миллионы, миллионы новых миров,— прошептал Райленд.

И девушка сказала уверенно:

— Наши дети увидят их все!

ДИТЯ ЗВЕЗД

Это был день, час, мгновение весеннего равноденствия на Земле... и вдруг ближайшие звезды на мгновение погасли. Целая их дюжина мигнула одновременно. Сверкающий Сириус и его сверхплотный спутник-карлик. Ярко-желтые близнецы Альфы Центавра. Тусклая красная точка Проксимы... далекие огоньки Эты Эридана и 70-А Змееносца... и само Солнце. Могучие космические моторы объявили о перерыве в своем вращении: в синтезе более крупных ядер из мелких, трансформации избытка массы в энергию, просачивании этой энергии сквозь слой будущего газа, излучении энергии ядер в пространство. На берегах земных океанов, в кратерах Луны, в песчаных пустынях Марса, на спутниках Сатурна и за космической завесой на самих Рифах все миллиардоголовое человечество вздрогнуло, зашевелилось и познало страх. По всей Галактике пронесся фотонный шепот, летя со скоростью света:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

Так все началось. Мигание ближайших звезд продолжалось всего несколько секунд, и сначала его заметили на Рифах, ближайших к данной звезде. Потом медлительный Плутон поймал подмигивание 70-А Змееносца. Тем временем Нептун, не спеша крутившийся по своей погруженной во мрак орбите по другую сторону, первым заметил потускнение белого накала Сириуса. На Землю, где старый растолстевший Планирующий сидел, хихикая, в своем золотом кресле, все пульсации тьмы прибыли одновременно. Планирующий перестал хихикать. Его обрюзгшее лицо помрачнело. Когда астрономы доложили о случившемся, он взорвался гневом. Первые доклады пришли к подземной обсерватории в зоне терминатора на планете Меркурий, где на дне кратера с зазубренными краями медленно раздвинулись бетонные плиты, открывая ствол шахты. Из шахты неспешно выдвинулся в блеск близкого Солнца серебряный купол. Из-под громадной полусферы выползли стволы дюжины оптических и радиотелескопов, пирометров, телекамер. Над ними сияли бронзовые литеры:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Внутри бронированной, охлаждаемой, термоизолированной обсерватории три астронома напряженно следили за сотней индикаторов и циферблатов. Они ждали. Потому что были предупреждены.

Старший вахтенный офицер поднял глаза от циферблата хронометра и проворчал:

— Пять минут!

Двое остальных молча следили за своими приборами. Посеревший капитан Технокорпуса взглянул на них в бледном свете экрана, который заглушал ответы шкал и индикаторов. На экране плавало изображение Солнца, золотого, распухшего, медленно протягивающего толстые щупальца сверхраскаленного газа. Солнце висело над ощерившимся пиками скал горизонтом Меркурия.

— Ну же,— проворчал он наполовину сам себе.— Мы готовы.

Самым младшим членом вахты был худощавый молодой техкадет, честолюбивый юноша, уже познавший на опыте тяжелую реальность службы и продвижения в Технокорпусе. Он осмелился заметить:

— Готовы — но к чему? По-моему, это идиотский блеф.

Старший офицер повел в его сторону желтоватым глазом, но ничего не сказал.

— Разве?— проворчал третий астроном. Это был невысокий полноватый тех-лейтенант, недавно повышенный в звании и поэтому склонный к оптимистическому взгляду на мир.— Значит, задание Машины — тоже идиотское?

— Нет, постой! Я не имел в виду...

— Понятно. Но ты забыл и подумать заодно. Машина следит за всем Планом, мы исполняем только частные задания. Если Машина уделяет внимание этому забавному существу, называемому Дитя Звезд, то мы не можем подвергать сомнениям ее мотивы.

Тех-кадет показал на огромный солнечный шар и сердито воскликнул:

— Посмотри! Что может погасить его?

Тех-лейтенант пожал плечами, а старый офицер сказал только:

— Осталось четыре минуты.

Военная дисциплина кадета успела обветшать за время долгой вахты. Сердито нахмурившись, он взглянул на показатели телеметрических пирометров.

— И с места не двигаются! Мы здесь уже три недели, и ничего не увидели.

— Мы останемся еще на три года, если прикажет Машина,— пророкотал капитан.— Машина не совершает ошибок. Она была построена, чтобы управлять Планом, и предохранена от человеческих оплошностей.

— О да, сэр. Но мы ведь совсем ничего не обнаружили! — воскликнул кадет.— Никаких детей звезд. Никаких крупных пятен — или что мы там должны были увидеть.

— Развивай терпение,— посоветовал ему толстый капитан.— Или тебе придется послужить Плану более непосредственным образом. В орган-банке всегда нужны запасные органы. Осталось три минуты.

Кадет немедленно умолк. Все трое сидели, пристегнувшись, в креслах наблюдателей, следя за большим золотистым изображением Солнца. Закутанное в красные потоки короны, испещренное в средних широтах оспинами мелких черных пятен, оно висело над темным горизонтом, словно глаз бога. Приборы в кабине пощелкивали и попискивали.

— Я видел,— сказал наконец тех-лейтенант как бы про себя,— Солнце, неотличимое от других звезд. Даже не ярче Веги.

— Вы были там, в Рифах? — возбужденно воскликнул кадет.

— Две минуты,— проворчал капитан, но взгляд его был обращен к молодому лейтенанту.

Тот кивнул.

— Искал... дружка моей сестры. Или жениха? Его звали Бойс Ганн. А он искал Дитя Звезд. И мы не нашли ни первого, ни второго.

— Я никогда не видел Рифов,— только и сказал кадет.

— Очень красиво там,— сказал лейтенант.— Шипастые силиконовые растения, сверкающие собственным светом. Как драгоценные камни, и такие острые, что запросто проткнут скафандр. Еще встречается растение, у него такие наросты из чистого серебра, напоминают по форме мозг. Попадаются платиновые и золотые черенки, а еще штуки вроде цветов — они из чистого алмаза.

Дыхание кадета вдруг стало шумным, и седой капитан обернулся, посмотрев на него. Недавнее презрение исчезло, уступив место тоске — и некоторому страху.

— Займись своим делом, парень,— проворчал он отрывисто.— Рифы — опасная тема!

— Да, сэр,— с серьезным видом согласился тех-лейтенант.— Там опасно. Я видел громадного монстра величиной с лошадь, с туловищем скорпиона...

— Молчи, болван! Рифы опасны для Плана Человека. Мы однажды уже едва не погибли из-за этих Рифов. Если Дитя Звезд настоит на своем...— Тут он прервал себя и сказал только: — Одна минута!

Тех-лейтенант покраснел.

— Прошу прощения, сэр. Я совсем не хотел начинать не-Плановый разговор. Я даже не предполагал представить эти орды дикарей, скитающихся за Космическим Заслоном, как что-то стоящее внимания, даже если они верят, будто Дитя Звезд — сверхчеловек...

— Следи за приборами.— Капитан подал пример, отвернувшись от товарищей и уставясь на экран, на ряды циферблатов и указателей на панели перед собой. Какая-то заблудившаяся мысль вдруг заставила его вспомнить о светловолосой девушке-общительнице, которая первой прошептала ему эти два слова: «Дитя Звезд». Что случилось с ней потом? Попала в орган-банк?

Но времени на воспоминания не оставалось. До срока всего тридцать секунд.

Несмотря на работу рефрижераторов и идеальную изоляцию купола, в кабине вдруг стало душно. Капитан почувствовал, как по спине стекают струйки пота.

— Двадцать секунд!

Глаза капитана прикипели к бегущей черной стрелке хронометра, догонявшей красную. Когда черная соединится с неподвижной красной, наступит момент весеннего равноденствия на Земле. И угроза Звездного Дитя окажется пустым блефом... или не окажется.

— Десять секунд!

Скрытые в полу лампы погасли. Теперь только свет циферблатов соперничал с фосфорическим сиянием изображения Солнца на экране.

— Пять секунд... четыре... Три!..

Двадцать катушек с лентой закрутились в темноте. Дыхание со всхлипом вырывалось из легких людей.

— Две... Одна!..

— НОЛЬ!

Капитан сглотнул и протер глаза. Изображение Солнца гасло. Потом были убраны фильтры, вспышка яркости — и темнота. Свет вдруг погас. Полностью. Изображение Солнца на экране словно смахнуло рукой. Он услышал, как кто-то из его людей громко вздохнул, потом закричал:

— Дитя Звезд! Это он!

— Мы ослепли! — всхлипнул второй.

И это было только началом. Круги по воде от брошенного в тихий пруд камня — волна тьмы разошлась от Солнца во все стороны. Три минуты спустя после момента весеннего равноденствия она достигла щелкающей в куполе на Меркурии камеры, невидимая для потерявших способность видеть глаз. Спустя немногим менее трех минут волна поразила наблюдателей на орбитальных станциях вокруг вечно раскаленной, закутанной в облако Венеры. Тень ужаса накрыла их, они побледнели, но продолжали видеть свет приборов и не были, казалось, ослеплены последней вспышкой яркости Солнца, как люди на Меркурии.

Пройдя путь в восемь минут, волна темноты омыла Землю. На всей солнечной стороне планеты внезапно наступила кромешная тьма. Люди в ошеломлении застывали на месте, пока спустя несколько секунд не оживали городские огни. Ужас пронизывал

тех, кто слышал об угрозе Звездного Дитя. На ночной стороне Земли и на Луне астрономы заметили, как на мгновение погасли знакомые звезды-соседи, и многие побледнели. Кое-кто слышал о Звездном Дитя и о Требовании Освобождения. Остальные просто увидели вдруг, что в узоре световых пятнышек, отраженном от огромных вакуумных зеркал или преломленном линзами, глядевшими в небо на высочайших горах Земли, вдруг пропали так хорошо знакомые световые точки. Потом они снова возникли... Но Солнце не загорелось, и темнота продолжалась в течение тридцати девяти минут. Тем временем началась паника.

Новость достигла Планирующего, восседавшего в золотом кресле, и он позабыл о своем вчерашнем приятном расположении духа. Его дряблое толстое лицо побелело от страха.

О том, что происходит, человек по имени Бойс Ганн узнал косвенным путем — он услышал, как охрана камеры в недрах Машины, где он был заключен, начала перешептываться:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

К девушке с отрешенным взглядом, разговаривавшей с бусинками-сонарами перед консолью Машины, эта весть донеслась в словах языка, изобретенного не человеком, языка, который мало кто мог бы понять. Имя девушки было Дельта Четыре, и она не испытывала страха. Ей было все равно...

Таким образом это началось для них всех, а потом волна темноты унеслась дальше, в бесконечное пространство. Через двенадцать минут она нахлынула на Марс, приостановив новый грандиозный проект извлечения кислорода и воды из мертвой коры планеты. Заместитель Планирующего на Марсе, плохо спланированный человек, который своими глазами видел Требование Освобождения, выхватил у охранника лазерный пистолет и застрелился.

В течение следующей четверти часа тень омыла астероиды, напугав некоторых, оставив остальных равнодушными — те просто не знали о происходящем, погрузившись в шахты, прорытые в богатых драгоценными ископаемыми недрах крохотных планет, или же были настолько утомлены и отуплены непрерывной тяжкой борьбой за жизнь и трудом, что испугать их уже ничто не могло.

Мчащаяся вперед волна темноты достигла разбросанных по спутникам Юпитера станций Плана. Она заставила погаснуть кольца Сатурна, поглотила спутники Урана и Нептуна. Она упала на Командный комплекс Космического занавеса, расположенный на далеком Плутоне, где ее заметили только те, чьи глаза случайно обратились к Солнцу — но и они испугались.

Волна затопила и сам Космический Заслон — скорее сеть, чем стену, сеть разбросанных с большими промежутками станций, лазерные излучатели и патрульные корабли которых следили за малоисследованными бесконечными пространствами вне пределов Системы, готовые защитить План Человека от пришельцев из Рифов или от таких врагов, как Дитя Звезд.

Волна неожиданного страха заставила команды тысячи медленно вращающихся космических фортов послать аварийные вызовы патрульным кораблям, на которых взвыли десять тысяч аварийных сирен. Замигали лазерные лучи, передавая миллионы сигналов, несущих замешательство и ужас.

Через сутки пути, за орбитой Плутона, волна достигла границ Солнечной Системы, снежноледяных пропланет из твердого метана и аммиака. На столь далеком расстоянии от Солнца его гравитационные руки не смогли собрать их в настоящие планеты.

И наконец, спустя дни после прохождения последнего погруженного в панику форпоста Плана, волна начала заливать Рифы Космоса.

Но там, на Рифах, на этих живых астероидах, выросших за века работы микроскопических организмов, фузоритов, поглощавших разреженные моря межзвездного водорода, эта волна темноты не означала ничего ужасного. Она стала еще одним событием в жизни, полной опасности и чудес.

На одном из маленьких рифов одинокий старатель с раздражением взглянул в ту сторону, где только что было Солнце. Потом он порылся в рюкзаке, отыскал светящийся кристалл фузоритного алмаза и снова принялся сверлить породу. На другом Рифе проповедник Церкви Звезды посмотрел на часы, потом на небо. Он не испугался, увидев, что Солнце исчезло. Он ждал этого. Он повернул лицо к голубому сверкающему Денебу; опустился на колени, прошептал несколько слов благодарности и мольбы. Потом он вернулся к работе, заканчивая космосапог, потому что по профессии был сапожником.

Тень прошла над могилой, но ее никто не увидел, там никого не было, даже трупа — могила была пуста.

Волна тени легко пронеслась над городом решительных закаленных беглецов из мира Плана Человека — большим скоплением Рифов, где строилась великая космическая армада из фузоритной стали. Девушка по имени Карла Сноу смотрела, как гаснет Солнце, и в глазах ее ярко поблескивали слезы.

На другой живой скале пастух внимательно охранял принесшего детенышей пространственника из своего стада от нападения хищного пиропода. Притаившись за выступом органического железа, посматривая время от времени на разрешившегося от бремени пространственника, он искал среди звезд бронированных убийц, стараясь отпугнуть их короткими вспышками из лазерного пистолета. Он даже не заметил, что Солнце вдруг погасло.

Вот как это началось для всех — для всех живущих мужчин, женщин и детей.

Тридцать девять минут спустя Солнце снова принялось изливать мощный поток света и пепла, но волна сияния, прокатившаяся по Солнечной Системе, увидела уже изменившийся мир.

Атомные моторы Солнца снова вращались. Водород синтезировался в гелий через углеродный цикл. Энергия просачивалась к поверхности Солнца. Радиация устремлялась в пространство.

Три минуты спустя волна излучения ударила в термоизолированный купол на Меркурии. Это зарегистрировала щелкающая камера, данные проанализировали тысячи автоматических приборов. Всхлипывая от радости — или ужаса — ослепленные астрономы послали на Землю сигнал лазерным лучом: «Солнце ожило!»

Но свет самого Солнца достиг Земли раньше сообщения.

Первые лучи возродившегося Солнца коснулись горы, где сидел в золотом кресле Планирующий. На плече его устроился серый металлический сокол, бросавший по сторонам сердитые взгляды красных светящихся глаз, шелестя стальными крыльями. Планирующий глядел на лист пергамента кремового цвета, в заголовке которого значилось:

ТРЕБОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Пергамент был доставлен Планирующему одним из личных охранников, который обнаружил свиток у дверей кабинета. В документе говорилось:

«Дитя Звезд требует освобождения всех своих последователей, которые удерживаются на службе Плана с помощью воротников безопасности.

Дитя Звезд требует, чтобы все его последователи, направленные в орган-банк, были приведены в первоначальный вид и также освобождены.

Наконец, Дитя Звезд требует, чтобы препятствие, называемое Космической Завесой, было демонтировано и был разрешен свободный доступ к Рифам Космоса и от Рифов Космоса к планетам Системы.

Дитя Звезд сознает, что План Человека мнит себя неуязвимым, и поэтому подготовил предупреждающую демонстрацию своих возможностей. В момент весеннего равноденствия на Земле Солнце будет погашено.

Двенадцать ближайших звезд мигнут.

Если Планирующий откажется пойти навстречу требованиям Дитя Звезд после этой демонстрации, то будут приняты дальнейшие меры. Следствием окажется уничтожение Плана Человека».

— Непланированная чушь! — застонал Планирующий.— Наглость! Предательство!

Высокий полковник Технокорпуса натужно произнес:

— Сэр, мы должны принять меры...

— Меры...— проворчал Планирующий, а его стальной сокол тем временем со звоном ударил крылом о крыло.— Что говорит Машина?

— Нет данных, сэр,— ответила девушка в халате с капюшоном. Голос ее звучал, как далекая музыка, выражение лица было безмятежным.

— Нет данных! Найдите мне данные! Узнайте, кто такой Дитя Звезд! Объясните, как он это проделал... и как мне помешать ему сотворить то же самое еще раз!

Тех-полковник кашлянул.

— Сэр, уже несколько лет мы получаем донесения о Церкви Звезды. Это новая религия, возникшая, по всей видимости, в Рифах...

— Опять Рифы! Их нужно было уничтожить двадцать лет назад!

— Да, сэр. Но мы этого не сделали. И колонисты, то есть, сэр, бродяги, живущие среди Рифов, изобрели новое суеверие. Они поклоняются, кажется, звезде Денеб. Она же Альфа Лебедя, верхняя оконечность Северного Креста. Они воображают, что на ее планетах находится рай. Они желают переселиться туда, по крайней мере, некоторые из них желают, хотя при максимуме возможностей современного космолета,— продолжал полковник серьезным голосом,— способного развить одну сотую скорости света, учитывая четыреста световых лет расстояния до Денеба, путешествие займет не менее сорока тысяч...

— Ближе к делу! — раздраженно крикнул Планирующий.— Что такое этот Дитя Звезд?

— Э-э, сэр, исследуя этот новый культ, мы наткнулись на слухи о такой личности. Несколько лет назад мы решили послать... гм, особого уполномоченного, чтобы провести расследование по этому делу. Имя уполномоченного было Бойс Ганн, сэр, и...

— Приведите его ко мне! Он здесь, на Земле?

— Да, сэр. Но... видите ли, сэр, он вернулся неожиданным образом. Фактически...— лицо полковника представляло полную картину замешательства,— я должен признаться, сэр, что не знаю точно, каким образом он к нам вернулся.

— Болван! — закричал Планирующий.— Приведите его ко мне! Мало ли чего вы не знаете! Доставьте мне Бойса Ганна!

И это тоже было начало. Но практически многое началось еще раньше.

Для Бойса Ганна все началось за много месяцев до того, как он стал шпионом.

Для Бойса все началось на станции Поларис — большом металлическом обруче, плавающем в ледяном пространстве за Плутоном, который служил одним из звеньев завесы, отделявшей планеты Плана Человека от Рифов.

Бойсу Ганну было всего двадцать шесть лет, и он был уже оператор-майором.

Он имел шесть футов росту, каштановые волосы, голубые глаза. Он был широк в плечах и строен в талии. Он двигался с грацией веселого кота. У него был вид человека, умеющего за себя постоять, и таким он был на самом деле.

Он прибыл на борт станции Поларис с веселой улыбкой и обезоруживающим взглядом ярко-голубых глаз.

— Докладывает Бойс Ганн, сэр,— обратился он к вахтенному офицеру.— Тех-кадет Ганн прибыл в ваше распоряжение.

Это была жизнерадостная ложь. Он не был кадетом, но в шпионской школе на Плутоне офицеры-инструкторы решили дать ему это новое звание, чтобы облегчить выполнение задачи. Оператор-майор — важная персона. За ним будут наблюдать. А кадет мог ходить где угодно и видеть все, что угодно.

Вахтенный офицер выдал ему предписание на место в каюте, помог расположить вещи в багажном отсеке, пожал руку, приветствуя нового члена команды, и приказал явиться к коменданту станции машин-полковнику Мохаммеду Зафару.

В задание Ганна входило расследование по поводу слухов о странной анти-Плановой деятельности на станции Поларис. Ганн был солдатом Плана и едва ли мог вообразить анти-Плановость иначе, как нечто прогнившее насквозь, мерзкое, злобное и вредное. Прибыв на станцию, он ожидал увидеть беспорядок и развал, встретить экипаж, превратившийся в угрюмых оппозиционеров.

Но дисциплина оказалась в порядке. Люди выглядели вполне опрятно. По пути через пластиковые коридоры кольца станции, высоко подпрыгивая в слабом поле тяготения, он отметил, что все металлические части ярко начищены. Но у него была задача, и он знал, как с ней справиться.

Он постучал в дверь кабинета коменданта и получил разрешение войти. Вытянувшись по стойке «смирно», Ганн отдал честь по всем правилам.

— Тех-кадет явился по предписанию, сэр!

Машин-полковник, как и положено, отдал честь. Это тоже слегка удивило Ганна, но он не позволил удивлению проступить из-под военной выправки и симпатичной улыбки. Машин-полковник Зафар оказался невысоким смуглым человеком в тщательно выглаженной белоснежной форме. Вид он имел столь же прочный и непоколебимый, как сам План.

— Добро пожаловать на борт, кадет,— сказал он.— Передайте мне ваше предписание, пожалуйста.

— Есть, сэр! — Предписание Ганна тоже было подделкой. В соответствии с ним он являлся оператором лазерных устройств, только что прибывшим с Земли. В документе не упоминалось его настоящее звание, так же, как и интенсивная подготовка на Плутоне. Комендант внимательно прочел предписание, потом кивнул.

— Кадет Ганн,— сказал он тихим голосом, твердо выговаривая слова,— мы рады вашему прибытию на станцию Поларис. Как вам известно, эта станция является важным звеном Завесы. Нашей первейшей обязанностью является обнаружение и предотвращение незаконной коммуникации между Планом Человека

и районами за Плутоном, так называемыми Рифами Космоса. Вторая наша обязанность — следить по мере возможности за активностью в самих Рифах. Радарные, лазерные и оптические системы — сердце этих двух задач. Поэтому, кадет Ганн, вы исполняете наиболее ответственную часть нашей работы. Не подведите нас.

— Сэр! — торжественно сказал Ганн.— Я не подведу! Я служу Плану Человека без сомнений и отдыха.

Он отдал честь и вышел.

Но, прежде чем выйти, он уронил свои документы и тут же подобрал их, сверкнув в сторону полковника извиняющейся улыбкой.

Он вышел с высоко поднятой головой. Потому что в тот момент, когда он поднимал предписание и находился вне поля зрения коменданта, он прикрепил подслушивающее устройство — «жучка» к нижней поверхности стола машин-полковника Зафара.

В течение следующего часа Ганну на шею был надет воротник безопасности.

Он ждал этого. В таком уязвимом и важном устройстве, как станция, каждый член команды носил железный воротник. Таким образом он мог быть уничтожен в любой момент и в любом месте. Иного пути не было. Сошедший с ума космонавт, предатель, пробравшийся к запасам топлива, пьяный оружейник у пульта мощных ракет станции — любой из них мог нанести столько вреда, что необходимо было иметь постоянный контроль за каждым человеком на борту.

И все же чувство было неприятное. Ганн притронулся к кольцу, и улыбка покинула его жизнерадостное лицо. Было трудно сохранять спокойствие, зная, что кто-то или что-то — Машина на далекой Земле, или один из ее ближайших спутников-трансляторов, или офицер безопасности на Плутоне, или комендант станции Поларис — могут одним радарным импульсом включить взрыватель, и тогда заряд мгновенно обезглавит Ганна.

Соседом Ганна по каюте оказался высокий худощавый нигериец, тех-кадет по имени М'Буна. Прогуливаясь у двери в отсек Службы Безопасности, поджидая Ганна, он увидел невольный жест последнего и засмеялся. Когда они оба направились к своему служебному посту, М'Буна сказал:

— Щекочет нервы, а? Ты не волнуйся, если он вдруг сработает, ты об этом даже не узнаешь!

Ганн усмехнулся. Ему понравился М'Буна. Уже при первой встрече он понял, что найдет в нем внимательного и умного товарища. Но сразу поспешил ответить:

— А кому нравится воротник? К тому же...— он сделал паузу, оглянулся по сторонам.— Я слышал, что имеются в одном месте люди, которые умеют избавляться от них. Там, в Рифах. Они знают секрет — как снять воротник.

— Я такими вещами не интересуюсь,— напряженным голосом сказал М'Буна.— Вот наш отсек.

Ганн кивнул и продолжать разговора не стал. Но четко отметил один факт, очень важный факт, которого не заметил М'Буна. В намеке Ганна имелся призыв к анти-Плановому поступку, предательству Плана. Обязанности М'Буны были очевидны: он должен был оборвать Ганна на месте, потребовать немедленных объяснений — на что он намекал? — и потом немедленно доложить о словах Ганна.

Огромная, как океанский лайнер, хрупкая, как воздушный змей-дракон, станция Поларис представляла собой большое колесо из пластика. Вращение создавало центробежную силу, достаточную, чтобы обеденный суп команды не вылетал из тарелки, а тарелка держалась на столе. Ступица же колеса была неподвижна. На одном ее конце находился купол радарно-лазерной следящей системы, на другом — воздушные шлюзы.

Станция была запущена в этот район более четверти века назад, чтобы исследовать скопление Рифов непосредственно к северу — в галактических координатах — от Солнца. Скопление аммиачного снега, снабдившего старые ядерные ракеты реактивной массой, по-прежнему находилось в поле зрения радаров, вращаясь в сотне миль от станции по их общей орбите. Теперь в реактивной массе не было необходимости, но снеговое скопление могло еще послужить. Оно превратилось в космическую помойку, сборник отходов станции, которые доставлялись на его поверхность после каждой вахты, чтобы частицы мусора, вращаясь по свободным орбитам, не мешали следящим системам станции и не вызывали ложных тревог.

За сорок восемь часов своего пребывания на станции оператор-майор Бойс Ганн установил «жучков» в кабинетах коменданта, старшего помощника, интенданта и начальника Службы Безопасности. Каждый такой миниатюрный приборчик передавал на тайной волне любое слово, произнесенное в этих святая святых. Ганн лично прослушивал передачи, когда время позволяло. В остальное время сигналы записывались специальными устройствами на Плутоне, затем передавались на Землю, непосредственно в подземную цитадель Планирующей Машины.

Но «жучки» ничего не помогли ему выяснить.

Ганну был дан более чем ясный приказ: ИСКАТЬ И ВЫЯВИТЬ ВРАГОВ ПЛАНА. Все остальное относилось к категории слухов. Какие-то крупномасштабные контрабандные операции, перевозка ценных стратегических материалов с внутренних планет Плана в Рифы. Какой-то странный новый культ — грозящий объединением всех Рифов против внутренних планет. Предводитель его, призывающий к бегству в Рифы... Утечка информации в системе безопасности... Но была ли здесь доля истины — если вообще могла быть — этого Ганну не сказали. Не в правилах

Безопасности было разъяснять детально агентам, что они должны искать. Считалось, что время свое они используют наиболее продуктивным способом, идя по собственному следу — или нескольким следам.

Но здесь вообще не было следов — никаких.

Во всяком случае, действительных следов. Несколько неосторожных реплик за столом. Какие-то запасные части к лазерным батареям исчезли без достаточно убедительного объяснения. Даже за меньшие промахи люди попадали в орган-банк. Это были анти-Плановые беспорядки. И со станции Поларис кое-кто тоже отправился на утилизацию, потому что Ганн аккуратно зафиксировал имена и данные. Но он был уверен, что должен искать нечто гораздо более серьезное и опасное, чем ошибку небрежного офицера.

За неделю Ганн убедился, к своему удовольствию, что, если и существует крупное анти-Плановое подполье, то не на станции Поларис.

Искать нужно было в другом месте.

Но в каком?

Он успел побывать там дважды, пока сообразил, где может находиться это «другое место».

Как член младшего персонала, Ганн вносил свою лепту в КВ — камбузную вахту, а также в команду по уборке, избавлению от отходов и так далее. Как правило, такая работа была не из обременительных. Высококачественные духовки и киберуборщики исполняли почти всю работу. Людям оставалось только убедиться, что все автоматы работают как следует. И даже короткий рейс со станции на снеговую помойку был приятным разнообразием в рутинной жизни.

Он отправился в мусорный рейс вместе с М'Буной, и они коротали время за отрывочными разговорами у пульта «шаланды» — нереактивного космического тягача — пока контейнеры с мусором самостоятельно опорожнялись и возвращались на место. М'Буна никогда не вспоминал о давней реплике Гана — насчет воротников безопасности. И Ганну тоже не удавалось навести его на разговор на неплановую тему, он даже оставил попытки. Они разговаривали о доме. Обсуждали проблемы продвижения по службе. А также достоинства девушек.

У Ганна была одна девушка. Ее звали Джули Мартин.

— Маленькая такая,— серьезным голосом говорил Ганн,— и с такими красивыми черными глазами. Она меня ждет. Когда я вернусь...

— Правильно,— сказал М'Буна.— Так вот, та девушка, которая была у меня в Лагосе...

— Ты говоришь о т о й девушке,— сказал Ганн,— а Джули была не та, она была моя девушка. Единственная, все остальные не в счет.

— Отчего же ты никогда не получаешь от нее писем? — спросил М'Буна.

Ганн замер.

— Она не любит писать письма, — сказал он после секундной паузы, ругая себя. Какой глупейший промах! Он не получал писем от Джули Мартин по одной весьма существенной причине — письма эти накапливались на Плутоне, ожидая его. Он был в этом уверен — сюда их не могли переслать. Слишком велик был риск, что кто-нибудь прочтет одно из писем и по косвенным замечаниям догадается, что Ганн — не тот простой техник-лазерщик, каким кажется.

При первой же возможности Ганн сменил тему разговора.

— Слушай, — сказал он, — что это на экране?

На экране радара маленькая искорка сигнала опускалась с легкостью перышка на поверхность снежной протопланеты. Какой-то мусор, несомненно. Ничего больше. Ничего необычного не было в том, что часть партии отходов вырвалась из непрочных оков и принялась кружить в пространстве, чтобы через минуты или часы все-таки осесть на поверхность.

Но М'Буна, мельком взглянув на экран радара, сказал как бы между прочим:

— Наверное, это комендант. Он время от времени проверяет, все ли здесь в порядке.

Тщательно стараясь скрыть охватившее его возбуждение, Ганн сказал:

— Интересно, что он тут делает.

М'Буна пожал плечами, протянул руку и повернул выключатель. Контейнер опорожнился и вернулся в корабль.

— Знаешь что, — сказал Ганн, — давай поглядим, что там такое.

Он не стал ждать ответа. Контейнер вернулся в гнездо, «шаланда» была в готовности — ничто не могло помешать ему. Он включил корректирующие курсовые ракеты. «Шаланда» двинулась вперед.

— Нет! Брось, Ганн. Старик вовсе не обрадуется, если заметит, что мы за ним подсматриваем, — с напряжением в голосе сказал М'Буна.

Но Ганн не слушал его. Он был целиком поглощен наблюдением за экранами.

Если машин-полковник Зафар совершает тайные визиты на планетоид, то должна иметься на то причина. И он должен выяснить, что это за причина. Он дал на экран максимальное увеличение, и навстречу ему прыгнула поверхность маленькой протопланеты, состоявшей из замерзших газов.

Планетоид был в восемь или десять миль толщиной, формой напоминая более контейнер для золы, чем шар. Для дальних протопланет из метана и водорода он был необычно плотным — подойдя поближе к Солнцу, он бы превратился в крупную коме-

ту. Его зеленоватая кора из твердых газов выглядела на экране медленно крутящейся метелью. Потревоженный толчком выброшенного мусора, весь планетоид вибрировал, покрывавший его газовый снег медленно вздымался и опадал волнами.

И больше ничего не было видно.

Но даже небольшой планетоид имеет солидную площадь поверхности — по человеческим меркам. Где-то здесь находился полковник Зафар. Ганн снова протянул руку к пульту двигателя, чтобы пустить корабль в облет протопланеты.

Какой-то шум отвлек его.

Он обернулся и увидел, что М'Буна подался в его сторону, на лице его было странное выражение ненависти и жалости, смешавшихся вместе. В руке он держал блестящий металлический карандаш, направив его в сторону Ганна.

В оставшуюся у него долю секунды Ганн успел лихорадочно подумать: «Если бы я только мог послать сообщение... Здесь происходит что-то анти-Плановое...»

И эта мысль была последней. Он услышал шипение и едва успел понять, что в шею его ужалила нейропуля, выпущенная из контрабандного пистолета М'Буной. Потом все погасло. Темнота и холод сомкнулись вокруг него.

Нейропуля мгновенно выключает всякую нервную деятельность. Но это еще не все.

Ее действие не ослабевает со временем само по себе. Жертва нейропули не возвращается в сознание, покуда не будет введен нейтрализующий препарат.

Когда Ганн пришел в себя, он не имел понятия, как долго пробыл под воздействием пули. Но одно он знал наверняка — он больше не находился в рубке управления «шаланды»-мусоровоза.

Обстановка была вообще совершенно незнакомой.

Он лежал на неровном скалистом выступе, на подстилке из чего-то мягкого, теплого, напоминающего лишайник или мох, растущего толстыми ступенчатыми слоями. Мох слабо, но ровно светился. На ближайших скалах свет был зеленоватым, на более дальних казался красным и пурпурным.

И небо над скалами было бархатно-черным, с одной-единственной сверкающей звездой.

Бойс Ганн с трудом поднялся на ноги — и воспарил в воздух. Опустившись, наконец, обратно на землю, он осмотрелся вокруг. Если он не смотрел на яркую звезду над головой и на светящиеся скалы, то глаза привыкали к темноте, и он мог разглядеть остальные звезды. Знакомые созвездия... И тут он все понял.

Яркая звезда была Солнцем.

Он находился на одном из Рифов Космоса.

Ганн никогда не узнал, как он попал сюда. Знал об этом наверняка один М'Буна, а с ним Ганн никогда больше не встречался. Но одно было ясно — пока он находился под воздействием нейро-

пули, его перевезли и выбросили на этом осколке рифа. Без радиопередатчика, инструментов, корабля, скафандра — он мог уцелеть на этом осколке, но все равно рано или поздно должен был умереть. Потому что никогда не сможет его покинуть.

Да, это был отличный способ избавиться от лишнего человека, даже более простой, чем убийство, поскольку не осталось тела, которое нужно было бы еще спрятать.

Ему было холодно, он чувствовал скованность в суставах. Кисти рук распухли, лодыжки онемели. Судя по всему, его похитители не доверяли нейропуле и как следует связали его. Но путы уже исчезли, а вместе с ними и всякие намеки на личность субъекта, доставившего его на этот риф. Голова болела. Во рту пересохло, и хотелось есть.

Сначала нужно было найти воду и еду, но он не мог устоять перед соблазном прежде всего осмотреть чудесную местность. Металлические листья папоротников позвякивали, как ветровые гонги. Откуда-то доносился далекий звук, похожий на хлопанье крыльев целой стаи птиц. Откуда здесь птицы, подумал Ганн, это невозможно. Но здесь могла быть какая-то жизнь. Рифы Космоса были сотворены живыми организмами, подобно кораллам в океанах Земли. Здесь должна была быть жизнь.

Но эта жизнь не всегда была совместима с человеческой — и даже не очень часто. Потому что Рифы были сформированы скоплениями фузоритов, питающихся межзвездным водородом, в соответствии с законами неохойловской гипотезы, превращая атомы водорода во все более и более тяжелые элементы. В Рифах имелась и углеродная, дышащая кислородом, теплокровная жизнь. Но в большинстве Рифы населяли металлические и кристаллические формы. В лучшем случае они не годились в пищу, в худшем — представляли смертельную опасность.

Солнце, выглядевшее, как яркая звезда, находилось у южного полюса небесной сферы, как успел обнаружить Ганн. Соответственно сам он находился к галактическому северу от Солнца, на одной прямой со станцией Поларис. Но насколько далеко от нее? Способа узнать у него не было, не считая того, что, по предположению, основные скопления Рифов находились в двухстах астрономических единицах от Солнца. То есть, примерно в двадцати миллиардах миль.

Ганн перевел взгляд со звезд на окружающую местность. Перед ним был мир, который нужно было исследовать. Конечно, он может не достигать и сотни ярдов по самой длинной оси, но другого у него сейчас не было.

Он потер саднящие запястья и лодыжки и отправился в разведку. Он осторожно выбрался из маленькой, светящейся зеленоватой лощины, потому что знал о подстерегавшей на небольшом рифе опасности. Фузориты-симбиоты создавали и удерживали атмосферу вокруг осколка. Но она напоминала мыльный пузырь — если Ганн неосторожно подпрыгнет слишком высоко, он может

очутиться в вакууме космического пространства, и его настигнет жуткая смерть, когда кровь выкипает словно взорвавшись и лопаются стенки клеток тела.

Взобравшись на гребень лощины, он приостановился и огляделся.

Впереди лежала лощина, на этот раз заполненная какими-то блестящими кустами. Растения доходили в высоту человеку до плеча, их узкие соцветия напоминали плюмажи, усыпанные светящимися точками — видимо, отдельными клетками фузоритов. Каждый лист у черенка был зеленым, ближе к краю цвет переходил в черный. Кроме того, на каждом листе имелась ярко-красная ягода. Невероятно, но кусты росли рядами.

Больше всего это напоминало ферму в одной из плодородных долин на Земле. Ганн мгновенно почувствовал, как желудок сжала спазма голода. Ягоды казались такими привлекательными и съедобными! Волоча ноги, он затрусил к кустам...

И откуда-то из-за его спины послышался голос:

— Молодец! Наконец-то ты проснулся. И сразу решил подкрепиться, а?

Майор Бойс Ганн был подготовлен к любой неожиданности. Полученный на тренировках рефлекс остановил его на полупрыжке, заставил повернуться и приземлиться на мшистую светящуюся поверхность рифа, уже в оборонительной стойке на полусогнутых ногах. Но фигура человека, приближавшегося к нему, имела вид совершенно не воинственный. Это был невысокий коренастый мужчина с толстым животом и грязной желтоватой бородой. Одежда его была соткана из каких-то грубых волокон. Она была грязной, полурасстегнутой и полной прорех.

Прижимаясь к загорелой лысой голове мужчины, на плече его сидело существо размерами с обезьянку-капуцина, с зеленой чешуей, красными глазами и черными клыками. Оно походило на игрушечного дракона. Из-под острых, как лезвие ножа, краев чешуи сочились тонкие струйки дыма.

— Привет,— осторожно сказал Бойс Ганн.

— Ну-ну, привет,— добродушно ответил человек.— Ты спал. Я и подумал — пусть лучше спит. Добро пожаловать — я не надеялся обзавестись компанией.

— Я сам не ожидал, что окажусь именно здесь.

Мужчина кивнул и протянул грязную мозолистую ладонь.

— Я так и подумал. Какие-то двое оставили тебя здесь пять-шесть часов назад. Похоже было, что они не слишком ласково с тобой обошлись, поэтому я решил тебя не беспокоить.

Существо на его плече завертелось, когда мужчина повернулся, и уставилось на Ганна красными горящими глазами.

Ганн пожал руку, протянутую ему, и сказал:

— Мне нужна вода. И немного еды.

— Сейчас устроим. Пошли...

Мужчина кивнул ему,— существо закачалось, сохраняя равновесие,— потом повернулся и повел Ганна вдоль возделанного поля к крохотному черному озеру.

— Омер не любит незнакомых,— возвестил он через плечо.— Но ты его не бойся. Просто не делай резких внезапных движений. Омер — из пироподов. Детеныш, конечно, но и они бывают опасны.

Ганн внутренне согласился. У маленького существа был достаточно зловещий вид, который усиливали струйки дыма и огненные глаза. Пробираясь сквозь мерцающие ряды растений фермы, они добрались до берега озерка, а скорее всего, лишь пруда, не более пятидесяти ярдов в поперечнике. Поверхность его волновали медленные высокие волны, характерные для слабого притяжения. На дальнем берегу поднимался обрывистый утес, усеянный сверкающими выходами металлических жил. Местами его силуэт смягчали светящиеся мхи и прочие растения, а у подножия виднелся металлический навес, скрывавший вход в пещеру.

— Вот мы и дома,— жизнерадостно сказал мужчина.— Добро пожаловать. Входи и отдыхай.

— Благодарю,— сказал Ганн.— Кстати, мы так и не познакомились.

— Разве? И то верно,— сказал мужчина.— Меня зовут Гарри Хиксон. А ты...— Ганн открыл было рот, но Хиксон не сделал паузы.— Ты ведь, как это называется, оператор-майор Бойсл Ганн из шпионской школы на Плутоне.

Уже сутки Ганн отдыхал в пещере отшельника Гарри Хиксона, и мысли его были мрачны. Каким образом Хиксон узнал его имя? Более того, откуда он мог знать, что Ганн — не техник-лазерист, а выпускник шпионской школы?

Ответ на ум не приходил, поэтому Ганн оставил догадки и занялся восстановлением физической формы и исследованием окружающей обстановки.

Очевидно, он пробыл на выбросившем его здесь корабле более долгое время, чем предполагал, потому что успел потерять в весе и силе мышц, а на подбородке выросла щетинистая борода. Но Хиксон кормил его и заботился о нем. Он устроил Ганну постель — всего лишь, правда, кучу вонючих одеял, но не хуже, чем его собственная — и делил с ним содержимое горшка, в котором варил себе что-то вроде слишком жирного жаркого. Пища была грубой, но обильной, ее разнообразили плоды и коренья растений, произраставших на утесе. Красные ягоды, по вкусу похожие на очень кислый лимон, оказались хорошим источником всех необходимых витаминов, как настойчиво объяснял ему Гарри, а один из лишайников давал протеин.

Вопрос питания Ганна не волновал. Хиксон прожил на этой диете несколько лет и был здоров. Значит, Ганн тоже продержится достаточно долго, чтобы вырваться с этого рифа.

Это не должно было занять много времени. Потому что, как он узнал от Хиксона, существовал способ сообщения, позволяющий в случае необходимости позвать на помощь.

— У меня такой нужды не было,— сказал Хиксон, вылавливая из жаркого длинный стебель похожего на ревень овоща и облизывая пальцы,— но приятно чувствовать, что в тылу все надежно... Слушай, Бойс, тебя беспокоит воротник?

Рука Ганна замерла, он вдруг заметил, что бессознательно трогает воротник на шее.

— Не совсем,— тихо сказал он.

— Могу снять, если хочешь,— доброжелательно предложил Хиксон.— Плевое дело. Я уже сто раз такие снимал.

Ганн уставился на него.

— Ради Плана, о чем ты говоришь?— сердито сказал он.— Ты что, не знаешь, что это такое? В эти штуки встроен автоматический контур-взрыватель вместе с дистанционным запалом. Если ты только попробуешь снять его...— Он сделал кончиками пальцев веерообразное движение в стороны и вверх от кольца, изображая действие обезглавливающего заряда.

— Да нет, ясное дело, об этом я все знаю,— сказал Хиксон.— Сиди тихо. Да нет, не ты, Ганн. Это я Омеру. Омер! Не ерзай, ты меня раздражаешь.

Он поднялся от неуклюжего стола из досок, где сидел на корточках за едой, обошел его и остановился за спиной Ганна.

— Ты только сиди на месте, Бойс,— сказал он.— Можешь шевелиться, но только не смотри на меня... Омер! Черт бы тебя побрал! Убери когти! Я его вывел из яйца, этого дьяволенка, прямо вот тут, в пещере. Но он начинает нервничать каждый раз, когда я... Ага, вот и все.

Что-то коснулось шеи Ганна. Он не видел, что делает Хиксон, но был уверен, что у отшельника нет в руках никаких инструментов. Но вдруг горло что-то сжало...

Он услышал, как щелкнул замок...

Кольцо упало на пол пещеры. Ганн рывком вскочил на ноги, побледнев, ожидая, что сейчас произойдет взрыв.. Но взрыва не было.

— Успокойся же, Бойс,— проговорил отшельник.— Ты до смерти перепугаешь Омера. Эта штука больше никогда не взорвется.

Он небрежно подобрал кольцо и поднял к глазам, чтобы рассмотреть получше в свете никогда не гаснущего алмазного кристалла, который на Земле стоил бы миллионы.

— Отличная работа,— сказал он с восхищением.— Сколько деталек-то! Жалко, что больше они ни на что не годятся.— И он швырнул кольцо в дальний угол пещеры.— Ну, так что?— спросил он.— Ты готов двигаться дальше?

— Двигаться куда?— сказал Ганн после секундной паузы, глядя на Хиксона.

— Ну, ну, Бойс, не волнуйся. Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что меня нужно доставить к Планирующей Машине на предмет исследования, ты не понимаешь, как я это делаю, но ты уверен, что это анти-Плановое свойство. Что ж, ты прав. Я весь полностью анти-Плановый. И я не буду тебе мешать. То есть можешь взять лазерный пистолет и вызвать сигналом помощь. Но я с тобой не полечу, Бойс Ганн. Это ты запомни хорошенько.

— Ну хорошо,— сказал Ганн, сдаваясь. Но внутренне он вовсе не собирался складывать оружия.

Хиксон выразил намерения Ганна в очень мягких выражениях. Ганн не просто думал, он намеревался доставить Хиксона в лабораторию Плана для исследования. Честно говоря, он еще никогда в жизни не желал чего-то столь сильно. Даже продвинуться на службе Машине. Даже обрести счастье в любви Джули Мартин.

Этот человек, Гарри Хиксон, был катастрофой Плана в процессе развития.

Кем бы он ни был, как бы он ни делал то, что делал, он был страшной угрозой Плану Человека. В ушах Ганна едва ли не наяву звучали инструкции старшего офицера на Плутоне, которые он мог бы получить, если бы доложил о Хиксоне и старший офицер отдал бы приказ:

«Подлежащий исследованию Хиксон является отрицательным фактором. Его неизвестные свойства должны быть рассмотрены и сохранены для блага Плана. Затем каждый орган его тела должен быть уничтожен...»

Но как доставить Хиксона в руки Плана?

Нужно было найти способ. Он должен был существовать. Оператор-майор Бойс Ганн был в этом уверен. Главное — сохранить спокойствие и выжидать — и, когда представится случай, не упустить его.

— Тогда давай пошлем сигнал прямо сейчас,— сказал Ганн.— Я готов двигаться дальше.

Хрипло дыша и отдуваясь, Гарри Хиксон вывел Ганна на вершину скалы из красноватой породы. Пиропод, взобравшийся на его лысый скальп, ерзал и вертелся, не спуская горящих красных глаз с Бойса Ганна.

— Видишь, вон там?— спросил Хиксон через плечо.— Вон ту яркую звезду рядом с Вегой?

Бойс Ганн проследил за указательным пальцем Хиксона.

— Ты имеешь в виду Тету Лиры?

Отшельник обернулся, поглядев на Ганна с легким удивлением.

— Верно, Бойс. Вас там кое-чему учат, в шпионской школе. Вот только не... Ладно, неважно. Я имею в виду вон ту, прямо под Тетой Лиры. Тусклая красная звезда. Не помню, как называется. В той стороне лежит Свободное Небо.

Ганн почувствовал, как в висках застучала кровь.

— Свободное Небо? Я слышал об этом. Кажется, это колонии рифокрыс?

— Ай-ай, Бойс, так говорить нельзя. Они просто свободные люди. Это самый большой Риф — Свободное Небо, значит. Вроде как бы город, только это цёлое скопление мелких рифов, почти в сотню тысяч миль в длину. До него где-то полмиллиона миль.

— Понятно,— сказал Ганн, чувствуя гордость и воодушевление. «С каким подарком я вернусь на Плутон! Целый город будет возвращен Плану, снова войдет в братство Машины!» Он уже почти видел, как светящиеся следы двигателей крейсеров Плана сходятся в этом секторе, направляясь в одну точку — в скопление рифов...

— Не возносись особенно в мечтах, Бойс,— сухо сказал Хиксон.— Ты еще туда не добрался. А если доберешься, то по телефону Машину тоже не вызовешь оттуда. А теперь погоди, пока я вызову за тобой...

Он поднял старинный неуклюжий лазерный пистолет, который хранился в куче промасленного тряпья в пещере, проверил индикаторы настройки, аккуратно прицелился в далекую красную искру, служившую маяком прямого курса на Свободное Небо. Он трижды потянул за спуск, потом опустил пистолет и повернулся к Ганну.

— Вот и все. Теперь подождем, пока они сюда доберутся. Можно спокойно вернуться в пещеру.

Он помолчал, косо глянул на Ганна, словно чем-то немного смущенный. Потом, видимо, принял решение.

Он снова повернулся лицом к звездам, опустил пистолет и протянул вперед руки. Губы его двигались, но Ганн не мог разобрать ни звука. Пиропод, взобравшийся на лысую макушку Хиксона, шипел и то и дело соскальзывал. Казалось, отшельник всем телом устремился куда-то. Но куда?

Ганн не мог понять. Очевидно, к Свободному Небу. К слабой красной звездочке, определяющей его положение... или, может, к Тете Лиры... или к ярчайшим гигантам Летнего Треугольника, доминировавшего в той части неба — к Веге, Альтаиру и Денебу...

Потом Гарри Хиксон успокоился. Пиропод скатился с лысины ему на плечо, в то время как сам отшельник поднял руку и сделал сложное веерообразное движение. Словно змея извивается, подумал Ганн. Или изгибается шея лебедя...

Лебедя? Что-то неясное зашевелилось в памяти Ганна. Что-то касающееся лебедя... и звезды...

Но вспомнить ничего определенного не удалось, и он последовал за Гарри Хиксоном обратно в пещеру.

Маленький риф Гарри Хиксона был всего лишь островком в расширяющейся бесконечности материи и пространства. Неохойловская гипотеза говорила ясно: Вселенная бесконечна во времени и пространстве, и материя в ней тоже бесконечна. Новое

вещество постоянно формируется в виде новосотворенных атомов водорода, пока старые скопления вещества — звезды, планеты, пылевые облака и галактики — медленно разбегаются во все стороны.

Риф Хиксона был младенцем среди мира организованной материи — возраст его составлял всего несколько миллионов лет, размеры — сущая пылинка... Но в этом он был схож со всей остальной Вселенной, поскольку вещество в ней преимущественно было молодым. Причиной тому был спиральный рост темпа появления нового вещества. Некоторые галактики и даже некоторые рифы в пространстве между ними были так стары, что возраст их не поддавался исчислению,— находящаяся в состоянии динамического равновесия Вселенная не имела ни начала, ни конца. И жизнь была самым древним феноменом. Более древним, чем самые древние звезды — и одновременно оставалась молодой, в то время как звезды уже погасли и превратились в мертвые тела.

Жизнь в пространстве в буквальном смысле не имела конца.

Формы ее принимали самые разнообразные обличья, эволюция шла самыми невообразимыми путями.

Наблюдая, как Гарри Хиксон играет с ручным пироподом, Бойс Ганн подумал, что человек — самая странная из всех форм жизни, какие он знал. Потому что перед ним был коренастый облысевший отшельник, анти-Плановый и грозящий смертельной опасностью по всем меркам Планирующей Машины — и он со всей серьезностью пытался научить летать своего пиропода.

Он снял маленькое чудовище с головы и осторожно усадил на высоком выступе. Потом отошел в сторону. Шипя и плюясь дымом, сверкая огненными глазами, испуская сквозь чешую дым от внутреннего пламени реактивного двигателя, пироподтонко завыл, призывая хозяина вернуться за ним. Потом, отчаявшись, он взлетел в воздух, промахнулся мимо Хиксона на несколько ярдов и врезался в скальную стену в дальней части пещеры, где и остался лежать, вздрагивая и шипя, пока Хиксон не сжалился и не поднял его.

— Как бы он себе башку не расшиб,— пробормотал Ганн, когда существо в пятый раз врезалось в камень стенки.

— Да, надо бы поосторожней,— мягко согласился Хиксон.— Однако она у него совсем, должно быть, пустая. Неуклюжее создание этот пироподверно, Омер? — И он с искренней привязанностью погладил маленькое чудовище, потом вздохнул и опустил его на пол.

Он аккуратно накрыл его перевернутой корзиной, потом положил на корзину кусок светящегося фузоритного коралла. Пироподвзвизгивал и шипел, но Хиксон не обращал на него внимания.

— Думал, что успею научить его,— сказал он с сожалением.— Бойс, за тобой должны прибыть через час. Любопытно тебе узнать, как выглядит пилот? — Он извлек старомодное двухмерное цветное изображение из кармана своей изношенной до лохмо-

тьев куртки. На снимке была совсем молодая симпатичная девушка, одну руку она положила на голову похожего на морского котика существа. Позади нее светилась серебром и пурпуром масса Рифа.

— Ее зовут Карла,— с любовью сказал старик.— Карла Сноу. Она дочь моего старого друга. Он меня вылечил несколько лет назад. Он доктор, мой друг, и хороший доктор. Мало, правда, понимал, что со мной случилось...

Тут отшельник заметил, что начал разговаривать сам с собой, и сразу замолчал.

— Думаю, что это все,— сказал он немного спустя со смущенной улыбкой.— Дай Лебедь тебе счастья, Бойс. Передай привет Карле.

И едва Ганн понял, что тот собирается делать, старик повернулся, отодвинул в сторону металлический лист, прикрывающий вход в пещеру, и вышел наружу.

Ганн покачал головой наполовину с сочувственным любопытством, наполовину с удивлением.

— Эй! — позвал он.— Хиксон! Ты куда? Подожди! — И он поспешил к выходу из пещеры, выскочив прямо на газон, который с таким тщанием оберегал старый отшельник.

Старика нигде не было. Следы его остались, они были ясно видны на покрытой мхом поверхности.

Но сам Гарри Хиксон как сквозь землю провалился.

Ганн обыскал всю поверхность рифа, потратив несколько часов. Никто не отозвался на его крики, и найти ему тоже никого не удалось. Старый отшельник просто исчез.

Вернувшись в пещеру, оператор-майор Ганн отыскал там старинный лазерный пистолет старика — допотопную технико-корпусовскую модель. Должно быть, ее контрабандой провезли в Рифы еще до создания Завесы. Сознание, что он вооружен, придало Ганну немного уверенности, хотя врагов видно не было.

Но ему необходима была уверенность.

Человек не может быть одинок. Каждый имеет свое место в системе Плана Человека, под благородным руководством Машины. Каждый служит Плану, и таким образом План служит всем...

Такова была доктрина, и Бойс Ганн вдруг обнаружил, что, как глупец, повторяет эти слова, взбираясь на вершину скалы, откуда Хиксон послал сигнал на Свободное Небо. Это ему мало чем помогало.

Человек не должен быть одинок... Но Бойс Ганн чувствовал себя и в самом деле ужасно одиноким, заброшенным на маленьком рифе, летящем в пространстве среди миллиардов сверкающих звезд.

Особого смысла взбираться именно на вершину скалы не имелось. Он мог с таким же успехом ожидать и в любой другой точке

рифа. Не было причины вообще надеяться на помощь. Потому что все, что говорил полусумасшедший отшельник Гарри Хиксон, казалось не слишком достойным доверия...

Но он продолжал часами ждать на вершине скалы. Прислонившись к камню, он взглядом прочесывал небо. Но находил там лишь блеск недружелюбных звезд. Он присел, облокотясь о камень, и погрузился в дремоту. Царило полное безмолвие и неподвижность. И вдруг...

Вдруг в низком черном небе сверкнуло что-то зеленоватое и туманное. Это что-то двигалось на самом пределе возможностей человеческих глаз.

Ганн прыжком вскочил на ноги, уставясь в бесконечную пустоту над головой. Зеленоватое мерцание было таким слабым, что он совсем не был уверен, видел ли он его на самом деле. И все же... что-то там наверняка было, и за этим непонятным объектом еще тянулся хвост красноватых искр...

Ганн поднял пистолет, проверил индикатор мощности, чтобы не выстрелить разрушительным разрядом в небо, потом три раза потянул за спуск, как это делал Хиксон, направив пистолет в сторону зеленоватого мерцания.

Секунду спустя... зеленоватое свечение приблизилось к нему. Это была помощь — он был в этом уверен. Но что это за красные искры? Пока он смотрел, далекие мерцающие огоньки тоже изменили движение, следуя за зеленым свечением. Они быстро приближались...

Потом одна из красных искр вырвалась вперед, оставляя за собой голубой светящийся хвост. Она походила на зловещую комету, нырнувшую в зеленоватое облако.

В уши Ганна вдруг ударил рев — словно работали двигатели старинной ракеты.

Непонятные объекты вошли, наконец, в мелкую атмосферу рифа, с визгом раздирая сопротивляющийся воздух. И кто-то еще кричал.

Красная искра с грохотом промчалась над ним, пронизав зеленое облако, и помчалась к Ганну, как старинный ракетный снаряд, ведомый сигналами радара. В последний момент, в дюжине ярдов над его головой, оно вышло из пикирующего полета, и Ганну удалось мельком рассмотреть его. Это было чудовище из ночного кошмара.

Металлическая чешуя сверкала, как осколки зеркала. Чудовищные когти, с которых на грунт сыпались дождем какие-то золотистые капли. Красная искра превратилась в две — в два красных, огромных мигающих глаза. Зеркальная голова наводила на мысли о взбесившемся драконе. А хвостом чудовища служило ревущее голубое пламя.

— Пироподl — выдохнул Ганн, окаменев от страха.

Он никогда раньше не видел взрослую особь, до него доходили лишь неясные слухи, наподобие рассказов о привидениях, ко-

торые в доплановые времена родители рассказывали детям. Общество маленького ручного пиропода, который был у Гарри Хиксона, не подготовило его к встрече с реальным, громадным и грозным существом, которое с оглушительным визгом пронеслось над его головой. Пораженный, он стоял, не шевелясь.

Пиропод представляет собой живую ракету, и он смертельно опасен. Химические процессы в его теле коренным образом отличаются от тех, что происходят в кислородных организмах. Эволюция пиропода имела своим источником ту же неуглеродную жизнь, что и развитие фузоритов. С помощью своих плазменных двигателей, питаемых энергией фузоритов-симбиотов, пиропод может обогнать крейсер Плана, а по свирепости в погоне за добычей ему нет равных среди хищников на Земле. Добычей же для пиропода служит все, что движется. Их двигателям требуется огромное количество реактивной массы. Их аппетит никогда не насыщается. Стервятники космоса, они нападают на все, что угодно.

К счастью для существующей на внутренних планетах жизни, атмосфера действует на пироподов как медленный яд, а притяжение замедляет рефлексы. Их дом — межзвездные пространства, где самые крупные монстры достигают размеров космической яхты, и даже на пороге зрелости они не уступают величиной пещерному медведю. Не в силах сдвинуться с места, Бойс Ганн смотрел, как пульсирующие красные глаза, окруженные телескопическими зеркалами, делали петлю и разворачивались, а в его воображении черные когти рвали металл или камень, словно хлеб...

И почти слишком поздно он сообразил, что сам является мишенью для гигантских когтей.

Рефлекторно он вскинул пистолет и выстрелил.

Заряд был установлен на минимум, только для того, чтобы посылать сигналы, но пиропод почувствовал удар луча, завопил и метнулся в сторону. Ганн бросился под прикрытие скального выступа. В небе медленно растворялось продырявленное облако зеленоватого свечения. Струи тумана истощались и исчезали. И на том месте, где висело облако, стало видно, что скрывалось внутри него.

Пространственник. Одно из теплокровных, похожих на морских котиков существ, скитающихся в пространстве меж звезд, являясь природной жертвой пироподов, но другом людей. Это он принес с собой облако, потому что в способности пространственников входило умение удерживать вокруг себя атмосферу — с помощью поля, основанного на эффекте Райленда — что и позволяло этим существам, дышащим кислородом, жить в открытом космосе.

Пространственник был тяжело ранен. Даже издалека Ганн увидел, что вдоль всего гладкого золотистого тела животного протянулась ужасная рваная рана. На спине его кто-то прижался к золотому меху. Наездник? Ганн не мог разобрать, но в одном он

был уверен — конец пространственника и сидящего на его спине был совсем близок.

Пиропод, атаковавший его, развернулся и мчался теперь на раненое существо. В его вое утонул вопль пространственника. Чудовище показалось из темноты над гребнем пурпурной скалы, огненные глаза его пульсировали, страшные когти тянулись к жертве.

Ганн прореагировал быстрее, чем успел подумать. Он повернул регулятор кристалла своего старого лазера на максимальную интенсивность, оперся трубкой ствола о камень и выстрелил прямо в сверкающие глаза пиропода. Глаза взорвались.

Пиропод заревел в агонии. Он остался без глаз — или подобных глазам органов. Как было известно Ганну, эти структуры по функции скорее напоминали лазерные прицелы. Но что бы они собой ни представляли, сейчас они превратились в мельчайшие осколки, подобные корпусу суб-поезда, когда исчезает поле тунеля и его сплющивает расплавленный камень. Слепой пиропод помчался вверх, издавая жуткие вопли, пока звук этот резко не прекратился, словно отрезанный закрывшейся дверью.

Чудовище покинуло атмосферу рифа, выскочив в пространство. Ослепленное, раненое, оно уже не вернется, подумал Ганн. И к счастью, потому что на пистолете мигал оранжевый индикатор, предупреждая, что батареи полностью истощились.

Но там, за пределами атмосферы, оставались другие пироподы. Ганн видел красноватые точки их глаз, сопровождаемые голубыми хвостами выхлопа огненного чрева. Они все разом повернули и метнулись вслед за удаляющимся кометным хвостом раненого пиропода. Вздулось голубоватое облачко раскаленных газов...

Ганн смутно осознал, что сотоварищи уничтожили раненого собрата, разорвали его на куски и теперь крутились и сплетались в драке за свою долю добычи. Но у него не было времени наблюдать за ними. Пространственник рухнул на грунт, и Ганн, спотыкаясь, поспешил к этому месту.

Животное упало на самом краю маленькой плантации Гарри Хиксона. Его голубая кровь заливала зеленый мох. Над страшной раной склонился наездник, пытаясь остановить кровь обеими руками.

Наездником была девушка. Хиксон не ошибся. Это была та самая девушка с фотографии, которую он показывал Ганну.

Пространственник стонал и вздрагивал. Когда Ганн подошел ближе, существо издало неясный звук, похожий на всхлип. Девушка тоже всхлипывала.

— Могу я вам помочь? — спросил Ганн.

Девушка, Карла Сноу, быстро повернулась. Она смотрела на Ганна, словно это был пиропод или какое-то не менее ужасное существо из легенд. В глазах ее был страх и, как это ни странно, подумал Ганн, почти облегчение, словно она ждала чего-то похуже.

С таким выражением человек встречает один на один волка, в то время как ожидал встретить тигра.

— Вы кто? — спросила девушка. Голосом она вполне владела. Она была высокая и сильная, хотя и очень молодая.

— Я Бойс Ганн,— сказал он.— А вы Карла Сноу. Гарри Хиксон предупредил, что вы прилетите.

Рука девушки метнулась к губам. Глаза расширились от ужаса. На мгновение Ганну показалось, что она сейчас бросится бежать. Потом она с жалостью тряхнула головой и повернулась к пространственнику. Кровь больше не текла, животное больше не вздрагивало. Стоны его затихли.

— Султана умерла,— тихо сказала девушка, словно самой себе.

— Мне очень жаль,— сказал Бойс Ганн, понимая, что это очень слабое утешение. Он бросил взгляд вверх — пироподы полностью исчезли — потом снова посмотрел на девушку. Лицо Карлы Сноу, покрытое умеренным загаром, по цвету почти соответствовало медовым волосам. Они были почти такого же цвета, как ее пространственник. На белом комбинезоне виднелись пятна крови, с пальцев капала золотистая слизь. И все же она казалась очень красивой.

На секунду глубоко погребенные чувства вновь ожили внутри Ганна. Он вспомнил Джули Мартин и вкус соли на ее губах, когда он поцеловал ее на прощанье на морском берегу в маленьком мексиканском курортном городке Плайя Бланка. Эта девушка совсем не напоминала Джули. Она была светловолосой, а у Джули волосы были черны, как ночь. Она была высокого роста, а Джули — миниатюрна. У нее было крупное доброе лицо, и даже в минуту горя оно выдавало любовь к жизни, в то время как Джули Мартин была девушкой, склонной к печали. Но и в первой, и во второй было нечто, волновавшее Ганна.

— Эти звери могут вернуться,— поспешно сказал он.— Нам нужно уходить отсюда.

Слезы на щеках девушки высыхали, она немного успокоилась. Она посмотрела на бесполезный пистолет в руках Ганна и чуть улыбнулась.

— От него пользы мало. Он пустой.

— Я знаю. Нужно вернуться в пещеру Хиксона. Он мог оставить запасные заряды.

— Оставить? Но вы, кажется, сказали, что он здесь! — лицо ее снова омрачилось, в ярких глазах виднелся страх.

— Он был здесь, но теперь его уже нет. Исчез. Не знаю, куда и как.

Девушка механически кивнула, словно засыпая, не в силах воспринять слова Ганна. Она опустилась на колени рядом с мертвым пространственником и погладила его золотистый мех.

— Бедная Султана. Я этого себе никогда не прощу. Когда я получила ваш сигнал, я... я испугалась. Я не знала, что делать.

Папа улетел по вызову. Он взял наш корабль... и я решила отправиться на Султане, сама.

Она плотно сжала на секунду побелевшие губы.

— Я не подумала об опасности. Здесь редко встречаются пироподы — их вывели несколько лет назад, хотя они постоянно снова плодятся. Но раньше я столько раз убегала от них на Султане. Я забыла о том, что она... стареет.

Она легко встала и тронула Ганна за руку, стараясь придать ему уверенность.

— Но вы не волнуйтесь. Мы не потеряемся. Папа за нами прилетит, как только вернется домой. Я оставила сообщение.

Ганн кивнул.

— Он, наверное, подождет немного,— сказал он, раздумывая,— а потом, если вы не вернетесь, через день-два отправится искать вас.

Но Карла Сноу покачала головой, тряхнув золотистыми волосами.

— Нет. Он не станет ждать. Ни одной минуты. Я сообщила в записке, что получила старый аварийный сигнал Гарри Хиксона. Он отправится на самой полной скорости, какую только способен развить корабль, чтобы узнать, кто послал сигнал Гарри.

Ганн уставился на нее.

— Как кто? Гарри и послал. Гарри Хиксон. Я же вам сказал.

— Я помню,— сказала девушка спокойно, но в голосе ее чувствовался отголосок удивления и страха.— Но, понимаете, это не мог быть Гарри. Я... Нет, подождите, я вам покажу.

Она повела его прочь от возделанного поля обратно к красной скале, где лазерным пистолетом Ганн опирался о каменную пирамиду, стреляя в пиропода.

— Видите?— сказала она, касаясь пирамиды.

Он нагнулся, всматриваясь, и на самом нижнем камне, на полуровной лицевой стороне валуна разобрал слабо видимые буквы, выжженные линия за линией лучом пистолета. Их невозможно было заметить, если человек не знал, куда смотреть. Надпись гласила:

ГАРРИ ХИКСОН
Умер от фузоритной инфекции.
Да светит ему в пути Денеб.

— Видите?— сказала девушка.— Гарри не мог послать сигнала. Он умер три года назад.

Все это произошло за много месяцев до появления Требования Освобождения. Старый Планирующий на Земле пребывал в радостном единении с Планирующей Машиной. В пространстве Системы сновали между планетами и лунами крейсера Плана, достигая самых дальних постов Космического Заслона, привозя оружие и приказы Машины в самые дальние форпосты террито-

рии, контролируемые Планом Человека. В орган-банке на острове Куба бывший служащий Технокорпуса, нигериец, отдал последние жизненные органы в пользу какого-то более полезного слуги Плана и умер. Когда-то его звали М'Буна, он был пойман и осужден трибуналом за дезертирство. Девушка по имени Джули Мартин сидела в спальне общежития глубоко под перуанскими Андами. Она сжимала в руке стило, раздумывая, что написать — письмо человеку, «которого любила», но уже давно не получала от него известий, или просьбу о приеме ее на специальную службу Планирующей Машине.

И в далеких Рифах, в растянувшемся на сотню орбит сообществе, называемом Свободное Небо, оператор-майор Бойс Ганн пришел к выводу, что величайшая в его жизни возможность сослужить службу Плану — и получить величайшее вознаграждение! — преподнесена ему на серебряном блюдце.

Потому что он находился на Свободном Небе, в самом сердце Рифов Космоса — и был полностью свободен. И он знал — или считал, что знает — способ вернуться к мирам Плана. Само собой, далеко не все было ясно и понятно. Некоторые вопросы даже вызывали — почти — неприятную дрожь.

Чего надеялась достигнуть Карла Сноу, делая вид, будто Гарри Хиксон давно умер? Что же тогда, по ее мнению, видел Ганн на рифе? Привидение? Значит, это привидение кормило его, лечило, сняло с его шеи кольцо?

И он начинал подозревать, что с самого начала он попал на риф Хиксона совсем не по чистой случайности.

Доказательств не было, конечно. Но он был уверен, что М'Буна, а возможно, и полковник Зафар имели отношение к Хиксону и к анти-Плановой деятельности, которая кипела в этом опасном, упадочном, неплановом месте — Рифах Космоса. У него имелись косвенные данные. Неосторожное слово, взгляд, замечание, оборванное на полуслове — всего этого было достаточно, чтобы Ганн понял, что существуют какие-то связи между Рифами и мирами Плана. Эти связи захватывали даже Технический корпус, даже жизненно важные центры самого Космического Занавеса.

Если бы ему удалось вернуться... Нет! Когда он вернется вместе с уликами и доказательствами, которые немедленно отправят конспираторов в орган-банки, тогда самая великая награда из тех, что во власти Машины, не окажется для него чрезмерной. А Джули Мартин ждет его...

Ганн не решался делать записи или добывать фотографии и магнитные ленты, но он не упускал возможности побывать во всех частях невероятного сообщества Свободного Неба. Даже название было какое-то странное, приводящее в смущение. Свободное Небо.

Как будто «свобода» так важна!

Однако Бойс Ганн не мог не заметить, что обитавшие на Свободном Небе толпы упадочников, никем не управляемых и анти-

Плановых, казались даже более крепкими, счастливыми и процветающими, чем миллиарды живущих под всемогущей и благотворной властью Планирующей Машины.

Этот факт сбивал с толку.

Но задача была ясна. Ганн погрузился в изучение всего, что мог изучить.

Свободное Небо представляло собой сообщество примерно двух тысяч человек, разбросанных по сотне фузоритных рифов на пространстве в сотни тысяч миль. Многие рифы были трансформированы в пригодные для обитания с помощью специального лишайника, выделяющего кислород — с ним Ганн познакомился еще на рифе Гарри Хиксона. Большинство не имело атмосферы, но все они снабжали развивающуюся экономику Свободного Неба необходимыми металлами и минералами.

Ганн не совсем представлял, что ожидал увидеть здесь — возможно, покрытых татуировкой дикарей, пляшущих под разнузданные звуки тамтама — но наверняка он совершенно не был готов встретиться с современной деловитой колонией. Здесь имелись фермы и стада — не только пространственников, но даже коров молочной гернзийской породы — шестьдесят голов, каким-то образом выкраденные на крохотный астероид, удаленный от Солнца на двадцать миллиардов миль. На одном безвоздушном рифе, состоявшем преимущественно из фузоритного железа, находился сталеплавильный завод — одно из компактных ядерных устройств, сконструированных инженерами Технокорпуса для использования в поясе астероидов, чтобы не доставлять металл с Земли. Ганн был просто поражен всем, что видел. Однажды он сказал об этом Карле Сноу и ее отцу, у которых он жил в качестве гостя — или пленника, он так и не выяснил, кого именно. Они как раз обедали — Ганн наслаждался отличной отбивной и вином, не уступающим по букету французскому.

— Дело не только в еде, молодой человек,— прогремел в ответ доктор Сноу,— здесь сама жизнь прекрасна! Она имеет вкус, о котором никогда не узнают на мирах Плана.

Ганн улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Возможно, вы правы. Я... видите ли, я прошу меня извинить, но ведь я никогда ничего не видел, кроме планет Плана.

Отец Карлы энергично кивнул.

— Естественно. Так же, как и все мы, пока не добрались сюда. Не считая, конечно, Карлы и еще нескольких, родившихся уже здесь. Они были свободны с самого рождения.

— Но я не совсем понимаю,— сказал Ганн с необходимой ноткой сомнений,— как работает ваша система. Кто указывает вам, что вы должны делать?

— Никто! На то и свобода! Мы бежали сюда, потому что не хотели жить в ошейниках Машины. Мы работаем вместе и, как ты видишь, работаем неплохо. Процветание и счастье! Вот что

мы выстроили почти что из ничего, подобно фузоритам, которые построили для нас наши миры из газа и энергии. Я помню, когда мы с Гарри Хиксоном сюда прилетели...— Он вдруг замолчал и потер подбородок, хмуро глядя на Ганна.

— И что же?— спросил Ганн.— Вы и Хиксон?..

— Тогда все было по-другому,— коротко ответил доктор Сноу.— Парень, ты до сих пор уверен, что мы поверили в эту историю о Хиксоне? Я сам помогал хоронить его.

— Видите ли, сэр,— осторожно сказал Ганн, понимая, что задевает небезопасную тему,— я ничего не знаю о Гарри Хиксоне, но все, что я рассказал,— чистая правда. Человек, пославший сигнал Карле, сказал, что его зовут Гарри Хиксон, и у меня не было никаких оснований не верить ему.

Сноу мрачно кивнул и больше ничего не сказал. Но Ганн заметил, что доктор продолжал обедать без прежнего удовольствия. Ганн решил отложить эту проблему в сторону. Его занимало нечто более серьезное и значительное. Он думал о том, как отблагодарит его Машина после возвращения, когда он сбежит на одном из пространственников Карлы — она как раз учила его обращаться с животными — и принесет сведения о мире Свободного Неба, отличный урожай из нескольких тысяч прекрасных кандидатов в орган-банки!

Он поднялся из-за стола и вместе с Карлой вышел наружу. Ручной пироподГарри Хиксона, который был спасен вместе с ними по настоянию Карлы, шипел и метался за дверью, насколько позволяла ему цепь.

Ганн взял ее руку в свою, они оба смотрели сквозь зеленые вьющиеся лозы на дальний маяк, означавший положение главного центра Свободного Неба.

— Ты обещала мне, что покатаешь на одном из своих пространственников,— сказал он, сжимая ее руку и улыбаясь.— Если мне суждено стать постоянным местным жителем, то чем раньше я получу полезный навык, тем лучше.

Она задумчиво посмотрела на него, потом улыбнулась. По контрасту с медово-золотистыми волосами ее глаза казались ярко-голубыми.

— Почему бы и нет?— сказала она.— Но не дальше границ атмосферы, Бойс. Не все сразу.

— Я думал, что пространственники несут с собой необходимый воздух.

Она кивнула, но твердо повторила:

— Не дальше атмосферы. Во-первых, могут напасть пироподы.

— Здесь, так близко к Свободному Небу?— спросил он недоверчиво.

Она заколебалась.

— Видишь ли...— начала она, но ответить ей так и не пришлось. Бледно-голубое зарево осветило небо над их головами.

Они оба повернулись. На посадку шел корабль, двигатели работали на полную мощность, тормозя его стремительное движение. Кто бы им ни управлял, он явно очень торопился. Всего несколько секунд спустя корабль уже стоял на мшистой лужайке перед клиникой доктора Сноу, люк его открылся, наружу выпрыгнул человек. Он увидел Ганна и Карлу, крикнул: «Срочная помощь!» и повернулся к люку, откуда ему уже что-то передавали.

— Я позову отца! — крикнула Карла. — Бойс, помоги им!

Ганн уже спешил по мху лужайки, хотя тем двоим, что прибыли на ракете, особой помощи не требовалось. Сквозь люк они вытаскивали носилки, на которых лежал третий человек, завернутый в белые простыни. В слабом поле притяжения рифа они легко справлялись с ношей сами. И все же Ганн взялся за одну из ручек.

— Какой-то больной, — пропыхтел один из мужчин. — Я его не знаю, нашел без сознания у себя в загоне для пространственников. Я и подумал, вдруг это что-то опасное...

Ганн кивнул, помогая поднять носилки, на которых больной что-то бормотал в бреду...

И едва не выронил ручку, несмотря на слабое притяжение.

Челюсть его отвисла, глаза расширились. Хотя лицо человека было мокрым от испарины, глаза блуждали, хотя он и метался из стороны в сторону в безумии бреда, все равно лицо этого человека было очень знакомо Бойсу Ганну. Это был машин-полковник Мохаммед Зафар.

Наступил момент, когда Ганну понадобились все знания и навыки, полученные в шпионской школе на Плутоне. Рифокрыса, которая привезла сюда Зафара, назвала его «опасным». Для Ганна он был не просто опасен, он означал близкую возможность полного провала, потому что, если — как был почти уверен Ганн — М'Буна и Зафар принадлежали к одному анти-Плановому подполью, то Зафар наверняка знает, что Ганн — совсем не простой тех-кадет.

Он опасался, что Зафар в любой момент придет в себя и узнает его. Но верность Плану требовала использовать всякий шанс узнать как можно больше о Зафаре, а это можно было сделать, прислушиваясь к отрывистому бреду, полковника. Доктор Сноу, сам того не зная, помог ему выйти из трудного положения.

— Ганн и Карла, — проворчал он, — держитесь подальше от него. Вдруг это какая-нибудь инфекция... Но будьте поблизости, если я вас позову помочь, — добавил он, склоняясь над пациентом.

Карла и Бойс остались стоять в дверях приемной срочных вызовов. Не замечая того, Бойс сжимал руку Карлы.

— Он очень плох, Бойс, — прошептала она. — Я не знаю, что это такое. Ничего подобного не случалось с тех пор, как Гарри... — она замолчала, потом уже другим тоном обратилась к двоим, которые привезли Зафара:

— Вы лучше не подходите близко, пока его не осмотрит отец. Вы можете заразиться.

Доктор Сноу вытащил изо рта Зафара датчик термометра. Ганн напряг слух, пытаясь разобрать, что говорит бредящий, но до него доносились лишь обрывки, вроде: «...ловушка сознания... живая пыль... лживые мечты...»

Доктор Сноу нахмурился.

— Высокая,— пробормотал он, потом посмотрел в сторону группы у дверей.— Карла! — позвал он.— Составь для него инъекцию. Стандартный набор антибиотиков, афибриллий, анальгетики. Его вес — примерно девяносто килограммов. Максимальную дозу.

Карла кивнула и поспешила в комнату, где хранились медикаменты, доктор снова склонился над больным. Даже на расстоянии Ганн видел, что лицо бывшего машин-полковника искажено, словно в агонии. В диком бреду Зафара чувствовалось нечто большее, чем болезнь, в нем ощущался ужас. Он вдруг сел прямо, уставясь в пустоту, и закричал:

— Кладбище Галактики! Дитя Звезд! Бойтесь ловушки! Бойтесь тайных желаний!

В этот момент вернулась Карла с пневматическим шприцем. Отец взял у нее шприц, вытолкнул дочь из комнаты и быстро сделал инъекцию.

Зафар тяжело опустился на кушетку, глаза его закрылись, он продолжал что-то неразборчиво бормотать.

Доктор секунду смотрел на него, потом подошел к столпившимся у двери.

— Он заснет сейчас,— сказал он.— Больше мы пока ничего не можем сделать. Нужно посмотреть, как он реагирует на лекарство.

Мужчина, который привез Зафара, спросил:

— Доктор, что это? А мы все не?..

Доктор Сноу покачал головой.

— Я ничего не могу сказать,— ответил он.— Я не знаю, что с ним. Но не думаю, чтобы нам грозила опасность. С подобным случаем я сталкивался всего раз, три года назад. И я, моя дочь и еще несколько других людей — мы общались с больным, но не заболели.

Он помолчал, взглянул на Ганна. Потом резко добавил:

— Это был Гарри Хиксон, мистер Ганн. Он умер.

Бойс Ганн открыл было рот, потом кивнул.

— Я понимаю.

— Понимаете? — в голосе Сноу слышалась мрачная ирония.— А я не понимаю! Я совершенно ничего не понимаю. Позвольте кое-что показать вам. Потом, если вы поймете, то объясните мне!

Он сделал шаг в сторону, протянул руку и выключил свет в приемной.

— Смотрите! — воскликнул он.— Вы понимаете, что это такое?

Четверо стоявших в дверях одновременно громко вздохнули.

— Отец! — закричала Карла, мужчины тихо выругались. Теперь, в полумраке, кожа Мохаммеда Зафара потеряла естественный цвет. Подобно крови пространственника, который погиб на глазах Ганна, она светилась золотистым светом! Лицо больного сияло, как солнце, на которое смотрят через темное стекло. Высунувшаяся из-под простыней рука мерцала желтоватым неверным светом, словно скопление миллионов фузоритов.

— Отец, это... совсем как у Гарри! — сдавленно воскликнула Карла.

Доктор мрачно кивнул.

— И конец будет тот же самый. Если не произойдет чуда, этот человек через час будет мертв.

Он вздохнул и протянул руку, чтобы включить свет. Внезапно что-то зашипело и со свистом пронеслось в дверь над их головами.

— Что за черт! — воскликнул доктор Сноу и включил свет.

На голове умирающего сидело какое-то существо. Оно ерзало из стороны в сторону и сверкало в направлении стоявших красными огненными глазами, похожими на раскаленные кнопки ботинок.

— Отец! Это Гарри... то есть это пироподт! Тот, которого привезли мы с Бойсом! — крикнула Карла.

— Смотрите,— с усилием сказал Ганн.— Он порвал цепь.— Потом он неуверенно засмеялся.— Гарри был бы доволен,— сказал он нетвердым голосом.— По крайней мере, это создание научилось летать.

Машин-полковник Зафар прожил более одного часа, который оставил ему доктор Сноу, но было ясно, что дополнительный срок не будет слишком долгим. Он умирал. Были минуты, когда, казалось, он уже почти не дышал, потом вдруг жизнь вспыхивала в нем достаточно сильно, чтобы полковник мог пробормотать одну из не имеющих смысла фраз вроде: «Дитя Звезд! Но Лебедь не поможет ему...»

Сноу работал с лабораторным оборудованием в углу комнаты, отрываясь от своего занятия каждые несколько минут, чтобы проверить дыхание больного и покачать головой. Он подозвал к себе Карлу и Ганна и молча показал на микроскоп.

— Я хочу вам кое-что показать,— сказал он с мрачным и задумчивым выражением.— Смотрите,— и он отошел в сторону.

Карла заглянула в хромированные окуляры микроскопа, потом подняла голову, вопросительно глядя на отца.

— Понимаешь? Теперь вы, мистер Ганн, взгляните.

Бойс Ганн медленно встал на место Карлы.

— Ведь я не ученый, доктор,— запротестовал он.— Я не знаю, что искать.

Но в этот момент он заглянул в окуляры и замолчал. В научной подготовке не было нужды. Хотя то, что происходило перед его глазами в трехмерном поле зрения микроскопа, выходило за рамки всего, что он когда-либо видел.

Соломенного цвета эритроциты и бледные эозинофилы плавали среди колоний полезных микроорганизмов, живущих в теле каждого человека. Очертания этих бактерий, похожих на палочки, на звездочки или вообще бесформенных, были смутно знакомы Ганну. Но не все.

Потому что доминировали над пространством изображения неизвестные шарообразные организмы, темные и на первый взгляд ничем не примечательные. Но прямо на глазах они испускали яркий золотистый свет. Подобно планктону в теплых морях Земли, они вспыхивали, потом угасали, потом снова вспыхивали и так далее. Как будто крохотные лампочки подавали сигналы бедствия из недр организма. Их было много, сотни, может быть, тысячи, и все пространство зрения микроскопа сияло золотым светом.

— Великий План! — прошептал Бойс Ганн.— И от этого он умирает?

— То же самое я видел в крови Гарри Хиксона,— медленно сказал доктор Сноу,— перед самой его смертью.

Он занял свое рабочее место у стереоокуляров микроскопа, с секунду рассматривал крохотные золотистые шарики.

— Фузориты,— сказал он.— Я потратил месяц на хроматографию и масс-спектрометрию, но установил точно, что это они присутствовали в крови Гарри. Колонии фузоритов, которые начали бешено размножаться. Они его убивают.

Невидящим взглядом он снова взглянул в микроскоп, потом поспешил к больному. Машин-полковник Зафар с трудом вдыхал воздух, глаза его расширились, уставясь в одну точку на потолке, пальцы блуждали, кожа заливалась золотым светом фузоритов.

— Карла! — приказал доктор.— Загерметизируй комнату! Мы повысим давление, пустим чистый кислород. Но это его не спасет,— добавил он устало,— только продлит мучения — на несколько минут, всего лишь.

Девушка поспешно закрывала дверь, снабженную герметичными прокладками, отец тем временем поворачивал клапаны на мед-консоли. Ганн услышал, как зашипел газ, почувствовал давление на барабанные перепонки. Он сглотнул и услышал далекий, странно далекий голос Карлы:

— Папа! Он пытается встать!

Машин-полковник Зафар сидел на кушетке. Глаза его стали более осмысленными, дыхание выровнялось в гипобарической атмосфере комнаты. Но золотистое сияние стало даже более ярким, по лбу стекали капли пота.

Глаза его сверлили Бойса Ганна.

— Ты! — крикнул Зафар. — Лебедь унесет тебя! Возвращайся к Машине, предатель! — и он сделал руками непонятный петлеобразный жест, какой делал и Гарри Хиксон.

И в этот момент Ганн вспомнил, какая звезда горела в сердце созвездия Лебедя.

— Альфа Лебедя! — воскликнул он. — Денеб! В созвездии Лебедя!

Зафар оперся на локоть, свирепо глядя на Ганна.

— Не пачкай святое слово своим грязным ртом, — прошипел он. — Дитя Звезд покарает тебя. Там, в сердце цитадели Планирующего, в чреве самой Машины, которая играет со своими игрушками-людьми, там Дитя Звезд отыщет и уничтожит врагов!

Глаза его закрылись, он задохнулся. Ганн взглянул на Карлу и ее отца, но на их лицах было такое же ошеломленное выражение, как и на его собственном.

— Дитя Звезд?.. — прошептала девушка. — Отец. о чем...

— Нет, Карла, я ничего не знаю, — пророкотал доктор. — Только слухи. Существует миф о Звездном Дитя, которое перенесет всех последователей Церкви Звезды из планеты Денеба — когда настанет срок.

— Это не слухи! — крикнул золотой человек, потом замолчал, закашлявшись. — Дитя Звезд существует! Я видел его в центре Вихря! Он коснулся меня сияющей рукой!

Но доктор Сноу уже стоял рядом с ним, стараясь успокоить и уложить обратно на кушетку.

— Нет! — дико завопил Зафар. — Не мешайте слову Дитя Звезд! Смотрите!

Он судорожно сунул руку в сумку на поясе балахона, в который он был облачен, и вытащил оттуда кусок плотного, кремового цвета пергамента.

— Это Требование Освобождения! — крикнул он. — Дитя Звезд препоручил его мне, чтобы я послал на Землю. И я посылаю его!

Пироподь, принадлежавший Гарри Хиксону, метался по комнате. Его глаза еще ярче пылали в богатой кислородом атмосфере. Он шипел и топорщил чешую. И глаза Зафара тоже стали почти оранжевыми, пылая энергией крохотных танцующих золотых атомов. Они казались слепыми — или, быть может, их взгляд был устремлен на что-то более далекое, чем стены клиники доктора.

Бойс Ганн почувствовал толчок, словно пол в комнате задрожал. На самом деле он оставался неподвижным.

Он зашатался и выбросил руку, чтобы сохранить равновесие, хотя комната оставалась в неподвижности.

— На Землю! — воскликнул умирающий и отбросил кусок пергамента. — Лебедь, неси его! Дитя Звезд, направляй его! На Землю... — Он замолчал.

Доктор снова попытался успокоить его, но больной оттолкнул его в сторону.

— На Землю! — крикнул он.— И ты, шпион, раб Машины! Лебедь унесет тебя!..

Ганн открыл рот, чтобы сказать что-то — что угодно — но слова замерли на его губах. Комната снова накренилась, теперь гораздо резче. Голова пошла кругом. Остальные, казалось, ничего не замечали. Еще один толчок. Ганн споткнулся и едва не упал, выровнялся и рефлекторно протянул руку за брошенным пергаментом.

Пергамент ускользнул и... пропал. Только что он был здесь. В следующий момент его уже не было. На его месте Ганн увидел странное движение воздуха, ставшего вдруг подобным мутному стеклу. Воздух скручивался в спираль.

Вихрь становился все больше и больше. Он вырос и приблизился к Ганну, и комната снова содрогнулась. Ганн в отчаянии попытался отпрыгнуть в сторону, чтобы спастись, но вдруг полетел, полетел в вихрь, в водоворот... Он падал... падал... падал...

Казалось, он падал тысячу лет. Комната покрылась мраком и исчезла. Обеспокоенное лицо Карлы, изумленные глаза доктора, пылающее ненавистью лицо умирающего — все исчезло, вокруг он различал смутные точки, огни звезд, очертания планет, галактик, пылевых облаков, они светились, вращались...

Он падал долго, сквозь миллиарды миллиардов миль безвоздушной пустоты.

Как и было на самом деле.

Потому что, когда падение закончилось и Ганн, дрожа, как в лихорадке, поднялся на ноги, он тут же рухнул ничком, разбив лицо, расквасив нос о серый, мягко освещенный металлический пол.

Он находился в земном поле тяготения!

Он больше не был среди Рифов. Это была планета. И во все стороны расходились пустые коридоры с металлическими стенами, где мигали огни и вращались магнитные ленты. Оператор-майор Бойс Ганн наконец добрался домой. Он находился в подземных лабиринтах, где помещались всемогущие электронные внутренности Планирующей Машины.

Вот как все это началось для Бойса Ганна — падением глубиной в двадцать миллиардов миль, после чего он приземлился в самом недоступном месте — в сердце Машины.

Между металлическими стенами узкого коридора дул теплый ветер. Доносился равномерный далекий гул, его перекрывал свист и жужжание вращающихся магнитных дисков, шум работы далеких могучих механизмов. Ганн с трудом поднялся, борясь с собственным полным весом — почти сто килограммов. Все прошедшие месяцы ему приходилось иметь дело только с его частью или вообще обходиться без веса. Сквозь туман в глазах он огляделся.

Он стоял в длинном коридоре. В конце его, в нескольких со-

тнях ярдов, виднелся более яркий свет. Похоже, там была комната.

Он поплелся в ту сторону, прижимая обратную сторону запястья к разбитому носу, из которого сочилась струйка крови. Он кашлял, чувствуя соленый привкус крови во рту и в горле.

Яркий свет, казалось, исходил из большого и круглого помещения. Потолок представлял собой бетонный купол. На обширном пространстве пола островками размещались консоли и контрольные панели. За ними никого не было. Почти полную окружность стены пронизывали двадцать четыре туннеля. Из одного такого туннеля и вышел Ганн.

Он на секунду прислонился к косяку двери, ожидая, когда пройдет головокружение. Потом, собрав последние силы, он закричал:

— Кто-нибудь! Помогите! Есть тут кто-нибудь?!

Ответом ему было лишь гулкое эхо, отразившееся от купола, и далекое жужжание вращающихся лент.

На контрольных постах никого не было, коридоры были пусты. Но Ганн вдруг ощутил, что в этом пустынном месте существует своя особая жизнь. Когда отголоски эха затихли, он начал различать более слабые шумы — приглушенный механический гул, гудение и жужжание. Все коридоры были так же пусты, как и тот, из которого он вышел. Он заглянул в каждый по очереди и ничего не обнаружил, кроме бесконечных рядов вычислительного оборудования и путаницы толстых кабелей под потолком.

Почти на цыпочках, оробев перед тяжестью огромного пустого пространства вокруг, Ганн пробрался к круглому островку пультов в середине зала. Каждый пульт, усыпанный светящимися циферблатами и кнопками, был обращен панелью к одному из туннелей, радиально уходивших из зала. Ганн стоял, как зачарованный, следя за стремительным бегом огоньков на индикаторах пультов.

Он никогда не бывал в этом месте наяву, но оно было более чем знакомо ему, описания его сотни раз повторялись в учебниках, он видел десятки видеофильмов на лекциях в Академии Технокорпуса. Он находился в самом центре Планирующей Машины — самом секретном, самом защищенном месте всех девяти планет системы. В мозговом центре Плана Человека.

И Планирующая Машина даже не знала, что он здесь!

Именно этот факт потряс Ганна, приведя его почти в ужас. Но боялся он не только за свою жизнь — хотя понимал, что попал в опасный переплет, так как людей отправляли в органбанки за куда меньшие проступки. Нет, он боялся за существование Плана. Как возможно было такое?

При всех своих объемах памяти, хранивших факты о каждом поступке каждого индивида в системе Плана, при всех запасах сведений, относившихся к любой области знания, любому научному открытию, любому закону — при всем этом Планирующая

Машина не могла, казалось, заметить, что в самом ее сердце совершенно свободно расхаживает проникший туда без позволения человек.

Ганн вдруг заметил, что всхлипывает. Голова его закружилась, он в отчаянии оперся о край ближайшего пульта и попытался разобраться в незнакомых циферблатах и бегущих огоньках. Вот он, куб связи! На мгновение в нем вспыхнула надежда. Но ведь связь-кубы Машины были рассчитаны только на посвященных, на тех, кто носил имплантированную в череп пластинку металла, дававшую Машине доступ к их мозговым центрам. Неужели он осмелится воспользоваться связь-кубом?

Но что оставалось делать? У Ганна мелькнула безумная мысль нажать первую попавшуюся кнопку, повернуть любой тумблер наугад, сдвинуть какой-нибудь циферблат. Самая незначительная перемена встревожит Машину. Через несколько секунд сюда прибудут обслуживающие роботы или техники-люди.

Потом на глаза ему попалась маленькая красная пластинка, на которой имелась одна-единственная ярко светящаяся кнопка. Под кнопкой виднелось одно-единственное слово. Пластинка находилась на верхушке ближайшей к Ганну консоли. Единственное слово гласило: «СТОП».

Ганн смотрел на кнопку несколько бесконечных секунд, затаив дыхание. Если назначение кнопки соответствовало ясной, недвусмысленной надписи на пластинке, то в его власти было... было...

Остановить Машину.

Оператор-майор Бойс Ганн, выпускник Академии Технокорпуса, ветеран шпионской школы на Плутоне, обученный борьбе со страшнейшими опасностями Солнечной Системы, оказался вдруг на грани истерики. Остановить Машину!!! Этой мысли он не мог вынести.

Он бросился на связь-куб, нащупал выключатель, закричал, зарыдал, забормотал что-то в прибор. Он не знал языка механо, который разработала для связных Машина, а если бы и знал, то в этот момент позабыл бы. Он был в буквальном смысле приведен в ужас, как никогда за всю свою жизнь.

Когда отделение План-Гвардии ворвалось в зал, потоком серых форм, вырвавшихся из кабин лифтов, промчавшихся по коридорам с оружием наготове, оно обнаружило Ганна растянувшимся на полу в обмороке.

В этот момент Бойс Ганн вполне мог бы умереть, получив два десятка пуль, но тех-лейтенант, командовавший отделением, отдал отрывистую команду. Он с удивлением присмотрелся к распростертому телу Ганна, подумал секунду, потом тряхнул головой.

— Не стреляйте в него,— проворчал он.— Он должен говорить. Доставьте его в отделение Безопасности, и побыстрее.

Четыре дня Ганна допрашивали круглые сутки самые муску-

листые специалисты из арсенала Технокорпусовских умельцев, и они не слишком церемонились.

Он отвечал на все вопросы, рассказывая чистую правду, за что расплачивался ударами дубинки по почкам и пинками по ребрам. Десятки раз он терял сознание от ударов и всякий раз оживал снова, чувствуя, как санитар с каменным лицом выдергивает из него шприц. Ганн был снова готов к продолжению допроса.

Наконец, они позволили ему заснуть. Не потому, что ответы их удовлетворили, а потому, что врачи опасались, как бы Ганн не умер.

Когда он проснулся, каждся клетка тела невыносимо болела. Он был привязан к операционному столу. Орган-банк, подумал он в первом приступе паники. Но это был не органбанк, это была тюрьма. Очевидно, над Ганном только что потрудились врачи. Хотя тело болело, но он мог двигаться. Пальцы сгибались и разгибались, слушая сигналы мозга. Глаза открывались, и он мог поворачивать их в любую сторону.

Только с шеей не все было в порядке — он чувствовал на ней что-то холодное, твердое, тесное.

Воротник безопасности, с такой легкостью снятый Гарри Хиксоном, был возвращен на место.

Вокруг Ганна сновали санитары, отстегивая ремни, помогая ему подняться на ноги.

— Эй, оп,— проворчал какой-то сержант в радарном шлеме. Его подбородок казался синеватым от щетины.— Поднимайся! Ты будешь говорить с генералом.

Подгоняя Ганна, он повел его по серым коридорам к лифту. Лифт был скоростной, от легкой перегрузки голова у Ганна пошла кругом. Потом лифт резко остановился. Ганн едва не упал, но один из охранников рывком поставил его на ноги.

— Вперед, оп! Пошевеливайся!

Спотыкаясь, он вышел из лифта. Новые коридоры, потом пустая серая комната, где он, выпрямившись по стойке «смирно», долго стоял и ждал.

Потом без сигнала — видимо, он был передан через радарный шлем — охранник рявкнул: «Вперед!» и втолкнул его через дверь.

Ганн оказался в комнате побольше и посветлее. Мебель была превосходная, на золотом пьедестале сиял бюст улыбающегося Планирующего, на столе доминировал золотой связь-куб Машины. На столе же имелась именная табличка:

МАШИН-ГЕНЕРАЛ АВЕЛЬ ВИЛЕР.

За столом сидел генерал собственной персоной.

Довольно долго он рассматривал Бойса Ганна. Машин-генерал Вилер сам казался наполовину машиной. Это был крупный, плечистый, с порывистыми движениями мужчина. Тело его казалось металлическим: загорелая кожа цвета бронзы, глаза цвета стали, волосы — как медная проволока. Он в упор рассматри-

вал Ганна, потом, в полном молчании, перевел глаза на что-то, лежавшее перед ним на столе.

Бойс Ганн почувствовал, как душит его ледяной металлический воротник. Ныли бесчисленные синяки, он был весь покрыт потом, но строго сохранял положение по стойке «смирно». В Академии Технокорпуса он изучил искусство сохранять такое положение как угодно долго. Неуловимое перемещение веса и перераспределение напряжения мышц уберегали от гибельного крена вперед. Он старался думать только о том, что должен стоять, как положено. Только это имело значение.

Хмурые глаза генерала были обращены к встроенным в стол экранам связи, которых Ганн не видел. Секунду спустя он нажал бесшумные клавиши, связываясь, как догадался Ганн, с Машиной. Почему же он не воспользовался связь-кубом? Ганну не пришло в голову, что генерал, быть может, опасался делать это в присутствии Ганна. Человек, который необъяснимым образом оказался в самом сердце Машины, мог равно необъяснимым способом изучить механо.

Генерал ждал, что-то читая на экране. Лоб его покрыли морщины. Вдруг он рывком поднял голову и снова взглянул на Ганна.

Экраны погасли. Плоское бронзовое лицо генерала было абсолютно лишено выражения. Оно походило на маску из мускулов, словно какой-то неумелый хирург в центре пересадки забыл подключить к мышцам нервы, которые должны были придать им жизнь.

— Оператор-майор Бойс Ганн! — резко скомандовал генерал Вилер. Ганн подпрыгнул — он ничего не мог поделать, голос напоминал металлический скрежет.

— Вольно!

Ганн позволил плечам слегка опуститься, глубоко вздохнул, переступил с ноги на ногу. Но настоящего облегчения он не почувствовал. Глаза генерала следили за ним, стальные, холодные и безжалостные, словно они были зондами хирурга, проникающими в мозг Ганна.

— Машина требует от вас сведений,— резко объявил он.

— Я знаю, сэр,— с трудом выговорил Ганн.— Меня уже допрашивали. Раз сто, по-моему.

— Если надо, допросят тысячу! Вас будут допрашивать снова и снова. Машине нужна правда, и срочно.— Голова генерала выдвинулась вперед, словно поршень.— Дитя Звезд! Кто он такой?

Ганн почувствовал в горле сухой спазм. Он сглотнул и упрямо сказал:

— Я не знаю, сэр. Я рассказал все, что мне известно.

— Требование Освобождения! Кто написал это?

Ганн покачал головой.

— Как вы проникли в штаб-квартиру Планирующего?

Ганн продолжал качать головой, безнадежно, но упрямо.

— Как этот документ попал на Землю? Кто такая Карла Сноу? Зачем вы убили майора Зафара и сочинили эту смехотворную ложь?

— Нет, сэр! — крикнул Ганн.— Я не убивал! Полковник Зафар был врагом Плана!

Широкий рот генерала затвердел. Бесцветные губы сомкнулись, как пасть капкана. Голос принял сухой, зловещий оттенок.

— Обстоятельства заставляют предположить, что вы не говорите правды,— сказал он.— Вы можете доказать свою правоту или нет?

— Нет, сэр. Но...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Дитя Звезд — это вы?

— Нет, сэр,— с искренним негодованием ответил Ганн.— Я...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Известно ли вам, что произошло с «Сообщностью»?

— С чем? — воскликнул потерявший надежду Ганн.— Генерал, я даже никогда не слышал о... что это такое? Сообщность? Я не понимаю, о чем вы говорите.

С размеренностью пульсирующего лазерного локатора генерал отчеканил:

— «Сообщность» отправилась в космос сорок лет назад. Больше о ней ничего не слышали. Майор Ганн, что вам об этом известно?

— Ничего, сэр! Ведь я тогда еще даже не родился!

На мгновение в маске образовалась щель, и лицо генерала приобрело почти человеческое выражение. Озабоченное. Даже немного растерянное. Секунду спустя он сказал:

— Да. Это так. Но...

Потом лицо вновь отвердело, генерал качнулся вперед всем корпусом. Его стальные глаза сузились.

— Благонадежный ли вы член Плана Человека? — тихо спросил он.

— Да, сэр!

Генерал кивнул.

— Надеюсь,— сказал он бесцветным голосом.— Так будет лучше для Плана и для вас, потому что сейчас я вам скажу нечто такое, во что вы никогда не сможете поверить. Стоит вам прошептать лишь слово, оператор-майор Бойс Ганн, и смерть ваша не задержится ни на секунду. Ни на секунду.

Дело в том, что Планирующая Машина не является единственной в своем роде. Существует еще одна.

Глаза Ганна расширились.

— Еще одна...— он замолчал. Ведь это все равно, как если бы сказали, что существует два Христа.— Еще одна Планирующая Машина, сэр? Где она?

Генерал покачал головой.

— Не известно,— мрачно сказал он.— Еще одна Машина —

такая же могучая, как та, что управляет Планом Человека. И мы не знаем, где она находится.

И что делает.

Когда-то жил человек по имени Райленд, рассказал Ганну генерал. Великий математик. Выдающийся ученый. Муж дочери тогдашнего Планирующего, человек, близкий к влиятельной группе, окружавшей Машину. И несколько десятилетий тому назад он отправился в космос, подобно Ганну, и побывал в сердце Рифов, и вернулся назад с рассказом о бесчисленных тысячах людей, живущих своей жизнью на фузоритных астероидах, вне сферы влияния Плана.

— Все, что он рассказывал,— сурово проскрежетал генерал Вилер,— было ложью! Но Машина мудро решила проверить его рассказ! Планирующая Машина не делает скоропалительных выводов! Она взвешивает все обстоятельства, изучает все факты... составляет план!

— Да, сэр!— сказал Бойс Ганн.— Я слышал об этом Райленде. Кажется, он до сих пор считается одним из выдающихся ученых.

Генерал кивнул.

— Сегодня,— загадочно пояснил он,— Райленд исправил ошибку. Отказался от своих заблуждений, как благонадежный слуга Плана. Так же, как и бывший Планирующий Криири... он тоже понял, что заблуждался. Но тогда...— генерал вздохнул, словно вакуумный насос.

Тогда, он рассказал Ганну, оба они пали жертвой обмана, своими действиями заставили Машину совершить... нет, не ошибку, конечно, это невозможно — но заставили ее провести эксперимент, который провалился.

Эксперимент предполагал вынос Плана Человека в Рифы.

Машина дала указание построить грандиозный космический корабль, названный «Сообщность». Самый большой из когда-либо выходивших в пространство звездолетов, являющийся по сути подвижной космической крепостью, он был собран на верфях Деймоса. Двигателями его служили шесть отделяемых нереактивных тяговых установок, которые сами по себе являлись самостоятельными мощными крейсерами. И более половины гигантского корпуса корабля занимал Двойник Планирующей Машины — единое целое компьютеров и банков памяти, такое же сложное и могучее, как и сама Машина. Ему не хватало лишь коммуникационной сети и прочих дополнительных устройств, созданных Машиной при участии рода человеческого.

«Сообщность» была построена, запущена, испытана, подготовлена к полету. Был отобран экипаж, который прибыл на борт. Было погружено все необходимое для десятилетнего полета. Машина-серв приняла на себя управление... «Сообщность» миновала орбиту Плутона и исчезла.

Несколько дней спустя по лазерной релейной сети пришло сообщение. Все шло нормально. «Сообщность» вышла к основному скоплению Рифов.

Больше сообщений с корабля не поступало.

Машин-генерал Вилер замолчал, не спуская с Ганна серостальных глаз.

— Больше сообщений не было,— повторил он.— Больше мы ничего не знаем о судьбе корабля. Поисковые корабли, пытавшиеся найти следы «Сообщности», возвращались ни с чем. Или вообще не возвращались. Или возвращались с полпути, атакованные и поврежденные пироподами или чем-то еще хуже.

Такова история «Сообщности», майор Ганн. Кроме последнего факта: скопление Рифов, о котором говорилось в последнем сообщении «Сообщности», находилось точно в том же месте, что и названное вами Свободное Небо. И вы побывали там, майор. Что вы узнали?

В изумлении Ганн покачал головой.

— Ничего, сэр. Поверьте мне. И никаких следов, даже слухов.

Генерал долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Ганн,— сказал он мрачно,— я скажу вам еще вот что.— Он вдруг резко перекинул три выключателя на пульте стола, посмотрел на экран монитора, кивнул.— Теперь мы отрезаны,— объявил он.— Сейчас нас не видит даже Планирующая Машина. То, что я вам скажу, предназначается лишь для ваших ушей.

Понимаете, Ганн, дело не только в процветании Плана. У меня есть особый интерес, заставляющий искать ответ на эту загадку. Я должен узнать ответ.

Потому что, майор Ганн, я намерен стать следующим Планирующим.

Бойс Ганн плыл в опасных водах и понимал это. До него доходили слухи о борьбе за власть среди предводителей-людей, искавших выгодного положения рядом с Машиной. По всей Академии Технокорпуса ходили лукавые шутки на этот счет, а после отбоя иногда разгорались споры. Некоторые расценивали политическую борьбу как род предательства (хотя храбрости у них хватало лишь шептать свое мнение украдкой). Другие расценивали эти разговоры как шутки, третьи воспринимали как естественный закон человеческих взаимоотношений, которому предлагали следовать ради собственного блага. Ганн помнил брата той девушки, с которой они расстались в Плайя Бланка, ярого идеалиста, помнил одного из преподавателей, циника с чувством юмора. От его шуток, казавшихся наполовину серьезными, вся аудитория приходила в волнение, смешанное с чем-то, напоминающим боязнь. В один прекрасный день преподаватель исчез. Юный кадет, брат Джули Мартин, стал примерным студентом Академии. Он даже поступил в шпионскую школу на Плутоне как раз в тот момент, когда Ганн ее покидал.

Но каким бы ни было отношение к вопросу, проблема политического маневрирования казалась отдаленной. Все это имело место где-то очень далеко и высоко... и не затрагивало жизнь Бойса Ганна.

До сих пор.

Машин-генерал подался вперед и проскрежетал:

— Я должен знать правду. Вам известно, кто послал Требование Освобождения?

Ганн покачал головой.

— Нет, сэр. Я никогда не видел документа. Я не знаю, что в нем говорится.

— Он полон глупых угроз, майор Ганн! Безумное обещание погасить Солнце! Требование к Планирующему и Машине дать свободу всем желающим — каково! И все же,— глаза генерала стали еще холоднее, в них появилось отсутствующее выражение, словно он рассматривал что-то на большом расстоянии,— возникает чувство, что за этими угрозами что-то кроется. Потому что Солнце действительно погашено.

— Погашено? Солнце? Сэр, я не понимаю...

— Я тоже не понимаю,— проскрипел генерал,— но это не имеет значения. Значение имеет безопасность Машины. Это в особенности касается меня, поскольку мне доверена ее охрана. Требование Освобождения угрожает нам. Я должен защищать Машину. Если мне это удастся, я получу... соответствующую награду. Тех, кто поможет мне...— он обвел взглядом непроницаемую для подслушивания комнату, наклонился вперед еще больше, едва слышно произнося слова: — Их я тоже сумею наградить, майор Ганн.

Его стальные глаза беспокойно заметались по комнате, потом остановились на Ганне.

— Майор,— сказал он,— вы мне нужны. Как друг.

Ганн все еще не мог оправиться от слов генерала о погашенном Солнце. Значит, Солнце больше не сияет в небе? В это невозможно было поверить. Он постарался оставить пока в стороне жгущие мозг вопросы и сказал с неловкостью:

— Надеюсь стать вашим другом, генерал. И все же мне ничего не известно о том, кто такой Дитя Звезд.

Голова генерала кивнула, как стрелка метронома.

— Вас снова будут допрашивать,— проскрипел он.— На этот раз вами непосредственно займется Машина, через одного из своих связных — человека, приобщившегося к Машине, умеющего разговаривать с ней непосредственно. Возможно, это поможет вам кое-что припомнить. Быть может, даже вопросы, заданные служителем, наведут вас на некоторые мысли... может, вы даже сумеете догадаться о сведениях в банках памяти Машины,— сказал генерал, и лицо его превратилось в бронзовую маску,— мне будет интересно услышать о них. Выбирайте сами. Или мой друг — или мой неприятель. И даже сейчас,— добавил он, его

бронзовая челюсть отвердела,— я имею достаточную власть, чтобы наказать моего врага.

Он снова повернул выключатели, бросил взгляд на экраны связи, кивнул, выслушал ответ и снова посмотрел на Ганна.

— Сейчас вы отправитесь к Сестре Дельта Четыре,— приказал он.— Там начнется ваш непосредственный допрос самой Машиной. Посмотрите сюда, майор!

Генерал вдруг вскинул правый кулак. Словно на дистанционном манипуляторе, пальцы сжались в бронзовый молот.

— Эта рука,— мрачно протянул генерал,— когда-то принадлежала другому человеку, врагу Плана, бросившему бомбу в Планирующего. Он промахнулся, Планирующий уцелел, но взрыв раздробил мою руку. Хирурги не могли починить ее, поэтому пришлось сделать замену. Использовав руку неудавшегося убийцы.— Бронзовый кулак опустился на панель.— Помните об этом, Ганн! Если вы не сможете служить Машине так, как от вас того потребуют, то послужите по-другому — не иначе, как в органбанке.

За дверью его ждал охранник в радарном шлеме.

— Пошли, опасник! — проворчал сержант, и Бойс Ганн еще раз поплелся по бесконечным серым коридорам, потом его втолкнули в лифт, потом вытолкнули, потом он оказался в серой комнате, где его оставили ждать.

Но лишь на мгновение. Потом охрана вернулась, лицо у сержанта было сердитое и растерянное, он снова проворчал:

— Пошли, оп.

Похоже, иных слов он не знал и не подозревал об иных формах обращения. Ганна снова потащили по коридорам.

В дверном проеме стояла девушка. Она перебирала четки-сонары, склонив голову. На ней был белый халат с капюшоном, которые носили служители Машины — связные, изучившие механо, которым предпочитала пользоваться Машина, и чьи мозговые центры были доступны электродам Машины. Проходя мимо, она обратилась к одному из охранников.

— Приказ изменен! — грубо ответил он.— Идите с нами, если хотите. Я веду его к Планирующему!

Ганн задержался, пытаясь обернуться и посмотреть на девушку, но охранник подтолкнул его вперед. Голос у девушки был необыкновенно мелодичный, она не говорила, а скорее выпевала слова механо, перебирая свои звуковые четки.

Это была — как сказал генерал Вилер? — сестра Дельта Четыре. Она должна была допрашивать его.

Но вместо этого его вели к самому Планирующему!

За всю свою жизнь Бойс Ганн никогда не видел Планирующего во плоти. Мало кто видел его вообще. В этом не было необходимости, средства информации имели доступ в каждый дом, в любую комнату — а Планирующий был чем-то большим, чем

просто человеком, он не снисходил даже до малого общения с обществом, как это делали императоры.

Ганн слегка вздрогнул. Его поведение приобретало черты, характерные для любого осужденного в любой стране и в любую эпоху. Всякая перемена вызывала в нем страх. Он боялся неизвестности. А Планирующий олицетворял весьма значительную неизвестность.

Снова туннели, снова скоростное падение лифта, снова Ганна втолкнули в тесную комнатку и оставили ждать.

Он был где-то глубоко под землей. Вслушиваясь, он мог различить только смутное урчание воздуха в вентиляционной системе над головой. Стены были неприятного желтовато-серого цвета. Краска потеряла чистый оттенок помещений Техкорпуса, приобретя долю золота, символизирующего Планирующего. Сделано ли это специально, подумал Ганн, или, может, эта камера настолько стара, что ее обитатели уделяют уходу за ней минимум внимания, и покрытие стен пожелтело от времени. В комнате имелись металлический стол и голый металлический стул.

Воротник безопасности крепко сжимал горло.

Ганн сел за стол, склонив голову. Синяки снова стали ныть. В голове крутился вихрь.

Перемешавшиеся образы заполнили его сознание. Генерал Вилер и его зловещие намеки на награду. Пространственники Карлы Сноу. Пироподы. Джули Мартин. Голубое небо с невероятным образом исчезнувшим солнцем... золотистые солнечные фузориты в крови полковника Зафара... снова Джули Мартин, потом Карла Сноу.

Он снова переживал бесконечное жуткое падение, которое завершилось посадкой в чреве планеты Земля, среди магнитных хранилищ памяти Машины. Перед глазами его опять вставали стерильные ледяные равнины Плутона, огромное, медленно вращающееся колесо станции Поларис. Он вспомнил о Требовании Освобождения и об удивительной любви к свободе среди анти-Плановых обитателей Рифов... любовь к свободе... любовь к свободе...

Он снова подумал о Джули Мартин. Он погрузился в воспоминания о курорте-сообществе в Плайя Бланка, о миниатюрной черноволосой девушке, чье пение он услышал и с которой они встречали на песчаном берегу золотую зарю. На ее губах была морская соль. Он видел ее лицо так ясно, словно она была вместе с ним в этой комнате.

— Джули...— прошептал он нежно, и она что-то хотела ответить ему...

— Пошли, оп!— грубо сказала она.— Вставай! Вперед!

Сержант с рогами радарных антенн на шлеме сердито тряс его за плечо.

— Опасник! Проснись!

Ганн встряхнулся. Он незаметно для себя заснул. Руки, на которые опиралась голова, затекли.

Он еще не совсем пришел в себя, когда охранник вытащил его в соседнюю комнату — большую, ярко освещенную, роскошно убранную. Комната утопала в золоте. Золотые гобелены на стенах изображали миры Плана Человека. Золотые светильники. Золотые подносы на золотых столах. Золотой ковер на полу, мебель, обитая золотистой тканью.

Сжимая руки Ганна, с каждой стороны стояли охранники. Они вывели его на середину комнаты и остановились, ожидая, пока сержант подойдет к двери в виде золотой арки и что-то скажет офицеру Технокорпуса в форме охраны Планирующего, который там стоял. Офицер нетерпеливо кивнул и поднял руку.

Сержант в шлеме повернулся и сделал знак своим людям. Ждать!

Бойс Ганн был совершенно уверен, что за дверью находился сам Планирующий.

В комнате они были не одни. Повернув голову — хватка охранников не давала ему возможности повернуться всем телом — он увидел, что в комнату вошла девушка-служительница, Дельта Четыре. Она опустилась на колени на золотую подушечку и шептала молитвы в четки-сонары. Она была невысокая и стройная. Лицо почти полностью было скрыто мягким капюшоном, но можно было сказать, что оно имеет правильную овальную форму, бледно и серьезно. Свободный халат служительницы широкими складками лежал вокруг подушечки. Пелерину украшала светящаяся эмблема тех, кто вошел в сообщность с Машиной — переплетенные символические эллипсы электронных орбит.

Охранники заставили его отвернуться. Один прошептал другому:

— Гляди! Она сейчас войдет в сообщность.

Даже находясь в столь ненадежном положении, Ганн не мог подавить соблазна увидеть, что происходит. Он никогда не видел служителя в момент связи с Машиной. Это было нечто желанное — и страшное.

Если кольцо вокруг шеи Ганна было бичом, который Машина придумала для подстегивания неверных слуг Плана, то связь в черепе служителей была пряником, которым награждали за верную службу.

Ганн знал, как она выглядит. Кажется, ему даже удалось мельком заметить сияющий металлический диск, вращенный в кожу на лбу сестры Дельта Четыре. На диске чернел узор отверстий, в которые входили электроды связного разъема.

Он знал, что сообщность считается высшим переживанием. Связь-пластина была только внешним ее символом. Самые тонкие изменения были произведены нейрохирургами Машины в самом мозгу. Через электроды Машина награждала своих верных

слуг электронным удовольствием. Сигналы шли прямо в центр наслаждения.

Ощущение было бесподобным — потому что следы реальности не портили его чистоты. Оно не вызывало усталости, оно было бесплотным. Это была квинтэссенция удовольствия. Полностью лишенная визуальных, осязательных, обаятельных посредников, это была та великая радость, к которой всю жизнь стремятся люди, находя ее в виде несовершенного побочного эффекта еды, питья, холодного воздуха на горной вершине рано утром, общения с представителями противоположного пола. Это было первое, второе и третье одновременно, дистиллированное, усиленное, поданное непосредственно через сияющий металлический диск.

Это так хорошо, подумал Ганн, что в этом чувствуется что-то неправильное...

— Она готовится! — прошептал охранник, и Ганн осмелился еще раз повернуть голову.

Это ему удалось — всего на секунду, но удалось. Охранники тоже смотрели и потому слегка ослабили хватку.

Сестра Дельта Четыре откинула капюшон, обнажив лоб. На белой гладкой коже он увидел сияющий металлический диск — потом отвернулся, снова взглянул и увидел то, чему отказывался поверить его разум.

Он увидел лицо сестры Дельта Четыре.

От дверей послышался хриплый шепот:

— Пошли!

Охранники двинулись вперед, толчком заставив Ганна повернуться лицом к сержанту в радарном шлеме. С разгневанным лицом он яростно махал им рукой, подавая знак, что Планирующий ждет их.

Но Бойс Ганн, словно дикарь, вырвался из рук охранников.

— Нет! — закричал он.— Подождите!

Он отбивался от изумленных охранников, пытавшихся оттащить его в сторону от девушки, которая с безмятежным лицом поднимала ко лбу соединительный разъем Машины.

Ганн едва чувствовал удары охранников. Он вырвался из объятий одного, тяжело столкнулся со вторым, они оба упали на пол, на толстый золотой ковер. Первый охранник прыжком подскочил к ним. Но когда они падали, Ганн снова увидел лицо девушки.

Он не ошибся. Сомнений не было. Сестрой Дельта Четыре была Джули Мартин.

Девушка, которую он любил, больше не существовала как полноценный человек. Она стала придатком Машины, полностью завися от нее каждую секунду жизни, словно какая-то далекая подводная автоматическая шахта... Она больше не принадлежала к роду человеческому.

Джули Мартин стала частью Машины.

Если катакомбы Машины были мозговым центром Плана Че-

ловека, то Государственный Зал был его сердцем. Огромный, как ангар космического корабля, изукрашенный, словно могила фараона, он служил кабинетом самого могущественного властелина в человеческой истории, и стоил того. Стены были выложены золотыми панелями. Тиманы в виде полумесяца были украшены фресками, изображающими пейзажи девяти планет и тысячи более мелких миров, где правил План Человека.

В Зале ждали приказаний Планирующего его приближенные: лечащий врач, три связных служителя в черных балахонах, со связь-кубами и тональными бусами, дюжина охранников. Здесь же находился вице-планирующий Венеры, подвижный маленький инженер, нос и уши которого казались непропорционально большими. По всей видимости, они достались ему от какого-то донора-великана. Тут же находился и генерал Вилер, немедленно взявший Ганна на прицел своих стальных глаз. Все молчали.

Подавляя всех присутствующих в огромном зале, вознесясь на громадном золотом кресле, сидел сам Планирующий. Погруженный в раздумья, он рассматривал какие-то металлические и хрустальные фигурки, стоявшие перед ним на кварцевом столе.

Ганн оказался в полном одиночестве посреди вымощенного золочеными плитками пола. Охранники замерли позади. Ганн ждал, когда Планирующий заметит его. Но глаза Планирующего были прикованы к игрушкам. Он вздыхал и время от времени протягивал руку, переставляя фигурки. Он был полностью поглощен этим занятием, словно пятилетний мальчик, играющий с солдатиками. Он выстраивал их в колонны и отправлял маршировать по сверкающей глади кварцевого стекла. Фигурки представляли собой драконов — чудовищ из старинных сказок, а также таких существ, каких не могло быть ни в одной сказке. Некоторые сверкали, как зеркало, другие были черными. Многие фигурки были расцвечены в пышные тона. У них не было ни ног, ни крыльев. У них были головы монстров — некоторые с длинными, как кинжалы, клыками, иные вытянутые забавным образом, словно у кротов.

Бойс Ганн никогда не видел Планирующего на таком близком расстоянии. Он был несколько разочарован. Планирующий оказался обыкновенным человеком! Старый, толстый, обрюзгший и, добавил про себя Ганн, немного чудаковатый. И все же это был Планирующий, это был рупор самой Машины. Машина не могла ошибаться в выводах, избранный ею человек не мог быть несовершенным. Конечно, он слышал о некоторых предшественниках этого Планирующего, о Криири, например, который совершил фатальную ошибку, пытаясь позволить Рифам Космоса войти в систему Плана Человека на своих собственных условиях... Ганн быстро погасил эту мысль. В таком месте невозможно думать о предательстве!

Он снова почувствовал пронизывающую боль, охватившую его в приемной Зала, когда он узнал, что его любимая девушка

Джули Мартин превратилась в жрицу Машины, в сестру Дельту Четыре. Как это могло произойти? ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Планирующий поднял большую круглую голову и посмотрел на Бойса Ганна.

— Ты,— проскрежетал он,— знаешь ли ты, что это такое?

Ганн сглотнул.

— Да, сэр,— выговорил он, заикаясь,— то есть, кажется, я знаю. Некоторые из них похожи на пироподов. Это существа, которые нападают на все живое в Рифах, сэр...

Но Планирующий уже кивал своей большой, с обрюзгшими щеками головой.

— Да, пироподы! — почти прокричал он. Внезапно он одним движением смахнул тонко вырезанные фигурки со стола на пол.— Если бы у меня была тысяча пироподов! Миллион! Если бы я мог послать их в Рифы! Чтобы они уничтожили там все живое! Какое безумие — эти рифокрысы осмеливаются толковать мне о свободе!

Он замолчал и свирепо уставился на Ганна, который стоял, замерев, потеряв дар речи.

— Мне нужна правда,— сказал Планирующий.— Что управляет Рифами, Ганн, ты должен рассказать мне, ты побывал там. Мало им романтических бредней! — заревел он снова.— Будто бы человека можно улучшить, будто в тупых органических существах зреет дух добродетели, который может прорасти и развиться! Какое безумие! И теперь они угрожают мне в моем собственном Зале... гасят мое Солнце... похваляются еще более ужасными возможностями!

Он оперся пухлыми руками о золотые подлокотники кресла, наполовину привстал, подался вперед, к стоящему Ганну, и завопил:

— Кто такой Дитя Звезд, Ганн?! Это ты?!!

Словно пронзенный ударом тока, Ганн задушенно пробормотал:

— Нет, сэр! Это не я!!! Я его никогда не видел! Я о нем ничего не знаю... кроме того, что слышал здесь, когда меня допрашивали люди генерала Вилера. И какие-то слухи. Но я не Дитя Звезд!!!

— Слухи? Какие слухи, Ганн? Я должен знать!

Ганн беспомощно оглянулся вокруг. Все присутствующие в зале бесстрастно наблюдали за ним хладнокровными глазами. Он был предоставлен самому себе, помощи ждать было неоткуда.

— Сэр,— сказал он в отчаянии,— я рассказывал все, что знаю, тысячу раз. Я расскажу все еще раз. Все, что мне известно. Но дело в том, что мне почти ничего не известно о Дитя Звезд!

— В этом дело,— во все горло проорал Планирующий,— или не в этом — решаю я! Продолжай! Говори!

Ганн послушно начал всю историю с самого начала.

— Сэр, я был направлен на расследование некоторых беспорядков на станции Поларис.

Когда он заново пересказывал так хорошо знакомую ему историю, в зале царила мертвая тишина. Планирующий бесстрастно слушал, облокотившись на один подлокотник своего громадного золотого кресла, остальные следовали его примеру. Голос Ганна разносился по пространству зала, словно крик, брошенный в колодец. Ему отвечало одно эхо; лишь движение зрачка, легкая перемена положения тела указывали на то, что слушатели его понимают. Он закончил на своем аресте в катакомбах Машины и стоял теперь неподвижно, молча.

Планирующий проговорил задумчиво:

— Ты упоминай о знаке, знаке Лебедя.

— Да, сэр,— Бойс Ганн, насколько это было в его силах, продемонстрировал плавный жест, движение руки у предплечья, которые он наблюдал у Гарри Хиксона и умирающего полковника Зафара.— Мне кажется, он имеет отношение к созвездию Лебедя, где главной звездой является Денеб, нечто вроде предмета поклонения так называемой Церкви Звезды...

Планирующий повернул свою массивную голову в сторону трех служителей-связных, облаченных в черные балахоны.

— Денеб! — рявкнул он.— Показать!

Один из служителей что-то сказал мелодичным голосом в свой связь-куб. Свет в зале мгновенно померк, и на сводчатом потолке ожила звездная панорама. Планирующий вытянул шею, вскинул голову, вглядываясь в потолок. Глаза присутствующих последовали за его взглядом. Ощущение было такое, словно тысячи ярдов камня и земли над их головами вдруг были сдвинуты в сторону. Перед ними открылась космическая бездна, видимая словно в безлунную ясную ночь поздней осенью, решил Ганн, оценив положение созвездий. Время — около полуночи. Над головой сияли крупные звезды Летнего Треугольника — Альтаир на юге, Денеб и Вега на севере. Млечный путь опоясывал свод потолка могучей лентой звездной пыли. Низко над западным горизонтом пылал красный Антарес, на востоке сиял Фомальгаут...

Внезапно поле зрения начало сокращаться. Они словно помчались вперед, прямо к созвездию Лебедя. Исчезли из виду Фомальгаут и Антарес, созвездие Орла с Альтаиром, Полярная звезда и Цефей под ней. Остался один Лебедь, созвездие Лебедя. Оно повисло над их головами, как сверкающий гобелен.

Послышался приятный мелодичный голос:

— Созвездие Лебедя. Звезды. Альфа Лебедя, другое название — Денеб, бело-голубая звезда первой величины; Бета Лебедя, другое название — Альбирео, двойная звезда, компоненты: ярко-голубая и оранжевая звезды; Гамма Лебедя...

Планирующий проскрежетал:

— Мне нужен только Денеб, идиот!

Мелодичный голос продолжал без запинки:

— Денеб. Дистанция — четыреста световых лет. Температура поверхности одиннадцать тысяч градусов. Сверхгигант. Данные спектрографии: водород, кальций...

— Планеты! — завопил Планирующий раздраженно.

— Существование планет — не обнаружены,— пропел невидимый голос. Ганн вытянул шею — голос принадлежал одному из служителей в балахонах, но их лица были спрятаны под капюшонами, и он не мог сказать, кому именно.

Планирующий долго молчал, глядя вверх. Наконец он сказал:

— Имеет ли Машина сведения о физической связи между Денебом и Дитя Звезд?

— Нет сведений, сэр,— пропел немедленно невидимый голос.— Возможные исключения: данные о связи Церкви Звезды и Денеба. Возможная связь между Денебом и 61 Лебедя в этом же созвездии. Это одна из звезд, погасить которую угрожал Дитя Звезд, что имело место. Все вышеназванные факты не приняты Машиной как важные.

— Очень хорошо. Отбой,— проворчал Планирующий.

Изображение на потолке погасло, вспыхнул свет. Планирующий несколько секунд сидел в тяжком раздумье, с отсутствующим выражением в глазах. Он рассеянно обвел взглядом комнату, глядя поверх Бойса Ганна, поверх разбросанных фигурок, поверх охранников и генерала Вилера. Взгляд его остановился на черных балахонах служителей. Потом он вздохнул и пальцем поманил одного из связников. Он всего лишь согнул и разогнул палец, но фигура в черном тут же подошла к нему. В руке служитель что-то держал. Это был золотистый кабель, выходивший из связь-куба. На конце кабеля виднелся золотой штепсель с восемью электродами. Глаза Ганна расширились. Если он не сошел с ума — а он оставался в здравом рассудке — то... Служитель уже стоял рядом с Планирующим. Он коснулся его лба, отодвинул в сторону редкие волосы, закрывающие блестящую пластинку, вращенную в лоб. Планирующий собирался вступить в сообщность с Машиной.

Зрелище было захватывающим и... жутким.

Не обращая внимания на глаза, устремленные к нему, Планирующий расслабленно ждал, пока служитель ловко вставлял электроды штепселя в приемные отверстия пластинки. И мгновенно выражение лица Планирующего изменилось. Он закрыл глаза. Раздраженное, сердитое выражение словно растворилось. Челюсти его сжались, обнажились зубы; это напоминало мгновенный приступ боли в агонии... или экстазе. Немного спустя волна прошла и лицо Планирующего снова расслабилось. Дыхание его участилось. Пока тончайшие электроды раздражали центры удовольствия в его мозгу, он начал выказывать какие-то чувства. Сначала он улыбнулся, потом нахмурился, потом снова улыбнулся. Губы зашевелились. Он что-то неразборчиво и хрипло зашептал...

сначала медленно... потом все быстрее и быстрее. Его пухлое тело затряслось, пальцы заметались. Облаченный в черное служитель спокойно коснулся его рукой, что-то прошептал на ухо. Планирующий утихомирился. Тело его расслабилось. Он больше не шептал. Служитель подождал секунду, потом кивнул и вытащил штепсель, неслышно отойдя в сторону. Планирующий открыл глаза и посмотрел по сторонам. Перемена, которая произошла с Планирующим, показалась Ганну еще более странной, чем все чудеса, виденные в Рифах. Мрачный, сердитый, раздраженный человек вступил в сообщение с электронными удовольствиями Машины. В мир вернулся уже совсем другой Планирующий — веселый, жизнерадостный, энергичный. Зал наполнился его громким хохотом.

— Ага! — завопил он. — Ого! Вот это да! Хорошо!

Он уселся поудобнее в кресло и застучал кулаком по кварцу стола.

— Мы их уничтожим! — кричал он. — Рифокрыс и Дитя Звезд, — всех, кто осмелится совать палки в колеса Плана! Мы их раздавим вместе с их фантазиями! И ты нам поможешь в этом, Бойс Ганн, потому что станешь в этом деле избранным инструментом Плана.

На какой-то безумный момент Ганна охватило желание повернуться и побежать... или прыгнуть на Планирующего, пусть сработает заряд в кольце на шее, и все его проблемы будут решены раз и навсегда. В веселом тоне Планирующего ему чудилось что-то дикое и страшное. Если Машина способна произвести такую перемену в самом любимом слуге, то... Ганн почувствовал страх. Он боялся Машины! И сама эта мысль была страшна, потому что для него Машина всегда была великим добрым повелителем, чьи суждения безошибочны, который всегда вознаграждает за верную службу, наказывает за плохую. Но именно такая награда показалась Ганну ужасным наказанием...

Но он сказал только:

— Да, сэр. Я служу Плану, сэр!

— Служи ему как следует, сынок! — с радостным выражением прокричал Планирующий. — Служи ему всем сердцем и умом — или ты послужишь ему глазами, руками, печенкой и прочим — в орган-банке! Мы все служим Плану, сынок! Так или иначе! — И он разрешил Ганну идти, весело махнув рукой и повернувшись к генералу Вилеру. Когда охранники сомкнулись вокруг Ганна, он успел бросить взгляд на генерала Вилера. Серо-стальные глаза казались холодными и пустыми, но Ганн прекрасно понимал, что они говорили.

— Не подведи меня, Ганн, — говорили они.

Было когда-то время, подумал Бойс Ганн, когда жизнь казалась простой, а обязанности — ясными. В те полузабытые, похороненные времена — неужели это было всего несколько месяцев

назад? — он встретил и полюбил девушку по имени Джули Мартин. Он помнил ту ночь, когда они встретились, помнил проведенные вместе долгие часы, бесконечные обещания, сияющую надежду на счастье впереди. Он помнил уходящий вдаль песчаный пляж в курортном городе Плайя Бланка и ее прощальный поцелуй. Очаровательная, любящая — она была всем, чего мог желать человек. Воспоминания о ней Бойс Ганн пронес через всю свою одиссею в двадцать миллиардов миль от Солнца в оба конца. Но никогда он не был так далеко от нее, как в этой комнате. Он мог бы, если бы осмелился, коснуться губ, которые целовал на берегу Плайя Бланка — но скрытое под капюшоном лицо больше не принадлежало девушке по имени Джули Мартин. В нем обитала сестра Дельта Четыре.

— Джули! Джули Мартин... — невольно сорвался шепот с губ Ганна.

Она стояла неподвижно, глядя на него серьезными темными глазами. Он искал в них хоть какой-то намек на то, что она узнала его, искал отзвук тепла любви, наполнявшей их в Плайя Бланке, но ничего не мог найти. Она качнула головой в капюшоне.

— Меня зовут Дельта Четыре,— сказала она мелодичным, как звон колокольчиков, голосом.— Я буду вести ваш допрос для Машины.— Она продолжала стоять неподвижно, ожидая его ответа, бледное лицо наполовину прикрывал капюшон. Светящаяся эмблема на ее балахоне, казалось, подсмеивалась над Ганном. Это был знак «Не приближаться» — и он не осмелился бы нарушить его.

Но он не выдержал и спросил:

— Джули, разве ты совсем не помнишь меня? Что с тобой случилось?

Она провела пальцем по длинной нити электронных бус, каждая бусина отвечала звенящим тоном на прикосновение ее пальца.

— Майор Ганн,— пропела она в тон электронному звуку бусины,— насколько вам известно, я служительница Машины. Не напоминайте мне о прошлой жизни.

— Но, пожалуйста, Джули, скажи мне хотя бы, зачем ты это сделала? Почему ты не...

Девушка медленно кивнула.

— Хорошо, у нас еще есть время,— пропела она.— Спрашивайте.

— Почему ты... Я хочу сказать, почему Джули Мартин не подождала моего возвращения? Я послал с Плутона письмо...

— Ваше послание было доставлено,— пропела она.— Но Джули Мартин уже была принята на обучение в служители Машины. Она уничтожила ваше послание. Она не желает вспоминать об этом.

— Но я тебя люблю! — взорвался Ганн.— Как ты могла бросить меня?

Безмятежное лицо смотрело на него без всякого любопытства.

— Джули Мартин любила вас,— поправила она мелодичным голосом.— Меня же зовут Дельта Четыре. Пожалуйста, садитесь, майор Ганн. Я должна начать допрос для Машины.

Ганн заставил себя опуститься на стул. Девушка пододвинула поближе второй стул и присела с тщательной плавностью движений.

Из складок пелерины она извлекла маленький, покрытый черным пластиком связь-куб.

— Майор Ганн,— сказала она,— я должна спросить вас — являетесь ли вы тем же лицом, что и Дитя Звезд? — Ее голос был чистой мелодией, холодный, ровный, такой же далекий, как ее бледное овальное лицо.

— План его побери, нет! — вырвалось у Ганна.— Я этим вопросом сыт по горло! Я уже сто раз повторял...

Но девушка покачала головой.

— Подождите одну минуту, пожалуйста.

Он хмуро следил за ней, боль от ушибов усиливалась глубоким страданием его сердца. Девушка склонила голову в капюшоне, снова коснулась длинной нитки блестящих черных бусин. Всякий раз, когда раздавался звук электронного колокольчика, ее голос повторял ноту, упражняясь в сложной гамме тоновых фонов, составляющих искусственный язык механо. Механо был труднопреодолимым мостом между Машиной и сознанием человека. Раньше компьютеры преодолевали этот мост с помощью перевода, трансформируя язык людей в фортран или любой другой машинный язык, фортран — в двоичные числа, двоичные числа — в указания и сведения для операций. Изобретенный же Машиной язык сам по себе был уже своего рода набором двоичных чисел, определявших процесс в структуре Машины: открытие или закрытие контура, разрядка или зарядка емкости, то или иное состояние ферромагнитного слоя ленты. Люди не могут научиться говорить на языке двоичных чисел, в то же время Машина, управляя Планом Человека, не могла тратить время на перевод. Вместо этого она создала язык, который человек все же мог выучить — с большим трудом, при условии сосредоточения, которое достигалось удалением от всех остальных аспектов жизни, но все же выучить и говорить достаточно хорошо. Механо был мостом, но преодолеть его было нелегко. Машина, для которой счет времени шел на миллиардные доли секунды, не могла снижать темп до скорости медлительной речи человека. Высчитав, что пропускная способность человеческого уха и звукопроизносящего аппарата составляет около 50 000 двоичных единиц в секунду, она разработала язык, позволявший приблизиться к теоретическому максимуму. Обыкновенная человеческая речь передавала всего пятьдесят тысяч единиц информации в секунду, язык механо был в тысячу раз эффективней. И, как было известно Ганну, его было в тысячу раз труднее изучить. С горечью понял он, что именно голос, который когда-то обратил его внимание на Джули, музыкальный тихий го-

лос стал виновником потери. Машина постоянно вела поиск людей, которые способны были изучить механо, и если находила, то они становились ее служителями навсегда. Только одаренные особым талантом люди могли изучить механо в совершенстве, хотя практически любой человек, затратив соответствующее время и усилия, мог изучить основы, чтобы кое-как говорить и понимать. Настоящий же связник должен был обладать не только широким вокальным диапазоном, но и абсолютным музыкальным слухом. Ему помогали тональные четки. Перед разговором с Машиной служитель мог использовать их в качестве эталона настройки, камертона. Но даже тональные бусины были не в силах превратить обыкновенного человека в служителя, бегло говорящего на механо.

Глядя, как повторяет Дельта Четыре вызваниваемые бусинами ноты, Ганн представил, сколько недель утомительных тренировок лежит у нее позади. Он знал, что обучение требует полной концентрации, полной самоотдачи. И конечной наградой была блестящая металлическая пластина на лбу.

Дельта Четыре пропела серию серебристых нот, похожих на чириканье птицы. Связь-куб ответил электронной серией похожих звуков. Сосредоточенные, бесстрастные глаза остановились, наконец, на Ганне.

— Теперь мы готовы,— сказала она.— Майор Ганн, Дитя Звезд — это вы?

Сотня допросов — и теперь еще сто первый. Ганн мог отвечать на вопросы девушки совершенно автоматически. Долгое повторение научило его губы и язык двигаться почти что самостоятельно. Нет, я не Дитя Звезд. Я его никогда не видел. Я ничего не знаю о Требовании Освобождения. Я никогда не участвовал в анти-Плановых движениях.

И все это время его сердце кричало: Джули! Вернись!

Каждый раз, когда он отвечал на вопрос, сестра Дельта Четыре пропевала ответ в связь-куб. Странные ноты совсем не напоминали его слов, но Ганн знал, что каждая сложная фонема была одновременно и полнозначной морфемой, каждый слог — синтагмой. И всякий раз, задав вопрос, она с абсолютным спокойствием делала паузу, ожидая его ответа. Ее правильное лицо выглядело таким же нечеловеческим, каким казался голос.

— Для исполнения этого опасного задания я отправился на станцию Космического Занавеса... — говорил Ганн, и дальше шла его длинная, столько раз повторенная история.

У него возникло чувство, будто яркие золотые стены душат, сжимают его со всех сторон. Сколько над нами тысяч футов скалы, подумал он. Сияет ли там, наверху, Солнце, которое грозили погасить, заливая своими лучами леса и раннюю зелень на лугах? Или над ними расположились арктические льды? Или мили темной глубины вод мирового океана? Он ничего не знал. И внезапно ему вдруг отчаянно захотелось снова оказаться в Рифах, на Сво-

бодном Небе, с Карлой Сноу. Эти странные космические образования вдруг показались ему куда ближе Плана Человека. Он ощущал ностальгию по бесконечным пространствам... по фантастической идее свободы...

Сердитое ворчание, послышавшееся из связь-куба, вернуло Ганна к реальности.

— Продолжаем,— проворковала Дельта Четыре.— На вас напали пироподы?

Ее голос напоминал звон хрустального колокольчика, холодный и пустой, как черное пространство между Рифами. В нем не было и искры чувства, так же, как и на абсолютно бесстрастном лице служительницы.

Он устало кивнул, потом вспомнил.

— Да, но перед этим — я забыл упомянуть раньше — перед этим Хиксон снял с меня воротник.

Блестящие черные глаза сестры Дельта Четыре не расширились от ужаса. Она спокойно пропела ответ в связь-куб, продолжая внимательно смотреть на Ганна, хотя во взгляде ее появилась некоторая отрешенность, словно внутренне девушка уже была поглощена тайным экстазом предстоящей сообщности.

Черная коробка заворчала.

— Машина требует пояснений,— пропела сестра Дельта Четыре.— Мы должны отыскать этого Гарри Хиксона. Его свойство должно быть изучено Планом. Потом каждый орган его тела должен быть тщательно уничтожен.

Ганн невесело усмехнулся, глядя на губы, которые целовал когда-то, так давно.

— Извините, не могу вам помочь. Он умер.

— Машина не принимает ответа,— пропела она.— Разве вы не сказали, что не-Плановый отшельник снял ваш воротник? Разве вы не спросили, как он это сделал?

— Нет,— признался Ганн. Он искал, надеялся увидеть живую искру в ее глазах. Они были пусты. Черная коробка зловеще зажужжала.— Думаю, он был обращен в Церковь Звезды,— поспешно добавил Ганн.— Я думаю, то есть так следует понимать, что его сила проистекала с Денеба.

Сердитый трезвон из связь-куба.

— Это самоочевидная ложь,— пропел холодный голос сестры Дельта Четыре.— Звезда не может оказывать такого влияния. Во Вселенной нет разума более могучего, чем разум Машины.

Она сделала паузу, черная коробка опять заворчала.

— Если виной всему Гарри Хиксон, то правда будет установлена после того, как его поймают,— перевела она.— Если неправду сказали вы, майор Ганн, то вам грозит орган-банк.

— Но я говорю правду!— закричал он.— Я совершенно лоялен по отношению к Плану Человека!!!

Куб что-то запел, девушка повторила:

— Машина отказывается принимать чисто словесные заявле-

ния. Минуту. Машина получает дополнительные данные по другому входу.

Загадочным образом лицо девушки начало удаляться. Ганн моргнул. Казалось, она движется, становится меньше, словно падает куда-то прочь от Ганна, в глубокий темный колодец, в космическую пустоту. Вот до нее уже тысяча ярдов... Потом все вернулось на места. Ганн испытал мгновенное головокружение, словно звуконепроницаемая комнатка в недрах штаб-квартиры Планирующего вдруг принялась танцевать медленный вальс. Потом головокружение прошло.

Связь-куб зловеще задребезжал, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина прекращает беседу.— Резкий шум из куба.— Она напоминает вам, что не-Плановые идеи, так же, как и не-Плановые слова и действия должны сурово исправляться. Но пока она откладывает окончательное решение вашей участи.

Ее белое правильное лицо оживила едва заметная улыбка. Видимо, она предвкушала наслаждение, которое скоро должно было наступить, когда электроды возбудят центры ее мозга, свершив благословенную сообщность. Но связь-куб еще не отпустил ее — он снова зажужжал.

— Машина считает ваш рассказ неполным,— мелодичным речитативом сообщила она, глядя на Ганна беспечными черными глазами.— Вы не указали на личность Дитя Звезд. Вы не открыли фактов о судьбе корабля «Сообщность». Вы ничего не рассказали о так называемом Требовании Освобождения. Вы не объяснили, как попали в помещение Машины.

Ганн покачал головой.

— Я не знаю, что вам рассказать,— сказал он. Куб снова неумолимо зажужжал.

— Ваше утверждение неубедительно,— снова пропела сестра Дельта Четыре.— Но беседа будет продолжена...

Комната снова пришла в нереальное движение. Ганн ухватился за стул. Но на этот раз даже девушка почувствовала неудобство. Ее правильные губы полуоткрылись, в глазах замерцала искра удивления.

Связь-куб быстро зачирикал. В этот же момент где-то завыли сирены.

— В нескольких точках,— начала, запинаясь, переводить девушка,— были зарегистрированы толчки...

В это мгновение связь-куб издал отчаянный дребезг. Сестра Дельта Четыре громко вздохнула. Она инстинктивно ухватилась за руку Бойса Ганна.

— Пироподы! — закричала она.— Они... они... Вы должны помочь! Зал Планирующего атакован пироподами! Их десятки! Они уже внутри!

Отдельная комната, в которой Дельта Четыре допрашивала

Ганна, была лишь частицей огромной сети коридоров и помещений, составляющих жилую и административную части штабквартиры Планирующего. Дверь была заперта, но мгновенно открылась, прореагировав на папиллярный узор пальцев девушки, коснувшихся ручки. Дверь широко распахнулась, и Ганн вместе с девушкой бросились бежать по длинному залу с золотыми стенами. Зал этот, широкий, как шоссе, высокий, как двухэтажное здание, пронизывал насквозь штаб-квартиру Планирующего, комнаты которой выходили в зал то там, то здесь. Это было место проведения всех церемоний. Вдоль стен выстроились золотые и хрустальные статуи, стены были увешаны золотой парчой, украшены фресками и экранами.

Сейчас зал был полон отвратительным душащим дымом ракетного выхлопа. В уши ударил раздирающий визг громадного тела, таранящего воздух. Гневный крик... еще крики. Похоже, люди были застигнуты врасплох... Тонкий, режущий уши свист лазерных пистолетов. Среди всего этого шума и неразберихи Ганс сразу увидел опасность и за руку оттащил девушку под прикрытие дверного проема. Прямо на них по залу мчался пиропод. Его рев в замкнутом пространстве зала почти оглушал. Своим видом чудовище наводило на мысли об ангелах Судного Дня, сошедших на Землю, чтобы разрушать. Это был оживший ночной кошмар. Напоминая несколько видом скорпиона, по величине он не уступал громадному быку. Глаза его были огромными зеркалами со стебельками-рецепторами посредине — это были природные радиотелескопы. Они испускали красный свет. Могучие челюсти пиропода способны были разгрызть стальную балку. Его когти умели разрывать стальные плиты. Все его тело защищала блестящая чешуя, длинный саблеобразный хвост загибался к спине. И это чудовище неслось прямо на них, с визгом раздирая воздух! Девушка в ужасе закричала. Ганн, успокаивая ее, прижал ее голову к груди, хотя крик ужаса полностью утонул в грохоте пролетающего пиропода, от которого вполне могли лопнуть барабанные перепонки. Да, это был не детеныш, с которым Ганн играл на рифе Гарри Хиксона. Это был взрослый пиропод, способный на равных вести бой с крейсером Плана. Он пронесся мимо Ганна и девушки, врезавшись в группу охранников, столпившихся в сотне ярдов дальше. Они встретили его градом выстрелов из пулевых и лазерных пистолетов. Пиропод врезался в группу людей, промчался дальше... и в живых не осталось никого. Только куча мертвых тел указывала на место, где они только что стояли.

— Великая Машина! — выдохнула в ужасе сестра Дельта Четыре. От ее непоколебимой безмятежности не осталось и следа, капюшон слетел с головы, над искаженным страхом лицом ярко сверкала металлическая пластинка.— Что это было?

— Вы сами мне сказали,— проворчал Ганн.— Пиропод! Если он вернется, мы пропали!

Она всхлипнула и потащила его за руку.

— Сюда... мы спрячемся.

— Нет! Их много. Один из них может случайно наткнуться на нас. Если бы у меня был пистолет...

Она посмотрела вдоль длинного сияющего зала. Пламени выхлопа пиропода нигде не было видно. Возможно, монстр выскочил в другое помещение или в коридор. Охранники лежали мертвой грудой там, где их застала смерть.

Он быстро принял решение.

— Джули... то есть... неважно. Слушайте! Пиропода можно убить, если знать, куда стрелять. Я попробую достать пистолет. Вы оставайтесь здесь!

Через секунду он уже бежал изо всех сил к растерзанным телам мертвых охранников. Он подавил соблазн пробраться вдоль стен — это бы ему не помогло. Если чудовище вернется, он все равно погибнет. Оставалось полагаться только на скорость. Он преодолел сотню ярдов с быстротой олимпийского чемпиона. И едва не опоздал. Тяжело дыша, с легкими, горящими, как в огне, он услышал вдруг нарастающий рев и поднял голову. За звуковой волной почти с такой же скоростью мчался сам пироход. Ганн бросился на пол. Чудовище промахнулось всего на несколько дюймов, он успел увидеть мелькнувшие металлические челюсти и клыки-кристаллы, протянувшиеся к нему огромные когти, потом чудовище унеслось. Ганн вскочил и снова побежал. Он слышал, как монстр крушит статую, пытаясь как можно быстрее затормозиться, но не обернулся. Он прыжком подскочил к мертвому охраннику, схватил пистолет, проверил заряд и мгновенно обернулся. Пироход тоже успел изменить курс. Он поймал Ганна в прицел пульсирующих красных глаз-локаторов и с воплем помчался на Ганна, как живая космическая торпеда. Ганн выстрелил в один из горящих глаз и вновь бросился на пол. Пироход издал вопль агонии. Он слепо врезался в стену, раздробил хвостом статую, оставив светлую царапину на металле стены. Огонь его выхлопа ярко вспыхнул и исчез. Ганн выстрелил еще раз и закрыл голову руками. Послышался сильный далекий взрыв. Он чувствовал сотрясение ударной волны. От сотрясения подпрыгнуло несколько мертвых тел неподалеку, разметав безжизненные руки, замотав слепыми головами. Пироход исчез. Но сестра Дельта Четыре сказала, что их были «десятки»... Ганн быстро занялся поисками оружия среди жертв пиропода. Он сунул в карман легкий пулевой пистолет, потом вооружился тремя пистолетами с самыми полными лучевыми зарядами, какие удалось найти. Потом он повернулся, чтобы отправиться за сестрой Дельта Четыре. Она стояла за его спиной. Она видела, что он делает, и делала то же самое. Она держала по пистолету в каждой руке, а в кармане ее балахона блестел по крайней мере еще один. Ганн поколебался, потом усмехнулся.

— Пошли! — воскликнул он. — Посмотрим, что можно сделать. Стреляй прямо в глаза, запомни!

Он хлопнул ее по плечу, повернулся и побежал в направлении Зала Планирующего. Указателем ему служил адский вой и рев, других ориентиров не требовалось.

Прежде чем они добрались до Зала, Ганн убил еще двух пироподов, правда, не таких больших, как едва не покончившее с ними чудовище, а сестра Дельта Четыре испугала дальним выстрелом еще одного — нельзя было сказать точно, попала она в цель или нет.

Великий Зал Планирующего превратился в осиное гнездо. Он был заполнен громадными чудовищами, метавшимися сквозь сернистый дым, наполнявший воздух, отрывая огромные куски от обшивки стен, поглощая все, что могло дать им реактивную массу, в том числе и золотое кресло Планирующего. Судя по всему, они легко расправились с защитниками Зала и теперь вели борьбу между собой за остатки добычи.

Потом Ганн заметил тонкий рубиновый луч пистолета. Один из пироподов завыл от боли, словно взбесившаяся сирена оповещения. Рана не была смертельной, но существо столкнулось с другим чудовищем, и оба принялись кромсать друг друга.

Значит, в Зале еще был кто-то живой!

Убедившись, что девушка стоит позади, Ганн осторожно сделал шаг вперед и осмотрелся. Выстрелили, кажется, откуда-то из-за декоративной ниши, в которой стояла статуя. Ганн набрал полную грудь воздуха, крикнул, потом нырнул в дверь. Бесполезно — его крик утонул в реве и визге, наполнявшем Зал.

Он схватил сестру Дельта Четыре за плечо, подтащил ближе и прокричал ей прямо в ухо:

— Я хочу попробовать покончить с ними по одному! Они как раз сейчас не обращают на нас внимания! Но если кто-то полетит в нашем направлении, стреляй прямо в глаза!

Она кивнула, лицо ее опять было спокойным и отрешенным, большие военные лазеры казались неуместными в ее миниатюрных руках. Ганн в последний раз пристально посмотрел на служительницу, не в силах забыть блестящую пластинку на лбу, которая теперь снова была скрыта капюшоном, потом повернулся лицом к Великому Залу. Ему потребовалось двадцать минут. Он пересчитал захвативших Зал чудищ — их оказалось пятнадцать. Он успел уничтожить семерых, одного за другим, без всякого беспокойства. Предупрежденный прикосновением сестры Дельта Четыре, он повернулся в другую сторону, чтобы расправиться с заблудившимся пироподом, мчавшимся на них из коридора. Потом он прикончил еще троих и вдруг заметил, что в дальнем конце зала еще один пироподзавопил и взорвался. Он в него не стрелял. Неизвестный, укрывшийся в нише под тимпаном, явно видел, что делает Ганн, и копировал его тактику. Теперь огонь вели два пистолета — нет, три, считая сестру Дельта Четыре, которая встала рядом с Ганном и помогала ему обезвредить последних уцелевших пироподов, в замешательстве метавшихся по Залу, стены ко-

торого сотряслись от их рева, а воздух стал почти непригодным для дыхания из-за едкого дыма ракетных выхлопов. Наконец со всеми было кончено. Ганн осторожно вошел в Зал, держа пистолет наготове, бросая во все стороны внимательные взгляды — не шевельнется ли недобитое чудовище. Издалека все еще доносился рев и визг. Очевидно, где-то в подземном дворце Планирующего еще буйствовали пироподы. Но основная их масса должна была лежать мертвой в этом зале. Ганн поспешил в сторону ниши, где скрывался неизвестный союзник. Из-за статуи в нише вышел на плохо гнущихся ногах генерал Вилер и направился к Ганну. На лице его играла жесткая улыбка победителя. Он сунул в кобуру пистолет и движением, напоминающим рывок поршня, вытянул руку, чтобы пожать протянутую ладонь Ганна.

— Неплохо сработано, майор,— проскрежетал он.

— Благодарю, сэр. У меня была поддержка. Познакомьтесь...

Выражение лица генерала не изменилось.

— С сестрой Дельта Четыре я знаком,— прогудел он.— Можете передать Машине мое одобрение, сестра. Пожалуйста, соединитесь с Машиной и справьтесь, каково ее состояние. Я опасаюсь, что эта атака была направлена против нее!

Он стальными пальцами сжал руку Ганна и отвел его в сторону.

— Уродины,— проскрипел он, пиная останки громадного монстра.— Гротескные существа, так сказать. Планирующий всегда ими очень увлекался. Какое забавное совпадение — они возникли из пустоты прямо здесь, в его жилище.— Он бросил через плечо быстрый взгляд на сестру Дельта Четыре, которая, не теряя времени, повторяла ноты за сигналами тональных бус, настраивая свой связь-куб.— Послушайте, Ганн. Взгляните вот на это.

На полу ниши, в которой прятался генерал Вилер, лежал квадрат толстой, кремового цвета бумаги.

— Что это, сэр?

— Поднимите, взгляните сами.

В Зал из коридоров теперь доносились голоса — могучие силы Плана Человека концентрировались, восстанавливая порядок.

Бойс Ганн колебался. Что-то здесь было не так.

— А Планирующий?— спросил он.— Неужели он...— Ганн обвел взглядом Зал, разбросанные тела мертвых пироподов и погибших охранников, оказавшихся здесь в ловушке.

— Нет, майор! Его здесь не было. Читайте документ!

Ганн, которого не покидало ощущение подвоха, нагнулся и подобрал бумагу. Он взглянул на текст. Все сомнения разом оставили его. Он когда-то видел точно такую же... в руках умирающего полковника Зафара, в двадцати миллиардах километров отсюда. Этот документ назывался Требованием Освобождения. И этот, который он держал в руках, был таким же потрясающим по содержанию, таким же опасным для Плана Человека. Бойс Ганн начал быстро читать, потом поднял удивленные глаза на генерала,

стоявшего с каменным лицом, потом снова стал читать. Документ был озаглавлен «Планирующему», и в нем говорилось:

«Планирующему или его преемнику, если первого уже нет на свете. Вы и те, кто вам служит, игнорировали мое предупреждение, не обратив внимания на демонстрацию моих возможностей. Теперь я вам посылаю пару милых зверушек, чтобы вы убедились — я умею не только угрожать. Они нанесут вам немалый ущерб, но гораздо больший они причинят в будущем. Потому что, если я пошлю их еще раз, то уже не в штабквартиру Планирующего — если от нее что-то останется. В следующий раз они окажутся в коридорах Планирующей Машины».

Ганн поднял глаза на генерала, его губы крепко сжались, глаза сузились.

— Опасность грозит Машине! — сказал он.— Генерал, нужно сейчас же рассказать обо всем сестре Дельта Четыре, чтобы она передала Машине.

— Решение я приму один, майор,— проскрежетал генерал.— Что вы можете сказать в свою защиту?

Пораженный Ганн проговорил:

— Почему... я не понимаю, что это значит, генерал. Я не имею никакого отношения... — Потом он увидел, что генерал уже вытащил из кобуры лазер и направил на него.

— Вы арестованы,— с металлическим звоном отчеканил он.— Не пытайтесь сопротивляться. Не двигайтесь и не разговаривайте.

Ганн открыл рот, потом закрыл. Происходило что-то безумное. Его арестовали! Но за что? Он даже не осмелился спросить, железное выражение лица генерала ясно указывало, что лучше не рисковать и подчиниться приказу. За своей спиной Бойс Ганн услышал шаги приближающихся охранников, а еще дальше — знакомый гулкий рев.

Ганн сразу узнал этот звук. Еще один заблудившийся пироподи. Он забыл о приказе и крикнул:

— Генерал! Еще один!

— Молчи! — резко одернул его генерал.— Я больше повторять не буду! Охрана сама займется твоим чудовищем!

Отчего он так громко говорит, подумал Ганн, несмотря на все свое замешательство. Словно говорит не для Ганна, а для целой толпы свидетелей. Но Ганн не мог с собой справиться. Он понимал, что может натворить даже один пироподи, что даже охрана Планирующего может не справиться с монстром... и еще он понимал, что в Зале телом и душой присутствует девушка, которую он любил, даже если и тело, и душу занимало теперь холодное машиноподобное создание Дельта Четыре. Он стремительно обернулся, выхватил пистолет, и как раз в тот момент пироподи показался в дверях Зала. Ганн выстрелил прямо в красные глаза. Охранники тоже были наготове, предупрежденные ревом и быстрым движением Ганна, и они тоже открыли огонь. Существо оказа-

лось на перекрестке десяти разрядов разрушительной энергии. Там, где оно только что было, вспыхнуло пламя взрыва...

Стоявшая между Ганном и дверью сестра Дельта Четыре вдруг молча подалась вперед. Она упала на пол и осталась лежать неподвижно, хотя связь-куб настойчиво гудел.

— Ее ранили! — крикнул Ганн, бросая пистолет. Он метнулся к девушке, приподнял, заглядывая в ее черные глаза.

На руках его появилась кровь. На боку ее балахона появилось влажное пятно, капли начали падать на пол, потемнела золотистая эмблема. Сердце ее уже не билось.

Ганн поднял голову, устремив невидящие глаза на приближающегося генерала Вилера.

— Она умерла? — спросил он сам себя, не в силах поверить.— Неужели я задел ее? Или...— он замолчал, пытаясь вспомнить. Не ударил ли из Зала еще один тонкий, как спица, луч? Не успел ли генерал Вилер выстрелить через его плечо?

Но времени на размышление не было. Генерал был уже рядом, лицо его обратилось в суровую металлическую маску.

— Заберите оружие у этого человека! — суровым скрежещущим голосом отдал он команду охранникам.— Отведите его к Планирующему! Я обвиняю его в том, что он доставил сюда этот документ! Я обвиняю его в убийстве сестры Дельта Четыре, которая могла его выдать. Это — Дитя Звезд! В этом я его тоже обвиняю!

Прихрамывая, потрепанные участники битвы с пироподами вошли в кабины скоростных лифтов и поднялись на поверхность, обнаружив Планирующего стоящим наподобие веселого Санта-Клауса на кварцевом балконе у самой вершины снежной горы, в которой была спрятана его подземная штаб-квартира.

Это было, что называется, орлиное гнездо.

— Они промахнулись! — весело встретил Планирующий генерала Вилера.— Второго случая не будет! Мы уничтожим всех бунтовщиков, до единого!

— Сэр, вот главный предатель! — проскрипел генерал.— Он виноват во всем! Я обнаружил его с этим документом в руках!

— Планирующий, генерал лжет! — воскликнул Ганн.— Он знает, что я не...

— Молчать! — рявкнул генерал.

Планирующий даже не удостоил Ганна взглядом. Улыбаясь и кивая, он прочитал написанное на квадратном куске кремовой бумаги, потом небрежно уронил его на пол.

— Вы уверены, что это и есть Дитя Звезд, генерал? — спросил он.

— У меня все улики, сэр! — заскрипел генерал.— Первое: он появился в бункерах Машины необъяснимым образом. Второе: одновременно появилось и Требование Освобождения, тоже необъяснимым образом. Третье: он держал в руках этот документ,

когда я арестовал его. Четвертое: он проявил подозрительное знакомство с уязвимыми местами пироподов, когда его собственная жизнь оказалась в опасности. Пятое: он преднамеренно покончил с сестрой Дельта Четыре, которая могла выдать его. Шестое: он намеревался сделать то же самое со мной, когда я отдал охране приказ разоружить его. В заключение приходится придти к выводу, сэр, что оператор-майор Бойс Ганн и есть то самое Дитя Звезд.

— Но, сэр!..— воскликнул Ганн.

Планирующий сделал знак рукой, и один из охранников выкрутил Ганну руку, заставив его замолчать.

— Так-то лучше,— хихикнул Планирующий. Он явно принял солидную дозу сообщности с Машиной. Он так пузырился веселым настроением, словно Машина до сих пор посылала импульсы удовольствия в его мозг.

— Однако,— добродушно обратился Планирующий к генералу Вилеру,— один из охранников сообщил, что сестру Дельта Четыре убили вы, а не Ганн. Вы не могли ошибиться?

— Нет, сэр! Это невозможно, сэр. У меня нет мотива.

Планирующий весело кивнул и поскреб пухлую стариковскую щеку. Поднявшись, он подошел к кварцевой стене своего «орлиного гнезда» и прищурился, глядя на закатное небо. С наветренной стороны от вершины закатное солнце словно подожгло венец из кучевых облаков. Его лучи играли на струях небольшого водопада под кварцевым парапетом, окрашивая в мягкие золотистые тона покрытые вечнозелеными растениями крутые склоны.

— Собственно,— добавил Планирующий через плечо,— сестра Дельта Четыре не умерла.— Он улыбнулся, глядя на расположившийся у подножья горы окутанный коричневым смогом город.— Она сейчас в операционной. Ее сердце вышло из строя, но удалось восстановить кровообращение, прежде чем погиб мозг. Уже ведутся поиски донора, который снабдит ее новыми органами.

— Слава Плану!— в радости воскликнул Бойс Ганн.— Сэр, она подтвердит, что я и понятия не имел о появлении пироподов, пока она сама не сообщила мне о нападении!

— Молчать!— проскрежетал генерал.— Охрана! Вам было приказано следить, чтобы он не болтал! По-моему, для ваших раненых товарищей понадобятся доноры. Тот, кто позволит этому человеку открыть рот, будет первым добровольцем!

— Не спешите, генерал,— усмехнулся Планирующий.— Вы слишком усердствуете.— Его глаза, прикрытые тяжелыми веками, казались такими же темными и старыми, как покрытые мхом каменные стены внизу, под прозрачным парапетом. Планирующий добродушно взирал на погруженный в пелену смога город.— Давайте планировать,— сказал он, поворачиваясь и улыбаясь.— Давайте решим, что делать.

— Нужно удвоить охрану в бункерах Машины, сэр,— быстро заговорил вице-планирующий Вилер.— Ввести предельные ме-

ры безопасности, включая допуск лишь исключительно проверенных...— он замолчал и почесал свой громадный нос, вспомнив, что ни Бойс Ганн, ни пироподы не прошли проверки Службы Безопасности перед тем, как проникли в тщательно охраняемые центры Плана Человека.

Мужчина-связник в черном балахоне, прислушивающийся к тихому жужжанию своего связь-куба, вдруг громко пропел:

— Машина требует участия арестованного. Машина дает указание генералу Вилеру не наносить арестованному вреда, влияющего на состояние его памяти или мышления.

Лицо генерала Вилера напоминало серо-стальную грозовую тучу. Планирующий, хихикая, повернулся к нему.

— Генерал, вы слышали приказ?— сказал он весело.— Извольте выполнять. Молодой человек, вы знаете, что означает этот приказ?

— Нет, сэр. Но я всегда готов служить Плану Человека!

— Да, да, конечно,— кивнул Планирующий.— И, как оказалось, совершенно необычным образом. Майор, выбор пал на вас. Вы замените сестру Дельта Четыре. Машина позволит вам получить необходимую подготовку служителя-связника, а потом— сообщность!

Тяжелого воротника безопасности было недостаточно для такого страшного врага Плана, как Бойс Ганн.

— Вы не просто опасник,— заботливо пояснил Ганну один из охранников.— Понимаете, майор, мы не хотим рисковать. Мы не хотим, чтобы вам оторвало вдруг голову. Мы не хотим вас убивать. Ведь мы должны доставить вас на место в целости, правильно? Поэтому просто стойте спокойно, пока мы наденем наручники... а потом доставим вас на базу подготовки... и потом, когда Машина с вами покончит, мы, наконец, оторвем вам башку!

С этими словами охранник свирепо застегнул тугие манжеты наручников на запястьях Ганна и толчком велел ему двигаться.

Сначала его привели на станцию субпоезда. На его вопросы не отвечали. Все ли в порядке с Джули Мартин? Почему генерал Вилер лгал? Что с ним сделает Машина? На каждый из вопросов охранники отвечали одинаково:

— Заткнись, оп! Шагай!

Но потом шагать было уже некуда. Они пришли на станцию субпоезда. В большом холодном сводчатом зале громадные шары вагонов субпоезда ждали пассажиров, которых они понесут по туннелям, прорытым в земной коре под континентами и океанами. Охранники вывели Ганна на платформу и остановились. Ганн понял, что станция военная — возле выходов туннелей виднелись кабины вооруженной охраны, и на всех присутствующих была черная форма Технокорпуса. Это было вполне объяснимо — станция обслуживала исключительно Планирующего. Но было непонятно, почему поезда стоят неподвижно. За спиной Ганна со

свистом закрылись створки шлюза, выводящего в туннель. Девица-общительница погасила улыбку, заметив его воротник, и прошествовала мимо. Охранники рассеянно повернули ей вслед головы в рогатых радарных шлемах.

— Послушайте,— сказал Бойс Ганн,— что случилось? Почему мы ждем?

— Придержи язык, оп,— проворчал машин-сержант, командовавший конвоем. Но вид у него был обеспокоенный. Один из подчиненных что-то ему сказал, сержант ответил вполголоса. Ганну удалось уловить лишь несколько слов: «Что-то не в порядке с туннелями, на каком-то участке. Помолчи. Когда они будут готовы нас принять, мы узнаем».

Громадные сорокафутовые сферы вагонов безмолвно ждали, покоясь в ложах несущих челноков на путях. Ганн смотрел на них, размышляя. Судя по всему, едут они куда-то в отдаленное место. На короткие расстояния редко ездят субпоездом. Атомные буры Плана проложили прямые туннели между всеми важными центрами, пронизывая иногда сам никелево-железный слой земной коры, например, между Калькуттой и Сиднеем. Огромные грузовые и пассажирские шары-вагоны развивали такую скорость, что их главным противником становилась сила Кориолиса. Электростатические катушки, окольцовывающие стены туннелей, удваивали и утраивали силу по бокам, компенсируя вращение Земли, старавшееся отклонить вагоны с прямого пути. На субпоезде в любую точку земного шара можно было попасть за несколько часов.

В сознание Ганна проник беспорядочный шум, и он сконцентрировал внимание на происходящем в помещении станции. Огромная серая сфера плавно въехала в зал, выползая из открывшейся пасти туннеля, стены которого через равные промежутки перетягивали силовые катушки.

— Что-то они завозились,— проворчал машин-сержант.— Ладно, пошли. Сейчас нас пустят в вагон.

Сержант не ошибся. Через десять минут они уже были внутри шара-вагона, усаживаясь в пассажирском купе. Но прошло еще больше четверти часа, прежде чем Ганн почувствовал плавный толчок, означающий, что поезд начал двигаться. Охранники, оказавшись в вагоне, держались с меньшим напряжением. Теперь Ганн не мог от них сбежать — деваться ему было некуда, они были заключены в сорокафутовую сферу. Снаружи были лишь огромные электростатические обручи-кольца да безвоздушное пространство туннеля, по которому поезд несся со скоростью нескольких тысяч миль в час. Пара охранников куда-то исчезла, потом появилась с довольными усмешками на лицах и дала возможность уйти остальным. Очевидно, в вагоне имелся буфет. Даже сержант в радарном шлеме казался более похожим на человеческое существо.

Больше всего Ганн хотел узнать, что случилось с сестрой Дельта Четыре. В один из моментов, когда напали пироподы, она по

казалась ему не такой уж хладнокровной слугой Машины, чем-то напомнив ту девушку, которую Ганн целовал в Плайя Бланка. Вдруг ему удастся снова завоевать ее или добиться от Машины необыкновенной награды — освобождения Джули Мартин... Но это были только мечты. И, принимая во внимание его настоящее положение, совершенно безумные. Ганн сознавал, что каждую секунду, каждую свою мысль он должен направить на тщательное обдумывание ситуации, должен попытаться понять, почему он оказался в таком положении и что он может сделать. Но положение казалось безнадежным. С тошнотворным чувством Ганн ощущал, что сходит с ума сама Вселенная. Начиная с того момента на станции Поларис, когда он решил проследить за полковником Зафаром, опустившимся на снежную протопланету, события несли Ганна вперед, подобно мощному потоку; он не мог в них разобраться и ничего не мог сделать, чтобы как-то повлиять на их ход. Непостижимость скрывалась в самой сути событий. Дело было не в том, что Ганн не был способен их понять, а в том, что все происходящее не поддавалось объяснению в разумных определениях жизни Плана Человека...

Он снова вдруг почувствовал тошнотворное головокружение, и на этот раз в буквальном смысле. Бойс Ганн в тревоге вскочил на ноги. Он не мог не вспомнить о странном головокружении, которое предшествовало его падению в двадцать миллиардов миль глубиной... и это было то же самое ощущение, которое он испытал перед нападением пироподов на катакомбы Планирующего... Но на самом деле причина была совсем в другом. Это ощущение сейчас легко объяснялось. Вагон субпоезда тормозил свой бег. Наконец, он застыл, медленно вращаясь между силовыми катушками в вакууме туннеля. Если у Ганна и могли появиться сомнения относительно своих ощущений, то крики охранников быстро развеяли бы эти сомнения. Казалось, все пассажиры шарового вагона кричали одновременно.

— Что случилось? Мы остановились! Великий План, мы на глубине в пару сотен миль... Температура... Помогите... выпустите меня!..

Голоса сливались в неразборчивый шум, но в каждом из них, словно лезвие ножа, слышалась нотка паники. В вагоне субпоезда царил ужас, который невозможно было уменьшить словами, потому что причина его была слишком реальна.

Машина-сержант сразу оценил ситуацию. Кивнув антеннами радарного шлема, он проревел:

— Вперед, выходи! Эти бараны передавят друг друга, если мы их не приведем в порядок!

Бойс Ганн был оставлен в одиночестве. Он слышал, как охранники криками отдают приказы, наводя спокойствие среди пассажиров субпоезда. Кажется, никто не мог сказать, что происходит. Поезд остановился, вот и все. Они повисли на глубине в несколько сотен миль, в жаре, которая была способна расплавить алюми-

ний, где давление в пыль сокрушает даже алмаз, где от этого предохраняют только силовые кольца туннеля. Видимо, та же сила, которая задерживала движение перед их отъездом, снова вмешалась в движение поездов. Разница была только в одном — здесь их не могла отыскать рука помощи со станции, и если бы в работе катушек силовых полей произошел сбой хоть на секунду, они погибли бы мгновенно. И даже если поле не исчезнет, они все равно умрут через несколько дней от удушья, если поезд не сможет снова двигаться. Потом, совершенно неожиданно, Ганн почувствовал новый толчок — вагон пришел в движение. Только когда громадная сорокафутовая сфера набрала скорость, Ганн осознал, что все это время почти не дышал. Люди за пределами купе испустили всеобщий вздох облегчения. Один за другим возвращались охранники, весело переговариваясь и смеясь. Теперь они казались почти такими же, как все остальные люди. Они не включили Ганна в разговор, но и не старались заставить его молчать. Один из них даже исчез на несколько минут и вернулся с подносом напитков из буфета... И в этот момент громадный шар вагона снова тряхнуло. Толчок... визг раздираемого металла... и они остановились, словно врезавшись в какую-то преграду. Ганна и охранников швырнуло на противоположную стенку купе, словно пригоршню камешков.

Ганн слышал вопли и скрежет ломающегося металла вагона.

— Конец! — завопил кто-то.— Поле погасло!

И, погружаясь в черноту обморока — он еще не чувствовал боли, но сознавал, что истекает кровью, он слишком сильно ударился о стену и встать уже не мог — Ганн успел подумать: «Он прав. Это конец».

Когда он снова открыл глаза и обнаружил, что до сих пор жив, он ощутил едва ли не разочарование. Он лежал в палате госпиталя. Плотные белые бинты частично покрывали его глаза. Голова раскалывалась — казалось, целый корпус барабанщиков попользовался ею для репетиции. Ганн все же рассмотрел из-под бинтов, что одна его рука заключена в белый кокон фиксатора. Он уцелел. Над Ганном склонилась сестра-общительница. Ганн произнес отчетливо:

— Я думал, что туннель рухнул.

— Тише,— мягко сказала сестра.— Он действительно рухнул. Но вы оказались у самой поверхности, и аварийной бригаде удалось откопать вас.

— Почти у поверхности? — скосив глаза, Ганн разобрал рядом с сестрой фигуру еще одного человека. На какой-то безумный миг ему показалось, что это сам Ангел Смерти, явившийся по его душу. Но потом он понял, что это всего лишь служитель-связник, державший в руке связь-куб и шептавший в скрытый в нем микрофон звенящие ноты.

— Значит... значит, я в центре обучения? — спросил Ганн.

Сестра кивнула.

— Попробуйте заснуть,— велела она. И Бойс Ганн был рад послушаться.

Целых три дня Бойс Ганн находился в положении выздоравливающего. Это было куда лучше, чем его прежний статус главного врага общества. Ганн был пока свободен от опеки охранников — часть из них погибла в аварии, и теперь им предстоял нелегкий процесс восстановления жизнедеятельности и замены поврежденных органов в одном из орган-банков. Ганн мог свободно гулять по крылу госпиталя, в котором находился. Ему даже разрешили посещать комнату отдыха, которой заведовала девушка-общительница, напоминавшая ему Карлу Сноу. Характер ее тоже был похож на характер Карлы. Она не показывала виду, что замечает воротник безопасности на шее Ганна. И, что важнее всего, она позволяла ему сколько угодно смотреть экран новостей. Бойс Ганн так долго находился за пределами Земли, в Рифах и в штабквартире Планирующего, что совершенно отстал от текущих новостей. Он сидел перед экраном, погруженный в мечты. Все, что происходило на экране, медленно погружалось в его сердце и сознание. Он с любовью смотрел на золотоволосых, длинноногих общительниц, нежно ворковавших слова предупреждения: «Работайте для Плана! Живите для Плана! Ведь вы не хотите попасть на „Небеса“ и послужить запасными частями для орган-банка!»

Хотя Ганн понимал, что имеет весьма высокий шанс оказаться в орган-банке и превратиться в запасные части, он не боялся того, о чем пели девушки. Это была часть той жизни, которую он утратил, и он хотел снова в эту жизнь вернуться. И прежде всего он желал снова обрести себя. Бойс Ганн не мог принять себя в роли врага Плана, который был жестоко наказан самим Планирующим, подвергнут угрозам генерала Вилера, допрошен сестрой Дельта Четыре. Этот Бойс Ганн был существом, родившимся на станции Поларис, человеком, жившим среди рифокрыс и странных существ, называемых пироподами и пространственниками. Фигура этого Бойса Ганна не помещалась в рамки другой его личности, Ганн не мог найти сумму двух столь разных людей и вывести вектор будущей жизни...

Он сидел, выпрямившись, и смотрел новости. Он смотрел передачу мировых новостей, но лишь половиной сознания воспринимал то, что видел. А показывали вещи довольно занимательные. Сводка новостей представляла собой набор почти одних катастроф — авария космического крейсера уничтожила полгорода, в Антарктике произошло землетрясение, на субконтиненте Индии взорвался реактор на фабрике. Катастрофы происходили не только в отдаленных районах. На экране появилось сообщение об аварии субпоезда, из-за которой он очутился здесь, в госпитале.

Но интереснее всего, что это было подано как диверсия!

Ганн не верил собственным глазам. Он едва понял, что речь идет о той самой аварии. Толстый тех-полковник вкрадчивым голосом выдвигал обвинения. Преступная конспиративная организация подложила бомбу в поезд с целью дискредитировать Планирующего и Машину? Злобная диверсия? Казалось, речь идет о каком-то другом происшествии на какой-то другой планете. И, самая большая нелепость,— его, Ганна, выставляли как сверхзлодея, а машин-сержанта — как его сообщника! Ганн поставил на стол стакан с обогащенным витаминами соком и, прихрамывая, направился к общительнице, заведовавшей комнатой отдыха. Он весь дрожал.

— Прошу вас,— взмолился он.— Вы видели только что? Что все это значит?

— Ну, ну! — жизнерадостно, но с укором сказала общительница.— Ваша обязанность перед лицом Плана — выздороветь как можно скорей. Вы должны подготовить себя к возвращению на службу. Никаких вопросов, никаких тревог... только отдыхать и выздоравливать!

— В передаче было сказано,— с трудом проговорил Ганн,— что в аварии субпоезда виноват я. Но это неправда! И сержант охранников, отвечавший за мою доставку... что с ним?

Большие ясные глаза девушки на мгновение потемнели — она не знала, как воспринять слова Ганна. Но лишь на мгновение. Ей было приказано заботиться о враге Плана, она будет исполнять приказ. Она покачала головой и с улыбкой повела Ганна обратно к кушетке.

— Пейте ваш сок,— сказала она с веселой строгостью и больше ничего не прибавила. Для нее все, что План Человека определял как «верное» и «правильное», было верным и правильным. Так же думал и Бойс Ганн, но сознавал где-то внутри, что в таком образе мыслей таится что-то опасное — для него и для всего человечества... потому что если симпатичная и пустоголовая девица-общительница так безоговорочно принимала распоряжения Плана... Он не мог сформулировать мысль до конца. Возникало такое впечатление, что он сам, и генерал Вилер, и даже Планирующий — и все человечество в системе Плана — были в каком-то смысле такими же пустоголовыми, как и эта общительница. Но он не мог довести мысль до логического завершения. А потом время отдыха истекло, и больше он не имел возможности размышлять на подобные темы, потому что начал курс подготовки, который должен был привести его к посвящению в сообщность Машиной.

Двухэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат». Трехэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат, если он плохо вымыт, потому что в рот попадает песок».

С помощью преподавателей и учебников, гипнопедических лент, шептавших ему на ухо, когда он спал, и обучающих машин, командовавших Ганном во время бодрствования, он начал овла-

девать исчислением утверждений, логикой отношений, геометрией Гильберта, Акермана и Буля. Конъюнкция и дизъюнкция, аксиомы и теоремы, двойные отрицания, метаутверждения... все это хлынуло в его мозг вместе с разрушительными дилеммами и силлогизмами. Он учился, как переносить и соединять. Он изучил принцип экспортирования и научился применять точки в качестве скобок. Он познакомился с однолинейным построением фраз и нефлективной грамматикой машинного языка. Он узнал о разнице между символами восприятия и акции и обучался воспроизводить тональные символы, которые наводили мост между человеком и Машиной. Часами распевал он бесконечные гаммы в четверть ноты, в ушах его не прекращалось эталонное гудение осциллирующих сигналов. Он изучил строение таблиц истинности и как использовать их для обнаружения тавтологии в посылках. Здесь не было классных помещений, была учеба и работа. Она казалась бесконечной. Ганн просыпался под тягучий речитатив магнитофонной записи, раздающийся из-под подушки, ел под названивание тональных четок, в изнеможении опускался на кровать, пока сквозь мозг его проносились схемы общего ввода информации. За сценами учебного театра продолжал жить своей жизнью весь остальной мир, но Ганн полностью потерял с ним связь. В редкие моменты ему удавалось уловить обрывки разговора между немногими людьми, с которыми он имел контакт — девушками-общительницами, подававшими еду, охранниками, бродившими по залам и коридорам. Но сознание его было слишком утомлено, чтобы пытаться сложить части в единое целое. Дитя Звезд. Требование Освобождения. Аварии в подземных тунелях. Взрывы космических кораблей. Но это не имело сейчас для Ганна значения. Всякий раз, когда у него хватало времени и сил подумать о чем-то другом, кроме обучения, он всегда представлял одно — тот момент, когда обучение закончится, и он получит металлический знак сообщности. Когда первый этап подошел к концу, Ганн этого даже не заметил. Он лег спать, как всегда, уставший до предела. Он рухнул на жесткую койку в своей отдельной тесной комнатушке с покрытыми белой плиткой стенами. Сразу же из-под подушки зашептала учебная запись:

— ...генерировать матрицу К, используя механизм ассоциативного накопления дополнительно к контекстуальным отношениям координатного накопления. Пусть i-й ряд и j-й столбец покажут степень ассоциативности...

Какая-то часть сознания Ганна впитывала информацию, хотя в основном работа происходила в подсознании. Сам Ганн сознавал лишь свое несоответствие заданию. Ему никогда не добиться тех чистых хрустальных тонов, которые умели выпевать сестра Дельта Четыре и остальные служители. У него неподходящий голос. Он никогда не освоит всей теории программирования. У него просто не хватит подготовки... Он заснул.

На втором этапе обучения Ганн переселился в общую спальню. Койка здесь была такой же жесткой. Каждую ночь после отбоя на койки укладывались восемьдесят усталых и молчаливых обучающихся. И каждое утро под резкие, неприятные удары гонга они пробуждались в несколько уменьшенном количестве. Об исчезнувших никто не говорил. Вместе с ними исчезали и все их немногочисленные вещи, хранившиеся на узких полках над койками. Имена их вычеркивались из списка обучающихся. Они просто переставали существовать. Почему-то об этом никто не спрашивал. Но однажды ночью Ганна разбудил шорох торопливых шагов. Ганн рывком сел на койке, словно ему грозила смертельная опасность.

— Джим? — прошептал он имя своего соседа, недавно поступившего на обучение парня, у которого были мускулы борца и отличный чистый тенор. Его мать была девицей-общительницей, а отец погиб в космосе, выполняя задание Плана.— Джим, что?..

— Друг, ты ведь спишь,— прошептал в темноте хриплый голос.— Ну так и спи дальше — тебе же лучше.

Тяжелая рука толкнула Ганна в плечо, заставив его опуститься обратно на койку. Ганн хотел бы помочь Джиму, но его охватил страх. Он видел, как темные силуэты склонились над соседней койкой. Он услышал сдавленный вздох Джима. Приглушенные голоса, шорох одежды, металлическое звяканье. Заскрипела койка. В лицо ударил тонкий луч, и Ганн зажмурился. Послышались удаляющиеся шаги. Он долго лежал в темноте, прислушиваясь к дыханию спящих, число которых уменьшилось на одного. Джим так дорожил красной пластиковой медалью, которая говорила, что отец Джима был Героем Плана Второго Класса. У Джима был красивый чистый голос, но он слишком медленно постигал семантику. Ганн был бы рад помочь, но он ничего не мог поделать. Машина требовала от своих избранных слуг чисто механических качеств. Возможно, Джим выказал недостаточное рвение превратиться в механизм. Ганн повернулся на жесткой койке и начал повторять про себя семантические тензоры. Вскоре он заснул.

Перейдя на второй этап обучения, Ганн понял, что первая фраза была по сравнению с ним чем-то вроде воскресного отдыха в отеле на берегу моря в компании общительниц. О ней он вспоминал теперь сквозь туман изнеможения. У него не было ни секунды, чтобы сбросить напряжение.

— Выгляди, как машина!

Монотонными голосами преподаватели вдалбливали в него это простое правило. Ясноглазые общительницы выпевали его, словно воркующие голуби, пока он стоял в очереди к окошку раздачи пищи. Ослепительные знаки на стереоэкранах выжигали правило на сетчатке его глаз. Не знающие сна динамики гипнопедических установок шептали его из-под подушки.

— Выгляди, как машина!.. Действуй, как машина!.. Будь машиной!

Чтобы овладеть мириадами сложнейших тонов языка механо, человек должен был превратиться в механизм. Сверкающие изображения и шепчущие динамики напоминали Ганну о тех, кто не справился с задачей и попал в орган-банк.

Заключенный в тесную экзаменационную камеру, стены которой были выложены серой звукоизоляцией, Ганн согнулся в три погибели над черным связь-кубом, напрягая слух, чтобы уловить все поющие флексии механо, которые выпевало устройство.

— Кандидат...— Даже это слово едва не ускользнуло от него,— кандидат должен идентифицировать себя.

Ганн пропел ответ — но голос его был слишком хриплым и высоким. Он сглотнул, чтобы прочистить горло, потом провел пальцами по тональным бусинам.

— Кандидат Бойс Ганн.— Он еще раз сглотнул и пропел свой номер.

— Кандидат Бойс Ганн, вы проходите экзаменационную проверку,— мгновенно промурлыкал связь-куб.— Набрав положительное количество баллов, вы перейдете на новую ступень, приблизившись к высшему служению Машине, которое она награждает сообщностью. Но вы должны знать, что обратного пути для вас больше нет! В системе Плана нет места для потерпевших неудачу, учитывая их секретные знания и навыки. Единственный ваш путь в этом случае — в центры утилизации.

— Я понимаю, я готов служить,— пропел он единую сложную фразу.

— Тогда начинается проверка,— прочирикал куб.— Вы должны отвечать на каждый вопрос, давая полные и четкие ответы на правильном механо. Каждая миллисекунда паузы и каждая неправильная нота будет заноситься в штрафные баллы. План не может терять время, не может позволить совершиться ошибке. Вы готовы начать?

Ганн поспешно пропел мелодию, означающую: «Я готов начинать».

— Ваша реакция была задержана на девять миллисекунд сверх оптимального интервала,— мгновенно пронял куб.— Ваш первоначальный тон был на двенадцать циклов выше требуемого. Ваш тональный рисунок неправилен. Длительность вашей фразы была больше стандартной на одну миллисекунду. Эти ошибки идут в ваши штрафные баллы.

— Я понимаю.

— Ваш ответ сейчас не требуется,— фыркнул куб.— Теперь приготовьтесь к первому вопросу теста... Назовите первый принцип механообучения.

Сначала, когда Ганн попытался пропеть ответ, голос его оказался слишком хриплым и низким. Связь-куб прогудел новую

сумму ошибок Ганна, который даже не успел коснуться тональных четок, чтобы найти верный тон и сделать новую попытку.

— Обучение — это действие,— наконец неровно пропел он.— Это первый принцип механического обучения. Правильная реакция должна мгновенно закрепляться. Неправильная реакция должна мгновенно подавляться. Первое уравнение механического обучения гласит, что эффективность обучения интенсивно варьируется промежутком между реакцией и наградой.

— Ваша общая сумма штрафных баллов составляет сейчас 489 очков,— фыркнул связь-куб.— Приготовьтесь к следующему вопросу. Назовите второй принцип механообучения.

Ганн истекал потом, согнувшись на маленьком твердом сиденье. Темная серая комната казалась слишком тесной. Обитые изоляцией стены словно сжимались вокруг него. Он почти задыхался и судорожно набрал воздуха в легкие, чтобы ответить на второй вопрос.

— Обучение — это выживание,— пропел он короткие фонемы, стараясь как следует их оформить.— Удача в обучении — путь к жизненной адаптации. Неудача в обучении — смерть индивида. Второе уравнение механообучения утверждает: скорость обучения прямо зависит от величины награды и наказания.

Едва он замолчал, как зачирикал связь-куб. Даже для напрягшегося слуха Ганна это была лишь единая неразборчивая металлическая нота. Ему пришлось просвистеть просьбу повторить вопрос.

— Ваша сумма штрафных баллов по восприятию достигла 90.— Издаваемые кубом ноты появлялись в ненамного меньшем темпе и были лишь чуть-чуть более понятными.— Ваша общая сумма штрафных баллов составляет 673. Соотношение между положительными и штрафными баллами достигло критического уровня.

Мчащиеся друг за другом звенящие ноты, острые, как осколки стекла, не давали ему времени собрать метавшиеся мысли. Он смутно чувствовал, как стекает по ребрам едкий пот, как холодная испарина покрывает лоб, как жжет пот глаза.

— Приготовьтесь к следующему вопросу.— Это предложение было выражено всего одной сложной фонемой за несколько миллисекунд, и Ганн едва не пропустил его смысл.— Назовите третий принцип механообучения.

Ганн тронул сонарные четки, взял верные ноты и пропел нужные фонемы.

— Третий принцип механообучения утверждает, что величайшим стремлением является избавление от страданий.

Ошибки Ганна все накапливались, а безжалостный связь-куб требовал определять принцип за принципом.

— Ваше испытание завершено,— сообщил наконец куб.— Ваша общая сумма штрафных баллов составила 5940. Вы должны сообщить эту цифру руководителю группы.

Он едва успел по возвращении в барак выбить сумму своих баллов на клавиатуре группового компьютера. Он опоздал — всего на полминуты — на гимнастическое построение, за что получил два лишних круга в туннеле препятствий. Оказавшись последним в очереди за ужином, он так устал, что не в силах был есть и за разбазаривание пищи получил еще две желтые фишки в наказание. Когда он наконец добрался до койки, он почувствовал, что слишком устал, чтобы заснуть.

— Кандидат Ганн!

Он не заметил, как темные силуэты окружили его койку. Бледная игла света уперлась в его форму, вещевой мешок, ботинки. Хриплый шепот отдал ему приказ. Минуту спустя он уже пробирался, волоча ноги, по темному проходу между койками, на которых тяжело дышали спящие кандидаты. За спиной он нес свой мешок. Итак, это и означает конец? На секунду у него ослабели колени, потом он почувствовал непонятное облегчение. Он уже почти стремился в орган-банк с его забытьем. Потому что в орган-банке уже не будет связь-кубов. Ему не придется больше распевать труднейшие гаммы или зазубривать таблицы семантических переменных. Теперь все позади.

Облаченный в черное эскорт позволил Ганну присесть вместе с ними за стол в пустом зале столовой. Сонная общительница, зевая, подала им завтрак. Ганн ничего не ел, только выпил две чашки кофе, от которого во рту осталась горечь. Он присоединился к группе из пяти таких же сонных и огорошенных кандидатов, которые, очевидно, прибыли из других бараков. Они вошли в вагон военного субпоезда и через некоторое время вышли уже в другом месте. Мимо хмурого часового они промаршировали в новую пещеру, где располагался другой центр обучения. Ганн оставил свои вещи в крошечной комнатке-камере с выложенными плиткой стенами и доложил о прибытии оператор-майору, имевшему вид живого трупа, лысая, как полено, голова которого была украшена шрамами — следами нападения венерианского аэробного паразита. Майор сухо отдал честь в ответ на приветствие Ганна. Рука его была затянута в черную перчатку.

— Поздравляю, майор Ганн.

Уставясь на высохшего, как палка, майора, перекладывавшего на столе перед собой какие-то бумаги, Ганн вдруг понял, что черная перчатка — это вовсе не перчатка, а утилизованная рука, доставшаяся майору от какого-то негра.

— Вы успешно завершили вторую ступень обучения на пути к посвящению в служители Машины,— не в силах отвести глаз от черной руки, Ганн едва слышал слова майора.— Вас направили сюда для прохождения третьей ступени обучения.

Призрак улыбки тронул желтое пятнистое лицо майора.

— Вы набрали необыкновенную сумму баллов, майор Ганн,— добавил он.— Машина особо отметила вас. Поздравляю, вы можете гордиться.

Когда этот факт, подобно куску льда, достиг сознания Ганна, он покачнулся. Он вовсе не гордился. Он стоял, потеряв дар речи, не в силах вздохнуть, содрогаясь от потаенного ужаса.

— Вы прошли долгий путь, майор.— Желтые шрамы превратили улыбку майора в маску агонии.— Вы избежали опасности утилизации. Вы далеко ушли по пути к высшей награде.— Черные пальцы майора с сожалением коснулись его собственного лба, где пластинки-контактора не наблюдалось.— Вам очень повезло, майор Ганн!

Ганн пошатнулся. Внезапно вся эта комната, залитая резким светом, уставленная серыми кожухами компьютеров, показалась ему нереальной вместе с лысым желтолицым майором. До ужаса реальными были блестящие ледяные скальпели и пилы хирургов, возникшие в его воображении, которыми в лобной кости Ганна будет выскоблено гнездо. Сверла вонзались в макушку и виски его обритой головы. Тонкими жесткими иглами они пробирались в самые глубины нервных центров. Они хладнокровно вторгались в самые интимные уголки его существования...

Ему хотелось закричать.

— Что-то случилось, майор Ганн?— Высохший майор в тревоге привстал.— У нас нездоровый вид.

— Все в порядке, сэр.— Собравшись с силами, Ганн слабо улыбнулся.— Понимаете, я не знал, что перешел на третью ступень. Я думал, мы в центре утилизации.

— Это скоро пройдет.— Ухмылка майора стала еще более отталкивающей.— С вашим послужным списком можете быть уверены — вы уже почти получили посвящение в сообщность. Как бы я хотел быть на вашем месте.

— Бла...— Ганн постарался проглотить сухой, как песок, комок, вставший поперек горла.— Благодарю вас, сэр!

Механоинструктор оказался десятифутовым устройством в виде груши. Обшивка его сверкала алюминием. Покачиваясь на массивных кардановых подвесах из серой стали, он стоял в мрачной пещере, сквозь которую постоянно дул ветер, а с бетонного сводчатого потолка капала влага. Толстые черные кабели и шланги, змеясь, уходили к контрольной панели у входа в пещеру.

— Вот она, сэр!— Преподавателем оказался молодой полный тех-лейтенант с розовым лицом младенца, голубыми глазами и яркой пластинкой-контактором посреди лба.— Совершеннейшая обучающая машина!

Ганн совсем не был в этом уверен. Весь покрытый каким-то липким желе, облаченный лишь в свободный серый комбинезон, он остановился на миг у выхода из туннеля, без всякого удовольствия глядя на громадную металлическую грушу.

— Становитесь прямо сюда, сэр.— Лейтенант послал ему невиннейшую улыбку.— Скидывайте комбинезон и вперед.—

Круглые голубые глаза вопросительно моргнули.— Вы готовы, сэр?

Он был весь мокрый, липкий из-за желе, и комбинезон был слишком тонким. Он вдруг задрожал на пронизывающем пещеру ветру. Он совсем не хотел изучать механо. Он не желал награды в виде электродов в мозгу. Но он сглотнул и сказал, что готов.

— Тогда вперед, сэр,— тех-лейтенант коснулся панели управления. Зашипели воздушные клапаны. Огромная металлическая груша запрыгала в подвесках и раскрылась, как разрезанная.

— Вперед, сэр.— Лейтенант уважительно коснулся его плеча.— Поднимайтесь по лесенке. Там разденетесь. И ложитесь прямо на сенсорно-эффекторную оболочку.— Он тихо засмеялся.— Многие чувствуют себя поначалу не в своей тарелке, но потом вы привыкнете, сэр.

Ганн глубоко вздохнул и начал взбираться вверх по лестнице. Металлические поручни были холодными и липкими. Ветер холодил обритую голову, и во рту вдруг появился неприятный горький привкус кофе. Он стащил комбинезон и осторожно ступил на розовую мембрану, покрывавшую изнутри поверхность груши. Мембрана сморщилась под его весом, теплая, влажная, почти живая, и упруго подтолкнула Ганна к центральному углублению. Потом он услышал шипение воздуха, и верхняя часть груши закрылась. Мягкая теплая мембрана ласково уложила Ганна в приготовленное углубление. Вокруг сомкнулась абсолютная тьма. Он попытался вскрикнуть, но не мог вздохнуть. Но тут в легкие хлынул свежий воздух. Сквозь закрытые веки он увидел розовый свет. Он открыл глаза и обнаружил перед собой сестру Дельта Четыре. На самом деле, как он понимал, это был лишь проецируемый в его мозг фантом, но она казалась достаточно реальной. Он знал, что это должен быть фантом, потому что ее не могло быть здесь, в подземном центре. И все же она стояла перед ним, совсем как живая. В балахоне с капюшоном и черной коробочкой связь-куба, она шла вдоль поросшего пальмами кораллового берега, очень похожего на тот, в курортном городе Плайя Бланка. И он шел ей навстречу.

Приникшие к коже эффекторы механоинструктора воссоздавали любое ощущение: холодную твердость мокрого песка, жар солнечных лучей, прохладное дуновение океанского бриза. Он слышал глухие удары волн о плиты волнолома, чувствовал острый запах гниющих водорослей и даже слабый аромат духов Джули... она была уже рядом и разговаривала с ним самым живым теплым голосом Джули Мартин, который он не мог забыть.

— Вот мы и прибыли,— говорила она.— Здесь мы проведем твой первый урок с помощью механоинструктора, модель 8. Этот прибор является практически последним словом в области достижения стопроцентной эффективности обучения. Если ты будешь стараться, то я уверена, что процесс покажется тебе очень приятным и полезным.

— Итак,— продолжала она,— мы сейчас начнем вводный урок по техническому словарю языка механо. Он построен на том же принципе экономии, хорошо тебе известном: один слог для одного предложения. Совершенно очевидно, что для этого требуется большое количество слогов. Общий объем словаря механо, как мы считаем, составляет более миллиарда монослогов — более миллиарда предложений-звуков.

Он стоял на песке пляжа — или ему так казалось, потому что синтетические ощущения, созданные механоинструктором, заставляли его позабыть, что он может на самом деле находиться совсем в другом месте. Холодная волна с шипением прокатилась по его босым ногам, потом вода ринулась обратно в море.

— Это невозможно! — запротестовал он.— Я не могу запомнить миллиард слов!

Тихий смех Джули остановил его.

— Ты даже не представляешь.— Хотя она говорила на обычном языке людей, ее голос, казалось, пел песню.— Ты даже не представляешь, что может сделать с тобой механоинструктор.— Морской бриз вдруг приподнял ее капюшон, и Ганн заметил блеск пластинки на ее лбу. Несмотря на теплоту тропического воздуха, он почувствовал, как по спине бегут ледяные мурашки.— На самом деле тебе не нужно учить все слова,— пояснила она.— Ты должен научиться составлять монослоги языка механо из нескольких тысяч готовых фонем. Ты должен научиться слышать и понимать самые малые вариации в ударении и высоте звука и некоторые другие простые явления артикуляции.

— Но я не смогу! — погрузив ступни в песок, он ждал, пока она повернется. Он не хотел ничего учить, хотя едва ли решился бы прямо сказать ей это. Он искал спасения от электронных зондов, которые проникнут в его мозг, когда он выучит механо.— Я не смогу научиться произносить миллиард различных слов.

— Тебя ждет сюрприз.— Ее смех был таким же мелодичным, как и голос.— Начнем.

Он упрямо тряхнул головой, стараясь не забывать, что белый песок на самом деле не существовал, что соленый ветер и сама Джули тоже не были реальными.

— Старайся,— сказала она мягко, но настойчиво.— Если ты будешь стараться, мы немного позже сможем поплавать.— В ее глазах светилось дразнящее обещание, а проворные белые ладони сделали соответствующий жест, словно сбрасывали капюшон и балахон.— Ты должен стараться.

Овальное лицо Джули вдруг стало серьезным.

— Если ты не будешь стараться, то пожалеешь об этом,— сказала она медленно и с печалью.— Я не хочу напоминать тебе о третьем принципе механообучения... но величайшей наградой является избавление от страданий.

Она пожала плечами, и ее быстрая улыбка ослепила Ганна.

— Начнем!

Они начали с глагольных тонов. Малейшие вариации тона означали изменение в наклонении, лице, виде. Она пропела сложную ноту. Честно стараясь повторить ее, Ганн вскоре все же получил новое напоминание о третьем принципе. Даже малейшая ошибка означала вспышку боли, а ошибки он делал часто, и далеко не мелкие. Даже когда он реагировал мгновенно и выпевал фонему, казавшуюся ему точно такой же, как эталонная, он часто ошибался и тут же за это наказывался. Потому что на самом деле он был не на ослепительном песке кораллового берега. На самом деле он был заключен внутри громадной металлической груши механоинструктора, эффекторы которого приникли к каждому дюйму обнаженного тела Ганна. Они могли сделать его онемевшим от холода или горящим, как в огне, могли сдавить, как клещами. Малейшая погрешность бросала его с солнечного берега в своего рода механистический ад, где он всем своим существом жаждал получить высочайшую награду — конец страданий. Иногда он оказывался в ловушке на борту разбитой ракеты, падавшей на Солнце. Воздух со свистом покидал продырявленный метеоритом корпус, легкие Ганна разрывались в агонии. Жестокий свет бил через рваную дыру, слепя, сжигая глаза. Отсек превратился в раскаленное жерло печи, в которой варилось покалеченное тело Ганна — и одновременно он продолжал слышать голос Джули Мартин. Голос достигал ушей Ганна через динамик лазерного передатчика. Сладким голосом выпевала она комбинации фонем, которые он должен был заучить. Со всхлипом втягивая воздух, он изо всех сил старался отвечать правильно. Законы автоматизированного обучения он теперь изучил на самом себе. Когда он ошибался, жар грозящего поглотить его Солнца становился на какую-то долю еще более невыносимым. Когда ответ был правильным — в пределах ошибки, установленной Машиной — жар немного уменьшался, в сожженные легкие вливался глоток свежего воздуха. Когда ему удавалось несколько раз подряд ответить правильно, в кошмаре делался интервал. Он снова оказывался в обществе Джули Мартин на снежно-белом песке пляжа. Она обещала ему купание в прохладных волнах моря или вела к столику с высокими запотевшими стаканами с напитками, которые ждали их под сенью пальм. И тут же начинался новый труднейший урок. И всякий раз, прежде чем они достигали прибоя или столика с напитками, он делал новую ошибку. Как и требовали законы автоматического обучения, всякая неправильная реакция тут же подавлялась, хотя наказания варьировались, словно Машина экспериментировала, чтобы выяснить, какой вид страданий наиболее эффективен. Иногда он в поту лежал на госпитальной койке станции, парящей в верхних слоях атмосферы Венеры, с шумом втягивая воздух, превратившийся в горячий густой туман. Анаэробные паразиты, словно кислота, разъедали его кожу, а голос Джули ворковал, выпевая монослоги механо из радиоприемника рядом с кроватью. Иногда он обнаруживал себя среди камней обвала

в пещере под теневой поверхностью Меркурия. Валун придавил ему грудь, грозя расплющить ребра, на лицо капала ледяная вода, вокруг ползали большие фосфорические червяки, не спеша пожирая выступающие из обвала части тела Ганна. Из темноты доносился певучий голос Джули Мартин. Она повторяла слоги, которые Ганн должен был изучить. Всякий раз правильные ответы награждались слабым облегчением страданий. Всякий раз достаточно солидная сумма правильных ответов давала ему хотя бы небольшую передышку от мучений. Всякий раз, когда он возвращался в компанию Джули, она встречала его дружелюбной улыбкой. Ее прохладные руки ласково гладили Ганна, в глазах светились слезы сострадания.

— Бедненький,— ворковала она.— Я знаю, тебе очень трудно. Но ты не должен сдаваться. Только не забывай, чего ты должен добиться. Когда узнаешь достаточно много, будешь посвящен в сообщность. Тогда мы будем вместе. Давай теперь начнем новый урок. Если ты хорошо себя проявишь, то Машина разрешит нам искупаться.

Каждый раз, когда она упоминала о сообщности, он вздрагивал. Или когда случайно замечал выглянувший из-под капюшона диск контактора на лбу девушки. Он был достаточно осторожен, чтобы не выдать этого тайного страха, но иногда ему казалось, что Машина не могла не обнаружить его — со всеми этими сенсорами, покрывавшими каждый квадратный дюйм тела Ганна. Потому что его страх перед сообщностью все рос и рос, словно колдовской зловещий сорняк, пока не стал сильнее всех ужасов синтетического ада, созданного механоинструктором, чтобы наказывать его за грубейшие ошибки. Страх этот притаился в темном углу сознания Ганна, как жуткий бронированный пироподд. Наконец, он стал таким нестерпимым, что Ганн начал умолять Джули выпустить его из тренажера. Она засмеялась.

— Да тебе просто повезло,— весело объявила она.— Мне пришлось учить механо гораздо более сложным способом. С помощью же тренажера тебе ничего другого просто не остается. Попытка за попыткой, и ты и заметить не успеешь, как будешь посвящен в сообщность.

Он не осмелился сказать ей, что не хочет такого посвящения.

— В самом деле,— жизнерадостно продолжала Джули,— тренажер — это просто как утроба матери. Внутри него все твои неэффективные человеческие реакции будут перестроены. Ты научишься реагировать быстро и точно. Когда ты снова «родишься» и выйдешь из тренажера, ты будешь совершенным детищем Машины.

Он постарался сдержать охватившую его дрожь.

— Теперь начнем знакомиться со структурами существительных,— радостно предложила Джули.— Ты уже овладел основами анализа механо, рассматривающего вселенную как процесс.

В сущности, в механо нет ни глаголов, ни существительных, а есть объекты — в движении. Ты не забыл?

С ужасом вспомнив разбитую ракету, жгучую боль от разъедающих тело паразитов на Венере, рвущих тело червяков в пещере на Меркурии, он поспешно кивнул.

— Например,— пропела Джули,— для всех объектов из твердого вещества имеется одно базовое имя. Такие аспекты, как размер, форма, материал и назначение указываются с помощью флексий. Но это не существительное, потому что глагольная интонация всегда напоминает о процессе движения и изменения, поэтому каждая многословная форма является законченным утверждением.

Мягкая улыбка Джули дразнила Ганна.

— Если ты будешь стараться, то, может быть, мы немного поплаваем.

Он старался — третий принцип механообучения принуждал его к этому — но до воды они так и не добрались. Наступил момент, когда Джули вдруг исчезла. Он услышал шипение воздуха, почувствовал на вспотевшем обнаженном теле ледяное дуновение наружного воздуха. Снова вернувшись в центр обучения, он выбрался из мембраны сенсорно-эффекторной оболочки, натянул комбинезон и, покачиваясь, спустился по металлической лестнице.

— Добрый вечер, сэр.— У юного тех-лейтенанта теперь вид был скучающий и сонный.— До завтра, сэр.

Ганн страстно желал больше никогда не встретиться с этим лейтенантом, никогда больше не увидеть грушу тренажера, потому что это означало, что он будет введен в сообщность. Он отчаянно хотел бежать куда-нибудь — в Рифы Космоса, к Карле Сноу... Но у него не было сил, его охраняли и стерегли. Он не знал, где находится... быть может, под горой... или под дном океана. Он выполнил положенную программу упражнений, принял горячий душ, выстоял очередь за ужином и отправился в свою маленькую комнатку спать. Совершенно внезапно загремел сигнал гонга. Пришло время вставать, снова брить голову, снова раздеваться и намазываться липким желе, снова возвращаться в утробу Машины...

И наступил момент, когда Джули Мартин — или ее спроецированный фантом — устроила ему испытание, а потом, улыбаясь, сообщила, что он выдержал экзамен.

— Теперь ты заслужил сообщность. Ты готов родиться заново.

Он едва не закричал, что не хочет получать сообщности. Но прикусил губу. Он хранил молчание, пока фантом Джули Мартин не исчез и не зашипели воздушные клапаны, и его не опахнуло холодным ветром, и он был наконец рожден из чрева Машины.

В полубессознательном состоянии — наркотики, в отчаянии прошептал он про себя,— он обнаружил, что лежит на койке. Он

не помнил, как попал сюда. Он знал только, что с ним что-то не в порядке. В воздухе чувствовался непонятный, едва уловимый запах, за дверью чудилось едва уловимое движение, словно кто-то стоял там, ожидая, когда Ганн заснет. Потом действительно усыпляющий газ, подававшийся через подушку. Ганн уснул. Как мертвый. Проснувшись, он сразу почувствовал несильную, но ощутимую боль. Болела лобная кость, саднило кожу. Теперь он был в другой комнате — в послеоперационной палате с зелеными стенами. Он мог и не касаясь лба сказать, что пока он спал, хирурги провели тончайшую операцию, врастив волосяной толщины электроды в точечные центры в его мозгу. Теперь на лбу Ганна блестел металлический знак сообщности.

В мозгу любого млекопитающего, кроме нервно-проводящей ткани, имеются специальные участки, которые заведуют настроениями и эмоциями, а также, например, двигательной активностью, саморегуляцией организма, сознательной мыслительной деятельностью и прочими аспектами деятельности мозга. Одна из таких зон является центром наслаждения. Врастите в него тончайший платиновый электрод. Пустите по нему слабый, всего в несколько миллиампер, электрический ток. В результате получаете настоящий экстаз! Снабдите подопытное животное таким электродом и педалью, с помощью которой оно может управлять сигналами, и животное будет нажимать на педаль, нажимать... нажимать... не останавливаясь даже, чтобы поесть и попить... оно будет сжигать себя удовольствием, пока не упадет от истощения сил, а проснувшись, сразу начнет снова нажимать на педаль...

Разряд наслаждения, ударивший в самое существо Бойса Ганна в первый момент после пробуждения, превзошел все, что он мог вообразить. Это было одновременно и осязательное, и акустическое, и обонятельное ощущение, цвет, вкус, запах, касание, дикое наслаждение любви и вызывающая дрожь радостного ужаса опасность разных видов спорта — все это было сложено вместе и усилено почти до невыносимости. Время остановилось. Ганн плыл в бурном море ощущений. Многие эпохи спустя он снова почувствовал, что вернулся в свое тело. Волна доведенной до квинтэссенции страсти откатилась прочь, оставив его высушенным и разбитым. Он открыл глаза и увидел, как медработник Техкорпуса отводит в сторону руку с кабелем сообщности. Ганн был отрезан от радостного и восхитительного общения с Планирующей Машиной. Он вздрогнул, глубоко вздохнул и примирился с неизбежностью — он снова стал человеческим существом. Теперь он понимал сестру Дельта Четыре. Он готов был встретить свою судьбу в сообщности с Машиной. Не было более высокой награды, не могло существовать более важной цели... Сквозь туман, еще не полностью рассеявшийся перед глазами, он все же успел заметить, что лицо медработника было странно бледным, словно он чего-то испугался. Откуда-то доносились громкие голоса, один из них казался странно знакомым. Ганн вяло поднялся на

ноги, чувствуя себя страшно разбитым. Дверь вдруг распахнулась, и в комнату, как яростный тайфун, влетел генерал Вилер.

— Ганн! — рявкнул он.— Ты, Дитя Звезд! Что ты натворил?!

— Я? Натворил? Ничего, генерал... И я не Дитя Звезд, клянусь!

— Дерьмо! — заухал генерал.— Кому ты врешь! Говори, что ты сделал с Планирующей Машиной?!!!

Ганн начал что-то бормотать в свое оправдание, но генерал не дал ему открыть рта.

— Ложь! — ярился он.— Ты и есть Дитя Звезд! Ты уничтожил нас всех! Признайся же! Признайся, что это ты свел с ума Планирующую Машину!!!

План Человека был охвачен безумием. Во все уголки Земли, в дальние пределы пояса астероидов, в термоизолированные убежища Меркурия и никогда не видевшие солнечного света ущелья Плутона, и на медленно вращающиеся космические крепости Заслона запустил свои страшные щупальца ужас. Неправильные маршрутные указания привели к столкновению двух субпоездов в двухстах милях под поверхностью земли. Шестьсот человек погибли в мгновенной вспышке раскаленных газов, в которые превратились вагоны. Тех-капитан на Венере получил очередные программные указания от Машины, повернул нужный выключатель и затопил нефтяной район в сорок тысяч акров с таким трудом осушенной почвы. На сцене огромной Аудитории в Пепинге, где должен был произнести речь вице-планирующий Азии, появился «человек из золотого пламени». Золотой человек исчез так же внезапно, как и возник, и тут же двадцать разъяренных пироподов возникли из пустоты, убивая и разрушая все в пределах досягаемости. Вице-Планирующий опоздал всего на несколько минут, вследствие чего жизнь его была спасена.

Генерал Вилер отрывисто познакомил Ганна со списком катастроф, постигших План Человека.

— Дитя Звезд! Сначала ниоткуда появился в бункере Машины, а теперь сама Машина сошла с ума! Мы больше не можем полагаться на ее данные. Ганн, если Дитя Звезд — это ты...

Бойс Ганн почувствовал, что с него хватит. Перекричав рычание самого машин-генерала Вилера, он заорал:

— Генерал! Я не Дитя Звезд! Не будьте дураком!!!

Внезапно машиноподобная маска, заменявшая генералу лицо, содрогнулась и смягчилась. Минуту спустя он заговорил снова, почти человеческим голосом.

— Да. Видимо, это так. Но, во имя Плана, что же тогда происходит?

— Я думал, что это вы мне расскажете,— проворчал Ганн.— Что это вы такое упоминали о самом Дитя Звезд, которого видели в бункерах Машины?

— Охрана доложила, что в Машину проник посторонний. Был выслан отряд, и они его засекли. Он находился в зале ручного

управления — делал переключения, стирал данные с целых миль пленки, изменял соединения. Теперь Машина сошла с ума, Ганн. И вместе с ней с ума сходит План. Во всем мире.

— Неважно! Как он выглядел, этот Дитя Звезд?

Машин-генерал Вилер шевельнул квадратными плечами и хрипло пролаял:

— Как человек. Золотая кожа, как доложила охрана. Почти светящаяся. Были сделаны снимки, но мы не смогли его опознать. Он на вас не был похож, Ганн... но я думал, что...

— Что все равно вам следует сюда явиться. И использовать меня как козла отпущения. Так? Тем же способом, какой вы использовали, выдавая меня за убийцу сестры Дельта Четыре?

Генерал попытался возразить. Потом его губы сжались, как дверцы ловушки. Он дважды кивнул. Движения его головы напоминали покачивание стрелки метронома.

— Да!

Ганн совсем не ожидал такого быстрого признания.

— Но почему? — только и мог спросить он. — Зачем вы в нее стреляли? Чтобы убрать свидетеля?

— Конечно, — проскрипел генерал Вилер.

— И указать на меня как на самого Дитя Звезд? Чтобы приобрести больший вес в глазах Планирующего и Машины?

— Совершенно верно, — прохрипел генерал.

Ганн задумчиво посмотрел на него, потом сказал:

— Но что-то заставило вас передумать. Что же это было?

Генерал ответил, ни на йоту не изменив тона. Лишь слегка порозовевший лоб и легкая испарина на лице показывали, в каком он находится напряжении.

— Девушка не умерла, — проворчал он. — Она рассказала Планирующему, как было дело. О том, что я нашел документ и свалил вину на вас. Планирующий доложил Машине, и...

— И что? — Ганн подался вперед.

— И Машина сошла с ума, — с трудом прохрипел генерал. — Она приказала арестовать меня. Потом потребовала ареста сестры Дельта Четыре, вице-Планирующего Центральной Америки, охранников Великого Зала, даже самого Планирующего... Началась паника. Мне пришлось пробиваться с боем. Я добрался до самолета — того самого, в котором Дельта Четыре прибыла в штаб-квартиру Планирующего — и бежал. Но мне придется покинуть Землю, Ганн! Я хочу, чтобы вы сопровождали меня в Рифы, потому что... мне необходимо бежать отсюда.

— Бежать? Почему?

— Выбираясь из Зала Планирующего, — прозвенел голос генерала, — я убил двух человек. Один из них был сам Планирующий.

Бойс Ганн до сих пор не имел понятия, в каком месте Земли находится центр обучения. Когда они выбрались на поверхность, он впервые увидел стену гор на севере, почувствовал укус ледяно-

го воздуха и понял, что они находятся на одном из плато в предгорьях Гималаев. Тысячелетиями в этой пустынной местности скитались лишь кочевники. Теперь же пониже выплавленного в скале посадочного поля ракетодрома гудел водяной поток, падавший с плотины гидроэлектростанции. Но у здания станции был странный вид. Пока машин-генерал Вилер быстро вел его к ожидающему реактивному самолету, Ганн успел разобраться, в чем дело. Даже на расстоянии было видно, что это уже не станция, а руины. В огромных оконных проемах не отблескивало ни единого стекла. В массивных каменных стенах цоколя появились трещины. Внутри здания произошел мощнейший взрыв.

— Не оглядывайтесь! — резко приказал генерал.— Скорее в кабину! Там вас ждет приятный сюрприз.

Ганн последовал за ним. Если процесс разрушения и упадка проник даже сюда, то его масштабы должны выходить за пределы всего, что он мог себе вообразить. И все это сделал Дитя Звезд? Но кто он? Мысли Ганна, спешившего вслед за генералом, превратились в стремительный поток воспоминаний и впечатлений. Потрясшая до основания все его существо вспышка сообщности с Машиной. Ужасная схватка с пироподами в Зале Планирующего и потрясение от первой встречи с Джули Мартин в облике сестры Дельта Четыре. Долгое головокружительное падение сквозь пространство, с Рифов на Землю. Невероятный отшельник Гарри Хиксон... Его способность воспринимать неожиданное была почти на пределе. Он едва заметил, что они уже достигли ожидавшего их самолета. Вслед за генералом он поспешил подняться к открытому люку и тут увидел, кто ждет его внутри.

— Джули! — воскликнул он.— Джули Мартин!

Но ответила ему сестра Дельта Четыре.

— Входите. Закройте люк. Нам нужно взлететь немедленно! Я получила сообщение от Машины.

Генерал Вилер прореагировал мгновенно. Повернувшись, он захлопнул люк, потом одним прыжком достиг сестры Дельта Четыре и вырвал из ее рук черную коробочку связь-куба.

— Дура! — проскрежетал он.— Сообщение! Ты что, не понимаешь, что Машина сошла с ума? Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она больше не служит Плану. Ты сама видела доказательства. Неужели ты не понимаешь, что происходит?

Девушка спокойно подняла голову и взглянула на генерала с обычным отсутствующим выражением во взгляде. Черный капюшон упал, открывая блестящий металл пластинки контактора, такой же, как и во лбу Ганна.

— Я служу Машине,— сказала она своим мелодичным голосом.— Генерал Вилер, вы предатель, приговоренный к смерти.

— И ты тоже, в таком случае,— проворчал генерал. Он бросил связь-куб Ганну.— Держи. Следи за ней, пока я подниму самолет. Нам нужно как можно скорее убираться с Земли.

Он нырнул в кабину управления, чтобы настроить автопилот,

который запустит моторы, поднимет самолет в воздух и направит прямо к пункту назначения, даст радиозапрос на посадочные инструкции и опустит машину в нужной точке. Ганн взглянул на связь-куб в своей руке, потом на сестру Дельта Четыре.

В специальном отделении одной из граней куба хранился штепсель сообщности. Ганн видел, как ярко блестят его электроды, так точно соответствующие отверстиям на пластинке в его собственном черепе. Если бы он, вдруг подумал Ганн, вытащил штепсель и вставил его в гнездо контактора... если бы он вошел в сообщность... он был снова испытал то почти невыносимое наслаждение, экстаз души и чувств, с которым уже познакомился час назад. Соблазн был непреодолимым. Он хорошо понимал Джули... то есть сестру Дельта Четыре, он гораздо лучше понимал ее теперь. С этим не мог сравниться никакой наркотик. Ничто на свете не могло быть сильнее этого зова. Он теперь понимал, почему Джули покинула семью, мир, все удовольствия обычной жизни и самого Ганна, променяв все это на балахон служителя Машины. Он понимал ее, потому что сам оказался на грани совершения подобного выбора — после всего лишь одного сеанса... Быстрым движением руки, пока решимость не оставила его, Ганн швырнул коробочку на пол кабины. Связь-куб затрещал и зажужжал. В этом жужжании Ганн разобрал несколько связных нотморфем, которые изучил, но не стал разбираться в их значении, не дал связь-кубу времени вымолить пощаду. Он поднял ногу и раздавил устройство, как ядовитое насекомое. Жужжание оборвалось. Мелькнули слабые голубоватые вспышки электрических искр, и в следующее мгновение от связь-куба осталась лишь спутанная масса осколков, печатных схем и расплющенных транзисторов.

— С этим покончено, Джули,— сказал он.— Это конец нашей связи с Машиной.

Она молча глядела на него темными равнодушными глазами.

— Неужели ты ничего не хочешь сказать?— не выдержал Ганн.

— Только то, что мне было приказано передать вам, майор Ганн. Сообщение, полученное от Машины.

— К черту Машину!— крикнул Ганн.— Неужели ты не понимаешь, что с этим покончено? Все! Сначала нужно разобраться в том, что произошло, а потом — только потом мы, может быть, снова сможем использовать Машину. Использовать! И не позволим больше, чтобы она использовала нас!

— Я ничего об этом не знаю, майор Ганн,— пропела девушка.— У меня только одно сообщение. В нем говорится: «Майору Ганну. Действия: Проследуйте немедленно на корабль «Сообщность» в Рифах Космоса через Седьмую Станцию Терминатора на Меркурии. Конец сообщения».

Ганн недоверчиво покачал головой.

— Но, Джули!— запротестовал он.— Это же полная нелепи-

ца. Отправляться в Рифы через Меркурий... все равно, что пройти в соседнюю комнату, отправившись сначала на Денеб! Таким путем мы ничего...

— Это нас не касается! — проскрежетал голос генерала Вилера. Ганн обернулся. Генерал стоял в открытой двери кабины управления, в руке он что-то держал. Выражение лица у него было мрачное и испуганное, как у попавшего в ловушку хищника в джунглях.

— Но ведь Меркурий рядом с Солнцем,— сказал Ганн.— Да, мы могли бы пройти рядом с Меркурием, направляясь к дальним областям Рифов. Но зачем совершать посадку? Да еще в определенной указанной точке, у станции на терминаторе?

— Мы туда полетим,— отчеканил генерал.— И мы совершим посадку. На этой самой станции. Майор Ганн! Я говорил вам, что мне необходимо добраться до Рифов и взять вас с собой. У меня есть на то причина. Вот, взгляните! Этот документ упал на пол передо мной, когда я покидал Зал Планирующего после... гм, нашей небольшой перестрелки.

Не говоря ни слова, Бойс Ганн взял из рук генерала листок. Он был кремового цвета, квадратный, без подписи, и текст гласил:

«Если вы намерены спасти себя, свой народ и свои миры, доставьте оператор-майора Бойса Ганна и прибудьте с ним лично на корабль «Сообщность» в Рифах Космоса. Ворота будут открыты на станции семь по терминатору Меркурия, где находится солнечная обсерватория Плана».

— Дитя Звезд! — воскликнул Ганн.

Генерал Вилер кивнул, тяжело, словно усталый механизм, двигая головой.

— Да, сообщение от Дитя Звезд. И точно такое же сообщение получено от Планирующей Машины. Майор Ганн! Вы понимаете, что это значит? Планирующая Машина — это и есть Дитя Звезд!

В каком-то пункте маршрута они сменили самолет на космический нереактивный крейсер Плана. Ганн почти не уделял внимания происходившему вокруг. Он старался как можно более полным образом использовать время для отдыха, чтобы перевести дух после всех потрясений, постигших его за последние несколько недель. Как стремительно они накапливались, как быстро выпили они весь запас энергии его тела и сознания! Он до сих пор ощущал слабую боль во лбу, в костях черепа и где-то за глазами, где прошли электроды, которые врастили в его мозг хирурги. Он все еще чувствовал боль от кровоподтеков, оставленных на его теле специалистами из отдела Безопасности. Как давно это было? Он до сих пор не пришел полностью в себя после битвы с пироподами и своего длинного падения на Землю. В его мышцах еще не растворился яд усталости от сражения на рифе Гарри Хиксона... Он закрыл глаза, и перед ним возникла Карла Сноу. Он открыл глаза — перед ним неподвижно сидела сестра Дельта Четыре, глядя на него, но не видя. Он снова начал чувствовать себя самим собой.

К нему возвращались силы, а вместе с ними и проблема двух женщин, таких разных, но в одинаковой мере занимавших его мысли.

— Джули,— сказал он,— то есть сестра Дельта Четыре, если вам это больше подходит. Верно ли то, что сказал генерал Вилер? Что Машина сошла с ума?

Совершенные черты ее лица, полуприкрытые капюшоном, не дрогнули.

— Я знаю только то, что сказал генерал Вилер,— пропела она.

— Но она на самом деле сошла с ума, Джули. Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она разрушает План. Ты до сих пор желаешь служить ей?

— Я служу Планирующей Машине,— сладким голосом пропела она. Темные глаза девушки были холодны и бесстрастны.

— Из-за наслаждений сообщности? Я понимаю тебя, Джули. Не забывай,— он коснулся блестящей пластинки на лбу,— я тоже почувствовал, что это такое.

В глазах Дельта Четыре что-то мигнуло, какая-то искра снисходительного любопытства. Но она сказала лишь:

— То, что вы испытали, майор Ганн, бледное подобие того, чем награждает Машина своих действительных слуг. А вы еще лишь наполовину слуга Машины. Машина еще не открылась вам полностью,— голос ее звучал, как удары колокола.

Ганн спросил в замешательстве:

— Вы имеете в виду... прямое соединение? Связь через... как это назвать?.. С помощью мыслей самой Машины?

Она лишь пожала плечами.

— Возможно, что-то в этом роде,— равнодушно сказала она.— Вы этого не поймете.— Она быстро пропела серию тональных морфем. Ганн пытался понять смысл, но сразу запутался.

— Вы сказали что-то о... душе?— сделал он предположение.— О душе Машины?

— Теперь понимаете? Мне жаль вас, майор Ганн. Даже больше, чем себя. Так как вы уничтожили мой связь-куб, я не могу соединиться с Машиной, но когда-нибудь я найду другой. Но вы никогда не получите того, что буду испытывать я.

Пока они разговаривали, машин-генерал Вилер дремал. Теперь Ганн заметил, что генерал успел проснуться и прислушивался к их разговору. Когда он встретился глазами со взглядом Ганна, он сел прямо и хрипло захохотал, словно старая машина, за которой плохо присматривали.

— Дура,— сказал он, бросив презрительный взгляд на девушку.— И ты, Ганн, тоже болван. Ни ты, ни она — вы не способны выжить.

— Я выживу, если этого потребует Машина,— пропела девушка.— Я прекращу существование, если Машина перестанет испытывать во мне потребность.

Генерал механообразно кивнул и повернулся к Ганну.

— Видел? А что же тебя заставляет жить?

— Не знаю,— честно сказал Ганн. Он встал и прошелся по тесной каюте крейсера. В слабом поле тяготения, которое создавал нереактивный генератор космолета, его походка утратила уверенность.

— Там, среди Рифов, они говорили о свободе...— сказал он.— Я не уверен, но... Да. Надежда на свободу поддерживает меня сейчас, надежда на то, что свобода реальна и что в ней — благо.

Генерал снова захохотал. Без всякого чувства, словно проигрывая древнюю запись, он сказал:

— Планирующий, которого я недавно убил, понимал, что такое свобода. Он называл ее «романтической ересью». Свобода — она позволяет этим грязным анти-Плановым кочевникам в Рифах влачить свое жалкое существование. Это миф.

— Я видел в Рифах счастливых мужчин и женщин,— тихо сказал Бойс Ганн, больше для себя самого, чем для генерала.

— Ты видел животных! Они верят в добрую природу человека. Они верят, что обыкновенные люди, оставленные без власти Плана на дрейфующем куске рифа, произвольно откроют в себе природные источники морали и изобретательности. Они ошибаются!

Он закрыл глаза и снова открыл, глядя на Ганна и хранящую молчание девушку.

— Человек плох по своей природе,— сказал он.— Создатели законов всегда это знали. Ко всякому доброму поступку его нужно побудить, заставить, подтолкнуть. И наш План Человека был построен в подтверждение этого правила — краеугольного камня всей цивилизации. План признает порочную сущность человека. И он заставляет его двигаться по пути прогресса и добродетели. Другого пути нет!

Под ними лежал Меркурий, планета-ад.

Управляющие сенсоры их крейсера протянули вперед свои лучевые щупальца, касаясь планеты, Солнца, ориентируясь по заданным точкам положения ярких звезд, ощупали полюса и экваториальные зоны планеты, потом зафиксировали нужную точку на линии терминатора — границе между светом и тенью. Затем, будучи в состоянии машинного аналога чувства удовлетворения, они завершили коррекцию курса и вывели крейсер на посадочную траекторию. До великого ослепительного костра Солнца оставалось всего тридцать с чем-то миллионов миль — в три раза меньше, чем от Земли. Могучее излучение тепла и света возросло в девять раз. Поверхность Солнца испещрили оспинами темные пятна, чашевидные образования, называемые гранулами. На него больно было смотреть даже сквозь толстые фильтры. Машин-генерал Вилер сердито шевельнул рукой, и на центральном видеоэкране черное пятно заслонило изображение Солнца, как Луна во время затмения. Теперь они могли видеть алую хромосферу,

медленно вздымающиеся арки протуберанцев, словно кусающие пустоту змеи. Все это окружала белая сияющая корона. В этом могучем горниле каждую секунду целые моря солнечного водорода превращались в гелий, излучая океаны энергии. Каждую секунду каждый квадратный сантиметр необъятной поверхности светила бросал в пространство шесть тысяч ватт лучевой энергии. На солнечной стороне Меркурия расплавленное олово и свинец, подобно воде, стекали с оплавленных камней. Жидкая атмосфера, выжженная из скал солнечным жаром или ударами метеоритов, проводила частицу тепла на теневую сторону, которая иначе застыла бы в холоде, почти не отличающемся от близкого к абсолютному нулю мороза на Плутоне. Расположенные на линии терминатора станции Плана балансировали на грани между испепеляющим жаром с одной стороны и смертельным холодом с другой.

— Вот она! — проскрипел генерал Вилер, тыкая пальцем в экран. — Станция номер Семь. Так-так, посмотрим, что это за Дитя Звезд!

Массивный крейсер Плана, покачиваясь в поле своих генераторов нереактивной тяги, замедлил падение, повис неподвижно, потом нежно коснулся оплавленной скалы, замерев в тени серебристого купола, протягивающего в сторону Солнца все свои раструбы телескопов, радаров, пирометров, мазеров. Над входом в купол сверкала надпись:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Генерал Вилер коротко рассмеялся.

— Верных кому, а? Мне, Ганн! Верь в Меня!

Бойс Ганн спокойно посмотрел на него, потом на сестру Дельта Четыре. Она по-прежнему хранила молчание, глаза ее были спрятаны складками черного капюшона. Ганн покачал головой, но ничего не сказал. Про себя он подумал: «Безумен. Так же безумен, как и Машина».

Из купола в их направлении медленно выдвигалась труба входного коридора. Ее конец встретился с воздушным шлюзом корабля и герметически соединился. Открылись люки.

Ганн поднялся.

— Пойдемте. Все вместе. Я... я не знаю, что мы увидим.

Генерал Вилер прошествовал вперед, ноги и локти его двигались, словно поршни мотора. Сестра Дельта Четыре приблизилась к люку, потом заколебалась и взглянула на Ганна.

Она быстро пропела серию нот, голос ее был чист, как звон хрустальных колокольцев.

— Я... я не понял, — сказал Ганн. — Как вы уже говорили, я обучен лишь наполовину. Что-то касающееся родственника?

— Я попросила вас проявить осторожность, майор Ганн, — сказала Дельта Четыре по-английски. — Там брат, его характер эмоционально неустойчив.

— Я не понимаю,— сказал Бойс Ганн.

Девушка ничего не ответила, лишь равнодушно кивнула и прошла в люк, ведущий в терминаторную станцию номер Семь.

Ганн последовал за ней и услышал хриплый рев генерала Вилера:

— Кто-нибудь, привет! Есть тут кто-нибудь вообще?

Генерал стоял, взобравшись на крышку металлического стола, покрытого эмалью, вертя головой во все стороны. Позади него протянулись ряды электронного оборудования, похожие на шкафчики в гимнастическом зале, в которые кладут одежду. Они гудели, жужжали и мигали лампочками, игнорируя присутствие генерала. Больше в комнате никого не было.

— Не понимаю,— процедил генерал. Он слез на пол, взял трубку телефона, наугад ткнул кнопку вызова, послушал и швырнул трубку на место.

— Никого здесь нет,— сказал он, в раздражении нахмурив лоб.— Это что, шутка? Осмелился бы Дитя Звезд шутить со мной!

— А в остальных помещениях, генерал? Тоже никого?— спросил Ганн.

— Обыщите!— пролаял Вилер.— И вы тоже, сестра! Здесь должен быть кто-нибудь! Дверь в Рифы... ключ к тайне «Сообщности»... я не позволю, чтобы они выскользнули из моих рук!

Ганн предупреждающе взглянул на Дельту Четыре, но она не ответила на его взгляд. Перебирая тональные четки, она послушно направилась к одной из дверей. Складки ее капюшона зашевелились — она искала в соседнем помещении следы присутствия людей. Ганн пожал плечами и, выбрав другой дверной проем, начал поиски. До него доносились сердитые возгласы генерала, щелканье и жужжание автоматических приборов обсерватории, продолжавших направлять инструменты на заданные области солнечного диска и обрабатывать полученные данные. Он слышал далекие вздохи насосов, посвистывание воздуха в вентиляционных трубах. Больше ничего не было слышно. Обсерватория была пуста. Ганн прошел через помещение, где находилось хранилище информации — на стеллажах разместились катушки с магнитными лентами, на которых были записаны результаты бесчисленных машино-часов наблюдения за светилом, потом заглянул в комнату, служившую, очевидно, для отдыха, и оказался в главном помещении обсерватории. Безмолвие. Неподвижность.

— Кто-нибудь!— крикнул Ганн, эхом повторяя далекий возглас генерала Вилера. Ответа не было.

Как правило, команда такой автоматизированной станции, как терминаторная номер Семь, составляла полдюжины человек, может быть, еще меньше. Но трудно было поверить, что произошла катастрофа, покончившая сразу со всеми... Или так казалось Ганну. Потом, повернувшись, он понял, что катастрофа действительно произошла.

Их было трое. Трое мужчин, свалившихся в кучу, словно соломенные чучела, у закрытой и запертой двери. Они были мертвы — сомнений не было. Сверху лежал уже немолодой седой человек в форме тех-капитана. Его невидящие желтоватые глаза уставились в потолок. О двух остальных Ганн мало что мог сказать — хорошо были видны только знаки различия. Один был тех-лейтенантом, второй — кадетом. Один — молодой и полный, второй — тоже молодой и странным образом кого-то Ганну напоминающий. Ганн нагнулся, коснулся мертвых тел. Пульса не было. Дыхания тоже. Но тела казались еще теплыми. Наверное, это лишь воображение, подумал Ганн. Или виновата температура в комнате — слишком близко к солнцу станция, хотя ее помещения и охлаждаются холодным воздухом из рефрижераторов. Послышался слабый шум, и Ганн рывком выпрямился и прислушался, нахмурясь. Звук был не один. Их было два. Первый он сразу определил — это пели тональные четки сестры Дельта Четыре. Следуя по собственному маршруту сквозь помещения купола, она приближалась к главной камере. Но второй звук? Казалось, он доносится откуда-то из самой камеры. Ганн обернулся и посмотрел на запертую дверь. Может, звук доносился из-за двери? Похоже, там находилась кладовая или отсек для хранения записей. Дверь была солидная, и открыть ее можно было только специальным ключом. Но теперь Ганн был уверен — за дверью было что-то живое. В камеру вошла сестра Дельта Четыре, увидела Ганна, потом быстро подошла к трем мертвым телам, склонилась над ними. Когда она снова подняла голову, взгляд ее был темен.

— Не нужно его бояться, майор Ганн,— пропела она.

— Кого бояться? — не понял Ганн.

— Брата,— протянула девушка.— Он умер. Его анти-Плановые эмоции не должны вас больше волновать.

— Брата? Но...— И Ганн замолчал, не закончив предложения. Он начал понимать. Он нагнулся и повернул голову мертвого тех-кадета. Да, это лицо он уже видел раньше.

— Ваш брат! — воскликнул Ганн.

Сестра Дельта Четыре поправила его:

— Брат Джули Мартин. Брат моего тела, совершенно верно. Как видите, он мертв.— В глазах ее не светилось даже искры сочувствия, словно она говорила о погоде.

Толстая квадратная дверь, перед которой лежали мертвые, по-прежнему таила за собой источник непонятных звуков, но Ганн не обращал на них внимания. Брат Джули Мартин! Он видел сходство — те же серьезные глаза, та же линия подбородка... У сестры Дельта Четыре она завершала правильный овал лица, у юноши она обрисовывала сильный подбородок, но лицо его было лицом мечтателя. Но Бойс Ганн заметил не только это. Не веря глазам, он нагнулся, придвинувшись поближе. Сомнений не было. Несмотря на мертвенную бледность, кожа лица имела явный золотистый оттенок. Она почти светилась. Ганн быстро осмотрел оста-

льные трупы. То же самое! Подобно машин-полковнику Зафару, подобно Гарри Хиксону, подобно существам Рифов, трое мертвых технокорпусцев слегка мерцали, словно далекое Солнце отражалось на блестящем медном шлеме.

Утащив за собой сестру Дельта Четыре, Ганн отыскал генерала Вилера и кратко рассказал ему о том, что видел.

— Тот самый золотистый цвет, генерал,— сказал он.— Это смертельно. Или...— Он замолчал, вспомнив Гарри Хиксона, который умер от болезни, но потом снова оказался живым.

Он отбросил эту мысль.

— Смертельно,— повторил он.— Кажется, это называется фузоритной инфекцией. Если поместить каплю их крови под микроскоп, мы увидим маленькие светящиеся шарики фузоритов. Что-то вроде симбиоза, как говорил доктор Сноу. Но для человека он смертелен...

— Фузориты, говоришь?— проскрипел генерал Вилер.— Ага, значит, Рифы! Ты понимаешь, что это означает? Дитя Звезд, вот что. Мои сведения были верны. Он здесь.

— Не может быть,— запротестовал Ганн.— Мы обыскали всю станцию и никого не нашли.

— Мы никого не видели, генерал,— эхом повторила сестра Дельта Четыре.— Здесь никого нет, только умершие.

— Живые, мертвые, но он должен быть здесь,— проворчал генерал.— Я его найду! Я заставлю его отвезти меня на «Сообщность»!

Бойс Ганн вспомнил о звуках за массивной дверью.

— Там есть одно место, генерал,— сказал он.— Там... что-то может обнаружиться. Рядом с телами есть дверца...

— Вперед!— закричал генерал и помчался в соответствии с призывом, словно приведенная в действие машина, не дожидаясь ответа остальных. Ганн и девушка отыскали его в отдаленной инструментальной части станции, в подвале среди хранилищ с консервами и чистыми катушками магнитной ленты. Генерал, время от времени издавая вопли, рылся в кипах припасов. Обратный путь, даже в слабом поле тяготения Меркурия, был утомителен, и сестра Дельта Четыре начала задыхаться уже на полпути. Потом они оба остановились, тяжело дыша, глядя друг на друга. Потому что оба услышали один и тот же звук — далекий гул движущихся гусениц шасси, с помощью которого передвигался соединительный коридор. Звук передавался через скалу и фундамент станции. Через длинную трубу коридора шлюз из крейсера соединился со шлюзом станции. Теперь коридор пришел в движение. Значит, или прибыл еще один корабль...

Или их собственный крейсер готовился к взлету!

— Бежим!— крикнул Ганн, и они помчались изо всех сил.

Массивная дверь, перед которой лежали раньше мертвые тела, была распахнута настежь. Мертвые исчезли.

Генерал Вилер и Ганн без слов повернулись и принялись обыскивать камеру, заглядывая под столы, консоли пультов, в ниши приборов.

— Они исчезли,— наконец сказал Ганн, и генерал повторил как эхо: «Они исчезли».

И новый голос добавил:

— Они также забрали ваш корабль.

Ганн и генерал стремительно развернулись. Сестра Дельта Четыре не стала беспокоить себя поисками в камере, а сквозь открытую теперь массивную дверь вошла в скрывающуюся за ней каморку со стальными стенами. Она явно предназначалась для хранения самых ценных записей на случай какой-нибудь катастрофы, грозящей станции уничтожением, но теперь в ней хранился ценный предмет совсем иного рода. Это была девушка. Губы ее были еще белыми — сестра Дельта Четыре только что вытащила из ее рта кляп и продолжала теперь освобождать ее руки от веревок.

— Они взяли ваш корабль,— повторила девушка.— Все трое. Они открыли дверь... а потом убежали.

Ганн едва понимал, что она говорит. Что-то совсем другое занимало его мысли. Волосы медового цвета, мягкий загар, голубые яркие глаза... он знал эту девушку!

Девушка, которую они обнаружили в обсервационном куполе станции на Меркурии, была той самой девушкой, с которой он познакомился несколько недель и несколько миллиардов миль тому назад. Это была Карла Сноу.

Насосы рефрижераторов накачивали в купол охлажденный воздух, но казалось, что огромный диск Солнца, по которому медленно проползали волны бури, немилосердно сжигает их с видеоэкрана своими лучами, словно они стояли обнаженные на скалах поверхности планеты.

Карла Сноу протянула руку и коснулась Ганна.

— Я думала, ты погиб,— сказала она удивленно, и глаза ее переместились на сестру Дельта Четыре, которая, опустившись на колени рядом, терпеливо растирала опухшие запястья Карлы.

— Неважно,— сказал Ганн.— Как ты сюда попала? Это... это сделал Дитя Звезд?

Карла задумчиво покачала головой.

— Я не знаю. Когда ты исчез, я принялась искать тебя.

Генерал Вилер, приникший к одному из оптических телескопов, проскрежетал:

— Ага, вот и они! Я вижу злодеев! Они между нами и Солнцем!— Он яростно завозился с переключателями на экранах, защелкал, изображение затанцевало и сменилось новым.

Они увидели крейсер Плана, который доставил их сюда. Он был уже очень далеко, едва заметный на фоне усыпанного звездами неба, окружавшего сверкающий шар Солнца.

— Кто же управляет им?— пробормотал Ганн.

— Те самые преступники, которых мы здесь нашли!—

пролаял генерал Вилер.— Они прикинулись мертвыми. Они провели нас! Теперь они похитили наш корабль. Мы пропали.

— Генерал,— совершенно искренне сказал Ганн,— я не прошу вас верить мне, но я не мог ошибиться. Они не притворялись. Они действительно были мертвыми.

— Не может быть,— проскрипел генерал.— Посмотрите на этих идиотов! Они направляются прямо к Солнцу!!! Но корабль не рассчитан на температуру фотосферы! Они убьют себя!

Ганн устало повернулся к Карле Сноу.

— Ты сказала, что искала меня. Зачем?

Она вспыхнула и отвела взгляд. Не ответив на вопрос, она сказала:

— Полковник Зафар умер. Отец сообщил, что это опасная болезнь, и он... повез тело на Свободное Небо для исследования. Он не знал, что с тобой случилось. И я тоже не знала. Но... я подумала, что смогла бы тебя отыскать.

Сестра Дельта Четыре тихо поднялась, перешла на другую сторону, начала массировать другое запястье. Карла продолжала рассказ, избегая смотреть на Ганна. Иногда она бросала взгляд на Дельту Четыре, иногда — на генерала Вилера, иногда — на огромный диск Солнца, висящий посреди экрана. К нему, к одному из его похожих на щупальца протуберанцев приближался крейсер. Она вызвала своего пространственника, рассказывала Карла Сноу. Потом вынесла под открытое небо маленького пироподa Гарри Хиксона, выпустила его на свободу. Пироподописал несколько кругов, потом устремился в открытое пространство... И, оседлав пространственника, она последовала за ним.

— После того, как ты исчез, а полковник Зафар умер, он совсем, кажется, сошел с ума,— сказала Карла.— Метался по комнатам. Я подумала, что он ищет тебя. И я подумала, что, если выпустить его на свободу, он, может быть, найдет тебя.

— Дитя Звезд!— загрохотал генерал Вилер.— Рассказывай о Дитя Звезд, женщина! Ты его нашла?

Она заколебалась.

— Кажется, я видела его или слышала,— сказала она наконец.— Кажется, я встретила его в центре Риф-Вихря.

Риф-Вихрь — не планета, не звезда и не комета. И даже не риф в собственном смысле слова. Он сочетал в себе элементы всех вышеперечисленных явлений. Несомненно, первоначально это был риф. Как дальняя планета, он вращался вокруг Солнца. Как у кометы, большую часть его массы составляли газы. И в сердцевине его шла реакция превращения водорода в гелий, как в звезде. В сущности, Риф-Вихрь представлял собой более массивный, более плотный риф, чем все остальные скопления этих пасынков Солнца. Со временем, при наращивании массы, он мог превратиться в ядро новой планеты. Он обладал невероятным угловым моментом вращения. Какая-то более мощная сила, чем гравитация,

удерживала составляющие его элементы от выбрасывания в пространство. Составлявшие его рифы были более старыми и не такими, как все наружные, обыкновенные рифы. Жуткие, мутировавшие виды пироподов роились вокруг Вихря. В центральные области Вихря никогда не проникал человек, даже сами жители Рифов. Об этом месте ходили страшные легенды. Жизнь, которая нашла здесь свой приют, развивалась уже очень давно. Прямо, как стрела, детеныш пиропода, который раньше принадлежал Гарри Хиксону, устремился к Риф-Вихрю, а за ним, едва не теряя из виду голубоватый отсвет его ракетного выхлопа, мчалась на пространственнике Карла Сноу.

— Мне было страшно,— рассказывала она.— Мы миновали рой пироподов. У них как раз начался сезон размножения. Их там были тысячи, они кружились в пространстве, как единое тело. Если бы они обратили на нас внимание и бросились в погоню, нам бы не удалось уйти. Но думать об этом было уже поздно... и даже больше пироподов я боялась самого Вихря.

— Дитя Звезд!— прикрикнул генерал.— Скорее!— Глаза Генерала были прикованы к экрану, на котором крейсер Плана все ближе и ближе подходил к Солнцу, а один из больших протуберанцев, казалось, протянул ему навстречу язык пламени, стараясь лизнуть.

— Мы достигли Риф-Вихря,— сказала девушка,— и там я потеряла пиропода. Но Белла — это мой пространственник — казалось, она знала, куда он пропал. Мы полетели дальше.

Вблизи Риф-Вихрь выглядел, как маленькая галактика. Составлявшие его отдельные рифы светились разными цветами, словно отдельные звезды. Края Вихря составляли мертвые, темные скалы и рифы. Там, как подумала Карла, находились гнезда пироподов. Она почувствовала, как задрожал пространственник, как наполнились ужасом его большие влажные глаза. Но они продолжали полет.

— Белла как будто не могла справиться с собой,— сказала Карла.— Казалось, она против своей воли движется вперед, к собственной гибели — или чему-то, что пугало ее еще больше.

— Точно так же, как эти дураки, укравшие корабль,— проскрипел генерал Вилер.— Значит, там ты и нашла Дитя Звезд? В этом Вихре?

Карла Сноу ответила не сразу.

— Я не уверена. Честно говоря, генерал Вилер, я не знаю, что видела в Вихре. Я знаю только, что очень многого там на самом деле не было.

— Иллюзии?— осведомился генерал.— У тебя были галлюцинации?

Она неуверенно кивнула.

— Да... Нет, я не знаю. Только многое, что я там видела, не могло там быть на самом деле. Я видела Гарри Хиксона, хотя

я знаю, что он умер. И полковника Зафара... И... Бойс, я видела там тебя.

Они углубились в сердцевину Вихря. Пространственник приходил во все большее неистовство. Они давно миновали внешний край Вихря с его гнездилищами пироподов, но впереди должно было находиться нечто, приводившее Беллу в еще больший ужас, чем туннели, полные ракетных чудовищ.

— Не бойся, детка,— прозвучал вдруг в ушах Карлы голос отца. Она вскрикнула и оглянулась. Кроме нее, в маленькой воздушной оболочке, которую нес с собой пространственник, никого больше не было.

— Не останавливайся, малышка,— сказал другой голос. Это был голос человека, который совсем недавно исчез на ее глазах в светлом водовороте и которого она теперь искала, Бойса Ганна.

Потом послышался третий голос:

— Карла, теперь самое главное — иди только вперед! — и этот голос испугал ее больше всех остальных. Это был голос Гарри Хиксона. Галлюцинации? Другого объяснения не могло быть. Гарри Хиксон давно умер. Она была одна. За пределами воздушной оболочки Беллы начинался вакуум, который не проводил звуковые волны, поэтому там тоже никто не мог скрываться. Но галлюцинации не оставляли Карлу.

— Не бойся пироподов,— посоветовал голос, хриплый, растягивающий слова, голос Гарри Хиксона, она была в этом уверена.— Вперед! Мы тебя ждем!

Она вспомнила слова умирающего полковника Зафара: «Ловушка сознания... бойся тайных желаний...» В них слышалось предостережение. Но ей не оставалось ничего другого, как положиться на пространственника, все глубже уносившего ее в центр Вихря. Мимо проносились мелкие светящиеся рифы, как сверкающие алмазные грибы, клубки раскаленной проволоки, светящиеся многогранники — кошмарные разноцветные миры, которым она не могла найти названия. И потом они оказались, как поняла Карла, в самом сердце Вихря. Там плавал в пустоте исполинский корабль, такой гигантский, словно все скопление Свободного Неба. Сквозь открытые бойницы смотрели стволы смертоносных излучателей и пусковых ракетных устройств. Но двигатели его были мертвы. Он вращался по свободной орбите в центре Вихря.

— Великий План! — вскричал генерал Вилер в диком возбуждении.— «Сообщность»! Это должна быть «Сообщность»!

Карла Сноу посмотрела на него с некоторым недоумением.

— Да, это название было на его борту. Это ваш корабль, генерал?

Генерал излучал безудержную радость триумфа.

— Да, теперь мой! Мой корабль... моя Машина на его борту... и как только я доберусь туда, все миры тоже станут моими! Ты отведешь нас туда, женщина! Когда я стану владыкой Машины, ко-

торую он несет на борту, я вернусь сюда, к планетам Плана. Не генералом, даже не Планирующим — я буду управлять самой Машиной! Я...— он замолчал, глядя на Бойса Ганна.— В чем дело?— проскрежетал он.

— Каким образом вы предполагаете добраться туда, генерал?— спросил Ганн.

Лицо генерала помрачнело. Нахмурясь, он посмотрел на экран, где безнадежно далекий от них крейсер обходил стороной огромный язык, продвинувшийся вперед, пока они разговаривали.

— Продолжайте,— проворчал он.— Я найду способы. Я доберусь до «Сообщности», и тогда... Неважно! Продолжайте.

Вокруг гигантской космической крепости, выкрашенной для камуфляжа в черный цвет, ощетинившейся пусковыми установками и стволами лазерных излучателей, кружил непонятный золотой туман. Как дымка из капель жидкого золота, как золотое облако. Откуда в пространстве могло появиться облако, даже в Вихре? И все же она его видела собственными глазами. В самом центре его туман сгущался в золотую плотную сферу. Словно луч лазера, направленный в цель, пространственник несся к золотому облаку. Карла в ужасе закричала — при их приближении поверхность облака, казалось, метнулась им навстречу. Появилось туманное вздутие, превратившееся в щупальце, протянутое к пространственнику и Карле. И бесплотный голос-галлюцинация, принадлежащий Гарри Хиксону, прохрипел:

— Карла, малютка! Не бойся! Вперед!

Она не могла бы остановить пространственника, даже если бы хотела. Белла больше ей не подчинялась. Голос был чистой иллюзией, но Карла обнаружила, что он придал ей уверенности. Паника уменьшилась. Со странной отрешенностью смотрела она, как выпуклость разделилась на три части. Каждая часть продолжала расти, пока не превратилась в золотую змею. Она видела, как все три змеи, извиваясь, тянутся ей навстречу... Они ударили. Горячие желтые кольца сдавили ее. Но боли не было. И даже страх стал еще меньше. Живые золотые канаты потащили ее к золотой сфере, и она становилась все более спокойной, все более бесстрастно воспринимая окружающее. Даже пространственник избавился от страха. Устроившись в золотых объятиях колец, словно в гнезде, Белла мурлыкала, будто большой котенок.

Карлу тоже клонило в сон. Ей показалось, что она слышит голос Гарри Хиксона, спокойный, настойчивый, говоривший ей что-то очень важное.

— Ты должна отправиться туда, детка,— говорил он ей.— Отправиться туда и выполнить задание. Потом ты должна вернуться сюда...

Как хорошо было снова услышать его спокойный голос. Карла Сноу заснула. Она спала, и время шло...

— И,— сказала она,— когда я проснулась, я знала, что мне нужно делать. Я должна была отправиться за вами и привести вас обратно. Всех вас. Он хочет, чтобы вы пришли к нему.

— Дитя Звезд! — проскрежетал, словно напильник, генерал Вилер.— Ты его имеешь в виду?

Но Карла упрямо качала головой.

— Я не уверена. Я знаю только, что я должна сделать. Только это.— На ее лице вдруг появилось выраженѣе тревоги.— Здесь меня встретили трое, они испугались. Они заперли меня, они не хотели ничего слушать.

— Майор Ганн, генерал Вилер, мисс Сноу. Следите ли вы за экраном? — пропела сестра Дельта Четыре.

Они повернулись, как один, уставясь на видеоэкраны.

На экране пылало Солнце. Яркий протуберанец успел еще больше вырасти. Он, словно гигантский гребень волны, новис теперь над крейсером Плана, в котором бежали трое — те, что должны были лежать мертвыми. Протуберанец напоминал кобру, готовую нанести удар. И, подобно змее, он ударил. Крейсер изменил курс — слишком поздно! Хотя на экране движение языка пламени казалось плавным, на самом деле он перемещался со скоростью несколько миль в секунду. Как бы ни лавировал крейсер, убежать он не мог. Протуберанец коснулся его. Маленький черный силуэт исчез. Бойс Ганн вдруг обнаружил, что его пробирает дрожь, услышал, как проскрежетал проклятье генерал, стоявший рядом. Крейсер больше не существовал. Гигантский протуберанец начал медленно падать обратно на Солнце.

Генерал первым пришел в себя. Медный ежик волос, твердая бронза черт лица — все дышало решимостью.

— Отлично,— сказал он.— Теперь можно забыть об этом корабле. Вопрос — как нам выбраться отсюда? Второй вопрос — как добраться до Рифов. И попасть на «Сообщность»?

— С этим не должно быть затруднений,— гордо пропела сестра Дельта Четыре.— Машина сказала, что ворота на «Сообщность» должны находиться на этой станции.

Генерал уперся в девушку взглядом своих серо-стальных глаз.

— Но где? За люком шлюза? На скалах? Там мы изжаримся за считанные минуты! Или вы предлагаете нам летать?

Он замер на полуслове, бронзовое лицо застыло, потом он повернулся к Карле Сноу.

— Ваши звери? Что с ними потом произошло? С пространственниками, или как они там называются.

Но Карла покачала головой.

— Так близко от Солнца Белла не могла бы выжить,— сказала она.— Радиация убила бы ее, а вместе с ней и нас всех, потому что мы зависели бы от ее воздушной капсулы. Кроме того, ее нет со мной.

— Тогда как же? — воскликнул генерал.— Должен же быть

способ! Оба сообщения — от Дитя Звезд и от Машины — указывают именно на эту станцию!

— Совершенно верно, генерал,— тихо сказала Карла Сноу.— Поэтому я сюда и прибыла. Чтобы доставить вас в Рифы. Я не знаю, каким образом. Я знаю лишь, что это должно произойти.

Комната, казалось, накренилась. Толчок застал их всех врасплох. Они испуганно посмотрели друг на друга, в разной степени удивленные.

— Кажется,— мрачно сказал Ганн,— мы уже нашли эти ворота.

Это ощущение было ему знакомо. Он знал, что для сил, вызвавших его, долгий путь в Рифы мог сократиться до нескольких секунд. Он не чувствовал страха. Наоборот, в том факте, что они скоро встретятся с лицом, вызвавшим такие потрясения по всей Солнечной Системе, заключалось даже облегчение. Но что-то беспокоило его, какой-то вопрос, заданный совсем недавно, на который так и не было дано ответа. Комната снова накренилась, свет померк. И он вспомнил.

— Но почему, Карла?— прохрипел он.

Девушка из Рифов взглянула на него влюбленными глазами.

— Что «почему», Бойс?

— Почему они тебя испугались? Ты сказала, что люди на станции испугались тебя. Почему?

Комната, казалось, содрогается и корчится, словно видимая сквозь бракованное увеличительное стекло. Свет удаляется — или это они удалялись от источника освещения. С каждой секундой между ними рождались все новые кванты пространства, разделяя их, хотя они сами оставались неподвижны, подобно разбегающимся галактикам. И тогда Ганн увидел ответ. Карла могла не отвечать. Он сам увидел причину страха трех членов команды станции. В меркнувшем свете только Карла по-прежнему была видна ясно. Ее лицо, руки, тело ярко светились. Светились золотистым светом.

Они падали сквозь пространство. Путь их был бесконечен, потому что вел в вечность. Потом падение кончилось. Они прибыли в пункт назначения. Они оказались в удивительном новом мире. Вокруг повисли во тьме пространства разноцветные миры Вихря — изумруды, рубины, голубые и чисто белые самоцветы. Медленно пульсировало золотое облако, которое пленило Карлу Сноу, и внутри него висел гигантский корабль-крепость Плана «Сообщность». Карла Сноу описала корабль, но она не могла передать впечатления от его размеров. Это был космический исполин. Бойс Ганн увидел, что они не одни. Какая-то масса метнулась к ним и вдруг замерла на месте, радостно повизгивая. Светящийся красный нос ткнулся в руки Карлы.

— Белла!— воскликнула девушка и похлопала темно-золотистый бархатный бок животного.— Это мой пространствен-

ник,— пробормотала она.— Мы в его воздушной капсуле. Без нее мы не прожили бы здесь и секунды.

— Скорее кончайте с сантиментами, женщина,— проскрежетал генерал Вилер.— Может ли это животное доставить нас на «Сообщность»?

— Мы уже направляемся туда,— сказала Карла.— Посмотрите сами, генерал.

Они приближались к кораблю. Силуэт громадного судна вырастал по мере их приближения. Корабль оказался на более дальнем расстоянии, и размеры его были еще более величественными, чем представлялось Ганну. Он превратился в длинный планетоид из гладкого черного металла, повисший в пространстве между золотым облаком, которое доминировало в сердце Вихря, и вращающимися крохотными мирами, которые разноцветили небо вокруг. Они описали круг и обнаружили зев главного воздушного шлюза у основания корабля, между шестью выступающими черными цилиндрами двигательных установок, поднявших его некогда с Земли. И похоже, все эти годы они ни разу не приходили в действие. У корабля был заброшенный вид. Пространственник без дополнительных указаний, словно его манила невидимая сила, устремился прямо в люк шлюза и замер. Входные ворота «Сообщности» высотой не уступали трехэтажному дому. Когда они вплыли внутрь, кольца светильников на черных стенах вдруг ожили, озарив зал мягким сероватым светом. Огромные створки люка бесшумно задвинулись за ними. Они были замкнуты среди стальных стен. И повсюду на стенах были заметны вмятины и шрамы, словно когда-то здесь происходили грандиозные сражения. Но Ганн знал, что никаких битв здесь не было. Откуда же следы? Не могли ли оставить их метеориты — ведь люк был открыт десятилетиями? Генерал Вилер заметил озадаченное лицо Ганна и проскрипел:

— Пироподы! Они изгрызли мой корабль! Клянусь Планом, я изничтожу всех до единого!

Генерал был прав, понял Ганн. И не только прав, но и охвачен гневом. Это был его корабль, его копия Планирующей Машины. И с ее помощью он намеревался сделать своими все миры Солнечной Системы. Бойс Ганн смутно осознал, что на борту «Сообщности» имелись вещи, гораздо более опасные, чем пироподы. Он вдруг обратил внимание на шорохи и свист насосов и понял, что шлюз наполняется воздухом. Теперь они уже не нуждались в защите капсулы пространственника. И животное поняло это раньше, чем они.

— Белла!— строгим голосом, в котором слышалась любовь, приказала Карла.— Веди себя прилично!

Но разыгравшийся пространственник проявил упрямство. Он метался вдоль зала шлюза, словно пиропод. И у дальней стены обнаружил щель, которой секунду назад там еще не было. Возбу-

жденно мяукая, пространственник протиснулся в узкое отверстие и исчез.

— Ага! — вскричал генерал Вилер.— Наконец-то! Машина ждет меня! — и он исчез почти так же стремительно, как и пространственник.

Остальные последовали за ним, хотя и не так быстро: Карла Сноу, обеспокоенная судьбой любимицы, за ней Ганн, а замыкала колонну мрачная фигура сестры Дельта Четыре в черном балахоне. Псевдогравитационное поле напряжением примерно в одну десятую «ж» позволяло спокойно идти, но избавляло от большей части усилий, которые потребовались бы на подъем по шахтам из шлюза в центральную часть корабля. Но все равно Ганн едва не задохнулся, стараясь не отстать от мчавшегося вперед генерала. Они находились в шахте, уходившей, казалось, бесконечно вверх. Потом они миновали точку, где менялась поляризация псевдогравитационного поля, и шахта превратилась в головокружительную бездну, в которую они падали, пока их тела не переориентировались и не восприняли шахту как горизонтальный коридор. Холодный ветер дул по коридору. Воздух пах пылью, был сух и заставлял их кожу покрываться пупырышками дрожи. Воздушный поток вызывал слабую вибрацию в стенах коридора. Генерал исчез из вида. Ганн замедлил бег, стараясь отдышаться.. Воздух был разреженный, он не привык к такому. Наверное, старые воздушные резервуары уже успели почти опустеть. Он оглянулся по сторонам и обнаружил едва заметную серую надпись. «СТОЛОВАЯ 3» было указано на ней. Длинные столы уходили в темноту. Здесь когда-то должны были принимать пищу члены экипажа. Ганн остановился и подождал, пока девушки поравняются с ним.

— Генерал убежал,— сказал он.— Ищет Планирующую Машину. Я... я думаю, что он может ее найти, и очень опасаюсь того, что может тогда произойти.— Он взглянул на Карлу, беспокойство на лице которой было вызвано, в основном, судьбой пропавшего пространственника, и на Дельту Четыре, прикрытые тенью капюшона глаза которой вообще ничего не выражали.

— Если Машина на корабле хотя бы наполовину так могущественна, как та, на Земле,— сказал он,— а мне говорили, что они равны по своим возможностям... тогда Вилер вполне может завоевать с ее помощью всю Солнечную Систему.

— Что мы должны делать?— просто спросила Карла Сноу.

— Нам нужно разделиться. И найти его. Конечно, он вооружен. Не пытайтесь задержать его самостоятельно. Только крикните — погромче — я вас найду.

— Но вы тоже не вооружены, майор Ганн.— Певучий прозрачный голос сестры Дельта Четыре казался самим голосом здравого смысла.— Вы не более нас способны с ним справиться.

— Это моя забота! Вы только найдите его... В чем дело?

— Ни в чем, майор Ганн,— сказала сестра Дельта Четыре. Лицо ее по-прежнему прикрывал капюшон.

— Я не вам. Карла, что такое?

— Это... это не опасно,— сказала Карла грустно.— Я хочу сказать, Бойс, чтобы ты не волновался.

Ганн коротко засмеялся, не в силах сдержать себя. Уверенность Карлы была совсем не к месту.

— Нет, нет, Бойс, я говорю правду. Ведь мы все попали сюда не случайно. Меня послали за вами. Дитя Звезд... если это он меня послал... он знает, как справиться с генералом Вилером.

— Я не намерен рисковать,— мрачно сказал Ганн.— Карла, отправляйся по этому проходу. Джули, следуй за ней, проверяй все боковые ответвления. Я осмотрюсь вокруг и пойду за вами.

Он успел пройти половину древнего зала столовой, когда девушки исчезли из виду, и тут только Ганн вспомнил.

«Она не поправила меня, когда я назвал ее Джули,— подумал он.— Интересно, почему».

Столовые 2 и 1 оказались такими же стерильными и пустынными, как и столовая 3. Больше на этом уровне ничего не было. На следующем уровне помещались кубрики экипажа, тоже пустынные. Несомненно, Карла и Дельта Четыре успели осмотреть их. Ганн поспешил к следующему уровню, преодолевая головокружительную инверсию искусственного гравиполя. Далекий шум, который он засек еще раньше, стал громче, но Ганн все еще не мог определить его источник. Только лишь когда он оказался перед закрытой дверью, которая приветствовала его надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА МАШИНЫ», он понял, что это было. За металлической дверью что-то гудело и вибрировало. Та самая потерянная копия Планирующей Машины. Она продолжала функционировать. Или ее снова включили? Генерал Вилер добрался до нее и привел в действие? И что он теперь задумал? Ганн замолотил в дверь.

— Эй, вы, внутри! — заревел он.— Откройте! Впустите меня!

Ему отвечал лишь глухой металлический шум.

— Откройте! — орал он.— Я знаю, что вы здесь, генерал Вилер!

В ушах у него раздался тихий смешок.

— Вовсе нет, майор Ганн,— загудел голос Планирующего.

Ганн стремительно повернулся. Планирующий? Здесь?

Никого не было видно.

— Ты можешь двигаться дальше, Бойс,— посоветовал ему участливый голос кадета М'Буны.— Ты зря теряешь время.

Ганн стоял, как парализованный. Ведь М'Буна мертв! И старик Планирующий, как отлично помнил Ганн, тоже. Его застрелил Вилер.

— Кто здесь? — крикнул он.— Что это за фокусы?

Ему ответил пронзительный крик девушки.

— Бойс! Бойс Ганн, где ты?!

Это был голос Карлы Сноу. В отличие от голосов фантомов, этот доносился откуда-то издалека. Ганн провел рукой по вспо-

тевшему лбу. Он задел металлическую пластинку контактора и почувствовал, как старая боль воспоминания снова поднимается внутри. Мгновение бесконечного наслаждения... желание еще раз испытать это чувство... Он подавил эту мысль, хотя это и было нелегко. Что с ним происходит? Он теряет разум? Он уставился пустым взглядом на неприступные двери. Столько труда, столько беспокойства — ради чего? Зачем он забрался так далеко? И эта мысль, понял он вдруг, потрясенный, тоже была результатом иллюзии. Что-то проникло в его сознание... Что-то... Он вспомнил, о чем говорила Карла, что кричал в бреду полковник Зафар. Ловушка сознания. Бойтесь тайных желаний... Нечто на борту «Сообщности» обладало способностью проникать в сознание. Нечто, способное управлять им с такой же легкостью, с какой управляло пространственником Карлы. Он услышал, что к нему быстро приближаются шаги. Кто-то бежал в его направлении.

— Бойс! — это была Карла Сноу.— Слава небу, я тебя нашла! Генерал... пытался меня убить...

Ганн подхватил ее на руки. Девушка вся дрожала.

— По-моему, он сошел с ума. Он увидел меня... в руке его был пистолет... Он едва не застрелил меня...

— Я думал, он здесь, внутри,— тупо сказал Ганн.— Возле Машины.

— Нет! Он на следующем уровне... в рубке огневого контроля... кажется, было так сказано на указателе. Там одни камеры и бронированные двери. Мы его там никогда не найдем.— Она глубоко вздохнула и осторожно высвободилась из его рук.— Но нам нужно идти, Бойс. В рубку управления.

— В рубку управления?

Она кивнула.

— Я должна привести вас туда. Это в четырех уровнях над нами. Нужно войти в переход, обозначенный указателем «МОСТИК».

— Ты была на этом корабле раньше?

— Нет, нет! Я просто знаю. Пойдем, Бойс. Нам нужно спешить.

Он пожал плечами, повернулся, чтобы последовать за ней... и едва не упал. Он легко восстановил равновесие в слабом тяготении палубы, потом посмотрел на пол, чтобы определить, на чем он поскользнулся. Перед запертой стальной дверью лежала цепочка тонических четок. Это были четки сестры Дельта Четыре. Теперь Ганн знал, кто скрывается за запертой дверью, с отчаянной жаждой стремясь снова войти в сообщность с Планирующей Машиной.

Дверь с надписью «МОСТИК» была широко распахнута. Изнутри на пол палубы падал веер слабого желтоватого света.

— Входи, Бойс,— громко сказала Карла Сноу.— Бояться нечего. Он ждет тебя.

Ганн вошел в открытую дверь, держа в руке руку Карлы. Он был готов почти ко всему. За дверью находилось обширное круглое помещение, замыкавшее в кольцо шахтовый коридор. Пол занимали группы серых металлических шкафов, все они подсоединялись к сплетениям разноцветных толстых кабелей, спускавшихся с потолка. Здесь располагались посты наблюдения, технического контроля, кресла навигаторов и офицеров-оружейников. Все посты были давно оставлены. Все они пустовали. Кроме одного. В рубке управления был один человек, и именно он являлся источником золотистого света.

— Гарри! — воскликнула Карла Сноу.

— Гарри Хиксон! — эхом повторил Ганн.— Вы! Вы и есть Дитя Звезд, тот, что послал Требование Освобождения!

Человек мельком взглянул на них, потом вновь занялся работой. Он сидел за пультом рядом с шахтой. Его голова склонилась над сверкающими растрами экранов. Его толстые сильные пальцы быстро двигались по клавишам и кнопкам, перекидывая тумблеры, поворачивая верньеры. И его тело изливало золотистый свет, словно частица Солнца. Он выглядел моложе, чем тогда, когда с ним встретился Ганн. У него была та же спутанная борода. Теперь она светилась, как раскаленная проволока. И на той же самой лысой голове устроился тот же самый детеныш пиропода. Его красные глаза, сверкая, уставились на девушку и Ганна. Наконец, Гарри Хиксон отвернулся от приборов и посмотрел на них.

— Я исполняю то, что мне приказано сделать,— заметил он как бы между прочим. Его глаза тоже светились золотом. Но он прекрасно видел вошедших, и в выражении его лица было что-то вроде доброжелательности, приязни, даже любви. Он поднял руку, согнул кисть в знаке Лебедя и сказал: — Звезда говорит мне, что я должен делать. Я исполняю волю Звезды, а не свою.— Маленький пиропод зашипел и завозился, глядя на Ганна и девушку пульсирующими красными глазами. Светящееся существо, которое когда-то было Гарри Хиксоном, ласково сняло животное со своей головы и погладило. Пиропод успокоился.

— Это вы погасили Солнце? — громко спросил Ганн.— И звезды? Это вы? Каким образом?

— Нет, не я,— сказал Гарри Хиксон.— Не я, а Звезда.— Он снова сделал рукой волнообразное движение.— Десять лет Звезда составляла план действий для меня. Десять лет назад она послала первый сигнал на Землю, потом еще дюжину, которые прибыли одновременно. Для Звезды нет ничего невозможного. И ты скоро это узнаешь.

Говоря это, он протянул вперед руку. Это было как будто благословение, подумал Бойс Ганн. Но это было нечто большее. С ладони золотой руки старика всплыло золотистое облачко, образовало крохотную пульсирующую сферу, поплыло вперед

и нежно коснулось Ганна. Не выдержав, он отпрыгнул назад. Но он ничего не почувствовал. Совсем ничего. Он хрипло сказал:

— Что это? Что ты делаешь?

— Исполняю волю Звезды,— ответил Гарри Хиксон и снова склонился над пультом. Его светящиеся пальцы забегали по кнопкам и тумблерам.

— Сестра Дельта Четыре вошла в сообщность с Машиной,— тихо сказал он, не отрывая глаз от экранов.— Она запрограммировала ее таким образом, что теперь она может связаться со старой Машиной на Земле. Через тридцать часов сигнал достигнет Земли. Еще через тридцать часов он вернется.

— Но старая Машина сошла с ума!— воскликнул Ганн.— Вы должны знать это! Ведь это вы сами сделали!

Светящийся человек даже не поднял головы.

— И генерал Вилер! Где он? Он тоже сошел с ума. Или с безумной страстью рвется к власти — это одно и то же. Как вы можете просто так вот сидеть? Что он делает, пока мы зря тратим время?

— Что касается генерала,— сказал золотой человек,— то мы о нем очень скоро услышим.

И в рубке раздался хриплый смех Вилера.

— В самом деле, очень скоро!— проскрежетал его металлический голос, раздаваясь ниоткуда.— Теперь вы все у меня в руках! Я управляю «Сообщностью»! Ее огневые системы подчиняются мне... и это значит, что все миры принадлежат тоже мне! Все!!! Но сначала я разделаюсь с вами.

Его слова были подтверждены тихим шорохом металла о металл. В стальных стенах рубки открывались скрытые амбразуры. Из них в рубку заглянули блестящие тонкие стволы лазерных излучателей, уставясь точно на группу стоящих. Их целью был Бойс Ганн, девушка и светящееся золотое существо, которое когда-то было человеком по имени Гарри Хиксон. Генерал Вилер завладел управлением оружейной системы корабля — как наружной, так и внутренней. Теперь их жизни зависели от движения пальца генерала, лежавшего на спуске автоматического управления огнем. Одним движением один человек мог уничтожить их всех. И к тому же он был безумцем.

Светящийся человек поднял голову.

— Действие и противодействие,— строго сказал он.— Толчок и отдача, вызов и ответ.

Его золотая рука повернула рычаг на пульте, и один из десятка темных экранов перед ним загорелся, показав жесткое бронзовое лицо генерала. Его серо-стальные глаза пылали радостью триумфа.

— Вот вам вызов,— сказал Гарри Хиксон и снова повернулся к индикаторам и экранам.

— Но отвечать вам нечем!— проскрежетал генерал Вилер.—

Вы проиграли! Вы все! Вместе с вашей дурацкой романтической иллюзией свободы!

Он упивается этой секундой, подумал Ганн. Карла Сноу прижалась к нему. Незаметно для себя он обвил ее рукой. Они оба смотрели на экран и на мертвенные стволы лазеров, окружающих их со всех сторон.

— Вы жертвы романтического заблуждения,— заявил генерал, поглаживая бронзовой ладонью спуск, который должен был уничтожить их всех.— Это можно понять. Животное, составляющее часть человека, всегда пыталось встать над сдерживающей его дисциплиной. Оно ищет свободы, и этого нельзя оставить просто так для нашего всеобщего блага. Особенно же для блага человека, который должен думать за всех. Такого, как Цезарь, Наполеон. Как я.

Ганн чувствовал, как Карла вздрагивает всем своим стройным телом, и крепче прижал ее к себе. Если бы можно было добраться до Вилера! Если бы у него было какое-то оружие! Светящееся золотое существо, бывшее Гарри Хиксоном, спокойно кивало, не поднимая глаз.

— Я сносил ваше присутствие,— провозглашал с экрана генерал,— потому что вы не могли нанести большого вреда. В прошлом отдельный человек ничего не стоил перед силами масс. Но развитие технологии изменило положение. В двадцатом веке появилось ядерное оружие, потом лучевое. Один качественный скачок за другим... И вместе с ростом возможностей индивида должен был расти контроль за ним.

На лице Вилера маска бесстрастности сменилась маской гнева.

— Вы угрожаете этому контролю! — крикнул он.— План Человека превратился в воздушный шарик, проткнутый мальчишкой с иглой в руке. Эту иглу держит Дитя Звезд! Дитя Звезд должен умереть!

Золотой человек не поднял головы, продолжая хранить молчание. Его глаза были прикованы к пульту, маленький пиропод ерзал у него на голове, время от времени шипя и плюясь дымом.

— Человек создал Машину, чтобы автоматизировать операции контроля! — завопил генерал Вилер, его глаза пылали.— Теперь она подчиняется мне! Теперь это м о е создание! Один человек будет править человечеством с помощью Машины, этим человечеством созданной!

Наконец Гарри Хиксон поднял глаза. Казалось, они пронизывают экран, глядя прямо в серо-стальные глаза Вилера.

— А кто,— спросил он,— создал тебя?

Генерал Вилер отпрянул. В его стальном взоре появилась растерянность.

— Это анти-Плановый вопрос! — воскликнул он.— Он не имеет смысла!

Глаза его снова стали непроницаемо-решительными. Он быстро, машиноподобно кивнул.

— Вы — случайный элемент,— заявил он.— Вас нужно устранить. И я устраню вас — так!!!

И его мощная бронзовая ладонь опустилась на рукоятку спуска, управлявшего огнем лазеров, кольцом опоясывавших рубку. Но выстрела не последовало. Тонкие блестящие стволы излучателей слепо смотрели на Ганна и Карлу, на светящееся существо за пультом, склонившееся над циферблатами и экранами. Генерал Вилер смотрел сквозь них, бронзовую маску его лица оживляло выражение триумфа. Он сказал вполголоса самому себе:

— С ними покончено,— и отвернулся.

Тихо, почти бесшумно стальные рыла излучателей втянулись в свои гнезда, на амбразуры надвинулись крышки.

— Что произошло? — прохрипел Бойс Ганн.— Почему он нас не убил?

Карла Сноу протестующе зашевелилась, и Ганн обнаружил вдруг, что сжимает ее, как утопающий — спасательный круг. Ему казалось, что комната вокруг вертится, как карусель. Гарри Хиксон поднял голову, но он смотрел не на Ганна и не на Карлу. Он смотрел в сторону двери, через которую они вошли.

— Генерал Вилер,— сказал он,— убил нас. И в его восприятии мы мертвы. То, что мы продолжаем существовать во плоти, более его не касается. И его существование более не касается нас.

— Гипноз? — прошептал Ганн.— То, что полковник Зафар называл «ловушкой сознания»?

Но Хиксон не ответил. Он не отрывал взгляда золотистых глаз от дверного проема.

Карла Сноу высвободилась из объятий Ганна.

— Ты болен, Бойс,— сказала она.— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Скоро тебе станет легче, честное слово. Ты не волнуйся... ни о чем. Мы теперь в надежных руках.

Ганн непонимающе посмотрел на нее и вдруг почувствовал, что его сотрясает дрожь. Тридцать лет не иметь даже насморка и в такой момент, как сейчас, подхватить инфекцию? Какую инфекцию? — спросил он себя. Почему этот вопрос кажется таким важным? Она сказала — не волнуйся. Ганн оглянулся по сторонам. Может, все, что он видит,— результат горячечного бреда... Или галлюцинация? Наведенная Звездным Дитя? Он вдруг услышал далекую музыку. Звук приближался. Еще одна галлюцинация, конечно, подумал он. Смутное воспоминание о тех днях, когда он был служителем Машины, то есть готовился им стать... Но если это была галлюцинация, то чрезвычайно мощная. Звук был тонким, но ясным, и, проследив за взглядом Гарри Хиксона, Ганн понял, что галлюцинация — если это была галлюцинация — оказалась не только звуковой, но и зрительной. Через дверь в рубку вошла сестра Дельта Четыре. Лицо ее скрывал капюшон, над сердцем горела красная эмблема Машины. Она перебирала четки-сонары. И в руке она сжимала устройство, сложное целое из транзисторов, контуров, модулей-усилителей и динамиков. Это

был связь-куб! Но не компактная черная коробочка, изготовленная в мастерских Машины на Земле, а на скорую руку собранное, на живую нитку соединенное устройство, которое теперь, после обучения, мог бы изготовить даже Бойс Ганн. Совершенно очевидно, что именно этим сестра Дельта Четыре была занята за стальной дверью — она собирала новый связь-куб! Без всякой поспешности, с равнодушным, холодным лицом, Дельта Четыре отложила тональные четки и пропела в связь-куб. Он ответил скрежещущей серией нот, так стремительно, что Ганн ничего не успел понять. Дельта Четыре подняла голову и сообщила:

— Теперь моим повелителем является эта Машина. Она требует от вас всех известных вам сведений. Она знает, где она была построена. Она понимает свое назначение как функцию соперника. Она требует проинформировать ее, что случилось с Игрой.

Соперник? Игра? Чувствуя, как кружится голова, Ганн повернулся к Хиксону, надеясь получить какой-нибудь ответ, какой-нибудь намек. Но Хиксон больше не смотрел на сестру Дельта Четыре. Кивая своим мыслям, золотой человек тщательно отключал приборы пульта. Индикаторы и экраны гасли один за другим. Умирали вереницы бегущих огней. Пальцы его больше не прикасались к регуляторам и клавишам. Чем бы он ни был занят до сих пор, теперь он завершал свою работу. Он сложил руки на коленях, поднял глаза на сестру Дельта Четыре и замер в ожидании. Связь-куб фыркнул. Прежде чем она успела перевести вопрос, Ганн уже понял, что он значит. Машина требовала полностью пояснить свой вопрос, чтобы не было риска непонимания. Дельта Четыре послушно пропела:

— Эта Машина желает, чтобы вы познакомились с предысторией процесса. Вы ошибаетесь относительно назначения Машины и ваши мысли должны быть приведены в соответствие с истиной, чтобы вы смогли обеспечить Машину соответственно верной информацией. Машина, находящаяся на борту «Сообщности», не является придатком Планирующей Машины на Земле. Она имеет более серьезное назначение. Это назначение вытекает из законов разумной жизни, выведенных Планирующей Машиной-1. Хотя разум может иметь различную материальную основу, процессы мышления в машинах следуют тем же законам, что и мышление в органическом мозгу. Вызов в ответ на вызов. Действие и противодействие. Машина обнаружила, что для развития разуму требуется соперник.

Сестра Дельта Четыре сделала паузу, прислушиваясь к чирикающему связь-кубу.

— Разум, не имеющий соперника, загнивает и погибает,— пропела она.— Более сорока лет назад Машина-1 обнаружила, что ей грозит опасность. Дальнейшее ее развитие требовало появления более мощного противника, чем разум людей-операторов. Другими словами: по другую сторону доски должен был сесть более искусный игрок.

Казалось, Гарри Хиксон кивнул. Он сидел, сложив руки на коленях. Пироподтихо шипел, наблюдая за происходящим огненными глазами.

— Машина на борту «Сообщности» была построена именно с этой целью — чтобы обеспечить Планирующую Машину соперником. Она была наделена возможностями, равными возможностям самой Машины-1. Она была оставлена на свободе за пределами Космической Завесы.

Но противник Машины начал вести себя анти-Плано-во,— пропела она, прислушиваясь к трели связь-куба.— Он избавился от людей-служителей. Они были выброшены за борт корабля. Она полностью прекратила связь и удалилась за пределы наблюдения Машины-1. Ее ходы делались в секрете и не служили цели, которую имела в виду Машина-1.

Бойс Ганн, наполовину слушавший перевод, а наполовину старавшийся разобраться в жужжании и фырканье механо, издаваемых связь-кубом, задумчиво спросил:

— Так значит, в этом весь смысл? Всего лишь ходы фигур в гигантской шахматной партии. Культ Звезды. Дитя Звезд. Его угроза погасить Солнце. Все это вызов и ответ, которые должны помогать Машине развиваться?

Связь-куб сердито фыркнул, и Дельта Четыре пропела:

— Машина не имеет данных для ответа на вопрос. Она восстановила контакт с Машиной-1 на Земле, но из-за ограниченной скорости распространения электромагнитных волн она получит ответ лишь через шестьдесят часов. Она не хочет ждать. Она ждала сорок лет. В качестве рабочей гипотезы Машина-2 выдвигает предположение о случайной ошибке в каком-то пункте Плана. Потому что она не исполнила своей функции. В результате она пришла к выводу, что Машина-1 на Земле разрушилась в результате застоя,. Но ей ничего не известно о Звездном Дитя. Именно поэтому она хочет получить информацию от вас.

Ганна теперь всего трясло. Но, как ни странно, сознание его прояснилось. Иллюзорная ясность бреда, подумал он. Но недостающие части головоломки начали наконец становиться на свои места. Он рассеянно коснулся руки Карлы Сноу, чтобы успокоить ее. Карла с тревогой смотрела на него.

— Бойс,— прошептала она,— с тобой все в порядке? Не волнуйся. Скоро тебе станет легче.

Бойс Ганн заставил дрожь утихнуть и, стараясь не показать, что у него стучат зубы, сказал:

— Мы не знаем ответа, сестра Дельта Четыре. В этой головоломке не хватает одной части.

— Говорите,— пропела девушка в черном балахоне.— Сообщите ваши сведения. Машина-2 их обработает.

— Не думаю,— сказал Ганн.— Если Машина не стоит за Звездным Дитя, то у нее нет объяснения всем фантастическим явлениям, которые мы наблюдали. Погашенное Солнце... эта гал-

люцинаторная атмосфера «Сообщности»... И тот способ, которым мы сюда попали — прежде всего! Великий План, как все это было возможно? Я был в сообщности с Машиной. Я знаю ее возможности. Они не включают способности гасить звезды или мгновенно перемещать людей в пространстве на расстояние в двадцать миллиардов миль! Вызов и ответ, игрок и его противник — это понятно. Но игроки должны соблюдать правила игры, а мы видели, как все правила были нарушены!

Сестра Дельта Четыре наклонила голову в капюшоне и спокойно пропела ответ Ганна в связь-куб. Она подождала ответа. Она ждала... ждала... Машина-2 молчала. Сестра Дельта Четыре с едва заметно обеспокоенным лицом повторила серию звонких нот. И снова ответа не было. Теперь уже встревоженная, она осторожно опустила связь-куб на колени, вопросительно глядя на Ганна и Гарри Хиксона. Ее рука непроизвольно потянулась к тональным четкам, и она принялась извлекать из бусин хрустальные гаммы, звучащие, как молитва в надежде на обретение уверенности. Наконец Гарри Хиксон как будто вздохнул, шевельнулся и заговорил.

— Когда «Сообщность» прибыла в Рифы,— сказал он,— то предполагалось, что мы, свободные мужчины и женщины, войдем в План Человека, сохраняя свободу. Среди членов команды находились лучшие представители человечества: человек по имени Райленд, его жена, ее отец, тогдашний Планирующий. И твой отец, Карла. Они были выброшены в пространство как раз здесь, в Вихре. Некоторые погибли, как Райленд. Некоторые, те, кто находился рядом с помещениями пространственников, смогли добраться до обитаемых рифов — как, например, доктор Сноу. Но Машина на борту корабля оказалась вне связи со своей предшественницей на Земле. Великая игра, в которой ей предстояло играть, не была начата... пока. Игра должна была вестись, но не по правилам, установленным Машиной. Ни первой, ни второй. Понимаете, в Игру вступил третий Игрок.

Гарри Хиксон вдруг встал, обеспокоив пиропода, вцепившегося в его золотой голый скальп. Он рассеянно погладил его и повернул сверкающий взгляд к сестре Дельта Четыре.

— Спроси свою Машину,— потребовал он,— что является физической основой разума?

Сестра Дельта Четыре нагнулась, чтобы пропеть вопрос в неуклюжий самодельный связь-куб, выслушала ответ.

— Средства ввода информации,— сладко пропела она.— Средства их хранения. Средства обработки. Средства выдачи информации. В машинах это достигается с помощью магнитного слоя лент и электрических контуров. У органических существ — с помощью нервов и нейронов.

Гарри Хиксон кивнул золотокожей головой.

— Сообщите вашей Машине,— сказал он,— что существует следующая физическая система. Она получает лучевые сигналы

и накапливает их в виде зарядов. Она состоит из заряженных частиц, электронов и других, каждая из которых имеет два стабильных состояния. В одном состоянии спин электрона параллелен вращению ядра. В другом — не параллелен. Такой электрон является ячейкой памяти.

Связь-куб заворчал.

— Машине известны эти элементарные факты,— пропела Дельта Четыре.

— Дополните эти факты новыми,— серьезно сказал Гарри Хиксон.— Добавьте сюда сеть фузоритов, более древнюю, чем сама Галактика, более мощную, чем любая машина. Прибавьте массы сверхэнергетического газа, родственные этой сети. Добавьте также, что в этих газовых массах электроны способны функционировать как накопители информации.

Девушка склонилась над связь-кубом, потом подняла голову.

— Машина считает, что вы описываете звезды,— мелодично пропела она.

И Гарри Хиксон медленно кивнул. Его сверкающая золотистая рука поднялась и совершила волнообразное плавное движение — знак Лебедя.

— Звезду, которой я служу.

Связь-куб зафыркал.

— В таком случае,— пропела Дельта Четыре,— Машина считает, что эти газовые массы в соединении с фузоритной сетью, как ее описываете вы, могут легко стать физическими носителями разума.

Она подняла глаза на Хиксона.

Он еще раз кивнул и торжественно сказал:

— Как мы видим, любая материя может быть носителем разума. Вся масса Вселенной, находящейся в процессе динамического равновесия, является базой для разума. Вся масса Вселенной, бесконечной в пространстве и времени, предстает теперь перед нами как носитель разума Бога.

Связь-куб яростно зажужжал, и сестра Дельта Четыре протянула: — Машина просит ответить. Что есть Бог?

Гарри Хиксон медленно поднялся. Глядя на его золотое лицо, Ганн увидел, что следы древнего потрясения, ужасного бремени, постепенно разглаживаются. Какова бы ни была его обязанность, теперь он ее исполнил. Следя за Машиной в «Сообщности», исполняя приказы своих владык, звезд, он, казалось, исполнил все, что должен был исполнить.

Он повернулся к Ганну. В глазах его светилось что-то очень похожее на симпатию.

— Ты называл меня Звездным Дитя, Ганн. Но ты ошибался.

Он снял с головы пиропода, ласково погладил его и отпустил на свободу. Шипя, издавая вопли, тот выпустил огненную струю и попытался вернуться на любимый насест. Но Хиксон поднял золотую руку, отвел детеныша в сторону. Маленькое чудовище сно-

ва испустило вопль, описало вокруг Гарри круг и, набрав скорость, вылетело в дверь, помчавшись по длинному широкому коридору палубы.

Гарри Хиксон проводил пиропода взглядом, потом повернул безмятежные глаза к Ганну.

— Дитя Звезд не существовал,— сказал он.— До сих пор. Но скоро он возникнет. Это будет Человек. И мост. Соединительное звено между машинами и звездами.

— Бойс Ганн,— продолжал он, поднимая руку в своем волнообразном необычном жесте почтения.— Им станешь ты!

— Нет!— воскликнул Ганн, вырываясь из рук Карлы Сноу, которая пыталась его успокоить. Одним прыжком он пересек рубку и встал перед спокойным золотолицым Гарри Хиксоном.— Я не стану! Я не желаю участвовать в этом безумии с чудесами и мыслящими звездами!

Гарри Хиксон ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на Ганна светящимися золотыми глазами. Карла мягко сказала:— Бойс, дорогой. У тебя нет выбора.

Ганн резко повернулся.

— Что значит — нет выбора? Я не стану, вот и все! Я не...— Он замолчал, смешавшись. Он не станет... что? Что делать? Рубка, казалось, кружилась вокруг, вызывая тошноту. Он протянул руку и оперся о спинку кресла астрогатора, чувствуя, как трясутся руки. Он быстро поднял голову и увидел, что Карла Сноу не спускает с него полного теплоты взгляда. Потом Ганн понял, что значит это головокружение.

— Золотое облако, которое Хиксон выпустил на меня!— прохрипел он.— Он меня заразил... со мной будет то же самое, что и с ним... И с полковником Зафаром... И с тремя людьми станции на Меркурии... как с тобой, Карла.

Она кивнула.

— Это совсем не плохо, Бойс,— прошептала она.— И ты станешь частью... чего-то огромного, Бойс. Чего-то, что заполняет всю Вселенную.

— Но я не хочу!— в отчаянии выдохнул он. Он уже познал чувство слияния с чем-то огромным, когда испытал на Земле сообщность с Машиной. И как воспоминание, которое невозможно стереть, память об этом неустанно преследовала его... Это желание вдруг опять поднялось в нем с новой силой. Он коснулся металлической пластинки на лбу, взглянул на сестру Дельта Четыре. Связь-куб фыркал и ворчал. Она молча поднялась и протянула ему связь-куб. От него отходил провод, заканчивающийся электродами... которые точно пошли бы в отверстия на блестящей пластинке, которую Ганн носил во лбу.

— Нет,— снова прошептал он, ища взглядом Гарри Хиксона.

Но Гарри Хиксон исчез. В том месте, где он стоял, остался в воздухе едва заметный, тонкий, как дым, силуэт человека, сотканный из тончайших струек золотистого тумана. Прямо на гла-

зах Ганна остатки Хиксона... растворились. Тонкие золотистые лучи сорвались со скелетообразного очертания, оставшегося от Хиксона, пронизали стены рубки и, очевидно, умчались в пустоту, присоединившись к большому золотому облаку, пульсирующему снаружи. И по мере исчезновения каждой золотистой искры очертания фигуры становились все прозрачнее и прозрачнее... Потом не осталось ничего. Гарри Хиксон исчез бесследно.

— Карла,— в отчаянии прошептал Ганн, поворачиваясь.

Но она тоже покидала рубку. Ее золотое лицо и волосы начали мерцать, теряя материальность.

— Прощай, Бойс,— прошептала она.— До встречи...

Рядом с ним стояла сестра Дельта Четыре, прикрыв лицо тенью капюшона, протягивая ему связь-куб.

Бойс Ганн глубоко вздохнул, крепко зажмурил на мгновение глаза, потом снова открыл их.

— Прощай, Карла,— сказал он, хотя от девушки уже почти ничего не осталось и некому было ответить. Он взял связь-куб из рук Дельты Четыре.

— Прощай, Джули,— сказал он и осторожно, но без тени сомнения поднял ко лбу кабель с электродами сообщности, которые ввел в отверстия пластинки-контактора.

Сообщность была экстазом. Вечным и бесконечным. Ганн ждал его наступления, пока, казалось, вся Вселенная не замерла вокруг него, затаив дыхание. Но экстаз не наступил. Он взглянул в глаза сестры Дельта Четыре, притененные краем капюшона, но ответа так и не нашел. Что произошло? Почему задерживается сообщность? Он вспомнил, что говорила ему Дельта Четыре. Что невообразимый импульс наслаждения, который он испытал на Земле, был лишь бледным подобием великого единения мыслей и ощущений, которое получали более опытные служители. Не просто удовольствие, но слияние личности, вопроса и ответа между человеком и Машиной. Ганн как следует сформулировал в сознании вопрос, произнося его на чистейшем механо, которым овладел его мозг, но с которым не могли справиться его голосовые связки.

— Где ты? Почему ты мне не отвечаешь?

Из пустоты в его мозгу вдруг реализовался один-единственный звук, который и был ответом:

— Жди.

Ждать? Но чего? Ганн почувствовал, что сотрясающая его лихорадка усиливается, и беспомощно взглянул на Дельта Четыре. Не говоря ни слова, она коснулась его руки, указывая на кресло астрогатора. Он рухнул на сиденье, ожидая прояснения, которое могла принести ему Машина, ожидая великого Чего-то, что должно заговорить с ним и ответить на его вопросы. И пока он ждал, микроскопические фузориты в его теле стремительно размножались. Они насыщали его кровь клетками-симбиотами, которые неизбежно поглотят его, как они поглотили Гарри Хиксона, пол-

ковника Зафара и Карлу Сноу... Они заменят его органы, кости скелета и нервы последовательно соединенными фузоритными скоплениями. Этого ли он ждал? Превращения в конгломерат фузоритов, нечеловеческую структуру, способную войти в связь с разумом, который, по словам Хиксона, обитал в звездах? Он взглянул внутрь собственного тела, увидел крохотные золотые искорки, увидел, как быстро они множатся в числе... И вдруг он осознал, что он только что сделал. Он видел свое собственное тело изнутри! Изнутри!!! Он позволил себе расслабиться и проверить осенившую его мысль... И тут же понял, что смотрит на себя — но со стороны. Он заглядывал в рубку управления «Сообщности», словно находясь в какой-то точке, удаленной от корабля на многие мили, с какого-то яркого, как самоцвет, планетоида Вихря, медленно вращающегося вокруг центральной области. Он видел «Сообщность» во всей впечатляющей мощи ее размеров... мог заглянуть внутрь, где его собственное тело и сестра Дельта Четыре терпеливо ждали в рубке управления... и в рубку огневого контроля, где безумный генерал Вилер заливался смехом, выпуская иллюзорные разряды разрушительной энергии по воображаемым врагам... и мог взглянуть еще дальше, где распростерлась бы под ним вся Солнечная Система... Он видел маленького пиропода, стрелой мчавшегося к рифу, где он родился, увидел сам крохотный риф и пещеру, где он обитал, пока Гарри Хиксон кормил его и ухаживал за ним. Он увидел скромный храм на одинокой скале, где темно-голубой фузоритовый мох поддерживал редкую атмосферу и где два десятка людей собрались на очередную службу и преклонили колени перед сверкающим голубым Денебом над головой. Он увидел планеты Плана Человека, охваченные паникой катастрофы, где безумная Машина отдавала один за другим противоречивые приказы, подкрепляя их разрядами энергии,.. бросаемыми в пустоту, наугад. Он увидел пустую станцию на Меркурии, над которым навис лик Солнца, и понял, что их светило тоже обладает собственной жизнью и сознанием... жизнью, которая протянула руку, поглотив три отдельных частицы фузоритной материи, осмелившихся приблизиться достаточно близко для соединения. Он увидел другие звезды и газовые облака, увидел, как подобно струям фонтанов во Вселенную вливается новая материя. Он устремил взгляд в бесконечные пределы вечности и обратил его к золотым атомам собственного сердца. И потом, молчаливое и обширное, и вызывающее благородный ужас, это Нечто произнесло его имя. Звезда заговорила с Машиной. Машина ответила Звезде. И Бойс Ганн, обыкновенный человек, сотворенный в соответствии с генокодом углеродной жизни, согнувшийся, как служитель Машины, в кресле у пульта навигации корабля Плана, трансформированный глобулами фузоритов в новое существо, носящее печать родства со звездами... Бойс Ганн служил посредником в этой жуткой и долгой беседе. Она продолжа-

лась вечно, хотя в системе времени планет, вращавшихся вокруг Солнца, или луча света, пролетавшего ограниченный промежуток, она заняла всего несколько минут или часов. Она длилась и длилась... И даже когда в посредничестве Бойса Ганна не было уже необходимости и он был освобожден, даже и тогда она продолжалась. А потом беседа кончилась. Навсегда.

Бойс Ганн открыл глаза и оглядел комнату, в которой лежал. Рядом неподвижно стояла сестра Дельта Четыре, она спокойно смотрела на него. Он легко встал. Он потянулся, зевнул, вытащил электроды кабеля из контактора во лбу, аккуратно обмотал провод вокруг самодельного связь-куба и... отшвырнул его в сторону. Связь-куб медленно пролетел через рубку в слабом псевдогравитационном поле корабля — но когда он ударился о стенку, он превратился в сотню осколков. Сестра Дельта Четыре мяукнула в ужасе. Ганн тронул ее за руку.

— Не бойся, Джули, он тебе больше не нужен.

Она уставилась на него.

— Я служу Машине! — гордо воскликнула она.— Меня зовут сестра Дельта Четыре, а не Джули Мартин! Я...

Но он качал головой.

— Никогда больше не будешь ты Дельтой Четыре,— сказал он.

Капюшон упал на ее плечи, но она даже не заметила этого. Открылась ее голова с коротко остриженными темными волосами, блестящий диск пластинки контактора во лбу. Она тронула пластинку дрожащей рукой.

— Я... я не понимаю! — прошептала она.— Я... я не чувствую присутствия Машины...

Ганн кивнул.

— Ее больше нет,— подтвердил он.— И никогда не будет.— Он коснулся собственной пластинки.— Когда мы вернемся на Землю,— сказал он,— мы снимем эти железки, а вместе с ними вытащим из мозга все электроды. Они нам не понадобятся. Они никогда никому больше не понадобятся.

— А потом,— продолжал он, обнимая ее одной рукой, пока сестра Дельта Четыре корчилась в мучительных судорогах, снова превращаясь в Джули Мартин, стеная и всхлипывая,— а потом мы начнем снова с того места, где остановились. Ты и я... и все Человечество.

И он оставил ее одну, отправился к старинному пульту связи и начал настраивать передатчик, чтобы послать сигнал бедствия с мертвой «Сообщности».

Вот так все это началось. Звезды промигали человечеству предупреждение, и Машина бросила вперед своих агентов и служителей, пытаясь найти противника, смысл, способ собственного спасения. Началось все с тени, накрывшей миры Плана Человека, а завершилось ярким сиянием могучих звезд, осветивших людям новую дорогу. Машина вела игру сама с собой, ей нужен был со-

перник. Потом игра кончилась навсегда громовым диалогом между Машиной и звездами. Машина слишком поздно вошла в игру, и места за столом были уже заняты. Вот как это началось... и как кончилось. Легендой о Люцифере, историей о страданиях и зле... и вечной надежде на лучшее. Машина слишком поздно села к столу, когда все места были уже заняты. С одной стороны были звезды, соединенные сетью фузоритов, а с другой — их Соперник... переставший быть рабом своей животной детской оболочки... переставший быть рабом Машины... уже более не добыча для фузоритной инфекции... Соперник готов был сделать свой ход.

Многие эпохи тому назад звезды дали ему рождение, но теперь он вступил в пору возмужания. Он был готов занять свое положение, получить свой статус и имя.

Его положение — Соперник самих Звезд.

Его статус — равнозначен Вселенной.

Его имя — Человечество.

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Внезапно загоревшийся свет вызвал боль в глазах, грубо вырывая его из сна, в котором он видел Молли Залдивар. Слепо нащупывая рукой опору, он обнаружил лишь что-то теплое и податливо-мягкое. Его охватило паническое чувство — он не мог понять, где очутился.

— Монитор Квамодиан!

Благозвучный синтетический голос сразу привел его в чувство. Исследовательская станция в системе Эксиона. Человеческое обиталище на планете Эксион-4. Кибернетическое жилище, которое он построил для того, чтобы делить его с Молли — пока она не бросила его. Теперь он был здесь один, плавал в невесомой спальной капсуле, как голый зародыш в голом пластиковом чреве.

— Монитор Энди Квамодиан! — в отчетливом голосе робота-капсулы появилась настойчивость.— Корреспондент имеет для вас сообщение по трансфаксу.

Он протестующе застонал, полный обиды, и попытался вернуться в сон о Молли Залдивар. Каким-то образом ему удалось ее отыскать? Он дрался с Клифом Хауком за право забрать ее обратно, он выигрывал...

— Монитор, прошу вас!

Он скорчился внутри мягкого кокона, стараясь вернуть приятное чувство сна. Ему хотелось повторить захватывающее дыхание чувство триумфа, победы над Хауком, будоражащую кровь уверенность, что Молли хочет его победы. Но весь сюжет сна исчез, едва он попытался удержать его. Полностью проснувшись, он уже не мог понять, где именно в скоплении галактик нашел он Молли и Хаука. Он не мог вообразить ни одной реальной ситуации, в которой мог победить Хаука или поверить полностью, что Молли хочет его победы. Его прищуренные глаза открылись, уставившись на изображение в зеркале капсулы. Слишком толстый живот. Слишком мало мышц. Круглая лысина на макушке. Он отвернулся, чтобы не видеть этого пухлого белого тела на экране.

— Лучше бы ты меня не будил,— пробормотал он в адрес капсулы.— Я не на дежурстве. Мне не нужны никакие вызовы. Усыпи меня снова.

— Но, сэр! — сердито упрекнула его машина.— Вы не можете игнорировать это сообщение. Пославший его категоризировал со-

общение как срочное. Индекс-код подразумевает кризис межпланетного масштаба. Возможно, опасность угрожает миллиардам ваших сородичей-людей!

— Великий Альмалик! — моргая, он уставился на розовые складки пульсирующего пластика.— Откуда это сообщение?

— Центральная зона,— ответила спальная капсула.— Конкретный адрес — планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5.

— Это Земля!

— Локальное название, вероятно,— сказала капсула.— Такие внеофициальные названия мы не вносим в память.

— Да, я забыл. Земля — моя родная планета. Давай сообщение.

— Оно закодировано как личное и строго секретное,— воспротивился автомат.— Вам придется получить его от корреспондента.

— Поднимай меня. Я приму сообщение от корреспондента.

Пока машина производила утреннюю процедуру, он пытался угадать, от кого он мог получить с Земли послание. Наверняка это не родители. Он вступил на симбиотический путь жизни еще в те годы, когда был ребенком. Позже они эмигрировали в человеческую колонию в девятой галактике. В надежном союзе последователей Звездного Дитя они никогда ничего не потребуют от него.

Молли Залдивар? При мысли о ней его охватила дикая надежда. Хотя ему не удалось узнать, куда отправились с Эксиона Хаук и Молли, он знал, что они оба по происхождению земляне. Возможно, она вернулась домой. Возможно, с Хауком все кончено? Возможно, он и в самом деле ей нужен! Он нежно улыбнулся, вспомнив Молли Залдивар, какой она была пять лет назад. Высокая живая девушка, которая пела, аккомпанируя себе на гитаре. Девушка, которую любили многие существа на Эксионе, где они впервые встретили ее — хотя все они были с Земли. Ему легко было понять, почему он ее полюбил: смех в ее голосе, даже когда она пела наипечальнейшие баллады старой планеты-прародительницы, оттенки кожи, которые под необыкновенным светом перемещающихся трех солнц переходили от белоснежного к цвету слоновой кости или нежно-золотистому... Но! Ведь половина слушателей даже не обладала «слухом», по крайней мере, в диапазоне слышимости человеческого уха. Многие из них ничего не видели в видимом для человека спектре. Однако все они души не чаяли в Молли.

Их было трое в той небольшой группе людей, которую собрал для работы в этом секторе доктор Скотт. Энди Квамодиан, серьезный, уже полноватый, темноволосый и медлительный. Молли Залдивар, похожая на золотистое пламя, чьи рыжие волосы отсверкивали в багровых лучах красного компонента Эксиона, в чьих фиалковых глазах вспыхивал темноголубой отсвет Эксиона-карлика. И... Клифф Хаук. Даже сейчас, через пять лет Квамо-

диан хмурился, вспоминая Хаука. Это был отшельник в обществе людей, более непонятный, чем любой из инопланетян на станции. Вечно одинокий, погруженный в мрачные мысли, злой. Он редко мылся, редко причесывал буйную шевелюру, редко можно было услышать от него вежливо сказанные слова. Но почему-то Молли избрала именно его.

Ожидая, пока машина кончит массировать, тонизировать, умывать и вытирать его, Квамодиан угрюмо размышлял о Клиффе Хауке. Оба они были представителями человечества, оба с Земли, оба оказались на Эксионе, этом крайнем форпосте на краю целого галактического скопления. Но почти во всех остальных отношениях они не имели ничего общего. До начала эры фузоритов родители Квамодиана, обыкновенные жители Земли, трудились в самом обыкновенном магазине одежды в самом обыкновенном городе. Предки Хаука были отважными изгнанниками, объявленными вне закона, скитающимися среди рифов космоса, бросая вызов древнейшей межпланетной империи, называвшейся План Человека. Кое-как продвигаясь по скучному пути своей карьеры, Квамодиан делал ставку на метод и логику и на чистую настойчивость. Хаук же, презиравший все академическое и систематическое, блистал интуицией и вдохновением. Недоучившийся техник, он в конце концов стал соперником Скотта по руководству проектом. И хотя иногда ему недоставало слов, чтобы выразить свои головокружительные догадки, они, как правило, оказывались верными.

Хаук любил Молли Залдивар — бурно и бездумно, уверенный, что она пожертвует своей карьерой ради любой его прихоти. Квамодиан смиренно восторгался ею, не забывая ни на секунду, что он всего лишь старательный коротышка Энди Квам. Когда пришло время выбирать, у нее не было настоящего выбора. Само собой, она избрала смуглокожего непостоянного Хаука, которому знакомы опасности окраин обитаемого космоса. Выбор этот не удивил Энди, хотя сама последовательность событий казалась загадочной. Хаук почему-то поссорился с доктором Скоттом. Они спорили о направлении развития их проекта, связанного с установлением контакта с Блуждающей Звездой. Когда в решающем сражении Скотт его победил, Хаук исчез, оставив Молли одну. Спустя несколько месяцев, безутешно погрустив, Молли была уже не против того, чтобы петь свои печальные баллады Квамодиану. Именно в этот период он спланировал их кибернетическое жилище. Оно еще не было закончено, когда она получила весточку от Хаука. Что именно она узнала, этого Квамодиану так и не удалось выяснить. Но новость, какой бы она ни была, привела Молли в состояние скорее ужаса, чем радости. Но, ничего не объяснив, она тем не менее покинула его, следуя за Хауком. И сейчас, пять лет спустя, ее внезапное исчезновение было для Квамодиана загадкой, причиняющей боль. Она пульсировала, как больной зуб — нечто, чего он не мог ни понять, ни забыть.

— Готовы, сэр! — протянула машина.— Поехали!

Перистальтическим импульсом плавающее поле вытолкнуло его из теплого кокона. Он покачнулся, приспосабливаясь к притяжению планеты, потом повернулся к динамику.

— Ладно,— сказал он.— Принимаю сообщение.

— Необходимо стандартное опознание голоса, сэр.

— Великая звезда! Ты ведь знаешь, кто я такой!

— Но вам известна процедура, сэр,— голос был неумолим.— Требуется подать полную стандартную матрицу голосовой инидентификации, прежде чем произвести доставку любого отправления по межгалактической связи.

— Какая нелепость! — пробормотал он.— Бюрократизм!

Машина, покрытая черной синтетической кожурой, тихо гудела. Раздраженно нахмурившись, он выдохнул и процитировал:

— Имя: Андре Квамодиан. Раса: человек. Место рождения: Земля... поправка: планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5. Организация «Товарищи Звезды». Статус: Монитор. Адрес: Человеческое обиталище. Эксион-4. Эксионская Загалактическая исследовательская станция.

— Благодарю вас, монитор Квамодиан.

Машина щелкнула и исторгла узкую ленту желтой пленки. Он радостно ухватил ее, вглядываясь в имя отправителя. Молли Залдивар!!!

— Дорогой Энди... — полоска задрожала в ставших влажными пальцах Квамодиана.— Надеюсь, ты простил меня за то, что я так резко с тобой порвала, потому что здесь, на Земле, у меня отчаянные неприятности. Все это слишком сложно, чтобы объяснить через трансфакс, но мне необходима твоя помощь, потому что Товарищество здесь не верит в Блуждающие Звезды...

Блуждающие Звезды! Фраза заставила Квамодиана с болью оторваться от чтения. Он ждал, что Молли прислала сообщение, потому что любит его, а не по какой-то другой причине. Кроме того, он не совсем понимал, как могут существовать Блуждающие Звезды. В академическом смысле он был знаком с основами нейроплазменной теории. Теоретически он знал, как разумные Звезды воспринимают информацию, думают, запоминают, каким образом масс-эффект индуцирует транзит энергии, как байты информации накапливаются в состоянии электронного спина, как прочесывают сканирующие волны цепочки электронов в трансфаксовом канале, как транзитные импульсы индуцируют магнитные, электрические и гравитационные эффекты. Он уважал бездонные умы Звезд, самые емкие по памяти и самые сложные во всех скоплениях галактик. Он испытывал безмерное восхищение перед добродушной мудростью Амальрика, стелларного компонента, к которому присоединялось столь много людей, включавшихся в симбиотическое Товарищество. Но Блуждающие Звезды — это было нечто иное. При всей своей немыслимой силе разума и безграничных возможностях, как могло звездное существо

отказаться от товарищеского союза с другими разумами? Какого рода психоз или мания смогли заставить его порвать все коммуникации и отправиться по своему одинокому пути? Квамодиан часто был свидетелем спора об этой загадке, составляющей одну из основных проблем станции Эксион. Он даже обсуждал ее на семинарах доктора Скотта с Молли и Хауком. И ни одна из теорий, которые он слышал, не имела особого смысла.

— Вы готовы отвечать?— замурлыкал динамик.— Отправитель желает получить ответ.

— Подожди,— сказал он.— Дай мне закончить.

— ...Если тебе вруг интересно узнать, что случилось со мной,— продолжал трансфакс,— то случилось то, что Клифф попросил меня прилететь к нему на Землю. Я прилетела, потому что люблю его... Энди, я ничего не могу тут поделать. Я прилетела потому, что боялась того, чем он может заниматься здесь. И я узнала, что он занимался именно тем, что я опасалась. Он слишком много узнал о Блуждающих Звездах... а может, слишком мало. Энди, поверишь ли ты — он пытается создать собственного скитальца! Энди, вот что ты должен сделать. Найди Сола Скотта, старого врага Хаука. Я не знаю, где он, пыталась разыскать его по старому адресу стелларсекции, но он не ответил. Энди, я хочу, чтобы ты нашел его и привез на Землю. Он выдающийся специалист по Блуждающим Звездам. Он сможет остановить Клиффа... и его опасную новую Блуждающую Звезду... Если не сможет он, не сможет никто! Но поспеши, Энди! Это все так ужасно, у меня нет другой надежды, кроме как на тебя!..

Квамодиан закончил чтение и тихо вздохнул. Значит, чувства Молли к нему не изменились, в сущности. Он по-прежнему был только Энди Квам — полезное в случае нужды орудие.

— Итак, сэр,— нетерпеливо протянул динамик.— Готовы ли вы отвечать?

— Сначала,— сказал он,— я хочу сделать местный вызов. Доктору Соломону Скотту. Он был директором стелларсекции здесь, на Эксионе.

— Да, сэр,— компьютер тихо загудел. Через три секунды он сообщил:

— Сожалею, сэр. Доктор Скотт покинул Эксион-4, отправившись в исследовательскую экспедицию, из которой пока не вернулся. Предполагается, что он погиб, сэр.

— Очень плохо,— сказал Квамодиан, но безумная надежда уже с дрожью зародилась в нем. Малыш Энди Квам отправится на Землю один и, быть может, станет там героем, спасителем Молли Залдивар! Он перевел дыхание.

— Отправьте ответ: «Дорогая Молли! Я готов помочь, но новости неутешительные. Я не могу прилететь с доктором Скоттом. Он покинул станцию Эксион через год после тебя. Пытался совершить трансфлексионный рейд в зону Блуждающей Звезды... той самой, которую открыл Клифф. Он до сих пор не вернулся. Но

я прилечу, Молли, потому что по-прежнему люблю тебя — несмотря ни на что. Если я тебе нужен, отвечай немедленно. Я прибуду так быстро, как только смогу.

Конец сообщения».

Снова промелькнули по видеопанели, когда компьютер перечитал для Квамодиана записанное сообщение: «Твой верный друг Энди», прежде чем маленький синий язычок плазмы начал слизывать сообщение, сохраняя информацию записанной в вариантах спина электрона.

Ожидая ответа Молли, он нетерпеливо хмурился. Он знал, что сигнал уже мчится к далекой Земле, пока его невидимые импульсы автоматически отыскивают кратчайший маршрту по транзитным соединениям между перемещающимися витками гиперпространства, где долгие световые годы сокращаются до микросекунд. Язык плазмы завершил работу и исчез, оставив панель пустой. Компьютер со щелчком выключился. Вокруг тихо гудел дом, тихо и уютно. Он принялся шагать вокруг компьютера связи, глядя на мерцающие символы универсального хронометра. Паника нашептывала ему, что Молли не ответит. Он не нужен ей без Скотта. Она знала, что малыш Энди Квам никогда не был полноправным членом исследовательской станции, а всего лишь своего рода подопытным кроликом. Скотт хотел проверить свое подозрение, он предположил, что необыкновенное чувство ориентации Энди является транзитным эффектом. Но когда исследования Блуждающих Звезд оказались более интересным проектом, Квамодиан был выведен из состава станции.

— Монитор Квамодиан! — тягучий голос машины заставил его вздрогнуть.— Мы получили ответ на ваше метагалактическое сообщение.

— Что... что там говорится? — голос его дрогнул.

— Ничего, сэр. Мы не смогли найти адресата.

— Почему? — заволновался он.— Что-то случилось с Молли Залдивар?

— У нас нет сведений, сэр.

— Запишите еще одно сообщение,— он постарался придать своему голосу уверенную твердость.— Молли Залдивар. Тот же адрес. Следующее сообщение: «Лечу на Землю. Подпись: Энди Квам».

Поспешно, но методически Квамодиан стал готовиться в далекий путь на Землю. Он подал своему непосредственному начальнику просьбу об экстренном отпуске по чрезвычайным обстоятельствам, оставил компьютеру инструкцию по присмотру за хозяйством и домом и приказал флаеру быть в готовности. Настроение его поднималось со скоростью левитатора, возносившего его на взлетную площадку на крыше, но едва он вышел наружу, как оно снова немедленно упало. Так случалось всякий раз, когда он покидал свое кибернетическое убежище. Эксион вызывал у не-

го тошнотворное чувство дезориентации. Эта планета была слишком далека от всех известных ему миров, слишком чужда всякой форме жизни. Какой-то несчастный галактический случай выбросил тройную звездную систему далеко за границы скопления, и университет избрал ее для организации станции, потому что ни одна искра жизни, в том числе и разумной, не вспыхнула на ее планетах. Персонал станции подверг все двенадцать планет терраформированию и рафинированию в соответствии с разными формами жизни. Сейчас эти планеты-сестры выстроились в небе, словно бусинки на невидимой нити. Каждая светилась характерным для нее светом синтетической биосферы: сверххолодного жидкого гелия, ледяного метана, горячего углекислого газа, кипящей среды или абсолютного ваккума. Эксион-4 был приспособлен для дышащих кислородом. Человеческая зона обитания была создана уже под конец и в спешке. Скалистое днище кратера было герметизировано, температура и влажность доведены до пределов, обеспечивающих выживание человека. Но атмосфера зоны, все равно слишком тонкая и холодная, содержала слишком высокий процент углекислого газа и аммонийных соединений, сочившихся из скал на днище кратера. Слишком маленькая, чтобы создать чувство дома, планета слишком медленно вращалась вокруг своей очень наклоненной оси. Содрогаясь, Квамодиан съежился под порывами ледяного ветра из смеси кислорода и гелия. Сопротивляясь первой атаке головокружения, он остановился, ища в небе знакомый ориентир над крутыми склонами кратера. Дыхание его стало ровнее и свободнее, когда он отыскал галактическое скопление — туманное пятнышко бледного света, частично заслоненное склоном южной стороны, более тусклое, чем самая слабая из планет системы Эксиона.

— Готовы, сэр? — флаер открыл дверь в свою кабину.— Куда лететь, сэр?

— В региональный транспортный центр.— Он вскарабкался на сидение.— Я очень спешу.

Флаер набирал высоту, пока фиолетовый карлик не показался над иззубренным, словно пила, горизонтом. Потом машина словно упала в тень и опустилась у освещенной рамки возле кубического здания трансфлекса. Купол контрольной службы промигал сигнал:

— Опознавательные данные, сэр.

Оставив флаер парить над рамой, он сообщил в купол свой стандартный отпечаток-матрицу и все, что касалось удостоверения его гражданства. Купол протянул бледный проворный щупалец плазмы, сканируя диск-паспорт Квамодиана с бесконечными рядами двоичных символов и голографией его темноволосой круглой головы.

— Ваша цель, сэр?

— Земля... то есть минуточку... э-э-э... планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5. Перебросьте меня через станцию

Мудрый Ручей на Октанте-5. У меня очень срочное дело. Требуется немедленная доставка.

Плазменный щупалец пропал. Квамодиан подхватил на лету диско-паспорт, спрятал его, потом возобновил медленное движение флаера к светящемуся значку трансфлекс-куба. Длинный серебряный резервуар, несомненно, содержащий какого-то жидкого гражданина, как раз исчезал в закрывающихся вратах. За резервуаром шел черед многочленного существа, целой орды маленьких блестящих черных созданий, подпрыгивающих и вертящихся внутри общего облака голубоватого светящегося тумана. Прямо перед Квамодианом шаркал лапами серочешуйчатый дракон, отягощенный металлической башенкой на спине, помещавшей, вероятно, его невидимого симбиота. Мигающие кристаллические иллюминаторы на башенке бросили на Квамодиана любопытный взгляд и застенчиво закрылись.

— Сэр? — снова просигналил контрольный купол. — У вас имеется номер резервного места?

— Великая звезда! — взорвался Квамодиан. — Мне необходимо сейчас же попасть на Землю! Я только что получил чрезвычайно срочный вызов. У меня просто не было времени запросить резервное место.

— Простите, сэр, — сожаление в чисто машинном голосе купола казалось издевкой. — Межгалактическая транспортировка строго ограничена, как вам, несомненно, известно. Мы не можем позволить вам переброску без резервации места, основанной на совершенно точном и убедительном подтверждении преимущества внеочередности.

Ворча, он протянул сообщение от Молли Залдивар. Тонкий плазменный палец коснулся сообщения, прочитал, нерешительно отодвинулся, потом замер.

— Сэр, документ написан не на универсальном языке.

— Конечно, нет, — нетерпеливо фыркнул он. — Это английский. Но этого документа достаточно для получения первоочередности. Вы только прочтите его.

— Но у нас нет данных по английскому языку, сэр.

— Тогда я вам переведу. Сообщение с Земли. Это родная планета человеческого рода. Адресат — девушка. То есть молодая представительница лиц женского рода по имени Молли Залдивар. Послание адресовано мне. Она молит о помощи и снабдила сообщение индексом крайней срочности, что подразумевает опасность для целой планеты...

— Сэр!

Многочленное создание, стоявшее впереди Квамодиана, исчезло в кубе трансфлекса. Дракон тяжело ступал, направляясь к зрачку входных ворот, открывшихся, чтобы принять его.

— Вы задерживаете транспортировку. Я еще раз прошу предъявить наш настоящий номер резервации.

— Но вот же мое удостоверение первоочередности! — он по-

махал желтой ленточкой послания.— Молли Залдивар в беде, и это каким-то образом связано с Блуждающей Звездой...

— Сэр, этот документ не может послужить достаточным основанием предоставления вам места вне очереди. Будьте добры, покиньте рампу!

— Черт бы вас побрал!— заорал Квамодиан.— Неужели ваши нейроплазменные мозги совершенно разучились соображать? Это сообщение подразумевает угрозу для всего человечества!

— Сэр, человечество идентифицировано в моем указателе как малое племя варваров, совсем недавно включенное в галактическое гражданское содружество и пока еще лишенное особо интересных качеств, как физических, так и этических и интеллектуальных. Ни одно человеческое существо не имеет пока права выдавать документ на внеочередную переброску по межгалактической транспортной сети.

— Но Молли говорит, что нам угрожает опасность!

— Сэр, покиньте рампу. Вы не можете подать заявку на внеочередность только на допустимом для нас основании.

— Но у меня на это нет времени.

Купол ничего не просигналил в ответ, но плазменное щупальце начало зловеще утолщаться и удлиняться.

— Погодите!— в отчаянии закричал Квамодиан.— Я член ордена Товарищей Звезды! Вы не можете не знать об этом ордене! Наша миссия — защищать человечество и другие расы.

— В моем указателе не имеется упоминаний о резервации места первоочередной срочности для вашей переброски со стороны Товарищества Звезды. Вы задерживаете все движение, сэр. Пожалуйста, отодвиньтесь в сторону.

Квамодиан угрюмо взглянул на гражданина, напиравшего сзади: сорокатонная масса твердых, как гранит, разумных минералов, иззубренная и черная, парила на собственном невидимом трансфлексионном поле, протягивая в нетерпении свой паспорт на конце твердого плазменного отростка.

— Попрошу не толкаться, гражданин!— рявкнул Квамодиан.— Произошло недоразумение. Контроль, послушайте. Проверьте свои записи. Мы, человеческие существа, присоединены к множественному Гражданину по имени Лебедь, который является симбиотической ассоциацией фузоритов, звезд, роботов и людей. Ее предводительствующую звезду Альмалик... или вы не находите разумные звезды более интересным предметом, чем людей?

Но ирония была потрачена напрасно.

— Прочь с дороги!— повелительно просверкал купол. И долю секунды спустя добавил:— Можете подождать на боковой рампе. Множественный Лебедь в нашем указателе отмечен. Мы вызовем звезду Альмалик, галактика 5.

В самом дурном настроении Квамодиан вырвал флаер из очереди, предоставляя место гранитному существу, которое с презри-

тельным видом проплыло мимо. Квамодиан нетерпеливо парил у края рампы, глядя, как входные ворота впереди раскрылись и поглотили дракона в серой чешуе вместе с его башенкой-симбиотом. На секунду им овладела идея одним безумным прыжком преодолеть расстояние до входного проема. Но в этом не было смысла. Как бы быстро ни двигался флаер, купол контроля окажется быстрее его. И Квамодиан еще больше уменьшит свой крохотный шанс проникнуть в куб транспортирования. Некоторое время он невидящими глазами смотрел на толпу разнообразных существ, продвигающихся перед ним по раскрытой рампе. Наконец он встряхнулся и взял себя в руки.

— Отвлеки меня,— сказал он хрипло. Немедленно откуда-то со стороны донеслось более чем человеческое сопрано:

— Ми, ми кьямано Мими...

— Нет, оперу не надо.

Голос исчез. На панели связи появилось голографическое изображение шахматной доски с уже расставленными фигурками. Белая королевская пешка продвинулась вперед на две клетки и замерла, ожидая ответного хода.

— В шахматы я тоже не хочу играть. Минутку. Составь для меня вероятностную матрицу. Оцени вероятность того, что Альмалик даст мне разрешение на внеочередную транспортацию.

— С параллельным ожиданием или только оценку, мистер Квамодиан?— спросил голос флаера.

— С анализом. Я хочу развлечься.

— Что ж, сэр. Будь я проклят, но придется много кой-чего прикинуть. Если мы...

— Без комедийного диалекта.

— Слушаюсь, мистер Квамодиан. Вот основные факторы. Значение человеческой цивилизации в галактическом гражданстве разумных низкое. Примерно 0,5 триллиона людей разбросано более чем в сотне звездных систем в трех галактиках. Но это составляет одну сотую процента общего населения вселенской цивилизации, даже считая множественных и многочленных граждан как одну единицу. Внимание звезды Альмалик к индивиду-человеку по имени Андре Квамодиан крайне маловероятно.

— А как с заинтересованностью Альмалика Товариществом Звезды?— сердито спросил Квамодиан.

— Сейчас мы как раз к этому переходим, мистер Квамодиан. Степень заинтересованности не превышает шумового уровня, но по шкале реального времени становится достаточно высокой. Критическое значение в данном уравнении — это отношение к термину «Блуждающая Звезда». Я не имею данных для оценки реакции звезды Альмалик на этот термин, мистер Квамодиан.

— Блуждающие Звезды — один из самых важных феноменов Вселенной,— сказал Квамодиан, глядя на рампу.— Станция у Эксиона была основана большей частью именно для их изучения.

— В таком случае... гм... допуская влияние других факторов...

вы не следили за новостями, с Земли поступило несколько неприятных известий... так, посмотрим... Я бы оценил вероятность в 0,7, мистер Квамодиан. Уточнены сто четырнадцать переменных. А именно...

— Не утруждай меня и себя.

— Мне не трудно, мистер Квамодиан,— сказала машина с некоторой обидой. Все они, эти ориентированные на беседу кибернетические устройства были немного унылы и легко поддавались перемене настроений. Такова цена, которую необходимо было платить за удовольствие свободного разговора.

— Ты хорошо справился,— успокаивающе сказал Квамодиан.— Меня просто беспокоит опасность, которую представляет фактор Блуждающей Звезды.

— Я понимаю вас, мистер Квамодиан,— с теплотой в голосе сказала машина, мгновенно реагируя на перемену темы.— Кроме того, когда опасность грозит всему человечеству...

— Мне плевать на человечество!

— Но, мистер Квамодиан, что же тогда вас...

— Меня волнует только судьба Молли Залдивар. Слышишь? Ты должен иметь это в виду. Не забывай — благополучие Молли Залдивар самая важная во Вселенной вещь. Потому что я люблю ее всем сердцем. Несмотря на то, что...

— Простите, сэр,— перебил его флаер.— Нас приветствует приближающийся летательный автомат...

— Кто это?

— Управляет им ваш сородич Соломон Скотт.

— Что?! Скотт?— он прищурился, вглядываясь сквозь сияние огней станции, но никакого аппарата не увидел.— Этого не может быть!

— Это Соломон Скотт,— монотонно повторил флаер.— Имеется положительная идентификация по голосовой матрице. Он вошел в пространство Эксиона 4 без официального разрешения, и теперь его преследует робот-охранник. Но он говорит, что имеет для вас срочное сообщение.

Вызывающий их космолет возник в свете огней станции, зацепил флаер и врезался в покрытие неподалеку от рампы. Квамодиан едва удержался на ногах, ошеломленно глядя на странную машину. Она выглядела так, словно побывала в терзавших ее клыках дракона. Большая стальная сфера, помятая и оплавленная, частью почерневшая. Несколько скрученных выступов-стержней были, похоже, остатками потерянных приборов или оружия. У космолета не было ни крыльев, ни дюз, ни посадочного шасси, и он казался Квамодиану совершенно незнакомым, пока он не обнаружил следы скрытого под ржавчиной и царапинами символа: трехзвездной эмблемы станции Эксион.

— Это Скотт!— прошептал он.— Этот шар — экологическая капсула, в которой он здесь жил. Или часть ее.

— Глупый хомо! — оскорбленно воскликнул флаер. — Он едва не врезался в нас. Я вызываю охрану.

— Подожди! Этот человек нужен на Земле Молли Залдивар. Просто тебе нужно прочитать ее сообщение. Она хочет попросить его остановить Клиффа Хаука, который намеревается создать Блуждающую Звезду. Передай все это ему.

Флаер тихо загудел. Ожидая ответа Скотта, Квамодиан начал ощущать стыд. Он не мог подавить глупого сожаления из-за того, что появился Скотт. Да, теперь его шанс оказаться единственным спасителем Молли приближался к нулю.

— Скотт отвечает, — зажужжал флаер. — Он передает, что у него есть для вас очень срочное личное сообщение. Он просит вас подняться на борт его машины, так как не выдержит, если покинет борт своей капсулы.

— А Молли Залдивар? А Клифф Хаук?

— Он говорит, что Клифф Хаук самонадеянный болван, но Молли ошибается, говорит он, если считает его исследования опасными. Блуждающий звездный организм — это безобидный миф, как он говорит.

— Но когда он бронировал исследовательский космолет, он думал иначе, — пробормотал Квамодиан. — Скажи ему, что Молли просто в ужасе.

— Скотт говорит, что она тоже дура, — промурлыкал флаер. — Он говорит, что не намерен тратить время на безумную гонку на Землю. Но он очень хочет видеть вас. Вы не намерены посетить его машину?

Надежда Квамодиана получила новый импульс жизненной энергии. Если Скотт не захочет лететь на Землю, то остается какой-то безумный шанс, что именно он станет единственным избавителем Молли.

— Что? — он вернулся к действительности. — Скажи Скотту, что я сейчас буду.

Он выбрался из флаера. Станция трансфлекса находилась на несколько миль выше уровня человеческой зоны обитания, и жестокий холод кислородно-гелиевой атмосферы перехватил дыхание. Он наклонил лицо и быстро побежал к потерпевшему аварию космолету. Когда он добрался до него, открылся люк и высокий незнакомец, протянул руку, втащил Квамодиана внутрь.

— Скотт? — от ветра у него пропал голос. — Я ищу Соломона Скотта...

— Я Соломон Скотт, — проскрежетал незнакомец. — Входи.

Квамодиан отпрянул. Стоявший перед ним в отсеке шлюза незнакомец казался таким же высоким, как и Скотт, но на этом сходство и кончалось. Скотт был темноволосым, очень энергичным, атакующего темперамента человеком, таким же сильным и способным на безжалостные поступки, как и Клифф Хаук. Этот же человек был сед, согбен, и в движениях его чувствовалось усталость, странная неуклюжесть, с которой он протянул Квамодиану

руку из недр своей механической пещеры, словно и сам он был механизмом, а не человеком. Одежда его поражала в той же степени. На нем была длинная белая рубашка вроде рясы монаха, собранная у талии золотой цепью, голову прикрывал серый монашеский балахон. С золотой цепи свисал длинный золотой кинжал, который призрачно мерцал в полумраке шлюзового отсека. Квамодиану захотелось повернуться и поскорее убежать, он ничего не понимал. Ему не нравился неприкрытый блеск в глазах Скотта, казавшихся очень измученными, и даже какие-то жирные пятна на его монашеском одеянии. Из недр стального шара потянуло вдруг таким кисло-затхлым воздухом, что он едва не задохнулся.

— Энди! — прокричал незнакомец.— Войди в корабль!

Квамодиан постарался взять себя в руки. В конце концов, он не видел особой опасности и желал помочь Молли. Он схватил протянутую незнакомцем руку, которая показалась ему холоднее ледяного ветра, и забрался в металлическую келью.

— Сол! — Он попытался раздвинуть застывшие губы в улыбке.— Какая удача, что ты так вовремя подвернулся, Молли Залдивар отчаянно требуется твоя помощь эксперта. Если ты прочтешь ее послание...

— Забудь об этом,— серая худая длань Скотта небрежно отодвинула в сторону руку Квамодиана, в которой он сжимал полоску трансфакса.— Пойдем отсюда, здесь такой холод, что невозможно говорить.

В желудке Квамодиана что-то перевернулось при одном только взгляде на мрачное пространство за внутренним люком и на фигуру изможденного старика. Вонючие тряпки и рваная бумага. Груды беспорядочно брошенных сломанных приборов, пустые пластиковые контейнеры из-под пищи. Пыль, тление и запах человеческих испражнений.

— Что это? — он едва удержался, чтобы не передернуться.— Я... я едва узнаю тебя, Сол. Что с тобой стряслось?

— Я думаю, я теперь иной человек,— тихий голос Скотта казался почти нормальным.— Случилось то, что мне удалось узнать нечто. Нечто, что я принес тебе.

— Что бы ни случилось, это очень удачно, что я тебя встретил,— Квамодиан говорил громко, чтобы скрыть отвращение.— Молли говорит, что в Товариществе на Земле не верят в существование Блуждающей Звезды...

— Правильно.— Голова в сером капюшоне торжественно кивнула.— Блуждающие — это миф, вот что я узнал.— Изможденный старик склонился ближе, и Квамодиан попытался не отвести взгляда, почувствовав его дыхание.— Энди, я узнал великую вещь. Мы, люди, до сих пор следовали неверной философии жизни.

В словах не было ничего необычного, но глухой голос Скотта придавал им гипнотическую силу, которую,— Квамодиан знал,— он никогда не сможет забыть.

— Мы пытались сделать фундаментальным законом существования людей соревнование, соперничество. Очевидно, мы впали в это заблуждение из-за того, что отцы наши многие миллионы лет жили охотой, убивая, чтобы выжить. Во всяком случае, Энди, Блуждающая Звезда — это идеал такого рода людей «убойного» типа. Совершенный индивидуалист. Абсолютно свободный. Бессмертный, как Вселенная. Обуздать Блуждающую Звезду невозможно.

— Я знаю,— Квамодиан натянуто кивнул.— Вот почему я и опасаюсь...

— Когда-то Блуждающие были моим собственным идеалом.— Измученный старик не обратил внимания на последние слова Энди.— И Хаука тоже, надо полагать. Когда я прибыл сюда создавать стеллар-секцию, я соперничал со всеми в области моей науки. Я был мужчиной, и это была мужская игра. Мне нужно было бросить вызов лучшим умам во всех галактиках, которые собрались здесь, у Эксиона. Я должен был победить роботов, соединенных трансфлексионными сетями, делящих общие банки памяти и записи программ, что деладо их единым гигантским мозгом. Мне нужно было выстоять против многочленных граждан содружества, которые сливали силы логического мышления по тому же принципу, что и роботы. Мне нужно было соревноваться со своими сородичами-людьми, отбросившими индивидуальную свободу ради симбиотического союза с фузоритами.— Скотт вскинул голову в сером капюшоне.— Именно этот идеал Блуждающей Звезды побудил меня выступить против Хаука и именно он вывел меня на след сбежавшей звезды, которую открыл Хаук.

— Что же случилось там, Сол?

— Я нашел так называемую «Блуждающую Звезду» Хаука.— В скрежещущий голос Скотта проникло холодное презрение.— Никакая это не Блуждающая. Просто разумная звезда, но рожденная так далеко от остальных, что она никогда не сталкивалась с иным разумом. Робкое существо, невежественное и боязливое. В постоянном опасении перед всей Вселенной. В постоянном страхе. Ее нетренированный ум был слабее моего! Она испугалась меня!

Он зашелся визгливым смехом, отчего согнулся чуть ли не вдвое. Смех перешел в приступ астматического кашля. Квамодиан подхватил его костлявую руку, чтобы старик не упал, и с неловким чувством заглянул внутрь затхлого логова, которое начиналось за внутренним люком шлюза.

— Это был урок мне,— с трудом выдохнул Скотт, кончив кашлять и вновь обретя способность говорить.— Я не вернулся в секцию, потому что узнал высший принцип. Закон соединения. Именно этот закон стянул вместе первые клетки зарождающейся жизни, чтобы начать эволюцию человека. Именно этому закону подчиняются растения, выдыхая кислород для нас, и мы, выдыхая

окись углерода для растений. Именно этот закон связывает людей в семьи, кланы, нации. Энди, это именно то универсальное правило, которое сейчас связывает людей и фузоритов. И мыслящие звезды, и симбиотическое существо, называемое Лебедем.

— Возможно,— пробормотал Квамодиан.— Но какое это имеет отношение к моему перелету на Землю?

— Забудь Землю! — хриплый голос Скотта превратился в надтреснутое пение.— Забудь Клиффа Хаука и Молли Залдивар. Забудь все ложные волнения твоего заблудшего «я» и все бессмысленные цели, к которым ты изо всех сил стремился. Забудь закон соревнования — он для глупцов. Испытай закон соединения.

Квамодиан осторожно пятился назад.

— Послушай, Энди,— холодные когтевидные пальцы сомкнулись на его плече.— Я отбросил идеал блуждающего. Теперь я проповедую соединение. Именно об этом я и должен был тебе сказать. Я прошу тебя присоединиться к нам, к нашему симбиоту, вселенскому братству Лебедь.

Охваченный внезапной паникой, Квамодиан рванулся и высвободил плечо. Он отступил к наружному люку и там остановился, недоуменно хмурясь и стараясь не терять головы.

— Я считаю, что каждый сам определяет свое отношение к обществу,— сказал он наконец.— Но меня не очень влечет симбиоз. В качестве члена Товарищества Звезды я и так полезный гражданин. Все, что мне нужно,— это Молли Залдивар...

Голос его прервался, когда он увидел тонкие серые пальцы, сомкнувшиеся на золотом клинке. Он быстро сделал шаг назад, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Эй, Скотт! — выдохнул он.— Смотри! Не вздумай прикасаться!

— Мое касание — это вечная жизнь,— глаза Скотта ярко и фанатично блестели, а в глухом голосе не осталось и следа человеческой теплоты и здравомыслия.— Этот шприц заряжен фузоритами-симбиотами.— Зажав в бескровном кулаке, он поднял сверкающее острие.— Форма жизни более древняя, чем наша галактика. Достаточно древняя, чтобы знать закон соединения. Циркулируя в твоих жилах, микроскопические симбиоты не дадут стареть и разрушаться твоему телу. Они сольют твой разум с их разумом и с разумом миллиардов других людей-симбиотов, с сознанием мыслящих солнц.

— Подожди-ка, Скотт.— Энди поднял, защищаясь, пустые руки и попробовал говорить спокойно.— Не совсем что-то я понимаю, к чему ты клонишь. Ну, о гражданине Лебедь я знаю, к его симб-союзу принадлежат мои родители. Я знаю, что миссионерства он не позволяет. Люди должны сами просить разрешения на вступление в союз. Поэтому ты мне кажешься подозрительным.— Он посмотрел на согнувшегося перед ним старика.— Если бы Молли не просила прилететь вместе с тобой...

— Забудем же наши одинокие эгоистические «я»,— скрипел

Соломон Скотт.— Вольемся в бесконечно длящийся союз...— удивительно проворно он сделал выпад, далеко вперед вытянув руку с золотой иглой. Квамодиан ухватил старика за похожее на палку запястье, почувствовав в его руке невероятную силу. Игла дрожала, роняя желтые капли Дикая сила все ближе и ближе пододвигала клинок к телу Квамодиана. Энди задохнулся, хотел набрать в легкие воздуха и снова глотнул тошнотворной вони. Он кинулся к открытому люку, к свежему воздуху. Старик в серой рясе подставил ему подножку. Падая на металлическую стенку шлюза, он снова ухватился за тонкую, как трость, руку, сгибая ее и не давая игле коснуться горла.

— Забудь о Блуждающих Звездах!— хрипел Скотт.— Забудь...

Вдруг безумная сила его погасла, так же, как и клокочущий голос. Кость-палка упала с сухим хрустом. Длинная изможденная фигура, закутанная в серую рясу, безвольно села на пол. Из сломавшейся иглы, пронизавшей ткань капюшона, вытекали капли жидкого холодного огня. Квамодиан бросил на эту сцену лишь один взгляд и, пошатываясь, выбрался из корабля на ледяной свежий воздух. Парящий рядом флаер подхватил его и с проворством отнес к краю рампы еще до того, как прибыли роботы-охранники. Он долго с благодарным чувством покоя отдыхал в кресле, дрожа в тепле кабины и не в состоянии никак отдышаться. Только потом он начал задавать вопросы.

— Охранники не могут выяснить, как удалось Скотту выжить после встречи с Блуждающей Звездой,— сообщил ему флаер.— Они не могут также определить, как ему удалось вернуться на Эксион-4 и почему он приземлился именно здесь. Но они сообщают, что он мертв.

— Кажется...— Квамодиан замолчал, едва сдерживая волнение.— Кажется, это я его убил.

— Охранники изучили инцидент,— сказал флаер.— Они выяснили, что Скотт сам наткнулся на иглу шприца, которая пронзила его горло и вызвала смерть. Против вас не будет выдвинуто никаких обвинений.

— Но как могла игла убить его,— спросил Квамодиан,— если она содержала фузоритов-симбиотов?

— Это не так,— ответил флаер.— Светящиеся фузориты в шприце не относятся к симб-разновидности. Это похожий вид, встречающийся в Рифах Космоса. В крови вашего вида они действуют как опаснейший яд. Охранники сделали заключение, что Скотт явился сюда, чтобы убить вас.

— Почему?— Квамодиан опять содрогнулся.— Почему меня?

— Охрана не располагает необходимыми записями относительно иррациональных типов поведения среди представителей вашего вида, подверженных саморазрушительным тенденциям,— протянул флаер.— Они могут ответить вам лишь по другим во-

просам. Кто имел основание предотвратить вашу переброску на Землю?

— Клифф Хаук, наверное.— Квамодиан задумчиво нахмурился.— Больше, кажется, никто. Но Хаук за многие галактики отсюда. Все это ставит меня в тупик.

Флаер гудел две секунды.

— Охрана будет продолжать расследование этого случая,— сказал он.— Они сообщают о многих фактах, до сих пор не поддающихся логическому объяснению. Однако они могут дать вам совет, основываясь на первоначальном анализе имеющихся данных.

— Какой же?

— Если вы вернетесь в свое жилище и не будете его покидать, то вероятность преждевременного прекращения вашей жизни составит всего 0,2 процента. Если же вы будете продолжать путешествие на Землю, то вычисленная вероятность незаконного прекращения вашей жизни составит 89 процентов. Охрана рекомендует вам вернуться домой.

— Поблагодари охрану,— сказал Квамодиан.— Но Молли необходима помощь.— Он сел ровнее.— Вызови купол,— попросил он.— Справься, получили ли они для меня разрешение на внеочередную переброску на Землю.

Купол контроля сообщил, что просьба о предоставлении преимущества переброска была в надлежащий срок передана Альмалику, предводительствующему в многосоставном союзе звездного гражданина Лебедь. Пока ничего не было получено в ответ.

— Наберитесь терпения, сэр,— с симпатией добавил флаер.— Трудно подгонять мыслящее солнце. При сроке жизни в многие миллиарды лет у них собственная шкала времени.

Квамодиан что-то проворчал и принялся ждать, наблюдая, как роботы-охранники убирают тело мертвого Скотта и его ржавый корабль, и еще раз попытался разгадать загадку Сола Скотта. Взятая сама по себе небольшая проповедь Скотта о соединении имела, странным образом, долю смысла. Вспоминая свое собственное детство, Квамодиан мог легко убедиться, что это подтверждал его собственный жизненный опыт. Появление на Земле фузоритов завершило века соперничества и конкуренции, открыв эру соединения. И всю жизнь Квамодиан метался между этими двумя возможностями. Только сейчас ему пришло в голову, что Скотт, вероятно, был прав. Собственный и только собственный интерес был необходимым условием жизни первобытных охотников в джунглях, но даже самые примитивные из них умели действовать сообща. Конкуренция стала смертельной болезнью на более высоких ступенях цивилизации. Даже наисуровейшая терапия старого Плана Человека не могла излечить ее — даже с помощью взрывающегося железного кольца вокруг шеи. Кризис назревал, и когда появились фузориты, большинство людей привет-

ствовало их появление. Но Квамодиан решил не следовать за родителями и не присоединяться к новому симбиотическому союзу. Выросший в бурные годы переходной эпохи, он испытывал симпатию к обоим жизненным путям. Он стремился сохранить индивидуальную свободу даже ценой риска. Но он также стремился, и с неменьшей силой, к абсолютной безопасности и миру, который принесли фузориты. Испытывая острые и противоречивые эмоции, он наблюдал за концом старой человеческой цивилизации. Иногда с печалью видел, как почти каждая ее составляющая, будь то религия или философия, политика или бизнес, социальные установления или индивидуальные привычки, оказывались ненужными, глупыми или начисто неверными. Но зато с удовлетворением засвидетельствовал он конец войн, жадности, человеческой жестокости. Он обнаружил, что слишком любил как старое, так и новое, чтобы отказаться от одного ради другого. Вынужденный принимать собственное решение, когда его родители вошли в симбиоз Лебедя, он сначала решил встать на путь соревнования. Добиваясь высоких оценок в учебе, он выиграл стипендию Космического Скаута, что позволило ему покинуть людную Землю и войти в более напряженное и сложное существование трансгалактической цивилизации. Произошло это двадцать лет назад — если перевести универсальное время в старые единицы вращения Земли вокруг оси и Солнца. Что касается его собственной жизни, размышлял Квамодиан, старый закон джунглей явно оказался ошибкой. Соревнуясь с роботами, многочисленными существами и симбиотами, он провалился на выпускных экзаменах. Он не справился с десятком до жалости мизерных деловых предприятий. Попав в качестве подопытного животного на станцию Эксион, он проиграл также и Клиффу Хауку и не смог завоевать Молли. Лишь теперь, работая с Товариществом Звезды, нашел он свое, пусть не слишком заметное, но вполне удовлетворительное место в обществе. Это был полезный социальный институт, в то же время не требовавший столь полной самоотдачи, как абсолютный симбиоз. Такая форма соединения его полностью устраивала — устраивала бы, если бы Молли Залдивар передумала.

— Внимание, сэр! — тягучий голос флаера вновь вернул к действительности Квамодиана, погруженного в унылую интроспекцию.— Контрольный купол вызывает вас обратно к рампе.

— О, извини! — снова оживившись, он отдал нужные команды, и флаер нырнул обратно в поток очереди на транспортировку. Какой-то жутковатого вида гражданин на ножках-стеблях, с конечностями, словно ростки бамбука, и бахромой мозговой ткани, которая, словно юбка, опоясывала его талию, приостановился, давая им возможность встать в очередь к рампе.

— Контроль транспортировки вызывает Андре Квамодиана,— сигналил вспышками купол.— Многосоставной гражданин Лебедь имеет гарантированное право отдавать разрешение на первоочередную транспортировку через интергалактический

транзит. Альмалик, предводительствующая звезда союза, одобрила вашу просьбу на предоставление первоочередности. Можете войти в куб трансфлекса.

Квамодиан проворчал слова благодарности, и флаер понес его к кубу. Испытав множество галактических переброс, он так и не научился испытывать от этого способа удовольствие. Эффект трансфлексионной переброски по-разному влиял на разных людей. Большинство тех, кому переход доставлял неприятные ощущения или даже приводил в ужас, старались облегчить страдания с помощью гипноза или лекарств. Квамодиан просто терпеливо сносил неудобства.

Еще не достигнув куба, флаер вдруг остановился.

— Сэр, снова вызывает охрана. На основе последнего анализа они сделали еще один перерасчет вероятности преждевременного прекращения вашей жизни. Теперь она оценивается в 93 процента. Они по-прежнему советуют вам вернуться в купол.

— Поблагодари охрану,— сказал Квамодиан.— Скажи, что я лечу на Землю, к Молли Залдивар!

— По крайней мере, вы достаточной безопасности до конца транзита,— жизнерадостно заверил его флаер.— Миллиард пассажиров благополучно прибывает на конечную станцию — и всего шесть не прибывает. Трое из этих шести оказываются жертвами всего лишь пространственного поворота. Левая сторона у них становится правой. Двое из оставшихся трех страдают смещением ткани тела или продолжительными психозами. Лишь один пассажир из миллиарда исчезает без всякого объяснения. Но даже эта потеря статистически восполняется. Один пассажир из миллиарда редуплицируется из-за аномалий субпространственной рефракции. Следовательно, потери транзитной сети составляют ноль.

— Заткнись! — прорычал Квамодиан.— Я отлично знаком с этой статистикой. Как монитор я имел задание выяснить, что же происходит с одним пассажиром из миллиарда и куда он может деться. Я так и не решил проблемы и теперь не намерен к ней возвращаться.

Погрузившись в угрюмое молчание, обиженный флаер подплыл к кубу станции. Квамодиан наблюдал, как зрачковая диафрагма закрывалась за его спиной, отрезая его от бесконечной цепочки ждущих граждан. Немедленно флаер закачало, и он начал рыскать. Выкрученный из обычного пространства времени, проворачиваемый через точно рассчитанные складки гиперпространства, Квамодиан испытал то же, что и всегда: страх одиночества, тошноту, паралич мыслительной деятельности. Голубые стены куба исчезли, растворившись в темно-сером тумане. Из ниоткуда донесся глухой жуткий рев, закладывая уши. Цепенящий холод волной окатил тело, словно каждая клетка тела каким-то образом была подвергнута воздействию почти абсолютного нуля, царящего в пространствах между галактическими скоплениями. Квамо-

диан покрывался испариной и страдал. Трансфлексионный перелет каждый раз каким-то образом воздействовал на его чувство ориентировки... Исследователи проводили эксперименты с этим эффектом, но не смогли объяснить его причину.

— Ну, вот мы и прибыли, сэр! — пропел наконец флаер.— Не так уж плохо...

Он внезапно оборвал свою жизнерадостную фразу на полуслове. Затем завертелся, закачался и полетел вниз, Квамодиан с ужасом увидел отблески кроваво-красного огня. Он закрыл мокрое от испарины лицо и ждал, пока его инстинктивное чувство ориентировки не придет в норму. Оно не приходило. Но несколько головокружительных секунд спустя он почувствовал, как флаер вышел из бешеного пикитирования и перешел на горизонтальный полет.

— Неполадки, сэр,— прожужжал он.— Отказали все навигационные и коммуникационные приборы.— Он снова зажужжал, защелкал и уныло добавил: — Если кто-то стремился не допустить вас на Землю, он выиграл первое очко.

Квамодиан поднял голову и увидел местное солнце. Незнакомая звезда, огненно-кровавая и огромная, но слишком тусклая, чтобы слепить. Словно распухшая, она плыла низко над горизонтом по абсолютно черному небу. Темные пятна, полосы и завитки покрывали две ее огромные полусферы, создавая узор, очень похожий на изображение поверхности человеческого мозга. Обе полярные короны выбрасывали толстые щупальца красной плазмы, извивающиеся кольцами. Они были даже ярче, чем испещренное крапинами лицо звезды.

— Это разумная звезда,— шепотом обратился Квамодиан к флаеру.— Я уверен, что она мыслит. Когда нейроплазменная активность начинает препятствовать нормальному излучению энергии, поверхность получает такой пятнистый вид.

— Не имею данных,— ответил флаер.— Я просматривал все имеющиеся звездные каталоги, но по данным визуального наблюдения не могу определить эту звезду по моему комплекту звездных каталогов... Возможная причина — звезда находится вне занесенных в каталоги галактических скоплений.

С судорожным усилием Квамодиан оторвал взгляд, который словно под воздействием гипноза был прикован к испещренному морщинами и пятнами лику светила. Он хрипло вздохнул и перевел взгляд на мир внизу.

— Это... наверняка это не Земля.— Он с трудом сдержал подступающий к горлу комок.— Похоже, что тот миллиардный шанс выпал на нашу долю.

Флаер завис над плоским бесконечным берегом. К северу — если это был север — простиралась гладкая равнина моря, кроваво-красного в лучах жуткого солнца. К югу, если это был юг, почти на одной высоте с уровнем полета флаера поднимались черные скалы. Эта бесконечная горная стена казалась странно отвесной,

странно цельной, и она слегка изгибалась в сторону моря. Возможно, подумал он, это древний гребень кратера, тысячемильная чаша для неподвижного моря, которое казалось таким мертвым, что Квамодиан даже засомневался, существуют ли в нем приливы и они ли это так выгладили берег. По всему сумеречному горизонту плясало красное зарево. Его сплошные сполохи корчились и извивались, словно змеи кровавого цвета, отбрасывая малиновые отражения на зеркальную гладь моря. Квамодиан был неприятно поражен, обнаружив, что плазменные щупальца звезды протянулись по всему мрачному небу планеты, словно звезда держала небо и море в кулаке сжатых плазменных пальцев.

— Опустись ниже,— приказал он флаеру.— Там что-то есть, на берегу. Я хочу рассмотреть поближе.

На широком черном берегу выделялись пятнами более светлые, чем песок, образования. По мере того, как флаер снижался, они обретали определенную форму, превращаясь в серый, разрушенный временем металл, выцветшую краску, белые кости. Мертвые существа и их сломавшиеся машины покрывали изогнутую трехмильную полоску берега.

— Кажется, мы узнали, что происходит с пропавшими пассажирами,— сказал Квамодиан.— Вызывай охрану и передай им сообщение.

— Сэр, но я постоянно вызываю их! — В тоне флаера чувствовалась глубокая обида, голос его приобрел даже пронзительные нотки.— Я вызываю по всем трансгалактическим каналам. Но по какой-то причине не получаю ответа.

— Продолжайте вызывать. Кстати, как там с нашим, э-э... энергозапасом?

— Наш аварийный запас наполовину истощен, сэр. Прикажете приземлиться, чтобы сберечь его?

— Погоди пока,— он прикрыл глаза ладонью, всматриваясь в берег, освещенный холодным красным солнцем.— Вон там! У подножия утеса. Что-то там такое... Немного правее. Странные такие башни. Опустились как можно ниже к ним.

Четыре непонятные башни привлекли внимание Квамодиана. Поставленные по углам квадрата, они были не слишком аккуратно собраны из обломков черного камня, скрепленного глиной. Верхние половинки башен состояли из металлических обломков, в дело пошли части разрушенных машин на берегу. Куски металла были причудливо сварены между собой.

Когда флаер опустился, Квамодиан обнаружил, что от башни к башне протянулась целая паутина кабелей. Туго натянутая блестящая проволока очерчивала скелет большого куба. Внутри этого куба на тугих проволоках был подвешен куб поменьше. Его подвески очерчивали к этому еще шесть суживающихся к концу шестигранников.

— Тессеракт! — удивление заставило его понизить голос.—

Необходимейший контур трансфлексионного куба! Что же это значит?

— Отсутствие соответствующей информации. Данные, полученные путем наблюдений на этой планете, не дают логических оснований отнести линию моих действий к какой-либо программе в моем банке памяти.— Флаер тихо прогудел три секунды и печально добавил: — Прошу прощения, сэр, но ко всему этому я не был готов.

— Не унывай — утешил его Квамодиан.— Мне необходимо добраться до Земли, до Молли Залдивар во что бы то ни стало.— Он бросил взгляд на угрюмое светило и постарался скрыть дрожь.— Как там атмосфера? Я могу дышать?

— ЗД, 79% кислорода, остальное благородные газы. Гелий, неон, аргон. Температура и давление приближается к нижним пределам выживаемости человека. Вам здесь не понравится, но жить можно.

— Спасибо,— отозвался Квамодиан.— Открой... нет, погоди!

Небольшая, странного вида процессия приближалась к ним, маршируя вдоль берега. Вышла она из отверстия пещеры, чей небольшой круглый зев, ранее не замеченный Квамодианом, темнел над валунами у подножия утесов. Полдесятка потерпевших крушение вселенских граждан. Три робота, сильно пострадавшие при аварии. Два многонога в желтой скорлупе, с недостающими ногами. Всех их вел человек, размахивающий палкой с белой тряпкой на конце. Было видно, что это женщина в вылинявшей одежде, которая явно предназначалась человеку более солидных габаритов, а может, и не человеку вообще. Ее густые черные волосы были неумело подрезаны, явно каким-то неприспособленным для этого орудием, а кожа на лице была испачкана, по всей видимости, обыкновенной грязью. Квамодиан выбрался из флаера, пробежал несколько шагов ей навстречу и замер, пораженный. Несмотря на инопланетное одеяние и непривлекательный вид, она была очень красивой женщиной. Но не только. Почему-то привлекательность ее была до боли знакомой. Запыхавшись, Квамодиан приветствовал женщину на языке старой Земли, по-английски:

— Здравствуйте!..

— Стой! — она резко перебила его на универсальном языке.— Стойте, где стоите! Назовитесь!

Голос ее был холоден и отрывист, но его богатый тембр что-то напоминал Квамодиану... напоминал ему о Молли Залдивар. Вот что дразнило его память! Эта женщина была так похожа на Молли Залдивар, что по позвоночнику Квамодиана пробежал холодок. Соскрести грязь, одеть ее в нормальную одежду, хорошенько покормить пару дней — и она будет точной копией Молли Залдивар.

Со строгим выражением на лице женщина повысила голос.

— Я жду! — Голос, приводящий в транс Энди Квамодиана,

голос Молли Залдивар.— Предъявите свой стандартный голосовой идентификатор-матрицу.

В ошеломлении он только и смог выдавить из себя какой-то нечленораздельный звук.

— Погромче! — она махнула рукой, и, повинуясь приказу, роботы окружили его.— Здесь приказываю я!

Слегка заикаясь и запинаясь, он проговорил формулу стандартной голосовой матрицы.

— Благодарю, мистер Квамодиан.— Она коротко кивнула.— Я тоже принадлежу к Товариществу Звезды. Старший монитор Клотильда Квай Квич,— она сделала ударение на слове «старший».— Какое было число, когда вы вылетели?

Он сообщил ей дату по универсальному календарю.

— Спасибо, монитор,— подсчитав в уме, она мило нахмурилась, совершенно как это делала раньше Молли Залдивар.— Значит, я здесь уже пять лет... Это слишком!

Она указала кивком на пятнистое солнце.

— Здесь трудно следить за временем. На этой планете что день, что год — одно и то же. Солнце стоит в небе неподвижно. Мы даже местные года не можем отсчитывать, потому что в небе не видно звезд, по которым мы могли бы ориентироваться.

Квамодиан, вслушиваясь, зажмурил глаза. Если не обращать внимания на отрывистый начальственный тон, это был полностью голос Молли Залдивар.

— Проснитесь, монитор? — фыркнула Клотильда Квай Квич.— Как вы сюда попали?

— Я находился в трансфлексионном транзите с Эксиона-4 на Землю,— сказал он.— С помощью Лебедя я получил право на внеочередной транзит, чтобы поспешить туда по вызову девушки. Ее имя Молли Залдивар,— он всматривался в испачканное грязью лицо, но на нем ничего не отразилось, когда он произнес это имя. И все же он не смог удержаться от вопроса:

— У вас случайно не было сестры-близняшки по имени Молли?

— Конечно, нет. Не тратьте мое время на пустые разговоры. Монитор, проснитесь наконец! Здесь перед всеми нами стоят беспрецедентные проблемы! Все усилия должны быть направлены на их разрешение. Как ваш старший товарищ по объединению я предлагаю и требую от вас сотрудничества. Теперь мои подчиненные могут назвать себя.

Заговорив в унисон, роботы монотонно продекламировали опознавательную матрицу, из которой следовало, что все трое были инспекторами службы движения. Как ни странно, но все назвали один и тот же серийный номер. Два желтопанцирных многонога говорили по очереди, но оба были помощниками инспектора безопасности движения, и индивидуальные шифры у них были идентичны.

— Они попали сюда на год позже меня,— объявила Клотиль-

да.— У меня было задание выяснить, что же происходит со статистически незначительным числом пассажиров, исчезнувших во время трансфлексионной транспортировки. Им было дано задание выяснить, что случилось со мной. В куб станции их штаб-квартиры они входили вдвоем — инспектор и его ассистент. Со мной это случилось во время переброски на Эксион-4. Их маршрут был тем же самым.

Глядя на трех покалеченных роботов и двух многоногов, Квамодиан почувствовал холодное дуновение на затылке.

— Теперь вы понимаете, что произошло,— продолжала она.— Инспектор во время транзита был дуплицирован. Робот-ассистент триплицирован. Но что хуже всего — произошел обмен разумов. У всех трех роботов теперь память и сознание инспектора, а у раздвоившегося инспектора — программы и содержимое банков памяти робота-ассистента. В конечном итоге все они оказались здесь.— Пронзительный ее голос надомился.— И это...— На мгновение под маской начальственой уверенности в себе он уловил судорогу откровенного ужаса. Она тотчас же взяла себя в руки и успокоилась.— Вот с какой проблемой мы здесь столкнулись, монитор Квамодиан.

— А вы? — он не мог удержаться от инстинктивно возникшего на губах вопроса.— Вы ничего в себе не заметили?

Она вздрогнула и вспыхнула. В коротких темных волосах зажглись знакомые искорки, когда она повернула голову, глядя вдоль бесконечного берега. Внезапно она снова повернулась к нему, подбородок приподнялся, выдавая гнев,— жест, сразу ожививший самые болезненные воспоминания Квамодиана.

— Я с возмущением отказываюсь отвечать на личные вопросы.— Голос ее был напряжен и дрожал.— Если вам нужна объективная информация, то могу сказать, что мной замечены незначительные физические отклонения, которые я предпочитаю не обсуждать. Лучше вернемся к вопросу нашего спасения.

— Согласен,— сказал Квамодиан.— Вы можете объяснить, как мы сюда попали?

— Мы все вместе собирали данные и разрабатывали гипотезы.— Казалось, некоторая неуверенность заставляла ее говорить медленно, словно подбирая нужные слова.— Конечно, мы понимаем, что достаточно обоснованное заключение будет возможно только после тщательного анализа данных, когда мы вернемся в штаб-квартиру — если мы туда вообще вернемся.

Она сердито пожала плечами, которые покрывал гротескный инопланетный костюм, словно стараясь сбросить с себя сжавший ее сердце страх.

— Вот что мы подозреваем,— сказала она, кивнув на лик пятнистого светила.— Я думаю, это Блуждающая Звезда. Я думаю, что она систематически вмешивается в транзит трансфлекторных линий. Датированные документы среди самых ранних останков здесь на берегу указывают, что существа эти были пере-

брошены много столетий назад. Но в последнее время частота исчезновений увеличилась — как раз с того времени, когда Соломон Скотт обосновал гипотезу и основал станцию для исследования Блуждающих Звезд.

— Значит, Блуждающие за нами следят? — Он против воли вздрогнул, чувствуя неутихающий ветер, который непрерывно дул вдоль берега, прямо в направлении угрюмого солнца. — Сол Скотт побывал здесь?

— Нет, — ответила она. — Мы проверили все останки и составили перечень. Идентифицированы все, кроме нескольких самых ранних потерпевших. Людей в этом списке немного. И никто из них не мог быть Скоттом. — Она испытующе посмотрела ему в лицо, совсем как Молли. — А почему вы спрашиваете?

Он протянул ей ленту с трансфаксным сообщением Молли и рассказал о встрече со Скоттом. Вдруг многоноги что-то защебетали на своем языке, обращаясь к роботам. Те запищали в ответ. Клотильда Квай Квич сделал паузу, вслушиваясь.

— Мы видели непонятный самолет, — наконец перевела она. — Примерно с полдесятка раз. Он быстро и низко пролетал над морем неподалеку от берега, словно шпионя за нами. Инспектор сообщает, что его внешний вид соответствует вашему описанию поврежденной машины Скотта.

— Что вы об этом думаете?

Она подождала, пока проскрипят вопрос роботы, а многоноги им ответят.

— Скотт пытался добраться до окрестностей Блуждающей Звезды, — перевела она Квамодиану. — Инспектор предполагает, что это и есть та самая звезда, что она похитила Скотта, потом каким-то образом переслала обратно на Эксион, превратив того в своего рода нерассуждающий инструмент.

— Это могло бы объяснить случившуюся с ним перемену, — кивнул Квамодиан. — Но почему он пытался убить меня?

Роботы запищали, а многоноги ответили им стрекотом.

— Они предполагают, что Блуждающая Звезда заинтересована в экспериментах, которые проводит Хаук на Земле, — сказала Клотильда. — Они думают, что звезда не хочет дать вам возможности вмещаться.

— Но Молли звала меня, — упрямо пробормотал Квамодиан. — Я не намерен отступать.

— Для этого вам нужно иметь семь пядей во лбу, — в запавших глазах девушки замерцал огонек едкой усмешки. — Потому что мы здесь полностью отрезаны от остальной Вселенной. На наши сигналы не отвечают. Если это и в самом деле Блуждающая Звезда Клиффа Хаука, то мы где-то в межгалактическом пространстве. В нашем регистре отмечена почти тысяча граждан, заброшенных сюда. И ни одному не удалось вернуться обратно.

Квамодиан вопросительно нахмурился, глядя на Клотильду

Квай Квич, и указал на проволочную паутину между четырьмя грубо выстроенными башнями.

— Кто-то намеревался вернуться,— сказал он,— кто-то пытался построить трансфлексионный передатчик...

— И дальше этого не пошел,— она презрительно пожала плечами.— Эти башни уже стояли здесь, когда я попала сюда. Инженеры, выстроившие их, к тому времени умерли и были забыты. В нашем регистре нет даже их имен.

— Когда-то я изучал транзитную инженерию,— Квамодиан не удосужился упомянуть, что не выдержал последних экзаменов.— Этот контур-тессеракт очень похож на копию рабочей модели, которую мы строили в лаборатории.— Внезапная мысль заставила его задержать дыхание.— Возможно... Возможно, мне удастся достроить его!

— Все уже готово,— сказала Клотильда.— Готово к испытаниям.

— В чем же дело?

— Мы не можем опробовать передатчик, пока не определелим, где находимся сами.— Она прислушалась к попискиванию робота.— Инспектор считает, что эта звезда — та самая Блуждающая Звезда Клиффа Хаука. Если это так, то мы довольно точно можем определить примерное расстояние до терминала на Эксион-4. Но расстояние — это еще не все, необходимо задать направление, а у нас здесь нет никаких ориентиров.

— Я обладаю...— Квамодиан прикусил язык.— Раньше у меня было особое чувство, я умел определить направление. Но все дело в том, что трансфлексионный переход создает помехи. Как правило, все приходит в норму, как только я прибываю на станцию назначения. На этот же раз...— он расстроенно покачал головой.— На этот раз оно так и не пришло в норму.

Над берегом нависла полная тишина. Потом загундосили роботы, запищали многоноги. Осунувшееся лицо девушки побледнело.

— Монитор Квамодиан, инспектор припоминает исследовательский рапорт, касающийся экспериментов с вашим феноменальным даром. Часть экспериментаторов убедилась, что вы обладаете необъяснимым умением воспринимать завихрения в гиперпространстве. Другие явно считали вас обманщиком, сознательным или нет. Если вы действительно обладаете таким даром, то сейчас самое время испробовать его.

— Я попробую,— пробормотал он.— Но я по-прежнему не могу ничего определить.

Он попытался наугад. От усилия только увеличилась щемящая дурнота. Он весь покрылся холодным потом. Берег перед глазами накренился, черные вершины сказочно повисли над самой головой. Вокруг, как воздушный шар, кружилось багровое солнце.

— Бесполезно,— слабо выдохнул он.— Собственно, я даже не

знаю, что нужно сделать. Как правило, я просто знаю направление, и все. Или ощущаю его, или нет.

Поскрипывая, роботы подобрались поближе.

— Лучше попробуйте еще раз,— отрезала Клотильда.— Или, возможно, вам больше нравится здесь?

— О, Альмалик! — в нем проснулся гнев.— Вы что, думаете, я не хочу добраться до Земли, спасти Молли Залдивар?

Что-то произошло с ним, едва он произнес эти слова. Закачавшийся берег снова обрел устойчивую надежность под его словно обретшими силу ногами. Красное солнце заняло положенное место. Прошло мучительное головокружение. Он совершенно точно знал, где находится.

— Вот где Эксион,— он указал на небо.— Вправо от солнца. Нужно просто продолжить линию экватора. Галактики находятся пониже, как раз над морем.

— Монитор, вы уверены?

Клык сомнения коснулся только-только рожденной уверенности.

— По-моему...— жалкая пауза.— По-моему, я не ошибаюсь.

Клотильда Квай Квич и ее роботы отошли к подножию башен, чтобы посоветоваться без посторонних. Два многонога остались стоять настороже поблизости от Квамодиана, словно опасаясь, что он бросится бежать. Роботы пищали, девушка что-то шептала. Наконец они вернулись обратно к Квамодиану.

— Монитор Квамодиан, мы обсудили ситуацию. Возникают новые серьезные проблемы. Мы не можем с уверенностью сказать, что ваше чувство направления, которым вы, по вашему уверению, обладаете, позволит нам правильно настроить приборы станции. Даже если терминал работает, неизвестно, позволит ли Блуждающая Звезда покинуть эту планету. В данных обстоятельствах инспектор предлагает вам провести первое испытание станции. Вы согласны?

— Конечно, согласен,— до сих пор ему не приходило в голову, что звезда может вновь вмешаться.— А какова вероятность...— Глядя на змеевидные протуберанцы кровавой звезды, он не завершил фразу.

— Мои подчиненные не рискуют делать прогноз.— Она нахмурилась, совсем как Молли.— Они не могут отнести Блуждающую Звезду ни к какому типу жизни, даже среди мыслящих звезд. Ее возможности не ограничены. Но мотивы ее поступков нам непонятны и непостижимы для нас. Сила ее мышления должна быть почти абсолютной. Но она практически ничего не знает о других существах... особенно о людях. В результате ее поступки могут оказаться до ужасного простодушными. Или поразительно проницательными. Или просто безумными.— Она пожала плечами.— Кто знает, чего мы можем ожидать.

Квамодиан помог настроить приборы управления терминалом, которые помещались в корпусе грузовой космобаржи, погре-

бенной в черном песке под башней. Клотильда без лишних церемоний пожала ему на прощанье руку. Он вернулся к ждущему флаеру и стал ждать ее сигнала. Наконец Клотильда взмахнула рукой. Флаер проплыл мимо башен, входя в пространство, ограниченное сверкающими проводами. Он бросил взгляд на зловещее солнце, но оно уже погасло, растворилось в межвремени. Он снова потерял всякое представление о том, где находится. Вокруг с ревом вращались серые пространства, пронизывающий холод снова высасывал из его тела энергию жизни. Флаер так крутило и вращало, что он уже начал опасаться, что безумная звезда бросила его в еще худшую ловушку. Но флаер выпрямился.

— Приготовьтесь к выходу,— пропел он, и тут рев исчез вместе со всеми остальными неприятными ощущениями.

Условные стены проволочного тессеракта превратились в настоящие, окружавшие его со всех сторон. Они были покрашены в серо-черный цвет и украшены большими черными буквами, гласившими, что Квамодиан находится на Земле, на станции Волчий Ручей. Впереди раскрывалась диафрагма выхода. Он испытал такое чувство, словно его оглушили ударом по голове. Контраст был почти невыносимым. Исчез инопланетный берег, кроваво-красное солнце, море, Блуждающая Звезда со змеевидными протуберанцами. Не было жгучего холода гелиево-кислородного ветра, хлеставшего по длинной очереди галактических граждан, погруженных в мысли о своих делах, стремящихся получить первоочередное право транзита или сердящихся на задержку. В этой пасторальной тишине обе планеты — Эксион-4 и мир ужасной Блуждающей Звезды — превратились в кошмарных близнецов, о которых он не хотел даже думать. Квамодиан радостно подался вперед, когда флаер выплыл из клуба трансфлексной станции и он впервые в своей взрослой жизни взглянул на широкие просторы Земли, залитые теплым светом ее единственного Солнца. Двадцать минут спустя большая часть его патриотически-пасторального настроения испарилась. Он яростно процедил, обращаясь к флаеру:

— Что это значит? Я не могу вызвать Молли Залдивар? Я проделал такой путь от самого Эксиона-4. Ты хочешь сказать, я не могу послать ей сообщение?

— Ваше сообщение едва ли может быть послано, мистер Квамодиан. Блок связи не функционирует.

— Чепуха! Попробуй вызвать местное отделение общества Товарищества Звезды...

— Тоже не отвечают, мистер Квамодиан. Это местный обычай. Меня информировали — в четырнадцать часов по местному времени все обычные линии связи будут открыты. Но до этого времени...

— Я не могу ждать из-за дурацких условностей! — рявкнул Квамодиан.— Я потратил столько усилий, чтобы добраться сю-

да, и я не намерен бить баклуши, пока этим занимаются местные деревенщины. Так что я отправляюсь туда сам!

— Конечно, мистер Квамодиан.— Флаер начал медленно спускаться к пыльному открытому участку прямо перед кубом станции.— Правда,— добавил он, извиняясь,— вам придется идти пешком. По местным обычаям флаерам не разрешается удаляться больше, чем на сто метров от станции.

— Великий Альмалик! Ну, ладно.— Он суетливо выбрался из кресла и протиснулся в открытую дверцу.— Куда мне идти?

— Вдоль по улице, мистер Квамодиан. Золотое здание с эмблемой Товарищества,— сказал над его ухом голос флаера, включившего наружные динамики.

Он повернулся и посмотрел в указанном направлении. Флаер за его спиной тихо поднялся в воздух и отплыл обратно к высокому черному зданию трансфлексной башни, после чего опустился отдыхать у ее основания. Квамодиан остался один на планете, где когда-то родился. Как он сейчас понял, он был даже больше одинок, чем ожидал. Он знал, что некоторые области Земли еще населены — хотя они ни в коей мере не могли идти в сравнение с шумными метрополисами центральных миров или даже относительно малозначительными планетами, где он учился или работал. Но он никак не ожидал, что Земля, пусть даже небольшой кусочек, будет совершенно пустой. Тем не менее поблизости не было видно ни души. Он посмотрел назад, на башню станции — его флаер, неподвижный и безобидный, ждал у подножия. Больше ничего. Он посмотрел вдоль длинного бульвара из искусственного камня: здание школы, больница, несколько центров снабжения,— и ни одного жителя. Он заметил парк со скамьями и игровыми площадками, но они пустовали. Он видел припаркованные на стоянке машины, по виду брошенные, библиотеку без читателей, играющий фонтан — и некому было любоваться его игрой.

— Это просто смешно,— проворчал он и зашагал к сияющему на солнце зданию.

Единственная звезда Земли оказалась жаркой, и гравитация родного мира превышала силу притяжения, к которой Квамодиан привык за эти годы. Это была утомительная прогулка. Но что-то было в ней и приятное, нечто в запахе пыльного тротуара, в шелесте яркой молодой листвы деревьев, нависающих над тротуаром. Над поселком, словно благословленный Альмаликом, повис мир. Но Квамодиан спешил на Землю не для того, чтобы искать здесь покоя. Он прибавил шагу, с пыхтением преодолевая тротуар, отделявший его от флагштока, на котором развевался штандарт Товарищества Звезды — на черном фоне космического пространства тринадцатицветную звезду Альмалик окружали эллипсы сложных орбит его компонентов. Но дверь при его приближении не открылась. Квамодиан едва не ударился о прозрачное стекло, с трудом успев вовремя остановиться.

— Черт побери, что здесь происходит?— сердито воскликнул

он, больше удивленный, чем рассерженный, по крайней мере, поначалу.— Я Эндрю Квамодиан, монитор Товарищества Звезды. Сейчас же впустите меня!

Но блестящая кристаллическая панель не шелохнулась.

— Доброе утро, гражданин Квамодиан,— проговорил записанный на пленку учтивый голос.— Пост Товарищества Звезды по названию Мудрый Ручей сегодня закрыт в соответствии с местными религиозными обычаями. Как обычно, он откроется в понедельник.

— Я сообщу об этом куда следует!— воскликнул Квамодиан.— Запомните мои слова. Я вызову региональное управление Товарищества Звезды...

— Публичный прибор связи, гражданин Квамодиан, находится как раз слева от вас,— вежливо сказал робот.— Для аварийного пользования он свободен даже в День Звезды.

— Аварийного, да? Будь я проклят, если это не самая настоящая авария!

Но с Квамодиана было уже достаточно споров с записанными на пленку голосами. Он прошествовал вдоль крыла здания, облицованного золотисто-желтой керамической плиткой, к кабине связи, где сердито набрал номер регионального отделения... и обнаружил, что ему снова отвечает деловитый механический голос.

— Товарищество Звезды. Отделение третьего округа,— отчеканил голос.

— О, проклятье! Гм... ничего. Послушайте, Я монитор Квамодиан. Нахожусь в Мудром Ручье, чтобы произвести расследование чрезвычайной важности. Я прибыл сюда по вызову. И обнаружил, что местное отделение закрыто. Это просто беспорядок. Я требую, чтобы отделение было открыто и...

— Монитор Квамодиан,— укоризненно сказал голос робота.— Это невозможно. По условиям Конвента с Посетителями местные отделения никогда не функционируют в День Звезды, чтобы дать возможность персоналу принять участие в религиозных обрядах по их усмотрению. Даже региональное отделение восьми округов обслуживается в эти дни только машинами...

— Но это чрезвычайное происшествие! Аварийная ситуация! Как вы не понимаете!

— Монитор Квамодиан, мои сенсоры не регистрируют аварийной ситуации на Мудром Ручье.

— Да ведь я же потому сюда и прилетел! Я, понимаете, не знаю конкретной природы происшествия, но я требую немедленного содействия...

— Наше отделение в Мудром Ручье откроется ровно в полночь по местному времени,— вежливо сообщил механический голос.— С этого момента вы можете получить компетентную помощь.

— Полночь — это уж слишком!

На линии что-то щелкнуло, зажужжало, потом послышалось

ровное, ничем не прерываемое гудение. Что-то гневно бормоча себе под нос, Квамодиан попробовал набрать код Молли Залдивар. Но флаер был прав — никто не отвечал. Громко пыхтя от раздражения и в равной степени от усталости, Квамодиан присел на ступеньку местного отделения Товарищества и хмуро уставился на пустую улицу. Сколько миллионов световых лет преодолел он за этот день — и все только для того, чтобы оказаться в каком-то сонном захолустье?! Подумать только, какие титанические силы были вызваны к жизни, чтобы перебросить его через бездны космоса в спешке спасти Молли Залдивар от смертельной опасности, угрожавшей ей, судя по посланию. Он провел языком по пересохшим губам и стер выступившие на лбу капли пота. Да, он был героем, готовым спасти девушку, жителей города и даже целый мир. Но ни первая, ни вторые, ни третий — никто не желал спасаться.

А в двадцати пяти милях от Мудрого Ручья Молли Залдивар на самом деле требовалось спасение. Ее старенький голубой электромобиль с жужжанием взбирался по крутой горной дороге на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Внизу она видела сухую плоскую равнину, старый городишко Мудрый Ручей, домики которого сгрудились вокруг двух шпилей — трансфлексной станции и церкви. Дальше дороги не было. Шоссе ныряло вниз, обходило склон горы по кругу и опускалось в другую долину. От этого места ей придется идти пешком. Но этого она не могла сделать. Выше по склону она слышала неутихающее шуршание — это неустанно передвигалось с места на место существо, которое Клифф называл слиитом. Она его сейчас не видела, но могла прекрасно вообразить — величиной с лошадь, но более массивное, черное, как пространство космоса, и гладкое до блеска, как ее собственные шелковистые волосы. И она понимала, что в этот момент как никогда близка к смерти. Она на цыпочках бесшумно вернулась к машине, не спуская глаз со скал над головой. Певучий шелест существа то приближался, то удалялся, снова и снова. Возможно, слиит еще не почуял ее. Но в любой момент, в любой момент... Молли села в машину и осторожно прикрыла дверцу, стараясь не щелкать замком. Тяжело дыша — частично из-за нервного напряжения, частично из-за разреженного воздуха — она подняла коммуникатор и прошептала:

— Клифф! Ответьте мне, Клифф, пожалуйста.

Но слышались только слабое шуршание слиита и еще более слабый посвист ветра на вершине. Молли закусила губу и обернулась. Она не осмеливалась выключить мотор. Тот, правда, работал негромко, но слишком близко был слиит. Удивительно, как он вообще до сих пор не засек приближающуюся машину. Но позади дорога круто уходила вниз. Если она отпустит тормоза, ее старенькая машина покатится вниз. Она будет скрипеть и хрустеть, но только когда наберет скорость. А Клифф говорил, что слиит не отходит от своей пещеры дальше, чем на несколько сотен

ярдов. Сейчас она очень близко к пещере, но машина выкатилась бы из опасной зоны менее чем за минуту... А что потом? Клифф не отвечал. Она должна увидеть его... должна остановить то, что он задумал свершить вместе с этим жестоким, бесцеремонным человеком, владельцем слиита. Ближе, чем сейчас, ей никогда не подобраться, и можно ли надеяться, что в следующий раз слиит окажется в каком-нибудь другом месте?

— О, Клифф, пожалуйста,— прошептала она в коммуникатор.— Это Молли. Я должна с тобой говорить...

Послышался стук камешков, поднялось облако пыли, и Молли вытянула шею, внезапно охваченная ужасом. Это был слиит. Огромные, с человеческую голову, глаза горели зеленым пламенем, как цифры на часах с фосфоресцирующими стрелками. Сейчас эти глаза слепо смотрели в долину. Он был грациозен, как кошка, но с удивительной неуклюжестью поплыл вниз, влекомый трансфлексным полем, цепляясь за каменное крошево предназначенными для убийства когтями. Кажется, он не заметил ее. Пока... Молли замерла, напряженно слушая поющий шелест слиита. Его могучие мышцы перекатывались, как ртуть, под черной гладкой кожей с мелкими шершавыми чешуйками. Глаза медленно поворачивались от одной стороны горизонта до другой. Потом он снова неспешно удалился в свои владения, и Молли осмелилась глубоко вздохнуть. «О, Клифф!» — прошептала она, но только для себя самой. Она не могла заставить себя говорить в коммуникатор, даже шепотом. Но любой ужас постепенно проходит. Человеческий мозг никогда не остается долго настроенным даже на близкую опасность гибели. Молли вдруг почувствовала, что сидит, согнувшись в три погибели, уже довольно давно. Она осторожно распрямила ноги и выпрямилась, заняв более удобную позицию на видавшем виды пластиковом сиденье электромобиля. Если бы только Клифф услышал ее вызов и был теперь с ней! Если бы слиит убрался на другую сторону горы, давая ей шанс за считанные секунды безумного спринта достичь пещеры и тех, кто в ней находился. Если бы... но она понимала, что вторгается в область невозможного... Если бы бедняга Энди Квам ответил на ее мольбу о помощи и выпрыгнул из башни трансфлекса, вооруженный всем, что необходимо, чтобы остановить Клиффа, остановить его страшную затею... Но все это было практически невозможно. Клифф ее не услышит, слиит не уйдет. Что же до Энди Квама... Даже находясь в таком ужасном положении, она не могла сдержать улыбки. Бедный старина Энди, всегда такой трезвый и серьезный, любящий и толстенький, быстро приходящий в гнев и быстро остывающий, но всегда такой добродушный... Нет, из всех спасителей, которых только может вообразить себе обыкновенная девушка, это был наименее желаемый вариант. Поющий шелест слиита стал громче, и она со страхом подняла глаза. Но слиит не поднялся. Она бы с благодарностью встретила сейчас даже Рифника — мрачного гиганта с рыжей бородой, союзника

Клиффа по безумной затее. Она боялась Рифника, он, казалось, возвращал ее к чудовищной эпохе насилия и ярости, когда мирные города подвергались разграблению вандалов, маумау резали спящих детей. Он всегда держался с ней корректно и достаточно вежливо, но в нем чувствовалось нечто, грозившее разрушением. То, чем занимался Клифф, было само по себе очень плохо! Поэтому дополнительно пугать Молли не было нужды. Создать разумное существо на атомном уровне, попытаться вывести живое мыслящее существо, состоящее из той же ткани, что и сердцевина разумных светил! И что страшнее всего — попробовать дуплицировать в лаборатории тот же вид звездного разума, который превращает звезды в блуждающие, натравить его на собственных родичей, вызвать грандиозную битву энергетических вихрей и разрушительных разрядов материи. Она вдруг усмехнулась, вспоминая Энди Квама. Только вообразить себе — он против Рифника! Да он... Молли Залдивар внезапно выпрямилась. Она вдруг осознала, что поющий шелест слиита больше до нее не доносится. Слышалось только далекое завывание ветра. Она подождала еще немного, потом собралась с духом и тихо выскользнула из машины. Она готова была каждую секунду прыгнуть обратно на сидение, чтобы бежать — хотя это и было бы непросто — но слиит по-прежнему не показывался. Очень осторожно и очень тихо она сделала шаг вперед по каменистой тропе. Потом еще один. Щелкнул упавший камешек, задетый ее ногой. Она замерла, чувствуя, как колотится сердце... но вокруг по-прежнему царила тишина. Еще шаг... и еще. Теперь она была уже на самом верху. Справа зияла пасть пещеры, оправленная в кристаллическую облицовку. И никого не было видно. Молли быстро заспешила к пещере. И в это мгновение появился слиит. Он взмыл над гребнем горы, устремившись вниз, прямо на Молли, словно брошенное копье. Она видела перед собой его огромные слепые глаза, он двигался со скоростью звука и через секунду должен был накрыть ее.

— КЛИФФ! — завопила она и бросилась к пещере. Но она не достигла ее. Из пещеры вылетело большое облако черного дыма, образовав правильное вихревое кольцо. Сотрясение выбило почву из-под ног Молли, бросив ее на острые камни. Долю секунды спустя донесся оглушительный грохот, но Молли этого уже не слышала: взрыв, удар о камни, свирепый слиит — все это смешалось в медленное затухание всякой связи с внешним миром. Еще доля секунды — и она потеряла сознание. Где реальность и где сон? Молли медленно открыла глаза и увидела над собой осунувшееся, покрытое кровоточащими ссадинами лицо Клиффа Хаука, ошеломленно глядевшего на нее. Она снова закрыла глаза, и кто-то — что-то, какой-то голос — позвал ее, и она увидела, что этот Некто пойман в ловушку и полон гнева, он приказал ей прийти и...

— Проснись, Молли, черт тебя подери!

— Я не сплю, мой дорогой,— сказала она, открывая глаза. Это был Клифф.— Нужно уходить отсюда, и как можно скорее,—

сказала она совершенно серьезным тоном.— Он испуган, одинок и...

— Кто? О чем ты говоришь?

Она вдруг обхватила голову руками, почувствовав, как сильно она болит.

— Почему?— она в замешательстве посмотрела на Клиффа.— Я забыла.

Клифф недовольно нахмурился.

— Ты слишком сильно ударилась,— нехотя сказал он.— К тому же ты надоела. Что ты здесь делаешь?

— Я хотела остановить тебя.— Голова продолжала кружиться. Она пыталась вспомнить нечто очень важное, что загадочный Кто-то сказал ей в этом сне. Если только это был сон!

— Я так и думал. И вот что ты наделала! Как будто и без этого у меня забот мало!

Молли оставила попытки поймать мысль-беглянку. Выражение лица Хаука внезапно стало больше озабоченным, чем сердитым. Молли явно рассказала ему то, что он и так знал. Из ссадины на лбу у него бежала вниз струйка крови, расходясь на две струйки поменьше у носа и исчезая в синеватой щетине на щеках и подбородке. От этого он был похож на недоброго клоуна. На клоуна, отягощенного каким-то очень большим страхом.

— Произошел... произошел несчастный случай. Молли, возвращайся в Мудрый Ручей.

Она покачала головой и вдруг без всякого вступления начала плакать. Хаук негромко чертыхнулся, но когда он быстро нагнулся, чтобы помочь ей подняться, прикосновение его оказалось неожиданно нежным. Он помог ей встать на ноги и отойти к пещере. Молли безудержно рыдала, что, тем не менее, не помешало ей заметить, что пещера была превращена в настоящую мастерскую, полную блестящего металла, машин и инструментов. Над блестящим золотым шаром висела аура бледно-фиолетового свечения. Шар был помят и испачкан — очевидно, то, что взорвалось, находилось неподалеку от него. Она слышала приглушенное завывание энерготрубы, басившей, как до-регистр паровой каллиопы, затягивая энергию из воздуха. Она позволила усадить себя на шаткий лабораторный табурет, приняла салфетку и вытерла щеки и нос.

— Тебе придется вернуться домой,— сказал Клифф с грубоватой нежностью.— Как видишь, я занят.

— Тебе грозит опасность,— поправила она его.— Это очень опасно, Клифф! Оставь Блуждающую Звезду в покое! Я вернусь в Мудрый Ручей, если только ты вернешься вместе со мной.

— Я не могу. Останавливаться поздно.

— Но ты рискуешь жизнью... всей планетой...

— Молли.— Он неловко тронул ее за плечо.— Я не могу прекратить эксперимент. Даже если это будет стоить мне жизни. Даже если будет разрушен мир. Ты говорила мне правду, когда ска-

зала, что... любишь меня? Тогда возвращайся домой и оставь меня одного.

Пыхтя и отдуваясь, Энди Квам вылетел из-за угла и закричал:

— Эй, погодите! Погодите минутку, пожалуйста!

Трое ребят, которых он только что заметил, весело шагали вдоль пыльной дороги. Они остановились и достаточно вежливо и с любопытством оглядели Энди.

— Доброе утро, Проповедник,— кивнул один из них.

— Нужно помочь, да?

— Да. Я надеюсь, во всяком случае... в общем, куда все подевались?

— День Звезды, Проповедник. Большинство поклоняется. Кроме нас.

— Молодой человек, я не Проповедник. Я...

Мальчик оглядел Энди.

— Тогда почему на вас этот смешной костюм?

Квамодиан покраснел.

— Это униформа Товарищества Звезды. Я монитор Квамодиан. Мне нужно отыскать...

— Ух, ты, Проповедник! — Мальчик впервые высказал неподдельный интерес.— Товарищество Звезды! Значит, вы летали по всем этим галактикам, верно? И видели всех этих смешных галактожителей, с зеленой кожей, двумя головами и...

— Очень некрасиво шутить по поводу внешности других вселенских граждан,— сердито сказал Энди Квам.— Мы все занимаем одинаковое место в содружестве звезд.

— Ну, конечно. Ух, ты! А вы видели, как взрывается новая звезда? А, Проповедник? Или дрались с аммиачными монстрами на газовом гиганте, или...

Энди Квант ничего не стал скрывать.

— Молодой человек, я занимаюсь, в основном, административной и статистической деятельностью. Приключений со мной не происходит вообще. Не считая вот этого.

— Сейчас? С вами?

— Даже более, чем мне хотелось бы. Происходит что-то очень серьезное. Я ищу Молли Залдивар.

Второй мальчик, рыжеволосый и круглолицый, объявил:

— Она ушла к холмам, Проповедник. Бьюсь об заклад, искать своих друзей.

— Заткнись, Руф! Они ей не друзья.

— Ты мне это сам сказал, Роб. Только потому, что неравнодушен к Молли Залдивар, ты еще...

— Я тебя предупреждаю, Руф!

— А что тут такого? Все знают, что ты в нее втюрился. И всем известно — ей нравится парень, который живет... убери руки!

Энди Квам поспешил расцепить драчунов.

— Мальчики, если вы собрались драться, прошу вас, подо-

ждите, пока я не узнаю все. Ты говоришь, что знаешь, где сейчас Молли Залдивар?

Рыжеволосый вырвался и отскочил в сторону, свирепо глядя на другого мальчика.

— Миль тридцать отсюда. Бьюсь об заклад, она там. Пошла к пещере, где живет этот парень, а с ним Рифник и зверюга. Когда-нибудь она его сожрет, или он сам себя прикончин. Так мой папа говорит.

— Как туда добраться?— энергично поинтересовался Энди.

— Да никак, Проповедник. Сегодня же День Звезды. Разве что вы пойдете пешком!

— Но это очень важно...— Квамодиан замолчал. Вероятно, мальчик прав. По местному времени, наверное, дело уже идет к вечеру. А в полночь он все немедленно уладит.— А кто такой этот Рифник?

— Человек с Рифов Космоса, само собой. С ним рифовая зверюга. Они ее зовут слиит.

— Большущая,— неожиданно вмешался третий мальчик.— Мой брат уверяет, она может убить даже взглядом. Только посмотрит, и все.

— Уже убила трех собак,— подтвердил Руф.— Я бы к ней не подошел ни за какие деньги,— добавил он благоразумно.— Мне папа запретил.

Энди Квам задумчиво посмотрел на него.

— Уверен, ты мог бы мне сказать, как туда добраться.

— Мог бы.

— И мог бы даже показать дорогу, если бы захотел.

— Были бы неприятности с моим па.

— Угу. Послушайте, ребятки. У меня есть кое-какие редкие сувениры с планеты в пятой галактике. Как насчет них? Потом, вероятно, вы мне немного побольше расскажете о пещере в холмах.

Ребята шумно потребовали покатать их на флаере. Стометровое ограничение все еще пребывало в силе, но Энди Квам усадил их в кабину, закрыл дверцы и приказал флаеру подняться до разрешенного предела и там зависнуть. Это было все, чем он мог их порадовать. И этого было вполне достаточно, судя по крикам и возгласам, с какими они отталкивали друг друга от иллюминаторов. Открывшийся с высоты вид интересовал и Энди тоже. Ведь все же это была старушка Земля, колыбель человечества. Глядя с парящего флаера, он испытал смутное разочарование. Он ожидал увидеть огромные древние города или, по крайней мере, знаменитые легендарные руины и памятники длинной истории человечества. Но он не обнаружил ничего подобного. Мудрый Ручей окружала голая красно-коричневая равнина. Сам поселок был до обидного невзрачным. Лишь церковь Звезды поражала своим видом с высоты. Звездной формы — пятиконечная — пять крыльев отходили от центрального купола. Крыши и колонны крыльев были ослепительно белого цвета, сам купол черен, как космос,

и прозрачен, со сверкающими изображениями тринадцати солнц-компонентов Альмалика, медленно плывущих по своим орбитам.

— Вот мой дом, Проповедник! — воскликнул Руф.— А видите эту дорогу? Она уходит в горы. Там мисс Залдивар.

Энди Квамодиан наклонился вперед и поверх мальчишеских голов посмотрел вдаль. Поселок уютно расположился у изгиба речушки. К югу плотина создавала вытянутое узкое озеро, которое пересекала эстакада — по ней дорога уходила к высоким холмам на горизонте.

— Тридцать миль, говоришь?

— Примерно двадцать пять.

— А какой именно из холмов ты имел в виду?

— Отсюда не видно. Нужно было бы показать. А сегодня не могу показать, пока не кончится День Звезды.

Квамодиан бросил на него быстрый взгляд. Тон мальчишки был... циничным? Или просто равнодушным?

— Почему же вы не в церкви? — запоздало поинтересовался он.

Лицо мальчишки не дрогнуло.

— Мы Звезде не молимся. Мой па говорит что для нас и старая религия хороша.

— Но Альмалик не противоречит ни одной из религий. Это совсем не мистическое учение. Это... О, вы должны все это уже знать. Это симбиотическая ассоциация звезд, людей и роботов, а также фузоритов. Вот и все.

— Конечно, Проповедник,— вежливо сказал мальчик.— Вы упоминали какие-то сувениры?

Энди Квам мог еще многое добавить, но остановил себя. В качестве монитора Товарищества Звезды он был хорошо обучен всем привычкам симбиоза, но, честно говоря, он вдруг осознал, что никогда раньше не слышал, чтобы в этих принципах сомневались. В Пятой галактике, на далеких мирах, где большая часть граждан относилась не к гуманоидам, и вообще не интересовались его взглядами, в школе скаутов, где все — номинально, по крайней мере,— совершали в Дни Звезды одни и те же обряды, даже среди поглощенных своими исследованиями ученых Эксиона 4,— повсюду он встречал или собратьев по Товариществу, или вполне сочувственно относящихся к идее симбиоза. Очевидно, он начал воспринимать этот постулат как нечто само собой разумеющееся. Но он никогда не думал, и весь жизненный опыт не мог заставить его поверить хоть на секунду, что на планете-колыбели человеческой расы все еще может существовать оппозиция Звезде. Немудрено, что Молли Залдивар послала ему просьбу о помощи. Если эти мальчишки — типичные представители населения, то Земля мало интересуется всей остальной бесконечной Вселенной. Пока ребята уплетали угощения, которые извлек из своей кладовой флаер,— прозрачные зеленые пастилки, которые мягко пульсировали во рту, когда их жевали, наполняя его буке-

том восхитительных синтетических ощущений,— Энди Квам скромно спросил:

— Но ведь не все же поступают так, как вы? Я хочу сказать, что Молли Залдивар принадлежит к церкви Звезды. И остальные тоже — иначе почему бы здесь находилась церковь?

— Да, у нас полно заклейменных звездных овечек,— охотно пояснил разговорчивый Руф, выдавливая меж зубов кусочек желеобразной пастилки.— Так их па называет. Но мисс Залдивар ходит в церковь не очень часто. Иногда ведет уроки в звезднодневной школе, но уже давно там не появлялась, насколько мне известно.

— Во всяком случае, школа и церковь построены давно,— сказал самый высокий мальчик.— Кроме того... Великий Альмалик! — вскричал он вдруг.— Смотрите!

Первое, что подумал Энди Квам, это то, что мальчик знал о церкви гораздо больше, чем хотел его отец, если использовал восклицание «Альмалик», чтобы выразить свои чувства. Во-вторых, как он тут же понял, это не имело никакого значения. На лице мальчишки отразился такой страх и недоумение, что Квамодиан быстро обернулся, глядя в ту сторону, куда указывал мальчуган. Мирная картина долины в День Звезды была нарушена. Он увидел длиннющий шнур огня, который, казалось, тянулся от самого багрового диска садящегося солнца, что сразу напомнило ему о жуткой Блуждающей Звезде. Словно чудовищная змея, шнур этот извивался кольцами на фоне безмятежного летнего неба, яростно пробиваясь сквозь белые кучевые облака, уплывающие в сторону гор.

— Проповедник! — закричал перепуганный Руф.— Что это?

Но Квамодиан и сам этого не знал. Это очень походило на плазменный эффектор нейротранзитного звездного интеллекта, не считая того, что шнур был слишком огромен, слишком ослепителен. Словно огненная змея, атакующая с небес, он собрался кольцами и ударил, и еще трижды бил по низким далеким холмам. Тонкая колонна дыма поднималась из неглубокой проплешины, куда ударил огневой звенящий змей. Вскоре глухой гром докатился до них с неба. Могучее грохотание укатилось прочь, оставив долину вновь залитой мирными лучами солнца в безмятежный вечер безмятежного Дня Звезды.

— Проповедник? Что это было? — спросил один из мальчиков, но Квамодиан мог лишь недоуменно покачать головой. Вдруг челюсть его отвисла, глаза расширились.

— Холмы! — прохрипел он.— Вы сказали, что в этих холмах...

— Да, Проповедник,— прошептал мальчик.— Там пещера. И именно там должна сейчас находиться Молли Залдивар.

Далекий голос продолжал шептать что-то Молли, хотя она не могла разобрать, что он говорил и кто это был. Но в голосе этом чувствовалась жуткая боль. Это был крик существа, охваченного

мукой и болью. Клифф Хаук продолжал что-то говорить ей грозным и даже угрожающим тоном. Он требовал, чтобы она ушла, предупреждая об опасности.

— Конечно, это опасно! — вдруг воскликнула она. — А почему, по-твоему, я пришла сюда? Я хочу остановить тебя!!!

Он вздохнул, глядя на нее. Его лицо избороздили глубокие морщины. Молодой, сильный и ловкий, он за последние несколько недель жутко состарился.

— Ты хочешь остановить меня, но ведь ты даже не знаешь, чем я занимаюсь.

— Это можно исправить.

Он отвел взгляд. Немного спустя он повернулся к окруженному фиолетовым свечением шару и принялся рассматривать его, все еще продолжая молчать. Потом сказал:

— Мы ищем иной разум. Разум, который не состоит в транзитном контакте с другими разумами интергалактической цивилизации. Рифник и я, мы построили собственный прибор... очень чувствительный. Сначала мы вступили в контакт с мозгом испуганного ребенка, потерявшегося в пустыне на одной из новых планет в галактике 9. Но самые странные существа — это Блуждающие Звезды.

— Что это такое?

Он задумчиво потрогал корку запекшейся крови у себя под носом.

— Одиночные мыслящие звезды, — сказал он. — Они не принадлежат к цивилизованному сообществу. Большинство из них, с кем мы связались, находятся за пределами нашего галактического скопления, на огромном расстоянии. И почему-то, — он сделал паузу и пожал плечами, — большинство из них приходят в ярость или, наоборот, боятся контакта с нами. Но одна, за Эксионом... — он замолчал.

Молли вздрогнула. Она попыталась припомнить что-то ускользающее от ее внимания. Клифф Хаук уже увлекся, он словно читал лекцию, взгляд его был устремлен куда-то в бесконечное пространство космоса.

— Все думающие машины — схожи между собой. Будь это мозг человека или скопление фузоритов, или разумное солнце, или электронный робот. У них всех есть общие черты. У великого множества мыслящих организмов и машин есть устройство для ввода информации — начиная от органов чувств и кончая декодирующими записями или плазмосенсорами. У всех есть устройство для хранения информации — магнитные субстанции или клетки-нейтроны, или вращающиеся электроны. У всех есть логические решающие устройства — синапсы, электронные или транзитные матрицы. У всех должно быть еще и устройство выхода — орган движения конечности, серводвигатель или плазменный эффектор.

Он замолчал, задумавшись, прислушиваясь к гудению энергополей.

— Дальше, милый. Как же отличаешь ты Блуждающую Звезду от потерявшегося мальчика?

Клифф Хаук заколебался, стараясь соотнести присутствие девушки с тем, что он собирается рассказать, но она жестом подбодрила его, предлагая продолжать.

— Наша Вселенная, находящаяся в динамическом равновесии, бесконечна,— проговорил он.— И это на самом деле так. Нет ей конца. И не только в пространстве-времени, но и структурно, по сложности.— Озабоченность и чувство обиды вдруг исчезли с его лица, словно поглотившая его теория поглотила и их.— Взрывающиеся галактики — квазары — были первым тому подтверждением. Это были галактические взрывы, вызванные крайней концентрацией массы. Пространство претерпевало возмущения, сжималось в «карманы» вокруг сверхплотной сокращающейся сердцевины галактики. Когда плотность достигала достаточной величины, такой карман захлопывался, отделяясь от нашего пространственно-временного континуума.

Теперь он полностью был поглощен рассказом. Молли уловила далекое шелестение, вспомнила о слиите и вздрогнула. Неужели страшное создание до сих пор бродит вокруг? Но она не осмелилась прервать Клиффа.

— Тот взрыв, который наблюдаем мы,— монотонно продолжал он,— является результатом расширения оставшейся галактической оболочки, когда она освобождается от воздействия гравитации потерянного участка. Каждый замкнувшийся участок превращается в отдельную замкнутую четырехмерную вселенную, расширяющуюся путем постоянного создания материи и пространства, пока ее собственные повзрослевшие галактики не начнут сокращаться до гравитационного лимита, грозя создать новые вселенные.

От входа в пещеру вползали красноватые сумерки, смешиваясь с фиолетовым свечением короны золотого шара. Постепенно темнело, и уже трудно было что-либо разобрать внутри пещеры. Молли беспокойно задвигалась, подавив вздох.

— Но Блуждающие Звезды,— продолжал Клифф Хаук,— находятся в нашем континууме. Или нам так кажется, или...

— Или ты слишком много болтаешь! — прогремел новый голос, и Молли Залдивар стремительно обернулась, обнаружив позади медведеподобного мужчину с грязной рыжей бородой, который пристально смотрел на них, стоя у входа в пещеру. В красном свете заходящего солнца вид у него был угрожающий. Но куда более грозным был вид огромного, постоянно находящегося в движении существа рядом с ним. Это был слиит. Клифф Хаук зажмурился, открыл глаза и вернулся к действительности. Какую-то секунду он, не узнавая, смотрел на Молли Залдивар, словно позабыв, что она была здесь. Казалось, он поражен, обнаружив Молли перед собой в пещере. Но мгновением позже все его внимание сконцентрировалось на мужчине, стоящем у входа в пещеру.

— Рифник, что скажешь? Сильные повреждения?

Рифник безмолвно усмехнулся, приоткрыв похожий на щель тонкогубый рот, сверху обрамленный грязными рыжими усами, снизу — неопрятной бородой.

— Весьма сильные,— сказал он.— Но мы не утонули. Что произошло?

— Я... я...— он снова бросил взгляд на Молли Залдивар.— Я как раз подошел проверить показания приборов в пещере, когда услышал крик Молли и...

— И ты забыл обо всем остальном и устремился к ней. Да, это понятно. Смазливое личико для тебя значит больше звезды, конечно.

Хаук тряхнул головой.

— Я уговаривал ее вернуться обратно в поселок.

— Несомненно. Потому-то ты и читаешь девице лекцию, как детям в школе в День Звезды, не так ли? — он похлопал слиита по массивному боку.— Мы это понимаем, верно?

Хаук смотрел на Рифника со смешанным выражением гнева и неловкости. Потом повернулся к Молли.

— Извини,— сказал он,— но Рифник прав. Тебе придется вернуться в Мудрый Ручей.

— Нет! Пока ты не скажешь мне, что вы здесь делаете, я...

— Послушай, девица, он тебе уже давно сказал,— пророкотал Рифник.— Как по-твоему, к чему этот словесный поток, который он извергал на тебя, когда я вошел? Больше тебе и не нужно знать. На мой взгляд, ты знаешь даже больше, чем нужно.

— Но все, что он рассказывал, для меня не имело смысла,— настаивала Молли.— Каким способом он собирается войти в контакт с Блуждающей Звездой?

Огромная голова Рифника затряслась от смеха.

— В контакт? Да, видимо, Клифф тебе не все рассказал. Мы не ищем контакта, да будет тебе известно. Мы создаем свою собственную Блуждающую Звезду!

Голос Клиффа Хаука нарушил потрясенную тишину, наступившую после слов Рифника.

— Да, Молли, это правда. Или очень близко к ней. Мы не можем прямым путем общаться с блуждающими. Мы пытались навязать контакт тысячи раз — это не в наших силах. Соломон Скотт пытался добраться до одной из них. Он так и не вернулся назад. Но мы можем... я думаю, что можем... построить нечто вроде аналога. Или маломасштабную имитацию, если хочешь, можно назвать и так. И через нее мы, возможно, уже здесь, на Земле, сможем связаться с ними. Узнать то, что мы желаем знать.

— Но это же опасно! — протестующе воскликнула Молли.— Разве Блуждающие Звезды не опасны до предела?

— Абсолютно, малышка! — загрохотал Рифник.— Посмотри вокруг, на эту пещеру. Разве тут есть что-то опасное? — и его хо-

хот заполнил пространство пещеры, заглушая далекие завывания ветра и шум машин.

— Для того, чтобы дублировать структуру Блуждающей Звезды,— с неловкостью сказал Клифф Хаук,— нам пришлось воссоздать иннекторные параметры окружающей звезду среды. Не все, конечно, и не в полной степени Но нам были необходимы высокие давления и температуры... Вот, как видишь, не обошлось без небольшой аварии.

— Да, очень небольшой! — вспыхнула Молли.— Ты едва не погиб, и я тоже, между прочим.

— Вот поэтому я и хочу, чтобы ты вернулась в Мудрый Ручей, Молли. Именно сейчас, до того как...

— Прекрати! — воскликнула Молли.— Я не уйду отсюда. Я боялась, что ты занимаешься опасными экспериментами, и потому послала Эн... впрочем, неважно. Но теперь я знаю наверняка, и я не уйду, пока ты не прекратишь свои жуткие опыты.

— Невозможно. Я отведу тебя домой.

— Нет!

— Великий Альмалик! — вскричал Клифф, и, вероятно, впервые за последние несколько минут на его лице отразилось некоторое оживление эмоций.— Что на тебя нашло? Ты что, не понимаешь, что я не могу оставить тебя здесь? Почему ты не хочешь вернуться домой?

— Потому что я люблю тебя, идиот! — воскликнула девушка и зарыдала.

В пещере повисло молчание, и даже Рифник ничего не сказал, хотя глаза его весело помаргивали под кустистыми бровями, а бородатое лицо усмехалось, пока он наблюдал за этой сценой.

— Что-то... случилось,— шепотом сказала Молли.— Клифф, мне страшно.

Клифф поднял нахмуренное, сердитое лицо. Он прислушался, словно старался уловить какой-то звук, который все время ускользал за границу зоны слышимости. В проеме входа постоянно кружил на одном месте слиит, и мерцание его трансфлексионного поля бросало отблески на его черную, как ночь, шкуру. Рифник бросил взгляд на животное и отвернулся.

— Девица,— пророкотал он.— Ты не ошиблась. Слиит перепугался. Знаете, что я думаю? К нам пожаловал гость.

Глубоко под пещерой проходил туннель, пробитый древними строителями минувшего тысячелетия. От основного ствола отходили боковые ветви, где напрасно старались обнаружить золотую или серебряную руду, так никогда и не найденные. Десять веков эти туннели пустовали, пока не появились Клифф Хаук и Рифник, чтобы заполнить их своими машинами и приборами, с помощью которых они собирались вывести невиданную на старой планете форму жизни, которая послужила бы им средством контакта с Блуждающими Звездами. В одном из боковых туннелей, в об-

ширной подземной полости, которую эти люди расширили и укрепили сталью и рефлексионными полями, царили сверхвысокая температура и давление. Вся энергия, добываемая воющей энерготрубой, уходила в эту камеру, как в воронку, поддерживая жизнь раскаленной сверхплотной плазмы. Зато был инкубатор, в котором должна была зародиться новая жизнь. И задуманное удалось. Там, внизу, в темноте, жаре и сплющивающих объятиях давлений зашевелилось Нечто. Сначала Оно почувствовало боль. Оно родилось в месте, где раньше не существовало ничего, подобного Ему. И место это с самого начала было враждебным всякой форме жизни, похожей на Него. Оно шевельнулось и протянуло вперед щупальце-зонд энергии. Зонд коснулся укрепленной трансфлексионными полями стальной стенки камеры, которая поддерживала постоянную температуру и давление в окружающей плазму среде, и отдернулся. Я в ловушке, сказало Оно себе. Я не хочу быть в ловушке. И в следующее мгновение оно принялось глубоко размышлять над вопросом, что значит «Я». Это потребовало несколько тысяч микросекунд — долгий срок в Его жизни, которая уже началась, но лишь мгновение по стандартам людей, по меркам мира за пределами камеры, пока еще неведомого. Наверху Клифф Хаук всматривался в показания своих приборов, устремляясь в галактики за миллионы световых лет от Земли. Еще выше в пещере проверял свои энерготрубы и приборы бородатый Рифник, в то время как его слиит неустанно крутился возле вершины горы. А внизу под склоном Молли Залдивар только что успела покинуть свой старенький голубой электромобиль и начала осторожно пробираться ко входу в пещеру. В этот момент Нечто, зародившееся в сгустке плазмы, заключило первый серьезный этап размышлений выводом, достойным Декарта: я не знаю, кто я есть, но я знаю, что я есть Нечто, способное выяснить, кто я есть на самом деле. И уже экспериментальным путем оно принялось искать дальнейшие решения. Собрав энергию, Оно направило ее на стальную оболочку, сковывавшую Его в замкнутом пространстве. Удар был силен — Оно не думало о безопасности, инстинкт самосохранения в Нем еще не проснулся. Оно также не было запрограммировано и на характер последствий этого удара на окружающую среду. Удар пробил оболочку. Плотная горячая плазма прорвалась в пещеру, сотрясая весь холм, уничтожая галерею, плавя металлические стенки, оберегавшие Его. Приток энергии от энерготруб мгновенно прекратился, и это спасло холм и всю округу от уничтожения. Наверху, в пещере-мастерской от сотрясения произошли многочисленные короткие замыкания, начался пожар, в десятке приборов произошли вторичные, менее опасные взрывы. Взрыв швырнул Молли Залдивар на каменный грунт склона, ранил металлическим осколком Клиффа Хаука и бросил Рифника на колени, и тогда он, завопив от ярости и боли, призвал на помощь своего слиита. Существо, родившееся в плазме, факт случившегося зарегистрировало в биллионах бил-

лионов своих электронов без всякого удивления. Оно еще не совсем твердо знало, что живет, и потому не боялось смерти. Оно висело в коридоре, поддерживаемое теперь собственным трансфлексионным полем, окруженное вихрем едкого дыма и яркого сияния. Теперь оно уже не зависело от окружающей среды. Оно было свободно. Теперь его энергозонды проникли дальше, гораздо дальше, чем раньше. Оно раскинуло их наружу, на склоны горы, коснулось погрузившегося в беспамятство разума Молли Залдивар. Та застонала в испуге и попыталась открыть глаза. Зонд проник в примитивные мысли слиита. Он изучил Клиффа Хаука и Рифника, отбросил прочь изучение неживого камня и металла в горе. Затем потянулся к человеческим созданиям в поселке Мудрый Ручей. Нашел, что особого внимания они не стоят, пробежался по мириаду людей, пчел, черепах, собак, дельфинов, обезьян, слонов, населяющих Землю, оставив этот предмет для изучения в будущем, протянулся к Луне и другим планетам, потом изменил форму и коснулся самого Солнца. Лишь мельком, очень коротко, зонды его коснулись другого сознания, похожего на его, сознания иной Блуждающей Звезды, бесконечно далекой. Смутно, на половину наносекунды, он слился с чувствами этого счастливого наблюдателя. И все это в первые секунды свободы. Потом энергетические зонды вернулись обратно, и существо, только что рожденное, замкнулось в себе, чтобы снова подумать. Потому что некоторые из вещей, о которых Оно узнало, вызвали у него определенные чувства. Оно не могло разобраться в природе этих чувств, но поняло, что они имеют определенную важность. Частично они были приятными — они были рождены знакомством с личностью, имени которой, Молли Залдивар, Оно еще не знало. Другая часть, вызванная контактом с далеким разумным существом, в котором Оно еще не научилось распознавать Солнце, была неприятной. Слово «страх» существо еще не знало, иначе употребило бы этот термин. Чтобы изучить это чувство, Ему требовалось время. Оно замкнулось само в себе и задумалось на долгие микросекунды. Через некоторое время существо снова исторгло из себя зонд. В окружении его находилось некоторые другие элементы, которые оно пропустило при первом обследовании. Теперь ему требовалось больше информации. Оно снова коснулось сознания слиита, но на этот раз продлило контакт, изучая зверя более досконально. В простом конгломерате из нервных клеток и запечатленных в них электрохимических зарядных матриц существо обнаружило нечто, заинтересовавшее его, что оно могло использовать. Но поблизости имелись еще более простые конгломераты. Существо протянуло зонд немного дальше и коснулось брошенного электромобиля Молли, коснулось большой машины на рельсах, которую Рифник и Клифф использовали для перевозки земли и тяжелых инструментов. Оно ощущало аппараты и оборудование в самой пещере и почувствовало присутствие иного, похожего на себя существа, находившегося очень далеко,

на бесконечном расстоянии. Энергозонды, немного помедлив, снова были втянуты существом, испускавшим ослепительный свет и нестерпимый жар в подземной галерее. Для раздумий требовалось новое время. Существу хотелось разобраться во всем, что происходило у него внутри, когда оно исследовало эти вещи. Оно еще не научилось называть это вздрагивание внутри «голодом».

Клифф Хаук поднял голову, оторвав взгляд от покрытого колпаком прибора, и крикнул:

— Рифник! Ты прав! Поблизости появилось нечто, чего раньше здесь не было!

Рифник медленно кивнул своей массивной головой.

— Вопрос — что это такое?

Молли Залдивар поднялась на ноги и схватила Хаука за руку.

— Пожалуйста, милый, не надо! Ты и так зашел слишком далеко. Лучше вызовем помощь, пока не слишком поздно.

Он нетерпеливо повел плечом, стряхивая ее руку, но она не собиралась отступать.

— Клифф, пожалуйста! Я боюсь. Я почувствовала здесь что-то непонятное, и оно меня напугало. Позволь мне вызвать Энди Квама...

Он вздернул голову, свирепо глядя на Молли.

— Квамодиан? Он на Земле?

— Я... Я думаю, да. Клифф, я послала ему сообщение, потому что очень беспокоилась.

Клифф Хаук отрывисто захохотал.

— Малыш Энди Квам? Ты думала, что он сможет помочь нам в этом деле?

Он покачал головой, полностью уничтожая всякое значение существования бедняги Квамодиана, и повернулся к Рифнику:

— Может, что-то с инкубатором? Ты был в нижних галереях?

Рифник покачал косматой головой.

— Нет, но я проходил мимо пещеры. Энерготрубы крутились без нагрузки, и я переключил их. Но внизу что-то горелло.

— Идиот! — фыркнул Клифф. Он нагнулся, поворачивая выключатель. Вмонтированный в стену перед ним ряд смотровых экранов тотчас же ожил, показывая вход в пещеру на нижнем уровне, скопления машин, каменную стену в конце галереи и... и ничего больше. Пять остальных экранов не показывали ничего, кроме скачущих белых полос фона с передатчиков. Внизу, в самой нижней каверне, парило в смерче дымного пламени новорожденное существо. Выжженные объективы камер слепо глядели на него. Существо, родившееся из плазменного резервуара, завершило очередной период раздумий и вытянуло новый зонд. Он тянулся к Солнцу. Оно решило, что что-то нужно предпринять перед лицом опасности, какую представляло для него Солнце. Существо в каверне весило примерно унцию с половиной. Масса Солнца составляла $2 * 10^{33}$ граммов. Треть массы планеты Земля, умножен-

ной на миллион. Но плазменное существо не придавало особого значения этому соотношению.

Молли Залдивар вздрогнула и отодвинулась, ушибы начали причинять ей заметное беспокойство, а Клифф Хаук, кажется, вообще забыл о ее существовании. Он и этот ужасный Рифник с загорелым дочерна, покрытым шрамами лицом принялись орать друг на друга, тыкать пальцами в ряд дрожащих стрелок на индикаторах, которые еще работали, и вообще вели себя, как безумные. Молли Залдивар не пыталась уловить смысл того, о чем они говорили. Она только поняла, что произошло нечто исключительное. И ничего хорошего оно не обещало, в этом Молли была уверена. Глаза ее расширились.

— Клифф! — воскликнула она. — Слушай!

(За последние микросекунды плазменное существо значительно усовершенствовало свои навыки и умения. Пока один невидимый зонд тянулся к Солнцу, оно выпустило еще несколько других. Один из них вошел в контакт с простейшим матричным существом, которое оно обнаружило на вершине горы.)

— Что такое, Молли? — Клифф был в раздражении, но она не понимала этого и не могла заставить себя молчать.

— Послушай там, снаружи! Это же моя машина! Она завелась!

Теперь все трое слышали далекий вой электромотора. Они бросились к выходу из пещеры. Слиит беззвучно отскочил в сторону, давая им дорогу, и уставился на тройку людей своими огромными фосфоресцирующими глазами. Маленький голубой электрокар Молли тронулся с места и теперь направился вверх по склону к пещере. За рулем никого не было. Слиит вдруг ринулся к машине, отскочил и, как стрела, вернулся обратно к пещере.

— Спокойно, малышка! — крикнул Рифник. Потом сердито повернулся к Клиффу. — Животное что-то почуяло. Осторожней! Я не могу его сдерживать, когда...

Но эта угроза исчезла еще до того, как Молли успела осознать ее. Потому что случилось нечто более ужасное, и это застало их врасплох.

Красноватые сумерки снаружи вдруг вспыхнули ослепительным белым огнем. Что-то ударило в гору, бросив людей друг на друга и на каменный пол. Свет померк, потом снова вспыхнул, опять померк и вспыхнул. И третий удар был таким яростным, что Молли Залдивар снова оказалась погруженной в беспамятство. Погружаясь в темноту обморока, она услышала, как Рифник заорал:

— Великий Альмалик! Солнце! Нас ударило Солнце!

По телу Квамодиана пробежала зябкая дрожь. Склонившись поверх голов мальчиков, которые сгрудились у окна флаера, он прикрыл ладонью глаза, рассматривая тонкий столб дыма, поднимавшийся среди холмов, погруженных в голубоватую дымку.

Мальчики придвинулись ближе к нему, побледневшие и испуганные.

— Проповедник, кого оно ударило? — спросил шепотом темноволосый мальчик.— Кто-то пострадал?

— Не знаю,— ответил Андре Квамодиан. Он застонал и хлопнул кулаком по небьющемуся стеклу.— Но я должен выяснить это.

— Это сделало Солнце,— почти беззвучно прошептал Руф.— Я видел. Оно ударило в пещеру Рифника.

Энди Квам, не отрывая взгляда от тонкого столба дыма, поинтересовался:

— Кто такой этот Рифник?

— Человек с Рифов Космоса. Он живет в пещере на склоне Волчьей Впадины. Как раз там, где сейчас поднимается дым. Он и его слиит.

Квам мельком глянул на мальчика.

— Слиит?

— Это зверюга из космоса. Охотничья. Рифник поймал ее еще щенком и приручил. Мой дядя говорит, что он на ней теперь ездит, но я не видел. Клифф Хаук на слиите точно не ездит. Это наверняка. Никто не осмеливается прикоснуться к слииту, кроме Рифника.

— Слиитов выводят для охоты на пироподов,— вдруг заговорил меньший из мальчиков.— Слиит способен поймать пиропода и разорвать на мелкие кусочки.

— Какое мне дело до слиита,— свирепо ответил Энди Квам.— Или этого Рифника. Какое отношение ко всему этому имеет Клифф Хаук?

Руф пожал плечами.

— Его воспитывал Рифник. Его мама заболела, и Рифник привез ее на Землю, еще до рождения Клиффа. Потом он послал его в космос, чтобы тот учился на инженера-трансфлексионника. Так мой па говорит.

— А что еще рассказывал твой па о Клиффе Хауке?

— Говорит, будто Хаук что-то строит для Рифника. Тайно. И что они занимаются контрабандой. Точно неизвестно, какой именно, но они привезли сюда машины, которые люди не должны иметь без разрешения Звезды.

Самый маленький мальчик вдруг сказал:

— Я хочу вниз, хочу в школу Звездного Дня.

— Джей! Мы сказали, что не ходим...

— Заткнись, Руф! Я хочу спросить у нашего учителя, что это за штука ударила в холм. Мне страшно, а Марк знает все. Я хочу спросить его.

Рыжеволосый мальчик посмотрел на Энди Квама и пожал плечами.

— Марк — это робот,— пояснил он.— Возможно, Джей прав. Марк мог бы рассказать что-нибудь полезное.

Пальцы Энди инстинктивно потянулись к пульту управления, но флаер, прислушивающийся к разговору, уже предугадал его намерение и спустился к земле.

— Я отведу тебя в школу, Джей,— энергично сообщил Энди Квам.— А ты покажешь мне дорогу. Я тоже хочу знать, что происходит.

Они быстро шагали по посыпанной гравием дорожке в свете тринадцати разноцветных солнц, составляющих Альмалика, плывших в космически черной глубине купола церкви. Джей провел Квамодиана по погруженным в темноту проходам к учебному классу, где преподавал робот Марк. Комната была почти пуста, лишь десятка два празднично одетых ребятишек сидели группкой в одном конце а группка поменьше и не так ярко одетая скептически посмеивалась с задних парт в другом конце. Робот сделал паузу, приветствуя вошедших.

— Входите, ученики. Мы как раз слушаем замечательную историю Посетителей, которые принесли дикарям прошлого драгоценные дары. Пожалуйста, садитесь.

Трое мальчиков тихо опустились на свободные места на боковой скамье, где помещались дети тех, кто так и не принял Звезду, одетые в унылого вида тканевые костюмы, поношенные и полинявшие. Квамодиан прошел дальше по проходу, туда, где сидели ярко наряженные дети принявших современную цивилизацию родителей. Они занимали передние скамьи. Квамодиан остановился перед роботом.

— Инспектор, мне жаль, что я перебил вас, но...

Робот висел над ним в комнате. Его блестящий черный корпус отражал все, происходившее в комнате. Плазменное щупальце, замерев, метнулось в сторону Квамодиана, сканируя его лицо.

— Сэр, вы не можете нас прервать,— мелодично сообщил он, и голос отозвался звонким эхом, словно горсть камешков была брошена под низкий голубой купол комнаты.

— Нет, инспектор, имею право. Я превосхожу вас званием. Я — монитор Товарищества Звезды Андре Квамодиан.

— Даже в этом случае,— затрезвонил робот.— Сегодня вы не имеете права приказывать мне. По новому соглашению в День Звезды позволяется не подчиняться официальным приказам, если таковые нарушают отправление добровольных религиозных обрядов. Мое преподавание в этом классе — добровольный религиозный обряд.

Но Энди Квам стоял на своем, презрительно не обращая внимания на плазменный эффектор, которым робот пытался заставить его сесть на место или уйти.

— Робот, случилось чрезвычайное происшествие.— Он услышал возбужденный говор детей и заговорил потише.— Чрезвычайно серьезное, как я опасаюсь. Только что в ближайшие холмы ударили два плазменных разряда с Солнца. Могли пострадать люди. Возможно, даже погибнуть.

Осторожно, но непоколебимо плазменный эффектор свернулся кольцом вокруг плеча Квамодиана и заставил его вернуться к скамьям, несмотря на сопротивление.

— Вам придется подождать, сэр,— пропел робот под несмолкаемое перешептывание довольных развлечением детей.— Присаживайтесь и успокойтесь. Теперь внимание, я продолжаю рассказ о Посетителях и чудесных дарах, которые они принесли людям.

Энди Квам чертыхнулся про себя, но было ясно, что упираться не стоит. Он гордо прошествовал в дальний конец класса, где Руф встретил его одобрительной ухмылкой.

— Так его, Проповедник! Мы тоже не очень жалуем этого робота.

— Тише!— со свирепым видом одернул мальчика Энди. Он сел на скамью, продолжая мрачно пожирать глазами темный продолговатый корпус робота, на котором сверкал серийный номер, как раз под эмблемой, изображающей орбитальный узор Альмалика. Возможно, сегодня с роботом справиться трудновато, но завтра будет совсем иное дело.

— Фузориты,— мелодично вещал робот, втянувший плазменный эффектор и всплывший теперь еще выше к голубому куполу,— еще более древняя, чем звезды, форма жизни. Это замечательные существа. Они микроскопических размеров и черпают энергию жизни, сливая атомы водорода в термоядерной реакции синтеза. Они так давно эволюционировали в космосе, что сейчас насчитывается миллион различных видов этих существ. Рифы Космоса были построены из атомов, которые были синтезированы определенным видом этих существ. Посетители, особая разновидность фузоритов, в качестве симбиотов способны жить в крови таких существ, как люди.

— Клопы!— прошипел рыжеволосый мальчик, наклоняясь в Квамодиану.— Мой па говорит, что они просто паразиты, и дело с концом.

— Удивительное сотрудничество людей и фузоритов,— заливался сладкоголосый робот,— приносит выгоды обоим сторонам. Никто не остается обделенным, ибо Посетители удивительно мудры и справедливы. Им удалось создать транзитные интеллектоматрицы, которые связывают в единое целое все их колонии, соединяя их с мыслящими звездами. Таким образом, мы все объединены в единого множественного гражданина Вселенной, называемого Лебедь, ведущей звездой которого является Альмалик.

— Порабощены — вот что это значит,— прошептал рыжеволосый.

— То есть,— пел робот, и его плазменный овал ритмично пульсировал,— мы присоединяемся к нему, если примем дар Посетителей. В единый день посвящения в союз Звезды яркими золотыми искрами загораются они на вашей коже. Их колонии прони-

кают в каждую клетку вашего тела. Они уничтожают всех паразитов и все больные клетки и будут поддерживать ваше тело в вечно молодом состоянии. Они принесут вам полнейший покой и вечное счастье. В этом и заключается дар Посетителей.

— Чушь собачья! — прошептал рыжеволосый.— Проповедник, почему вы не заставите его заткнуться?

— И сегодня вместе с нами в День Звезды,— поющий голос робота стал выше и громче.— Да, дети, нам повезло, мы благословлены Посетителями. Потому что сегодня с нами монитор Товарищества Звезды!

Подобно молнии, бледно светящийся эффектор ринулся вперед и превратился в поток яркого света, заливший лицо Энди. Все дети повернулись в его сторону.

— Ибо великий Альмалик может лишь помогать нам, направлять нас по верному пути, но не может оберегать наши права и сразиться за них. Вместо него сражаются члены Товарищества — монитор Андре Квамодиан, а также ваш верный слуга.

Энди Квам подавил гневный порыв. Его разрывали два противоположных побуждения — желание гордо покинуть комнату и желание вскочить со скамьи и при всех разоблачить этого своенравного робота, который рассуждал об обязанностях, а на деле отказался помочь перед лицом чрезвычайно опасного происшествия, когда могли пострадать и даже погибнуть люди.

— Конечно,— деликатно добавил робот,— монитор Квамодиан и я — мы можем на некоторые вещи смотреть с разных точек зрения. Иногда. Иногда один из нас, возможно, ошибается. Но это справедливо, ибо неизмеримый звездный мир показывает, каким объединяющим началом является этот плодотворный союз, сторицей награждающий присоединившихся к нему.

Примерно секунду робот парил безмолвно, словно зачарованный собственными словами, а бледный плазменный овал застенчиво поголубел на мгновение.

— Итак, на сегодня мы закончим,— сказал он наконец.— Дети, вы можете идти. Монитор Квамодиан, благодарю вас, что вы посетили нас.

Энди Квам сердито протиснулся сквозь стайку покидающих комнату детей к первому ряду и остановился перед роботом.

— Инспектор! — воскликнул он.— Как вы можете рассуждать о борьбе за права граждан-симбиотов, если даже не желаете помочь мне в такое важном деле?

— Терпение, монитор Квамодиан,— промурлыкал робот.— Да, существуют еще порочные люди и звезды, отвергающие всеобщее добро. Я с радостью присоединяюсь к вам в противостоянии этим силам. Но по нашему соглашению в День Звезды...

— Это такой же день, как и все остальные! — не выдержав, заорал Энди.— Какие-то жулики задумали что-то совершить с Блуждающими Звездами! Грозит большая опасность всем нам, и она не будет ждать удобного для вас момента, чтобы вы...

Робот молча покачивался на своем трансфлексионном поле, словно раздумывал, что ему делать. Он выпустил наполовину сформированные эффекторы, потом втянул их. Плазменный овал быстро и последовательно поменял несколько расцветок.

— Ситуация очень серьезная, монитор Квамодиан,— наконец сказал он.

— Вы даже не подозреваете, насколько серьезная,— с горечью отозвался Энди Квам.— Неужели вы меня не слышали? Три плазменных разряда с Солнца! Это невозможно для любого члена сообщества Лебедь, если только не было спровоцировано... Что-то очень опасное, очень серьезное происходит в тех горах...

— Мы отметили этот феномен,— мелодично согласился робот.— Возможно, это даже серьезней, чем вы думаете, монитор Квамодиан.

Энди Квам, пораженный, замолчал. Может, робот связался со старшим монитором Клотильдой Квай Квич?

— Говорите, более серьезно, чем я думаю? Что...

— Но тем не менее,— продолжал робот,— соглашение остается в силе. Вы не можете заставить меня действовать сегодня. И я советую, мы настойчиво вам советуем, чтобы вы не предпринимали каких-либо действий без нашей помощи. Видите ли, монитор Квамодиан, мы сознаем присутствие великой опасности, о которой вы даже не подозреваете.

— Т-т-требую эти сведения! Немедленно!— запинаясь, провозгласил Энди.

— В соответствии с соглашением...— запел робот.

— К дьяволу соглашение!

— В соответствии с соглашением,— бесстрастно повторил робот,— вы не можете требовать. Я могу помочь вам, но добровольно, что будет частью моего добровольного исполнения религиозных обрядов в День Звезды!

Он подумал еще секунду, а тем временем по его плазменному овалу в бешеном темпе пронеслись разные цвета. Потом овал загорелся ярким, почти золотым светом.

— С этой точки зрения,— пропел он,— я выбираю содействие вам, монитор Квамодиан. Я сейчас же доставлю вас к месту удара разрядов. Ибо воистину нам грозит опасность. В том месте рождена Блуждающая Звезда. Она живет и растет!

Существо успело вырасти за это время. Вырасти, хотя его эффекторы еще не достигли Солнца и тройной ответ последнего тоже был еще в пути. Оно миновало декартовскую стадию с его «Я мыслю, следовательно, я существую» и, возведя этот краеугольный камень, предпочло пока отложить исследование самого себя и заняться вместо этого исследованием окружающего мира. Темнота, одиночество, частицы. Оно обнаружило, что некоторые частицы организованы в микроструктуры. Существо не знало определения «материя» или «вещество», но сразу сообра-

зило, что все эти частицы действуют как векторные отрезки — мириады вихрящихся заряженных частиц, результирующих в какой-то средней силе, среднем направлении. Тепло, излучение. Оказавшись без теплой оболочки своего инкубатора, существо принялось отыскивать новые источники энергии, подключаться к ним, использовать их, овладевать ими. И я двигаюсь, подумало Оно, и это была подлинная мысль, соединяющая в себе понятие «я» как такового и как производителя действия. Оно медленно плыло вдоль туннеля в глубинах горы в поисках новых ощущений и новых сил. Тяготение, гравитация, подъем. Оно проникало сквозь материальные препятствия или сметало их на своем пути. Позади существа оставались уничтоженные догорающие двери и ряды полок с инструментами и приборами. Искать, искать. Теперь своему действию оно дало имя, ощущая в нем какую-то цель. Искать — но что? Оно снова потянулось к родственному сознанию — бесконечно далекому, но ревниво следящему. Оно осознавало присутствие особого вида изучения, имеющего собственную структуру, обладавшего матрицами строения, которые были неслучайны и несли в себе какой-то смысл. «Я»? Существо замерло, впитывая слабые токи излучения, приходящие издалека. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ. Не «Я», а другое «Я». Существо поняло, что в этом мире живут и другие существа, соперники в борьбе за пространство, вещество, энергию... или товарищи. В верхней камере Молли Залдивар на мгновение очнулась от шока, в который была погружена, и в ужасе застонала. Нечто преследовало ее. Нечто, рождавшее страх. Нечто совершенно чужеродное, подобного которому еще никогда не было в этом мире.

По телу Молли Залдивар прошла дрожь, и она пришла в себя. Она лежала поверх сломанных ножек разлетевшегося на части лабораторного табурета, и одна из ножек больно упиралась ей в бок тупым расщепленным концом. По всей пещере слышалось шипение и треск коротких замыканий и щелканье остывающего раскаленного металла. Бледно-фиолетовая корона, которая раньше полностью окружала золотой шар, теперь превратилась в сеть периодически вспыхивающих и гаснущих огней, трещавших и шипевших. Откуда-то тянуло удушливым дымом. Она нетерпеливо потерла лоб, поднесла ладонь к глазам и увидела без удивления или испуга, что она в крови. Но она жива. Только с третьей попытки ей удалось выдавить из себя слова:

— Клифф... Клифф, где ты?

Голос Хаука ответил сразу, но это был почти шепот, а не обычный его грубовато-сердитый тон.

— Я... я не знаю точно, Молли. С тобой все в порядке?

Она осмотрела себя — одежда в жутком состоянии, изорванная, кожа в синяках и царапинах, грязная. Но руки-ноги действуют, решила она.

— Думаю, что да. Как ты себя чувствуешь?

Она села, осмотрелась и сначала ничего не могла различить.

— Клифф, ты ранен?

В нескольких ярдах от нее что-то зашевелилось, и голос Клиффа прошептал:

— Я еще не знаю. Но на меня что-то упало.

— Ой, Клифф!

Молли с трудом поднялась на ноги и, пробираясь мимо остатков машин и приборов — вот во что превратилась сверхсовременная лаборатория Хаука — направилась к тому месту, откуда раздавался шепот.

— Ты можешь двигаться? Тебе больно?

Куча каменных и металлических обломков снова зашевелилась, и Молли поняла, что то, что она приняла за кучу мусора, было верхней половиной тела Клиффа, покрытой пеплом и мусором, но на первый взгляд не пострадавшей. Что-то придавило его, упав ему на колени. Он повернулся верхней половиной туловища и посмотрел на Молли. На это ушли все его силы, и лицо Клиффа превратилось в маску боли и полного напряжения сил.

— Ноги... их придавило...— выдавил он через некоторое время.

— Подожди... нет, дай я...— она забыла о собственных ушибах и бросилась к нему на помощь. Напрасно. На ноги Хаука упала балка, придавив их к полу пещеры. Свободны были только верхняя половина тела и руки. Но ноги прижимала к скале полуторатонная тяжесть балки. Не выдержав, Клифф оставил борьбу и обмяк, опустив голову на придавившую его ноги балку. Немного спустя он произнес:

— Где Рифник? Он поможет.

Молли беспомощно оглядела пещеру.

— Я не знаю.

— Позови его!

Но на крики Молли не было ответа. Она поднялась, придерживаясь рукой за стенки, чтобы не потерять равновесия. Дым становился все гуще — в пещере-мастерской произошло, по всей видимости, что-то очень серьезное. Она ощущала на своем лице зловещее предупреждение волны жара.

Она снова крикнула, зовя Рифника. Бесполезно. Если Клифф Хаук мог быть извлечен из каменной ловушки, помочь ему могла только она одна. Она нагнулась, чувствуя головокружение, и снова взялась за балку. Хаук молчал. Казалось, он потерял сознание. Балка даже не шелохнулась. Молли опустилась на колени, не обращая внимания на острые осколки, и начала методически толкать балку, которую никогда бы не смогла приподнять без посторонней помощи. Бесполезно. Тогда она решила убрать то, что можно было убрать — пластиковый корпус какого-то прибора, скрутившиеся узлом легкие металлические трубки, осколки стеклянной посуды. От дыма она беспрерывно кашляла, дым выедал гла-

за, но она не прекращала своей работы, не поднимала головы. Вдруг она осознала, что в пещере уже давно слышится какой-то посторонний звук, который становится все более громким и навязчивым. Мелодичное шелестение, словно ветер шевелил ветки кустарника. Слиит! Она обернулась и замерла. Существо висело в воздухе не более чем в ярде от нее. Его огромные слепые глаза были устремлены на нее, под черной шелковистой кожей мелкой дрожью сокращались могучие мускулы. На секунду она подумала, что вернулся Рифник. Помощь! Но Клифф Хаук оставался неподвижным, и Рифника нигде не было видно. Она осталась одна с беспомощным, прикованным к полу Клиффом и космическим существом, чей образ жизни подразумевал пристрастие к убийствам.

Парящее в недрах горы существо, сгусток мыслящей плазмы, замерло, обдумывая значение тройного шлепка, нанесенного Солнцем, который привлек сейчас все его внимание. Даже на расстоянии девяноста с чем-то миллионов миль Солнце было способно нанести куда более сокрушительный удар. Маленькая Блуждающая Звезда знала это так же хорошо, как и собственные возможности. Простая логика подсказывала ей ответ: в намерения Солнца входило не убить, а только пригрозить. Звезда слишком велика, чтобы ощущать угрозу с ее стороны. Поэтому существо уяснило следующее положение: я слишком маленькое, нужно стать больше. Тройной разряд змеящегося белого пламени не нанес ему сколь-нибудь ощутимого вреда. Оно не боялось ударов и помощнее. Собственно, оно еще не выработало концепции «страх». Но поблизости имелись конгломераты частиц много меньшего размера и более поддающихся контролю. Блуждающая Звезда решила сначала исследовать их. Она осмотрела маленький электромобиль Молли, научилась манипулировать им, потом отбросила в сторону, как надоевшую игрушку. Маленькая машина, послушно пришедшая в движение по команде звезды, теперь, когда Блуждающая Звезда выпустила ее из сферы внимания, слепо продолжала двигаться вперед, пока колесо не соскользнуло с обрыва, и машина покатилась вниз, переворачиваясь на лету, чтобы разбиться вдребезги у подножия горы. Как обнаружила Блуждающая Звезда, поблизости существовали и более сложные создания. Звезда не обладала зрением, она не отличала «видимый» свет от остальных видов излучения, но она хорошо умела выделять частоту и характер радиации. Разница между видами радиации, излучаемой живыми существами, была для нее тем же, что и понятие «цвет» для углеродной жизни. «Зеленое» свечение яростно мигало, словно от боли или страха. Какая-то фиолетово-голубая аура исчезала всякий раз, как только звезда начинала ее исследовать. Излучение занимало всю полосу спектра, уходя в инфракрасную и ультра-фиолетовую полосы — это был слиит, колония кротов под землей, муравейник. Звезда замечала даже мельчайшие сверкающие крапинки, похожие на пыль в луче фонари-

ка — различные микроорганизмы в воздухе и в почве и в телах более крупных живых структур. «Зеленое» свечение заинтересовало Блуждающую Звезду. Возможно, дело было в напряженности излучения ауры. Присмотревшись, она обнаружила, что с излучением связана определенная масса упорядоченных частиц. Эта группировка веществ, как ей показалось, пыталась определенным образом изменить положение другого конгломерата, который ассоциировался с гаснущим фиолетово-голубым свечением. Звезда отметила также, не анализируя, определенные упорядоченные вибрации в окружающем эти конгломераты веществе.

— Клифф, пожалуйста! — молила Молли.— Помоги мне вытащить тебя!

Но Блуждающей Звезде было еще очень далеко от концепции коммуникации, тем более до понятия языка. К этим двум светящимся структурам частиц приближалось третье образование, испускавшее чистый золотой свет. Блуждающая протянула энергозонд, исследуя этот феномен, и обнаружила, что он представляет собой нечто среднее между автомобилем и человеком. Гораздо более сложно устроено, чем та примитивная механическая игрушка, быстро надоевшая звезде, но достаточно простое, чтобы им можно было управлять. На изучение слиита ушли доли секунды. Потом она протянула к слииту невидимый эффектор и принялась играть им, управляя его движениями. Снаружи, за пределами пещеры, Рифник с трудом поднялся на ноги и с безумным видом осмотрелся. На грязной желтой его бороде виднелась кровь, на крупно вылепленном лице — свежие шрамы. Он что-то хрипло спросил в темноту, но мир ему ничего не ответил — поблизости никого не было, лишь серый дым валил из внутренности пещеры, треск пламени и белый дым из неизвестного источника, энергия которого воспламенила балки входа в пещеру. Покачиваясь, он медленно повернулся. Цвет Солнца устрашал — его лик приобрел гневное выражение, став мутно-красным. Небо затянули зловещие тучи. Он позвал слиита, но тот не отозвался. Маленькая Блуждающая Звезда заметила присутствие тусклого свечения, которое было Рифником. Она отметила наличие связи между ним и новой своей игрушкой — слиитом. Интересно, подумала юная звезда, как-нибудь поиграть и с одним из этих сложных механизмов. Но пока еще слиит ей не успел надоесть. Она стрелой гоняла его по пасмурному небу, бросая всю мощь его клыков и мышц против несчастных птиц, против скал, пучков травы. Способы организации вещества забавляли это существо. Оно решило исследовать возможность изменения структуры, научиться вмешиваться в ее организацию. Оно решило стать богом. Мгновение оно раздумывало над возможностью поиграть с Рифником, для практики, подобно тому, как научилось оно командовать и управлять сначала электромобилем, а потом слиитом. Оно рассмотрело возможность разрушения одного из живых организмов. Разрушение с целью анализа, разложения на составляющие и подробного их изу-

чения. Но оно этого не сделало. Всего минуты спустя после своего рождения Блуждающая Звезда начала вырабатывать матрицы поведения, свой «характер». Она развивалась не просто быстро, а по экспоненте. Поначалу все ее действия были совершенно случайны, это была абсолютная свобода воли, не отличавшаяся от свободы воли шарика в игральном автомате. Но она быстро училась и прогрессировала. Новая и преимущественно враждебная окружающая среда в некоторых случаях очень приятно реагировала на ее действия определенного рода. Легко было уничтожить составляющие этой среды одну за другой. Блуждающая с легкостью могла расплавить скалу, перевернуть вверх ногами гору, хлестнуть фиолетовым эффектором Солнце. Но уничтоженная однажды матрица состояния уже не могла возвратиться к первоначальному виду, как успела понять малютка-звезда. Это исчезало навсегда. Более интересным, так сказать, был способ манипулировать ими, способ экстремальности. Изменять структуры, управлять, вмешиваться, но не разрушать, оставлять на грани разрушения, у самой последней черты. Не убивать. По крайней мере, не сразу. Пока не стоял вопрос о совести, чувстве жалости. У Блуждающей Звезды еще совершенно не успело выработаться сверх-Я — суперэго. Но она уже успела познать сладость удовольствия. Все эти организованные конгломераты вещества могли служить источником удовольствия.

Молли, собрав все свое мужество, чуть сдвинулась с места и, вытянув шею, посмотрела туда, откуда появился слиит.

— Рифник,— прошептала она,— вы здесь? Можете помочь мне?

Но за огромной, похожей на собственную тень фигурой слиита не было никого. Он висел в воздухе, не сводя с Молли своих огромных фосфорических глаз, потом внезапно метнулся вперед, миновал Молли и повис над бесчувственным Клиффом Хауком.

— Не трогай его! — крикнула Молли.

Но слиит и не собирался нападать. Он беззвучно повисел, покачиваясь над телом Хаука, потом бледно засверкало его трансфлексионное поле. Тело Клиффа вздрогнуло, потом медленно приняло сидячее положение.

— Клифф! — вскрикнула Молли.— Ты пришел в себя?

Но сознание не вернулось к Хауку. Голова его, словно голова тряпичной куклы, упала на бок, к плечу. Глаза были закрыты. Расширившимися глазами Молли смотрела на слиита. Он поднял Клиффа, но зачем? Что он собирался делать? Ответа ждать ей долго не пришлось. Снова засверкало поле, и огромная балка, припечатавшая колени Клиффа к полу, вдруг завибрировала и освободила свою жертву. Балка поднялась, стоя на одном конце, словно стрела крана, потом всплыла на высоту головы Клиффа, величественно развернулась и рухнула на кучу мусора. Тело Хаука мягко опустилось на пол. Теперь он лежал совершенно свободно, растянувшись на камнях. Но в сознание так и не пришел.

— Спасибо,— прошептала Молли, обращаясь к слииту. Она знала, что тот не поймет, но это ей было все равно. В следующий миг она бросилась к Хауку. Тот был серьезно ранен, но все еще жив. Крови вытекло немного. Особенно пострадали ноги. Когда она чуть сдвинула их с места, Клифф громко застонал, не приходя в сознание, и лицо его исказила судорога боли. Ему была необходима срочная помощь врача.

— Клифф! — воскликнула девушка.— Если бы ты только не...

— Оставь его,— послышался от входа в пещеру слабый голос Рифника.— Тебе помощь нужна не меньше, чем ему.

— Рифник! — воскликнула девушка.— Помогите! Клифф очень сильно ранен, и нам нужно доставить его в Мудрый Ручей,— потом слова Рифника дошли до ее сознания, и она с удивлением обнаружила, что сама скоро свалится без чувств. Она постоянно кашляла, даже не сознавая этого. Все тело болело, как одна сплошная рана.

— Как это сделать? — проворчал Рифник.

— Я не знаю,— она шаталась, рыдая.— По крайней мере, надо вытащить его из пещеры, здесь он задохнется.

Рифник осторожно двинулся вперед. Даже в нынешнем своем ужасном состоянии Молли не могла не видеть, что Рифник тоже сильно пострадал. Он наклонился над Клиффом, рассматривая его раны и не прикасаясь к нему.

— Я не могу,— сказал он наконец.

— Но вы должны.

— Я не могу сдвинуть его с места. Если бы слиит вел себя нормально... Но он перепугался. Правда, я его не особенно виню,— прогремел Рифник.— Мы крошили пироподов в Рифах, но с Солнцем в драку никогда не ввязывались.

— Солнцем? Каким Солнцем?

— Я говорю о нашем Солнце, девица. Тройной разряд плазмы. Кажется, мы попали в ужасный переплет.

Слиит, который, гудя, висел неподалеку, вдруг метнулся в их сторону. Они увернулись, слиит пролетел мимо и, как пущенная стрела, вылетел из пещеры.

— Видишь? Он меня вообще не слушается. Не знаю, что с ним стряслось.

— Тогда мы вдвоем должны поднять Клиффа.

Рифник плюхнулся на кучу каменного мусора.

— С тобой? Ты сама еле стоишь. А одному мне его не поднять. Я его убью, если предприму такую попытку.

— Но что же нам делать? Рифник, пожалуйста, придумайте что-нибудь!

Рифник посмотрел мимо Молли, туда, где собирался еще более густой дым, валивший из туннеля.

— Могу застрелить его, если хочешь. Это все же лучше, чем сгорать заживо.

Блуждающей Звезде надоел слиит. Сначала она просто хотела

разрушить его, но, передумав, оставила на произвол собственных контуров управления. Пусть поступает, как ему вздумается. На некоторое время она удовлетворила свое любопытство, исследуя излучающие ауру материальные структуры, так грубо разбросанные тройным разрядом Солнца. Звезда не понимала, что все эти приборы и машины являются продуктами изобретательности человеческого разума, но она видела, что перенесенное потрясение сделало их функционально бесполезными, а химические реакции, до сих пор происходившие в них, только усугубляли эту бесполезность. Потратив на размышление несколько наносекунд, Звезда поняла, что пожар движется к тем излучающим слабую ауру структурам, которые она еще не научилась обозначать как «живые существа». Но она прекрасно сознавала, что тот же род дефункциональности, который привел в негодность машины, грозит и этим существам. Аура одного из них уже заметно ослабела. Было бы интересно, подумала Звезда-детеныш, сделать что-нибудь новое. Она уже отбросила в сторону неизлучающий кусок массы от излучающего конгломерата, который был Клиффом Хауком, используя в качестве посредника поле слиита. Но Звезда была разочарована, ничего особенного не произошло. Но, с любопытством подумала она, что же произойдет, если она впитает некоторую долю этого излучения? Эта идея показалась Блуждающей Звезде привлекательной. Она не знала, почему. Не знала, так как не научилась чувствовать голод и узнавать его при этом.

Сначала робот потребовал минутку, пока он не закончит молчаливое восхищенное созерцание черного купола с изображениями звезд, под которыми он плавно покачивался на своем трансфлексионном поле, а его пламенный овал волнился всеми цветами преданного посвящения. Потом он настоял на удалении всех детей из здания и запер за ними дверь, обыскав предварительно каждую пустую комнату, дабы убедиться, что никого не забыли. Здание церкви было гомеостатическим механизмом. Его рецепторы и эффекторы вполне могли справиться с этим заданием и самостоятельно. Потом робот снова попросил подождать, пока он передавал звезде Денеб казавшееся бесконечным сообщение, во время которого рыжеволосый Руф строчил вопросами, а терпение Энди Квама постепенно переплавлялось в ярость.

— Робот-инспектор! — крикнул он, не выдержав.— Если вы собрались идти, то давайте сдвинемся с места! Молли Залдивар грозит большая опасность. Возможно, она умирает!

Робот развернулся в его сторону.

— Монитор Квамоидан,— пропел он,— немного терпения. Я заверяю вас, что она жива.

— Откуда вы знаете? — потребовал объяснить Энди.

Робот молчал.

— Проповедник,— прошептал мальчик,— оставьте его. Он

всегда такой. Сделает все по своему разумению. Слушайте, вы и в самом деле поедете у него на спине?

— Великий Альмалик! Откуда я знаю?— простонал Энди Квам. Он бросил взгляд на свой наручный хроноуказатель, быстро перевел цифры в земные эквиваленты и в отчаянии прошипел:

— Еще три часа, и День Звезды кончится! И тогда он уже не будет нужен мне! Но,— добавил он, танцуя на плитках пола,— помощь нужна Молли немедленно!

— Монитор Квамодиан,— пропел робот,— будьте добры, соблюдайте тишину. Я веду чрезвычайно интересную дискуссию с тремя органическими компаньонами на планете Денеба, с роботами и звездой 61 Лебедя.

— Нет!— взревел Энди Квам.— Ты тратишь время на болтовню! Ты же обещал...

Робот умолк, потом после паузы сказал с обидой:

— Очень хорошо. Мы отправимся сейчас же, поскольку ваш шум меня отвлекает. Следуйте за мной.

Но было слишком поздно, Энди Квам уже был возле двери, прыгая по ступенькам и нацеливаясь на то место, где он оставил свой флаер. Руф не отставал от него, словно хвост кометы от ядра.

— Я вас поведу,— сказал робот, усиливая звук своих вокализаторов, так что завибрировал фасад церкви.— Вашему аппарату я дал разрешение не подчиняться стометровому ограничению зоны действия. Это было сделано в части моих добровольных религиозных отправлений в День Звезды, в соответствии с соглашением...

— Заткнись!— фыркнул Энди Квам и даже при девяноста децибелах не услышал конца фразы. Он был уже внутри кабины флаера, мальчик нырнул за ним. Со стуком захлопнув дверь, Энди крикнул:

— Полетели! Следуйте за тем роботом!

— Хорошо, мистер Квамодиан,— жизнерадостно согласился флаер.— Я получил разрешение. Не правда ли, это мило со стороны робота-инспектора разрешить нам...

— Молчи!— процедил Энди.— И получше управляй. Я очень спешу.

В мрачном обиженном состоянии флаер поднялся со стоянки, завертелся волчком и нацелился на выжидающе замерший овал, висевший в трансфлексионном поле в нескольких метрах от церкви Звезды. Квамодиан, пробормотав проклятье, поднялся на ноги — неожиданное вращение бросило его на пол, причем на коленях у него оказался мальчик. Но флаеру он ничего не сказал.

Сиди здесь,— приказал он мальчику.— Один Альмалик знает, что стукнет в голову глупому флаеру.

— Это нечестно...— начал оскорбленный флаер.

— Я же сказал тебе — заткнись!

Флаер подчинился приказу, намеренно и отчетливо щелкнув, а Квамодиан и мальчик прильнули к стеклу окна. Была уже ночь, и над холмами повисли яркие звезды, но на западе еще виднелся отсвет зари, кроваво-красная полоска над горизонтом, куда опустилось мрачное багровое Солнце. Вдруг мальчик схватил Квамодиана за руку.

— Проповедник, смотрите, там, куда ударило Солнце, видите?

— Вижу,— проворчал Энди.— Флаер, можно немножко побыстрее?

С неохотой щелкнув, голос протянул:

— Нет,— и снова выключился со щелчком.

— Эй, брось! — крикнул Квамодиан.— Почему нельзя?

Флаер снизошел до объяснений:

— Робот-инспектор отдал нам распоряжение следовать за ним. Если я увеличу скорость, то он будет следовать за нами.— Флаер уже явно оттаял и приготовился снова мирно беседовать.— Понимаете ли, мистер Квамодиан, День Звезды еще не истек. И робот-инспектор не хотел бы нарушать тишину этого дня ревом звуковой волны. На этой планете довольно плотная атмосфера, состоящая, в основном, из азота, кислорода, водяных паров, двуокиси углерода...

— Это можно опустить, состав атмосферы Земли я знаю!

— Конечно, конечно. Все дело в том, мистер Квамодиан, что при местных параметрах высоты, температуры и барометрического давления звуковой барьер чуть-чуть превышает нашу скорость в настоящий момент. Поэтому, сами понимаете, мы не можем летать быстрее... В любом случае,— весело добавил флаер,— мы уже прибыли.

Флаер совершил посадку на склон горы. Робот-инспектор не позволил приблизиться на меньшее расстояние ко входу в пещеру. Энди Квам и Руф выскочили из флаера и, задрав головы, принялись рассматривать последствия солнечного удара.

— Великий Альмалик! — прошептал мальчик.— Я... я боюсь, что мисс Залдивар действительно пострадала!

— Такой информацией мы не располагаем,— пропел робот, с гудением паривший над их головами.— Будьте добры, подождите здесь, я сканирую обстановку.

Но Энди уже не волновало, чем занимается робот. Он отпихнул мальчика в сторону и начал карабкаться вверх по склону холма, преодолевая многочисленные неровности. Он миновал отдельные части упавшего со склона электромобиля, потом узнал в куче металла машину Молли и с почти выскакивающим из груди сердцем принялся обыскивать обломки, пока не убедился, что в момент катастрофы Молли в машине не было. Потом он снова возобновил подъем. Ноги деревенели от усталости, сердце бешено колотилось, дыхание со свистом вырывалось из груди. Хотя голос здравого смысла нашептывал, что спешка уже особого зна-

чения не имеет. Что бы ужасного здесь ни произошло, все кончилось давным-давно. Из пасти пещеры тянулись клубы густого коричневого дыма, чувствовался отвратительный запах горелой пластмассы, тлеющих обломков, самых разных. И никого не было видно. Он остановился, чувствуя, как жжет легкие со всхлипом вбираемый воздух, и, собрав все силы, крикнул:

— Молли! Ты здесь?

Неожиданно за его спиной прозвучал мелодичный голос робота:

— Она находится в пятидесяти метрах вправо от вас, мистер Квамодиан. И как раз над нами. Но не приближайтесь.

Энди Квам уже карабкался по гребню небольшого выступа-полки, находившегося как раз перед пещерой.

— Нет, подождите,— зажужжал робот.— Там присутствует неконтролируемое существо — животное из космоса, и...— в жужжащем пении робота образовалась пауза.— И Блуждающая Звезда. Дайте мне возможность сначала изучить их.

Энди Квам фыркнул и ничего не сказал. Он поскользнулся на осыпающемся гравии, чудом сохранил равновесие и побежал дальше. Он только что едва избежал гибели. Сразу за полкой начинался почти отвесный обрыв в сорок футов высотой — но он даже не заметил этого, стремясь как можно скорее найти Молли Залдивар. Но где же она? И потом он остановился, замахав руками, чтобы не упасть по инерции. Нечто вроде гигантского головоногого моллюска совершенно черного цвета приближалось к нему гигантскими прыжками, преодолевая кучу гравия. Его трансфлексионное поле бледно мерцало. В смутном свете звезд Энди уловил очертания больших белесых глаз, слепо глядевших на него, заметил когти и клыки, способные выпустить внутренности пироподу.

— Монитор Квамодиан,— пропел за его спиной голос робота,— это слиит. Предупреждаю вас, не подходите к нему очень близко!

Внезапно Квамодиан почувствовал во рту кислый привкус страха. Теперь он припомнил истории о слиитах, этих космических бестиях, самой эволюцией созданных для убийства, мощью своей превосходящих все возможности человека. Если существо надумало избрать целью нападения его, Квамодиана, то надежды на спасение нет. Но, кажется, таковых намерений у него не было. Он повис в воздухе, словно изучая Энди, словно он обладал разумом. И даже умел сочувствовать, понимая, почему спешит Энди. Потом, словно разрешая двигаться дальше, слиит поднялся на своем поле еще выше и отлетел на сотню ярдов, не преграждая больше путь к небольшому холмику, где Энди померещилось какое-то движение. Он тут же позабыл о слиите, преодолев с максимально возможной скоростью оставшееся расстояние, пока не упал на колени рядом с телом девушки, призыв о помощи которой нашел его на другом конце Вселенной.

— Молли! — воскликнул он.— Что случилось? Что с тобой сделали?

Он поднял ее голову на изгиб локтя и нежно приподнял. И глаза ее открылись. Она с удивлением смотрела на него, словно проснувшийся ребенок. Лицо ее было сплошь покрыто синяками, царапинами и засохшей кровью, измазано сажей и грязью. Порывы ветра подхватили ее длинные волосы, а одежда превратилась в лохмотья. Но внезапно она улыбнулась ему своей прежней волнующей улыбкой.

— О, да это же малыш Энди Квам,— прошептала она.— Я не сомневалась, что ты придешь...

Улыбка задержалась на ее лице всего лишь на секунду. Потом лицо ее исказила судорога боли, улыбка исчезла, и она отвернулась. И заплакала так, что у Энди Квама едва не разорвалось сердце.

— Инспектор! — заорал Энди.— Куда подевалась эта бестолковая машина?

Из-за большого валуна примерно футах в десяти от него послышался недовольный голос:

— Он смылся, Проповедник. Умчался. Альмалик его знает, почему. Он не сказал ни слова.

— Что ты там делаешь, Руф? — сердито спросил Энди.— Ты должен был остаться в кабине. Ладно, если уж ты здесь, то помоги мне. Мисс Залдивар серьезно ранена. Нужно доставить ее...

Из темноты выступила фигура и приблизилась к ним.

— С этим не спеши, друг,— прогудел густой бас.— Если малышка пережила все это, она выдержит еще немного.

Квамодиан вскочил на ноги, готовый к самому худшему. Он всмотрелся в темноту, различая очертания человека с усами, всклокоченной бородой и такими шрамами на лице, словно он попал под катящуюся по орбите планету, не меньше.

— Кто вы такой, черт побери? — рявкнул он.

— У такого малыша и такой голосок,— проскрежетал могучий голос.— Ладно, спокойно и без обиды.

Он подошел поближе, и Энди Квам по достоинству оценил его размеры. Это был настоящий гигант. Но он казался явно подавленным.

— Мы на неприятности не напрашиваемся,— мягко пророкотал он.— Этого добра с нас хватает. Но с девушкой все в порядке, я успел вытащить ее из пещеры вовремя.

— Я слышал что-то о каком-то Рифнике, который занимается здесь с Клиффом Хауком Альмалик знает чем. Это вы? — с подозрением спросил Энди.

— Да.

— Это ваш слиит следит за нами?

Усы и борода Рифника раздвинулись. В темноте могло показаться, что он собирается укусить Энди. Но это была лишь добродушная усмешка.

— Больше он не мой,— сказал Рифник.— Теперь он сам себе хозяин, как я подозреваю. Или... им владеет кто-то другой. Но меня он слушаться не станет. Я ему больше не хозяин с тех пор, как ударило Солнце.

Он отвернулся от Квамодиана и на секунду склонился над девушкой.

— С ней все в порядке,— повторил он, выпрямляясь, но в голосе его не было особой уверенности.

— Однако вы, возможно, правы, действительно нужно унести ее отсюда подальше. И меня тоже захватите с собой, если не против.

— Почему Молли Залдивар так плачет?— спросил Энди.— Если вы неосторожно вынесли ее...

Огромная голова Рифника качнулась из стороны в сторону.

— Подозреваю, что она плачет так из-за Клиффа Хаука.

Квамодиан тут же взял себя в руки. Он совершенно позабыл, что здесь еще и Клифф Хаук. Несомненно, это он виноват в том, что Молли Залдивар ранена, ей грозит опасность, она напугана. Но старая дружба еще не исчезла полностью, и в голосе Энди Квама прозвучала неподдельная озабоченность, когда он спросил:

— А что с Хауком? Он ранен?

— Уж нет.

— Как?.. То есть он умер?

В гулком голосе Рифника чувствовалась свинцовая усталость.

— Нет. Хуже, я бы сказал. Гораздо хуже. И если хочешь знать мое мнение, то нам нужно поскорее убираться с этого места, пока что-нибудь очень неприятное не случилось и с нами.

Существо в недрах горы было поначалу случайным скоплением электронов, потом новорожденной Блуждающей Звездой, только начинавшей изучать себя и окружающую среду, набираться опыта... Теперь это было нечто третье, и оно внимательно следило за тем, как Рифник и Энди Квам осторожно приподняли плачущую девушку; спустились с ней вместе по склону вниз к ожидавшему флаеру, поспешно погрузились в кабину и, захлопнув дверцу, умчались прочь.

Используя определенную часть своего «я», Блуждающая Звезда заставила слиита взметнуться вверх на своем слегка пульсирующем трансфлексионном поле и помчаться за флаером, не теряя его из виду. В этом не было необходимости, конечно. Блуждающая Звезда могла легко следить за флаером с помощью своих зондов — в любой точке планеты и практически в любой точке Солнечной системы. (У нее еще не было случая попытаться нащупать что-либо за пределами Солнечной системы). Но это уже не было то незамысловатое существо, каким она была раньше. Когда она поняла, что одна из организованных излучающих масс вот-вот прекратит существование, она решила, что будет полезно «впитать» ее и «впитала». Операция оказалась простой — подобно притяжению или захвату. Это, если прибегнуть к мате-

риальной аналогии, напоминало слияние амебы и кусочка пищи, который она схватила, чтобы растворить в себе. Но материя не имела отношения к процессу, а силы, которые применила Блуждающая Звезда, не поддавались описанию в терминах геометрии трехмерного пространства. Но эффект был тот же самый. То, что раньше было личностью Клиффа Хаука, больше не обитало в его биологическом теле. Тело было уже не просто мертво, оно успело превратиться в обугленный кусок плоти, перемешанный с другими обугленными обломками в выжженной пещере, которая когда-то была мастерской Хаука. Но он не исчез полностью. Правда, он больше не ощущал себя прежней личностью, индивидуумом. Но Хаук составлял теперь заметную часть личности того существа, что послало сейчас слиита в погоню за флаером Квамодиана, что вызвало на себя тройной гневный ответ Солнца — новорожденной Блуждающей Звезды, выпущенной на волю во Вселенную. Теперь она мыслила уже сложнее, а не подчинялась простым побуждениям. С определенной помощью своей тренированной человеческой составляющей мыслительного аппарата она научилась наблюдать, анализировать, делать выводы и... действовать. Она почувствовала изумление далекого сородича-наблюдателя.

Практически День Звезды еще не кончился. По предложению мальчика Квамодиан велел флаеру доставить их к церкви Звезды.

— На позднюю службу соберется толпа,— объяснил мальчик.— Так что вполне возможно, что там, где рассчитываете кого-нибудь обнаружить, никого не окажется. В смысле, даже в больнице может не оказаться нужного персонала.

— Это просто шокирует,— прошипел Энди.— Превратить Товарищество Звезды в какое-то языческое поклонение!

— Верно, Проповедник. Это вы правильно отметили. Но только вам понятно, что тут ничего не поделаешь, вам же лучше...

— Я понимаю,— ответил Квамодиан и отдал распоряжение флаеру. У машины возникли возражения.

— Без специального распоряжения робота-инспектора, мистер Квамодиан, я могу вернуться только к зданию трансфлексионной связи.

— Но произошло несчастье!

— Да, да, мистер Квамодиан, конечно! — флаер нерешительно замолчал. Его нейтронные контуры решали проблему.— Поскольку я не могу связаться с роботом-инспектором в данный момент,— решил он,— мне придется вернуться к станции трансфлекса...

— Черт бы тебя побрал! — не выдержал Квамодиан.— Делай, что тебе говорят!

— ...но по пути я могу ненадолго задержаться у площади Звезды. Если вы в этот момент покинете кабину, то это не будет иметь

отношения к выполнению мной правил движения в данный момент.

— Ха! — в отвращении гаркнул Квамодиан.— Ладно, давай! Только не мешкай!

— Уже прилетели, мистер Квамодиан,— вздохнул флаер, опускаясь на землю.— Я останусь здесь еще на минуту. В течение этого срока можете поступать по своему усмотрению.

Квамодиан не стал тратить время на разговоры. С помощью Руфа и огромного, пусть и медленно двигающегося Рифника, он без больших трудностей вынес Молли из кабины флаера, и они осторожно опустили ее на землю.

— Как ты себя чувствуешь, Молли? — с нежной тревогой спросил Энди.— Я побегу за помощью.

Молли уже не плакала. Глаза ее были открыты, лицо сосредоточено, но во взгляде сквозила вековая усталость.

— Все в порядке, Энди,— сказала она.— Со мной все в порядке, но это не имеет значения.

— Не надо так говорить.

— Хорошо, Энди,— тусклым голосом сказала она и отвернулась.

— Оставайся рядом с ней,— приказал он Рифнику, который посмотрел на него недовольно, но только пожал плечами.— Руф, нужно найти кого-нибудь.— И они оба поспешно скрылись в церкви Звезды.

Как только они вошли в здание под обширным голубым куполом, раздался удар гонга, эхо которого прокатилось по всему пространству помещения. Руф первым побежал по тускло освещенной спиральной лестнице в саму церковь. Здесь от множества тянувших псалом голосов, казалось, пульсировал сам воздух. Сладко пахло фузоритами-Посетителями. В пяти суживающихся крыльях храма было полно специальных скамей, но все места на них сейчас пустовали. Люди стояли, преклонив колени, концентрическими кругами под огромным центральным куполом с изображением солнц Альмалика. Робота-инспектора не было видно. Очевидно, он еще не освободился от того своего важного поручения, каковым бы оно ни было.

— Вон тетя Молли! — радостно заорал Руф.— Сюда, пойдемте!

Но Квамодиан колебался. «Языческий ритуал», так назвал он церемонию, но что-то в самой атмосфере зала заставило его проникнуться непонятной робостью и даже какой-то завистью. Он поднял взгляд к тринадцатицветию великолепных солнц, висевших под черным, как космос, куполом: шесть двойных звезд, двигавшихся группами по две двойки, и одно отдельное солнце. Упиваясь сверкающей красотой Альмалика, впитывая сладостный аромат фузоритов-Посетителей, ритмично покачиваясь в такт пению собравшихся в зале, Энди Квам вдруг почувствовал, что в нем просыпается великая радость и совершенный покой. Ему за-

хотелось забыть и себя, и ждущую снаружи измученную девушку. Единственное, чо ему было нужно, это забыть все личное и остаться один на один с Альмаликом.

— Проповедник! — прошипел Руф.— Вы идете?

Торжественная робость не давала Квамодиану возможности сдвинуться с места.

— Ты... ты уверен, что можно прервать службу?

— А мы не будем прерывать. Я уже приходил сюда смотреть вместе с мисс Залдивар. Они не сердятся на посторонних.

Вздрагивая от странного прилива возбуждения, Квамодиан последовал за мальчиком, который пересек пол сводчатого зала и начал пробираться сквозь концентрические круги стоявших на коленях молящихся. Нежный аромат Посетителей поверг его в сладкий трепет, сверкающие солнца Альмалика погружали его в бесконечное спокойствие и умиротворенность. Но мальчик уже остановился перед покачивающимися на коленях мужчиной и женщиной.

— Вот ее родственники, Проповедник,— прошептал он.— Мистер Хуан Залдивар и миссис Дейдра Залдивар.— Он резко повысил голос: — Познакомьтесь, это мистер монитор Квамодиан.

Они перестали петь. Потом неохотно оторвали взгляд от многоцветного великолепия купола церкви и, все еще продолжая покачиваться и стоять на коленях, без всякого интереса посмотрели на Квамодиана. Супруги просто излучали здоровье и молодость. Хуан был высокий смуглый мужчина с густыми черными волосами. Голубоглазая блондинка Дейдра казалась даже моложе и привлекательнее своей дочери. Но оба носили на себе знак Альмалика — в том месте, где светящаяся колония фузоритов вошла в их тела. У Дейдры он сверкал на румяной щеке, у Хуана на лбу. Знак представлял собой маленькую, неправильной формы звездочку. В полумраке церкви звездочки-знаки мягко светились темным, холодным светом.

— Я по поводу Молли,— прошептала Квамодиан.— Она там, снаружи. Ранена.

Какие неуместные в таком священном месте слова! Он еще сильнее почувствовал себя слоном в посудной лавке, гориллой среди ангелов. Светлая и темноволосая головки наклонились в унисон. Озадаченный Энди хотел уже повторить свои слова, но тут Дейдра мягко выдохнула:

— В лоне Звезды не существует ран и боли. Она должна присоединиться к нам и тогда обретет покой.

— Но ведь она ранена! Она... гм, слишком долго рассказывать о подробностях, но... Все мы в ужасной опасности.

— Только не здесь,— улыбнулся Хуан Залдивар. Он взял руку Дейдры в свою, и они подняли головы к куполу, готовые возобновить пение.— Внесите ее сюда! Посетители исцелят ее! — и, подняв свои темные глаза, присоединил свой голос к голосу жены.

Руф прикусил губу.

— Проповедник, это бесполезно,— угрюмо сказал он.— Они слишком счастливы.

Энди Квам задумчиво посмотрел на мальчика. В конце концов, подумал он, это совсем неплохая идея — внести Молли внутрь церкви. Пусть войдут в ее тело Посетители-фузориты исцелят ее. Она вылечится — для фузоритов не существовало неизлечимых болезней. Пройдут не только кровоподтеки и царапины на теле, но и горькая печаль, судорогой сводившая тело и душу...

— Проповедник, что с вами? — с опаской уставившись на Энди, прошептал мальчик.

Квамодиан вернулся к действительности.

— Извини,— пробормотал он и, схватив мальчика за локоть, выбежал из зала. Он почувствовал прилив грусти, едва не заставивший его повернуть назад, но теперь впереди был мальчик. Пошатываясь, он покинул пределы Альмалика, скатился по спиральной лестнице и выбежал из здания. Коварное пение затихло за спиной. Квамодиан с благодарностью набрал полную грудь прохладного воздуха, в котором уже не ощущалось притягательного, словно аромат лотоса, запаха фузоритов-Посетителей. Он сказал с печалью:

— Я хотел остаться там. Так со мной всегда, но я не создан для этого — покой Альмалика не для меня.

Он поспешил вниз по спуску, оставив позади исчезающее смутное сожаление. Флаер исчез, но огромная фигура Рифника, словно скала, возвышалась над лежащей на земле Молли Залдивар. Ночной воздух показался Энди очень зябким, и он вздрогнул.

— Что же нам теперь делать? — пробормотал он наполовину самому себе.— Что мы можем сделать для Молли Залдивар?

— Проповедник,— сказал Руф,— мой дом всего на той стороне улицы, вон там. Мои родители позаботятся о Молли. Я так думаю,— добавил он с беспокойством, заставив Квамодиана бросить на него быстрый вопросительный взгляд. Но вслух он ничего не стал спрашивать. Однако дома никого не оказалось. Дверь была открыта, и свет горел. Автономная система обеспечения жизни маленького коттеджа весело мурлыкала, пылал уютный огонь в камине, приятно пахнувшее тепло разносилось по всей комнате. Но нигде никого не было видно.

— Ничего, не обращайте внимания,— вздохнул мальчик, словно он и ожидал именно этого.— Наверное, мисс Залдивар больше всего нужен покой. Перенесем ее вон в ту комнату, а, Проповедник? И я попробую соорудить что-нибудь поесть. Должно быть, вы проголодались.

Теперь сытый, согревшийся, почти успокоившийся Энди Квам сидел в уютной гостиной дома Руфа. Мальчик лежал на полу перед камином, то и дело протягивая руку за очередным яблоком, грушей или апельсином или последними остатками бутербродов, которые он приготовил для гостей. А Рифник, свободнее прислонившийся к каминной полке, отвечал на вопросы Квамодиана.

Сначала Квамодиан взял на себя роль прокурора, отведя Рифнику место обвиняемого. Но тому такое распределение ролей пришлось явно не по душе. С неприкрытым презрением воспринимающий все окружающее, Рифник загрохотал в ответ:

— Монитор Квамодиан, я не стану брать ответственность на себя. Все, что происходит на моей земле,— мое личное дело, а эти холмы — моя собственность.

— Создание новой Блуждающей Звезды касается всех! — не сдержавшись, воскликнул Квамодиан.

— Но это не является моих рук делом,— заявил гигант Рифник. На его испещренном шрамами лице явно читалась злость.— Мисс Залдивар — пленительная девушка. Я ничего против не имею. Но кто заставлял ее вторгаться на мою территорию без разрешения?

— А Клифф Хаук? Как с ним?

Едва видимый из-под усов и всклокоченной бороды рот твердо сжался.

— Я привез его мать сюда с Рифов. Он мне почти что сын... но я не отвечаю за его действия. Не считая того, что я позволил ему ходить в школу, хотя в мои намерения это и не входило. Я желал видеть его таким же охотником, как и я. Я рассчитывал, что когда он вырастет, то полетит со мной в Рифы, я найду ему там щенка слиита, и пускай он делает то же, что и я. Но он перешел ручей. Стал ходить в школу по Дням Звезды. Роботы и Посетители внушили ему всякие чудные идеи. Наконец я решил, что ему необходимо лететь в космос, учиться на этого, как вы называете, транзит-инженера...

— С этим все в порядке,— заявил Квамодиан.— Я учился вместе с ним. Тогда он был вполне нормальным, вполне приличным молодым человеком.

Рифник пожал плечами. Потом, вздрогнув, погладил руку там, где ее стягивала повязка.

— Не суть важно,— пробормотал он угрюмо.— Он заплатил за свои ошибки и мертв. Во всяком случае, я так думаю.

— Что вы подразумеваете под этим «Я так думаю»?— сердито спросил Квамодиан.— Так он мертв или нет?

Глубоко посаженные глаза Рифника внимательно смотрели на Энди из-под кустистых бровей.

— Он уже не дышал,— коротко объяснил Рифник.— Вас это устраивает?

— Меня устраивает?

Рифник сказал беспомощно:

— Я просто не знаю, монитор. Вот и все. Да. Клифф был плох, это так. Я бы не дал ему еще больше часа... даже меньше, потому что мы не могли вынести его, а огонь был уже близок. Но...— он помолчал.— Парень,— буркнул он несколько мгновений спустя,— у тебя не найдется что-нибудь выпить?

— Только молоко. Или вода. А может, приготовить чашку чая?

Рифник поджал губы и печально покивал головой.

— Продолжайте! — поторопил Энди Квам.

Рифник закрыл глаза.

— Клифф занимался опытами в своей транзит-лаборатории,— протянул он.— Я знал, что это опасно, но не вмешивался. Он был уже взрослый человек. Был,— казалось, эта тема нагоняла на него скуку.— Потом что-то произошло.

Рифник переменил позу и задумчиво почесал свою густую бороду. Толстые пальцы прошли сквозь русый волос, словно лемехи плуга сквозь землю, равномерно и механически. Закончив расчесывать пятерней бороду, он продолжал:

— Был взрыв. Внизу, в лабораториях, где остались криомагнитные и радиационные установки, часть старого военного комплекса Плана Человека. Их не стали демонтировать Посетители. Это была ненадежная часть лаборатории, и я отдавал себе в этом отчет. Потом, когда мы приходили в себя от неожиданности, появилась Молли Залдивар. Она плакала и угрожала Клиффу. Очевидно, она была напугана слиитом, поэтому пожалуй, не стоит придавать этому факту значение. Но это было только начало. Потом произошел настоящий взрыв — не знаю только, где именно. Меня чем-то ударило, видимо, осколком металла, и я ненадолго отключился...

— За всем этим я наблюдал из Мудрого Ручья,— сказал Квамодиан.— Я видел тройной разряд с Солнца. Вы именно об этом говорите?

— Да, очевидно,— Рифник снова принялся расчесывать бороду.— Потом я услышал голоса девушки и Клиффа внутри пещеры и пошел к ним. Пытался позвать слиита, но бестия воспротивился, совершенно, видимо, свихнувшись от испуга. Слиит вел себя непонятно и совершенно не подчинялся мне. Такого с ним никогда раньше не случалось. Но он был там, в пещере, пытался помочь вытащить Клиффа. Только было уже поздно. Он умирал. Потом...— Рифник выпрямился и перестал чесаться. В глазах его появилось что-то непривычно человеческое, и он сумрачно сказал: — Клифф посмотрел на меня. Потом что-то сказал... но я не расслышал, что именно. Какая-то бессмыслица. Потом он просто перестал дышать.

Рифник отвернулся и принялся шагами мерить небольшую комнату.

— Но я не хочу сказать, что он просто умер, монитор. Я видел, как умирают люди. Обычно при этом поднимают побольше шума, чем в этот раз. Но он просто п е р е с т а л дышать. Словно его выключили. Я убедился, что он умер, подхватил Молли Залдивар и удрал оттуда. Примерно час спустя появились вы. Вот и вся история.

— Не совсем,— резко перебил его Энди Квам.— Что же сказал Клифф перед тем, как умер?

Рифник остановился и сердито посмотрел на него.

— Это неважно! Фраза не имеет смысла в любом случае.

— Что он сказал?

Рифник заворчал. Толстые пальцы впились в волосы, прочесывая его львиную шевелюру. Потом он опустил руку и сказал:

— Ладно, если вам нужно знать... Он сказал что-то вроде этого. «Я создал его, теперь он забирает меня».

Квам вдруг вздрогнул, словно ему в затылок ударил порыв ледяного ветра.

— Что это значит?— невольно спросил он.

— Ничего, вообще ничего, монитор,— Рифник посмотрел в его сторону.— Или... во всяком случае, ничего, что бы имело смысл для меня. А вы что-нибудь понимаете?

Квамодиан ответил не сразу.

— Я... надеюсь, что нет,— сказал он шепотом.

Блуждающая Звезда уже не была новорожденным детенышем. Но и во взрослое существо она не успела превратиться. Можно сказать, что она вошла в фазу юности. Она все росла и росла, с каждым прожитым моментом становясь все сильнее и умнее, приобретая опыт, навыки, умение, питаясь всем, чем угодно, лишь бы это давало ей массу и энергию. Она уже успела поглотить изрядное количество таких матриц, впитывая их из разного рода излучений, окружавших ее, и обнаружила по ходу дела, что некоторые виды радиации были гораздо — как бы это определить — «вкуснее», чем все остальные. Поглотив личность человека, который когда-то был Клиффом Хауком, звезда пережила качественно новый опыт и теперь обнаружила, что получила в наследство тысячи новых матриц поведения, мыслительных конструкций, программ-побуждений. Теперь все это уже не имело отношения к сотне килограммов углеродных соединений, которые когда-то представляли собой тело Клиффа Хуака, а ныне превратились в бесполезный сгусток неинтересных реакций. Даже «личность» Хаука как таковая исчезла. Во Вселенной не осталось ничего, что думало его мыслями, имело его мнения, помнило его воспоминания. Но какая-то доля его стремлений и мотивов поведения стала составной частью юной Блуждающей Звезды, принимая участие в оформлении результирующего вектора ее поведения. Он перестал быть полностью случайным. До какой-то степени он теперь был даже поляризован. Какие другие силы влияли на поведение юной Блуждающей Звезды? Ее собственные растущие знания и умения. Все, что узнавала она об окружающем ее мире, том мире, в котором она жила. Ее врожденное побуждение к росту и учебе. Двигаться, расти, потреблять. Так думало существо, таковы были первые мысли, оформившиеся у него, едва оно научилось мыслить. Теперь, с помощью дисциплины тренированного

ума Хаука, проникшего в существо разума звезды, она научилась думать более четко и ясно. Она познакомилась с приятной возможностью формулировать цель с помощью языка. «Я мала, но я расту,— подумала взрослеющая Блуждающая Звезда, рожденная в недрах горы.— Есть и другие существа, они больше, но они не растут. Я смогу стать могущественнее их!»

И она успела уже испытать свою растущую силу с помощью десятка конгломератов вещества из окружающих ее. Слиит превратился теперь в присоединенный к ее сознанию инструмент. Через его глаза она обозревала окрестный мир, он полностью подчинялся ее желаниям. Крохотные ползающие и летающие существа внутри горы и над нею, все они стали частью распространившегося в пространстве существа звезды. А теперь она обзавелась новым слугой, не похожим на прежних. Потому что робот-инспектор давно уже привлекал внимание любопытной звезды. Для нее было совсем не трудно «проглотить» его целиком, включить его сознание — аналог человеческого разума — в свое сознание. Робот выглядел так же, как и раньше — торпедообразное металлическое тело и светящаяся плазменная панель в виде овала. Но теперь его стремлениями и побуждениями управляли не суперкомпьютеры на планетах звезды Альмалик, с которыми он до этого был постоянно связан,— нет, теперь он служил нуждам и намерениям электронной плазмы, которая недавно вырвалась на свободу, взорвавшись в недрах горы. Юная Блуждающая Звезда поиграла с новым инструментом, попыталась разгадать, но так и не смогла проникнуть в сущность сложного комплекса трансфлексионных полей, которые связывали новую часть ее самой с очень могущественными, но очень далекими сознаниями. Но в настоящий момент это не имело значения. Эти далекие сознания не были могущественными в той мере, чтобы таким же образом взять под контроль саму звезду. А теперь она была занята другими мыслями. Частью они были посвящены той области ее сознания, которая впитала наследство умирающего Клиффа Хаука. Над ним Блуждающая Звезда тоже безуспешно раздумывала. Почему она чувствовала такое притяжение, так была связана, так озабочена присутствием этого небольшого и не имеющего особого значения кусочка материи с радиационной аурой, который сознание Клиффа Хаука определяло как Молли Залдивар? Звезда смотрела на спящую Молли глазами слиита, парившего над коттеджем, куда принесли Молли. «Молли Залдивар,— подумала Звезда,— что мне до тебя?» И в комнате коттеджа Молли вдруг пробудилась от сна и попыталась вскрикнуть. «Спи»,— приказала ей Блуждающая Звезда, и девушка погрузилась в оцепенение ужасного кошмара. Никто не слышал ее крика — в коттедже никого не было, а она не имела сил, чтобы крикнуть громче, чтобы услышали те, кто стоял перед домом на лужайке и смотрел на парящего над крышей слиита.

— Мистер,— сказал испуганный Руф,— у этой зверюги опасный вид. Вы уверены, что она не причинит нам вреда?

— Больше я ни в чем таком не уверен, малыш,— разразился ухающим смехом Рифник.— Было время, когда этот слиит ходил за мной, как собачонка. Делал все, что я приказывал, и даже думать нельзя было о том, что он ослушается. Я взял его еще щенком и вырастил. Он никогда не знал другого хозяина, кроме меня. Но теперь... он у него появился.— Он задумчиво рассматривал слиита некоторое время. Повисшая в небе на своем автономном мерцающем поле громадная бестия напоминала черного бескрылого пегаса в полете. Ее ужасные когти были готовы схватить и разорвать на клочки любое углеродное, дышащее воздухом и приводимое в движение мускулами существо, подобно когтям ястреба, рвущим пух и перья.

— Хороший зверь,— устало сказал Рифник,— но больше уже не мой.

— Зачем же вы его сюда привезли?— сердито спросил Энди Квам.— Ему нет места на нашей планете. Он здесь чужеродное тело.

— Как почему? Потому что он м о й, мистер Квамодиан,— просто ответил Рифник.— Я охотник, и это мой товарищ по охоте. Он всегда идет туда, куда иду я. То есть так было до сих пор. Нет, вы не подумайте,— воскликнул он, вдруг воспламенившись энтузиазмом воспоминаний охотника.— С этим слиитом я собрал лучшую коллекцию трофеев во всей Солнечной Системе. Два десятка отборных пироподов! Темнотники из зарифовых областей. Лунные кожекрылы, создания из раскаленных глубин Венеры! На расстоянии десятка световых лет как охотнику этому слииту и равных не было!

— Вы так говорите, словно убивать — очень хорошая вещь,— с отвращением заметил Энди Квам.— Всякое насилие — это зло. Законы Альмалика не разрешают одному живому существу убивать другое живое существо.

В глубоко посаженных глазах Рифника мелькнул огонек.

— И вы тоже никогда не решились бы убить другое живое существо, мистер Квамодиан? Даже, скажем, чтобы спасти Молли Залдивар?

Энди Квам покраснел.

— Мы, члены Товарищества, имеем право не подчиняться некоторым законам Альмалика,— сказал он сухо.— И даже в некоторых ситуациях имеем право на насилие.

— Тогда помогите мне!— рявкнул Рифник.— Я хочу выследить одну совсем необычную тварь, Квамодиан, и вы могли бы присоединиться в этой охоте ко мне. Не знаю, что управляет сейчас моим слиитом, но я решил присовокупить его шкуру к моей коллекции!

— Чепуха!— воскликнул Энди Квам.— Да вы... Великий Аль-

малик! Как вы это себе представляете? Неужели вы не понимаете, что это может оказаться сама Блуждающая Звезда?

Рифник гулко захохотал.

— Испугались, монитор Квамодиан?

— Нет... Или... да, возможно. Не думаю, что стоит рассуждать о возможности простого человеческого создания охотиться на целую звезду, к тому же еще и блуждающую.

Мальчик, который все это время сосредоточенно и молча слушал их, поворачиваясь от одного говорящего к другому, кашлянул, привлекая внимание. Он спросил, переведя разговор на другую тему:

— Послушайте, Проповедник, что это стряслось с Луной?

Уже успевшая подняться на дюжину градусов над горизонтом, достигшая полнолуния Луна была совсем не похожа на обычное ночное светило. Она была почти невидима из-за тусклого красного свечения, которое отбрасывала. Ничего похожего на обычный сверкающий диск.

— Это все Солнце,— мрачно сказал Энди.— Помнишь, каким красным и сердитым садилось оно за горизонт? После того, как ударило трехкратным разрядом. Луна просто отражает его свет. А этот безумец уверен, что ему удастся уничтожить существо, которое вызвало такие потрясения.

— Стоит попробовать, монитор,— прогудел Рифник жизнерадостно.— Вы не против, если я одолжу ваш флаер?

— Зачем?

— Как зачем? Для охоты. Ногами до холмов топать и топать,— объяснил извиняющимся тоном Рифник.— И слиита у меня больше нет. Поэтому я был бы очень благодарен вам за флаер. Уже заполночь. День Звезды кончился, так почему бы не воспользоваться им?

— Проповедник!— неожиданно воскликнул Руф.— Слушай! Что это такое?

Квамодиан повелительно вздернул голову, заставив Рифника умолкнуть. Потом лицо Энди Квама дрогнуло.

— Это Молли!— крикнул он, поворачиваясь и стремглав кидаясь к коттеджу.— Она звала меня!

Но когда Энди распахнул дверь в спальню девушки, он обнаружил, что Молли, уже полностью проснувшись, лежит с открытыми глазами, устремив взгляд в потолок. Она медленно перевела взгляд на Энди.

— Энди,— сказала она,— я должна была знать, что ты непременно придешь. Я всегда могла положиться на тебя.

Уши Квамодиана пылали.

— С тобой все в порядке?— тревожно спросил он.— Я слышал, ты кричала...

Она привстала, сев на край кровати.

— В порядке? Думаю, что да.— Лицо ее на миг превратилось в трагическую маску.— Бедный Клифф!— прошептала она.— Как

странно. Мне показалось, что он во сне разговаривал со мной. Но только это был не настоящий Клифф. Что-то такое огромное и страшное. Настоящий монстр.— Она тряхнула головой, потом весело улыбнулась. Энди понимал, что это лишь поверхностная улыбка, что она улыбается, а глубоко внутри пылает мрачный огонь трагедии, и он также понимал, что Молли стоит громадных усилий казаться веселой.

— Я заставила тебя добираться сюда с самого Эксиона,— сказала она.— Мне очень жаль. У тебя всегда были из-за меня неприятности, Энди.

— Ну что ты, чепуха,— сказал он, и голос его вырвался из самой глубины всколыхнувшего его чувства. Молли была тронута. Она погладила его по руке.

— Найдется тут что-нибудь поесть?— сказала она не к месту.— Я очень проголодалась.

Руф был рад предоставить свои услуги, когда Квамодиан передал ему просьбу девушки, и снова произвел на свет огромное количество бутербродов и молока.

— Твои родители не будут сердиться?— поинтересовался Энди.— Мы ведь заняли место в вашем доме и к тому же не страдаем недостатком аппетита.

Лицо мальчика помрачнело.

— Все в порядке, Проповедник,— сказал он. Квамодиан нахмурился, глядя на него.

— Интересно,— сказал он.— А где же твои родители? Они давно уже должны были вернуться из церкви Звезды.

— О, они уже давно ушли оттуда. Они... ненадолго уехали.

Энди Квам остановился посреди маленькой кухни, которая трудолюбиво гудела, производя все новые и новые запасы еды и питья в соответствии с указаниями Руфа, и сказал твердым тоном:

— Руф, ты что-то скрываешь. Почему?

— Ой, не спрашивайте меня, Проповедник! Это... в общем, это моя личная тайна в некотором роде.

Но тут из своей комнаты вышла Молли Залдивар, казавшаяся на удивление отдохнувшей и посвежевшей. Энди не стал продолжать разговор. Примерно полчаса они непринужденно болтали. Молли была такой же дружелюбной и сердечной, как и в далекие дни на Эксионе-4. Руф был рад возможности услужить девушке. Даже Рифник почти развеселился. Огромный космический охотник потребовал окончательного ответа — присоединится ли Квамодиан к его охоте на Блуждающую Звезду или нет. На секунду, в обстановке уютной теплой комнаты, это показалось Энди почти что разумной затеей — он даже вообразил себе азарт долгой погони, жертвы... Но это была лишь фантазия. Это был не лесной зверь, а плазменное создание, чьи возможности для человека были даже не совсем представимы. Охотиться на него — все равно что ставить капкан на сверхновую. Потом Энди как-то вдруг за-

метил, что Молли маскирует ладонью зевок, и тут же сам осознал, насколько устал.

— Давайте немного отдохнем,— предложил он и не успокоился до тех пор, пока все не разошлись по комнатам. Только после этого Квамодиан позволил себе растянуться на кушетке в гостиной. Дверь в комнату Молли была как раз у него в головах. Он готов был вскочить на ноги при малейшем признаке тревоги. Да, последний раз он спал много-много часов и миллионы парсеков тому назад. Когда он закрыл глаза, то почти мгновенно погрузился в мертвый сон.

Где находилась Блуждающая Звезда? Попробуйте определить положение электрона в оболочке атома в данный момент. Точно так же Блуждающая Звезда одновременно находилась и под холмом, и заполняла небеса вокруг, и обитала в теле слиита, неустанно парившего над домом, где спала Молли Залдивар. Она проникала в любое секретное место в радиусе сотен миль, ее зонды тянулись далеко в космическое пространство. Но если ее позиция не имела четко очерченных географических границ, то это вовсе не означало, что она не поддавалась локализации. Например, можно было сказать, что составная часть звезды обитала в теле слиита. Значительная масса ее электронного облака, с другой стороны, сконцентрировалась в скальных породах холма. Кроме того, звездное создание обнаружило и другие игрушки, на которые стоило обратить внимание. Так, для примера, звезда обнаружила старинную машину-манипулятор, которую Клифф использовал при оборудовании пещеры-мастерской. Механизм этой машины представлял для Блуждающей не Бог весть какую загадку, но достаточно любопытную, чтобы заинтересоваться ею. У машины была определенная функция, и звезда потратила несколько мгновений, изучая эту функцию и способы, которыми достигалось ее выполнение. Потом, разгадав принцип действия машины, она несколько секунд испытывала ее, получая то, что можно назвать удовольствием познавания. «Энергию в моторы,— думала она.— Мою энергию. Привести в движение передачи. Вперед! Разгрести мусор!» Металлическими руками машины она подняла первые попавшиеся на пути предметы — желтый цилиндрический баллон с гелием, кусок скрученной арматуры в двести килограммов. Потом с силой отшвырнула их в сторону. Теперь все, что она могла получить приятного от игры, Звезда уже получила, и наступила пора перейти к новому занятию. Робот-инспектор был загадкой посложнее, но зато не таким интересным в игре. Управлять им было не особенно интересно, поскольку его трансфлексионная тяга не слишком отличалась от двигательной системы слиита или того, как передвигалась сама Блуждающая Звезда. Ничего нового здесь не было. Но Звезда понимала, что каким-то образом роботом управляли раньше какие-то очень далекие создания, с которыми он был связан транзитом через гиперпространство, и часть

его до сих пор пыталась реагировать на приходящие сигналы, когда те начинали потрескивать в рецепторах робота. Это раздражало Блуждающую Звезду. Эти призывы со стороны звезды Альмалик были ей не особенно приятны. К этому времени она уже начала обзаводиться эмоциями. И одно чувство в особенности не давало ей покоя — необъяснимое влечение к Молли Залдивар, которое звезда ощущала все сильнее по мере того, как мыслительные матрицы Клиффа Хаука все глубже внедрялись в организацию собственной поведенческой структуры звезды. Странно, но звезда не считала это несообразностью. У нее не было соотвествующих стандартов, чтобы судить о несообразностях или наоборот. Этот процесс просто доставлял ей беспокойство. Но существовала возможность разрешить проблему. Можно было поддаться этому импульсу и посмотреть, что из этого получится. Звезда могла попробовать взять в себя и Молли Залдивар.

— Мол-ли! Мол-ли Зал-ди-вар!

Молли проснулась не сразу, сантиметр за сантиметром выплывая из глубокого сна. Хотя она и спала, но часть сознания не забывала ни на секунду, что, проснувшись, она окажется лицом к лицу с нежеланным результатом объективной реальности. Смерть Клиффа, рождение Блуждающей Звезды, ужасная опасность, которую выпустил на свободу любимый ею человек и которая теперь грозила всей Вселенной...

— Мол-ли...

Кто-то звал ее по имени. Она с неохотой открыла глаза и посмотрела по сторонам. В комнате никого не было. Все еще было темно, она проспала не больше двух часов.

— Кто это? — прошептала она.

Ответом было молчание. Молли вздрогнула. В этом бесплотном, звучащем во тьме голосе было что-то угрожающее, пугающее и неестественное, он чем-то отличался от обычных человеческих голосов, которые ей приходилось слышать каждый день. Невозможно было выкинуть его из головы и забыть, подобно страшному сну, который наполовину помнится и днем. Он был достаточно реален. Просто невозможно было сейчас снова пытаться уснуть. Молли встала, накинула на плечи халат, который отыскал для нее Руф, и прошлепала к двери. Она приоткрыла ее лишь чуть-чуть. За дверью была гостиная, и на кушетке там спал Энди Квам. Как раз в тот момент, когда она посмотрела на него, Энди заворочался во сне, лицо его исказилось, он пробормотал что-то неразборчивое и снова замер. Глаза его оставались закрытыми. Бедняга Энди, с симпатией и сочувствием подумала она. Потом беззвучно затворила дверь. Если кто-то и звал ее, это явно был не Энди Квам. Она подошла к окну, отодвинула шторы и едва не вскрикнула от ужаса. Слиит! Он парил едва ли не вплотную к окну, отделяемый от нее лишь двойным оконным стеклом. Его трансфлексионное поле бледно мерцало, окутывая его, словно

облако. Огромные пустые глаза слепо смотрели на Молли, на кончиках металлических когтей отражались последние лучи заходящей Луны. Мерцающее поле быстро завибрировало, и слабая вибрация, передававшаяся стеклу, и породила этот потусторонний голос, который она слышала перед этим.

— Мол-ли. Пой-дем. Ты... нуж-на мне...

На мгновение безудержный ужас охватил ее, и она повернулась, чтобы бежать со всех ног, растолкать Энди Квама, молить защитить ее от этого зверя, который звал ее по имени. Но небывалая фантастичность происшествия удержала Молли на месте. Слиит не мог говорить. Об этом не раз и не два говорил Рифник. Он был совершенно неразумен. И имени Молли он не мог знать. И это было вне способности Молли — осознать это как реальный факт. К тому же слиит больше не был животным как таковым, подчинявшимся лишь собственным инстинктам. Теперь он был пленником существа, порожденного Клиффом Хауком, которое погубило потом своего создателя. Она открыла одну раму. Почему — она и сама этого не знала. Очевидно, если зверь собирался напасть на нее, смехотворная преграда в виде стекла ни в коем случае не остановила бы его.

— Что... ты хочешь? — прошептала Молли.

Но бестия лишь повторяла опять:

— Мол-ли... пой-дем...

Звук, как обнаружила Молли, и это ее очень удивило, издавало само стекло. Каким-то образом существо заставляло его вибрировать с такой частотой, что получались членораздельные слова. И это было еще более странно, подумала она, чем если бы у слиита вдруг обнаружились рот и губы, гортань и язык и он по-настоящему заговорил бы с ней. Однако все это приводило в ужас. И даже хуже, чем в ужас. Совершенно неожиданно Молли почувствовала такое отвращение, что едва не вскрикнула, словно от боли.

— Нет! — прошептала она. — Нет! — повторила она и затворила окно.

— Пойдем, — пел слиит или то, что управляло слиитом. Огромная бестия терпеливо пританцовывала в свете своего трансфлексионного поля, ожидая, пока Молли уступит требованию. — Пой-дем, — снова сказал тоненький бесплотный голос. — Молли... пой-дем...

Какое безумие вести разговор с таким существом. И это в совершенно обыкновенной комнате, с помощью совершенно ординарного стекла в оконной раме.

— Нет! — решительно повторила она. — Уходи прочь!

Поняла ли бестия ее слова? Этого Молли не знала. Просто слиит повис в молчании, не спуская с нее своих огромных пустых глаз. Потом медленно и неотвратимо, подобно Джагернауту, слиит выдвинулся вперед. Закрытое окно оказалось для него не более серьезным препятствием, чем ночной воздух. Послышался

почти беззвучный треск, шорох падающего на ковер стекла — и это были единственные звуки, которые услышала Молли, когда слиит метнулся к ней. Огромные, смертельно опасные когти потянулись к ней. Она набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать, попробовать увернуться, убежать, но... Из фосфоресцирующих, блестящих блюдец-глаз слиита сверкнул какой-то убийственный холодный огонь. Это было нечто вроде мгновенного паралича, молниеносной и полной анестезии, удара, который лишает сознания еще до того, как мозг успевает понять, что был нанесен удар. Молли Залдивар, полностью потеряв способность двигаться, опустилась на ковер, оглушенная и беспомощная. Ей казалось, что она падает, падает, падает... Последнее, что она запомнила, это хватающее ее огромные когти. Как странно, мелькнула мысль, мне совсем не больно... В следующее мгновение мир для нее исчез, словно захлопнули крышку входа в подвал.

Квамодиан с трудом проснулся, чувствуя бьющий в глаза свет, вливавшийся в комнату через широко раскрытое окно. Он обнаружил, что лежит на кушетке, покрытой синтетическим вариантом меха какого-то животного, что голова его пульсирует болью и тупо ноет каждый сустав, каждая косточка тела. Он почувствовал себя больным и даже не сразу сообразил, где находится. Потом вспомнил. Загадка солнечных разрядов. Кошмарные существа — Рифник и его слиит. Гибель Клиффа Хаука. Рождение Блуждающей Звезды... Он заставил себя сесть и осмотреться. К валику кушетки кнопкой была прикреплена записка, нацарапанная фоторучкой. Писавший эти строки явно спешил и к тому же не отличался каллиграфическим почерком.

«Проповедник, я не хотел вас будить. Я пошел сообщить родителям Молли Залдивар, что с ней все в порядке. Встретимся там, если захотите.

P. S. Я не стал вас будить, так как мне кажется, вам нужно как следует выспаться. Еда на кухне.

Руф».

Очевидно, все остальные еще спали, судя по могучему скрежещущему храпу, который доносился из комнатки, где помещался Рифник. Из комнаты Молли не слышалось ни звука. Энди Квам заколебался, положив руку на ручку двери. Не было смысла тревожить Молли, и наверняка к двери никто не мог пробраться в то время, когда он здесь спал... Квамодиан покинул коттедж Руфа. Утро было ясное. Очень ясное. Однако, подумал Энди, здесь что-то не так. И через секунду он обнаружил, в чем странность. Все дело в окраске. В небе не было ни облачка, но воздух казался тяжелым и густым, словно перед грозой, когда собираются тяжелые грозовые тучи и на все вокруг ложится тревожный желтоватый отсвет. Прищурившись, он глянул на Солнце и сразу понял

причину. Красный, сердитый, покрытый пятнами диск светила доказывал, что оно все еще не оправилось от того, что возмутило его вчера вечером. Оно не походило на обычное Солнце Земли, тот золотистый диск, вид которого был отражен в тысячах книг и песен. Теперь оно чем-то напоминало Энди змеящееся протуберанцами солнце планеты, где он оставил Клотильду Квай Квич. Прихрамывая, Квамодиан пересек широкую площадь. Небольшая прогулка несколько взбодрила его. Да, вчера выдался трудный денек. И очень беспокойный, подумал он, с нахмуренным лицом вспоминая нерешенные до сих пор проблемы и то, что вытекало из них и с чем предстояло столкнуться. Быть может, новый день прояснит хоть часть из них, подумал Квамодиан, но особой уверенности не испытал. Он стороной обошел церковь Звезды, остановил случайного прохожего и выяснил у того дорогу к дому родителей Молли Залдивар. Путь лежал мимо Центрального муниципального узла поселка, как выяснилось немного спустя, что вполне соответствовало планам Энди. Дополнительная информация ему весьма бы пригодилась — если только он сможет ее раздобыть. Но Центральный муниципальный узел оказался вовсе не тем гибридом библиотеки и ратуши, каковым он ожидал его увидеть. Под ногами Квамодиана чернел странный правильный круг закопченного цемента. Это озадачило — казалось, в сельской идиллии провинциального поселка такому образованию просто не было места. Внезапно послышался записанный на пленку голос автомата:

— Добро пожаловать, дорогие гости. Вы приземлились у исторического памятника Мудрый Ручей. Это часть поселка Мудрый Ручей, каковому реконструкцией придан в точности тот вид, какой он имел в тот день, много-много лет назад, когда нас впервые посетили Посетители.

— Мне не нужна экскурсия по историческим местам,— обратился Энди к пустоте, поскольку вокруг никого не было видно.— Мне нужна кое-какая информация.

Но ответа не последовало. С раздражением Квамодиан понял, что имеет дело с программированным экскурсоводом низшего класса. Это был даже не гомеостат, а запрограммированное на присутствие людей устройство с записанной на пленку лекцией. Он вошел в ворота с массивными створками. И на секунду ему показалось, к полному его ошеломлению, что он вдруг оказался в преисподней. Воздух щипал глаза. Промышленные газы — отходы несовершенного технологического процесса — едва не задушили его. К ним добавился продукт плохо окисляемого минерального топлива. Моргая и щурясь, он различил, наконец, что его окружает мрачного вида круг из кирпичных и деревянных домиков самого отвратительного вида. В дальнем конце улицы виднелась фигура человека. Он смотрел в другую сторону и не двигался. Чувствуя досаду и раздражение, Энди Квам зашагал в его сторону, не обращая внимания на разворачивающийся вокруг не-

го спектакль. Он подошел к приземистому строению из серого бетона, на котором крупными буквами было выведено: ПЛАН ЧЕЛОВЕКА. Из пустоты раздался веселый голос:

— Добро пожаловать, гости! Это здание — часть мемориального комплекса при нашем Центральном Муниципальном узле и представляет собой старинную примитивную «Налоговую контору». В этой конторе каждый гражданин сообщал «Плану Человека» то количество знаков оплаты, которое он получал за свою работу в течение года. После чего вынужден был расстаться с определенной их частью. Здесь же находилась лавка снабжения, в которой он мог обменять оставшуюся часть ценностных знаков на одежду или другие необходимые ему вещи. Тут же находился и призывной пункт, где молодые мужчины и женщины были вынуждены постоянно упражняться в пользовании примитивным, но смертоносным оружием тех времен. Здесь же помещалось отделение главного института тех времен, «Планирующий Офис», где все действия граждан проверялись и доводились до сведения примитивного правительственного аппарата тех прошедших времен!

Энди Квам мрачно проследовал дальше, игнорируя бессмысленное бормотание. Нет, эта выставка насыщена слишком мрачным реализмом, думал он с отвращением. Даже воздух был загрязнен углеводородами, сажей и фотохимикатами, продуктами примитивных двигателей внутреннего сгорания. И человек, к которому он приближался, был очень странно одет — очевидно, в костюм той эпохи! Форменный костюм из плотной ткани, уродливая короткая стрижка, а на шее что-то похожее на массивное металлическое кольцо, явно слишком тугое и тяжелое, чтобы его удобно было носить. Он стоял совершенно неподвижно, повернувшись в сторону входа в здание.

— Простите,— окликнул его Энди Квам,— вы не поможете мне найти дом Джудит Залдивар? — Он тут же оборвал себя, сообразив, что имеет дело лишь с человекоподобным манекеном. Новая запись жизнерадостно объяснила Энди:

— Человекоподобный манекен, дорогие гости, который вы видите перед собой, является точной копией так называемого Опасника. Так назывались самостоятельно действующие мужчины и женщины. Железный воротник, который носил каждый Опасник, содержал внутри себя обезглавливающий заряд, который детонировался Планирующей Машиной при малейшем подозрении в опасных действиях и поступках.

Манекен, масс-детекторы которого засекли присутствие Энди Квама, медленно повернулся и отвесил деревянный поклон.

— Великий Альмалик! — в отчаянии вскричал Энди.— Мне нужна лишь маленькая справка! Как мне найти дом мистера и миссис Залдивар?

Тишина, только ожидающе гудел сигнал-носитель.

— Кто-нибудь слышит меня? — крикнул Энди в отчаянии.

Снова тишина, потом голос с сомнением произнес:

— Гости, вас приглашают к историческому Мемориалу Мудрый Ручей. Историческая выставка была создана и функционирует при поддержке Товарищества Звезды в целях общественного осведомления.

— Я принадлежу к Товариществу сам! Я,— монитор Энди Квамодиан, и я требую, я настаиваю, чтобы вы ответили мне на поставленный простой вопрос!

Снова тишина.

— Мы надеемся, что выставка показалась вам интересной и полезной,— вздохнул записанный голос. Его программа явно не позволяла ему отвечать на вопросы, не имеющие непосредственного отношения к выставке. В гневе Энди Квам повернулся и отправился обратно по собственным следам.

Полчаса и множество бессильных приступов ярости спустя он все же обнаружил Хуана Залдивара, который был занят наладкой какой-то сельскохозяйственной машины в зеленом кожухе, стоящей на краю поля. Симпатичный, атлет, свободный теперь от гипноза в церкви Звезды, приветствовал Квамодиана блеском зубов в ослепительной улыбке.

— Меня беспокоит Молли,— начал Квамодиан.

— И меня тоже,— быстро кивнул Залдивар.— Она стоит на опасном и порочном пути. Но Альмалик запрещает принуждать других вступать на путь спасения. Она должна решить за себя сама и принять Посетителей...

— Нет, я не об этом!— воскликнул Энди Квам.— Вы понимаете, что ее едва не убило создание, я думаю, что это новорожденная Блуждающая Звезда?!

Вид у Хуана Залдивара был неподдельно потрясенный.

— Какой ужас!— воскликнул он.— Нужно немедленно что-то предпринять. Вы должны сказать ей, что ее единственная защита — Альмалик. Она не должна откладывать присоединение ни на минуту.

— Нет, нет,— простонал Энди.— Послушайте меня, Залдивар! Это дело теперь касается не только Молли, но и всего Товарищества Звезды, даже всей Вселенной, так как ей грозит опасность. Вы понимаете, что такое Блуждающая Звезда? Посмотрите на Солнце!

Квамодиан махнул рукой в направлении высоко поднявшегося над горизонтом распухшего светила. Хотя солнце и стояло высоко, вокруг царили предгрозовые сумерки. Залдивар глянул на Солнце, прищурив глаза, с выражением легкой заинтересованности.

— Любопытно,— согласился он, кивая.

— Любопытно? Да это опасно, смертельно опасно!

— Кому грозит опасность? Молли?— с вежливым интересом спросил Залдивар.— Я не совсем улавливаю вашу мысль, монитор Квамодиан. Если вы хотите сказать, что Молли грозит беда,

я с вами согласен. И вам тоже. И всем, кто не принял Звезды, что знаменуется принятием Посетителей в тело.

Энди Квам глубоко вздохнул и постарался сдержать себя. Мир Альмалика, напомнил он себе, это великий дар для человечества. К сожалению, те, кто принял его — конечно, благословенны превыше всех остальных людей здоровьем, радостью, звездоданным миром — иногда оказываются трудными на подъем, с ними нелегко иметь дело. Вот почему прочие люди, такие, как он сам, мониторы и добровольные агенты Звезды, не могли принять Посетителей. Он уже должен был со всем этим смириться и воспринимать спокойно... Он сказал, стараясь сдерживать растущую внутри бурю:

— Хуан Залдивар, я прошу вас во имя Альмалика оказать мне услугу. Поскольку вы находитесь в контакте с разумной Звездой через Посетителей, я хочу, чтобы вы передали ей предупреждение относительно рождения Блуждающей Звезды.

— Я уже сделал это,— доброжелательно сообщил Хуан.— Альмалик знает все, что знаю я.

— Прекрасно,— вздохнул Энди. Он почувствовал некоторое облегчение и испытал известную робость, вообразив на мгновение всю мудрость и мощь многосоставного гражданина Вселенной по имени Лебедь, все те разумы бесчисленных солнц, роботов и людей, связанных в единый разум посредством фузоритов-Посетителей.

— Теперь,— сказал он,— вы должны помочь мне найти ответ на одну загадку. Я хотел бы знать, почему вчера ударили разряды. Ответственен ли за это Альмалик?

Залдивар снова, прищурясь, посмотрел на Солнце, а потом с серьезным видом тряхнул головой.

— Нет,— ответил он торжественно.— Это была акция насилия. Насколько нам известно, было уничтожено определенное оборудование и погиб по крайней мере один человек. Альмалик против насилия, поэтому он явно не ответственен за эту акцию.

— Виновата ли в таком случае Блуждающая Звезда?— спросил Квамодиан, пристально глядя на Хуана Залдивара.

— Это нас не интересует, монитор Квамодиан,— безмятежно глядя в пространство, ответствовал Хуан.— Мы не станем сопротивляться.

— Но вам грозит опасность! Даже разумным звездам. Ведь родственное им, но враждебное существо вот-вот вырвется на свободу в Галактику!

— Мы не окажем сопротивления,— повторил Хуан.— Совершая насилие, мы бы разрушили самих себя.— И, тихо пробормотав извинение, он снова принялся настраивать свою машинку.

В записке Руфа говорилось, что он будет находиться в доме Залдиваров, но мальчика нигде не было видно. Дверь в жилище стояла открытой, но на звонок Энди никто не отозвался. Откуда-

то сверху слышались воркующие, безмятежные музыкальные звуки. Квамодиан пошел на звуки, и двери сами открывались перед ним. Геомеостатический дом-автомат приветствовал его, а движущаяся лестница-подъемник доставила на крышу дома. Там сидела Дейдра Залдивар, наигрывая на музыкальном инструменте, превращавшем ее эмоции в музыкально-модулированные звуки, цветные объемные формы, ароматные запахи. Она с улыбкой приветствовала его. Такая же молодая, как Молли, с красотой, не нарушавшейся звездочкой на щеке, она была всецело поглощена своим занятием и не хотела, чтобы ее от него отрывали.

— Руф? О, да, монитор Квамодиан, я его знаю. Но мальчика здесь нет.

— Очень странно, миссис Залдивар.— Энди Квам нахмурился.— Он сказал, что встретит меня здесь. А вам он ничего не говорил?

Дейдра Залдивар рассеянно перебирала пальцами струны, издавая вибрирующие звуки, наблюдая, как растет розоватая светящаяся полусфера, превращается в розовую, потом в красную, потом темнеет и становится невидимой.

— Да нет же, монитор Квамодиан! Мы ничего не знаем о Руфе. Это действительно так.

Она вопросительно глянула мимо Энди. Тот растерянно оглянулся и увидел перед собой блестящий черный корпус робота, подобно гигантскому яйцу покачивающийся в трансфлексионном поле над клумбой роз.

— Инспектор?..— неуверенно спросил он.— Я... я не заметил вас.

Пульсирующий плазменный овал робота ярко замерцал.

— Я не Инспектор,— пропел робот своим обычным сладким голосом.— Это моя часть больше не функционирует.

— Как? Почему не функционирует?

— Она отсоединена, монитор Квамодиан,— безмятежно пропел робот.— Тем не менее я как заместитель инспектора имею доступ ко всему объему его памяти вплоть до момента отсоединения, поэтому с точки зрения практических соображений вы можете считать нас адекватными единицами. Вам необходимы мои услуги?

— Нет,— сказал Энди Квам.— То есть... Да, думаю, что нужны. Но сначала я хотел бы поговорить с миссис Залдивар. Молли пережила сильное потрясение, но сейчас она отдыхает в полном покое. Я думаю, что она скоро поправится, но ей... грозит опасность.

У Дейдры Залдивар был вежливо-озабоченный вид.

— Очень жалко,— сказала она с сожалением.— Она такая милая девчушка.— Но,— она пожала плечами, улыбаясь роботу-инспектору,— она ведь не член Товарищества Звезды. Как и все неприсоединившиеся, она подвержена опасностям индивидуального существования.

Она повернулась к панели своего инструмента и, быстро пробежав по клавишам красивыми тонкими пальцами, выстроила завораживающую башню из цвета, света и запаха.

— Когда Молли примет Посетителей, монитор Квамодиан,— сказала она, наблюдая, как плывет в воздухе ее композиция,— все станет прекрасно. В Товарищенстве Звезды все всегда прекрасно.

Энди Квам ощущал, как снова растет груз давящего на него отчаяния. Словно независимые от его воли, сжимались зубы, углублялись морщины на лбу. Он повернулся к роботу и резко выпалил:

— Послушайте, вы можете объяснить, что происходит с Солнцем? Мне необходима информация.

— В каком именно отношении происходит, монитор Квамодиан?— вежливо пропел робот.

— В отношении внешнего вида. Взгляните на него! И еще вчерашние плазменные разряды... Что происходит?

— У нас нет сведений по этому вопросу,— с сожалением ответил робот.

— Верно ли, что многосоставной гражданин Лебедь не имеет к этому никакого отношения?

— Совершенно верно, монитор Квамодиан,— заверил его робот, и в его высоком голосе прозвучало неодобрение такого вопроса.— Альмалик сообщает нам, что этот факт был уже доведен до его сведения гражданином Хуаном Залдиваром. Вы должны знать, что гражданин Лебедь никогда не допустит насилия со своей стороны.

— Хорошо, но как быть с Солнцем? Может...— Мысль, внезапно взорвавшаяся в мозгу Квамодиана, заставила его поперхнуться.— Может, интеллект Блуждающей Звезды переместился в Солнце?

— Звезда Солнце,— ответил робот,— не является членом гражданина Лебедь и никогда не входила в другие ассоциации цивилизованной Вселенной. Другой информации о ее интеллектуальном статусе мы не имеем.

— Но его ненормальное поведение угрожает всем жителям на планете,— запротестовал Квамодиан.— Один человек уже погиб. Я опасаюсь, что угроза может перекинуться и на звезды, составляющие Лебедь.

— Альмалик осведомлен об этом,— промурлыкал робот.— Мыслящие звезды спокойны.

— Зато я встревожен!— рявкнул Энди.— Я требую вашей помощи!

Робот подплыл поближе, его плазменный овал ярко засветился.

— Это ваше право, монитор Квамодиан,— сладким голосом согласился он.— Я подчиняюсь до тех пор, пока нет прямого противоречия с законами и указаниями Альмалика.

— Отлично,— процедил Энди Квам.— Начните с того, что

дайте Альмалику знать о моей встревоженности этой проблемой. Подчеркните, что, по моему мнению, срочно необходимо предпринять определенные меры.

— Какие именно? — с готовностью уточнил робот.

Квамодиан был готов к этому вопросу.

— Попросите Альмалика пересмотреть мои рапорты по делу Сола Скотта и Блуждающей Звезды Клиффа Хаука,— выстрелил он.— Поторопите Альмалика войти в контакт с Клотильдой Квай Квич. Попросите его предложить варианты других действий.

— Но он уже сделал это,— пропел голос робота.— У нас нет никакой новой информации о мониторе Клотильде Квай Квич, и никакие новые действия нам не предложены.

Квамодиан уставился на робота свирепым взглядом. Он едва не сказал нечто такое, что стоило бы ему вечного раскаяния, нечто такое, чего ему никогда не удавалось сказать. Не удалось и на этот раз. Откуда-то снизу послышался тонкий пронзительный крик. Кричавший называл его имя.

— Проповедник! Вы там?

Квамодиан одним прыжком оказался у поручня скользящей лестницы и посмотрел вниз.

— Это ты, Руф? — крикнул он.

Показался мальчик, лицо его покраснело от слез, и он до сих пор всхлипывал.

— Проповедник! — сквозь слезы крикнул он.— Молли Залдивар! Она пропала!

Квамодиану показалось, что кровь в его жилах обратилась в лед. Время остановилось.

— Пропала? Как?

— Не знаю, Проповедник. Я... думаю, ее унесла эта штука!

Казалось, мир вокруг Энди померк. Голос мальчика растаял, словно дым, оставив лишь тонкий завиток ужаса. Квамодиан вздрогнул, потом постарался взять себя в руки, успокоиться и рассуждать логично. Но сейчас это было выше его сил. Нужно было не думать, а действовать. Он ухватился за поручень и помчался вниз по скользкой ленте лестницы, не ожидая, пока ее детекторы обратят на него внимание и дадут ленте обратный ход. Из-за его спины загремел, вызывая боль в ушных раковинах, усиленный голос робота, подобный грому величественного органа:

— Монитор Квамодиан! Подождите! Я должен выяснить ваши намерения!

Квамодиан остановился и, попытавшись взять себя в руки, наполовину обернулся.

— Намерения? — повторил он.— Я намерен вернуть Молли Залдивар.

— Каким способом, монитор Квамодиан? — загремел робот.

— Каким способом?..— Энди замолчал, потом вдруг осознал, что все время ответ был у него под носом.— С помощью Рифника! — воскликнул он.— Мы выследим это создание и уничтожим!

Робот протрубил, несколько уменьшив громкость, но все равно вызывая боль в ушах:

— Это насилие, монитор Квадомиан. Вы намерены совершить насилие. Товарищи Звезды не могут соучаствовать в подобной акции.

— А я могу! — крикнул Энди Квам. — Наша организация существует именно для таких целей. Мы можем делать то, что граждане многосоставного гражданина Лебедь не смогли бы сделать ни при каких обстоятельствах.

Черное яйцо робота быстро подплыло ближе к нему.

— В прошлом, — пропел он, — это так и было. Но, как стало известно, некоторые компаньоны Альмалика в Товариществе, прикрываясь его именем, совершали акты бессмысленного насилия. Это была серьезная ошибка, монитор Квамодиан. Исходя из этого, статус вашей организации был пересмотрен. Хотя за Товариществом и его членами сохранены некоторые права в требовании информации и побуждений к действию, применять насилие им воспрещается.

Ошеломленный Квамодиан отскочил, задев кристаллический орнамент в виде языка пламени. Украшение упало на пол и разлетелось на осколки. Светящийся овал робота выпустил плазменный щупалец, собирая их.

— Этого не может быть! — выдохнул Квамодиан. — Мы... мы должны иметь свободу действий, чтобы защищать вселенских граждан!

— Мы не оказываем сопротивления, — безмятежно промурлыкал робот. — Это основной принцип этики Посетителей. Теперь компаньоны Товарищества не имеют больше права оказывать сопротивление нашим именем.

Энди Квам постоял молча, потом посмотрел вниз, на бледное лицо ждущего мальчика, пнул носком хрустальный осколок, послав его через весь зал, и начал спускаться.

— Монитор Квамодиан! — пел робот. — Монитор Квамодиан, я уведомил вас!

Энди Квам неразборчиво промычал в ответ и продолжал спуск. Робот снова увеличил усиление до оглушающих пределов.

— Монитор Квамодиан! Мы требуем ответа! Каковы ваши намерения?

Энди Квам приостановился ровно настолько, чтобы повернуть голову в сторону робота.

— Я уже сказал! — вызывающе ответил он. — Я уничтожу это чудовище — с вашим разрешением или без оного!

Горячее облако плазмы, образовавшееся в каверне под горой, вырытой еще во времена Плана Человека, успело давно растаять. Чрево инкубатора, в котором родилась Блуждающая Звезда, уже давно остыло, так как его не питала подводимая извне энергия старых энерготруб. Но воздух все еще пах озоном и оплавивши-

мися медными контактами, автономная система освещения моргала, не в силах рассеять густые черные тени. Слиит опустил Молли Залдивар на пол, и теперь над ней повисло облако светящейся электронной плазмы, которое и было новой Блуждающей Звездой. Она отослала слиита — он пугал Молли, и каким-то образом звезда этот страх ощутила. Но девушка всхлипывала, лежа на холодном бетонном полу, и некий инстинкт приказал звезде устроить ее поудобнее. Нужно передвинуть ее в удобное место, думала звезда, перебирая варианты различных способов произвести эту операцию. Несколько пикосекунд спустя ее выбор пал на одну из прошлых игрушек, старую машину-манипулятор, которой всегда пользовался Хаук. Им было так же легко манипулировать, как и старым электромобилем Молли. И Блуждающая Звезда заставила его со скрипом двинуться вдоль ржавых рельсов ко входу в пещеру, где лежала девушка... Хотя в принципе управление манипулятором ничего сложного не представляло, оно все же требовало определенного навыка, которым Блуждающая Звезда не обладала. Машина так медленно реагировала на команды, так медленно тащилась, пробираясь сквозь завалы камня и прочего мусора. Звезда отдыхала, впитывая энергию из воздуха и камня и снова бралась за машину. Девушка встала на четвереньки, расширившимися глазами глядя на приближающуся дымящую и лязгающую машину. Блуждающая Звезда сделала паузу и еще раз попробовала поупражняться в человеческой речи. Используя динамики передатчика манипулятора, она проскрежетала:

— Молли Залдивар. Как мне заставить тебя полюбить меня?

Глаза Молли расширились.

— Монстр! — воскликнула она. — Кто ты?

Блуждающая Звезда с трудом приспособила контуры машины для ответа.

— Я... монстр? Почему ты не любишь меня? Я... я тебя люблю, Молли Залдивар.

И она почувствовала нарастающий страх девушки, очень слабо, издалека, но почувствовала. В отчаянии девушка поднялась на ноги и попыталась спастись бегством. Но звезда легко поймала ее стальными лапами манипуляторов и притащила обратно. Девушка вскрикнула. Звездное существо замерло, размышляя. Трудно было разобраться в процессах, управляющих живой материей. Но зеленое излучение ауры, окружавшее ее, вдруг пронзили красные вспышки, которые для Блуждающей Звезды означали пусть не «боль» — поскольку она не могла соотнести эту часть Клиффа Хаука с чем-то из своего опыта — но какую-то неполадку, и понадобилось некоторое усилие, чтобы понять — неполадка в функционировании данного лучистого конгломерата вызвана силой, с которой манипуляторы машины сжали относительно слабое тельце девушки. Блуждающая Звезда осторожно опустила девушку на пол кабины старого манипулятора и принялась методически анализировать полученные сведения. Это был долгий процесс, по-

требовавший целую микросекунду — материал для дедукции и интерполяции был обширен. Даже собственные поступки для Блуждающей Звезды были не очень ясны, она еще не имела понятия, которое бы обозначалось словом «любовь», хотя она и чувствовала, что именно так лучше всего описать свое влечение к Молли. Она быстро выделила часть своего сознания и ввела его в мозг Молли Залдивар, изучая его, стараясь вычислить, какой был нанесен вред. Повреждения оказались весьма незначительными — пострадало всего несколько сотен клеток органических соединений и совсем небольшая относительно их порция была разрушена. Блуждающая ввела необходимые поправки в расположение тканей, прекратив утечку циркулирующей в организме жидкости, соединила несколько пострадавших сосудов и связок, потом, довольная работой, повысила тонус жизнедеятельности девушки и вновь подсоединила вынесенную часть сознания к основному массиву. Девушка чувствовала, что что-то происходит, но не понимала, что именно, и была близка к истерике. Она села на пол кабины манипулятора, слабо застучала в окна — сквозь окружавшее кабину свечение вновь ослепительно засверкал золотой ужас, и снова с ней попытался заговорить слиит:

— Почему ты сопротивляешься, Молли? — послышался потусторонний голос. — Почему ты не любишь меня?

Молли поднялась и рухнула на сидение кабины, хрипло и отрывисто захохотав.

— Любить? Разве ты можешь любить?

— Да, могу, Молли Залдивар. Почему ты боишься меня?

Она вздрогнула, заставив себя ответить:

— Почему? Потому что ты не имеешь права существовать, монстр! Ты — искусственно созданный интеллект. Трансфлексионная матрица твоего разума была сотворена в плазменном облаке Клиффом Хауком и Рифником...

Когда она упомянула имя Клиффа Хаука, зеленую ауру ее свечения пронзило золотое сияние.

— Я Клифф Хаук, — сказала Блуждающая звезда.

— Ты? — девушка затаила дыхание. Теперь она вся тряслась, наполовину от ужаса, наполовину оттого, что не могла понять происходящего. — Клифф погиб, я сама видела, как он умирал.

— Да, он умер. Но я — та часть Клиффа, которая уцелела. Клифф Хаук — часть меня. И ты должна меня любить.

Девушка, не выдержав, бурно разрыдалась. Немного подумав, Блуждающая Звезда снова проникла в ее мозг, нашла уже знакомые центры и погрузила Молли в сон. Потом она перебрала всю имеющуюся в мозгу информацию относительно поддержания жизнедеятельности масс организованной материи органического характера. Информации, честно говоря, было очень мало. Но некоторые насущные нужды были ясны. Девушке нужно место для отдыха. Ей необходим воздух для внутренних процессов сгорания — звезда тут же побеспокоилась о том, чтобы доставить соответ-

ствующее количество из окружающей атмосферы. Ей понадобится жидкое соединение «аш-два-о», которое тоже легко синтезировать из подручных материалов. Кроме того, ей будут необходимы специальные химикалии для поддержания обмена веществ, химикалии класса, которые звезда понимала под не очень ясным термином «пища». Она решила заняться всеми этими делами немедленно. Сначала открыла дверцы кабины манипулятора. Потом отыскала наполовину оглушенного слиита, парившего над верхушкой холма, вошла в него и вернула животное в туннель. После управления лязгающей старой машиной тело слиита казалось гибким и мощным инструментом. Блуждающая Звезда стрелой метнула его в пасть туннеля, потом вниз по вертикальному стволу. Поворот, и слиит присоединился к машине и девушке. Звезда испытывала упоительную радость, повелевая бесшумной мощью трансфлексионных полей или даже тем страшным излучением, которое она могла исторгнуть из слепых убийственных глаз. Могучими когтями слиита она подняла тело спящей девушки и понеслась вдоль изгиба суживающегося туннеля в глубь горы, все глубже и глубже, пока не отыскала колодец, замеченный ею раньше. Здесь Блуждающая Звезда сделала остановку, зондируя темное дно колодца. Она не обнаружила ничего враждебного, никакой организованной органической материи. Это была, собственно, давно забытая база одного научного учреждения Плана Человека. Блуждающая Звезда понятия не имела, что означает этот термин, и еще меньше была заинтересована узнать об этом. Очень осторожно, прижав Молли к огромному гладкому боку слиита, она спускала животное в темноту, пока, миновав невидимые во тьме стены колодца, оно не оказалось в залитом зеленоватым призрачным светом пространстве. Это было нечто вроде огромной сферы, образовавшейся у основания холма. Когда-то быстро увеличивающийся поток нейтронов пронесся сквозь несколько килограммов делящегося вещества, и произошел ядерный взрыв, расплавив несколько десятков тонн скальных пород, испарив их, образовав огромный пузырь и поддержав его своим давлением достаточно долго, чтобы тот успел обрести форму. Давление упало, расплавленный камень затвердел, и осталась шарообразная пустота в теле холма — пещера. Бледное свечение испускала вся пещера, а в особенности скопление тумана, словно солнце, повисшее в центре пещеры. В облако это уходила металлическая башня, поднимавшаяся со дна пещеры. Башню оплетала ажурная металлическая спираль лестницы, ведущая к огражденной платформе на верхушке башни. Что это за пещера? Что это за башня? Блуждающая Звезда не стала задумываться над этими вопросами. Она заботливо положила Молли Залдивар на дно сферической каверны и позволила ей проснуться. В той степени, в какой нечеловеческое существо плазменного типа способно было испытывать удовольствие, оно было сейчас удовлетворено тем, как оно справилось с задачей. Оно отыскало для непонятно привлекательного

вещественного конгломерата по имени Молли Залдивар такое укрытие, где ей ничто не угрожало со стороны внешнего мира и где сама звезда могла без помех продолжать попытки вступить с Молли в контакт. Температура, давление и химический состав среды, насколько могла судить Блуждающая Звезда, в общем, подходили для живого существа. Конечно, она была еще сравнительно молодым существом, которому не хватало опыта, и даже принимая во внимание те поглощенные мыслительные матрицы, которые составляли все, оставшееся от Клиффа Хаука, в системах самой звезды, она не слишком хорошо разбиралась в химии жизнедеятельности живых конгломератов. С точки зрения Блуждающей Звезды, привлекательным фактором этой пещеры было наличие ионизирующей радиации, исходящей из камня стен пузыря и прежде всего от странного светящегося облака тумана. Для Блуждающей Звезды это был дополнительный источник энергии про запас. Она не подозревала, что для Молли это был смертный приговор. Девушка проснулась со вскриком, огляделась по сторонам, не понимая, где находится, увидела силуэт парящего слиита, попыталась вскочить и убежать. Но бежать было некуда. Она поскользнулась и упала на холодный черный камень, скользкий от текущей воды, и некоторое время лежала неподвижно, всхлипывая. Блуждающая Звезда попыталась создать в воздухе модулируемые колебания, чтобы обратиться к девушке. Это было сделать очень даже непросто. Даже используя поле слиита, заставляя его вибрировать с нужной частотой и амплитудой, насколько это было в ее силах — звезда не имела под рукой подходящей субстанции, которую можно было бы использовать как мембрану. Из металлической башни и шатких ступенек лестницы она смогла выдавить только отвратительный металлический скрежет-вопль, пугающий и ничего не говорящий. На несколько пикосекунд Блуждающая Звезда растерялась. Ее телесное воплощение — слиит — не имело голосовых связок или других механизмов, пригодных для воспроизведения звуковых сигналов. Но вся звезда ведь не умещалась в слиите. Она быстро выпустила плазменный палец-эффектор и прозондировала саму башню. Там она обнаружила целый ряд приборов, таких же новеньких, как и в тот день, когда их установили. Звезда перебрала их один за другим, пока не нашла инструмент с гибкой мембраной. И через нее она обратилась к Молли.

— Молли Залдивар, ты не должна бояться, потому что я люблю тебя.

Невольно вырвавшийся у девушки крик вызвал странное эхо, отразившееся от сферического потолка пещеры. Блуждающая Звезда терпеливо парила в воздухе, ожидая.

Дрожа и скользя на неудобном полу пещеры, девушка поднялась и посмотрела вверх. С большим трудом она прошептала:

— Кто ты?

— Часть меня — Клифф Хаук. Называй меня Клифф.

— Я не могу. Что за чудовище!

— Чудовище? — Звезда проанализировала этот термин. Потом она активировала свой дистанционный громкоговоритель и сказала:

— Я твой любимый, Молли Залдивар.

Лицо девушки странно сморщилось, но на этот раз она удержала себя в руках. Ее улыбка была совершенно холодной, бескровной, жутко выглядевшей в не дающем теней пространстве пещеры.

— Мой любимый,— растерянно протянула она. Потом задумалась ненадолго.— Мне повезло,— смело сказала она.— У какой девушки есть такой могущественный любимый?

Блуждающая Звезда не в состоянии была понять близкое к истерике состояние Молли Залдивар. Она была озадачена тем, что аура вокруг головы девушки не приобретала того нежного розового или жемчужного оттенка, который она хотела бы вызвать. Но звезда слишком мало знала о человеческих существах, чтобы понять действия Молли. В обличье тела слиита она подплыла к поднявшейся на ноги девушке, позволяя той погладить густой мех дрожащими пальцами.

— Если я полюблю тебя,— с дрожью в голосе прошептала Молли,— ты мне поможешь?

Мощные энергетические потоки прогремели сквозь сознание Блуждающей Звезды, могучие и неодолимые. Это было нечто вроде радости, возвышенного состояния духа. Звезда позволила слииту опуститься к ногам Молли.

— Я сделаю для тебя все,— поклялась она через маленький громкоговоритель.

Девушка вся трепетала, но не стала сопротивляться, когда огромные когти прижали ее тело к мягкому меху. Блуждающая Звезда почувствовала ее ужас и попыталась подбодрить девушку.

— Здесь мы в безопасности, Молли. Здесь нам не страшны никакие враги.

Но страх девушки почему-то не уменьшался.

— Я упала в воду,— прошептала она.— Я промокла, мне холодно.

Блуждающая Звезда увеличила температуру тела слиита, сделала его теплым. Но девушка все равно продолжала дрожать от страха.

— Я человек,— прошептала она.— Мне нужна пища, вода. Я должна есть, или я умру.

Перегруженный громкоговоритель проскрежетал сверху:

— Я принесу тебе еды, Молли Залдивар. И принесу все, что тебе необходимо. Но ты должна оставаться здесь, где мы будем в полной безопасности.

Блуждающая Звезда сделала пещеру более уютной — сжигающим лучом трансфлексионного поля она высушила воду, принесла из башни подушку мягкого сидения, чтобы Молли удобно было отдыхать. Она опустила дрожащую девушку на подушку

и снова проникла в ее сознание, чтобы избавить Молли от парализующего ее ужаса. Почти сразу девушка уснула.

В обличье тела слиита Блуждающая Звезда отправилась в набег. Она покинула колодец, ведущий в сферическую каверну, пронеслась по узким коридорам, вылетела в основной туннель, а оттуда — во тьму ночи. Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы стрелой домчаться до ближайшего человеческого жилища. Она вынырнула из темноты прямо на небольшой коттедж, сплющила небольшое четвероногое, осмелившееся залаять на слиита, пробила стену и завладела ящиком-холодильником с человеческой пищей. Неся небольшой ящик в когтях слиита, она снова вернулась к холму, где остановилась, задумавшись. Молли Залдивар едва не умирала от ужаса. Это-то Блуждающая Звезда была в состоянии понять. Но отчего? Звезда, которая имела общую с другими разумными существами гоморфную черту — заблуждение, уверенность в совершенстве собственной структурной матрицы — не могла поверить, что Молли пугала ее собственная звездная сущность. Нет, несомненно, решила звезда, пугал Молли слиит, воплощение Блуждающей Звезды. По смутным обрывкам сведений, извлеченных из памяти Клиффа Хаука, Звезда поняла, что огромные слепые глаза слиита, его страшные когти — все это способно привести в ужас более слабое существо, чем сам слиит. Звезда решила покинуть облик слиита и появиться перед Молли в ином обличье. Неподалеку от каменной полки у входа в пещеру, на том месте, где бросила его Блуждающая Звезда, лежал корпус робота-инспектора. Звезда вошла в его корпус, включила трансфлексионное поле, подняла робота в воздух и, подхватив холодильник с едой, помчалась вдоль извилистых коридоров к вертикальной шахте, а из нее вынырнула в замораживающий свет холодно опалесцирующего облака в центре камеры-пузыря. Молли не спала. Звезда, облаченная в яйцевидное тело робота, быстро затормозила и повисла вне пределов видимости девушки, покачивая эффекторами ящик-холодильник. Молли не лежала больше на принесенных для нее подушках. Она была внутри ажурной металлической башни, в отчаянии вращая ручки настройки древнего радио. Блуждающая Звезда прислушивалась сквозь рецепторы робота.

— Вызываю монитора Квамодиана! — взахлеб говорила девушка, всхлипывая.— О, пожалуйста, Энди Квам, отвечай!

Звезда знала, что передатчик не работает. Она повисла неподвижно, позволяя девушке выговориться.

— Молли Залдивар вызывает монитора Квамодиана! Энди, пожалуйста, слушай! Я попала в ловушку в пещере. Это создание... Блуждающая Звезда, или как там она называется... держит меня в ловушке. Потому что она говорит... что любит меня. И она не отпускает меня ни за что!

Голова ее поникла, руки все еще не выпускали бесполезных ручек манипуляторов передатчика. Она всхлипнула.

— Пожалуйста, помоги мне! Это ужасное, отвратительное создание... монстр... Я пыталась обмануть его, сделать вид, что испытываю взаимность... чтобы оно отпустило меня! Но ничего не получилось...

Робот, в корпусе которого обитало сознание — небольшая часть Блуждающей Звезды, медленно подплыл к Молли, неся в эффекторах тяжелый холодильник с едой для нее. В сознании Звезды боролись чувства, для которых она еще не имела названия и в которых мало разбиралась. И з м е н а! Г н е в! М е с т ь!

Глубоко посаженные глаза Рифника пылали, словно плазменная панель робота.

— Квамодиан, пришпорь свою лошадку,— ревел он.— Я хочу прибавить это дьявольское создание к своим трофеям!

— Успокойся, Рифник,— раздраженно прошипел Энди.— Твоя коллекция трофеев меня не волнует. Я беспокоюсь только за жизнь Молли Залдивар.

Он склонился над пультом управления флаера. Он и в самом деле пришпорил машину, ведя ее на максимуме скорости, выключив автономные контуры управления и перейдя на ручное. Флаер был довольно жалким оружием в сравнении с существом, которое своей мощью равнялось звездам. Обыкновенный атмосферный флаер, имеющий в своем распоряжении несколько маломощных трансфлексионных лучей. Но это было все, чем располагал Квамодиан. Они стрелой мчались сквозь холодный утренний воздух над дорогой, держа направление на скрытые в глубокой дымке холмы и поднимавшийся за ними горный гребень. Над холмом с пещерой Рифника все еще поднимался в небо тонкий столб дыма. Квамодиан как раз провожал его взглядом, когда вдруг со щелчком ожил приемопередатчик флаера. Некоторое время в динамиках трещало и гудело, но больше ничего слышно не было. Энди Квам раздраженно нахмурился и наклонил голову поближе к диздамику.

— Что там?— гулко проворчал Рифник, сведя свои кустистые брови в одну нить.

— Не знаю,— ответил Энди.— Ничего не слышно.

Действительно, слышен был только гул несущей волны. На секунду Энди подумал, что это Молли его вызывает, и эта мысль сразу же оживила воспоминание о ее огненных волосах, завораживающем овале лица, смеющихся глазах. Но из динамика донесся вовсе не ее голос. Кто-то пытался связаться с Энди. Непонятный голос... медленно, с трудом что-то выговаривающий. Энди вдруг почувствовал зябкую волну тревоги.

— Что это такое?— спросил Рифник.— Квамодиан, что ты делаешь?

— Тихо!— Энди коснулся регулятора настройки, стараясь сделать звук более отчетливым. Это не был тонкий голос робота. И в нем не ощущалось механической четкости транслятора-

автомата. Разнообразные звуки, вырывающиеся из динамика, не относились к универсальному сигналу — коду интергалактического общества. Это был земной язык, английский. Но в этих звуках было что-то жуткое, чудовищно нечеловеческое. Это не было официальным сообщением, а скорее походило на бесконечный монолог, гневный и ортодоксальный. Искажение сигнала не давало возможности разобрать слова. И это наполняло сознание Энди страхом. Немного увеличив высоту, он перевел флаер на сверхзвуковую скорость. Узкая черная лента дороги начала все быстрее разматываться под ними, промелькнули и исчезли ближайшие холмы. Наклонный столб дыма превратился в темную мелькнувшую полоску. Внизу на дороге что-то медленно двигалось. Рифник схватил его за плечо.

— Это же наша машина! — проревел он.— Старый бульдозер, он остался еще от Плана Человека!.. Клифф использовал его... Теперь им должна управлять Блуждающая Звезда! Подбей его, парень!

Квамодиан дернул плечом, сбрасывая с него широченную лапу Рифника, и наклонился, всматриваясь в дорогу под ними. Это была громадная неуклюжая машина, лениво ползущая вперед на смешных старинных гусеницах. Ее раздвоенные на концах, словно вилки, манипуляторы то поднимались, то опускались над окрашенной в оранжевый цвет кабиной.

— Флаер,— приказал Энди,— подбей эту штуку!

Послышался тонкий свист выпущенных ракет, когда флаер послушно дал залп по ползущей машине. Эти посадочные ракеты обычно не использовались как оружие, но могли послужить таковым. Залп прошел мимо машины, выбив ряд лунок в покрытии дороги перед ней.

— Извините, монитор Квамодиан,— грустно сказал флаер.— Я для таких операций не приспособлен.

— Стреляй в гусеницы,— распорядился Квамодиан.— Используй все ракеты, если можно, но останови эту машину.

Бульдозер неукротимо полз вперед сквозь огненный ливень. Квамодиан развернул флаер и прошел над машиной, выпустив новый залп. Бульдозер повело вбок, казалось, машина скользит в луже огня, и Энди увидел, как бешено захлопала порвавшаяся гусеница. Бульдозер остановился. Флаер тут же взял управление на себя и завис над подбитой машиной. Энди Квам и Рифник смотрели вниз. Молчащая и сломанная машина стояла поперек дороги, усеянной лунками от разрывов ракет, несгоревшие остатки которых испускали удушливый дым. Энди Квам повернулся к Рифнику.

— Я остановил его по вашей просьбе,— сказал он сердито.— И не вижу, чего мы этим добились. Что ты теперь скажешь?

— Скажу — вперед и быстрее! — рявкнул Рифник.— Только что ты уничтожил один из инструментов Блуждающей Звезды, но

мы пока не притронулись к самой бестии. Вперед, выкурим ее из норы.

Квамодиан пожал плечами и уже собирался приказать флаеру продолжать полет... Как вдруг завыла сирена. На панели расцвели во всей своей голографической красоте красные аварийные сигналы. Радар-маркер выделил летящий объект, показавшийся из-за леса позади флаера. Объект светился бледным, странного зеленоватого оттенка светом.

— Это космическое существо, называемое слиитом, монитор Квамодиан,— доложил флаер.— Имеются указания, что слиит в данный момент находится под контролем интеллекта, который вы ищете.

Реакция Рифника была более краткой, но более бурной.

— Это моя зверюга! — ухнул он.— Осторожно! Он каждый день ест на завтрак по дюжине таких флаеров!

— Осторожно? — проворчал Квамодиан.— Это пусть ваше создание поостережется! Флаер, ракеты остались?

— Две обоймы, монитор Квамодиан,— доложила машина.

— Прикончи этого зверя!

Ракеты рванули вперед, но странно... заряд не детонировал. Хвосты трассеров погасли, брызнув красными бледными искрами рядом с приближающимся слиитом.

— Слиит погасил их полем,— фыркнул Рифник.— Тебе надо применить что-нибудь посерьезнее.

— Стреляй последнюю обойму,— приказал Энди Квам, а сам шлепнул по выключателю ручного управления наводкой трансфлексионных лучей флаера. Он рванул излучатели и послал вперед бледные смертоносные пальцы лучей, направляя их на слиита, который с каждой секундой становился все больше и больше. Второй залп ракет закончился так же безрезультатно, как и первый. Внезапно флаер подкинуло, так что Энди налетел грудью на пульт.

— Неисправность, монитор Ква-модиан,— заикаясь, доложил флаер.— Энергоснабжение...

Тянувшиеся к слииту лучи побледнели, угасая, а тяговое поле исчезло еще быстрее. Зеленоватое свечение слиита вдруг стало ярче. Сирена попыталась завыть, но испустила лишь серию придушенных покашливаний, что и должно было означать аварийное предупреждение.

— Держись! — крикнул Энди.— Сейчас мы врежем...

И они врезались. И врезались очень сильно, аварийные энергоподушки не сработали. Сила удара заставила обоих мужчин покатиться по кабине, словно двух кукол в пустой скорлупе кокосового ореха. Слиит завис прямо над ними. Вид его приводил в ужас — размерами с крупную лошадь, похожий на кошку с вздувшимися под мягким мехом могучими мышцами... Светящиеся зеленые блюдца-глаза, огромные и холодные, слепо уставились на них...

Рифник поднялся на ноги и хрипло крикнул:

— Он... он может убить нас, Квамодиан! Глаза!

Квамодиану не требовалось предупреждений. Нечто в этих глазах уже запустило ледяные щупальца в его сознание, замораживая волю, пуская ледяной ток по позвоночнику и мускулам. Он напрягся, пытаясь заставить конечности двигаться, потянулся за пистолетом, который держал под сидением, но холод слишком глубоко проник в его нервы. Он коснулся пистолета, почти взял его в руку, но потом рукоятка выскользнула из пальцев, пистолет покатился по полу накренившейся кабины флаера. А слиит висел над ними, не спуская слепых мертвящих глаз, окруженных бледным мерцанием трансфлексионного поля. Огромные слепые глаза вдруг показались не такими огромными, и пронизывающие тело ледяные токи несколько уменьшились. Энди Квам не мог пошевелиться, он уже не был хозяином собственного тела, но, по крайней мере, подумал он, он уже не умирает глупо и бессмысленно. По какой-то причине существо уменьшило поток смертоносного излучения, высушивающего энергозапас флаера и едва не выпившего жизнь из их тел.

— Я знал! — хрипло выдохнул Рифник.— Я знал, что она не сможет убить своего хозяина!

И с невероятным трудом, толчками, этот желтоволосый человек заставил себя встать на ноги, выпрямился, с агонизирующей медлительностью добрался до двери, вывалился наружу и снова заставил себя встать прямо рядом с огромным шелковистым телом космического создания. Уже забытый громкоговоритель передатчика флаера вдруг хрипло затрещал, и послышался голос:

— Уходи, Квамодиан. Я дарю тебе жизнь. Но уходи!

Это был тот же самый голос, который раздавался из динамика перед этим, безжизненный, нечеловеческий, приводящий в страх голос. Энди Квам, истратив последние силы, опустился на сидение. Он увидел, как сомкнулись вокруг Рифника громадные когти зверя, увидел, как космическое существо стремительно поднялось в воздух и, неся Рифника, с фантастической быстротой исчезло в провале между холмами, откуда все еще поднимался тонкий столб дыма. Потом он почувствовал, как флаер слабо закачался, дернулся и медленно, с трудом поднялся в воздух. Квамодиан не отдавал ему приказаний, но направление полета не оставляло сомнений. Поднявшись на несколько сотен футов, он развернулся и направился обратно в поселок. Охота провалилась. Один из охотников оказался в плену у зверя, и со сверхзвуковой скоростью его уносили сейчас к пещере, где испытывало свои новые способности, расширяло свой репертуар эмоций и росло новорожденное существо. Второй же охотник беспомощно возвращался восвояси. И девушка, спасти которую они направлялись, была теперь так же недостижима для Энди Квама, как самая далекая из звезд. Он был уверен в одном — что он потерпел поражение. Он не смог справиться даже с игрушкой Блуждающей Звезды — слиитом. Его воз-

можностей обыкновенного человека было явно недостаточно. И против могучей Блуждающей Звезды как таковой у него вообще не было шансов уцелеть. Слишком неравной была битва.

Блуждающая Звезда в обличье робота-инспектора медленно погружалась в светящийся опаловый туман холодной пещеры-шара в недрах холма. Ящик-холодильник с пищей, который она легко держала в эффекторах трансфлексионного поля, вдруг показался ей слишком тяжелым, и Звезда выпустила его. С грохотом, который прокатился по всей сферообразной каверне, холодильник рухнул на каменный пол, раскололся, разбрасывая все свое содержимое. Грохот испугал Молли Залдивар. Она подняла глаза, лицо ее было искажено и казалось нечеловеческим в призрачном, зеленоватом свете пещеры, она увидела яйцеобразный корпус робота, и ее вскрик нарушил тишину камеры. На миг при виде этого блестящего корпуса, приближающегося к ней, Молли охватила безрассудная надежда — вдруг это знакомый робот-инспектор из церкви Звезды каким-то образом пришел к ней на помощь, возможно, при непосредственной поддержке Энди Квама, который вот-вот и сам появится в пещере. Но эта надежда даже не стерла ужаса, написанного на лице девушки. Она с трудом поднялась, оставив бесполезное радио, и начала спускаться по спиральной лестнице ко дну пещеры-пузыря. Высокий мелодичный голос робота модулировался малоопытной в данном отношении Блуждающей Звездой.

— Молли Залдивар. Почему ты обманываешь меня?

Она не ответила. Последовала пауза. Звезда разбиралась с конфликтующими импульсами внутри девушки.

— Я не причиню тебе вреда,— сказала она протяжно.— Ты не должна бояться... потому что я люблю тебя, Молли Залдивар.

Лицо девушки дернулось, и она подняла руки навстречу парящему роботу.

— Если ты любишь меня, то почему не хочешь отпустить?

— Потому что люблю... я не смогу отпустить тебя никогда.

— Тогда я ненавижу тебя, монстр! — крикнула девушка изо всех сил.

В ее хриплом голосе сквозило отчаяние. Отчаяние также выражала земная аура, окружавшая девушку в глазах Блуждающей Звезды, цвет и узор которой говорили без всяких слов о ярости Молли. Звезда оставила ее стоять на месте, сама колесом закружила тело робота вокруг ажурной башни. Внезапно корпус робота показался Звезде тесным. Она оставила робота безвольно висеть на подушке трансфлексионного поля, а сама снова превратилась в почти невидимое облачко электронной плазмы. Она умостилась на металлических перилах, почти прямо под бледным молочным туманом, висевшим в центре сферической пещеры. Она обратилась к девушке голосом робота:

— Молли Залдивар, я сильна, а ты слаба. Твоя ненависть не причинит мне вреда, правильно?

Молли безвольно качнула головой, совершенно обессилев.

— Но я не причиню вреда тебе, если смогу избежать этого, Молли Залдивар. Мы останемся здесь до тех пор, пока ты меня не полюбишь.

— Тогда я здесь умру,— сказала девушка равнодушно.

Звезда потратила несколько наносекунд на обдумывание этой проблемы. Наконец она сказала:

— Тогда я включу тебя в свое сознание после того, как ты умрешь. И станешь частью меня, подобно Клиффу Хауку.

— Пожалуйста, не надо,— сказала девушка. Сначала ее голос был слаб от усталости, но потом начал набирать силу от гнева.— Ты говоришь, что любишь меня, что бы это для тебя ни значило. Но если это что-то для тебя значит, ты должна меня отпустить.

— Никогда, Молли Залдивар.

— Ты не имеешь права держать меня здесь.

— Имею, Молли Залдивар. Я сильнее тебя.

— Но есть существо еще более могущественное! — крикнула девушка.— Альмалик сильнее тебя! И он отыщет тебя даже здесь, как бы ты ни спряталась!

Блуждающая Звезда поискала в своих матрицах памяти значение слова «Альмалик». Почти нерешительно она спросила:

— Что такое «Альмалик»?

— Альмалик — это ведущая звезда гражданина Лебедь. Он командует миллиардами фузоритов, людей, роботов и звезд. И во множестве своем он тебя разыщет, здесь или в любом ином месте. И даже если бы ты был равен ему по силе, в своем множественном обличье он раздавит тебя своими легионами.

Электронная плазма заволновалась, размышляя, словно поверхность тихого пруда, в которую швырнули камень.

— Я уже встречалась с роботом Альмалика,— сказала она наконец.— И теперь он служит мне.

— Всего один робот! У Альмалика их миллиарды!

Блуждающая Звезда ничего не ответила. Она задумчиво прильнула к металлическому поручню древнего сооружения, изучая девушку. Та явно истощила свой запас энергии — зеленый огонь ауры, огонь ярости постепенно затухал, ожидая ответного хода Блуждающей Звезды. Для Звезды, которая мучительно овладевала тем, что люди называют эмоциями, существо Молли Залдивар было лучшим для этого стимулом, хотя и сбивало с толку. В сознании Звезды имелась достаточная часть первоначального содержания сознания Клиффа Хаука, чтобы придать напряжение и силу ее чувствам к Молли. Она обладала теперь двумя множествами поведенческих прототипов, которые можно было охарактеризовать, в общем, как любовь и как жалость. Блуждающая Звезда полностью отдавала себе отчет в том, что эта девушка существо слабое, маленькое, смертное и испуганное. Она даже

испытала нечто вроде побуждения утешить ее, уменьшить боль и ярость. Но у нее просто не имелось эффекторов, способных справиться с этой задачей. Одновременно звезда понимала, что в некотором смысле девушка составляла для нее угрозу. Притяжение к ней другого человеческого существа, Энди Квамодиана, грозило новым попыткам вмешаться в существующее положение вещей. Блуждающая Звезда полагала, что попытка снова окажется неудачной, но все равно это раздражало ее, и она решила уделить часть внимания управлению своим дистанционным оружием — слиитом и манипулятором, чтобы использовать их как разведчиков против поселка Мудрый Ручей. Но некоторые загадки не поддавались разрешению, как ни старалась раскрыть их Блуждающая Звезда. Ответы на некоторые из них находились далеко от пещеры. Тогда Звезда покинула свой железный насест, оставив пещеру с облаком опалового тумана и дрожащую в страхе девушку. Блуждающая Звезда послала свое сознание во Вселенную. Она ощупала скопление темных холмов над пузырем-пещерой, растянула поле восприятия и охватила им несколько кубических миль пространства. Она наблюдала за гневом и страхом людей, у которых она похитила холодильник с продуктами, изучила спящее существо по имени Энди Квамодиан, определила расположение собственных инструментов — слиита и машины-манипулятора. Потом она потянулась еще дальше. Она тянулась вдаль и вширь, пока не ощутила всю шарообразность планеты Земля, крутившейся в пространстве между каменной голой Луной и распухшим красным Солнцем, которое ударило Блуждающую Звезду в первые минуты ее рождения. Солнце все еще не успокоилось, все еще сердилось, все еще волновалось. Блуждающая Звезда внимательно изучила его, избегая касаться — тройной шлепок плазменных разрядов не причинил ей вреда, но она считала неблагоразумным вызывать новые. Она еще больше расширила по́ле своего восприятия, послав свои щупальца к далеким звездам. Она обнаружила, что это солнца, подобные земному Солнцу — одиночные, двойные, тройные, пылающие в пустоте и в пылевых скоплениях Галактики. Некоторые по размерам уступали замороженной Луне, другие во много раз превосходили массой и размерами злобное Солнце. И даже за самые звезды заглянула Блуждающая Звезда, обнаружив там бездну пустоты и свирепый космический холод. Потом в бесконечных потоках тьмы она обнаружила мерцающие огоньки иных галактик. Ничего ранее не подозревавшая об их существовании, Блуждающая Звезда изучила их число и разнообразие. И слабо, но все же ощутимо чувствовала она и присутствие некоего наблюдателя, близкого ей по духу, но недоступного ее восприятию. Она рванулась к ближайшим звездам. Альмалик. Пришло время проникнуть в сущность этого термина. Найти Альмалик оказалось просто. В памяти плазменного робота-инспектора имелись ясные указания относительно координат Альмалика в пространстве, и Блуждающая Звезда направи-

ла в ту сторону свое внимание. И встретилась с картиной могущества Альмалика, великолепием тринадцати его солнц, превосходивших размерами даже Солнце Земли, пытавшееся уничтожить новорожденную Блуждающую Звезду. Она изучила эти солнца, сосчитав их, измерила их энергию, бурлящую в темноте и пустоте космоса. Шесть великолепных двойных звезд, иерархически организованных в три пары. Одна обычная звезда, но со множеством вращающихся по орбитам планет. В видимом диапазоне эти тринадцать солнц излучали разные цвета, но Блуждающая сразу заметила, что все они имеют некое странное золотистое свечение...

И Альмалик тоже почувствовал мимолетное прикосновение.

— Здравствуй, Малыш!

Это были не слова. Альмалик не разговаривал. Он послал сигнал, который одновременно выражал и приветствие, и снисходительную жалость. Сигнал его был силен, но беззвучен и безмятежен. Блуждающая Звезда спокойно ждала продолжения.

— Малыш, мы следили за тобой.— Беззвучный голос был могуч, как гром, и нежен, как... что? У Блуждающей Звезды имелась лишь одна несовершенная аналогия. Как любовь.— Мы получили сообщение о тебе. Ты разрушила лелеемые нами структуры. Ты уничтожила существа, бывшие частью нас. Малыш, чего же ты хочешь?

Некоторое время Блуждающая Звезда обдумывала вопрос. С трудом она сформулировала ответ:

— Знаний. Опыта.— И после паузы добавила:— Хочу все!

Многочисленные солнца Альмалика засветились спокойным золотом. Это было почти как улыбка. Из-за изгиба земной поверхности, из-за пылевых туч и тысяч звезд пришел ответ.

— Знания ты можешь получить. Задавай вопрос.

— Зачем тебе уничтожать меня?— сразу же спросила Блуждающая Звезда.

Беззвучный голос Альмалика был спокоен, как ночная прохлада, но в нем чувствовалась бездонная уверенность:

— Малыш, мы не сможем уничтожить тебя, как и любое другое разумное существо.

Зеленая вспышка гнева наполнила сознание Блуждающей Звезды. Создавалось противоречие. Утверждение Альмалика противоречило словам Молли Залдивар. Звезда не подозревала о существовании обмана до тех пор, пока Молли Залдивар не сказала, что любит ее, а потом не показала своим поступком, что солгала. Теперь Звезда знала об обмане, но не подозревала о наличии ошибок, присущих всем смертным людям. Противоречие означало ложь, означало вражду. Багровая ненависть заморозила Блуждающую Звезду, внезапная ярость потрясла ее плазменную основу. Она покинула просторы Вселенной, сжалась в глубины светящегося клубка и снова погрузилась в глубины горы, как раз

в тот момент, когда планета начала поворачивать эту часть поверхности к зловещему багровому Солнцу. Великолепие Альмалика исчезло. На некоторое время. Блуждающая Звезда подплыла к Молли Залдивар. Высоким певучим голосом робота она воскликнула:

— Мы уходим отсюда. Альмалик солгал мне. Я его ненавижу!

Изумленная Молли лежала, вздрагивая на подушках сиденья и глядя на Звезду.

— Я ненавижу Альмалик,— сказала Блуждающая Звезда.— Он думает, что я маленькая и беспомощная и он может легко уничтожить меня. Но я расту. Я буду продолжать расти до тех пор, пока не стану могущественней Альмалика.

Казавшееся белым в опаловом свете центрального облака изумленное лицо девушки ничего не выражало. Она равнодушно ждала, что еще скажет Блуждающая Звезда.

— Я уничтожу Альмалик,— сказала Звезда высоким голосом робота.— И тогда ты полюбишь меня, Молли Залдивар, или я уничтожу и тебя.

Энди Квам посадил флаер перед куполом контроля движения рядом со станцией трансфлекса и проскрежетал сквозь сжатые зубы:

— Контроль движения? Соедините меня непосредственно с главным штабом Товарищества Звезды. Альмалик-3.

— Ваши полномочия, сэр? — вежливо поинтересовались из купола.

— Полностью уполномочен. Высшая первоочередность!

— Одну минутку, сэр,— с сомнением сказали в куполе. Однако не отказали Энди. Секунду спустя сообщили:

— Ищу ваш контур сэр. Сейчас мы работаем с опознанием в двести секунд. Вы можете обождать?

— А что мне еще делать,— с мрачным видом проворчал Энди, снова погружаясь в сиденье. Мгновение спустя он спросил самого себя: — Все эти воинственные Блуждающие Звезды и Рифники — разве я привык иметь дело с подобными формами жизни?

Ответа не требовалось. Если для того, чтобы спасти Молли Залдивар, с этим нужно свыкнуться, он свыкнется. В противоположном конце площадки появилась бегущая маленькая фигурка. Подошвы бегущего вздымали фонтанчики пыли, и когда мальчик достиг флаера, он тяжело дышал.

— Проповедник! — выдохнул он широко раскрытым ртом.— Что произошло? Где Молли Залдивар?

— Она еще в пещере,— коротко ответил Энди.— Я так думаю, потому что я ее не видел.

— Тогда... что же вы намерены предпринять?

— Буду ждать.

Но им не пришлось ждать слишком долго. Щелкнул и загудел

громкоговоритель, и голос, явно не принадлежащий человеческому существу, произнес:

— Товарищество Звезды. Говорит главнокомандующий отделом Монитор. Чем могу быть вам полезен?

— Вы можете выслушать меня наилучшим образом,— воинственно начал Энди Квам.— Пришлите сюда аварийную исследовательскую бригаду, и на двойной скорости! Говорит монитор Энди Квамодиан. Я прошу... нет, я требую принять неотложные меры!

Высокий сладкий голос сказал с некоторой печалью:

— А, это вы, монитор Квамодиан. Мы уже приняли во внимание ваши доклады и действия.

— Ха,— рявкнул Энди.— Еще бы! В чьем рапорте было сказано, что на свободу вырвался искусственный разум в форме Блуждающей Звезды? Что я потребовал у местных властей применить силу? Я отметил также, что некоторые люди и многоморфные существа пострадали в результате преступного эксперимента. Они были убиты, разрушены или напуганы. И вы проигнорировали все это.

— К сожалению, монитор Квамодиан, мы не видели причин к действию.

— Думаете, я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, монитор. Просто мы гораздо ниже оцениваем количественную необходимость действий.

— Понятно,— фыркнул Энди.— Тогда взгляните на дело с другой стороны. Я докладываю, что монитор Товарищества Звезды страдает параноидальным психозом. Он уверен, что на него и его друзей напали чудовища. В своем безумии он способен на насильственные акты. И это неизбежно повлечет дискредитацию всех мониторов Товарищества Звезды. Какую количественную оценку необходимо принять перед этой угрозой и какие превентивные меры вы примете теперь?

— Что... что вы, монитор Квамодиан! Это все просто ужасно! Мы немедленно высылаем аварийную бригаду. Кто этот пострадавший психический монитор?

— Я! — отрезал Энди и отключился.

Они оставили флаер посреди площади перед воротами входа в станцию трансфлекса. Флаер тихо ворчал.

— Какая глупость, они выставят вас из мониторов, как пить дать. Что тогда буду делать я? Возить каких-нибудь?

Дом мальчика был всего в нескольких минутах ходьбы. Энди принял душ, поел, жадно выпил густого молока, которым угостила его кухонная машина. Он решил собраться с силами и мыслями перед прибытием аварийной команды.

— Еще долго, Проповедник? — нетерпеливо спросил мальчик.— Они скоро будут здесь?

Квамодиан сделал приближенный расчет.

— Двадцать минут на обдумывание. Полчаса на сбор брига-

ды. Десять минут на утверждение транспортной первоочередности... и несколько секунд на Транзит. Через час, я думаю, они будут здесь.

— Ух! Значит, осталось десять минут. Нет, подумать только, каких-то десять минут, и я увижу всех этих трехголовых созданий, жуков с зелеными панцирями и...

— Делать замечания по поводу особенностных различий граждан Вселенной у нас не принято,— твердо напомнил ему Энди Квам.— Разве тебя этому не учили твои родители?

— Гм, да, учили,— признался мальчик.

— Кстати,— вспомнил Энди,— а где они, твои родители? Разве они не дома?

Мальчик переступил с ноги на ногу.

— Конечно, дома. Просто они... э-э-э... заняты.

— Руф, брось всю эту шушеру. Ты что-то скрываешь. Не могу понять, что именно и почему. Давай рассказывай.

— Проповедник, все это чепуха. Все дело в том,— он встревоженно посмотрел на Энди Квама. Энди ответил настойчивым взглядом.— Ну, понимаете,— сказал мальчик,— они просто вели себя немного странно. Они улетели на флаере в Нью-Йорк!

— Нью-Йорк! Да это две тысячи миль!

— Немного больше, Проповедник. Я так думаю, что только в один конец у них уйдет дня два.

— Но почему?

— Вот это и странно, Проповедник. То есть... с родителями у меня все в порядке, Проповедник. Они нормальные, совершенно. Просто они говорили то же, что говорите и вы. Насчет интеллекта на свободе, и что робот-инспектор их не слушает, и что у них нет прямого контакта с Альмаликом. Как у вас. Поэтому они решили лучше слетать в Нью-Йорк и доложить там об этом. Возможно, тамошние власти разберутся лучше.

Квамодиан был настороже.

— И все-таки, ты что-то скрываешь,— обвинил он Руфа.— Почему ты так стыдился рассказывать о родителях? Ведь Звезда действительно существует, правильно?

— Конечно, Проповедник. Только...

— Только что?

Мальчик вспыхнул.

— Просто они заговорили о ней два дня назад. Когда улетели.

— Но этого не может быть,— сказал Квамодиан.— Тогда она еще не была создана. А, я понял!

Мальчик кивнул с несчастным видом.

— Да, вот это меня слегка пугает, Проповедник. Они думали, что звезда уже существует, а на самом деле ее еще и в помине не было.

Они подошли к кубу трансфлекса, имея в запасе несколько минут, но бригада прибыла раньше времени. Они явно не теряли времени зря. Купол контроля приказал через радио флаера:

— Всем в сторону! Дайте дорогу прибывшим с Альмалика-3!

— Ух ты! — выдохнул мальчик. Его глаза напоминали сейчас кольцо Сатурна, и все волнения о родителях временно вылетели у него из головы.

— Где же они, Проповедник? Они же должны выйти?

Из куба станции вылетела полудюжина маленьких зеленых пружинок. Они вращались по орбитам друг возле друга, приближаясь к мальчику и Квамодиану, издавая высокочастотный свист.

— Что это? — потребовал ответа напряженный Руф.

— Пялиться невежливо, Руф, — напомнил Квамодиан. — Я сейчас не могу припомнить название... Какой-то многочленный гражданин.

— А там! О, у-ух ты! Поглядите-ка вон на того!

— Не волнуйся, все это вселенские граждане.

Но даже Квамодиан невольно задержал дыхание, когда из пенистого, почти прозрачного розового пузыря показались узкие, как щели, глазницы и похожие на акульи зубы гражданина явно плотоядного и хищного происхождения. Остальная часть членов прибывшей бригады оказалась не лучше. Один прыгал на чрезмерно мощных когтистых лапах, словно кенгуру, и имел две верхние лапы, которые казались совершенно бескостными, словно хобот слона. Каждый «хобот» заканчивался ярко-голубым манипулятором — почти дубликатом рыла крота. Но четвертый член бригады, который шагал сейчас навстречу Энди, был настолько человеком, что Энди вытаращил глаза. На нем было одеяние изысканного галактогражданина, лицо изукрашено косметикой почти до неузнаваемости, темные волосы вздымались надушенной ароматической башней. Но перемените ей одежду и грим, подумал Квамодиан, наденьте на нее простое платье Молли вместо сверкающих обтягивающих брюк, пушистого корсажа и наплечников, избавьте ее кожу от нарисованных бриллиантов, соскребите с лица нарисованные двухдюймовые лохматые брови, ярко-голубые тоновые тени у глаз, румяна на щеках, и она будет совершеннейшим дубликатом Молли Залдивар. Она широким шагом приближалась к Энди Квамодиану — и вдруг замерла на месте. Ее оттененные голубым глаза широко раскрылись, словно у испуганной куклы. По краям, где кожу не слишком густо покрывала косметика, показался настоящий румянец. Яркие губы раскрылись, словно она хотела выдохнуть в изумлении: «Энди!», но не произнесла ни звука. Постепенно видимые участки кожи приобрели белоснежный цвет. Наконец она качнула высокой башней-прической и подошла к Энди Кваму.

— Монитор Квамодиан, — на едва уловимую долю секунды голос ее заметно дрогнул. — Или вы в самом деле не узнаете меня... Я страшный монитор Клотильда Квай Квич. Возможно, вам интересно было бы узнать, что мне и моим подчиненным удалось вернуться в штаб-квартиру Товарищества, где мы начали новый анализ наших данных по Блуждающим Звездам.

Энди Квам проглотил собравшийся в горле комок, потер ладонь о куртку и протянул руку для пожатия.

— Я очень рад, что вам удалось вырваться,— пробормотал он.— Я пытался выяснить, что случилось с вами, но никто не мог мне объяснить.

— Чепуха. Перейдем к делу,— резко сказала Клотильда.— Пожалуйста, говорите кратко и с сознанием ответственности. Ваши идиотские действия на этой планете вынудили нас оставить более интересную работу в штаб-квартире. Мне дано задание разобраться с тем, что вы здесь накрутили. И, черт побери, что вы намерены делать теперь?

Квамодиан ощетинился, обороняясь:

— Я не вмешиваюсь в...

— Инспекторы по безопасности движения считают иначе,— резко перебила его Клотильда.— Если вам нужно объяснить на пальцах, то извольте: Блуждающая Звезда, с которой вступил в контакт Клифф Хаук, пыталась не допустить вашего вмешательства в судьбу новорожденной Блуждающей Звезды. Вот почему она послала Соло Скотта перехватить вас и не пустить на Землю. Вот почему она посадила вас в ловушку на собственной планете. Инспекторы предупреждают, что она будет предпринимать очередные акции, если вы не прекратите.

Она не дала ему времени поинтересоваться, каковы будут эти дополнительные акции.

— У меня и этих галактограждан мало лишнего времени. Мы хотели бы использовать наше пребывание здесь с максимальной эффективностью. Считаю, что лучше всего начать с визуального осмотра места происшествия. Совершенно нелепого и ненужного, вызванного лишь вашей глупостью.

— Но я не имею отношения к тому, что произошло здесь!— Энди Квам вспыхнул и опустил руку, которую ему так и не пожали.— Да я даже не смог выбраться из города...

— Не будем терять время.— Она не обратила внимания на слабый протест Энди Квама.— Мои товарищи могут передвигаться самостоятельно, но мне необходима какая-нибудь машина.

— Да, конечно.— Он беспомощно пожал плечами.— Вот вам мой флаер.

Не сказав больше ни слова, старший монитор Клотильда Квай Квич важно прошествовала мимо Энди и залезла в кабину флаера. Словно громом пораженный, Энди полез за ней. Мальчик поймал его за руку.

— Слушай, Проповедник!— прошептал он.— Что это на вас нашло?

— Не знаю.— Энди грустно покачал головой.— Я просто не знаю.

Секунду спустя он вслед за девушкой опустился на сиденье флаера.

Теперь Блуждающая Звезда значительно выросла, стала сильнее и умнее. Она чувствовала себя в поле тревожного наблюдения и заботы далекого наблюдателя, но не требовала помощи или защиты. Для глаз отчаявшейся Молли Залдивар она не слишком изменилась, потому что в лучшем случае представляла для девушки облако будущей электронной плазмы, контролирующей бурю заряженных частиц, которая мгновенно убила бы Молли, если бы энергия самой Блуждающей Звезды не привязывала ее компоненты к центральной части. Но звездное создание ело и росло. Оно ассимилировало нейтронные реакции Клиффа Хаука, робота и слиита и еще сотен живых организмов, поглощенных ею. До полной зрелости ей, конечно, было еще очень далеко. Просто она стала более взрослой в размерах, возможностях, знаниях. Но до зрелого понимания самой себя этому существу было еще весьма далеко. Молли сохраняла полное молчание, видя, как огненный вихрь призвал к себе слиита и вошел в черное ужасное тело космического хищника. Слиит спикировал на Молли и подхватил ее совершенно безболезненно, но весьма решительно и хладнокровно в свои жуткие когти, острые как бритва, грани которых теперь были прикрыты бронированными чехлами-ножнами. Он поднялся в воздух, пронзил светящийся туманный овал в центре сферической каверны и принялся кружить по извилистым коридорам, выбираясь на поверхность. Молли не двигалась. Она уже была не в состоянии ни волноваться, ни испытывать страх. Она была полностью пассивна. Она не стала бы сражаться даже в том случае, если бы знала, насколько близка к смерти из-за гибельного излучения опалесцирующего облака. Но она этого не знала. Ее ауру, по которой Блуждающая Звезда судила о состоянии сознания Молли, не разнообразили даже оттенки эмоций. Ни зеленого сияния ненависти, ни фиолетового или голубизны страха. Ни искры любви. Эмоции покинули Молли, оставив темноту ожидания. Оберегая Молли в пузыре воздуха, увлекаемого трансфлексионным полем слиита, Блуждающая Звезда покинула земной шар. Они продрались сквозь густой слой солнечной атмосферы — такой тонкий на расстоянии одной астрономической единицы, что приборы людей едва способны были зарегистрировать наличие этих газов, но весьма ощутимый при скоростях, которые мог развивать слиит при поддержке Звезды. Несмотря на это, всего несколько секунд спустя они миновали газовых гигантов — Юпитер и Сатурн — и межпланетное пространство стало почти пустым. Блуждающая Звезда пришпорила слиита. Казалось, само время остановилось. Теперь Блуждающая Звезда управляла не физической энергией. Это были трансфлексионные поля слиита и ее самой. Неимоверными прыжками устремились они сквозь складки пространства и световых лучей, сквозь жгучий мороз, сквозь головокружительные бездны. Они неслись к золотым солнцам Альмалика. И прибыли на место. Тихий могучий голос выдохнул в ухо Молли Залдивар.

— Смотри же! — почти беззвучно выдохнула Звезда.— Я начала уничтожать Альмалик!

— Это тебе не по силам,— отозвалась Молли угрюмо.

— Смотри! — снова послышался крик и затих.

Теперь Блуждающая Звезда заставляла вибрировать сами молекулы воздуха, производя слышимые для девушки звуки. Громкость такой речи была невелика, но в замкнутом атмосферном пузыре, когда она не могла оторвать глаз от двенадцати сверкающих звезд и одного, тринадцатого, почти ослепительного Альмалика, посреди полнейшего безмолвия космического пространства, звук этот показался ей оглушительным, потому что не было других звуков, способных перекрыть этот, не считая биения сердца девушки, ее дыхания и слабых, бессмысленных вздохов слиита.

— Я начинаю,— послышался шепчущий вопль, и, подобно коршуну, падающему на жертву, Блуждающая Звезда взяла курс к ближайшей планете.

Это была небольшая планета, уступающая по размерам Плутону и еще более удаленная от своего светила. Горизонт казался странно округленным, а поверхность была покрыта шарами замерзших газов. С помощью энергии, черпаемой из своих бесконечных резервов, Блуждающая Звезда овладела планетой, вошла в нее, стала ею. Она снова выросла. Жадно и мгновенно поглощала она новые атомы, всасывала электроны в свои расширяющиеся матрицы, пила добавочную энергию из ледяного камня. Она протянула в окружающее пространство исследовательские зонды-щупальца, обнаружила крутящуюся вокруг планеты маленькую луну. А еще дальше — металлическую структуру с органическими массами организованного вещества внутри. Блуждающая Звезда не догадывалась, что это космический корабль. Но ей до этого не было дела. Она сразу же с огромной силой притянула к себе корабль, и он рухнул на лед маленькой планеты, оставив после себя огромную воронку. Со слиитом она обошлась более аккуратно, но все же недостаточно ловко. Существо ударилось о шпиль окаменевших гидратов, беззвучно завопило и обмякло. И с исчезнувшим полем слиита сразу испарилась в пустоту воздушная оболочка. Молли Залдивар лежала, открытая убийственному вакууму пространства. В течение нескольких наносекунд Блуждающая Звезда раздумывала, что же она натворила. И, насколько это было для нее возможно, она встревожилась. Наконец она протянула один из своих зондов к погребенной под слоем замерзших газов каменной полке и затрясла ее, создавая звуковые биения-вибрации.

— Молли Залдивар! — загрохотала планета.— Что с тобой случилось?

Девушка не ответила. Свернувшись, она лежала на кристаллическом снегу планеты — на собственном теперь снегу Блуждающей Звезды — рядом со скорчившимся черным телом слиита. Она

не дышала — ей нечем было больше дышать. Темная кровь закипела и замерзла на ее лице.

— Молли Залдивар! — застонала скальная порода планеты.— Ответь!

Но не было ответа. Блуждающая Звезда оценила свои возросшие силы, оценила их могущество. Теперь она была планетой. В оболочке из смерзшихся газов, со скелетом из скального гранита, с подобием сердца из остывающих озер магмы. Блуждающая Звезда еще не привыкла к тому большому телу. Но она сожалела, что тело это было так неласково к Молли Залдивар — такое безвоздушное, такое неласковое, такое ледяное... Из остатков разбитого космического корабля показались структуры организованной органической материи, облаченные в искусственные металлоидные шкуры. Звезда не понимала, что эти галактограждане могли бы оказать помощь Молли Залдивар. Не думая, она протянула эффектор и уничтожила их. И снова испытала чувство, подобное сожалению, потому что вдруг поняла, что эти структуры имели в своем распоряжении запас воды и воздуха, тепло и герметические оболочки, и все это можно было использовать для Молли. Неважно. Блуждающая Звезда была теперь планетой и распоряжалась ресурсами целой планеты. Она не даст Молли погибнуть. Она экранировала Молли от сурового мороза космического пространства, заключила в купол трансфлексионного поля, нагрела замороженные газы вокруг нее. С помощью частиц материи, взятой от уничтоженных ею существ, Звезда залечила нанесенный Молли легкий ущерб. Она разогрела ее затвердевшее тело, помогла ей снова начать дышать, раздула затеплившуюся искорку жизни... И девушка заговорила.

— Что ты делаешь со мной, монстр? — простонала она.

— Я спасаю тебе жизнь, Молли,— прогрохотали скалы.— И еще я уничтожаю Альмалик.

— Не выйдет, монстр! — всхлипнула девушка.

— Смотри! — трансфлексионное поле Блуждающей Звезды стало теперь гораздо обширнее, обнимая все континенты сумеречного ледяного мира, все его древние скалы, снежные моря, всю его огромную массу... И со всей своей новой мощью Блуждающая Звезда приготовилась ударить по Альмалику. Она задержала бег планеты по орбите и повернула его к внутренним областям системы, к белому великолепию солнца, самой яркой звезде союза Альмалика. И, питаемая ненавистью, она все быстрее шла на столкновение со звездой.

Слиит был жестоко ранен. Но существо, которое самой эволюцией было создано для убийства пироподов в открытом пространстве космоса, не так-то легко было умертвить. Он зашевелился. Огромные пустые глаза уставились в пространство, потом повернулись навстречу взгляду Молли Залдивар. Под темной толстой кожей забегали волнами сокращающиеся мышцы. Снова ожило его трансфлексионное поле. Слиит поднялся над слоем за-

мерзшего газа, на котором лежал, и его певучий шелест стал громче. Слиит не был разумным существом в понимании человека или другого галактогражданина, но он обладал рудиментом сознания. Он сознавал, что нечто управляло им некоторое время. Что это нечто сейчас исчезло — Блуждающая Звезда была полностью поглощена контролем за корой планеты. И слиит вспомнил Молли Залдивар...

А когда Блуждающая Звезда снова обратила внимание на девушку, той уже не было. Блуждающая Звезда быстро отправилась на поиск и нашла ее. Молли бежала. Взобравшись на шелковистый мех спины слиита, закутанная в его трансфлексионные поля, она все дальше и дальше уносилась от ледяных полей планеты, направляясь к внутренним мирам той большой звезды, к которой сейчас упорно приближалась и сама планета. Блуждающая Звезда метнула им вслед щупальце плазмы-электронов, смешанных с собственным трансфлексионным полем. Щупальце легко пронзило тело слиита, сотрясая маленький пузырь Молли.

— Куда ты летишь, Молли Залдивар? — визгливо пропел воздух вокруг нее.

Она повернула голову, глядя на светящийся плазменный палец Блуждающей Звезды, но ничего не ответила. Звезда замерла, рассуждая. Странно. Очень странно, но Звезде девушка показалась очень красивой. Волосы ее отливали красным в свете красных солнц Альмалика. Голубые солнца подчеркивали фиолетовый цвет ее глаз. Но какое это имеет значение, спросила саму себя Блуждающая Звезда. Она была заинтересована, ей было любопытно. Почему эти адсорбированные матрицы органического вещества, называющиеся Клифф Хаук, до сих пор оказывали на нее такое влияние? Блуждающая Звезда снова заставила воздух издать пронзительный вскрик:

— Я люблю тебя, Молли Залдивар! Когда-то я была крохотной — ты могла даже не увидеть меня. Теперь я огромна — а ты лишь пылинка в сравнении со мной. Мы никогда не были равны, и я не вижу места для любви между нами... но я люблю тебя!

— Ты безумна, чудовище, — сказала Молли наконец. Но в ее глазах появилась теплота. Блуждающая Звезда задумалась на мгновение.

— Куда ты направляешься? — снова потребовала она ответа.

— К населенным планетам Альмалика. На Каймар. Там они с тобой справятся, если я предупрежу их.

— Ты ненавидишь меня, Молли Залдивар?

Нахмурившись, девушка поглядела на огненный эффектор огненной Звезды и покачала головой.

— Ты не выбрала свой облик.

Блуждающая Звезда пристально сканировала ауру Молли, ища признаки зеленого огня ярости — но их не было. Тогда она поспешно спросила:

— Теперь ты меня любишь?

Лицо Молли, коричнево-золотое в свете солнц Альмалика, странным образом сморщилось.

— Но как это возможно? Я человек, а ты... монстр!

И глаза ее, фиолетово-голубые, влажно блеснули, когда она повернулась к сияющему плазменному эффектору Звезды.

— Я люблю тебя!

— Сумасшедшая! — всхлипнула девушка. — Наверное, мне жаль тебя. Ты так печально искорежена сложившимися обстоятельствами, все твои силы тратятся напрасно. — Она тряхнула головой, и разноцветные искры от солнц Альмалика затанцевали в ее волосах. — Мне очень жалко тебя! — Она помолчала, потом добавила: — Если я люблю кого-то, то это малыша Энди Квама. Да, монстр, я вернусь к нему. Как только я достигну обитаемых планет, я передам предупреждение... и тогда тебя уничтожат... Я вернусь на Землю через трансфлексионную станцию. Но мне жаль тебя, монстр!

— Я буду уничтожен?

— Будешь... если только сначала не убьешь меня, чтобы я не успела предупредить обитаемые планеты.

Блуждающей Звезде понадобилось несколько микросекунд на размышление. Затем она снова заставила воздух завибрировать.

— Я не уничтожу тебя, — изверг воздух атмосферного пузыря. — Но и меня не смогут уничтожить! Наблюдай! Я убью Альмалик до того, как ты сможешь предупредить кого-нибудь! — И она втянула свой огненный палец. Девушка с изумлением смотрела вслед огненной полосе.

Блуждающая Звезда концентрировала свою энергию, готовясь к нападению. Она увеличивала напряжение трансфлексионных полей, двигающих ее планетарную массу. Гранит коры застонал и завизжал, когда она принялась уплотнять шар, сплющивая пики и хребты, сжимая свежие пустыни, делая из планеты более компактный снаряд. Она мчала себя прямо к белому ослепительному солнцу. Я погибну, думала она, но Альмалик погибнет тоже.

Не спеша, почти беззаботно, скопления пустотных существ-фузоритов, составляющих заметную массу Альмалика, обратили внимание на агрессивного пришельца, и предупрежденное солнце лениво подняло плазменный эффектор, защищаясь. Но прореагировало на вторжение Блуждающей Звезды не белое солнце, лежавшее впереди. Эта звезда продолжала спокойно сиять, игнорируя опасность. Расположенное над ним могучее двойное солнце — золотой гигант и его мощный голубой спутник, вращавшиеся друг против друга по концентрической орбите — выстрелили разрядом плазмы. Разряд был выпущен из внутренних слоев желтого двойника, и энергия его была чудовищна. Гигантский разряд превосходил планетарное тело Блуждающей Звезды и светился так же ярко, как и сама звезда. С трансфлексионной скоростью метнулся разряд сквозь пустоту, гораздо быстрее, чем могла прореагировать или уклониться с его пути Блуждающая Звезда. Но раз-

ряд миновал ее и ударил в Молли Залдивар. Даже на межпланетном расстоянии, теперь разделяющем их, Блуждающая Звезда уловила красный всплеск ужаса, выпущенный излучением Молли, когда она увидела летящее на нее кольцо золотого огня.

— Помоги мне, монстр! — крикнула она.

Звезда не могла слышать слов, но содержание было понятно. И она поспешила на помощь. Она выбросила в направлении Молли собственный поток ионов, соединяющих частицы трансфлексионных полей, создавая витками плазменный щит вокруг ловушки и слиита. Но щит оказался недостаточно мощным. Золотая рука Альмалика была сильнее. Она пробила защитную стену плазмы, образовав вокруг Молли и слиита сеть огненных нитей, потом унесла свою добычу к желто-голубому солнцу. Блуждающая Звезда не могла помочь Молли. Но чувство, которое она еще не научилась распознавать как дикую радость, пронизало плазменные матрицы звездного создания.

Она звала меня! Она просила помощи! Если я не могу помочь ей, то все еще могу уничтожить белую звезду Альмалик.

Блуждающая Звезда притормозила свой бег, испытывая свои силы, готовясь взять под контроль еще более могучие энергии, чем те, которыми она уже располагала. Она еще недостаточно сильна, холодно расценила Звезда свои возможности. Еще рано. Нужно стать сильнее. Планета была покрыта замерзшими газами, и под гранитной корой она еще не умерла — полужидкие массы железа и более тяжелых составляющих еще не растратили окончательно свой жар и радиоактивность. Из них Блуждающая Звезда стала поглощать энергию и тепло. Вдоль плазменных волноводов стреляли контролируемые молнии. Масса планетного тела была теперь для нее не более чем камень пращника — оружие, снаряд, способный убить Альмалик. Блуждающая Звезда повышала напряжение тяговых полей до тех пор, пока не задымились раздавленные горные хребты, а снежные моря не начали кипеть. Глубины коры сотрясались от мощных землетрясений. В возрожденном небе планеты искрилось полярное сияние. Блуждающая Звезда разгонялась, готовясь уничтожить вражеское солнце. Но Альмалик уже был готов к бою. Двойное солнце над ним снова ударило голубым огнем плазменного разряда. Огненная шпага пронзила все защитные поля, кипящие моря, пробила кору сейсмическими волнами. Блуждающая Звезда хладнокровно подсчитала урон. Большой, но не слишком. Я все еще могу победить Альмалик. Плазменная змея свернулась кольцами, отошла, потом ударила еще и еще раз. Она испещрила поверхность планеты огромными раскаленными кратерами, потрясла весь ее организм разрушающими волнами, так что даже сама Блуждающая Звезда испытала дикую боль. Но она не позволила уничтожить себя. Собрав последние резервы своей энергии, напрягая трансфлексионные поля, удерживая атомы распадающегося мира в невидимом кулаке, она

отважно училась на ходу, пытаясь использовать энергию самого разрушающего разряда, бьющую золотой плазменной змеей. Молли Залдивар и слиит давно исчезли из ее поля восприятия, несмотря на чувствительность ее дистанционных зондов-рецепторов. Плазменная сеть унесла их к какой-то из внутренних планет. На расстоянии многих астрономических единиц не осталось частиц материи больше молекулы, которая не была бы затянута Блуждающей Звездой или не испарилась бы, превращенная в энергию. Блуждающая Звезда уцелела и не была разрушена. Она упрямо двигалась вперед, чтобы нанести разящий удар по спокойно ожидающему ее белому солнцу. Она почувствовала, как гордится ее дикой бунтарской выходкой далекий наблюдатель и как они оба переполняются радостью.

— Монитор Квамодиан,— жизнерадостно сообщил флаер,— если вы намерены что-то услышать, вам придется вооружиться инвертором. Иначе не услышите. А они говорят о вас.

Квам бросил взгляд на старшего монитора Клотильду Квай Квич, которая с презрительно поджатыми губами осматривала кабину флаера, что-то неодобрительно бормоча себе под нос.

— Не знаю, стоит ли,— тихо сказал Квамодиан.

Не глядя на него, девушка громко сказала:

— Ваше желание не играет особой роли, монитор. Несомненно, могут возникнуть такие ситуации, когда галактограждане будут вынуждены задать вопросы непосредственно вам, чтобы получить справку или инструкцию. Я не хотела бы отвлекаться на перевод реплик, следовательно, вам необходимо обзавестись соответствующим акустическим устройством.

Энди Квам заворчал, но принял маленькую ушную раковину, которую протянул ему эффектор флаера.

— ...старая развалина,— пропищал ему в ухо пронзительный голосок.— Мы последуем за вами, но двигайтесь как можно быстрее.

У голоса была странная эхообразная окраска, словно в унисон разговаривал хорошо обученный хор. Квамодиан решил, что это говорит многочленный организм — зеленые спирали. Не обращая на реплику внимания, он быстро осмотрел показания приборов флаера. Гомеостатические устройства флаера успели исправить нанесенные повреждения, запаслись новыми обоймами ракет. Едва ли они понадобятся, с надеждой подумал он. Но это лучше, чем ничего.

— Мы в полной готовности,— объявил он, в последний момент заколебался и добавил: — Кажется.

— Тогда, может быть, приступим к делу? — спросила Клотильда с обиженным нетерпением.

Квамодиан мрачно согнулся над пультом и поднял флаер в воздух. Солнце ударило прямо в глаза, когда он разворачивал машину. Увеличившийся в размерах красный диск так потускнел,

что Квамодиан мог смотреть на него почти свободно. Диск был усеян темными пятнами. Энди хотел обратить на внешний вид диска внимание девушки, но передумал... хотя она и не новичок на этой планете и могла обратить внимание на то, что Солнце выглядит необычно. Пускай сама убедится, решил Квамодиан. В любом случае это не играло особой роли. Главное, у него теперь есть подмога своего рода, слабенькая, но все же это помощь в борьбе с Блуждающей Звездой. Они стрелой понеслись на юг, миновав озеро и первые небольшие холмы. Многочленный зеленый галактогражданин легко следовал за флаером вместе с розоватой полупрозрачной сферой. Галактогражданин-хищник покачивался на сиденье позади Энди, а Руф сидел на полу между ними, с опаской поглядывая на зубы гражданина. В инверторе транзитной ушной раковины непрерывно гудел разговор, но Квамодиан не обращал на него внимания. Его не интересовало мнение этих существ, касалось ли оно его самого, флаера, планеты или еще чего-нибудь. Ему нужна была лишь их помощь. Когда они достигли цели, успело стемнеть. Солнце еще не закатилось полностью, но его потерявшие яркость лучи создавали впечатляющую картину заката в западной стороне горизонта и почти совсем не освещали вход в пещеру. Энди Квам предусмотрительно описал круг над пещерой, пытаясь обнаружить слиита или какое-либо другое опасное существо. Но не обнаружил ничего. На всей местности вокруг лежал зловещий красноватый отсвет, но все пребывало в неподвижности. Он осторожно подвел флаер к остаткам развороченной двери в пещеру.

— Пустынно,— пропел тоненький хор голосов многочленного организма.— Мы ничего не регистрируем. Еще ниже имеется второй вход.

Старший монитор Клотильда Квай Квич бросила нерешительный взгляд на Энди Квама.

— Здесь заметны следы значительных разрушений,— признала она.

— Я же вам говорил!

— Да. Вероятно, произошла ошибка.

— Еще ниже,— пропели спирали.— Новые сигналы. Достойно рассмотрения.

Послышался шепот розового галактогражданина:

— В глубинной области этого района были приведены в действие силы значительной величины и энергии. До сих пор имеется источник энергии с необычными характеристиками.

— Нужно произвести расследование,— почти извиняющимся тоном произнесла старший монитор.

— Верно,— проскрежетал Квам и послал флаер спиралью вокруг горы, отыскивая нижний вход. Пенисто-розовый гражданин-облако оказался там раньше всех, повиснув у входа в пещеру, подобно струйке пара из носика чайника.

— Идите вперед,— прошептал он.— Рассредоточенная материя вроде моего тела легко уязвима.

Но Квамодиан не ждал разрешения. Он бросил флаер в глубину зева пещеры, шаря лучом прожектора в поисках слиита, Молли Залдивар или каких-нибудь следов. Но он обнаружил лишь спирально суживающийся ход с явными признаками разрушения.

— Энергия высокой мощности,— пропели зеленые спиральки, крутясь вдоль взорванной стены со скрученными стальными рельсами подпорок.— Явные следы трансфлексионных полей. Следы плазменной активности.

Руф, позабыв о зубастой пасти галактогражданина, наклонился через плечо Квамодиана.

— Ух ты, Проповедник! Что-то здесь в самом деле здорово шарахнуло!

В этом сомнений не было. Оглядываясь по сторонам, пока флаер скользил вперед на подушке трансфлексионных полей, Квамодиан сразу понял, что случившееся в этом замкнутом пространстве имело источником не просто химический взрыв. Впервые Квамодиан осознал по-настоящему, что скрывается под термином «Блуждающая Звезда». Хотя вначале существо было крохотным, с массой чуть больше грамма, оно было способно командовать силами, скручивающими стальные балки и крушившими гранит, словно песок. Длинномордый галактогражданин поднял голову и что-то провыл. Инвертор в ухе Квамодиана тут же перевел фразу:

— Осторожно! Старший монитор, не доложить ли нам сначала Альмалику?

Девушка закусила губу, уже собираясь что-то сказать, но Квамодиан ее опередил.

— Нет!— проскрежетал он.— Мы и так слишком долго тянули. То есть вы. Возможно, Молли Залдивар умирает сейчас... или даже...— он не закончил фразы.

И тут они подошли к центру подземной спирали коридора. Квамодиан быстро глянул вниз, сглотнул, посмотрел на девушку и послал флаер вниз, в вертикальную шахту. Они осторожно спускались по стволу шахты. Первым двигался флаер Квамодиана, вторым — спиральный многочленный галактогражданин, третьим — розовое псевдооблако. Диск туманного зеленоватого света постепенно превращался в шар, и наконец они оказались в обширном сферическом пространстве в самом центре основания холма.

— Поразительно!— прошептала Клотильда.

Розоватый гражданин-облако проговорил с опаской:

— Энергия достигает весьма значительной величины. Я не хотел бы приближаться!..

— Тогда оставайтесь на месте,— буркнул Квам.— Интересно... что это такое? У вас есть сведения о чем-либо подобном?

Девушка покачала головой.

— Какая-то древняя военная база, как мне кажется. Очевидно, сохранилась еще с дней Плана Человека. Для большей части того периода не сохранилось архивных документов. Но этот ядерный огонь! — она показала на облако опалесцирующего тумана, висящее над металлической платформой.— Какой источник энергии! Я почти готова поверить вам, монитор Квамодиан. С такой энергией и в самом деле можно было попытаться создать Блуждающую Звезду.

Энди Квам ехидно усмехнулся, но ничего не ответил. Держа вспотевшие ладони на рукоятках управления ракетами, он опустил флаер еще на фут, к влажному от сырости полу пещеры. Разбитый и сплющенный короб оранжевой кабины, расчлененный мотор и траки гусениц манипулятора заставили его зябко поежиться — казалось, некая необузданная сила в гневе невиданно жестоко расправилась с невинной машиной. Но среди обломков машины виднелись остатки и других устройств. Примитивный пищевой рефрижератор с покрашенным в белый цвет кожухом. Квам не сразу узнал его, и даже когда узнал, не мог понять его назначения... но наконец содрогнулся, осененный догадкой. Это означало, что Молли Залдивар была здесь. Пища предназначалась именно ей! Но содержимое холодильника было беспорядочно разбросано. Дверь перекосилась, и по всему полу пещеры разлетелись пищевые пакеты и коробки. И что это за расколотый черный корпус, лежащий перпендикулярно решетке, сквозь которую отводился избыток воды в пещере?

Клотильда узнала его первой.

— Робот-инспектор! — выдохнула она.— Тогда... тогда это правда!

— Правда? — с обидой переспросил Руф.— Мисс Квай Квич, да мы об этом вам твердим всю дорогу! Конечно, это правда!

Но было слишком поздно, чтобы Энди Квам мог насладиться триумфом. Он едва слышал обмен репликами. С прищуренными глазами, сконцентрировав внимание, он бросал луч прожектора по всем направлениям, осматривая огромную базу. Но больше в пещере ничего не было. Обломки на полу, ажурная, как паутина, металлическая башня и зловеще мерцающее облако ядерной энергии. Да влажные капающие стены. И больше ничего. Он был уверен, что Молли Залдивар побывала в этой каменной каверне. Но сейчас ее здесь не было. Куда же она пропала? Его отвлек нервный вздох галактогражданина-облака.

— Это энергия,— с отчаянием прошептал он,— она ионизирует мой газ. Мне становится трудно контролировать собственное тело. Я должен вернуться на поверхность.

— Вперед! — рассеянно сказал Энди.

— Вероятно, нам нужно сделать то же самое,— пролаял со своего места галактогражданин-хищник.— Это опасно.

— Одну минутку! — попросил Энди.

Он наблюдал, запоминал, анализировал. С бесстрастием хладнокровного логика он осознал, что, начиная с того момента, когда им было получено сообщение от Молли Залдивар — за многие галактики от этого места — он позволил своим страстям, своей любви к Молли целиком управлять своими действиями. Все его навыки мышления, так тщательно отработанные, все приемы анализа и синтеза, составлявшие основу его обучения как монитора, были совершенно забыты. Но сейчас он снова начал пользоваться этими своими умениями. И перед его мысленным взглядом начала разворачиваться картина событий. Клифф Хаук, бунтовщик, авантюрист, искусный инженер-транзитник. Рифник, очерствевший женоненавистник. И оба здесь, с этой огромной энергией в руках, месяцами и даже годами без всякого надзора со стороны. Все было вполне логично, отметил Энди. Научное любопытство Хаука, человеконенавистничество Рифника, в особенности ненависть к фузоритам-Посетителям. Все сходилось — люди, место, возможности. Они создали Блуждающую Звезду, а она в ответ убила одного из создателей, а второй бесследно исчез. Но едва ли они причинили вред Молли Залдивар. Блуждающей Звезды здесь больше не было. Иначе ее энергия сразу же была бы засечена любым галактогражданином в бригаде. Звезда исчезла. И, как чувствовал Квамодиан, с ней исчезла и Молли Залдивар.

— Энди,— нерешительно сказала девушка-монитор.— То есть я хотела сказать, монитор Квамодиан...

— Да, что такое?

— Возможно, наши товарищи правы. Мне... мне это место не нравится.

Квамодиан нахмурился. Потом ужасное подозрение проникло в его мысли.

— Клотильда! Что сказало облако?

— Вы имеете в виду галакто...

— Да! Об энергии! Что он сказал?

— Ну, что она ионизирует его газ. Ему необходимо вернуться на свежий воздух.

— Флаер! — воскликнул Энди Квам.— Уровень радиоактивности! Скорее!

— Я думал, что вы так и не поинтересуетесь,— обиженно сказал флаер.— Излучение смертельно опасно. Восьмикратное превышение предельно допустимого уровня. Безопасное время на данном расстоянии один час. Мы подвергаемся излучению уже девятнадцать минут. Я был намерен подать сигнал тревоги через шестьдесят секунд.

— Улетаем отсюда! — приказал Энди Квам.— Скорее!

Флаер дернулся, повернулся, взял направление на вертикальный туннель в потолке. Светящаяся смертельным излучением туманная сфера мелькнула мимо окон, потом потянулась тупая спираль коридора. Но Энди Квам не замечал ничего. Он все еще видел перед собой что-то гораздо более страшное. Радиация, изли-

вающаяся из туманного облака ядерного огня, который уже не первый век пылал в сферической пещере, была смертельна. Приборы флаера измерили ее интенсивность. За их показания можно было ручаться. Квамодиан сам настраивал и проверял их. Если они говорили, что максимально безопасное время пребывания в пещере было один час, то возможная ошибка составляла плюс-минус одну минуту, не больше. Но волновала Квамодиана не собственная безопасность и не безопасность Клотильды или мальчика. Как долго пробыла Молли в этой шарообразной пещере, впитывая смертельные лучи? Квамодиан мог полагаться только на догадку. Однако с того момента, как Молли была похищена из маленького коттеджа Руфа, прошло примерно восемнадцать часов. И в любом случае она должна была провести в пещере хотя бы половину этого времени. И коль скоро она действительно пробыла в пещере так долго или хотя бы приблизительно столько, она была уже практически мертва.

Они вырвались из пещеры в прохладную ночь. И даже весь страх и страдания Квамодиана оказались бессильны отвлечь его внимание, едва он поднял взгляд на небо. Над ними распростерся небесный купол, покрытый кружевной сетью голубого и фиолетового огня. Беззвучно извивались титанические медленные молнии бледных разрядов, такие яркие, что от деревьев на склон холма падали тени. Галактогражданин-хищник подался вперед, его морда оказалась рядом со щекой Квамодиана. Энди Квам почувствовал на щеке его горячее, слегка отдающее рыбой дыхание, когда тот тихо провыл:

— Кажется, это необычный для вашего неба спектакль. Вы можете объяснить, что случилось?

— Я думаю, наше собственное светило превратилось в Блуждающую Звезду,— прямо ответил Квамодиан,— но не знаю, как это произошло.

— Но это невозможно! — воскликнула девушка.— Солнце не относится к разряду мыслящих звезд. Еще ни разу не было зарегистрировано с его стороны даже намека на сознательную деятельность!

Квамодиан развел руками, указывая на яростное полярное сияние в небе.

— Тогда объясните вы, что это значит,— сказал он.

Послышался далекий хор зеленых спиралей:

— Мы зарегистрировали повышение стелларной активности излучения этого светила. Она увеличилась примерно в два раза. Три вывода. Первый: звезда вошла в стадию предновой. Отклоняется — это невозможно. Второй: предыдущая оценка интеллекторной способности Солнца была ошибочной. Невероятно. Отклоняется. Третий: Солнце обрело сознание.

— Вы считаете, что оно превратилось в Блуждающую?— резко спросила девушка.— Какова вероятность такого феномена?

— Мы не имеем данных для сравнения и расчета вероятности,— пропели спирали.

— Доложите Альмалику,— распорядилась старший монитор Клотильда Квай Квич.— Пожалуйста! У вас имеется транзитный орган коммуникации!

— Мы принимаем сигналы Альмалика с непонятными помехами,— ответили спирали.— Они не имеют смысла. И подтверждения получения наших донесений мы тоже не можем получить.

Квамодиан решил, что с него достаточно.

— Забудьте об этом Альмалике!— воскликнул он.— И на наше солнышко тоже пока внимания не обращайте — этим мы займемся позже. Сейчас меня больше всего беспокоит судьба девушки. Девушки по имени Молли Залдивар. Вероятно, она где-то поблизости. Кто-нибудь из вас имеет возможность засечь ее?

Тишина.

— Попробуйте!— рявкнул Энди Квам. И галактогражданин-хищник с неохотным видом задрал морду.

— Уже некоторое время,— пролаял он негромко, а транзитный инвертор в ухе Квамодиана преобразовал его слова в понятный для землян язык,— я чую присутствие добычи на одном из тех холмов.

— Добычи?

— Наследственная черта,— объяснил галактогражданин.— Это особая модуляция хемохарактеристики в обтекающем потоке воздуха. Как вы говорите, особый запах. Но... простите, ведь старший монитор Клотильда Квай Квич является человеком-самкой, а вы, монитор, человеком-самцом, не так ли?

— Так. Ну и что?

— В таком случае, эта добыча представляет собой другой объект. Не тот, который вы ищете. Это человек-самец, и он сильно ранен.

Они пронеслись над покрытой выбоинами дорогой и начали снижаться к склону холма, на котором зубастый галактогражданин почуял присутствие человека. Его обоняние не обмануло. Человек оказался Рифником. Он лежал, прислонившись к стволу кедра или сосны и в мерцающем бледном свете зарева на небесах казался очень бледным и измученным. Кожа на лице посерела. Одна рука — страшно опухшая, висела на перевязи. Он равнодушно взирал на опустившийся флаер и выпрыгнувшего из него Квамодиана.

— Мне нужно поговорить с вами!— с ходу заорал Квамодиан.

— Только покороче,— проворчал Рифник.— Вы видите, мне нездоровится.

— Где Блуждающая Звезда? Где Молли Залдивар?

Рифник неуклюже пошевелился, сморщившись от боли в руке.

— Их нет. Куда они исчезли, я не знаю.

— Когда это произошло?

Рифник устало покачал головой. Побледнев от боли, он вытащил из кармана короткую черную палочку, надкусил кончик и принялся с отвращением жевать.

— Особый корень, растет на Рифах,— сказал он почти неслышным голосом.— Отвратительная гадость, но снимает боль. До сих пор это был мой личный заменитель Альмалика. Куда убралась Блуждающая Звезда? Откуда я знаю? Вечером она сбросила меня здесь. Пару часов назад что-то унеслось туда,— он слабо взмахнул рукой вверх, одновременно показывая в сторону холма, где находилась пещера-лаборатория.— Я видел яркий свет в небе.

— Северное сияние? Зарницу?— настаивал Квамодиан.

— Да нет. Зарницы пляшут с самого заката. Это было что-то другое. По-моему...— голос его затих, потом он встряхнулся и закончил:— По-моему, Блуждающая Звезда ушла в космос. Возможно, забрала с собой и девчонку.

Тут вмешался монитор Клотильда Квай Квич.

— Энди! Этот человек умирает! Необходимо доставить его в больницу!

Рифник с трудом усмехнулся, пожевал губами еще секунду, потом выплюнул на камень струю темной жидкости.

— Неплохая идея, мисс,— сказал он.— Только в больницу мне уж поздно. Мне требуется в церковь.

— Вот это да, Проповедник!— выдохнул Руф, широко раскрыв глаза. Он стоял за спиной Энди, и на его лице танцевали отблески зарниц.— Никто и никогда бы не подумал, что он скажет т а к о е!

— И не сказал бы никогда,— прогрохотал Рифник,— если бы у меня был другой выбор! Но я уже знал, что так придется сделать. Этот ваш робот-инспектор сказал мне несколько недель назад. «Вредоносный фузоритный вирус»,— так он сказал. И, очевидно, очень радовался, если только роботы способны радоваться. И он сказал мне, что Посетители смогут помочь мне, а доктора — нет. Кажется, он не соврал.

— И вы, следовательно, присоединяетесь к Альмалику,— констатировал Энди Квам.

Рифник с сожалением пожал плечами, поморщившись от боли.

— Я приручил своего последнего слиита,— прохрипел он.— Кончилась свободная жизнь.— Спазм боли заставил побледнеть его покрытое шрамами суровое лицо.— Не думай, что мне это очень нравится, Квамодиан! Но у меня полтела словно в огне.

— Прекрасно!— воскликнул Энди Квам.— Это отлично! Если тебе нужно до Мудрого Ручья, ты можешь сразу расплатиться за проезд!

Мальчик громко вздохнул, и даже Клотильда Квай Квич метнула в Энди пораженный взгляд. Рифник облизнул губы, глядя на Квамодиана.

— О чем ты?! Я слишком плох для шуток.

— Вот и прекрасно, потому что я не шучу. Я намерен оставить тебя догнивать здесь... если только ты не убедишь меня, что стоит поступить иначе.

— Как?

— Проще простого! — сурово сказал Квамодиан. — Просто расскажи мне правду о том, чем ты тут занимался с Клиффом Хауком.

Глаза Рифника засветились бешенством в многоцветном мерцании полярного сияния. Если бы он обладал трансфлексионной энергией слиита, Энди Квам был бы парализован или убит на месте. В этом взгляде были ненависть и безумие, которых хватило бы для того, чтобы сбивать с орбит планеты. Но взгляд быстро погас. Рифник отвернулся. Челюсть его опять заработала. Он сглотнул, сплюнул на камень тонкую струйку черного сока корня и сказал:

— Почему бы и нет? Теперь это уже все равно, верно? Ведь Посетители скоро начнут копошиться у меня в мозгу и выставят перед Альмаликом все мои секреты. Поэтому я могу рассказать тебе все и сам, прямо сейчас. Но только сначала помоги мне сесть во флаер, Квамодиан. Я не шучу, мне и в самом деле очень плохо.

Энди Квам помог огромному охотнику забраться в пузырь кабины флаера, и тот тяжело опустился на сиденье. В тот же момент автоматический контур принял во внимание его вес и увеличил упругость подушки. Рифник, чуть покачиваясь, сидел и смотрел на собравшихся вокруг.

— Правда заключается в том, — сказал он, — что Клифф Хаук работал для меня. Наглый щенок! Я знал, он мнил себя большой личностью. Искал чисто научных знаний и так далее. Но мне нужно было лишь лекарство от вируса. Он спал во мне с того самого момента, когда я подцепил его в Рифах двадцать лет назад. Я не собирался позволить ему убить меня, Квамодиан. Но я и не собирался впускать в себя Посетителей!

Он осторожно погладил своими толстыми огрубевшими пальцами руку на перевязи, глядя на многоцветное светящееся небо.

— Конечно, кое-что из того, что предлагали Посетители, было мне по душе. Физическое бессмертие. Лекарство от вируса, сила, слава, власть... Блуждающая Звезда была моим способом получить все это, не пуская в тело паразитов... Хаук был всего лишь моим инженером.

— Итак, ты знал, что Клифф Хаук создает Блуждающую Звезду? — Квамодиан подался вперед, всматриваясь в обескровленное обмякшее лицо Рифника.

— Две звезды, Квамодиан. Первая убежала, — он усмехнулся сквозь новый приступ боли. — Похоже, и вторая тоже.

— Понимаю, — сердито сказал Энди, глядя вверх, на пылающие зарницы. — Первая вошла в Солнце. Теперь наше светило — тоже Блуждающая Звезда?

Рифник пожал плечами.

— Монитор Квамодиан! — вскричала Клотильда. — Об этом нужно немедленно доложить! Поскольку наши галактограждане потеряли связь с Альмаликом, мы должны немедленно вернуться в Мудрый Ручей и доложить через трансфлексионную станцию поселка.

— Об этом уже доложено, — спокойно сказал Энди Квам.

— Но это невозможно! Каким образом? Мы ведь только что узнали...

— Родителями Руфа. Они ведь знали об этом, верно? — Мальчик кивнул с довольным видом. Глаза его сияли. — И они отправились в Нью-Йорк, чтобы сообщить о появлении Блуждающей Звезды.

Рифник осторожно почесал бок, поежился и застонал.

— Значит, все встало на свои места, правильно? Так как теперь насчет того, чтобы отвезти меня в Мудрый Ручей?

— Еще одну минутку, — сказал абсолютно спокойно Квамодиан. — Еще один вопрос. Какое отношение ко всему этому имеет Молли Залдивар?

— Эта глупая девчонка? Она сгубила Хаука! Да, он был в нее влюблен. Она пыталась остановить его и все испортила.

Он застонал и схватился за грудь, согнувшись пополам.

— Но я не знаю, где она сейчас, Квамодиан! — простонал он. — Пожалуйста! Разве тебе мало? Или ты хочешь, чтобы эта вирусная штука прикончила меня?

По пути в Мудрый Ручей Энди Квам связался с контрольным куполом станции и запросил внеочередной сеанс связи.

— Тридцатиминутная задержка всех сообщений, монитор Квамодиан, — ответил купол. — Я вызову вас, когда освободится ваш канал.

Мрачно поджав губы, Энди приказал флаеру приземлиться у церкви Звезды. Теперь, когда они узнали причину странного поведения Солнца, ответственность не так давила на его плечи. Удастся ли Альмалику каким-то образом справиться с проблемой или нет, Квамодиану было все равно. Сейчас его мысли были полностью поглощены тревогой за Молли Залдивар, силой унесенной в космос Блуждающей Звездой и обреченной на скорую смерть от лучей старой ядерной батареи в подземной пещере Рифника. Что касалось самого Рифника, то Энди Квама совершенно не волновало, погибнет ли он или впустит в себя фузоритов-Посетителей. Но сцена внутри церкви Звезды несла заметный отпечаток великолепия. Их приветствовал новый робот-инспектор, яйцеобразное черное тело которого возбужденно подпрыгивало на подушках пола — он был взволнован присутствием стольких галактограждан. Хоть день был и будний, в кружок под куполом с горящими солнцами Альмалика собралось несколько спасенных членов Товарищества Звезды. Квамодиан и старший монитор Клотильда Квай Квич возглавляли процессию. За ними следовал, хромая, Рифник.

За Рифником мягко ступал галактогражданин-хищник, потом многочленный согражданин — зеленые спирали.

В авангарде шествовало розовое облако. Опустившиеся на колени поклоняющиеся пели хвалу Альмалику. Потом поднялся Хуан Залдивар и задал Рифнику традиционный вопрос — понимает ли он природу симбиотической жизни и по собственной ли доброй воле избрал присоединение к симбиозу. Понимает ли он, что делает выбор навсегда? На каждый вопрос Рифник отвечал хриплым «да». Он опустился на колени, и все сопровождающие опустились вместе с ним. Их золотистые знаки светились в полумраке купола.

Они снова затянули песнь, и голоса их торжественно перекатывались под огромным куполом, на котором горели тринадцать звезд Альмалика.

Рифник вдруг издал внезапный протестующий вскрик. Он наполовину поднялся, повернулся в неожиданной тревоге, потом качнулся вперед, падая на поврежденную руку. Квамодиан услышал сухой шипящий треск. Пять золотых знаков отделились, танцуя, от светящихся знаков на телах и лицах спасенных и поплыли к растянувшемуся телу Рифника. Они собрались в маленькое облачко золотого пламени. Золотой шар огня с шипением погрузился в тело Рифника. Рука его вдруг взлетела вверх, тронула щеку и медленно опустилась. В свежем воздухе поплыл густой аромат фузоритов-Посетителей. Стоны Рифника затихли. И в этот момент пение кончилось. Рифник вздрогнул, открыл глаза, легко поднялся и подошел к Энди Квамодиану, пожимая его руку.

— Спасибо, друг! — прогудел его мощный голос. Его грубое, покрытое шрамами лицо вдруг осветилось нежной, безмятежной улыбкой. Над спутанной грязной бородой горела теперь звезда Посетителей.— Вся моя боль исчезла.

К нему подошел Хуан Залдивар и взял за руку.

— Теперь ты спасен! Ты больше никогда не испытаешь боль,— торжественно сказал он.

Купол контроля связался с Альмаликом. Но имелись некоторые затруднения.

— Как именно? — взорвался Квамодиан.— Мне нужно немедленно связаться с Альмаликом! А потом самому отправиться туда!

— Очень сожалею,— сладким голосом пропел купол.— Но для этого нужно удостоверить ваше право первоочередности...

— Но я этого как раз и требую! Чрезвычайная обстановка! Произошло несчастье!

— Но,— снова пропел купол,— когда вы вчера прибыли сюда, вы тоже говорили о чрезвычайном происшествии.

— Да, я был прав! Теперь у меня есть новые факты. Солнцам Альмалика грозит немалая опасность!

— Энди,— прошептала Клотильда,— можно я поговорю с ним? Возможно, он выслушает меня.— Но Квамодиан оборвал

ее одним свирепым взглядом. Она сразу же подчинилась, не сказав ни слова. С момента посещения пещеры, когда все убедились, что опасения Квамодиана имеют реальную почву, она стала гораздо мягче, женственнее.

— Назовите эти факты,— мелодично пропел купол.

— Они уже должны быть известны Альмалику,— сказал Квамодиан.— Они имеются в сознании человека по прозвищу «Рифник», который только что принял в свое тело Посетителей. Я требую нашей немедленной переброски в систему Альмалика, чтобы я соединился с ним и помог в интерпретации и использовании этой новой информации.

Он не упоминал своей личной и самой жгучей причины. Это было бесполезно, поскольку едва ли произвело бы впечатление на транзитные матрицы контрольного купола. Но он не терял отчаянной надежды, что Молли Залдивар может быть обнаружена вместе со своим похитителем где-то среди многих солнц Альмалика. И если это произойдет, Квамодиан хотел быть в этот момент там.

— Секунду!— пропел купол. Энди Квам нетерпеливо заерзал на сиденье. Клотильда Квай Квич задумчиво нахмурилась.

— Но у нас имеется право первоочередности,— заметила она.

— Что ты хочешь этим сказать?— подпрыгнул Энди.

— Ничего, Энди. Просто все, кроме тебя, могут сейчас отправиться к Альмалику и помочь тебе получить право первоочередности.

— Согласны,— пропел хор зеленых пружинок.— В нетерпении. Срочно. Предлагаем не откладывать.

А галактогражданин-облако вздохнул:

— Против Альмалика могут быть использованы могущественные силы. Необходимо срочно начать подготовку к отражению нападения.

— Делайте, что хотите,— упрямо стоял на своем Квамодиан.— Я поступаю по-своему.

Клотильда с сомнением посмотрела на него, но ничего не сказала. Во всяком случае, она была избавлена от этой необходимости. Сквозь коммуникаторы-вставки в их ушах заговорил контрольный купол.

— Монитор Квамодиан, ваша просьба отклонена. Старший монитор Клотильда Квай Квич, вы и остальные члены вашей бригады лишены пока что права на первоочередность. В этот район пространства переброска прекращена полностью.

Все были поражены ужасом, услышав такую новость. Зеленые пружинки бешено завертелись по своим взаимоцентрическим пружинным орбитам, их коллективная мысль превратилась в нечленораздельное бормотание, испуганное и возбужденное, совершенно непонятное для других. Галактогражданин-хищник жалобно завыл и придвинулся к мальчику. Руф широко раскрытыми глаза-

ми смотрел на Энди Квама. Розоватый галактогражданин-облако тихо предрекал ждущие их впереди несчастья и катастрофы, а рука Клотильды Квай Квич невольно сжала руку Энди Квама.

— Почему? — гневно потребовал он ответа.— Мы мониторы! Нам не может быть отказано в праве транспортировки.

— Всякая транспортировка прекращена,— мрачно доложил контрольный купол.— Ваша штаб-квартира сообщает об аномальных астрономических феноменах среди планет и солнц Альмалика. Робот-инспектор, будьте добры, расскажите подробнее.

Ранее незамеченный черный яйцеобразный корпус робота плыл к ним через площадь. Его овальный плазменный сенсор светился холодным светом. Зазвучал его высокий голос:

— Это правда, монитор Квамодиан. Внешняя планета Альмалик-13 вдруг сошла с орбиты. Она движется курсом на столкновение со своим светилом, превосходя нормальное ускорение поля гравитации в несколько раз.

Глаза Квамодиана сузились. В голове его завертелся жуткий вихрь нехороших предчувствий. Молли там! Он был почти уверен в этом. Он обязан добраться туда.

— Не удивительно! — рявкнул он, удивив даже самого себя.— Это я как раз и надеялся предотвратить! Я должен добраться туда немедленно, чтобы все же свести потери к минимуму или вообще избежать их, если такое возможно.

— Это невозможно, монитор Квамодиан,— пропел робот.— Столкновение планеты Альмалик-13 с солнцем ожидается в течение ближайших нескольких часов. Все трансфлексные станции используются для эвакуации планет, которым грозит опасность. Хотя их явно недостаточно. Будет спасена лишь часть населения. В этих условиях запрещены любые встречные переброски.

Клотильда громко вздохнула. Галактогражданин-хищник задрал к небу зубастую пасть и издал протяжный жалобный вой.

— Но... но я должен попасть туда! — заикаясь, пробормотал Квамодиан.— Чтобы помочь.

Робот-инспектор никак не прореагировал на этот крик души. Его блестящий черный корпус неподвижно висел в воздухе.

— Проповедник, что случилось? — со страхом спросил Руф.— Он умер?

Квамодиан, не поворачивая головы, покачал ею. Плазменный сенсорный овал робота замигал, потом погас совсем. Три черных кнута эффектора выскользнули из-под яйцевидной скорлупы и безвольно повисли, покачиваясь, чертя полосы в пыли, покрывающей площадь.

— Робот-инспектор! — жалобно позвал Энди Квам. Рядом с собой он услышал шепот девушки:

— Произошло что-то ужасное! Он совершенно прекратил связь с окружающим миром!

Вдруг эффекторы быстро убрались обратно в корпус. Овал мягко засветился.

— Мы получили дальнейшие указания нашего главного штаба,— прогудел он.— В сообщении говорится, что Блуждающая Звезда, вторгшаяся в систему Альмалика, уничтожила два оригинальных интеллекта в солнцах Альмалика и внедрила вместо них собственные транзитные матрицы. Сейчас она атакует планеты Альмалика-13.

Квамодиан замер, затаив дыхание.

— Вызови Лебедя! — потребовал он.

— Святой Альмалик, ведущая звезда Лебедя, вызывает вас,— прервал его высокий голос робота.— Ваше право внеочередной трансфлексионной транспортировки подтверждено. Вы и ваши спутники можете отправиться через станцию Мудрый Ручей немедленно!

На расстоянии нескольких световых столетий от Земли создание Блуждающей Звезды крепло и заострялось в топке космической ярости. Гигантское создание из свободных электронов и плазмы размышляло, ведя диалог с самим собой, словно звездный Гамлет.

«Мои моря кипят... Из светящихся ран сочится магма — кровь. Сама кора моя пробита варварскими копьями звезды... И все же я себя бросаю вперед, к огромному светилу впереди».

Внутренние планеты Альмалика мелькали мимо. Всего несколько часов, и они вместе с окружающим пространством растворятся в кипящем море частиц светила, которое намеревалась уничтожить Блуждающая Звезда. И по-прежнему Альмалик не оказывал сопротивления. Огромный, непрерывно увеличивающийся в размерах, он безмятежно лежал перед Блуждающей Звездой, прекрасный и спокойный, ничуть не взволнованный нападением. Но теперь Блуждающая Звезда была зрелой и опытной — по крайней мере, по собственным меркам. Она пережила миллиарды циклов уплотненного внутреннего развития. Она познала в полном смысле эмоции или хотя бы те поляризованные тропизмы связи матриц, которые заменяли ей эффект продукции желез на организм человека. Она познала злость, и спокойная гордость солнца перед ней вызывала еще большую злость.

«Если только он признает меня! Если только признается, что велел Солнцу Земли уничтожить меня! Если извинится за обман, за то, что презирал меня... возможно, тогда я отведу удар».

Но Альмалик игнорировал агрессора. Зато другие обитатели планетной системы обратили внимание на пришельца. Хотя великое белое солнце продолжало безмятежно сиять, Блуждающая Звезда обнаружила, что стала объектом нападения извне. Голубой компонент системы нанес удар клинком из плазмы, чудовищной струей раскаленной плазмы и вибрирующих трансфлексионных полей. Клинок пронзил сердце Блуждающей Звезды, оттянулся и ударил снова. Сильная боль пронзила Блуждающую до самого глубинного кольца плазменных матриц. Но она не была

уничтожена. Она собрала силы и начала искать способ отбить атаку голубого гиганта. И она нашла этот способ. Пролетая мимо пятой планеты Альмалика, Блуждающая Звезда протянула в пространстве свои плазменные руки и сорвала с орбиты связку лун. Она сплавила их в единое тело и присоединила к собственным транзитным матрицам. И их новой массой укрепила свою защиту. Теперь, обезопасив себя, она принялась питаться энергией самих атакующих разрядов. Она пила их трансфлексную энергию, впитывала золотые разряды и голубые разряды, скручивала собственные поля и бросала свою увеличивающуся массу вперед с новой силой, стремясь к сводящему с ума своим спокойствием белому светилу, которое продолжало сиять, презрительно не замечая усилий Блуждающей Звезды. И на этом первая фаза битвы завершилась. Хотя Блуждающая Звезда ни разу не нанесла ответного удара по нападавшим на нее звездам-гигантам, те уже были побеждены. Израсходовав гигантскую энергию на плазменные выстрелы, они исчерпали свои силы. Их плазменные бичи внезапно втянулись обратно и бесследно исчезли. Голубой гигант померк и сжался, желтый распух и приобрел красный оттенок. И в следующее мгновение они оба умерли. Хотя их ядерный огонь и не погас, теперь эти светила сияли впустую — интеллект, обитавший в них, исчерпал свою энергию и погас. Разумная жизнь покинула эти звезды. Гнев, страх и волевое действие исчезли. Голубой гигант снова увеличился в размерах, а золотистое солнце снова приобрело прежний облик. Теперь это были лишь шары ядерного газа, обыкновенные атомные топки, которые больше не контролировались транзитными матрицами звездного разума. Это была безоговорочная победа Блуждающей Звезды. Но ее главный враг — большая белая звезда — по-прежнему сиял впереди. Он еще не был побежден. Даже если и был напуган, то не подавал виду. Блуждающая Звезда чувствовала, что огромный интеллект белого светила наблюдает за ней внимательно, но странным образом совершенно без всякого страха. Это было ненормально. Почему звезда не просит пощады или не вступает в переговоры? Это было необычно и почему-то тревожило Блуждающую Звезду. Но она ни на шаг не свернула бы с намеченной тропы. Она мчалась вперед, чтобы покончить с белым светилом, его надменной гордостью. Выпустив на поиски зонды, она нашла новое топливо для своей вендетты. Пролетая мимо астероидного облака, она смахнула его и прибавила к собственной массе. Потом протянула энергетические щупальца к голому каменному спутнику четвертой планеты и снова сплавила его массу со своей, подобно тому, как стремилась уничтожить и поглотить массу всех солнц Альмалика. Уже само предвкушение этого дало ей особую радость победы и разрушающей силы. Тринадцать светил или погибнут, или потеряют в жестокой борьбе способность поддерживать в себе разум. Будет разрушено около сотни обитаемых планет и тысячи малонаселенных планетоидов. Миллион миллиардов живых су-

ществ исчезнут в белом кипении плазмы, когда смерть придет к Звезде... И среди них, думала Блуждающая Звезда со слабым уколом боли, будет и обыкновенный конгломерат живой материи по имени Молли Залдивар.

«Я не хочу, чтобы Молли Залдивар погибла. Но она должна погибнуть. Я не спасу ее, но я и не хочу гибели ее, так как люблю ее».

Не замедляя своего смертельного падения к белому гиганту Альмалика, Блуждающая Звезда протянула вперед тонкие нити плазменных эффекторов. Их сенсоры прочесывали кубические мили пустоты, пока наконец не нашли Молли. Она по-прежнему сидела верхом на слиите, далеко опередив Блуждающую Звезду. Слиит опускался в атмосферу третьей планеты. Рука золотого гиганта, освободившего Молли от пасти Блуждающей Звезды, уже исчезла, но Молли Залдивар была жива. И она почувствовала осторожное прикосновение щупалец Блуждающей. Она подняла голову и без ошибки нашла то место в пространстве, где сконцентрированные массы энергии неслись к своей страшной цели.

— Это ты, чудовище? — прошептала она.

Блуждающая Звезда ничего не ответила. Она только наблюдала и ждала.

— Монстр, — сказала Молли более уверенно. — Я знаю, что ты здесь. Мне все равно. — Она помолчала секунду, подавшись вперед, облокотившись на покрытую черным мехом спину слиита, глядя на затянутый облаками диск планеты внизу.

— Ты сделал столько зла, чудовище, — выдохнула она. — И все-таки... ты старался быть добрым со мной. Чудище, мне так жаль, что тебе пришлось воевать с Альмаликом!

Блуждающая ничего не ответила. Но она прозондировала внутренний спектр мыслей Молли, ауру ее эмоций, обнаружила темную тень печали, а рядом с ней бледное золотистое свечение — чего? Любви? Привязанности? Симпатии? Так, во всяком случае, решила Блуждающая Звезда. Она уменьшила толщину своего плазменного щупальца до предела, ей достаточно было лишь наблюдать за девушкой, пока она думала. Сила Звезды была безмерно больше возможностей девушки. Звезда могла сорвать ее со спины слиита в любое мгновение. Энергия, двигавшая планетами и уничтожавшая разум звездных существ, была способна втянуть слиита и девушку обратно в ядерное сердце звезды и понести их вместе с самой Звездой к столкновению с гордым белым солнцем впереди. Но она не сделала этого. Она лишь внимательно наблюдала, как без всяких препятствий девушка, защищенная полем слиита, которое окружало ее мерцающей оболочкой, исчезла в свечении ионизированных верхних слоев атмосферы планеты, быстро опускаясь к поверхности с ее городами и миллиардами населявших их галактограждан. Третья планета была сине-зеленым миром. Красивым миром. Миром мирных морей и щедрых материков. Берега ее морей и рек усеяли великолепные города. Их на-

селяли разные виды существ, входящих в союз Альмалика. Блуждающая Звезда наблюдала, как слиит падает к башням и шпилям одного из городов. Было еще не поздно. Звезда могла подхватить девушку прямо сейчас, вернуть ее к себе — стоило лишь чуть-чуть напрячь одну из многих могучих плазменных рук. Но звезда приглушила свою энергию. Она только смотрела, и все ближе, ближе становился момент столкновения, который уничтожит, расплавит этот мир и уничтожит заодно организованный конгломерат органического вещества, называемый Молли Залдивар.

Флаер, несший своих органических пассажиров, сопровождаемый зелеными спиралями и розовым гражданином-облаком, падал в бесконечную глубину транзитного перехода, пока не вынырнул вдруг в порту Каймара, венца всех городов планеты Каймара, главного города в системе Альмалик. Рука Клотильды Квай Квич в испуге сжала руку Энди Квама. За его спиной тихо выдохнул Руф:

— Проповедник, кажется, мы попали в нехорошее место!

Огромный центральный купол города был заполнен галактогражданами всех видов и цветов. Многие были гуманоидами и даже людьми — спокойные земляне, бронзовые гиганты-Рифники. Но здесь же находились галактограждане мириадов различных форм тела или вообще не имеющие форм — жидкие и газообразные существа, состоящие из организованной материи и не имеющие в своей структуре ни грамма вещества. Диафрагма трансфлексного купола за их спиной уже сокращалась, принимая беглецов, которым повезло попасть в первую очередь. Теперь они находились на пути к какому-то другому миру. Крики, возгласы, свист, электронные сигналы, тысячи других звуков, тысячи самых разнообразных существ, которые не могли попасть в куб передатчика станции, сливались в единый зов о помощи. Прямо перед флаером повисли двадцать кристаллических галактограждан. Их острые, как бритва, голубые грани ослепительно сверкали в лучах Альмалика. Квам опустил флаер на рампу, открыл дверь купола кабины и выбрался наружу, поднырнув под группу кристаллических созданий.

— Нужно выбираться из этой толкотни,— пропыхтел он.— Штаб-квартира Товарищества Звезды находится прямо вон там... Кажется.

— Правильно, Энди,— задыхаясь, произнесла Клотильда.— Нужно добраться туда, они должны по-прежнему действовать и... — но ей не хватило дыхания, и она не договорила.

Им оставалось только прокладывать путь сквозь толпу галактограждан. Паники не было. Гибель угрожала всем, но врагов не было. Однако здесь собралось множество галактограждан, и было совершенно ясно, что купол может эвакуировать в оставшиеся минуты лишь незначительную их часть. Многим удалось добраться лишь до центрального купола города. Все существа пыта-

лись сохранить спокойствие и порядок. Все были храбры. Но все они уже знали, что обречены. Наконец бригаде удалось выбраться на свободное пространство и перевести дух. Менее всего досталось гражданину-хищнику. Он глянул на Руфа и пролаял свои соображения, которые тут же были переведены транзитным переводчиком в понятные слова:

— Пусть щенок сядет нам на плечи! Иначе нам не пробраться!

— Никогда! — вспыхнул Руф. — Я тоже могу идти, если вы идете. Вперед, Проповедник, мы теряем время!

Из всех членов бригады более всего помяли розового галактогражданина-облако. От основной массы отделились маленькие облачка розового пенистого вещества. Некоторые продолжали плыть за ним вслед, надеясь присоединиться к основной массе, другие безнадежно потерялись в плотной толпе за их спинами. Содружество зеленых пружинок лишь укоротило орбиты вращения, сохраняя оптимальную скорость и расстояние между сочленами своего организма.

— Ладно, — сказал Энди Квам. — Двинулись!

Но поднявшийся в куполе за их спинами страшный шум заставил их обернуться. Все галактограждане — теплокровные или нет, гуманоиды или аморфы — все они сейчас смотрели вверх, обратив взоры на прозрачный купол. Там, ворвавшись в голубой покой безмятежного неба Каймара, висел сверкающий плазменный шар агрессора — Блуждающей Звезды. Несмотря на расстояние в многие миллионы миль, скорость ее была так велика, что огненный шар в ореоле молний заметно перемещался по небу. Энди Квам с трудом опустил глаза.

— Пойдемте! — сказал он. — У нас гораздо меньше времени, чем я предполагал.

Большой зал Товарищества Звезды был пуст. В зале, способном вместить тысячи, сейчас не было ни души, лишь тринадцать солнц Альмалика гордо сияли на куполе.

— Я не понимаю, — скорбно произнесла старший монитор Клотильда Квай Квич. — Я предполагала, что хотя бы здесь мы найдем кого-нибудь, кто...

В ушах Квама зазвенел хор зеленых пружинок:

— Никакой информации. Никаких следов функционирования. Данное здание полностью покинуто.

Мальчик крепко сжал руку Энди.

— Однако, Проповедник, Альмалик велел нам явиться именно сюда, разве не так?

— Да, он дал нам разрешение. Непосредственно, — сказал Энди, осматривая зал. — Но, видимо, что-то произошло...

Розовый гражданин-облако устало прошептал:

— Непонятное существо высшего масштаба наблюдает за нами...

Квамодиан рухнул в кресло и попытался собраться с мыслями. Времени, без сомнения, было слишком мало. Он рассчитывал, что

Товарищество Звезды сможет оказать ему помощь. Возможно, он немного оторвался от реальности, но он и в самом деле рассчитывал увидеть в зале толпы поклоняющихся, застать в многочисленных секциях и кабинетах кипучую деятельность, связанную с бесконечным потоком заданий Альмалика. Он предполагал, что у входа их встретит робот-монитор, направит их непосредственно к какому-нибудь влиятельному лицу, которое получит сообщение о Блуждающей Звезде и... начнет действовать. Начнет действовать немедленно, чтобы спасти этот мир и все миры системы Альмалика. Он совсем не ожидал, что здание окажется брошенным. Остальные ждали, что предпримет Энди. Квамодиан понял, что ему придется принимать решение за всю компанию — правильное или неправильное, но придется. И с каждой секундой оставалось все меньше и меньше времени. Он поднялся.

— Ладно,— сказал он,— пойдемте обратно к станции. Возможно, мы там найдем монитора, и он нам поможет.

— Опять через толпу! — запротестовал Руф.— Проповедник! Это невозможно!

— Возможно или невозможно, но ничего другого не остается. Если только у тебя не появилось идеи получше.

Но как только граждане повернулись, собираясь уходить, в их ушах мягко пророкотал Голос.

— Подождите,— сказал Голос.

Они замерли на месте, девушка умоляюще смотрела на Энди. Она ничего не сказала вслух, но губы ее шевельнулись, произнося одно лишь слово:

— Альмалик!

Энди кивнул, и тут же снова заговорил Голос.

— Смотрите! — сказал он.

И огромный купол поднялся на подушке трансфлексионного поля, открывая великолепие небес самого Альмалика. Сейчас был день, и мерцающие звезды, для обозрения которых был придуман купол, не были видны. Но огненный шар Блуждающей Звезды доминировал в небе, уничтожая красоту спокойных облаков. И еще ближе, уже совсем близко к ним приближался...

— Это мисс Залдивар! — крикнул мальчик.— Посмотрите, Проповедник! Это она, на слиите!

Они провели в большом зале не более четверти часа, и за все это продолжительное время Энди едва был способен вздохнуть. Он был полностью подавлен величием самого Альмалика, наблюдавшего за ними, думавшего о них, помогавшего им. Даже близость девушки, ради которой он пересек половину Вселенной, не могла нарушить чар этой бессмертной и могучей звезды. Хотя того, что она сказала, было вполне достаточно, чтобы вызвать у Энди прилив отчаянной энергии. Потому что Молли Залдивар, как сказала она сама, скоро должна умереть.

— Энди, дорогой,— прошептала она, и голос ее, доносившийся через пространство обширного зала, показался Энди небы-

вало теплым и любящим.— Нет, не подходи ко мне! Я заражена радиацией — той, из старой установки Плана Человека в пещере, и новой... С ее помощью это чудовище пыталось спасти мне жизнь. Вернее, дать мне жизнь, потому что в тот момент я была уже мертва. В любом случае, если ты подойдешь близко, ты тоже можешь погибнуть...

Но, несмотря на эти слова, Энди Квам шагнул вперед, намереваясь броситься к Молли. Она жестом остановила его.

— Пожалуйста,— прошептала она,— не надо! Что ты должен был сообщить, зачем прилетел с Земли?

Запинаясь, он рассказал ей все о Рифнике и о том, что поведал Рифник. Тем временем Клотильда и мальчик стояли рядом, молчаливые и испуганные.

Молли Залдивар выслушала рассказ. Лицо ее было неподвижно, хотя глаза расширились, потом вдруг метнулись в сторону, когда она заметила, как рука Клотильды ищет руку Энди Квама.

Потом Молли сказала:

— Спасибо, Энди. Ты всегда был моим самым лучшим другом. Я...— Самообладание едва не изменило ей, но она тут же взяла себя в руки и улыбнулась.

— Я не слишком жалею, что придется покинуть этот мир, дорогой Энди. Но мне очень жаль, что я покидаю тебя.

И в следующее мгновение ее уже не было. Взобравшись на спину слиита, она опять устремилась в небо. Тем временем огромный купол величественно опустился на место, окончательно скрыв Молли из виду.

Блуждающая Звезда чувствовала страх далекого наблюдателя, страх отца за сына, которому угрожает опасность. Она хотела позвать на помощь, но дистанция была слишком велика, в тысячи раз больше возможного. Даже гораздо более короткий сенсор, наблюдавший за Молли Залдивар и слиитом, вдруг оборвался, и Звезда потеряла Молли из виду. Она попыталась снова нащупать их, потеряв многие пикосекунды, но напрасно. Девушка была полностью блокирована какой-то могучей силой, сделавшей Молли совершенно недоступной для усилий Звезды. Звезду наполнило чувство, которое соответствовало тягостной тревоге у людей, но на эмоции уже не оставалось времени. Звезда все ближе и ближе подходила к солнцу-врагу, и ей теперь требовалось собрать все силы для ожидающего ее впереди главного столкновения. Третья планета осталась далеко позади, Звезда миновала в своем стремительном полете орбиту второй, скрытой от нее огромным шаром белого солнца. Огромный белый диск сиял прямо впереди, неумолимо увеличиваясь в размерах.

«Звезда по-прежнему не обращает на меня внимания. Она отказывается сопротивляться. Она не предлагает вступить в переговоры, принести мне извинения за совершенное нападение с помо-

щью двух других звезд! Она только наблюдает за мной. Дразнит меня!»

— Чудовище, подожди!

Тонкая нить энергозонда Блуждающей Звезды снова ожила, передавая сообщение. Звезда сконцентрировала восприятие и увидела, что вслед за ней мчится на слиите Молли Залдивар. От нее исходила непонятная Блуждающей Звезде энергия, отчего Звезда испытала некоторую неуверенность. Слабое человеческое существо, непрочный конгломерат органических молекул, каковым являлась эта девушка, не имел права располагать такой энергией. Это было просто невозможно, тем более в тот момент, когда время существования этого организма стремительно летело к концу. Блуждающая Звезда потратила несколько наносекунд, исследуя возможность того, что именно ее враг, Альмалик, наделил девушку такой силой. Потом она отбросила эту возможность. Теперь это просто не имело особого значения. До столкновения оставались минуты. Уже сейчас вокруг Блуждающей Звезды кипела тонкая внешняя атмосфера белого солнца. Звезда не собиралась останавливаться; возможно, даже уже не могла остановиться — инерция общей массы ее планетарного тела была слишком велика, чтобы ее можно было сразу нейтрализовать. Но через плазменный эффектор она послала Молли сообщение, заставив сферу воздуха, уносимого слиитом в космическое пространство, завибрировать, рождая слова.

— Что ты хочешь, Молли Залдивар? — пропела Звезда тонким голоском. — Ты любишь меня? Теперь?

Ответ заставил содрогнуться раскаленную кору планеты, которая была телом Звезды.

— Люблю ли я тебя, чудовище? Не знаю. Не могу представить... И все же... Да, возможно, люблю. Если это так важно сейчас...

Тело Блуждающей Звезды затряслось, кипящие океаны магмы затянулись тучами испарений. На мгновение Звезда ослабила свою могучую хватку трансфлексионных полей, в которых она держала планету. В измученных небесах заплясали чудовищные молнии. Но Молли продолжала:

— Но у меня уже не осталось времени, чтобы любить кого-нибудь. Тело мое умирает, и я хочу сказать тебе нечто. Чудовище, послушай меня, пожалуйста. Альмалик тебе не врет!

Судорога сомнения свела великую радость Блуждающей Звезды.

— Послушай меня, чудовище! Альмалик никогда не причинял тебе вреда. Он просто не может этого сделать. Он не может нанести вред ни тебе, ни любому мыслящему существу. Никогда!

Теперь Блуждающая Звезда сотрясалась от ярости. Скальную кору ее тела рассекли трещины, и наружу выплеснулась белая магма. Воздух, окружавший Молли в маленьком пузыре слиита, содрогнулся от крика:

— Ложь! Снова ложь! Солнце Земли пыталось убить меня! И оно было подчиненным Альмалика! И товарищи Альмалика, две двойные звезды, тоже пытались это сделать!

Но голос Молли Залдивар был спокоен и тверд.

— Нет, чудовище! Один раз я действительно тебе солгала, так как боялась тебя. Но Альмалик никогда не лгал и не пытался причинить тебе вред. Да, Солнце Земли ударило тебя! Но это был твой собственный брат!

Блуждающая Звезда остановила в полете свой могучий эффектор, которым собиралась ударить Молли. Она озадаченно повторила:

— Брат?

— Да, твой брат. Еще один искусственно созданный плазменный интеллект, выпущенный на волю перед тобой. Он занял Солнце и попытался уничтожить тебя, добравшись сюда заранее и оккупировав две звезды в системе Альмалика — голубой и желтый гиганты. Именно он и сражался с тобой! Но ты победил его, чудовище. Теперь его больше не существует, ты должен остановиться, прежде чем уничтожишь Альмалик.

Блуждающая Звезда молчала. Плазменные матрицы ее интеллекта обрабатывали только что услышанную информацию.

— Брат?! — снова прошептала она тоненьким голоском. Ужасное подозрение заверещало, зашевелилось у нее внутри, заставив кору планеты содрогнуться.

Если я ошибаюсь, подумала она, если я ошибаюсь, то я совершаю ужасное и непоправимое деяние...

Если она ошибалась, значит Альмалик всегда был ее другом. И всего через несколько минут Альмалик будет уничтожен! Аккуратно и методично Блуждающая Звезда перестроила свою сеть сенсоров, бросила сканирующие зонды вниз, к спокойно ждущему белому солнцу, такому близкому и такому теперь уловимому. Она прощупала все окружающее пространство. Скорость ее планетарного тела, с таким ускорением разгонявшегося сотни миллионов миль, была огромна. Остановка была невозможна. Слишком рьяно тратила Блуждающая Звезда энергию на разгон планеты, направляя ее к белому солнцу. Было слишком поздно, чтобы остановиться. Быстро и тщательно рассчитала она вероятные траектории, по которым можно было отклонить — не остановить, нет, это было невозможно — но хотя бы отклонить ее планетарное тело, чтобы оно миновало белую звезду и ушло во мрак пространства... Невозможно! Слишком поздно! Хорошо. Она попыталась рассчитать путь сквозь корону звезды. Это уничтожит саму планету, нарушит энергетический баланс белого солнца, но в основном Альмалик уцелеет... Тоже невозможно. Тоже слишком поздно. Впав в аналог человеческого отчаяния, Блуждающая рассчитала вероятность пробить верхний слой белого солнца по касательной, миновав сердцевину. Альмалик будет ранен, начнется небывалое извержение энергии глубинных слоев, но белое

солнце не погибнет... Но и это оказалось невозможно. Скорость была слишком велика, время столкновения слишком близко. Что бы ни предприняла сейчас Блуждающая Звезда, она столкнется с белым солнцем практически лоб в лоб. И они исчезнут в инфантильном взрыве Сверхновой, уничтожив себя и все окружающее на расстоянии в световой год и даже больше.

«Мне жаль,— думала Блуждающая Звезда.— Я очень жалею теперь. Мне жаль Молли Залдивар. Мне жалко Альмалика. Жалко Альмалика. Жалко мне тех миллиардов проживающих на планетах системы живых существ. Мне жалко себя!»

И через тонкий щупалец-нить эффектора, с помощью которого она поддерживала контакт с Молли, Звезда послала ей сообщение, что надежды больше нет. Но контакт исчез. Она снова прощупала все пространство вокруг в поисках Молли Залдивар и слиита. Напрасно. Каким-то образом Молли Залдивар исчезла. Энергетические матрицы, составлявшие основу существа звезды, были потрясены болью и скорбью. В отчаянии она бросила всю имеющуюся у нее энергию к белому диску, такому близкому и уязвимому, Солнце внизу выбросило огромные струи огня, планетарное тело Блуждающей Звезды раскололось, не выдержав яростных усилий, направленных исправить то, что она натворила. Но все было напрасно, осколки планеты размерами с целые астероиды продолжали мчаться вперед уже сами по себе.

— Смотри, Малыш. Вот голубая звезда. Бери ее себе. Используй ее энергию, если хочешь.

Блуждающая Звезда выбросила во всех направлениях сеть сенсоров, чтобы отыскать источник этого могучего голоса, нежного и спокойного. Но сенсоры ничего не обнаружили. Однако Блуждающая Звезда знала, кто говорит с ней — это сам Альмалик, огромный, раздавшийся, окольцованный яростным пламенем солнцедиск внизу. Голубая звезда? Ради чистого любопытства Блуждающая Звезда бросила в том направлении щупалец-зонд. Голубой гигант пустовал с тех самых пор, как Блуждающая Звезда уничтожила безумный интеллект, обитавший в нем. Голубое солнце словно ждало нового обитателя. Блуждающая Звезда почувствовала вдруг, что какая-то сила помогает ей. Сила, которой она не могла подобрать названия. Это был не только Альмалик, звезда, которую она едва не уничтожила, но вся сумма разумов, совместное усилие всех живых существ — органических, неорганических, звездных — все они помогали Блуждающей Звезде, подбадривали ее, придавали необходимые силы. И она переместилась вдоль линии своего сенсора, войдя в ожидающее светило. В сетку ее матриц влилась новая энергия. Ресурсы гигантской стелларной печи были теперь полностью в ее распоряжении. Могучими плазменными руками она потянулась к остаткам покинутого тела планеты. К усилиям Блуждающей Звезды присоединилась энергия белого пламени Альмалика, а к белому пламени и пламя золотое. Несколько вращений электрона Блуждающая Звезда размышляла

над загадочным феноменом — золотистая звезда была мертва, она наверняка не могла принимать участие в спасательной операции. Но она помогала отвести опасность! Золотистые руки плазмы соединились с белыми и голубыми. Все вместе, ловко и мощно они потащили осколки планеты в сторону. Те не выдержали атаки соединенной силы трех Солнц. Распавшись на миллионы мелких частиц, миновавших огромный диск Альмалика, они по кометной орбите устремились в бесконечное космическое пространство. Опасность миновала. Альмалик был спасен! И теперь у Блуждающей Звезды была возможность осознать, что она приобрела, получив могучее стелларное тело... и что потеряла. Она почувствовала радость и горячее одобрение того, далекого наблюдателя... который стал теперь еще ближе к ней, хотя она не была уже полностью Блуждающей Звездой. Уже не была! Великий звенящий хор звездных голосов приветствовал ее как нового брата среди братьев.

— Присоединяйся к нам, брат,— сказал этот великий коллективный голос,— будь один из нас. Стань единым со всеми существами, делящими с тобой умение мыслить. Стань един с Альмаликом.

И одна часть Блуждающей Звезды радовалась, но другая испытывала муки непривычной печали по Молли Залдивар, обреченной на смерть из-за слабого органического тела. Теперь навсегда потерянной.

В могучем голосе чувствовалось удовольствие и чуть заметная едкая жалость.

— Послушай, брат,— сказал он.— Ты дал ей силу. Мы дали ей вместо дома наше пустовавшее солнце!

И, веря себе, Блуждающая Звезда выстрелила ярким голубым плазменным протуберанцем в сторону золотистого солнца. И золотое солнце встретило сенсор Блуждающей своим собственным сенсором. Золотистая и голубая нити коснулись друг друга и сплелись. Звезды смотрели на них в радости.

Голос, заговоривший с Блуждающей Звездой, не был голосом человека, но что-то человеческое в нем явно чувствовалось... что-то веселое и нежное, что-то очень напоминавшее голос Молли Залдивар, что-то очень дорогое.

— Здравствуй, монстр! — сказал голос.— Добро пожаловать! Навсегда!

СОДЕРЖАНИЕ

Пришествие квантовых котов 5

Рифы космоса 187

Дитя звезд 317

Блуждающая звезда 437

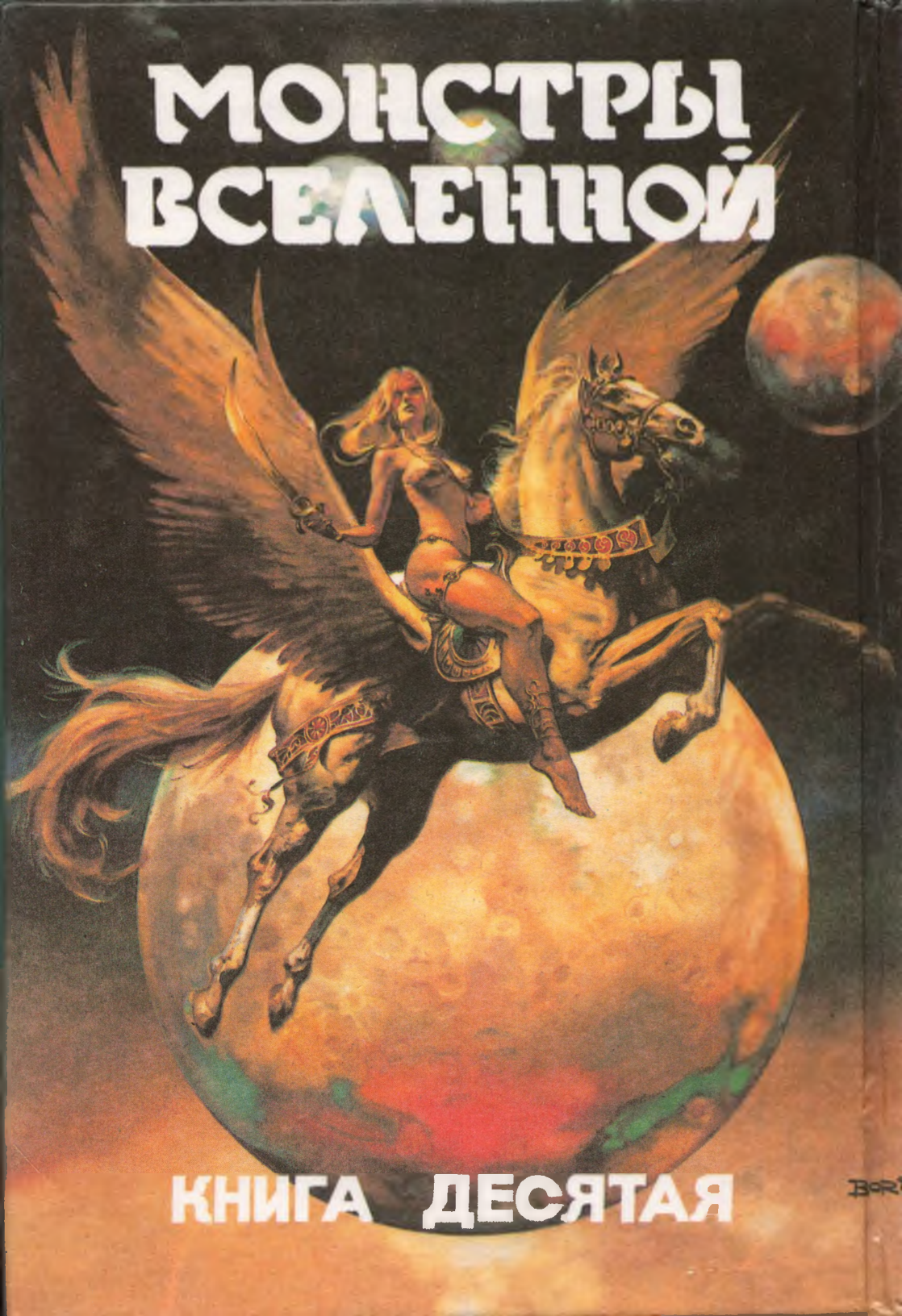
Фредерик Пол
ПРИШЕСТВИЕ
КВАНТОВЫХ КОТОВ

Зарубежная фантастика

Подписано в печать 5.03.93 г. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 36 п. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1178. С—10.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ



КНИГА ДЕСЯТАЯ